

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО РАН НА ТЕРРИТОРИИ ДНР

ISSN 2664-7362 (PRINT)
ISSN 2664-7370 (ONLINE)

МАТЕРИАЛЫ
X Международной научной конференции
ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ – 2025:
образование, наука, инновации,
культура и вызовы современности

ТОМ 8

Юридические науки

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

От имени Донецкого государственного университета, всего академического сообщества Донецкой Народной Республики приветствую наших друзей из различных регионов Российской Федерации и зарубежных стран, принимающих участие в традиционной, теперь уже X Международной научной конференции «Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности».

Минуло десять лет с тех пор, как в нашем университете прошла первая конференция, которая за прошедшие годы приобрела широкую известность, стала авторитетным научным собранием, привлекла внимание большого числа ученых. Расширился спектр рассматриваемых научных направлений и вовлеченность в научные дискуссии известных ученых и специалистов-практиков, возросли актуальность и практическая значимость представляемых научных результатов.

Эпохальное событие – вхождение Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации – дало могучий толчок развитию и углублению наших научных исследований. Благодаря России мы получили достойное финансирование, новейшее оборудование, новые перспективные научные направления и наша общая цель – приложить все усилия к решению задач, которые ставит перед нами Родина.

2022–2031 годы объявлены Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным как **Десятилетие науки и технологий**. Полагаю, что наша многопрофильная конференция вносит достойный вклад в решение задач, поставленных Президентом, в том числе и по привлечению талантливой молодежи в науку!

На Конференции будут представлены **1 950 научных докладов в четырнадцати профильных секциях**. Будут работать **семьдесят восемь подсекций и одиннадцать круглых столов**.

Труды конференции составляют **десять томов в шестнадцати книгах** общим объемом **5 980 страниц** и будут размещены в электронной форме в наукометрической базе РИНЦ.

Приглашаю вас к обстоятельному разговору о способах и механизмах скорейшего внедрения прорывных научных разработок, с тем чтобы наши достижения способствовали укреплению суверенитета и безопасности нашей и дружественных стран, росту качества жизни россиян.

Желаю успехов всем участникам конференции, и всем нам – новых научных достижений во благо России!

С наилучшими пожеланиями,
руководитель Представительства Российской академии наук
на территории Донецкой Народной Республики,
ректор Донецкого государственного университета,
доктор физико-математических наук, профессор

Светлана Владимировна Беспалова

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»

Представительство федерального государственного
бюджетного учреждения «Российская академия наук»
на территории Донецкой Народной Республики

**X Международная
научная конференция,
посвященная 60-летию создания
Донецкого научного центра**

Материалы
конференции

Том 8

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

**Донецкие чтения
– 2025:
образование, наука,
инновации, культура
и вызовы
современности**

г. Донецк
5–7 ноября 2025 г.

Донецк
Издательство ДонГУ
2025

ББК Х.я431
УДК 34(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С.В. Беспалова (гл. ред.), А.В. Белый (зам. гл. ред.),
Н.В. Асеева, Е.А. Матвиенко, Е.М. Сынкова,
О.А. Левендаренко, Л.Ю. Одегова, Е.В. Щербинина,
К.С. Ушакова (отв. секр. секции), М.В. Фоменко.

Д672 Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра (Донецк, 5–7 ноября 2025 г.). – *Том 8: Юридические науки* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2025. – 459 с.

Ответственность за содержание материалов, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы.

В восьмой том материалов X Международной научной конференции «Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по актуальным проблемам юридических наук. Рассматриваются вопросы административного, финансового и экологического права, конституционного и международного права, уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, гражданского права и процесса, теории и истории государства и права.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны студентам и аспирантам, докторантам, преподавателям и специалистам-практикам, проводящим исследования в области юридических наук.

ББК Х.я431
УДК 34(043.2)

© Коллектив авторов, 2025

© Донецкий государственный университет, 2025

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Беспалова С.В., д-р физ.-мат. наук, профессор, ректор Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Заместители председателя:

Бабурин С.Н., д-р юрид. наук, профессор, президент Ассоциации юридических вузов, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права РАН, почетный профессор Донецкого государственного университета (г. Москва);

Зинченко Ю.П., д-р психол. наук, профессор, академик РАО, декан факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва);

Кирпичников М.П., д-р биол. наук, профессор, академик РАН, декан биологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва);

Федянин А.А., д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН, проректор – начальник управления научной политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Члены программного комитета:

Андреев Д.А., д-р ист. наук, доцент, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Аноприенко А.Я., канд. техн. наук, профессор, ректор Донецкого национального технического университета (г. Донецк).

Белый А.В., канд. хим. наук, доцент, проректор Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Вартанова Е.Л., д-р филол. наук, академик РАО, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Варюхин В.Н., д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН, научный руководитель ФГБНУ «Физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк).

Воронова О.Е., д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры литературы и журналистики, руководитель Центра региональных проектов и межрегиональных связей Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань).

Глухов А.З., д-р биол. наук, профессор, главный научный сотрудник Донецкого ботанического сада, профессор кафедры ботаники и экологии Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Головчан А.В., канд. физ.-мат. наук, доцент, и.о. директора ФГБНУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк).

Данилюк Д.А., канд. физ.-мат. наук, и.о. директора ФГБНУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк).

Зайченко Н.М., д-р техн. наук, профессор, директор Донбасской национальной академии строительства и архитектуры – филиала ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет» (г. Макеевка, ДНР).

Игнатенко Г.А., д-р мед. наук, профессор, академик РАН, ректор Донецкого государственного медицинского университета им. М. Горького (г. Донецк).

Исаков В.Б., д-р юрид. наук, профессор, профессор НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва).

Керимов А.Д., д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (г. Москва).

Кожухов И.Б., д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники» (г. Москва).

Лингарт А.А., д-р филол. наук, профессор, декан филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Лубков А.В., д-р ист. наук, профессор, академик РАО, ректор Московского педагогического государственного университета (г. Москва).

Мацкявичюс Э.Г., директор Института медиа НИУ «Высшая школа экономики», директор института «Первая Академия медиа» Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (г. Москва).

Минаев А.И., д-р ист. наук, доцент, профессор Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина (г. Рязань).

Некипелов А.Д., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, директор Московской школы экономики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Нечаев В.Д., д-р полит. наук, доцент, ректор Севастопольского государственного университета (г. Севастополь).

Половян А.В., д-р экон. наук, доцент, директор ГБУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк).

Приходько С.А., канд. биол. наук, ст. науч. сотр., директор ФГБНУ «Донецкий ботанический сад» (г. Донецк).

Прутков Г.В., д-р филол. наук, профессор Института медиа НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва).

Рябичев В.Д., д-р техн. наук, профессор, ректор Луганского государственного университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Соболев В.И., д-р биол. наук, профессор кафедры здоровья и реабилитации Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Ялта).

Тедеев В.Б., канд. техн. наук, профессор, ректор Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова (г. Цхинвал).

Тулупов В.В., д-р филол. наук, профессор, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета (г. Воронеж).

Туранина Н.А., д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой библиотечно-информационной деятельности Белгородского государственного института искусств и культуры (г. Белгород).

Хомутова Е.В., канд. биол. наук, директор ФГБНУ «Институт физико-органической химии и углехимии им. Л.М. Литвиненко» (г. Донецк).

Административное, финансовое и экологическое право

УДК 34

СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ ТАМОЖЕННЫХ СПОРОВ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Бакаева О.Ю., д-р юрид. наук, проф.,
Величко Д.Д., ORCID 0009-0007-6775-4842

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, РФ
bakaeva22@yandex.ru, dg89271534887@gmail.com

Введение. Таможенные споры занимают особое место в системе правовых споров и могут разрешаться как в порядке административного производства, так и в судах. Анализ статистических данных показывает, что в рамках досудебного урегулирования почти половина решений выносится не в пользу таможенных органов. Кроме того, в последнее время наблюдается тенденция снижения количества судебных дел по таможенным спорам.

Основная часть. В настоящее время среди правовых споров особую роль играют таможенные споры, которые возникают при взаимодействии таможенных органов и лиц, перемещающих товары через таможенную границу.

Под таможенным спором ученые понимают правовой конфликт, возникающий между государством в лице таможенных органов и подконтрольными им субъектами по поводу реализации правовых норм, регулирующих отношения в области таможенного дела [1]

Классификация таможенных споров основана на положениях главы 16 КоАП РФ [2].

Таможенные споры вне зависимости от категории могут быть разрешены во внесудебном и судебном порядке. Право частного субъекта таможенных отношений на обжалование и защиту своих прав и законных интересов гарантировано статьей 358 Таможенного кодекса ЕАЭС [3].

Альтернативный порядок обжалования решений, действий (бездействия) таможенных органов предусмотрен ст. 286 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4].

Особенностью рассмотрения таможенных споров является как судебный, так и административный порядок обжалования в сфере таможенного регулирования. Административный порядок рассмотрения споров в сфере таможенного регулирования предусматривает рассмотрение дела вышестоящим таможенным органом.

В 2024 году выросло число жалоб, поступивших в таможенные органы в рамках досудебного урегулирования: в 2023 году таких жалоб было порядка 6,5 тыс., а в 2024 – более 7,6 тыс. При этом доля удовлетворенных жалоб сократилась: с 53,4 % в 2023 году до 47 % в 2024 году [5]. Однако, как показывают официальные статистические данные, эта доля остается достаточно высокой, поскольку примерно в половине случаев решения таможенных органов в порядке ведомственного контроля отменяются. Наиболее популярными спорами в порядке административного досудебного регулирования за 2023–2024 годы стали споры, связанные с декларированием валюты, алкоголя, табачных изделий.

Количество предъявляемых к таможенным органам исков в 2024 году также выросло, но не так существенно – на 5,9 %. При этом количество оспариваемых в судебном порядке решений, действий (бездействия) таможенных органов сократилось по сравнению с 2023 годом на 33,9 % (с 63, 4 тыс. до 41,9 тыс.). Чуть более 40 % дел было вынесено судами не в пользу таможенных органов.

В 2024 году в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного суда РФ (далее – ВС РФ) в рамках кассационного производства подано 468 кассационных жалоб. Данные жалобы связаны с оспариванием ненормативных актов таможенных органов о привлечении к административной ответственности. Если проводить сравнение с предыдущими периодами, то можно отметить, что в 2023 году в Судебную коллегия ВС РФ подано 466 жалобы, что свидетельствует о незначительных изменениях в статистических данных. Наибольшее число поступивших в ВС РФ жалоб приходится на 2022 год и составляет 525 кассационных жалоб. Следует отметить, что, несмотря на значительное число поступивших в ВС РФ жалоб на действия и решения таможенных органов, данные значения не зависят от их количества, фактически рассмотренных по существу. Так, в 2024 году рассмотрено только 8 жалоб на действия и решения таможенных органов.

Различия в показателях поступивших и рассмотренных ВС РФ жалоб на решения таможенных органов обусловлены сложившейся судебной практикой по аналогичным спорам. 2024 год характеризуется рекордно низким показателем переданных на рассмотрение ВС РФ споров за последние три года и составляет 1,7 %. Семь из восьми дел фактически рассмотрено в 2024 году и лишь одна кассационная жалоба рассматривается в настоящее время. Если проводить сравнение по субъектам подачи кассационных жалоб, то в 2024 году таможенными

органами подано три кассационные жалобы, в том время как субъектами внешнеэкономической деятельности подано пять кассационных жалоб.

В науке указывается, что одной из сложных категорий споров является взыскание убытков с таможенных органов. Сложность спора заключается в том, что взыскание убытков фактически осуществляется с государственного бюджета [6]. Такие споры разрешаются только в судебном порядке.

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что таможенные споры представляют собой споры таможенных органов с гражданами и субъектами внешнеэкономической деятельности, возникающие по вопросам соблюдения таможенного, налогового и административного законодательства. В последнее время прослеживается тенденция снижения числа решений, которые выступают в качестве предмета обжалования в судах кассационной инстанции.

Особенностью таможенных споров является то, что большинство из них рассматривается на этапе административного досудебного обжалования, что является положительным аспектом в сфере таможенного регулирования. В связи с этим, по предварительным прогнозам, можно определить, что с каждым годом число споров в сфере таможенного регулирования, в том числе по вопросам привлечения к административной ответственности за нарушение таможенного законодательства, в большей степени подлежит рассмотрению таможенными, а не судебными органами, что свидетельствует о тенденции снижения числа правонарушений в сфере таможенного регулирования.

Список литературы

1. Шарапов И.И., Шорохова И.С. Разрешение споров в сфере деятельности таможенных органов: учеб. пособие. – М.: РИО РТА, 2022. – 232 с.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23.05.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
3. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29 мая 2019 г.) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru (дата обращения: 05.06.2025)
4. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 2018. № 32 (часть I). Ст. 5082.
5. Ежегодный сборник «Таможенная служба Российской Федерации в 2024 году» // https://customs.gov.ru/storage/document/document_info/2025-03/25/sbornik_2024.pdf/(дата обращения: 02.09.2025)
6. Афонин Д.Н., Кулешов А.В. Запреты и ограничения внешнеторговой деятельности: Учебник. – СПб: Издательский центр «Интермедия», 2021. – 152 с.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СТИМУЛИРОВАНИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Барбашова Н.В., д-р юрид. наук, проф., ORCID 0000-0001-7088-1382,

Акопов Н.В., ORCID 0009-0000-8491-6427

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

koopoff@yandex.com, n.barbashova.donnu.jur@mail.ru

Цифровизация государственного управления и прикладных отраслей – приоритет национальной политики Российской Федерации (далее – РФ). Внедрение цифровых инструментов и платформенных решений в экологию улучшает мониторинг окружающей среды, упрощает выдачу разрешений и контроль, повышает прозрачность решений. Правительство РФ утвердило стратегические направления цифровой трансформации с целью достижения «цифровой зрелости» в экологии и природопользовании [1].

В рамках национальных и ведомственных программ, таких как «Цифровая экономика» [2] и «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [3], разработаны меры для внедрения цифровых технологий в государственное управление и экономику. Это создает основу для цифровизации экологии.

Министерство природных ресурсов и экологии РФ (далее – Минприроды РФ) внедряет цифровую трансформацию для автоматизации экологического управления и создания новой модели. Включает разработку межведомственных систем, единого реестра природных ресурсов и клиентоцентричный подход, что повышает прозрачность и эффективность решений.

Одновременно разработан и опубликован проект «Стратегия цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования», содержащая анализ текущей «цифровой зрелости», целевые показатели и ключевые направления развития (учет природных объектов, мониторинг, цифровой надзор) [4].

Региональные стратегии цифровой трансформации России включают интеграцию экологических информационных систем и внедрение «умных» решений для мониторинга и управления ресурсами. В некоторых регионах успешно применяются цифровые технологии, такие как автоматизация учета и геоинформационные системы. Однако неравномерность развития остается проблемой: в развитых субъектах прогресс идет быстрее, в отстающих – не хватает инфраструктуры и кадров [5]. Это требует адресной государственной поддержки, включая развитие сетей, подготовку специалистов и распространение лучших практик.

Государственная политика стимулирует цифровизацию экологического управления через нормативно-регулятивную, ресурсную и организационно-координационную функции.

Нормативно-правовые меры:

- Утверждение Правительством РФ стратегического направления цифровой трансформации экологии и природопользования, включающего цели, задачи и технологии.

- Разработка нормативно-правовых актов для регулирования экологических данных: проект домена «Экология и природопользование» в рамках «ГОСТЕХ», создание стандартов и правил обработки первичных данных [6].

- Новые приказы Минприроды РФ, изменяющие формы деклараций, отчётности, требования к составу и содержанию программ экологического контроля, включая переход к электронным документам (например, электронные декларации об экологическом воздействии).

- Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 4 августа 2023 г. № 450-ФЗ, была введена статья 4.4., закрепляющая требования к формированию и ведению единой государственной информационной системы в сфере охраны окружающей среды, включая перечень данных и функций такой информационной системы [7].

Финансово-инструментальные меры:

- Финансирование цифровой трансформации экологии и природопользования через федеральные проекты и программы национальной политики, и «ГОСТЕХ».

- Поддержка отечественных решений, в том числе через закупки, гранты и демонстрационные проекты в экологическом мониторинге. Например, предписание использования отечественной радиоэлектронной продукции и ПО при создании ИТ-систем экологии.

Организационно-координационные меры:

- Создание и развитие домена «Экология и природопользование» на платформе «ГОСТЕХ»: единое информационное пространство с автоматизированным обменом данных между ФГИС и ведомственными системами.

- Формирование органов и структур для координации цифровой трансформации в экологии: управление цифровизации в Минприроды РФ и межведомственные проекты.

- На платформе разрабатываются и/или запущены пять ключевых экологических сервисов для региональных органов власти: «Кадастр отходов», «Эконадзор», «Экомониторинг», «Туризм на особо охраняемых природных территориях» и «Экокарьер». В основе работы ряда этих

сервисов предполагается использование технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) для обнаружения незаконных карьеров и свалок, а также анализа результатов экологического мониторинга воздуха.

Преимущества цифровизации в экологическом управлении:

- ускорение и повышение точности мониторинга окружающей среды с помощью сенсоров, спутников и дистанционного зондирования;
- оптимизация контроля и отчётности: цифровые базы данных, автоматизация процессов, снижение бумажного документооборота;
- повышение прозрачности: открытые данные, публичные дашборды, доступ к информации об экологических рисках и нарушениях;
- прогнозная аналитика и поддержка принятия решений с использованием ИИ и больших данных для предсказания загрязнений и моделирования сценариев.

Рекомендации по усилению роли государства:

- внедрить обязательные стандарты обмена экологическими данными;
- увеличить финансирование цифровых проектов и их масштабирование;
- развивать сертификацию и лаборатории для обеспечения надежности систем;
- включить цифровые компетенции в образовательные программы;
- оказывать поддержку отстающим регионам через инфраструктурные и технологические меры.

Особое внимание следует уделить безопасности геоинформационных систем и экологических данных от несанкционированного доступа. Государственная политика должна поддерживать развитие национальных программных разработок, что повысит доверие к системе, снизит зависимость от иностранных решений и укрепит критическую инфраструктуру.

Таким образом, государственная политика играет ключевую роль в цифровизации экологического управления в России. Утверждённые стратегии и проекты способствуют точному мониторингу, упрощают контроль и отчётность, повышают прозрачность взаимодействия. Однако сохраняются проблемы: отставание регионов, фрагментация данных, недостаточная защита информации. Для полной реализации потенциала цифровизации необходимы единые стандарты, устойчивое финансирование, развитие контроля качества, обучение и поддержка регионов.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 15 декабря 2023 г. № 3664-р О стратегическом направлении в области цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования, относящейся к сфере деятельности Министерства природных

- ресурсов и экологии РФ : [утверждено Правительством РФ 15.12.2023]. – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202312150016> (дата обращения: 18.09.2025).
2. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». – Текст : электронный // Официальный портал. – URL: <https://digital.gov.ru/target/naczionalnaya-programma-czifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 18.09.2025).
 3. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». – Текст : электронный // Официальный портал. – URL: <https://digital.gov.ru/target/naczionalnyj-proekt-ekonomika-dannyh-i-czifrovaya-transformaczija-gosudarstva> (дата обращения: 18.09.2025).
 4. Проект «Стратегия цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования» : [публикация]. – Текст : электронный // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: <https://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/d7a/Проект%20Стратегии%20цифровой%20трансформации%20отрасли%20экологии%20и%20природопользования.pdf> (дата обращения: 19.09.2025).
 5. Гусева, Т. А. Цифровая трансформация в регионах России: актуальные тенденции, различия и вызовы / Т. А. Гусева, Е. Г. Жигирева, В. В. Сухов. – Текст : электронный // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2025. – № 7. – С. 52–61. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-v-regionah-rossii-aktualnye-tendentsii-razlichiya-i-vyzovy> (дата обращения: 19.09.2025).
 6. Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российский фонд информации по природным ресурсам и охране окружающей среды Минприроды России». Цифровая трансформация отрасли экологии и природопользования : [презентация] / ФГБУ «РФИ Минприроды России». – Текст : электронный. – 2023. – 13 с. – URL: [https://rfi.mnr.gov.ru/docs/appeals/files/стратнаправления%20\(2\)%20\(5\).pdf](https://rfi.mnr.gov.ru/docs/appeals/files/стратнаправления%20(2)%20(5).pdf) (дата обращения: 19.09.2025).
 7. Федеральный закон "О внесении изменений в Федеральный закон "Об охране окружающей среды" и отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 04.08.2023 N 450-ФЗ (последняя редакция) – Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_453961/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (дата обращения: 22.09.2025).

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ВОДОСНАБЖЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА НА УКРАИНЕ: АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Барбашова Н.В., д-р юрид. наук., проф., ORCID:0000-0001-7088-1382,
Алексеева Т.А.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.barbashova@mail.ru, tanyuschcka2512@gmail.com,

Введение. С начала так называемой «антитеррористической операции» на территории Донецкой Народной Республики, Украина на государственном уровне широко использует террористические акты, целью которых является создание угроз экологического характера для граждан республики [1]. В частности, это разрушение Старооскольского водохранилища, что привело к значительному падению уровня воды и прекращению питания канала «Северский Донец–Донбасс». Так «безводный Донбасс» крайне остро ощутил проблему нехватки водных ресурсов. Государственные органы и должностные лица предпринимали множество попыток наладить водоснабжение на территорию Донецкой Народной Республики, однако добиться круглосуточного водоснабжения до сих пор так и не удалось.

Цель - провести анализ эффективности нормативных актов местного значения при решении вопроса нехватки водоснабжения на территории Донецкой Народной Республики и защиты подземных вод от незаконного использования.

Основная часть. В соответствии с абзацем 1 статьи 11 Закона Российской Федерации «О недрах», предоставление недр в пользование оформляется специальным государственным разрешением в виде лицензии на пользование недрами, в том числе и предоставление недр в пользование с целью добычи подземных вод.

При этом в соответствии с абзацем 1 статьи 19 Закона Российской Федерации «О недрах», собственники земельных участков, землепользователи, землевладельцы, арендаторы земельных участков имеют право осуществлять в границах данных земельных участков без применения взрывных работ использование для собственных нужд подземных вод, объем извлечения которых должен составлять не более 100 кубических метров в сутки, из водоносных горизонтов, не являющихся источниками централизованного водоснабжения и расположенных над водоносными горизонтами, являющимися источниками централизованного

водоснабжения в порядке, установленном законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

Одной из мер, направленных на решение «водной» проблемы в Донбассе стало принятие Министерством природных ресурсов и экологии ДНР Порядка предоставления права пользования подземными водами на участках недр местного значения на территории Донецкой Народной Республики, утвержденного Приказом от 18.06.2025 № 112. Данный порядок разработан в соответствии с ФЗ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» и Законом ДНР «О недропользовании на территории Донецкой Народной Республики». Вышеуказанный порядок значительно сократил сроки выдачи лицензий на пользование недрами, а именно до 26 рабочих дней. Заявителями согласно данному порядку могут быть юридические лица, индивидуальные предприниматели, садоводческие (огороднические) некоммерческие товарищества. При этом, для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей разрешение на пользование недрами согласно данному порядку выдается при объеме добычи до 500 кубических метров в сутки.

Основаниями для пользования участками недр местного значения, в том числе для разведки и добычи подземных вод, является решение органа государственной власти субъекта Российской Федерации (п. 7 ст. 10.1 ФЗ «О недрах»).

Отсутствие необходимости лицензирования добычи воды физическими лицами при условии соблюдения установленных нормативов создает предпосылки для повышения доступности водоснабжения среди широких слоев населения.

Облегченный порядок получения лицензии на деятельность, связанную с добычей подземных вод для питьевых и технических нужд населения в условиях катастрофической нехватки воды в ДНР, не должен предполагать ослабления экологического контроля за состоянием окружающей среды, не только за качеством добываемых подземных вод, но и за состоянием поверхностных природных и антропогенных объектов. В соответствии с приказом Минэкологии ДНР № 112 (п. 15) могут быть установлены ограничения в целях обеспечения национальной безопасности и охраны окружающей среды.

Вместе с тем, признавая позитивной деятельность органов государственной власти по правовому регулированию деятельности связанной со снижением катастрофической ситуации с водоснабжением населения республики, следует указать на недостаточное внимание техническим и экономическим аспектам проблемы. Видится актуальной деятельность по созданию благоприятных условий для появления региональных компаний, занимающихся профессиональным бурением и оборудованием скважин. Для этого возможно введение льготных налоговых режимов, предоставление субсидий и грантов начинающим

предпринимателям в данной области. Такие меры позволят снизить себестоимость оказываемых услуг и повысить их доступность для населения. Кроме того, предлагаем рассмотреть варианты предоставления гражданам целевых кредитов и государственных субсидий на оборудование индивидуальных скважин.

Видится также актуальной деятельность по контролю за ценой поставляемого оборудования и производимых работ, а также качеством добываемых подземных вод. Во избежание незаконной добычи подземных вод, а также добычи подземных вод с нарушениями норм, необходимо ввести реестр организаций, уполномоченных на производство работ по бурению подземных скважин, с предоставлением такими организациями в уполномоченный государственный орган отчетов соответствующих отчетов.

Заключение. Таким образом, проанализировав действующие на территории ДНР нормативно-правовые акты, необходимо сделать вывод о том, что региональное законодательство недостаточно внимания уделяет вопросам обеспечения экологической безопасности и регулирования природоохранной деятельности субъектов хозяйствования [2]. С целью защиты подземных вод от незаконного использования предпринимателями, предлагается ввести реестр организаций, уполномоченных на производство работ по бурению подземных скважин, осуществлять финансовую поддержку населению, выделение бюджетных средств и предоставление налоговых льгот организациям, осуществляющим бурение скважин, кроме того, предлагается введение системы контроля и антикоррупционных мероприятий, направленных на предотвращение необоснованного завышения цен на выполнение работ по устройству и эксплуатации скважин, а также нецелевое расходование бюджетных средств.

Список литературы

1. Барбашова Н. В. Государство как субъект экологического терроризма: на примере внутригосударственного вооруженного конфликта на Украине // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 7. – С.168-176. – DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.168-176.
2. Барбашова Н.В. Проблемы правового регулирования экологических отношений в субъектах Российской Федерации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2020. – № 6. – С. 76-84. – DOI: 10.34076/2219-6838-2020-6-76-84.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВОПОРЯДКА В ОБЛАСТИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

Барбашова Н.В., д-р юрид. наук, проф., ORCID 0000-0001-7088-1382,

Сташко Е.А., ORCID 0009-0002-5475-1291

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

n.barbashova.donnu.jur@mail.ru, lstashko@mail.ru

Введение. В современных условиях динамичного развития городской среды и территориального планирования особую актуальность приобретают вопросы эффективного законодательного регулирования земельных отношений в сфере градостроительства. Сложность и многогранность данной проблематики обусловлена необходимостью комплексного подхода к управлению земельными ресурсами, обеспечению баланса публичных и частных интересов, а также созданию благоприятных условий для устойчивого развития территорий.

Настоящее исследование ставит своей **целью** анализ проблемных аспектов законодательного регулирования земельного правопорядка, выявление системных противоречий и разработку научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию нормативно-правовой базы.

Основная часть. Проблемные аспекты законодательного регулирования земельного правопорядка в градостроительстве действительно существуют и часто становятся источником конфликтов, задержек в развитии территорий и нарушения прав. Основные проблемы:

1. Коллизии и несогласованность норм между Земельным и Градостроительным кодексами.

Разные подходы к определению правового режима земель. Правовой режим земель – это совокупность норм права, которые определяют порядок распоряжения землями той или иной категории.

Земельный кодекс (далее – ЗК РФ) фокусируется на категориях земель. Ст. 7 ЗК РФ устанавливает категории земель в РФ по целевому назначению. Категории земель: земли сельскохозяйственного назначения, земли населённых пунктов, земли промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земли для обеспечения космической деятельности, земли обороны, безопасности и земли иного специального назначения, земли особо охраняемых территорий и объектов, земли лесного фонда, земли водного фонда, земли запаса [1].

В то время как Градостроительный кодекс (далее – ГрК РФ) фокусируется на территориальном зонировании (правилах землепользования и застройки (далее – ПЗЗ), ст. 30, ст. 1 ГрК РФ).

Территориальное зонирование – термин из ГК РФ. Это зонирование территорий муниципальных образований в целях определения территориальных зон и установления градостроительных регламентов.

Результат зонирования – правила землепользования и застройки – документ, в котором устанавливаются территориальные зоны и градостроительные регламенты.

В результате градостроительного зонирования могут определяться следующие виды: жилые зоны (в том числе допускающие различную предельно допустимую этажность застройки); общественно-деловые зоны различных типов (деловые, коммерческие, коммунально-бытовые, объектов здравоохранения, культуры и пр.); производственные зоны, зоны инженерной и транспортной инфраструктур; сельскохозяйственные зоны (зоны сельскохозяйственных угодий, зоны дач, садоводств и др.); рекреационные зоны (включающие городские леса, парки и сады, водоёмы, объекты спорта); зоны особо охраняемых территорий – земельные участки, имеющие особое природоохранное, научное, историко-культурное, эстетическое, рекреационное, оздоровительное и иное особо ценное значение[2].

Границы территориальных зон по ПЗЗ часто не совпадают с границами категорий земель, создавая правовую неопределенность.

Пример: Земля сельхозназначения (категория по ЗК РФ) может попасть в зону жилой застройки по ПЗЗ. Возникает конфликт: можно ли ее застраивать без перевода в другую категорию (процедура сложная и длительная по Федеральному закону «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» ФЗ-172 от 21.12.2004)?

2. Проблемы с Правилами землепользования и застройки.

Правила землепользования и застройки (ПЗЗ) – это комплекс нормативных документов, которые регулируют использование земельных участков в населённых пунктах [2]. Основные проблемы ПЗЗ:

1) Неактуальность и неполнота. ПЗЗ часто разрабатываются формально, не учитывают реальные потребности развития территории, не обновляются своевременно (ст. 32 ГрК РФ). Это приводит к невозможности реализации инвестиционных проектов или к необходимости постоянных внесений изменений в ПЗЗ.

2) Неопределенность градостроительных регламентов. Установленные в ПЗЗ виды разрешенного использования (далее – ВРИ) земельных участков и предельные параметры застройки могут быть слишком жесткими, слишком гибкими или противоречивыми, создавая почву для злоупотреблений и судебных споров (ст. 36, ст. 38 ГрК РФ).

3) Размытость границ зон. Несовершенство кадастрового учета границ территориальных зон (Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» ФЗ-218 от 13.07.2015) приводит к спорам о принадлежности участка к той или иной зоне и его правовому режиму.

3. Нарушение прав граждан при изъятии земельных участков для государственных/муниципальных нужд.

1) Проблема (злоупотребления «публичными интересами»). Ст. 49 ЗК РФ и ст. 56.3 ГрК РФ предусматривают изъятие, в том числе для реализации градостроительных проектов. Однако понятие «государственные и муниципальные нужды» часто трактуется расширительно, позволяя изымать земли под коммерческую застройку под предлогом развития территории, что нарушает права собственников.

2) Проблема (неадекватная компенсация): ст. 281 ГК РФ и ст. 56.8 ГрК РФ гарантируют возмещение, на практике оценка изымаемого имущества (земля + объекты) часто не соответствует рыночной стоимости, особенно с учетом упущенной выгоды и реальных затрат на переселение/восстановление бизнеса.

4. Слабое регулирование вопросов комплексного развития территорий (далее – КРТ).

Институт КРТ (Глава 6.1 ГрК РФ) призван решать проблему ветхого жилья и развития застроенных территорий [2]. Однако механизмы недостаточно проработаны: сложности с определением зон КРТ, привлечением инвесторов, защитой прав собственников (особенно тех, кто не согласен с изъятием или предлагаемым выкупом/предоставлением нового жилья). Требуется баланс между публичными интересами и частными правами. ГрК РФ (Глава 6.1 - ст. 46.1 - 46.8).

Заключение. Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что основные проблемы сводятся к несогласованности ключевых кодексов (ЗК РФ и ГрК РФ), несовершенству и неэффективности процедур (правила землепользования и застройки, изъятие), недостаточной защите прав собственников и сложностям в реализации крупных градостроительных проектов (комплексного развития территорий). Эти пробелы и коллизии создают почву для коррупции, судебных тяжб, замедляют развитие городов и ухудшают инвестиционный климат.

Список литературы

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 №136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ, 29.10.2001, № 44, ст.ст. 7, 49.
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 №190-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 2005, № 1, ст.ст. 1, 30, 32, 36, 38, 56.3, 56.8, 46.1, 46.2, 46.3, 46.4, 46.5, 46.6, 46.7, 46.8.
3. Федеральный закон «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» ФЗ-172 от 21.12.2004 (ред. от 25.12.2023) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50874/.
4. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» ФЗ-218 от 13.07.2015 (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/.

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ИНФОРМАЦИОННО-
ТЕЛЕКОМУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Богатырь Н.В.

ЧОУ ВО «Сибирский юридический университет», г. Омск, РФ

bogatyr.nikita@mail.ru

В условиях глобальной цифровизации персональные данные (далее – «ПДн») стали одними из наиболее часто используемых сведений в современном обществе. Массовое применение информационно-телекоммуникационных технологий, экспоненциальный рост числа интернет-сервисов и широкое внедрение автоматизированной обработки информации привели к тому, что защита ПДн приобрела особую значимость. Нарушения законодательства в данной сфере, совершаемые в сети Интернет, обладают особыми чертами, которые отличают их от аналогичных деяний в офлайн-пространстве, поскольку даже единичный факт неправомерного доступа к соответствующим базам данных и последующего распространения ПДн в Интернете способен привести к нарушению прав неопределенного круга лиц.

Цель данной работы заключается в выявлении и систематизации особенностей правонарушений в сети Интернет, связанных с нарушением законодательства о ПДн, а также в анализе проблем привлечения виновных лиц к административной ответственности с акцентом на вопросах трансграничности, экстерриториальности и соразмерности наказания.

За последние несколько десятков лет факт того, что оборот ПДн в сети Интернет носит транснациональный характер, стал обыденностью. Подобное свойство «Всемирной паутины» существенно осложняет контроль за соблюдением требований отечественного законодательства к использованию и передаче ПДн в Интернет-пространстве. По оценкам Роскомнадзора, более 2,5 тысяч операторов ПДн осуществляют трансграничную передачу информации о российских гражданах в государства, официально признанные недружественными [1]. Такая ситуация не только создает угрозу совершения преступлений и правонарушений в обозначенной сфере в отношении конкретных личностей, но и увеличивает риски для национальной безопасности [2, с. 106]. Особенно уязвимыми оказываются социальные сети, мессенджеры и рекламные платформы, через которые осуществляется сбор и обработка огромного массива информации. Масштабы угроз подтверждают данные о

667 миллионах утекших сведений в России только за 2022 год, что в 2,67 раза превышает показатель предыдущего года [3]. На практике злоумышленники уже разработали большое количество способов похищения ПДн: телефонные звонки от мошенников, взлом клиентских баз банков и онлайн-магазинов, а также распространение фишинговых сайтов посредством рассылок по электронной почте. Эти формы правонарушений иллюстрируют, что утечка данных не ограничивается виртуальной сферой, а трансформируется в преступления против личности и собственности.

Одной из наиболее острых проблем является высокая латентность правонарушений в сети Интернет. Значительная их часть совершается анонимно, а выявление нарушителей требует применения специальных технических средств. Кроме того, специфика Интернета как глобальной сети заключается в том, что информация распространяется стремительно, а последствия нарушения невозможно устранить мгновенно [4, с. 177].

Несмотря на наличие административных санкций в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – «КоАП РФ»), потерпевшие лица фактически лишены действенных механизмов возмещения ущерба [5, с. 117]. Законодательство предусматривает возможность взыскания компенсации морального вреда в порядке гражданского судопроизводства, однако на практике это оказывается затруднительным: доказать причинно-следственную связь между утечкой ПДн и конкретными негативными последствиями часто невозможно. Таким образом, административные меры в их текущем виде выполняют скорее превентивную функцию, нежели компенсаторную, что существенно снижает их эффективность.

Ещё одной ключевой проблемой, связанной с привлечением к ответственности за рассматриваемые деяния, является несоизмеримость штрафов, предусмотренных действующим законодательством последствий нарушения [10, с. 86]. Например, в случае массовой утечки ПДн, штрафы для юридических лиц согласно положениям статьи 13.11 КоАП РФ, составляют от 60 тысяч рублей до 500 тысяч рублей, что является незначительной суммой для крупных транснациональных корпораций. Такое положение дел создает благоприятную почву для возникновения ситуаций, при которых организациям выгоднее включать подобные штрафы в свои текущие расходы на ведение бизнеса, а не предпринимать реальных мер по обеспечению защиты ПДн. Подобное неизбежно выражается в снижении превентивного эффекта обозначенных правовых норм.

Не менее важной является проблема привлечения к ответственности компаний, находящихся вне юрисдикции Российской Федерации. Глобальный характер сети Интернет предполагает, что субъекты обработки ПДн находятся в разных странах, а их деятельность выходит

далеко за пределы национальных правовых систем. В случае, когда данные российских граждан хранятся на иностранных серверах, привлечение компании к ответственности за нарушение отечественного законодательства существенно затруднено, если она не имеет представительств на территории Российской Федерации. Следовательно, проблема экстерриториальности напрямую связана с вопросами международного сотрудничества и гармонизации законодательства. Решение этой проблемы возможно лишь путем выработки единых стандартов регулирования и заключения международных соглашений в области защиты ПДн.

Исходя из всего вышеизложенного, административная ответственность за нарушение законодательства о ПДн в сети Интернет обладает рядом особенностей, связанных с трансграничным характером информационного оборота, высокой латентностью нарушений и несоразмерностью действующих санкций. Основные направления совершенствования законодательства в обозначенной сфере должны включать: 1) увеличение размера санкций за массовые утечки ПДн; 2) разработку механизмов компенсации вреда для граждан, чьи ПДн были незаконно использованы или распространены в сети Интернет; 3) активное развитие международного сотрудничества и гармонизацию законодательных систем по защите ПДн в цифровом пространстве.

Комплексное решение приведенных вопросов позволит обеспечить реальную защиту прав граждан в соответствии с современными тенденциями к цифровизации и глобализации общества.

Список литературы

1. Операторов персональных данных не обязывать [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/news-media/operatorov-persdannyh-obyazhut-ne-obyazyvat> (дата обращения: 26.09.2025).
2. Полуянова Е.В. Персональные данные: актуальные вопросы правового регулирования // Аграрное и земельное право. 2024. №7 (235). С. 104–106.
3. Аналитический отчет InfoWatch «Россия: утечки информации ограниченного доступа в 2022 г.» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/utechki-informatsii-ogranichennogo-dostupa-v-rossii-za-2022-god.pdf> (дата обращения: 26.09.2025).
4. Сычева М.И. Проблемы правового регулирования защиты персональных данных в сети Интернет // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – №10-3. – С. 175–178.
5. Лачина Е.А., Кузнецова И.А., Носова Е.В. Проблемы защиты персональных данных в сети «Интернет» // Ученые записки. – 2021. – №1 (37). – С. 114–118.
6. Борисенко Е. А. Отдельные вопросы правового обеспечения устойчивого экономического роста // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. – № 1. – С. 81–90.

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Воронцова С.В.¹, канд. юрид. наук, доц., ORCID 0000-0002-9413-0046,

Воронцов Ю.С.²

¹ФГБОУ ВО МАДИ «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет», г. Москва, РФ

²ФГАОУ ВО РУТ «Российский университет транспорта», г. Москва, РФ
SOFIA09876@yandex.ru, MindlessLate@yandex.ru

Введение. Постоянно растущая потребность в жилье с более высокими потребительскими качествами и необходимость соблюдения требований экологической безопасности обуславливает модернизацию системы ЖКХ с достижением целевых показателей, закрепленных в стратегиях развития смежных отраслей экономики, что повышает конкурентоспособность и устойчивость строительной отрасли. Практическая значимость результатов исследования состоит в том, что предложенные в работе подходы и методы позволяют использовать их в практике хозяйствования для обеспечения устойчивого функционирования и развития системы ЖКХ с учетом направлений развития строительной отрасли Российской Федерации.

Цель. На основании анализа базовых нормативных документов стратегического значения, стандартов ООН и рекомендаций Организации экономического сотрудничества и развития, а также отечественной и международной статистики дать характеристику жилищно-коммунальной инфраструктуры России.

Основная часть. По оценке текущего состояния жилищной сферы, проведенной Правительством Российской Федерации, большая часть жилищного фонда находится в частной собственности, доля которого за последние 20 лет увеличилась в 2 раза и составила в 2025 году 92,4 % в общем объеме жилищного фонда страны. Определено, что жилищная обеспеченность населения составляет 472 квартиры на 1000 человек.[1] Этот показатель достаточно близок к среднеевропейскому уровню. В то же время фиксируется, что средняя обеспеченность населения площадью жилья составляет 26,9 кв. м на человека, что более чем в два раза меньше, чем в индустриально развитых странах Европейского союза.[2] Высшую ступень в этом рейтинге заняла Хорватия, где приходится 604,46 жилых объекта на 1 тыс. человек; далее Болгария, Португалия, Франция и Германия, где 500-600 жилых объекта на 1 тыс. человек. Россия занимает 10-ое место в рейтинге, фиксируя 473 жилых объекта на 1 тыс. человек.[3] На этот показатель оказывает существенное влияние стоимость жилого помещения.

В соответствии со стандартами ООН каждый должен иметь для проживания не менее 30 кв. м жилой площади. При этом «каждому

домохозяйству необходимо иметь собственное отдельное жильё традиционного типа».[4] Кроме того, международным стандартом предусматривается, что каждый человек должен быть обеспечен одной комнатой, и ещё минимум две комнаты предназначаются для совместного пребывания.

По показателю количества квадратных метров жилой площади на одного человека по данным ООН в США, Канаде и Австралии (68–89 кв. м на человека). Россия занимает XI место в этом рейтинге с показателем 26,9 кв. м на человека.

Согласно опросу, охватившему почти 16 тысяч жителей из 87 регионов России, более половины населения страны непосредственно сталкивается с проблемами в сфере жилищно-коммунального хозяйства.[5] При этом четверть опрошенных столкнулась с перебоями в водоснабжении и отоплении, причем в более половине случаев причиной стали аварии на центральных теплосетях. Значительная доля претензий (около 38 %) по обслуживанию общего имущества: подъездов, лифтов и придомовых территорий. Треть респондентов отметила наличие проблемы с техническим обслуживанием конструктивных элементов зданий. Оценивая общее состояние своего жилья, 41 % проживающих характеризуют его как удовлетворительное или плохое, без тенденции к улучшению. Финансовая нагрузка на семейные бюджеты остается значительной: более 40% граждан тратят на коммунальные услуги от 10–20 % дохода. При этом задолженность по оплате услуг ЖКХ имеют около 8 % населения.[6]

Решение задач указанных федеральных проектов и достижение их целей предусматриваются путем эффективного взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и исполнительных органов субъектов Российской Федерации.[7]

Исполнение запланированных мероприятий совместно с субъектами Российской Федерации, предполагается осуществить путем предоставления целевых межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации в целях софинансирования выполнения обязательств по развитию жилищной и жилищно-коммунальной сферы.

В России общая протяженность коммунальных сетей составляет более миллиарда километров. Для поддержания их в рабочем состоянии необходимо ежегодно модернизировать не менее 4 % от общей протяженности. Однако текущие темпы обновления существенно отстают от необходимых показателей. По данным Всероссийского центра мониторинга за период с 2019 по 2025 год реализовано менее 10 % запланированных проектов модернизации. В 2025 году российский рынок услуг ЖКХ демонстрировал устойчивый рост: по итогам года объём рынка достиг 8,1 трлн. рублей, что на 8,2 % выше уровня предыдущего года. В период активного жилищного строительства резко выросла нагрузка на

коммунальные сети из-за несогласованности модернизации существующих сетей с планами развития территорий.

Заключение. В результате реализации приоритетных направлений государственной политики планируется достигнуть качественно нового уровня состояния жилищной и жилищно-коммунальной сферы, соответствующей мировым стандартам.

Целевые показатели определены Государственной программой Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации». Контроль их выполнения возлагается на Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации как получателя средств федерального бюджета.

Из проведенного анализа можно сделать вывод, что критической проблемой отрасли жилищно-коммунального хозяйства России остается высокий износ и неудовлетворительное техническое состояние инфраструктуры. Это обусловлено тем, что значительная часть существующей инфраструктуры ЖКХ создана еще в советский период. Ситуация осложняется тем, что локальные монополисты, получившие контроль над коммунальными объектами в результате приватизации или комплексной сдачи новостроек, сосредоточены преимущественно на текущем обслуживании и не занимаются масштабной модернизацией.

Согласно статистическим данным и результатам социологических опросов, показатели развития жилищно-коммунального хозяйства в России не соответствуют международным стандартам, рекомендованным Организацией Объединённых Наций. Их достижение является целевым показателем инновационного развития жилищной и жилищно-коммунальной отрасли народного хозяйства Российской Федерации.

Список литературы

1. Постановление Правительства РФ от 30.12.2017 №1710 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильём и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», ред. от 09.06.2025.
2. Данные на 01.01.25. Источник: [Электронный ресурс] <https://www.statista.com/>.
3. Обеспеченность населения жильем в России и разных странах // [Электронный ресурс] Режим доступа <https://www.novostroy.ru/articles/world-market/obespechennost-naseleniya-zhilem-v-rossii-i-raznykh-stranakh/>.
4. Резолюция Организации Объединённых Наций от 11 декабря 1987 г. № 42/191 «Глобальная стратегия в области жилья до 2000 года».
5. Газета «Коммерсантъ» № 57 от 02.12.2024, стр. 5.
6. Сфера водоснабжения и водоотведения в России: текущее состояние и пути развития. Центр стратегических разработок. 2025. [Электронный ресурс] <https://www.csr.ru/upload/iblock/>
7. Государственная программа Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации».

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПОЛИЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ: ВОЕННОГО И ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гарькавенко Л.В., ORCID 0009-0004-1004-0476

Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства Внутренних дел
Российской Федерации», г. Донецк, РФ
gorkayL7@gmail.com

Введение. В данной работе рассматривается вопрос роли полиции в обеспечении административно-правовых режимов: военного и чрезвычайного положения на территории новых субъектов Российской Федерации.

Обеспечение общественного порядка и безопасности в условиях введения особых правовых режимов, например, военное и чрезвычайное положения, требует от правоохранительных органов, и особенно полиции, высокой степени организованности и профессионализма. Введение данных режимов неизбежно влияет на функционирование государства, его правовую систему, права и свободы граждан. Полиция, как основное звено правоохранительных органов, занимает самое важное место в обеспечении соблюдения законности и поддержания порядка в условиях экстремальных ситуаций. Именно поэтому изучение роли полиции в обеспечении административно-правовых режимов в условиях военного и чрезвычайного положения имеет большое значение для понимания принципов функционирования правоохранительных органов в кризисных ситуациях.

Цель. Исследовать роль полиции в обеспечении административно-правовых режимов: военного и чрезвычайного положения, и выявить специфику её деятельности в рамках данных режимов.

Основная часть. В системе публично-правового регулирования административно-правовые режимы занимают особое место как инструмент целенаправленного нормативного воздействия в условиях, когда базового правового регулирования недостаточно. Эти режимы представляют собой систему специально установленных государством мер административно-правового характера, которые действуют на определённой территории в особых условиях и преследуют цель обеспечения безопасности, правопорядка, устойчивости функционирования органов публичной власти.

В юридической литературе закрепилось несколько подходов к определению понятия административно-правового режима.

Так, С.В. Максименко определяет его как «особую форму правового регулирования, представляющую собой совокупность административно-

правовых норм, устанавливающих специальный порядок поведения субъектов права в конкретной сфере общественных отношений» [4, с. 95].

По мнению Д.Н. Шурухновой, административно-правовой режим – «это не просто режим ограничений, а инструмент превентивного и стабилизирующего управления, предполагающий, в том числе, перераспределение властных полномочий и правового статуса участников отношений» [5, с. 139].

Поскольку введение административно-правового режима связано с ограничением прав и свобод, необходима нормативная основа, прямо допускающая подобные действия. В Конституции Российской Федерации, в ст. 55 зафиксировано, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [1].

Более того, ст. 56 Конституции прямо допускает введение режима чрезвычайного положения с соответствующим указом Президента РФ, утверждаемым Советом Федерации [1].

Так, в ст. 4 ФКЗ «О военном положении» прямо указано, что режим вводится указом Президента с последующим утверждением Советом Федерации [2]. Указ должен содержать территорию действия, перечень мер, круг полномочий и срок действия режима.

Деятельность полиции в условиях чрезвычайного положения характеризуется рядом специфических черт, вытекающих из особенностей самого режима:

- ориентация на внутренние угрозы: массовые беспорядки, техногенные катастрофы, эпидемии и т. д.;
- приоритет гражданской стабилизации, а не мобилизационной обороны;
- необходимость сохранять прямой контакт с населением, предотвращая панику, беспорядки и деструктивные настроения;
- комплексная работа с другими службами – МЧС, Роспотребнадзор, медицинские и социальные службы, администрации субъектов РФ [3].

Деятельность органов внутренних дел в условиях введения военного положения характеризуется:

- расширением объёма полномочий и включением в структуру мобилизационного управления;
- жёсткой нормативной регламентацией действий и усилением оперативного контроля за их исполнением;
- переходом от обычного режима охраны порядка к обеспечению устойчивости функционирования общества в условиях вооружённой угрозы.

Проведённый анализ позволил выявить ряд устойчивых проблем: недостаточную нормативную конкретику полномочий полиции в особых

условиях, кадровые и ресурсные сложности, низкий уровень межведомственной скоординированности. Для их преодоления требуется комплексное совершенствование правового регулирования, профессиональная подготовка сотрудников, техническое переоснащение служб и институциональная модернизация.

Таким образом, административно-правовые режимы остаются неотъемлемой частью системы обеспечения государственной устойчивости. Их результативность во многом зависит от законной, профессиональной и публично ответственной деятельности органов внутренних дел, в первую очередь полиции, которая обеспечивает правопорядок в условиях правового отклонения от нормы. Административно-правовые режимы представляют собой исключительный, временный, но юридически урегулированный порядок публичного управления, вводимый для преодоления нестандартных ситуаций, угрожающих основам конституционного строя, безопасности личности, общества и государства. Их ключевая особенность заключается в временном ограничении прав и свобод граждан, что допускается только в строго определённых Конституцией и федеральными законами пределах.

Заключение. Таким образом, рассматривая вопрос роли полиции в обеспечении административно-правовых режимов: военного и чрезвычайного положения на территории новых субъектов Российской Федерации, отметим, что, роль полиции в условиях действия таких режимов требует не только оперативности, но и строгого соблюдения правовых рамок, способности работать в высокорисковых условиях, готовности к быстрому переключению между охранительными, мобилизационными и координационными задачами. От полиции зависит эффективность режима в тылу, защита граждан, соблюдение законности в условиях ограниченного правового поля.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации:[принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020г.].- Текст: электронный //Официальный интернет - портал правовой информации. – <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.08.2025).
2. О военном положении:Федерального Закона РФ от 30.01.2002 N 1-ФКЗ (ред. от 02.11.2023): Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс. – (дата обращения: 10.08.2025).
3. О чрезвычайном положении: Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 02.11.2023) : Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс. – (дата обращения: 10.08.2025).
4. Максименко С. В. Административно-правовые режимы: теория и практика. – М.: Юнити-Дана, 2021. – С. 95.
5. Шурухнова Д. Н., Комовкина Л. С. Особенности реализации специальных административно-правовых режимов в деятельности органов внутренних дел // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 2. – С. 138–142.

АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕСОБЛЮЖДЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (В РАЗРЕЗЕ СТАТЬИ 20.4 КОАП РФ)

Забаренко Ю.А., канд. экон. наук, доц., ORCID 0009-0001-3444-6022
ФГКОУ ВО «Донецкий институт Государственной противопожарной службы
МЧС России», г. Донецк, РФ
ZabarenkoYunona@yandex.ru

Введение. Законодательством Российской Федерации установлено несколько видов ответственности лиц, виновных в нарушении противопожарных требований. В статье 38 Федерального закона № 69-ФЗ от 21.12.1994 г. «О пожарной безопасности» предусмотрено, что нарушение требований пожарной безопасности влечет привлечение к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности [1].

В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) содержатся три статьи о правонарушениях в области пожарной безопасности, которыми следует руководствоваться при определении состава административного правонарушения – 20.4, 8.32 и 11.16 [2].

Цель доклада – анализ некоторых административно-правовых аспектов юридической ответственности за несоблюдение требований пожарной безопасности в разрезе статьи 20.4 КоАП РФ.

Основная часть. Статья 20.4 КоАП РФ содержит базовые юридические нормы, которые регламентируют административную ответственность за нарушение требований пожарной безопасности. Статьи 8.32 и 11.16 КоАП РФ относительно статьи 20.4 являются специальными статьями, при квалификации преступлений по которым основным отличительным признаком должно быть место совершения общественно опасного административного правонарушения.

Юридический состав административного правонарушения по статье 20.4 КоАП РФ состоит из следующих обязательных элементов:

1. Объект правонарушения, коим является совокупность общественных отношений в сфере пожарной безопасности.

2. Объективная сторона правонарушения, которая по статье 20.4 КоАП РФ заключается в нарушении либо невыполнении требований пожарной безопасности. При этом противоправные деяния со стороны граждан, должностных лиц, юридических лиц в рассматриваемой статье выражаются в обеих возможных формах – как в форме активных действий (нарушение), что отражено в ч.ч.1, 2, 2.1, 6, 6.1, 9, 10, 11, так и в форме бездействия (неисполнение), что отражено в ч.7 ст.20.4.

Статья 20.4 КоАП РФ содержит перечень специальных правонарушений пожарной безопасности, которые в своем большинстве представляют повышенную опасность (нарушения требований пожарной безопасности в условиях особого противопожарного режима (ч.2); на объекте защиты, отнесенном к категории чрезвычайно высокого, высокого или значительного риска (ч.2.1); повлекшие возникновение пожара и уничтожение или повреждение чужого имущества либо причинение вреда здоровью (ч.6) или тяжкого вреда здоровью или смерть человека (ч.6.1)).

В результате новейших законодательных преобразований КоАП РФ в соответствии с федеральным законом № 56-ФЗ от 01 апреля 2025 года с 12 апреля 2025 года предыдущая редакция ст. 20.4 дополнена двумя частями – 10 и 11. Ими установлена административная ответственность за нарушение требований пожарной безопасности при проектировании средств обеспечения пожарной безопасности зданий и сооружений с указанием санкций в виде предупреждения или штрафа от 20 до 30 тыс. руб. и за повторное нарушение - штрафа от 90 до 100 тыс. руб. или дисквалификации от 1 года до 3 лет.

Анализируя эти законодательные изменения, необходимо обратить внимание на тот факт, что в дополненной редакции статьи 20.4. введенный критерий повторности применяется в качестве обстоятельства, отягчающего административную ответственность, а также как самостоятельный квалифицирующий признак состава административного правонарушения пожарной безопасности.

Следовательно, акцентируя здесь внимание на повторности, необходимо вести речь о том, что, вводя части 10 и 11 в статью 20.4 КОАП РФ законодатель идет по пути поступательного ужесточения санкций за административные проступки в сфере нарушения требований пожарной безопасности.

Соответственно, в действующей редакции статьи 20.4 КоАП РФ с 12 апреля 2025 г. предусмотрено уже теперь не 7, а 9 составов административных правонарушений.

3. Субъектами правонарушения, регламентированного ст.20.4, являются граждане; должностные лица, непосредственно отвечающие за обеспечение выполнения правил, норм и стандартов пожарной безопасности на вверенном им участке работы; лица, осуществляющие деятельность без образования юридического лица; юридические лица в лице их руководителей и лиц, ответственных за пожарную безопасность.

4. Субъективная сторона правонарушения. Нарушение требований пожарной безопасности, предусмотренные статьей 20.4, может выражаться как в форме умысла (например, часть 9 ст.20.4), так и в форме неосторожности.

Особенностью состава правонарушений, предусмотренных частью 6 статьи 20.4 КоАП РФ, а также пунктом 1 части 6 статьи 20.4 КоАП РФ

является наличие материальных последствий, необходимых для привлечения к административной ответственности, а именно, возникновение пожара и уничтожение или повреждение чужого имущества либо причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью человека (ч.6 ст.20.4), а также возникновение пожара и причинение тяжкого вреда здоровью человека или смерть человека (ч.6.1. ст.20.4). В первом случае (ч.6 ст.20.4) административную ответственность несут граждане, должностные лица, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, юридические лица. Однако во втором случае (при квалификации правонарушения по ч.6.1. ст.20.4) возможность понести административную ответственность сохраняется только для юридических лиц. В случае нарушения правил пожарной безопасности, в результате которых произошла гибель людей или был причинен тяжкий вред здоровью, виновные физические лица будут привлечены к самому строгому виду юридической ответственности – уголовной ответственности за совершенное преступление.

Заключение. Основанием для отграничения административных правонарушений в сфере обеспечения пожарной безопасности, регламентированных ст.20.4 КоАП РФ «Нарушение требований пожарной безопасности», от преступлений, предусмотренных одноименной ст. 219 УК РФ «Нарушение требований пожарной безопасности», является степень общественной опасности, выражающаяся в тяжести наступивших последствий, а именно, причинении по неосторожности тяжкого вреда здоровью человека либо смерти человека. При этом стоит заметить, что общественная опасность данных уголовных деяний во многом определяется наличием пожара, однако, не сводится только к нему: для признания деяния преступным достаточно иногда одной только угрозы пожара, если это деяние повлекло наступление негативных для жизни и здоровья человека, общественной безопасности последствий. Соответственно, состав правонарушения ч.ч.6, 6.1 ст.20.4 КоАП РФ несет потенциал трансформации в административно-преюдициальный для квалификации деяния в качестве преступления. В этой связи статья 20.4 КоАП РФ служит весомым профилактическим фактором, обеспечивающим соблюдение требований пожарной безопасности, снижение количества пожаров и тяжести их последствий.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. N 69-ФЗ "О пожарной безопасности" (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] – URL: <https://base.garant.ru/10103955/?ysclid=m2axnzi7bf739586230> (дата обращения 01.10.2025).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.09.2025). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения 01.11.2025).

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА ГРАЖДАН НА ОБРАЩЕНИЕ В ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РФ

Каблов Д.С., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0006-0241-4196,

Ткаченко Д.А., ORCID 0009-0007-0302-0006

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

d.kablov.donnu.jur@mail.ru, dima.tkachenko199927@gmail.com

Введение. Конституция РФ устанавливает фундаментальные права, свободы и обязанности граждан, гарантии осуществления прав граждан на их правовую защиту. Действующее законодательство закрепило право граждан на обращения в ОВД РФ. Так в первую очередь такое право регулируется ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [1], «О полиции» [2], «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3].

Цель работы является рассмотрение вопросов административно-правового регулирования права граждан на обращение в ОВД.

Основная часть. Законодательством установлено положение, что граждане вправе обращаться в органы внутренних дел РФ и их руководителям с замечаниями, жалобами и предложениями, относящимися к их деятельности. Важно отметить, что личный прием граждан руководителями территориальных органов ОВД является значимой мерой для осуществления конституционного права на обращение, позволяя более эффективно решать возникающие проблемы и защищать права граждан [4, с. 9].

Способами реализации института гарантирования права обращения граждан является зафиксированный в ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [1] порядок направления изложенных в какой-либо форме (письменно, устно или электронное обращение) предложений (замечаний), заявлений (ходатайств) и жалоб.

С принятием в 1993 году Конституции РФ, нормы которой имеют высшую юридическую силу, впервые на высшем уровне был закреплён широкий круг прав и свобод, предоставленных гражданам, а также определены общие гарантии их реализации. Так ст. 33 Конституции РФ закрепляет право на обращение в том числе индивидуальные или коллективные в органы государственной власти, органы местного самоуправления, которые обязаны рассмотреть обращение и дать обоснованный ответ [5].

Практическая реализация гражданами предоставленного им права на обращение в органы государственной исполнительной власти осуществляется в пределах определенной законодательством формы и

определенной процедуры, и представляет собой определенный процесс, в котором гарантии прав приобретают характер динамических, то есть процессуальных.

Фактически, все законодательные акты РФ, имеющие отношение к реализации прав граждан или регулирующие деятельность органов и учреждений, которые могут ограничивать права и свободы граждан, в том числе органов внутренних дел, содержат нормы, которыми урегулирован порядок представления и рассмотрения обращений граждан.

Среди таких законодательных актов важную социальную и политическую значимость имеет ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», который устанавливает механизм, позволяющий гражданам осуществлять свои права на внесение предложений в органы государственной власти, органы местного самоуправления указывать на недостатки в их деятельности и обжаловать действия должностных лиц, а также действия государственных и общественных органов [1].

Для системы ОВД обращения граждан имеют особую практическую значимость, являясь, с одной стороны, важным источником получения информации о совершении преступлений и других противоправных действий, а с другой – как форма контроля за деятельностью работников полиции и показателем доверия населения к ней. Во все времена количество поданных обращений расценивалось как мера степени доверия людей к власти. Это напрямую зависит от того, насколько эффективно решаются как общие проблемы, так и проблемы каждого члена общества. Как указывает в своей статье Б.М. Исаева поток обращений граждан в различные инстанции является индикатором не только социальной активности населения, но и определенных негативных явлений, недостатков в работе государственного аппарата, пробелов в законодательстве, а также недостатков самой организации рассмотрения жалоб, заявлений и предложений [6, с. 42]. Действительно, все общество уже в течение длительного времени требует от работников полиции более высокого уровня профессионализма, который должен обеспечиваться не только надлежащей правовой и специальной подготовкой, но и соответствующими моральными качествами, позволяющими представителю органов внутренних дел убедительно и авторитетно влиять на свободу и поведение людей, действуя при этом исключительно на основании закона.

По нашему мнению, отличительной чертой обращений, поступающих в ОВД в форме жалоб, является то, что гражданин, обращающийся в компетентные органы государства, в частности полицию, не согласен с тем решением, которое было ранее принято в отношении него в связи с нарушением предусмотренных в Конституции РФ прав.

Говоря о системе административно-правовых гарантий прав граждан на обращение в ОВД РФ, следует отметить, что это в определенной

степени условное разделение имеющихся правовых средств (условий и мер), направленных на определение порядка сбора, предоставления, рассмотрения и получения ответа от компетентного органа по предмету обращения. По нашему мнению, система юридических гарантий прав граждан на обращение в ОВД РФ состоит из нормативно-правовых и организационно-правовых частей. Другие варианты будут детализировать и в определенной степени дополнять предлагаемую систему.

Заключение. Таким образом, можно сказать, что нормативно-правовые основы реализации гражданами права на обращение в ОВД характеризуется тем, что как каждый из законодательных, так и каждый из подзаконных правовых актов, регулирующих деятельность ОВД относительно работы с обращениями граждан и организации их личного приема, органично сочетают в себе как нормы материального, так и процессуального административного права. На основании приведенного содержание производства по обращениям граждан в ОВД может быть определено как специфическая разновидность урегулированной диспозициями административно-процессуальных норм деятельности уполномоченных на то должностных лиц ОВД относительно рассмотрения заявлений, жалоб и предложений граждан и принятия по ним обоснованного решения.

Список литературы

1. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 8 мая 2006 г. N 19 ст. 2060
2. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 февраля 2011 г. N 7 ст. 900
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г. N 31 (часть I) ст. 3448
4. Богданов, А.В. К вопросу о совершенствовании организационно-правовых основ личного приема граждан в органах внутренних дел Российской Федерации / А. В. Богданов // Академическая мысль. – 2022. – №1 (18). – С. 7-12
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета от 25 декабря 1993 г. N 237
7. Исаева, Б.М. Обращение граждан в органы государственной власти и местного самоуправления как форма воздействия на публичную власть / Б.М. Исаева // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: общественные науки. – 2012. – №2. – С. 41-45

О ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ФЕРМЕРОВ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

Каблов Д.С., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0006-0241-4196,
Фоменко А.С.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
d.kablov.donnu.jur@mail.ru,

Введение. Государство направляет и поддерживает фермеров и сельскохозяйственных производителей в целях корректировки и оптимизации структуры сельскохозяйственного производства с учетом местных условий и рыночного спроса, координации развития растениеводства, лесного хозяйства, животноводства и рыболовства, развития высококачественного, высокоурожайного и высокоэффективного сельского хозяйства, а также повышения международной конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции.

Цель работы заключается в анализе особенностей правового обеспечения государственной поддержки фермеров и сельскохозяйственных производителей.

Основная часть. В соответствии с Федеральным законом «О развитии сельского хозяйства» государство принимает меры по усилению всестороннего развития сельского хозяйства и созданию сельскохозяйственной и сельской инфраструктуры, такой как водоохранные сооружения для сельскохозяйственных угодий, охрана сельскохозяйственной экологической среды, сельские дороги, сельские энергетические и электросети, хранилища и оборот сельскохозяйственной продукции, ограждения пастбищ, а также оригинальные и улучшенные семенные базы животных и растений [1].

Представляет интерес предложенная Л.В.Кудрявцевой классификация мер государственной поддержкой сельского хозяйства, в частности: а) предоставление налоговых льгот; б) бюджетных ресурсов на безвозмездной основе; в) льгот на различные перевозки; г) покупка государством у сельскохозяйственных товаропроизводителей произведенной продукции, оказание услуг [2].

Б.А. Мурадбеков отмечает, что государство поддерживает селекцию, разведение, производство и восстановление пород животных и растений, а также продвижение и использование улучшенных пород. Оно поощряет интеграцию селекционной работы и селекции в производственные и хозяйственные операции, а также реализацию проектов по семеноводству и улучшению пород животных и птиц [3].

В настоящее время особое значение имеет приоритетная поддержка развития водосберегающего сельского хозяйства в вододефицитных районах, поощрение и поддержка фермеров и сельскохозяйственных производителей в использовании передовой и применимой сельскохозяйственной техники, усилении управления безопасностью сельскохозяйственной техники и повышении уровня механизации сельского хозяйства.

Относительно новым направлением поддержки является поддержка развития метеорологического обслуживания сельского хозяйства и повышают уровень мониторинга и прогнозирования метеорологических бедствий.

На государственном уровне принимаются меры по улучшению качества сельскохозяйственной продукции, создает и совершенствует систему стандартов качества сельскохозяйственной продукции и систему контроля и надзора за качеством сельскохозяйственной продукции, организует производство и эксплуатацию сельскохозяйственной продукции в соответствии с соответствующими техническими спецификациями, технологическими процедурами и стандартами качества, гигиены и безопасности, а также обеспечивает качество и безопасность сельскохозяйственной продукции. Государственная поддержка охватывает также создание и совершенствование системы сертификации и маркировки высококачественной сельскохозяйственной продукции в соответствии с законом.

Государство поощряет и поддерживает развитие производства высококачественной сельскохозяйственной продукции с учетом местных условий и в соответствии с действующими общегосударственными нормами, и принимают меры по развитию производства высококачественной сельскохозяйственной продукции. Кроме того, внедряется система профилактики и карантина болезней животных и растений, разрабатывается механизм быстрого искоренения крупных эпидемий животных, болезней растений и вредителей, создать зоны, свободные от болезней животных, и реализовать проекты по защите растений.

Законодательство регламентирует производство и эксплуатацию материалов сельскохозяйственного производства, которые могут представлять угрозу безопасности людей и животных, таких как пестициды, ветеринарные препараты, корма и кормовые добавки, удобрения, семена и сельскохозяйственная техника, подлежат регистрации или лицензированию в соответствии с соответствующими законами и административными правилами.

Производители и продавцы сельскохозяйственных средств производства несут ответственность за качество производимой и реализуемой ими продукции. На макроэкономическом уровне осуществляется необходимое макроэкономическое регулирование купли-продажи важной сельскохозяйственной продукции, имеющей жизненно

важное значение для национальной экономики и жизнеобеспечения населения, создается многоуровневая система регулирования резервов между центральным и местными органами власти, а также совершенствуется система хранения и транспортировки для обеспечения поставок и стабилизации рынка.

Постепенно формируется единая, открытая, конкурентная и упорядоченная система рынков сельскохозяйственной продукции, разрабатывается план развития оптовых рынков сельскохозяйственной продукции. Государство оказывает поддержку сельским коллективным хозяйственным организациям и специализированным фермерским кооперативам в создании оптовых рынков сельскохозяйственной продукции и коллективных рынков сельскохозяйственной продукции.

Фермерам и организациям по производству сельскохозяйственной продукции для осуществления ими уставной деятельности предоставляются субсидированные процентные ставки.

Заключение. Государство поощряет и поддерживает развитие различных форм деятельности в сфере оборота сельскохозяйственной продукции. Оно оказывает содействие фермерам и специализированным фермерским кооперативам в осуществлении ими заготовительной, оптовой, складской, транспортной, розничной и посреднической деятельности в отношении сельскохозяйственной продукции в соответствии с действующим законодательством и поощряет снабженческо-сбытовые кооперативы и другие сельскохозяйственные производственно-хозяйственные организации, занимающиеся заготовкой и реализацией сельскохозяйственной продукции, предоставлять рыночную информацию, развивать каналы оборота сельскохозяйственной продукции.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. N 264-ФЗ "О развитии сельского хозяйства" (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 января 2007 г. N 1 (часть I) ст. 27
2. Кудрявцева, Л. В. Правовые аспекты государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей / Л. В. Кудрявцева // Юриспруденция: теория и практика. – 2025. – № 5. – С. 28-34.
3. Мурадбеков, Б. А. Меры поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей / Б. А. Мурадбеков // Молодой ученый. – 2025. – № 4(555). – С. 181-183

ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТНОГО РЫНКА КАК ЧАСТИ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ ИНДИИ

Карпов К.А., канд. юрид. наук, ORCID 0000-0001-5496-0515
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва, РФ
karpov.moscow@gmail.com

Осуществляемая политика Британской империи в конце XVIII середине XIX веков, позволила получить контроль над полуостровом Индостан, который был богат природными ресурсами (драгоценные камни, чай, рис и т.д.). Для осуществления централизованной торговли в колонии этими товарами понадобилось создание фондовой площадки. Активная торговая деятельность Британской Ост-Индской компании (EastIndiaCompany) способствовала появлению первой фондовой биржи на полуострове Индостан. Данная площадка для организованных торгов финансовыми инструментами была создана в 1850 году. Позднее 21 мая 1860 года вступил в силу Закон № 21 «О регистрации обществ» [1]. В соответствии с данным нормативным правовым актом была учреждена первая в Британской Индии саморегулируемая организация на фондовом рынке: национальная ассоциация акционеров и фондовых брокеров. В дальнейшем 1875 году была учреждена Бомбейская фондовая биржа [2]. В дальнейшем, в связи с тем, что Индия получила независимость от бывшей метрополии был принят Закон № 42 от 1956 года «О регулировании договоров с ценными бумагами». В этой связи в 1957 году властями государства было принято решение о преобразовании, ранее функционирующей ассоциации на рынке финансовых услуг в первую фондовую биржу независимой Индии. Отметим также, что лишь в 1986 году в стране был создан первый биржевой индекс – SENSEX, который в 1989 году был преобразован в суверенный фондовый индекс BSESENSEX. Также в Индии с 3 ноября 1995 года есть индекс Nifty 50, который является репрезентацией ключевых секторов экономики Индии [3]. Во второй четверти XXI века Республика Индия занимает ведущую роль в мировой экономике по паритету покупательной способности, а также принимает активное участие в таких крупнейших международных объединениях государств, как БРИКС, ШОС и другие. Необходимо заметить, что в последние годы продолжается уверенный рост стоимости активов на фондовом рынке государства. Так, в 2021 году произошел практически паритет между капитализациями рынка ценных бумаг бывшей метрополии и колонии [4]. По прогнозам аналитиков через 20 лет

капитализация индийского фондового рынка может вырасти до 40 трлн. долл. США [5]. Также впервые в истории фондового рынка Индии в конце июня 2024 года одно из ведущих мировых агентств – JPMorganChase&CO приняло решение внести государственные ценные бумаги республики в индекс развивающихся стран [6]. Отметим также, что происходит планомерное развитие регулирования финансовой сферы государства, что может быть подтверждено тем фактом, в 2015 году в стране вступил в силу новый нормативный документ, который регулирует ключевые вопросы, касающиеся финансово-правового регулирования рынка ценных бумаг и иных секторов финансового рынка республики [7].

Касаемо регулирования криптовалют в Республике Индия, следует заметить, что в государстве функционирует рынок виртуальных валют. Тем не менее, он официально не урегулирован. В первом квартале 2022 года исполнительная власть государства объявила о разработке проекта нормативного правового акта, который бы ввел налог на доходы от сделок с криптовалютами и NFT внутри страны в размере тридцати процентов [8]. Заметим, что документ прорабатывается до настоящего времени, что связано с различными точками зрения по вопросу легализации транзакций с цифровыми валютами. К примеру, Резервный банк государства выступает против легитимации операций с виртуальными валютами. По мнению экспертов национального банка страны данное решение может способствовать «долларизации» экономики Индии. В итоге легализация операция с виртуальными валютами приведет к потере финансового суверенитета Индией и невозможности независимого осуществления денежно-кредитной политики Резервным банком государства. Более того, активное использование в повседневную жизнь сделок с криптовалютами приведет к переходу от осуществления операций в рупиях, что входит в прямое противоречие с государственной финансовой политикой страны. В целом, на данный момент в Индии примерно двадцать миллионов жителей инвесторов осуществляют инвестиции на криптовалютном рынке. Им принадлежат токены на общую сумму более, чем 5,34 млрд. долл. США [9]. В бюллетене Резервного банка Индии от мая 2024 года отмечается, что за прошедшее время возрастает интерес к децентрализованным финансам (DeFi). Однако, на основании проведенных исследований был сделан вывод, что 38% розничных инвесторов криптовалюты воспринимаются как «рискованная игра с целью заработать или потерять деньги» [10]. Также отмечено, что поскольку DeFi продолжают развиваться, и их взаимодействие с традиционной финансовой системой растет, то при дальнейшем регулировании данного рынка необходимо учитывать все возможные риски. В этой связи операции с криптовалютами в Индии не легализованы, что связано с проработкой различных механизмов их дальнейшего регулирования и контроля.

Таким образом, нами был сделан вывод о том, что Республика Индия является быстро растущей экономикой с развивающимся рынком ценных бумаг, финансово-правовое регулирование которого имеет черты колониального прошлого, но также и обладает своими особенностями. В современных реалиях развития международных отношений прослеживается необходимость в дальнейшем укреплении совершенствовании отношений между Российской Федерацией и Индией.

Список литературы

1. THE SOCIETIES REGISTRATION ACT, 1860. Act No. 21 OF 1860. // https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2262/1/AAA1860___21.pdf (дата обращения: 12.08. 2025).
2. Dr. G. S. Lodhi. Introduction of BSE and NSE. Horizon books. 2021. 1-10 pp.
3. The Securities Contracts (Regulation) Act, 1956. // [https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/1644?view_type=browse#:~:text=India%20Code%3A%20Securities%20Contracts%20\(Regulation\)%20Act%2C%201956&text=Long%20Title%3A,certain%20other%20matters%20connected%20therewith.](https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/1644?view_type=browse#:~:text=India%20Code%3A%20Securities%20Contracts%20(Regulation)%20Act%2C%201956&text=Long%20Title%3A,certain%20other%20matters%20connected%20therewith.) (дата обращения: 29. 07. 2025).
4. India's Stock Market on Track to Overtake U.K.'s in Value // <https://www.bqprime.com/business/roaring-india-stock-market-on-track-to-overtake-u-k-s-in-value> (дата обращения: 15.08. 2024).
5. India's market cap can 'easily' jump ten-fold in the next two decades, economist says // <https://www.cnbc.com/2024/04/09/indias-market-cap-can-easily-jump-ten-fold-in-the-next-two-decades-economist-says.html> (дата обращения: 19.08. 2025).
6. India Set for More Global Attention as Bond Inclusion Begins // <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-06-27/india-set-for-greater-global-attention-as-bond-inclusion-begins> (дата обращения: 28.07. 2025).
7. The Finance Act. 2015. The Gazette of India. REGISTERED NO. DL—(N)04/0007/2003—1.
8. В Индии предупредили об «угрозе долларизации» экономики из-за криптовалют. // <https://www.rbc.ru/crypto/news/628229389a7947003e532c27> (дата обращения: 10.08.2025).
9. Cryptos can lead to dollarisation of economy: RBI officials to parliamentary panel // <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/policy/cryptos-can-lead-to-dollarisation-of-economy-rbi-officials-to-par-panel/articleshow/91577208.cms> (дата обращения: 11.08. 2025).
10. Reserve Bank of India. Bullentin. Volume LXXVIII Number 5. May 2024. P.67.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Кинаш Я.И., канд. юрид. наук, доц.,

Кинаш Ю.Я., канд. юрид. наук

ФГОУ ВО «Добасская аграрная академия», г. Макеевка, ДНР, РФ

yamudriy@bk.ru, uliyakinash@mail.ru

Для надлежащего функционирования гражданского оборота в сфере интеллектуальной собственности необходимо признать за правообладателями интеллектуальные права – т.е. права, которые позволяют авторам и правообладателям контролировать использование своих творений, получать за это вознаграждение, а также необходимо создать систему их защиты от несанкционированного использования, предусмотренную действующим законодательством, в том числе и административным.

Исследование системы административно-правовой защиты интеллектуальных прав является актуальным по причине того, что применение методов, предусмотренных ею, недооценено на практике, хотя следует отметить, что применение административно-правовых способов для защиты прав авторов и иных правообладателей обладает преимуществами, к числу которых Н. А. Кулаков относит следующие [1, с. 32]:

- более оперативное привлечения нарушителя к административной ответственности ввиду упрощенного процессуального порядка;
- публичные органы, осуществляющие активные действия по доказыванию вины правонарушителя, снимают тем самым с правообладателя бремя доказывания факта нарушения;
- результаты, полученные в ходе административного производства, могут быть использованы в дальнейшем при защите прав правообладателя в гражданском порядке.

Механизм административно-правовой защиты является составной частью механизма защиты прав и, по мнению С. В. Калининой, представляет собой совокупность административно-правовых средств, применяемых уполномоченными субъектами с целью предупреждения нарушений прав, применение по отношению к правонарушителю ответственности, а также восстановление нарушенного права [2].

Исходя из изложенного следует сформулировать элементы механизма административно-правовой защиты интеллектуальной собственности, которые включают в себя: 1) административно-предупредительные меры, которые применяются до факта нарушения прав на интеллектуальную собственность, это могут быть плановые и внеплановые проверки

уполномоченных органов; 2) меры административного пресечения, направленные на прекращение противоправных действий, такие как ограничение доступа к информационным ресурсам, изъятие материальных носителей и т. п.); 3) меры административной ответственности, которые применяются к лицам, виновным в совершении административного правонарушения, и предусматривают наложение соответствующего наказания; 4) административно-восстановительные меры (применяются с целью вернуть прежнее состояние нарушенных прав, существовавшее до совершения правонарушения).

Административно-восстановительные меры в механизме административно-правовой защиты интеллектуальной собственности обладают особой спецификой, и в совокупности с другими мерами государственного принуждения комплексно влияют на уровень защищенности интеллектуальной собственности.

Федеральная служба по интеллектуальной собственности РФ, Роспатент - федеральный орган исполнительной власти, Министерство культуры РФ, Федеральная таможенная служба РФ, ФАС РФ; Министерство внутренних дел, прежде всего полиция; суды реализуют механизм административно-правовой защиты интеллектуальной собственности в Российской Федерации.

Реализации административной защиты прав в сфере интеллектуальной собственности выше перечисленными органами имеет свою специфику.

Важным условием эффективности системы административно-правовой защиты прав интеллектуальной собственности выступает слаженное взаимодействие всех органов власти и управления, которые защищают нарушенные права интеллектуальной собственности.

В административно-правовом механизме защиты прав интеллектуальной собственности можно выделить следующие направления:

- рассмотрение жалоб и обращений граждан, чьи права в сфере интеллектуальной собственности нарушены;
- проведение проверок и иных контрольных мероприятий;
- рассмотрение дел об административных правонарушениях.

КоАП РФ [3] предусматривает ответственность за нарушение как авторских и смежных прав, так и патентных прав. За нарушение первой группы прав предусмотрена административная ответственность в ст.ст. 7.12 (ч. 1) КоАП РФ; 13.14 КоАП РФ; 14.20 КоАП РФ.

За административные правонарушения нарушения в сфере патентного права предусмотрена ответственность в соответствии со ст.ст. 7.12 КоАП РФ (ч.2), 7.28 КоАП РФ, 13.14 КоАП РФ и т.д.

Административный порядок предусмотрен для разрешения определенных категорий споров, возникающих преимущественно на

стадии оформления прав на изобретение, полезные модели, промышленные образцы. Этот порядок применяется в виде исключения из общего правила, т.е. только в прямо указанных в законодательстве случаях.

Сущность административного порядка защиты прав субъектов исключительных прав состоит в том, что орган государственной власти и управления рассматривает и разрешает спор посредством проведения административных процедур. Для рассмотрения такого рода дел предусмотрена специальная процедура, являющаяся более упрощенной по сравнению с гражданско-правовым способом разрешения спора, вытекающего из нарушения прав в сфере интеллектуальной собственности. Следует отметить более узкий объем гарантий по сравнению с судебным процессом. Часто не предусмотрено непосредственное участие заинтересованных лиц или их представителей в процессе административного разбирательства. Также следует отметить отсутствие обязательности коллегиального рассмотрения административного спора. Законом не регламентировано широкое использование различных доказательств, в том числе, свидетельских показаний, показаний и заключений экспертов.

Таким образом, в структуре административно-правовой защиты прав на объекты интеллектуальной собственности выделены следующие элементы: объекты защиты, субъекты реализации защиты и сам механизм административно-правовой защиты. Сам административно-правовой механизм защиты прав на объекты интеллектуальной собственности не является совершенным. В этой связи требуется повышение степени автономности органов власти и управления, которые реализуют функции в сфере защиты прав интеллектуальной собственности.

Список литературы

1. Кулаков Н. А. Понятие и признаки административной ответственности за нарушение интеллектуальных прав. // Диалог. – 2016. – № 3. – С. 30–35.
2. Калинина С. В. Административно-правовая защита права граждан Российской Федерации на обращение в органы государственной власти и органы местного самоуправления: автореф. дис.... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 7. – 126 с.
3. Кодекс РФ Об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 г. №195-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДИСКРЕДИТАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Косяк Е.Л., канд. юрид. наук, ORCID 0000-0003-3903-4438
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e.kosyak.dongu@mail.ru

Федеральным законом от 4 марта 2022 года № 31-ФЗ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее по тексту – КоАП РФ) дополнен статьёй 20.3.3, предусматривающей административную ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооружённых Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности.

В настоящее время действует изменённая редакция данной нормы КоАП, предусматривающая административную ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооружённых Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, в том числе публичные призывы к воспрепятствованию использования Вооружённых Сил Российской Федерации в указанных целях, либо на дискредитацию исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях, а равно на дискредитацию оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооружённые Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния.

Как правильно отмечает М.К. Кумышева, у данной нормы имеется весьма противоречивая правоприменительная практика, проблемы её применения носят комплексный характер, и нуждаются в своевременном решении как на уровне законодательства, так и в рамках судебной практики тем более, что данная норма «соседствует» со ст. 207.3 УК РФ, предусматривающей ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооружённых Сил РФ [1]. Несмотря на то, что цитируемая публикация посвящена вопросам привлечения к уголовной ответственности по ст. 280.3 УК РФ (после административной преюдиции по ст. 20.3.3 КоАП РФ), приведенный выше

тезис актуален и для привлечения к административной ответственности за такое же деяние, совершённое впервые, тем более, что руководящие разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу в настоящее время отсутствуют.

Практика привлечения к административной ответственности по ст. 20.3.3 КоАП РФ позволяет сделать вывод, что для её правильного применения необходимо понимание того, что можно считать дискредитацией.

Для определения понятия дискредитации следует, прежде всего, обратиться к его филологическому толкованию.

Согласно Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова, в наиболее общем плане дискредитацию можно определить как «подрыв доверия к кому-либо, чему-либо, умаление авторитета кого-либо, чего-либо» [2]. Таким образом, в отличие от публичного распространения заведомо ложной информации, так называемых «фейков» об использовании Вооружённых Сил РФ – ст. 207.3 УК РФ, не предусматривающая административную преюдицию, – дискредитация предполагает прежде всего подрыв доверия.

Одним из способов подрыва доверия к Вооружённым Силам Российской Федерации может быть использование в не соответствующих действительности высказываниях в отношении Вооружённых Сил Российской Федерации слов и выражений, негативно их характеризующих.

Так, на сообщении в интернет-ресурсе «Донбасс.Важно» об обстреле ВСУ рынка «Текстильщик» в Кировском районе г. Донецка 21 января 2024 года одним из пользователей был размещён комментарий «Это следствие...А причина – СВО России...». В данном комментарии высказывается суждение в форме утверждения о том, что причиной гибели людей при обстреле ВСУ рынка «Текстильщик» явилось проведение Российской Федерацией Специальной военной операции. В связи с тем, что целью проводимой Вооружёнными Силами РФ Специальной военной операции являются защита населения ДНР и ЛНР от неонацистов, а также демилитаризация Украины и это следует из Постановления Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 22 февраля 2022 года № 35-СФ, утверждение автора комментария о том, что причиной гибели людей при обстреле ВСУ рынка «Текстильщик» явилось именно проведение СВО, подрывает доверие к Вооружённым Силам РФ и умаляет их авторитет. За размещение данного комментария его автор привлечён судом к административной ответственности именно по ст. 20.3.3 КоАП РФ.

Дискредитация также может заключаться в умышленном искажении авторами высказываний смысла отдельных общепринятых терминов. Например, использование автором одного из комментариев в социальных сетях в отношении военнослужащих Вооружённых Сил РФ термина «рашисты» является заведомым искажением смысла указанного термина,

впервые использованного российским журналистом Н.А. Андреевым для характеристики идеологических взглядов Карема Раша – российского милитаристского писателя курдского происхождения, известного своим воинственным патриотизмом). В настоящее время украинский журналист Остап Кривдык определил «рашизм» как «идеологию и практику правящего режима Российской Федерации» [3] и это заведомо неправильное толкование искусственно переносится на всех россиян, поддерживающих участие Российской Федерации в боевых действиях против Украины и принимающих участие в СВО как их негативная характеристика. Применение в отношении военнослужащих Вооружённых Сил РФ указанного термина признано судом их дискредитацией и автор комментария привлечён к административной ответственности именно по ст. 20.3.3 КоАП РФ.

Подводя итог изложенному, считаем целесообразным для обеспечения единой практики применения ст. 20.3.3 КоАП РФ и соответственно ст. 280.3 УК РФ дополнение Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [4] пунктом 6.3 следующего содержания: «Под дискредитацией использования Вооружённых Сил Российской Федерации следует понимать распространение высказываний и утверждений, подрывающих к ним доверие и умаляющих их авторитет. Установление таких обстоятельств относится к компетенции лингвистической экспертизы». На наш взгляд, это будет способствовать надлежащему правоприменению.

Список литературы

1. Кумышева М.К. Актуальные проблемы привлечения к уголовной ответственности за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооружённых Сил Российской Федерации // М.К. Кумышева // Образование и право. – 2022. – № 7. – <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-privlecheniya-k-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-publichnye-deystviya-napravlennye-na-diskreditatsiyu-ispolzovaniya?ysclid=mg6hg5z4to406707372/> (дата обращения: 29.09.2025). DOI: 10.24412/2076-1503-2022-7-274-279.
2. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Азъ, 1994. – 907, [1] с.; 27 см.; ISBN 5-85632-007-7 (В пер.). – С. 364.
3. Рашизм. Википедия. - Текст : электронный // Википедия: интернет-сайт. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Рашизм#cite_note-Ghall-21 (дата обращения: 29.09.2025).
4. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности. Постановление Пленума Верховного Суда российской Федерации. - Текст : электронный // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. – 2025. - URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8255/?ysclid=mg6krdksrq693302495> (дата обращения: 30.09.2025).

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПРАВА ГРАЖДАН НА СВОБОДУ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Котляр А.В., ORCID 0009-0000-6012-5225

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
a.kotlyar.donnu.jur@mail.ru

Введение. Важным направлением демократической модернизации общества, условием социальной стабильности и национальной безопасности является развитие гражданского общества, которое, выступает основой стабильного демократического политического режима и авторитетной власти, позволяет существовать правовое государство.

Цель работы является установление понятия административно-правовой охраной конституционного права на свободу объединения.

Основная часть. Главная задача, стоящая перед государством в политической и общественной жизни, состоит в одновременном продолжении реформирования и вовлечении большего числа граждан в этот процесс, поддержании позитивной динамики в укреплении управленческих способностей государственных органов и развитии принципов демократии. Эффективное решение этой задачи требует повышения уровня общественного доверия, особенно к правительству и его институтам. Коренным образом изменить текущее положение дел возможно, расширив возможности для участия общества, превратив граждан в активных участников преобразований, формируя в общественном сознании понимание ответственности власти перед народом и возможности оказывать на нее влияние. Только так можно добиться реальных перемен и укрепить доверие между государством и обществом.

Одной из основных проблем осуществления общественных реформ в настоящее время является низкая степень участия граждан в процессах их разработки, реализации и корректировки. Соответственно, расширение социальной базы реформ, превращение общественности в действенного субъекта общественных преобразований является одним из первых этапов общественных реформ.

Определение понятия и содержания государственной политики развития гражданского общества, создание благоприятных условий для реализации права граждан на свободу объединения, а также действенной системы охраны деятельности общественных организаций, в частности средствами административного права, являются задачами, требующими первоочередного решения. Административно-правовая охрана конституционных прав граждан имеет большое общественное значение, поскольку является определенной гарантией их обеспеченности и

реализации, что, в свою очередь, определяет уровень демократии в обществе и государстве [1, с. 62].

Граждане РФ в процессе реализации своих политических прав в индивидуальных и коллективных формах фактически участвуют в осуществлении политической власти, следовательно, вступают для этого в административно-правовые правоотношения с государством, политическими партиями, общественными организациями, органами местного самоуправления и т.д.

Именно поэтому, реализация конституционных основ формирования открытого гражданского общества, развития и укрепления демократического, социального, правового государства невозможно без укрепления в общественном сознании и социальной практике как на уровне должностных лиц, так и на уровне рядовых граждан, идеи соблюдения и защиты прав и свобод человека.

Реальность прав человека определяют как объективное существование прав человека, что обеспечивается четкой формулировкой их составных элементов в законодательных актах, официально установленной процедурой (процессом) их реализации, эффективной судебной и административной защитой в случае их нарушения. Фактически реальность прав человека – это возможность действительной реализации, охраны, защиты и восстановления в случае нарушения прав личности. Для обеспечения действительности прав человека есть гарантии прав и свобод личности [2, с. 254].

В свою очередь под правовыми мерами обеспечения прав человека понимают меры по разработке, принятию, внедрению и реализации непосредственно норм права, направленных на обеспечение прав и свобод человека [3, с. 52].

В целом правовые средства обеспечения прав человека определяют как «материально-правовые и процессуальные нормы и процедуры», используемые юрисдикционными органами по требованию правомочного лица для принудительного восстановления нарушенного права, а также те правоотношения, которые возникают в связи с осуществлением своих полномочий юрисдикционными органами, по применению правоприменительных актов, которые направлены на реализацию прав правомочных органов [4, с. 29].

В этой связи особое значение приобретает проблема усовершенствования системы правового регулирования деятельности всех субъектов общественных отношений.

В основе права на объединение лежит общепринятый принцип свободы ассоциации, позволяющий каждому человеку совместно с другими формировать организации, в том числе профессиональные союзы, для защиты своих нужд и интересов. Этот принцип закреплён как в Международном пакте о гражданских и политических правах, так и в Конвенции о защите прав человека и основных свобод [5, с. 13].

Развитие основ гражданского общества выступает одновременно и как самоцель, и как инструмент. Без зрелого гражданского общества невозможно гарантировать соблюдение прав и свобод граждан. Более того, оно необходимо для эффективного функционирования всей государственно-правовой системы, особенно для государств, стремящихся к демократическому идеалу. В связи с этим, поддержка и укрепление основ гражданского общества становится важной задачей современного административного права, рассматриваемой как в качестве конечной цели, так и в качестве необходимого средства для обеспечения эффективной работы всей государственно-правовой структуры.

Необходимость охраны права на свободу объединения нормами административного права обусловлена конституционными обязанностями человека и гражданина, которые установлены не в прямой, а в опосредованной форме в соответствии с требованиями правового государства: а именно, обязанностью неукоснительно соблюдать Конституцию РФ и законы, прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других; в свою очередь обязанностями органов государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц является то, что они должны действовать только на основании, в пределах полномочий и способом, предусмотренным Конституцией и законами РФ (ч. 2 ст. 15) [6].

Заключение. Таким образом, под административно-правовой охраной конституционного права на свободу объединения следует понимать правовые отношения, характеризующиеся достаточностью механизма административно-правового регулирования обеспечения реализации гражданами права на свободу объединения.

Список литературы

1. Тресков, А.П. Законодательная Политика государства в сфере формирования гражданского общества в России / А.П. Тресков // Правовое государство: теория и практика. – 2012. – №2 (28). – С. 62-67
2. Замятин, А.В., Кирюшина, Н.Ю. К вопросу о понимании прав человека / А. В. Замятин, Н.Ю. Кирюшина // Вестник ННГУ. – 2011. – №3-1. – С. 252-257
3. Волчкова, Н.Н. Механизм обеспечения конституционных прав человека и гражданина в Российской Федерации / Н.Н. Волчкова // Евразийский союз ученых. – 2018. – № 11-3(56). – С. 51-55.
4. Волкова, М. В. Правовые средства обеспечения субъективных прав и свобод личности в системе правового регулирования / М.В. Волкова // Юрист-Правовед. – 2008. – № 4(29). – С. 28-31.
5. Герасимова, Е.С. Свобода объединения в современной России: практика, проблемы, опыт защиты: монография / Е.С. Герасимова, Ю.Е. Островская, П.В. Бизюков; под ред. Е.С. Герасимовой, Ю.Е. Островской – М.: АНО «Центр социально-трудовых прав» 2018. – 148 с. – ISBN 978-5-9906804-8-7
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета от 25 декабря 1993 г. N 237

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Котляр А.В., ORCID 0009-0000-6012-5225,

Шамрей Д.С.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

a.kotlyar.donnu.jur@mail.ru daniil.ivan10@mail.ru,

Введение. Министерство культуры Российской Федерации – федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий государственное управление в сфере культуры, искусства, кинематографии, охраны культурного наследия и других связанных областях[1].

Цель исследования состоит в том, чтобы раскрыть особенности правового статуса Министерства культуры России.

Основная часть. Правовой статус Министерства культуры регулируется Конституцией РФ, федеральными законами, указами Президента и постановлениями правительства. Министерство действует на основе устава, утвержденного в установленном порядке, и обладает правами юридического лица, включая право заключать договоры, владеть имуществом и представлять интересы РФ в сфере культуры.

Его историческое развитие отражает глубинные изменения в государственном подходе к культуре, от идеологической функции советского периода до современного института, ориентированного на интеграцию традиций и инноваций. Анализ эволюции Минкультуры выявляет системные вызовы, связанные с несовершенством правового регулирования и распределением полномочий между уровнями власти.

Исторически предшественником Министерства стал Комитет по делам искусств при СНК СССР, учрежденный в 1936 году, что отражало тогдашний акцент на идеологическом контроле культуры [2]. После распада СССР в 1992 году было создано Министерство культуры РФ, которое претерпело ряд преобразований, включая объединение с ведомством массовых коммуникаций в 2004 году и последующее разделение в 2008 году. Эти изменения свидетельствуют о попытках адаптировать структуру управления культурой к меняющимся социально-политическим условиям, но одновременно породили проблемы раздробленности функций и ответственности.

Правовой статус Министерства культуры РФ имеет ряд особенностей. В частности, Министерство является самостоятельным федеральным органом исполнительной власти, обладающим статусом юридического лица. Оно осуществляет функции по разработке и реализации государственной политики в сфере культуры, охраны

культурного наследия, искусства, кинематографии и других областей, а его деятельность регулируется федеральными законами, указами Президента, постановлениями правительства и уставом, утвержденным в установленном порядке. Современное нормативное поле, включает Конституцию РФ (ст. 44), Федеральные законы № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия» и № 54-ФЗ «О Музейном фонде», а также Положение о Министерстве культуры (утв. в 2011 году), формирует базис для деятельности ведомства.

Министерство формирует и реализует государственный бюджет, выделяемый на сферу культуры. Оно обладает правом владения, пользования и распоряжения имуществом, необходимым для выполнения своих функций и взаимодействует с федеральными, региональными органами власти, общественными организациями и учреждениями культуры. В то же время оно несет ответственность за выполнение государственных программ и задач в сфере культуры, а также за соблюдение законодательства. Эти особенности определяют его роль как ключевого органа в сфере культурной политики и управления культурным наследием в РФ.

Более 60 федеральных законов и 100 подзаконных актов регламентируют сферу культуры. В то же время ряд нормативных актов, в частности, ФЗ № 122 (2004) отменяет льготы для творческих работников и налоговые преференции для музеев, что негативно сказывается на социальной защите деятелей культуры и доступности культурных услуг для населения [3].

В 2019 году в России был запущен национальный проект «Культура», включающий программы «Культурная среда», «Цифровая культура» и «Творческие люди». Данные меры направлены на модернизацию инфраструктуры, цифровизацию культурных ресурсов и поддержку кадровых инициатив. Например, обновление свыше 1400 домов культуры и создание виртуальных концертных залов значительно расширили доступ к культурным услугам, особенно в удаленных регионах. Цифровизация 48 тысяч книжных памятников для Национальной электронной библиотеки и внедрение AR-гидов в музеях демонстрируют успешное использование инновационных технологий в сохранении и популяризации культурного наследия. Активное вовлечение волонтеров культуры также способствует формированию общественного участия и укреплению кадрового потенциала. Положительный пример интеграции цифровых и социальных программ наблюдается в новых регионах России, таких как Крым и Донбасс, где модельные библиотеки стали центрами культурной и социальной интеграции.

В настоящее время важным направлением является создание единого федерального реестра памятников культуры с унифицированными стандартами охраны и прозрачным механизмом финансирования. Это

позволит снизить риски фрагментации и повысить эффективность охранных мероприятий. Кроме того, расширение возможностей государственно-частного партнерства (ГЧП) через налоговые стимулы для бизнеса, инвестирующего в реставрацию и развитие культурных объектов, способно привлечь дополнительные ресурсы и инновационные практики, что доказано положительным опытом применения аналогичных механизмов в сфере концессий.

В итоге Министерство культуры РФ стоит перед вызовом гармонизации правового регулирования с современными социальными и экономическими условиями. Только комплексный подход, объединяющий государственные, общественные и коммерческие усилия в рамках национального проекта «Культура», позволит обеспечить устойчивое развитие отрасли, сохранив культурное наследие и расширив доступ населения к качественным культурным благам.

Заключение. Тенденции совершенствования правового регулирования сферы культуры и Министерства культуры РФ включают следующие направления: усиление нормативной базы, что предполагает разработку и принятие новых законов и подзаконных актов, регулирующих современные вызовы и тенденции в культуре, такие как цифровизация, интеллектуальная собственность и охрана культурного наследия, создание правовых условий для развития цифровых платформ, электронных библиотек, онлайн-музеев и кинотеатров, а также регулирование авторских прав в цифровой среде, обеспечение защиты культурного наследия, развитие механизмов поддержки и финансирования – создание новых форм государственной поддержки культурных инициатив, грантовых программ и налоговых льгот, а также внедрение механизмов контроля, отчетности и общественного участия в управлении культурной сферой.

Эти тенденции направлены на адаптацию правового регулирования к современным условиям, повышение эффективности деятельности Министерства и развитие культурной сферы в целом.

Список литературы

1. Постановление Правительства РФ от 20 июля 2011 г. N 590 "О Министерстве культуры Российской Федерации"// Собрание законодательства Российской Федерации от 1 августа 2011 г. N 31 ст. 4758
2. Об образовании Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК Союза ССР [Текст] : Постановление ЦИК и СНК СССР от 17 янв. 1936 г. // Кино: организация управления и власть. 1917–1938 гг. : документы / сост. В. И. Фомин. – М. : РОССПЭН, 2016. – С. 487–488
3. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации [Текст] : федер. закон : [принят Гос. Думой 24 мая 2002 г. : одобр. Советом Федерации 14 июня 2002 г.]. – [Ред. от 14.07.2022]. // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 26. – Ст. 2519. – 102 с.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Матвиенко Е.А., канд. юрид. наук,

Высоцкий М.С., ORCID 0009-0007-2783-934X

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

k.matvienko.donnu.jur@mail.ru, maksim.vysotskiy.02@inbox.ru

Введение. За последние десятилетия экологическое предпринимательство стало неотъемлемой частью устойчивого развития экономики. В России, как и за рубежом, наблюдается активный поиск правовых моделей, которые позволили бы гармонизировать интересы бизнеса и государства в сфере охраны окружающей среды. Эта тема особенно актуальна в условиях глобального перехода к «зелёной» экономике, реализации климатических обязательств и формирования ESG-стандартов. Анализ эволюции правового регулирования необходим для выявления лучших практик и разработки эффективных мер государственной политики.

Цель исследования – выявление этапов эволюции правового регулирования экологического предпринимательства в России и за рубежом, анализ общих тенденций и выработку предложений по совершенствованию отечественного законодательства.

Основная часть. Под экологическим предпринимательством понимается деятельность, направленная на производство товаров, выполнение работ или оказание услуг, способствующих рациональному использованию природных ресурсов и минимизации негативного воздействия на окружающую среду. В зарубежных правовых порядках используются близкие категории – «green business», «eco-industry» – охватывающие также внедрение ESG-стандартов и циркулярной экономики. Особенность данного вида бизнеса заключается в высокой степени зависимости от правового регулирования, так как именно законодательство определяет условия допуска к рынку, порядок лицензирования, меры поддержки и ответственность.

В настоящее время ESG-принципы приобретают всю большую популярность в мире, так как достижение устойчивого развития – важнейшая макроэкономическая задача, сложность и значимость которой постоянно возрастает [1, с. 429]. Широкое распространение в хозяйственной деятельности принципов ESG является закономерным следствием трансформации общества, мировых институтов и бизнеса в сторону внедрения и развития экологических практик. По своей сути ESG-принципы – это эволюционное продолжение модели корпоративной

социальной ответственности, провозглашенной в резолюции «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» Генеральной Ассамблеи ООН в 2015 году, направленной на создание условий для процветания человечества и сохранения планеты будущим поколениям.

Сегодня ESG-принципы повсеместно внедряются в бизнес-процессы и производство, выделяются огромные средства на проекты устойчивого развития, растёт объём ESG-инвестиций. Финансовыми инструментами в этой сфере являются устойчивые облигации и кредиты, «зелёные» и социальные облигации и кредиты, облигации по корпоративному управлению, ESG-фонды, ESG-деривативы, ESG-депозиты, ESG-кредиты и др.

В то же время Россия серьёзно отстаёт от развитых стран в данной области, вдобавок ситуацию ухудшает глобальная геополитическая напряжённость и санкционное давление. В настоящее время отечественный рынок финансовых ESG-инструментов составляет около 0,6% международного рынка, что демонстрирует значительное отставание нашей страны в данной сфере и является аргументом принятия эффективных мер, в том числе правового характера, по развитию и внедрению ESG-стратегии в экономику.

Российское законодательство постепенно формирует комплексную нормативную базу: ФЗ «Об охране окружающей среды» № 7-ФЗ закрепляет принципы устойчивого развития, наилучших доступных технологий (НДТ) и расширенной ответственности производителей (РОП) [2]; ФЗ «Об отходах производства и потребления» № 89-ФЗ регулирует обращение с отходами, вводит обязанности по утилизации и экосбор [3]; ФЗ «Об экологической экспертизе» № 174-ФЗ устанавливает процедуру государственной экологической экспертизы [4]; ФЗ «О государственно-частном партнёрстве» № 224-ФЗ создаёт правовую основу для реализации экологических проектов [5].

Существенную роль играют подзаконные акты: постановления Правительства РФ о нормативах выбросов, порядке проведения ОВОС (например, Постановление от 28.11.2024 № 1644), методики расчёта платы за негативное воздействие, национальные стандарты (ГОСТ Р 56295-2014 «Менеджмент экологических аспектов»), сближающие российскую систему с европейскими EMAS и ISO 14000 [6].

Среди нормативно-правовых актов, внесших значительный вклад в развитие отечественной инвестиционной среды на базе ESG-стандартов отметим: Распоряжение Правительства РФ от 14.07.2021 г. № 1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зелёного) развития Российской Федерации» от 14.07.2021 г. и Постановление Правительства РФ от 21.09. 2021 г. № 1587 «Об утверждении критериев проекта устойчивого (в том числе зелёного) развития в Российской Федерации и требований к системе верификаций

проектов устойчивого (в том числе зелёного) развития Российской Федерации» от 21.09.2021 г. Важная роль в переходе Российской Федерации на «зеленую» экономику принадлежит национальному проекту «Экология».

Несмотря на определенные успехи в развитии «зеленой» экономики и использовании ESG-инструментария, следует отметить на отсутствие специального нормативного акта регулирующего эту деятельность, например закона «Об экологическом предпринимательстве», который закрепил бы понятие, виды, меры поддержки, контроль и ответственность. Это в значительной степени активизировало бы процесс ESG-инвестирования, уменьшило фрагментарность регулирования, неоднородность региональной практики, усложнение трансграничных сделок.

В зарубежных правовых системах используются близкие категории – green business, eco-industry, sustainable finance. ЕС закрепил систему EMAS, директивы о промышленных выбросах, устойчивом финансировании и корпоративной отчетности по ESG [7]. США применяют NEPA, Clean Air Act, Clean Water Act; ключевая роль отведена судебной защите прав граждан и НКО. Китай реализует концепцию «экологической цивилизации»: ужесточён контроль, введены «чёрные списки» предприятий, развита система зелёного кредитования. Сингапур и Южная Корея делают акцент на зелёных технологиях, налоговых преференциях и обязательной сертификации предприятий.

Общие тенденции: переход от репрессивного к превентивному регулированию (стратегическая экологическая оценка, ОВОС); налоговые и финансовые стимулы (льготы, «зелёные» облигации, субсидии); усиление административной и гражданско-правовой ответственности бизнеса. Отличия: ЕС закрепляет стандарты в регламентах, обязательных для всех стран-членов; США опираются на правоприменение через суды и участие общественности; Китай сочетает централизованный контроль и масштабную поддержку «зелёных» отраслей; в России нормы пока носят декларативный характер.

Заключение. Эволюция правового регулирования экологического предпринимательства в России идёт в русле общемировых тенденций, но требует систематизации и закрепления стимулов. Сравнительно-правовой анализ показывает, что устойчивое развитие бизнеса возможно при сочетании строгих экологических стандартов и экономических мер поддержки. Внедрение лучших зарубежных практик ускорит формирование в России полноценного сектора «зелёной» экономики и повысит конкурентоспособность отечественных предприятий.

Список литературы

1. Харламов А.В. Государственная политика повышения конкурентоспособности национальной экономики и развитие хозяйственной системы // Форсайт «Россия»:

- будущее технологий, экономики и человека. Том 2 / Сборник докладов V Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2019). – СПб.: ИНИР, 2019. – С. 427-437.
2. ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002. № 7-ФЗ (ред. от 26.07.2023) // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
 3. ФЗ «Об отходах производства и потребления» от 24.06.1998. № 89-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.
 4. ФЗ «Об экологической экспертизе» от 23.11.1995. № 174-ФЗ (ред. от 21.07.2023) // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4556.
 5. ФЗ «О государственно-частном партнёрстве» от 13.07.2015. № 224-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4350.
 6. Постановление Правительства РФ от 28.11.2024. № 1644 «О порядке проведения оценки воздействия на окружающую среду» // СЗ РФ. 2024. № 49 (Часть V). Ст. 7617.
 7. European Commission. Regulation (EC) No 1221/2009 on the voluntary participation by organisations in a Community eco-management and audit scheme (EMAS). – Text : electronic // European Commission : [official site]. – URL: <https://ec.europa.eu/environment/emas> (дата обращения: 22.09.2025).

УДК 349.6

СООТНОШЕНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УРОВНЕЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Матвиенко Е.А., канд. юрид. наук,
Молодых А.А.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
k.matvienko.donnu.jur@mail.ru, aa.molodykh@yandex.ru

Введение. В Российской Федерации, обладающей огромными запасами природных ресурсов и уникальным экологическим разнообразием, законодательное регулирование их использования и охраны приобретает особую значимость. Вопросы разделения компетенции между органами власти разного уровня становятся особенно значимыми, и заключаются в том, каким образом обеспечивается взаимодействие этих уровней и насколько эффективно оно реализуется на практике.

Цель работы – исследование и анализ особенностей функционирования системы правового регулирования использования и охраны природных ресурсов в Российской Федерации на федеральном и региональном уровнях.

Основная часть. В соответствии с пунктом «в», «д», «к» статьи 72 Конституции Российской Федерации, вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами, природопользование и охрана окружающей среды, земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации [1]. Такое совместное ведение предполагает взаимосогласованное выполнение функций всеми участниками правоотношений и во многом зависит от рационального распределения полномочий в этой сфере между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, которые находят свое отражение в эколого-правовых нормативных актах.

Свойства системности федерального и регионального правового регулирования охраны окружающей среды, использования природных ресурсов позволяют реализовать важнейшую государственную функцию – единообразное, реальное обеспечение сбалансированного решения социально-экономических задач, в том числе сохранение благоприятной окружающей среды, природных ресурсов и биологического разнообразия [2, с. 194].

Кроме того, конституционная норма (статья 76 Конституции Российской Федерации), прямо указывает, что по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации. Законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить федеральным законам.

В качестве ключевых нормативных правовых актов, регулирующих использование и охрану природных ресурсов, можно выделить:

- Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»;
- Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ;
- Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ;
- Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ;
- Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире»;
- Закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах».

Данные нормативные правовые акты (перечень не является исчерпывающим) составляют основу концепции использования и охраны природных ресурсов, формируя общее правовое поле для взаимодействия различных уровней власти.

Наряду с федеральными законами субъекты Российской Федерации обладают правом принимать собственные нормативные правовые акты, направленные на охрану окружающей среды и использование природных ресурсов. В качестве примера укажем следующее:

- Областной закон Ростовской области от 11.03.2003 № 316-ЗС «Об охране окружающей среды в Ростовской области»;
- Постановление Правительства Ростовской области от 15.10.2018 №638 «Об утверждении государственной программы Ростовской области «Охрана окружающей среды и рациональное природопользование»;
- Закон Московской области от 22.12.2006 № 240/2006-ОЗ «Об охране окружающей среды в Московской области»;
- Закон Красноярского края от 20.09.2013 № 5-1597 «Об экологической безопасности и охране окружающей среды в Красноярском крае».

Региональные нормативные правовые акты призваны учитывать географические, климатические и экономические особенности отдельных территорий, что должно способствовать повышению эффективности реализации экологических мер. Тем не менее, практика указывает на слабую взаимосвязь регионального и федерального законодательства для большинства субъектов Федерации. Наиболее распространенными случаями такого рода является следующее:

- Во многих регионах органы власти с неохотой берут на себя обязанности в природоохранной сфере, следовательно, не во всех регионах Российской Федерации имеются такие законы, а в ряде субъектов регулирование носит «фрагментарный» характер. Отсутствие «полноценного» экологического законодательства, учитывающего специфику региона, использование в этих целях исключительно положений федерального закона, по сути, означает перекладывание ответственности за неудовлетворительное состояние окружающей среды на федеральный уровень [3, с. 78, 82].

- Учитывая пункт «м» статьи 72 Конституции Российской Федерации о нахождении в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации защиты исконной среды обитания малочисленных этнических общностей, принципиальным остается, чтобы именно на уровне субъектов Российской Федерации экологические права и обязанности граждан, способы их реализации и защиты подлежали закреплению с учетом необходимости обеспечения указанной среды [4, с. 63].

- В региональном экологическом законодательстве, как правило, не учитываются вопросы межрегионального сотрудничества, особенно экосистемного характера. В качестве примера можно привести проблему лесомелиорации в засушливых регионах юга России: правовая неурегулированность мероприятий по сохранению и развитию лесозащитных полос на землях сельскохозяйственного назначения в Ростовской, Волгоградской областях и других регионах, уничтожение этих объектов в ДНР и ЛНР в результате военных действий привели в результате засухи к снижению урожайности в 1,5–3 раза.

– Отсутствие квалифицированных специалистов в области экологического права (в том числе в сфере высшего юридического образования) в значительном числе регионов Российской Федерации, с учетом актуальности решения экологических проблем, отраженных в значительном числе программных документов, и природного разнообразия регионов Российской Федерации [3, с. 82].

Заключение. Таким образом, законодательное регулирование использования и охраны природных ресурсов на федеральном и региональном уровне в Российской Федерации опирается на конституционные нормы и федеральное законодательство, которое создает основу для регулирования правоотношений в данной сфере. В свою очередь, региональные нормативные правовые акты призваны адаптировать закрепленные правила к местным условиям, что должно увеличить эффективность реализации экологических мер. Тем не менее, существует ряд проблем, связанных с недостаточным нормативным регулированием в некоторых регионах, фрагментарностью законодательства и нехваткой квалифицированных специалистов. Решение этих вопросов является важным условием, обеспечивающим устойчивый и согласованный подход к использованию и охране природных ресурсов в Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 23.09.2025).
2. Барбашова Н.В. Экологическое право : учебник / Н.В. Барбашова. – Москва : ИНФРА-М, 2025. – 538 с. – (Высшее образование: Специалитет). – DOI 10.12737/1081758.
3. Барбашова Н.В. Проблемы правового регулирования экологических отношений в субъектах Российской Федерации / Н.В. Барбашова // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – № 6. – 2020. – С. 76-84.
4. Макарова Т.И. Теоретические и прикладные аспекты формирования правовых основ охраны окружающей среды как предмета совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов / Т.И. Макарова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – № 1. – 2022. – С. 61-65.

СООТНОШЕНИЕ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ЗЕМЕЛЬНОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ БАЛАНСА

Матвиенко Е.А., канд. юрид. наук,

Свешников И.А.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

k.matvienko.donnu.jur@mail.ru, vanya.sv@list.ru

Введение. В работе рассматривается проблема достижения баланса между частными и публичными интересами в сфере земельных правоотношений. Анализируются пробелы и противоречия в действующем законодательстве, в частности в правовом регулировании изъятия и ограничения прав на земельные участки. Особое внимание уделено неопределённости понятия «публичный интерес», отсутствию универсального механизма компенсации при ограничениях прав, а также правовому конфликту между различными уровнями публичной власти. Использована актуальная судебная практика и научные исследования по теме.

В работе предлагаются конкретные пути совершенствования законодательства, направленные на обеспечение правовой определённости и усиление защиты прав собственников.

Целью исследования является выявление проблем в соотношении частных и публичных интересов в земельном праве, анализ правоприменительной и нормативной неопределённости, а также разработка предложений по совершенствованию действующего законодательства с целью достижения устойчивого баланса интересов.

Основная часть. Современное земельное право России переживает состояние постоянного конфликта между частными и публичными интересами, проявляющееся в правоприменительной практике по вопросам градостроительства, инфраструктуры, экологии и национальной безопасности. Законодательство, провозглашая необходимость баланса, на деле чаще склоняется в пользу публичных интересов, что приводит к снижению защиты прав собственников, расширению правового пространства для административных органов и возникновению правовой неопределённости [1].

Одним из центральных пробелов является неопределённость понятия «публичные интересы», закреплённого в ст. 49 и 56.3 ЗК РФ, не имеющего достаточного толкования. Это создаёт риски злоупотребления публичными полномочиями, особенно когда административные структуры используют термин «госнужды» для реализации проектов коммерческой инфраструктуры.

А.П. Лиманская полагает, существует необходимость структурировать это понятие, выделяя чёткие критерии и ограничения, разделяя публичные интересы в том числе на: специфические – экологические, оборонные, транспортные [2, с. 87–92].

Другим значимым недостатком законодательства называют отсутствие универсального механизма компенсации при ограничениях прав. В настоящее время компенсация гарантирована лишь при формальном изъятии участка, тогда как сферы влияния, такие как охранные или санитарные зоны, освобождают собственника от возможности полноценного использования участка без выплаты компенсации. Такой пробел противоречит ст. 35 Конституции РФ.

Также указанное противоречит устоявшейся позиции Верховного Суда Российской Федерации: компенсация должна предоставляться даже при фактическом ограничении, не оформленном как изъятие [3, с. 8–11].

По мнению А.В. Михелевой, законодателю надлежит расширить понятие компенсации, включив ситуации, когда собственник лишён возможности использовать земельный ресурс «не по причине формальной утраты права, а вследствие административных ограничений» [4, с. 29].

Кроме того, существует правовая коллизия между уровнями публичной власти при распределении земельных ресурсов. К примеру, дело, в котором Росавтодор искал изъятие земель Минобороны для дорожных нужд, показывает, что отсутствие механизмов согласования между государственными и муниципальными субъектами ведёт к неразрешимым противоречиям [5, с. 3–5].

Указанное подтверждает выводы работы Н.В. Кичигина, о том, что разграничение контроля и полномочий между уровнями публичной власти является необходимым условием правовой определённости [6, с. 17–22].

Следует указать на имеющиеся место коллизии в дефиниции земельного участка: в ГК РФ он является объектом гражданских прав и обязанностей, а в ЗК РФ – является недвижимой вещью, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи имеющей границы, т.е. представляет собой также технический (кадастровый) инструмент, описывающий, индивидуализирующий земельный участок в качестве объекта недвижимости. Для гражданского оборота используется земельный участок, в том числе общего пользования, для публично-правового воздействия – территория, в том числе общего пользования.

Важным представляется отметить недостаточную урегулированность публично-правовых аспектов подключения объектов капитального строительства к инженерно-техническим сетям, расположенных на земельных участках с различной формой собственности. Указанные отношения носят смежный характер и регулируются одновременно нормами ЗК РФ и ГрК РФ.

Заключение. Таким образом, законодательная база нуждается в непосредственной модернизацией, которая может выражаться следующими способами:

1) Требуется чёткие определения и критерии «публичных интересов» с разграничением по сферам (оборона, экология, инфраструктура).

2) Необходимо ввести универсальное правило – компенсацию в любых случаях ограничения, включая неполноценное использование участка в результате установления охранных или санитарных зон.

3) Стоит закрепить процедуру досудебной оценки, экспертного анализа и взаимодействия с собственником перед установлением ограничения.

Важно урегулировать взаимоотношения между публичными субъектами: установить приоритеты, процедуры согласования и механизмы урегулирования правовых конфликтов между федеральными, региональными и муниципальными органами.

Подводя итог, можно утверждать, что только чётко сформулированные, детализированные и сбалансированные нормы законодательства могут обеспечить устойчивость правовой системы и гарантировать уважение как к частным, так и публичным интересам.

Без такого пересмотра ни одна из сторон – ни государство, ни собственник – не получит надёжных гарантий, что может вызывать значимые коллизии в земельном праве.

Список литературы

1. Барбашова Н.В. Экологическое право: Учебник для специалитета / Н. В. Барбашова. – Москва : ИНФРА-М, 2025. – 538 с. – DOI 10.12737/1081758.
2. Лиманская А.П. Основания ограничений прав на земельные участки / А. П. Лиманская // Аграрное и земельное право. – 2022. – №5 (209). – С. 87–92.
3. Судебная практика высших судов РФ. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 N 305-ЭС22-16446 по делу N А40-49895/2020. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-15122022-n-305-es22-16446-po-delu-n-a40-498952020/> (Дата обращения: 28.09.2025).
4. Михелева А.В. Ограничение права собственности на земельные участки в публичных интересах / А.В. Михелева // Отечественная юриспруденция. – 2020. – №6 (20). – С. 27-31.
5. Арбитражный суд города Москвы. Дело № А40-185034/2022. Решение от 23.04.2024. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/9cXbTUoobqZq/> (дата обращения: 26.06.2025).
6. Кичигин Н.В. Разграничение объектов государственного земельного надзора и муниципального земельного контроля как способ устранения правовой неопределенности / Н.В. Кичигин // Экологическое право. – 2024. – № 1. – С. 17–22.

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ МЕХАНИЗМА НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

Новак А.Ю.

ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет имени А.С. Макаренко»,
г. Мелитополь, Запорожская обл., РФ
rektorat@mgu-mlt.ru

Введение. Совершенствование механизмов сбора и администрирования налогов является неотъемлемой частью современного государственного управления. Эффективная налоговая система не только увеличивает поступления в бюджет, но и способствует созданию благоприятной деловой среды. Для достижения этих целей необходимо внедрять современные технологии, автоматизировать процессы и минимизировать человеческий фактор.

Цель данного исследования – анализ ключевых направлений совершенствования сбора и администрирования налогов.

Основная часть. Правовое регулирование механизма налогового администрирования включает в себя нормативно-правовые акты, регулирующие порядок и методы взимания налогов, контроль за их уплатой и ответственность налогоплательщиков. Основными источниками являются налоговое законодательство, подзаконные акты, международные договоры и судебная практика. В России это, прежде всего, Налоговый кодекс РФ, а также федеральные законы и инструкции ФНС. Законодательство определяет права и обязанности налоговых органов и налогоплательщиков, процедуры налогового контроля, проверки и взыскания налогов.

Проблемам правового регулирования налогового администрирования уделяется особое внимание в научной литературе. В частности, Н.Г. Дряева, обращает внимание на необходимость предупреждения правонарушений в системе администрирования [1].

Н.А.Курамаева обосновывает необходимость повышения прозрачности и открытости как одно из важнейших направлений налогового администрирования [2].

Е. А. Смородина, И. В. Торопова, О. А. Бойтуш, К. Р. В. Анисимова отмечают, что внедрение электронных налоговых деклараций и онлайн-сервисов позволит значительно упростить взаимодействие налогоплательщиков с государственными органами, способствуя сокращению времени заполнения документов и снижению количества ошибок [3].

Активное внедрение цифровых платформ и технологий блокчейн – важнейший шаг в совершенствовании налогового администрирования. Эти инструменты обеспечивают надёжность и безопасность данных, снижая

риск мошенничества и коррупции. Использование этих решений может значительно повысить доверие налогоплательщиков к налоговой системе и сократить административные издержки.

Совершенствование налогового администрирования является залогом успешного развития страны, так как совместными усилиями государства, бизнеса и граждан можно создать эффективную налоговую среду, способствующую экономическому росту и социальной стабильности.

Критически важна разработка систем мониторинга и анализа для оперативного выявления нарушений и рисков. Предоставление информации о налоговых обязательствах, законодательных изменениях и доступных льготах позволит предпринимателям принимать обоснованные решения и эффективно планировать свою деятельность. Более того, повышение налоговой грамотности населения является ключевым фактором в достижении взаимопонимания между государством и его гражданами.

Солтогулова М. У. отмечает, что совершенствование налогового администрирования – это процесс, требующий постоянного мониторинга и адаптации к изменениям экономической и социальной среды. Эффективная налоговая система должна гибко реагировать на вызовы современности, поддерживая устойчивый рост и развитие в условиях глобализации и цифровизации.

Ключевым фактором успешного внедрения цифровых технологий в налоговое администрирование является постоянное обновление профессиональных знаний и повышение квалификации. Стремительный технологический прогресс требует от сотрудников адаптации к изменениям и освоения новых инструментов. Профессиональные курсы и тренинги, направленные на освоение новейших технологий, помогут налоговым службам эффективно внедрять инновации и обеспечивать их надежную работу. Кроме того, использование передовых практик имеет решающее значение для содействия цифровой трансформации налогового администрирования. Сотрудничество с экспертами поможет внедрять успешные решения и адаптировать их к конкретным национальным условиям. Это также будет способствовать стандартизации процессов и созданию единой платформы обмена данными между государственными органами и бизнесом. Использование технологии блокчейн и других инновационных решений может значительно повысить доверие к налоговой системе. Общество должно иметь возможность понимать, как используются его налоговые поступления, что будет способствовать укреплению легитимности деятельности налоговых органов и повышению уровня соблюдения налогового законодательства. Специалисты в этой области должны быть готовы к использованию новых инструментов и понимать их сильные и слабые стороны. Только так они смогут максимально повысить эффективность решений и минимизировать риски, связанные с киберугрозами и защитой данных

Сотрудничество между государственным и частным секторами также имеет решающее значение. Обмен опытом и информацией между налоговыми органами и бизнесом способствует развитию передовой практики и адаптации систем к реальным потребностям налогоплательщиков. Такое партнерство способствует развитию инновационных налоговых подходов и обеспечению баланса интересов государства и налогоплательщиков.

Заключение. Таким образом, совершенствование правового регулирования механизма налогового администрирования включает следующие направления: внесение изменений в Налоговый кодекс для повышения прозрачности, ясности и предсказуемости налогового законодательства, внедрение цифровых технологий для автоматизации процессов, повышения эффективности контроля и взаимодействия с налогоплательщиками, улучшение процедур налогового контроля: оптимизация процедур проверок, снижение административной нагрузки и обеспечение защиты прав налогоплательщиков. Особое значение имеет повышение ответственности налоговых органов: установление четких критериев и санкций за неправомерные действия, обеспечение прозрачности их деятельности, обучение и повышение квалификации сотрудников: развитие профессиональных навыков налоговых инспекторов для повышения качества администрирования. Эти меры способствуют повышению эффективности налогового администрирования, снижению налоговых правонарушений и укреплению налоговой дисциплины.

Это, в свою очередь, будет способствовать формированию более здоровой налоговой культуры, поощрению честной уплаты налогов и сокращению случаев уклонения от уплаты налогов.

Список литературы

1. Дряева, Н. Г. Концепция налоговых правонарушений в системе налогового администрирования в России / Н. Г. Дряева // Теоретические и прикладные вопросы экономики, управления и образования : Сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Пенза, 12–13 июня 2025 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. – С. 204-208.
2. Курамаева, Н. О. Налоговое администрирование и налоговый контроль / Н. О. Курамаева // Alatoo Academic Studies. – 2025. – № 1. – С. 469-480. – DOI 10.17015/aas.2025.251.38
3. Теоретико-методологические аспекты налогового администрирования в системе государственного управления в налоговой сфере / Е. А. Смородина, И. В. Торопова, О. А. Бойтуш, К. Р. В. Анисимова // Финансы. – 2025. – № 6. – С. 16-23.
4. Солтогулова, М. У. Место и роль налоговых проверок в системе налогового администрирования / М. У. Солтогулова, Б. К. Абдраимова, С. Ч. Нусупова // Научные открытия. – 2024. – № 1. – С. 126-136.
5. Хохлова, А. Д. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям властей в контексте налогового администрирования / А. Д. Хохлова // Право и политика. – 2025. – № 4. – С. 71-87. – DOI 10.7256/2454-0706.2025.4.74272

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕОБОСНОВАННОМУ ПОЛУЧЕНИЮ НАЛОГОВОЙ ВЫГОДЫ В РЕЗУЛЬТАТЕ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ЦЕНАМИ ПРИ ОПЕРАЦИЯХ С ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТОЙ

Орехов К. Ю., ORCID 0009-0005-8546-1002

ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»,
г. Елец, Липецкая область, РФ
constantine.pozhidaev@yandex.ru

Введение. В настоящее время является актуальной проблема манипулирования ценами на криптовалюту. В связи с тем, что ст. 283 НК РФ даёт право уменьшить компании базу по налогу на прибыль на убытки прошлых лет, а криптовалюта является волатильным инструментом, что поднимает вопрос об обоснованности убытков от операций с ней [1].

Цель. Рассмотрение американского и российского подхода к регулированию рынка криптовалют в целях решения вопроса о выборе оптимального механизма противодействия занижению налоговой базы в случаях, когда операции с криптовалютой носят убыточный характер, а также анализ современного состояния регулирования данных отношений.

Основная часть. В России правовую основу регулирования отношений в сфере криптовалют составляет ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте». Данный закон посвящён регулированию двух цифровых инструментов: цифровой валюте и цифровым активам. Цифровая валюта по внешним признакам имеет сходство с ценной бумагой, поскольку может удостоверить права владельца. Цифровая валюта является инструментом расчёта, но не удостоверяет обязательственных и иных прав [2]. Следует отметить, что наличие сходства цифровых активов с ценной бумагой порождает ряд правовых проблем. В частности, в зарубежной практике вопрос правового статуса криптовалют носит дискуссионный характер. Так, по законодательству США криптовалюта может быть приравнена к ценной бумаге. Ценные бумаги могут выступать инструментом незаконных операций, связанных с манипулированием рынком, под которым понимается умышленное влияние на ценообразование при сделках с ценной бумагой на основе предварительного сговора между участниками торгов. В российской судебной практике имеют место случаи, когда убыточные сделки с ценными бумагами признаются манипулированием ценами и влекут занижение налоговой базы. Так, в рамках дела, рассматриваемого Арбитражным судом № 2 А-1126/2019-М-111/2019, истец продал облигации с последующим выкупом их по более высокой цене на рынке, что было оценено судом как манипулирование ценами, поскольку инвестиционный пакет плательщика не изменился. Ссылки истца на то, что сделки были совершены в пределах колебания рыночных

цен, были признаны необоснованными [3]. Однако системного правового регулирования, направленного на противодействие манипулированию ценами на рынке криптовалюты в России нет, поскольку правила о манипулировании ценами применяются к организационным торгам, которые проводятся в регламентированном порядке, а рынок криптовалюты является относительно новым для российской экономики. В связи с чем целесообразным является анализ американского и российского подхода к регулированию данных правоотношений.

В соответствии с американским подходом криптовалюта может быть приравнена к ценной бумаге, которая, также как цифровой актив удостоверяет обязательственные и иные права, если соответствует критериям предусмотренным тестом Хоуи, а именно: инвестиция денег в общее предприятие с ожиданием прибыли, получаемой от усилий других лиц[4]. В российском и зарубежном законодательстве имеются глобальные отличия в правовом регулировании. В частности, криптовалюта по законодательству РФ не может быть признана ценной бумагой, поскольку не удостоверяет обязательственные и иные права. Однако имеются и общие признаки. В частности, в США имеет место условное разделение классической криптовалюты и криптовалюты, приравниваемой по статусу к ценным бумагам, в частности, биткоин не признавался ценной бумагой, поскольку его выпуск носил децентрализованный характер. Данное разделение похоже на разделение цифровых инструментов на цифровую валюту и активы в России. Применение американского подхода для признания цифровой валюты ценной бумагой с последующим распространением на неё мер, направленных на противодействие манипулированию ценами, приведёт к широте усмотрения налоговых органов и необоснованному давлению на бизнес. Данные проблемы в российской науке рассматривала Копина А.А. при применении системы АСК 2 НДС для решения вопроса об обоснованности налоговой льготы. В частности, учёный отмечал, что в основу для привлечения налогоплательщика к налоговой ответственности ложились данные программы АСК 2 НДС, которая осуществляет формальную сверку данных налогоплательщиков и выводы которой не всегда носят достоверный результат [5. с.120-128]. Аналогичные проблемы могут возникнуть при применении американского подхода к регулированию данных отношений, которому свойственная широта усмотрения. В частности, в Типологическом отчёте Комитета совета Европы по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма отмечается, что при анализе отчётов о подозрительных криптовалютных операциях, большое значение имеет человеческий фактор, поскольку программы анализируют связь исключительно с точки зрения связи кошельков добросовестных субъектов отношений с кошельками, имеющими негативную репутацию, также данная связь становится очевидной через несколько переходов в цепочке транзакций, что делает её очень удалённой [6.с.30].

Однако при полном отрицании американского подхода к регулированию рынка допустимо утверждать, что имеются общие черты между американским и российским подходом к регулированию оборота криптовалюты. Оба подхода подчёркивают факт того, что ключевым моментом при операциях связанных с криптовалютой является получение прибыли от инвестиций в общее предприятие с последующим ожиданием прибыли. При покупке криптовалюты инвесторы часто ставят цель увеличения прибыли посредством последующей продажи криптовалюты при увеличении её курса. В рамках данного процесса возможно оказание влияния на цену валюты, лицами которым принадлежит большая часть данного цифрового инструмента или осуществляющими его майнинг, например, путём умышленного занижения цен продажи или заключения соглашений с покупателями о запрете продажи криптовалюты в течении определённого срока. Также современный законодатель применяет аналогичные подходы при признании обоснованности убытков от операций с ценными бумагами и криптовалютой. Так, ст. 214.1 НК РФ устанавливает, что убытки от операций с ценными бумагами, которые уменьшают налоговую базу, определяются в пределах границ колебания рыночных цен. В современной правовой системе отечественный законодатель установил, что доход от продажи криптовалюты определяется не ниже рыночной котировки, уменьшенной на 20% в соответствии со ст. 282.3 НК РФ.

Таким образом, отечественный законодатель на нормативном уровне закрепил факт возможности необоснованного использования манипулирования ценами для ухода от налогообложения и установил допустимые пределы отклонения от рыночных цен при признании отрицательного финансового результата для целей уменьшения налоговой базы, что является целесообразным по сравнению с выдвиганием правовой фикции о приравнивании ценной бумаги к криптовалюте. Данные меры позволили ограничить свободу усмотрения, значение которой не следует недооценивать, что признается российской наукой. Так, Е. Лысенко отмечает, что при налогообложении криптовалюты по аналогии с иностранной валютой у владельцев может возникнуть проблема признания обоснованности убытков при резком падении курса криптовалюты, что безусловно говорит об актуальности высокого уровня правосознания и квалификации сотрудников современных органов законодательной и исполнительной власти при исследовании нетипичных ситуаций [7. с. 20-21].

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации(часть 2) :НК : текст с изменениями и дополнениями на 18 августа 2025: Одобрен Советом Федерации 05.08.2000]. – Москва: Собрание законодательства РФ. –ст. 3340]. – ISBN 978-5-17-166208-0. – Текст непосредственный.

2. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 259 – ФЗ: [принят Государственной Думой 22 июля 2020 года: одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 года]. – Москва: Российская газета, 2020.
3. Дело № 2 А-1126/2019-М-111/2019. Доступ из СПС «Консультант плюс».
4. Основа для анализа цифровых активов по принципу «Инвестиционного контракта». Комиссия по ценным бумагам и биржам США [сайт] –URL.: <https://www.sec.gov/> (дата обращения 18.07.2025)
5. Копина А.А. «Право на ошибку и технический сбой» и «обязанность признания и устранения» - новое в правосубъектности налоговых органов в эпоху цифровизации налогового администрирования // Налоговая система Российской Федерации в условиях развития цифровой экономики: правовые и экономические аспекты: Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 30 ноября - 1 декабря 2018 г. / Под ред. И.А. Цинделиани. – М.: РГУП, 2019. – С. 120-128. – EDN KZVDKZ
6. Типологический отчет о рисках отмывания денег и финансирования терроризма в мире виртуальных активов. Комитета Совета Европы по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма. [сайт] –URL.: <https://www.coe.int/en/web/moneyval> (дата обращения 18.08.2025)
7. Лысенко Е. Какими налогами могут облагаться криптоактивы : ЦФА, УЦП, цифровые валюты / Е. Лысенко // Налогообложение, учет и отчетность в коммерческом банке. – Москва, 2023 – № 5. – С.11-21

УДК 342

О ФИНАНСОВО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ СЧЕТНОЙ ПАЛАТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пашков С.Н., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0001-5190-0784,
Литвинов В.А.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
s.pashkov@donnu.ru

Введение. Счетная палата Российской Федерации занимает особое место в системе органов государственной власти. Ее конституционно-правовой статус определяется положениями статьи 101 Конституции РФ, согласно которой палата является органом парламентского контроля за исполнением федерального бюджета. Финансово-правовой статус Счетной палаты выражается в ее компетенции по контролю за финансовыми потоками государства. Она имеет право проводить проверки финансовой деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, использующих средства федерального бюджета. Отчеты Счетной палаты имеют важное значение для формирования бюджетной политики и повышения эффективности использования государственных ресурсов.

Цель работы – раскрыть особенности финансово-правового статуса Счетной Палаты РФ.

Основная часть. Правовой статус Счетной Палаты подчеркивает ее независимость от исполнительной власти и ее подотчетность непосредственно Федеральному Собранию. Она имеет право предлагать заключения по вопросам, связанным с обработкой данных, и принимать аудиторские решения в отношении финансовых доходов и расходов, нарушающих национальные нормативные акты. Проверяемые организации обязаны исполнять решения Счетной Палаты.

Деятельность Счетной палаты основана на принципах законности, объективности, независимости и гласности. Она осуществляет как предварительный, так и последующий контроль за формированием и исполнением федерального бюджета, а также за эффективностью использования государственной собственности. Важным аспектом является ее право на проведение аудита эффективности государственных программ и проектов. С момента создания Счетной Палаты в РФ содержание и форма аудита претерпели значительные изменения. Аудит эффективности – это тенденция развития государственного аудита, несмотря на то, что он сталкивается с определенными трудностями и препятствиями в процессе внедрения и продвижения.

Система аудита в РФ была создана в период плановой экономики. Влияние традиционных систем и концепций приводит к проблемам в управлении доверительными экономическими отношениями в рамках аудита эффективности государственного управления России. Наиболее ярким проявлением этого является отсутствие независимости аудита.

Во многих странах мира, принявшие законодательные, судебные или административные модели, осуществлен переход от чисто финансового аудита к аудиту эффективности.

В работах Е. И. Лизуна, С. М. Багирова, М.С.Грязевой и других ученых, посвященных деятельности Счетной палаты РФ, также особое внимание обращено на важность и значимость аудита результативности, экономичности и эффективности деятельности государственных органов [1,2]. Этот вид аудита охватывает не только отдельные виды их управленческой деятельности, но и всю организационную и управленческую систему органов государственной власти.

По мере постепенного изменения функций государственного управления важно быстро адаптироваться к глобальным тенденциям и вносить соответствующие изменения в свой подход к аудиту, расширяя сферу государственных экономических обязанностей и разрабатывая модель аудита, сочетающую экономические и социальные преимущества с краткосрочными и устойчивыми выгодами.

Объекты аудита эффективности государственного управления различны, поэтому сложно унифицировать стандарты для измерения

экономичности, эффективности и результативности объектов аудита. Однако важно уточнить несколько принципов оценки, таких как:

а) сочетание эффективности и справедливости, так как разные заинтересованные стороны имеют разные предпочтения в отношении эффективности и справедливости;

б) сочетание аудита эффективности с социальным аудитом;

в) сочетание долгосрочной и краткосрочной эффективности. для обеспечения устойчивости социального развития/

Стандарт аудита эффективности должен использовать сочетание количественных и качественных методов. К качественным стандартам относятся национальные законы и нормативные акты, различные руководящие принципы и политики, а также соответствующие нормативные акты компетентных ведомств. Количественные показатели включают различные конкретные показатели государственных бюджетов и планов, различные деловые нормы, а также экономические и технические показатели.

Аудит государственных учреждений отличается от аудита предприятий тем, что он в первую очередь контролирует их способность эффективно и результативно использовать бюджетные средства для выполнения своей миссии и создания ожидаемых социальных выгод, а не просто отслеживает сохранение и приумножение государственных активов. Следовательно, необходимость аудиторского надзора не может определяться исключительно объемом государственных инвестиций. Аудиторскому надзору должны подлежать как государственные публичные учреждения, так и другие учреждения, использующие бюджетные средства. Кроме того, аудиторский надзор за организациями, использующими бюджетные средства, может включать аудит всех их финансовых доходов и расходов.

А.С.Третьяк отмечает, что субъекты, подлежащие аудиторскому надзору со стороны аудиторских органов, должны создавать и совершенствовать системы внутреннего аудита в соответствии с действующими нормативными актами; их работа по внутреннему аудиту должна осуществляться под профессиональным руководством и надзором со стороны аудиторских органов [3]. В связи с углублением реформ необходимо дополнительно уточнить круг субъектов, обязанных создавать и совершенствовать системы внутреннего аудита. Это позволит избежать законодательных сложностей и соответствует с аналогичными положениями других нормативных актов.

Чтобы адаптироваться к тенденциям информатизации, цифровизации и сетевого взаимодействия в системе органов исполнительной власти, важно содействовать информатизации аудиторского надзора. Применение программного обеспечения следует считать прорывным этапом в развитии информатизации аудита. В отношении программного обеспечения, прошедшего экспертизу на уровне министерств и ведомств, и доказавшего

свою надёжность и эффективность в контрольно-надзорной деятельности, следует принять эффективные меры по его использованию в системе аудита и постоянному совершенствованию.

Заключение. Таким образом, конституционно-правовой и финансово-правовой статус Счетной палаты обеспечивает ее роль как независимого и эффективного инструмента парламентского контроля за формированием и исполнением федерального бюджета, а также за использованием государственной собственности, что способствует укреплению финансовой дисциплины и повышению эффективности государственного управления. Совершенствование правового регулирования процедур аудита будет способствовать более эффективному использованию бюджетных средств.

Список литературы

1. Лизун, Е. И. Счетная палата РФ как орган государственного финансового контроля: история, современность, перспективы / Е. И. Лизун, С. М. Багирова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2025. – № 4-2. – С. 272-278. – DOI 10.17513/vaael.4105.
2. Грязева М.С., Орленко С.С. Государственный финансовый контроль как фактор укрепления финансов // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – № 1. – Т. 2. – С. 121–128. – DOI: 10.36871/ek.ur.p.r.2025.01.02.013.
3. Третьяк, А. С. Цифровизация контрольной деятельности Счетной палаты / А. С. Третьяк // Вестник науки. – 2025. – Т. 1, № 1(82). – С. 47-52.

УДК 342

О ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕДИТНЫХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КООПЕРАТИВОВ

Пашков С.Н., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0001-5190-0784,
Малютин В.В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
s.pashkov@donnu.ru

Введение. Кредитные потребительские кооперативы (КПК) занимают важное место в системе небанковского кредитования, обеспечивая доступ к финансовым услугам для граждан и организаций, не имеющих возможности или желания обращаться в традиционные банки. Их деятельность регулируется Федеральным законом «О кредитной кооперации», который определяет правовые основы создания, функционирования, реорганизации и ликвидации КПК, а также права и обязанности членов кооператива [1].

Цель работы – раскрыть особенности финансово-правовых основ формирования и деятельности кредитных потребительских кооперативов в Российской Федерации.

Основная часть. Финансовые основы деятельности КПК базируются на принципе взаимного кредитования. Источником финансовых ресурсов являются паевые взносы членов кооператива, привлекаемые займы и другие законные поступления. Эти средства направляются на выдачу займов членам КПК, что позволяет им решать различные финансовые задачи – от потребительских нужд до развития малого бизнеса. Важно отметить, что КПК не вправе привлекать средства от лиц, не являющихся членами кооператива, за исключением случаев, прямо предусмотренных законодательством.

Правовые основы формирования КПК включают в себя необходимость регистрации в качестве юридического лица в установленном порядке, наличие устава, соответствующего требованиям закона, и формирование органов управления (общее собрание членов, правление, контрольный орган). Устав КПК должен содержать сведения о наименовании, месте нахождения, предмете деятельности, порядке приема и исключения из членов, размере паевого взноса и другие важные положения.

М.В.Антонова и Н.Г. Мванга анализируя актуальные тенденции развития кредитной кооперации в России подчеркивают, что деятельность КПК строго регламентирована и контролируется саморегулируемыми организациями (СРО), членами которых они обязаны быть [2]. СРО осуществляют надзор за соблюдением КПК требований законодательства, внутренних нормативных документов, а также защищают права и законные интересы членов кооперативов. Это обеспечивает прозрачность и надежность работы КПК, минимизируя риски для пайщиков.

Е.В.Исаенко подчеркивает вклад организаций потребительской кооперации в достижение целей устойчивого развития России и обосновывает необходимость уделения внимания финансовой устойчивости КПК [3].

Закон устанавливает обязательные нормативы, направленные на обеспечение платежеспособности и ликвидности кооператива. К ним относятся нормативы достаточности собственных средств, ликвидности, диверсификации активов и другие. Соблюдение этих нормативов является обязательным условием для функционирования КПК и контролируется как СРО, так и Банком России. В случае нарушения нормативов к КПК могут быть применены меры воздействия, вплоть до исключения из реестра и ликвидации.

П.Г.Магомедова отмечает, что важным аспектом финансово-правовой деятельности КПК является учет и отчетность. КПК обязаны вести бухгалтерский учет в соответствии с требованиями российского законодательства, а также представлять отчетность в СРО и Банк России. Отчетность должна содержать достоверную информацию о финансовом

состоянии КПК, его деятельности и соблюдении установленных нормативов. Прозрачность и достоверность отчетности являются важным фактором доверия к КПК со стороны пайщиков и надзорных органов [4].

Права и обязанности членов КПК четко определены законом и уставом кооператива. Члены КПК имеют право на получение займов, участие в управлении кооперативом, получение информации о деятельности КПК и другие права. В свою очередь, они обязаны соблюдать устав, своевременно вносить паевые взносы и нести ответственность по обязательствам КПК в пределах своего паевого вноса.

В. Антонова, А. Е. Хомутов, А. А. Шутенко обращает внимание на региональные особенности развития кредитной кооперации [5].

Региональные особенности развития кредитной кооперации в России обусловлены несколькими факторами, в частности, уровнем развития сельского хозяйства, так как в регионах с развитым сельским хозяйством кредитные кооперативы часто ориентированы на финансирование фермеров, малых сельскохозяйственных предприятий. Спрос на кредиты для закупки техники, семян, удобрений, развития животноводства определяет особенности программ и условий кредитования. Уровень развития малого бизнеса, уровень доходов населения и уровень безработицы также оказывают влияние на развитие КПК. Высокий уровень безработицы стимулирует развитие программ микрофинансирования и самозанятости через кредитные кооперативы.

На развитие КПК влияют социально-демографические факторы: плотность населения, национальные особенности, возрастная структура населения, а также инфраструктурные факторы: развитие банковской системы и телекоммуникационной инфраструктуры.

Немаловажное значение имеют нормативно-правовые факторы, такие как региональная поддержка кредитной кооперации, контроль и надзор за деятельностью кредитных кооперативов. В частности, в некоторых регионах местные власти оказывают поддержку кредитным кооперативам в виде субсидий, грантов, льготного налогообложения. Уровень контроля и надзора за деятельностью кредитных кооперативов со стороны региональных властей также может влиять на их стабильность и надежность. Например, в Республике Саха (Якутия) развитие кредитной кооперации направлено на поддержку традиционных отраслей хозяйства, таких как оленеводство и рыболовство, в Краснодарском крае кредитные кооперативы активно финансируют сельскохозяйственные предприятия, занимающиеся выращиванием зерновых, овощей и фруктов, а в Республике Татарстан кредитные кооперативы поддерживают развитие малого и среднего бизнеса, особенно в сфере IT и инноваций.

В целом, региональные особенности развития кредитной кооперации в России определяются совокупностью экономических, социальных, инфраструктурных и нормативно-правовых факторов. Учет этих особенностей позволяет кредитным кооперативам эффективно решать

задачи социально-экономического развития регионов и удовлетворять потребности своих членов.

Заключение. Кредитные потребительские кооперативы, таким образом, представляют собой важный инструмент финансовой поддержки населения и малого бизнеса, функционирующий в строгом правовом поле. Соблюдение законодательства, финансовых нормативов и требований к учету и отчетности является залогом устойчивой и надежной работы КПК, а также защиты прав и интересов его членов. Развитие и совершенствование нормативно-правовой базы кредитной кооперации является важной задачей для обеспечения доступности финансовых услуг и повышения финансовой грамотности населения.

Список литературы

1. Федеральный закон от 18 июля 2009 г. N 190-ФЗ "О кредитной кооперации" (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации от 20 июля 2009 г. N 29 ст. 3627
2. Антонова М.В., Мванга Н.Г. Актуальные тенденции развития кредитной кооперации в России // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2023. – № 5 (102). – С. 217-224
3. Исаенко Е. В. Вклад организаций потребительской кооперации в достижение целей устойчивого развития / Е.В. Исаенко, Е.Е. Тарасова, В.В. Иголкина // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2021. – № 1 (86). – С. 228-243
4. Магомедова, П. Г. Кооперативные формы предпринимательства / П. Г. Магомедова // Экономика и безопасность. – 2025. – № 5. – С. 111-116
5. Антонова, М. В. Региональные особенности развития кредитной кооперации в Российской Федерации / М. В. Антонова, А. Е. Хомутов, А. А. Шутенко // Экономика и предпринимательство. – 2025. – № 3(176). – С. 685-688. – DOI 10.34925/EIP.2025.176.3.120.

УДК 342:346.9:338.43

ПОЛИТИКА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ КАК АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Пашков С.Н., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0001-5190-0784,
Садчиков Е.О.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
6889946@gmail.com

Введение. Современные вызовы, связанные с глобализацией, международными санкциями и ростом зависимости от внешних поставок, обусловили необходимость пересмотра роли государства в обеспечении

продовольственной безопасности, где особое значение приобретает политика импортозамещения. Она выступает административно-правовым инструментом, позволяющим снизить импортозависимость, стимулировать развитие отечественного производства, укрепить продовольственную независимость и повысить устойчивость агропромышленного комплекса в условиях внешнеэкономических рисков.

В связи с этим, **целью** работы является комплексный анализ политики импортозамещения как административно-правового инструмента обеспечения продовольственной безопасности.

Основная часть. Продовольственная безопасность напрямую зависит от устойчивого функционирования агропромышленного комплекса, обеспечивающего производство и переработку сельскохозяйственной продукции, поскольку именно он определяет социальную стабильность и независимость государства [1, с. 85]. А.М. Грешонков отмечает, что в условиях санкционных ограничений особое значение приобретают меры по импортозамещению, направленные на наращивание отечественного производства и формирование собственных ресурсов [2, с. 36].

Устойчивое развитие сельского хозяйства невозможно без государственной поддержки, основанной на сельскохозяйственном протекционизме и реализуемой через правовые и экономические механизмы, включая налоги, субсидии, гранты и кредиты. Сформированная институциональная среда обеспечивает запуск импортозамещающих производств, развитие инноваций и подготовку кадров, а сбалансированная аграрная политика позволяет согласованно развивать социальную, экономическую и экологическую сферы сельских территорий [3, с. 45].

Для целей стратегического планирования и регулирования действует государственная программа «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы», в которой определены механизмы преодоления кризисных явлений и последовательного развития отрасли [4].

Модернизация правовых механизмов государственного регулирования и управления в сельском хозяйстве должна обеспечивать устойчивое развитие агропромышленного комплекса, рост выпуска сельскохозяйственной продукции и продовольствия в объёмах, достаточных для нейтрализации угроз продовольственной безопасности и реализации политики импортозамещения, с одновременным повышением социальной, экономической и экологической эффективности отрасли.

Необходимость импортозамещения выявила дефицит действенных стимулов для агропромышленного производства на федеральном и региональном уровнях на фоне возросших требований к качеству

продукции. После введения санкций и контрсанкций были приняты оперативные организационно-распорядительные меры, в том числе распоряжение Правительства от 02.10.2014 № 1948-р [5].

Государственное управление в агропромышленном комплексе сочетает рыночные и административные инструменты, включая нормативно-правовую базу, ценовую политику, протекционистские меры и финансовую поддержку сельхозпроизводства, а также создание условий для привлечения инвестиций. Реализация импортозамещения требует согласованной работы государственных органов и хозяйствующих субъектов, направленной на развитие производства, модернизацию мощностей и сокращение зависимости от импорта, приоритетом при этом является наращивание выпуска мяса, молочной продукции, рыбы, овощей и плодов.

Постановлением Правительства от 04.08.2015 № 785 создана Правительственная комиссия по импортозамещению, координирующая действия федеральных и региональных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления и организаций в целях реализации политики импортозамещения и сокращения зависимости промышленности от внешних поставок [6]. Полномочия Комиссии включают согласование государственной политики и целевых программ, контроль за совершенствованием правового регулирования, оценку долгосрочных проектов с позиции задач импортозамещения, а также выработку мер по обеспечению внутреннего рынка продукцией российского производства и повышению инвестиционной привлекательности. В её структуре действуют подкомиссии, в том числе по вопросам гражданских отраслей экономики.

На федеральном уровне административное регулирование продовольственного импортозамещения выстроено последовательно, однако в субъектах РФ единый подход не сформирован: в одних регионах (Бурятия, Адыгея) меры направлены на общее развитие производства, в других (Калмыкия) – на отдельные направления, например, овощеводство и плодоводство, а в третьих (Кабардино-Балкария) – исключительно на агропромышленный блок. Такая разнородность связана с отсутствием федеральных обязательных требований, при этом региональные планы обычно включают развитие кооперации, поддержку экспорта, организацию выставок, информационное сопровождение и стимулирование инвестиционных проектов в растениеводстве и животноводстве [7, с. 36].

Заключение. Таким образом, политика импортозамещения как административно-правовой инструмент продовольственной безопасности направлена на снижение импортозависимости, развитие собственного производства и переработки, обеспечение качества и безопасности продуктов питания через сочетание стратегического планирования, нормативного регулирования, экономических стимулов и межуровневой координации.

Для укрепления единой политики и повышения её эффективности целесообразно конкретизировать ч. 2 ст. 15 Федерального закона «О развитии сельского хозяйства», закрепив за органами исполнительной власти субъектов РФ полномочия по утверждению региональных планов импортозамещения, развитию интеграции и кооперации организаций АПК, участию в межрегиональных и международных форумах, содействию экспорту, организации выставок и информированию населения через СМИ, а также по предоставлению государственной поддержки инвестиционным проектам и созданию условий для развития фермерских хозяйств.

Список литературы

1. Муратова, Е.А. Продовольственная безопасность и импортозамещение в контексте экономической безопасности / Е.А. Муратова // Московский экономический журнал. – 2019. – №9. – С. 83-89.
2. Грешонков, А.М. Инновационная стратегия обеспечения продовольственной безопасности РФ в условиях импортозамещения: автореферат дис. ... доктора экономических наук: 08.00.05 / А.М. Грешонков. – Воронеж, 2022. – 42 с.
3. Киреева, Н.А. Импортозамещение как стратегия достижения продовольственной безопасности России: проблемы, пути решения / Н.А. Киреева // МСХ. – 2015. – №4. – С. 44-50.
4. Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. N 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 – 2020 годы». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.10.2025).
5. Распоряжение Правительства РФ от 02.10.2014 N 1948-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по содействию импортозамещению в сельском хозяйстве на 2014-2015 годы». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.10.2025).
6. Постановление Правительства РФ от 4 августа 2015 г. N 785 «О Правительственной комиссии по импортозамещению». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.10.2025).
7. Дудин, М.Н. Продовольственная безопасность страны в контексте планирования и прогнозирования деятельности региональных субъектов хозяйствования и всей экономической системы в целом / М.Н. Дудин // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – №40. – С. 35-40.

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ

Педерсен И.А., канд. экон. наук, доц., ORCID 0009-0007-8530-5282,

Попов С.А.

ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ
iralex-2012@yandex.ru

Введение. Законодательство РФ предусматривает бюджетную, административную и уголовную ответственность за нарушения в бюджетной сфере. В то время как применение административной и уголовной ответственности в данной области не вызывает разногласий, вопрос о бюджетной ответственности является предметом дискуссий. Ученые обсуждают правовую природу, порядок применения, сущность и состав бюджетного правонарушения, а также сам факт существования бюджетной ответственности как таковой. Среди ученых возникают споры не только о правовой природе данного вида ответственности, порядке ее применения, сущности и составе бюджетного правонарушения, но и в целом о факте существования такого вида юридической ответственности как бюджетная ответственность.

Цель исследования – проанализировать бюджетную ответственность как вид юридической ответственности, определить место бюджетной ответственности в системе юридической ответственности.

Основная часть. В отношении существования бюджетно-правовой ответственности выделяют два подхода. Первый рассматривает её как разновидность финансово-правовой ответственности, обусловленную необходимостью защиты государственных средств от неправомерных действий участников бюджетного процесса[1]. Согласно данному подходу, наличие института бюджетной ответственности объясняется необходимостью защиты государственных денежных средств от неправомерных действий участников бюджетного процесса. Отличия от других видов ответственности заключаются в содержании, целях, субъектах и объектах, органах контроля и составе контролируемых лиц. Ответственность в сфере бюджетного права может быть возложена исключительно на субъектов, вовлеченных в бюджетный процесс.

В основе другого подхода заложено отрицание существования бюджетной ответственности как отдельного, самостоятельного вида юридической ответственности. Сторонником данного подхода является Комягин Д. Л. [2], который придерживается мнения, что существует только три вида юридической ответственности: уголовная, административная и гражданская, приводя аргументы в пользу отсутствия

самостоятельной бюджетной ответственности. Такого же мнения придерживается достаточно широкий круг исследователей.

Следует заметить, что бюджетное законодательство РФ (БК РФ)[3] не дает определения бюджетной ответственности. В Кодексе представлены бюджетные меры принуждения, а не меры ответственности. Однако, ученые часто отождествляют эти понятия, что не является корректным. Меры, перечисленные в ст. 306.2 БК РФ, названы именно мерами принуждения. В части IV Бюджетного кодекса РФ представлены бюджетные меры принуждения, т.е. за бюджетные нарушения бюджетным законодательством предусмотрены меры принуждения, а не меры ответственности. В то же время учеными не проводится разграничение между мерами бюджетного принуждения и мерами бюджетной ответственности, происходит их отождествление, что не является верным. К тому же перечисленные в ст. 306.2 Бюджетного кодекса РФ меры названы законодателем именно мерами принуждения, а не мерами ответственности. При этом общеизвестно, что меры государственного принуждения подразделяются на предупредительные, пресекательные, правовосстановительные и карательные. Именно карательные меры государственного принуждения являются юридической ответственностью.

Анализ мер бюджетного принуждения, указанных в ст. 306.2 БК РФ, показывает, что они носят превентивный, пресекательный и правовосстановительный характер, а не являются карательными мерами юридической ответственности. Это скорее методы бюджетного регулирования, обеспечивающие соблюдение бюджетной дисциплины. Кроме того, субъекты, которые подлежат так называемой бюджетной ответственности (публично-правовые образования), обладают ограниченной правосубъектностью. К ним сложно применить карательные или компенсационные меры, поскольку это означало бы взыскание средств из одного бюджета в другой. В бюджетной ответственности такое «отвечающее лицо» отсутствует. Таким образом, бюджетная ответственность как вид юридической ответственности не имеет «отвечающего лица», что противоречит сущности юридической ответственности.

Важно отметить, что в Бюджетном кодексе Российской Федерации законодательно не закреплено понятие «бюджетные нарушения» как «правонарушения». А ведь только в случае наличия правонарушения, могут быть применены соответствующие меры ответственности.

Виновность является важной характеристикой противоправного деяния. Однако, в контексте применения бюджетных мер принудительного характера, установление вины не требуется в обязательном порядке, и ее подтверждение также не является необходимым. Так, С.В. Кучеров отмечает, что «виновность при применении бюджетных мер принуждения за бюджетное нарушение не имеет значения, так как нет необходимости в

ее доказывании. Так, например, при определении вины при нецелевом использовании бюджетных средств уже сам факт неправомерного распоряжения бюджетными средствами предполагает осознанное действие по изменению назначения бюджетных средств либо неисполнение обязанностей по достижению установленного результата» [4]. Н.А. Саттарова отмечает, что «бюджетное законодательство не содержит указаний на виновность правонарушителя, однако его вина предполагается» [5]. Бюджетные меры принуждения применяются к участникам бюджетного процесса, а не к отдельным должностным лицам. Очевидно, что должностные лица, допустившие нецелевое расходование бюджетных средств, взаимодействуют с определенными субъектами бюджетной системы, однако, при применении мер воздействия за бюджетные правонарушения, установление вины не является определяющим фактором.

Заключение. Таким образом, в бюджетном законодательстве РФ отсутствуют положения, которые регламентировали бы вопросы установления вины за бюджетные правонарушения, не прописаны правовые основы порядка и условий привлечения к ответственности, основания для освобождения от ответственности, а также обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность за нарушения в бюджетной сфере, отсутствует процессуальный аспект привлечения к ответственности за нарушения бюджетного законодательства. Поэтому бюджетные меры принуждения следует рассматривать как меры пресекательного и правовосстановительного характера, механизм бюджетного регулирования. Юридическая ответственность за нарушения в бюджетной сфере проявляется в применении административной и уголовной ответственности.

Список литературы

1. Карпов Э. С. К вопросу о самостоятельности бюджетной ответственности / Э. С. Карпов // Современная юриспруденция: тенденции развития : сб. материалов Междунар. заочной науч-практич. конф. – Новосибирск, 2012. – С. 90-97. – EDN: VCEEXF
2. Комягин Д. Л. Ответственность за нарушения бюджетного законодательства / Д.Л. Комягин // Финансовый вестник: Финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. – 2014. – № 6. – С. 10-19. – EDN: UYHBRZ
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 03 августа 1998 г. – № 31. – Ст. 3823(дата обращения: 28.09.2025)
4. Кучеров С.В. Правовые средства предупреждения нарушений бюджетного законодательства Российской Федерации: монография / С. В. Кучеров // Москва: ЮрИнфоР, 2011. – 162 с. – ISBN 978-5-9587-0026-4
5. Саттарова Н. А. Принуждение в финансовом праве: монография / Под ред. проф. И. И. Кучерова. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2006. – 392 с. – EDN: QWYLOR

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОНТРОЛЯ В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Пефтиев О.В., канд. юрид. наук ORCID 0000-0003-3997-901X,
Манжула Т.Ю., канд. экон. наук, ORCID 0009-0004-6649-4418
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ
tatyana.manzhula88@mail.ru

Введение. Контроль в бюджетной сфере является важнейшим элементом эффективного управления государственными финансами. Правовое регулирование этой сферы играет важнейшую роль, определяя полномочия контрольных органов, процедуры и ответственность за нарушения.

Цель работы – исследовать современное состояние правового регулирования в РФ, выявить проблемы и определить перспективы развития для повышения эффективности управления финансами.

Основная часть. Правовое регулирование контроля в бюджетной сфере базируется на Конституции Российской Федерации [1], Бюджетном кодексе Российской Федерации (БК РФ) и ряде федеральных законов, постановлений Правительства РФ и других нормативных правовых актов.

Правовое регулирование контроля в бюджетной сфере включает в себя:

- Бюджетный кодекс РФ, определяющий принципы финансового контроля, полномочия органов и виды нарушений и ответственности [2];
- Федеральный закон «О Счетной палате Российской Федерации», регулирующий деятельность Счетной палаты РФ в сфере внешнего государственного аудита [3];
- Федеральный закон «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований», устанавливающий принципы организации контрольно-счетных органов на региональном и местном уровнях [4];
- Постановления Правительства РФ и ведомственные акты, конкретизирующие организацию контрольных мероприятий.

В последние годы наблюдается тенденция к совершенствованию правового регулирования контроля в бюджетной сфере, направленная на повышение его эффективности и результативности. Вносятся изменения в Бюджетный кодекс РФ, принимаются новые нормативные правовые акты, регулирующие деятельность контрольных органов, разрабатываются методические рекомендации по проведению контрольных мероприятий.

Несмотря на предпринятые усилия, в правовом регулировании контроля в бюджетной сфере сохраняются определенные проблемы, которые сдерживают его развитие и снижают эффективность: недостаточная четкость бюджетного законодательства; недостаточная координация органов контроля; слабое регулирование внутреннего финансового контроля; сложность привлечения к ответственности; бессистемность законодательства [5]. Наглядным примером проблем, требующих решения, может служить следующая таблица результатов контроля Счетной палаты за последние три года (табл.1).

Таблица 1

Основные показатели работы Счетной палаты в 2022-2024 годах [6]

Показатели	2022	2023	2024
Количество завершенных мероприятий – всего, из них:	338	332	339
контрольных мероприятий	246	244	235
экспертно-аналитических мероприятий	61	54	60
иных	31	34	44
Выявлено нарушений и недостатков в ходе осуществления внешнего государственного аудита (контроля) – всего (количество)	4447	4849	4706
Выявлено нарушений и недостатков в ходе осуществления внешнего государственного аудита (контроля) – всего (млрд руб.)	885,6	2110,0	1154,9
Экономический эффект, достигнутый в результате исполнения требований и/или предложений (рекомендаций) Счетной палаты Российской Федерации, – всего (млрд руб.)	–	–	148,9
Обеспечен возврат средств в бюджеты всех уровней бюджетной системы Российской Федерации и бюджет Союзного государства (млрд руб.)	8,9	26,4	95,9
Количество проведенных экспертиз проектов законодательных и иных нормативных правовых актов	1352	1936	660

Согласно данным табл. 1 количество завершенных контрольных мероприятий стабильно (330-340 в 2022-2024 гг.), что может указывать на установившийся объем работы. Высокое и стабильное количество выявленных нарушений (4500-5000 в год) говорит о системных проблемах в бюджетной сфере. Сумма выявленных нарушений имеет волатильность, но остается высокой, что указывает на значительные риски. Недостаточная эффективность превентивных мер подтверждается высокими объемами выявленных нарушений.

Рост возврата средств в бюджеты (с 8,9 млрд руб. в 2022 г. до 95,9 млрд руб. в 2024 г.) – положительный показатель. Появление экономического эффекта только в 2024 г. (148,9 млрд руб.) говорит о

стремлении оценивать не только прямые нарушения, но и потенциальный эффект от рекомендаций.

Большое количество экспертиз проектов НПА свидетельствует об активной роли в нормотворчестве.

Совершенствование правового регулирования контроля в бюджетной сфере является важной задачей, направленной на повышение эффективности управления государственными финансами. На основании анализа табл. 1 можно выделить следующие направления развития правового регулирования контроля в бюджетной сфере: совершенствование внутреннего финансового контроля; усиление координации контрольных органов; упрощение привлечения к ответственности; внедрение информационных технологий; повышение квалификации кадров; создание критериев эффективности; усиление превентивной направленности; развитие методологии оценки экономического эффекта; оптимизация взаимодействия контрольных органов; повышение прозрачности контрольной деятельности.

Заключение. Правовое регулирование контроля в бюджетной сфере играет важную роль в обеспечении эффективности управления государственными финансами. Совершенствование правового регулирования контроля в бюджетной сфере является непрерывным процессом, требующим постоянного анализа и учета современных тенденций развития финансовой системы. Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность контроля в бюджетной сфере, обеспечить целевое и эффективное использование бюджетных средств, а также предотвратить финансовые нарушения и злоупотребления.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ.
3. Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации».
4. Федеральный закон от 07.02.2011 № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований».
5. Сафиуллаева, Р. И. Актуальные вопросы совершенствования государственного финансового контроля в Российской Федерации / Р. И. Сафиуллаева, Т. А. Нецадимова, И. А. Демченко // Kant. – 2021. – № 4(41). – С. 86-90. – DOI 10.24923/2222-243X.2021-41.16. – EDN RKOKIY.
6. Основные показатели работы Счетной палаты в 2022-2024 годах. – URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/d34/r9je39e5z05455o9ksar608z6j12jwad.pdf>.

ПРОБЛЕМАТИКА СОДЕРЖАНИЯ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА БАНКОВСКОЙ ТАЙНЫ

Подмаркова И.П., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0002-8535-9551,

Шейкина П.П., ORCID 0009-0002-4843-9824

ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ

sheikinapolina@mail.ru, irina_podmarkowa@mail.ru

Введение. Отсутствие закрепления в нормативных правовых актах Российской Федерации четкого и полного определения банковской тайны порождает дискуссионный вопрос в сфере содержания информации, непосредственно составляющей банковскую тайну, а также правомерности существующего процесса регулирования отношений, связанных со сбором, хранением и истребованием сведений, её составляющих.

Цель исследования – рассмотрение понятия явления банковской тайны через призму исторических сведений и сравнение положений посредством изучения нормативных правовых актов Российской Империи и Российской Федерации, выявление проблемных вопросов с определением границ банковской тайны и порядком ее раскрытия, предложение путей решения проблематики.

Основная часть. Принято считать, что банковская тайна как таковая появилась в 16 веке в Италии, но получила юридическое закрепление в законодательстве лишь в начале 18 века в Швейцарии. В 1713 году Великий Женевский Совет принял нормативный правовой акт, согласно которому на работников банка накладывались обязательства по регистрации клиентов и ведение учета их операций, а также регламентировался запрет распространения информации о клиентах третьим лицам. В России о банковской тайне упоминается несколько позднее: в 1894 году в статье 22 Устава Государственного банка закрепляется положение, согласно которому служащим и членам Совета банка при поступлении на службу требуется давать письменное обещание хранить в тайне всё, касающееся операций банка и его счетов [2]. С течением времени данное положение преобразовалось в институт, тем самым отвечая на развитие общества, а, как следствие, и законодательства.

В настоящее время положения о банковской тайне регулирует статья 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [3], а, помимо прочего, охрану сведений, составляющих банковскую тайну, гарантирует Конституция Российской Федерации в статье 23 и пункте 3 статьи 56 [1]. Статья 857 о банковской тайне содержится и в части 2 Гражданского кодекса Российской Федерации [4]. Примечательно, что, несмотря на наличие огромного пласта нормативных правовых актов,

регулирующих данный институт права, единого понимания границ банковской тайны в российском законодательстве до сих пор не сложилось.

Тем не менее, стоит отметить, что положение, закрепленное в Уставе Государственного банка 1894 года, больше соответствует гарантиям действующей Конституции Российской Федерации, нежели положения ФЗ «О банках и банковской деятельности». Несмотря на наличие обязательств о сохранении тайн по операциям, счетам, вкладам и иным сведениям, предоставляемых клиентами и корреспондентами банкам, законодатель оставляет для себя «случаи», закрепленные различными Федеральными законами, при которых тот или иной орган, должностное лицо или организация вправе предоставить или потребовать данные юридических или физических лиц. Действительно существуют положения, согласно которым проверяющие лица не имеют право разглашать банковскую тайну третьим лицам (например, потенциальному поставщику не может быть предоставлена информация о наличии достаточной суммы средств на счете потенциального покупателя), однако и в них присутствуют «случаи, предусмотренные законодательством Российской Федерации».

Проблемным вопросом представляется наличие разночтений и неясностей в определении границ банковской тайны [5]. Иногда возникают сложности с определением, какая именно информация подлежит защите во всех случаях, а какая может быть доступна правоохранительным органам и другим уполномоченным структурам.

Также следует отметить конфликт интересов между защитой банковской тайны и борьбой с преступностью. Когда правоохранительные органы требуют доступа к банковской информации для расследования преступлений, это вступает в противоречие с правами граждан на защиту частной жизни и банковской тайны. Требуется разработка четких механизмов баланса между этими двумя важными элементами. Сейчас на практике приоритет однозначно отдается правоохранительным органам.

Практика применения норм о банковской тайне нередко оказывается весьма запутанной. Вопросы разделения полномочий между правоохранительными органами, налоговыми службами и собственно банком недостаточно прозрачны и однозначны, что затрудняет защиту интересов как банков, так и их клиентов.

С развитием цифровых технологий возрастает риск взлома и кражи данных. Современные средства защиты информации не всегда оказываются достаточно эффективными, что ставит под угрозу целостность банковской тайны. Назрела необходимость обновления и усиления требований к безопасности и мер ее защиты на законодательном уровне.

В условиях глобализации и интернационализации преступности в банковской сфере, с одной стороны, усиливается потребность в международном сотрудничестве как в области защиты банковской тайны, так и, наоборот, в обмене информацией о транзакциях международного

характера и в совместных расследованиях. С другой стороны, экономические санкции против России ограничивают возможности такого сотрудничества.

Для решения отмеченных проблем целесообразно предпринять следующие шаги:

1. Четко определить границы банковской тайны и правила доступа к ней.

2. Разработать и закрепить ясные процедуры взаимодействия между банками, правоохранительными, налоговыми и таможенными органами.

3. Усилить меры защиты информации, составляющей банковскую тайну, и ввести новые стандарты криптозащиты.

4. Способствовать международному сотрудничеству с дружественными странами в области разработки механизмов взаимодействия по защите банковской тайны и обмену информацией.

Заключение. По прошествии 131 года развития института банковской тайны в законодательной базе нашего Отечества единого подхода к содержанию банковской тайны выработано не было, что породило дискуссионную ситуацию. Выделяется 2 решения описанной проблематики: составление и закрепление в нормативном правовом акте перечня сведений, составляющих банковскую тайну, либо четкое разграничение круга видов информации, составляющей банковскую тайну, которая может быть предоставлена тем или иным должностным лицам государственных исполнительных органов власти.

Проблемы в регулировании банковской тайны ставят под угрозу безопасность клиентов и эффективность банковской системы России. Дальнейшее развитие законодательства и правоприменительной практики позволят устранить отмеченные проблемы и повысить уровень защиты банковской тайны.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Устав Государственного банка: (высоч. утвержд. 6-го июня 1894 г.) составитель Н. И. Арефа. – Изд. неофиц. – Санкт-Петербург: Издание типографии Исидора Гольдберга, 1895. – VII, 156 с.: табл.
3. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 года № 14-ФЗ.
5. Серебряков А.А. Проблемы отнесения сведений к информации, составляющей банковскую тайну / А.А. Серебряков // Известия АлтГУ. – 2016. – №3 (91). – DOI 10.14258/izvasu(2016)3-28.

СОГЛАСОВАННЫЕ ДЕЙСТВИЯ И КОЛЛЕКТИВНОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ НОРМ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Сулименко А.Д., ORCID 0000-0001-6732-0349

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени

О. Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва, РФ

ya-anna-sulimenko@yandex.ru

Введение. Пресечение коллективных форм монополистической деятельности является одним из приоритетных направлений деятельности отечественных антимонопольных органов. ФЗ «О защите конкуренции» предусматривает ряд соответствующих запретов на поведение хозяйствующих субъектов: запреты на антиконкурентные соглашения, согласованные действия, злоупотребление коллективным доминирующим положением [1]. Однако в теории и правоприменительной деятельности зачастую возникает вопрос о соотношении указанных категорий.

Цель. Нормы об антиконкурентных согласованных действиях (ст. 8 и 11¹ ФЗ «О защите конкуренции») и коллективном доминировании (ч. 3 ст. 5 и ст. 10 ФЗ «О защите конкуренции») используются для пресечения нарушений на олигополистических товарных рынках, которые характеризуются небольшим количеством участников и высокими стимулами к осуществлению координации их поведения между собой [2, с. 118]. С учетом того, что указанные законодательные положения применяются к хозяйствующим субъектам, действующим на товарных рынках со схожими характеристиками, представляется необходимым сформировать представление о том, как они соотносятся между собой.

Основная часть. Ч. 3 ст. 5 ФЗ «О защите конкуренции» предусматривает, что для признания хозяйствующих субъектов занимающими коллективное доминирующее положение необходимо установить, что товарный рынок отвечает определенным структурным критериям. Фактически эти критерии относятся к признакам олигополистического товарного рынка:

- совокупный размер долей конкурентов;
- относительная устойчивость таких долей;
- ограниченный доступ на товарный рынок новых конкурентов;
- низкий уровень эластичности спроса на реализуемый товар;
- информационная прозрачность, или транспарентность, товарного рынка.

В то же время экономисты подчеркивают [3, с. 11–26], что, в сущности, обозначенные выше структурные характеристики товарного рынка являются

факторами, способствующими «молчаливому» сговору между хозяйствующими субъектами – модели единообразного и синхронного поведения конкурентов, при которой они сознательно ставят свое поведение в зависимость от действий друг друга и которая на законодательном уровне воплощена в категории «согласованные действия».

В этой связи в литературе высказывается мнение о том, что нормы о согласованных действиях и коллективном доминировании направлены на один и тот же объект регулирования, что создает конкуренцию соответствующих законодательных положений [4, с. 266].

При этом важно, что ст. 8 ФЗ «О защите конкуренции» указывает на необходимость установить взаимосвязанность и взаимообусловленность поведения всех участников согласованных действий. В то же время формулировка ч. 3 ст. 5 ФЗ «О защите конкуренции» позволяет рассматривать действия каждого хозяйствующего субъекта, в отношении которого выполняются условия коллективного доминирования, в отрыве от действий иных хозяйствующих субъектов. Некоторые исследователи даже предполагают, что институт коллективного доминирования был целенаправленно введен в систему российского права в целях упрощения доказывания нарушений на олигополистических товарных рынках [5, с. 42].

Примечательно, что правоприменительная практика свидетельствует о следующем: норма о коллективном доминировании может использоваться антимонопольными органами и судами для пресечения индивидуального, а не группового поведения хозяйствующих субъектов. В частности, коллективное доминирующее положение признается за каждым из конкурентов в отдельности.

На первый взгляд, подобная правоприменительная практика разрешает проблему разграничения двух рассматриваемых институтов: конструкция согласованных действий предназначена для пресечения групповых действий игроков рынка, а коллективное доминирование – для установления индивидуальных нарушений хозяйствующих субъектов.

Тем не менее, сферы действия рассматриваемых норм пересекаются и по сей день по двум принципиальным причинам:

- законодательство допускает установление как индивидуального, так и коллективного нарушения посредством применения ч. 3 ст. 5 ФЗ «О защите конкуренции», а следовательно, составы таких правонарушений, как осуществление согласованных действий и злоупотребление коллективным доминирующим положением, не разведены между собой;
- более того, ряд исследователей указывают на необходимость полного искоренения из практики правоприменительных органов случаев установления «индивидуальных злоупотреблений коллективным доминирующим положением» [6, с. 42]. Автор также поддерживает эту точку зрения.

Таким образом, требуется разграничить смежные правовые институты.

Представляется целесообразным использовать институт коллективного доминирования в целях превенции сговора на товарных рынках, а именно в процессе анализа сделок экономической концентрации. В частности, норма о коллективном доминировании необходима для составления представления о том, возникнет ли доминирующее положение у нескольких хозяйствующих субъектов в случае одобрения той или иной сделки антимонопольным органом.

Институт же согласованных действий может использоваться для выявления уже существующих антимонопольных правонарушений.

Заключение. Таким образом, подобное разведение двух рассматриваемых институтов конкурентного права позволит обеспечить эффективное применение антимонопольного законодательства, поскольку анализируемые нормы будут действовать в комплексе – как на превенцию будущих сговоров на товарных рынках, так и на пресечение уже существующих.

Список литературы

1. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета. 2006. № 126.
2. Авдашева, С.Б. Розанова, Н.М. Доминирующее положение и антиконкурентные соглашения // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2004. – Том 2. – № 2. – С. 112–127.
3. Ivaldi M., Jullien B., Rey P., Seabright P., Tirole J. The Economics of Tacit Collusion / Report prepared for the European Competition Commission. IDEI, Toulouse, 2003. URL: <https://www.bateswhite.com/assets/htmldocuments/media.730.pdf>
4. Авдашева, С.Б., Шаститко, А.Е., Калмычкова, Е.Н. Экономические основы антимонопольной политики: российская практика в контексте мирового опыта (лекционные и методические материалы) // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2007. – № 2. – С. 234–270.
5. Варламова, А.Н. Совместное доминирование и согласованные действия // Корпоративный юрист. – 2007. – № 5. – С. 41–43.
6. Хохлов, Е.С. Правовые позиции Верховного Суда РФ применительно к определению доминирующего положения на товарном рынке // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2021. – № 4. – С. 32–44. DOI 10.46279/ASMO.2021.15.43.001

НАЛОГОВЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОНТРОЛЬНО-КАССОВОЙ ТЕХНИКИ

Сынкова Е.М., д-р юрид. наук, доц., ORCID 0009-0000-5375-6096,

Калус А.И.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

e.synkova.jur.fac@mail.ru,

Введение. Налоговый контроль за использованием контрольно-кассовой техники (ККТ) в России направлен на обеспечение полноты учета выручки и, как следствие, на пополнение бюджета. Он строго регламентирован законодательством и помогает в обеспечении поступления налогов, так как ККТ фиксируют выручку, с которой уплачиваются налоги. Налоговый контроль за ККТ помогает государству собирать налоги в полном объеме, что необходимо для финансирования государственных услуг и инфраструктуры.

Цель исследования – обосновать роль налогового контроля за использованием контрольно-кассовой техники, осуществляемом Федеральной налоговой службой (ФНС).

Основная часть. Современный налоговый контроль активно использует технологии: фискальные данные передаются в налоговую службу в автоматическом режиме через онлайн-кассы, что минимизирует возможность ошибок или фальсификаций. В числе важных нововведений – использование фискальных данных для аналитики и выявления нефискализированных оборотов, а также системы видеонаблюдения за кассовыми узлами. Кассы связаны в единую сеть, позволяя налоговым органам не просто контролировать, а предсказывать и предотвращать налоговые правонарушения на этапе их возникновения. ККТ предоставляют возможности для поиска баланса между честностью бизнеса и эффективностью государства.

Основные цели налогового контроля за ККТ состоят в том, чтобы вся выручка, полученная от продажи товаров, работ, услуг, фиксировалась в ККТ и передавалась в налоговые органы. Создание единой системы учета выручки позволяет анализировать экономическую ситуацию в стране.

Использование ККТ делает ведение бизнеса более прозрачным и исключает возможность уклонения от уплаты налогов, что создает равные условия для всех участников рынка. ККТ обеспечивают выдачу чеков, которые являются доказательством покупки, что позволяет потребителям защищать свои права в случае некачественного товара или услуги. Налоговый контроль за ККТ помогает выявлять и пресекать незаконную деятельность, такую как неучтенная торговля и уклонение от уплаты налогов.

К формам налогового контроля, установленным в федеральном законодательстве, за ККТ, относится регистрация и перерегистрация ККТ, контроль за соответствием ККТ требованиям законодательства, проведение налоговыми органами проверок соблюдения правил использования ККТ (например, полноты выдачи чеков, соответствия сумм в чеках фактической выручке), камеральные и выездные проверки [1].

Внедрение и контроль за использованием ККТ способствуют повышению прозрачности финансовых операций в бизнесе. Это позволяет не только налоговым органам, но и самим предпринимателям лучше контролировать свои доходы и расходы, оптимизировать налоговое планирование и избегать потенциальных нарушений.

Контроль за ККТ создает условия для честной конкуренции среди предприятий. Когда все участники рынка обязаны регистрировать свои доходы и платить налоги, это уменьшает возможности для демпинга и недобросовестной конкуренции, основанной на уклонении от налогов.

Современные ККТ часто интегрированы с системами электронного документооборота и позволяют автоматизировать процесс учета и отчетности. Это сокращает административную нагрузку на бизнес, освобождая ресурсы для развития и инноваций. Контроль за ККТ, при условии его разумной и справедливой реализации, может способствовать развитию МСП. Прозрачность и учет позволяют МСП получать доступ к финансированию и кредитам, а также участвовать в государственных программах поддержки бизнеса.

Активное использование ККТ и эффективный налоговый контроль за их применением являются важными инструментами для обеспечения стабильности экономики, защиты прав потребителей и создания благоприятной среды для развития бизнеса. Использование ККТ обеспечивает потребителям уверенность в законности и прозрачности сделок. Чек, выданный ККТ, является подтверждением покупки и гарантией защиты прав потребителей в случае необходимости возврата или обмена товара. Это, в свою очередь, способствует укреплению доверия к бизнесу и стимулирует потребительскую активность.

Данные, собираемые с помощью ККТ, предоставляют государству ценную информацию о состоянии экономики, структуре потребительского спроса и динамике развития различных отраслей. Эта информация используется для разработки эффективных экономических стратегий и программ поддержки бизнеса.

Налоговый контроль в сфере ККТ важен для обеспечения точного учёта налоговых поступлений, борьбы с уклонением и фиксации каждой транзакции. Усиление контроля и автоматическая фиксация нарушений, призваны сделать невозможным уклонение от налогов.

Ю. И. Чернов отмечает, что к основным нарушениям, выявляемым при налоговом контроле за ККТ относятся осуществление расчетов без

использования ККТ в случаях, когда это обязательно, использование ККТ, не соответствующей требованиям законодательства, например, не включенной в реестр разрешенных моделей, отказ в выдаче чека ККТ покупателю (клиенту) при осуществлении расчета, проведение расчетов через ККТ с указанием меньшей суммы, чем фактически полученная, технические проблемы с передачей данных с ККТ в налоговые органы, а также умышленное отключение ККТ от сети передачи данных [2, с.154].

Внедрение ККТ является частью общей стратегии по модернизации налоговой системы и переходу к современным цифровым решениям. Использование ККТ позволяет автоматизировать процессы сбора и обработки налоговой информации, повысить эффективность налогового администрирования и снизить риски уклонения от налогов.

Заключение. Налоговый контроль за ККТ играет многогранную роль в современной экономике. Он способствует повышению прозрачности бизнес-процессов, стимулирует добросовестную конкуренцию, сокращает административную нагрузку, поддерживает развитие МСП, повышает доверие потребителей, улучшает качество аналитической информации для государства и модернизирует налоговую систему. Эффективное использование ККТ и грамотный налоговый контроль за их применением являются ключевыми факторами для построения здоровой и устойчивой экономики. Он является важным инструментом обеспечения соблюдения налогового законодательства о применении ККТ, чтобы избежать штрафов и других негативных последствий.

Список литературы

1. Федеральный закон от 22 мая 2003 г. N 54-ФЗ "О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации от 26 мая 2003 г. N 21 ст. 1957, в Российской газете от 27 мая 2003 г. N 99,
2. Чернов, Ю. И. Административная ответственность за нарушение правил использования контрольно-кассовой техники / Ю. И. Чернов, М. Ю. Крысина, В. Э. Косюга // *Европейский журнал. Global*. – 2025. – № 58. – С. 154-160
3. Батарин, А. А. Уклонение от налогообложения в сфере торговли на розничных рынках: причины и пути преодоления / А. А. Батарин, Л. И. Гончаренко, А. С. Адвокатова // *Финансы: теория и практика*. – 2025. – Т. 29, № 1. – С. 119-132. – DOI 10.26794/2587-5671-2025-29-1-119-132.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Сынкова Е.М., д-р юрид. наук, доц., ORCID 0009-0000-5375-6096,
Малиновская И.С.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e.synkova.jur.fac@mail.ru,

Введение. Согласно российскому законодательству, арбитражные суды представляют собой особые федеральные органы судебной системы по регулированию споров в имущественной и предпринимательской сфере между субъектами права – физическими и юридическими лицами. Как правило, эти органы власти рассматривают и выносят решения по сложным экономическим спорам, которые провоцируются на основе административных, каких-то гражданских и многих других правоотношений, связанных с осуществлением коммерческой деятельности.

Цель исследования – раскрыть особенности организационно-правовое регулирование деятельности арбитражных судов в российской федерации и Республике Беларусь.

Основная часть. Организационно-правовое регулирование деятельности арбитражных судов в РФ включает в себя систему нормативных актов, регулирующих создание, структуру, полномочия, порядок деятельности и взаимодействие этих судов.

Законодательную базу функционирования арбитражных судов в РФ составляет Федеральный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» – основной нормативный акт, устанавливающий правовые основы деятельности арбитражных судов, их статус, компетенцию, порядок формирования [1], Арбитражный процессуальный кодекс РФ, который регулирует порядок рассмотрения хозяйственных споров и дел, связанных с экономической деятельностью, другие федеральные законы и нормативные акты, регулирующие специфические вопросы деятельности судов.

В России существует многослойная система: федеральные арбитражные суды, включающие суды первой инстанции, апелляционные, кассационные суды. Судьи назначаются Внутригосударственной коллегией по квалификации судей (ВККС РФ) по представлению Высшего Арбитражного суда (до 2014 года). В 2014 году Высший Арбитражный суд РФ ликвидирован, роль выполняет Арбитражный суд РФ и его апелляционные и кассационные инстанции. В России организационно-правовое обеспечение арбитражных судов регулируется Арбитражным процессуальным кодексом и специальными законами, что создает мощную и развитую судебную инфраструктуру. Россия обладает долгой традицией

профессионального арбитража и активной интеграцией в международное коммерческое право.

Арбитражные суды Российской Федерации рассматривают споры, связанные с предпринимательской деятельностью, и споры, связанные с имуществом. Условно виды споров, которые могут быть разрешены арбитражным судом, можно разделить на такие группы: а) оспаривание нормативных актов правового характера в сфере экономических взаимоотношений; ю) оспаривание решений, действий или бездействия органов власти, ненормативных актов, ущемляющих предусмотренные законом права, а также интересы заявителя; в) дела об административных правонарушениях в случаях, когда таковое отнесено к компетенции арбитражного суда; г) анализ вопросов, касающихся взыскания штрафов и обязательных платежей с лиц (организаций), осуществляющих коммерческую деятельность, а также наложение на них санкций, связанных с несоблюдением законных требований других субъектов права; д) дела о банкротстве; е) другие виды правоотношений, возникающих вследствие предпринимательской деятельности, если таковые отнесены к компетенции арбитражного судопроизводства.

Кроме того, каждый арбитражный суд вправе рассматривать особые дела, связанные непосредственно с оспариванием решения так называемых третейских судов, а также по выдаче персонального исполнительного листа на принудительное выполнение решений третейского суда.

В Беларуси арбитражные суды представлены Верховным арбитражным судом и областными арбитражными судами, а судьи назначаются Президентом республики по согласованию с Советом судей. Таким образом, в Беларуси сохраняется более централизованный подход, суды сосредоточены при Высшем хозяйственном суде.

В ходе модернизации В России и Беларуси активно внедряются электронные системы, развивается международное сотрудничество, особенно в области инвестиционного и торгового права. Страны СНГ ищут баланс между традициями и инновациями, развивая арбитраж как мощный инструмент разрешения споров.

В России и Беларуси существует система арбитражных судов: федеральных, апелляционных, кассационных и судов первой инстанции, регламентируются порядок формирования судейского состава, процедуры назначения и освобождения от должности, вопросы установления полномочий президиума, судейских коллегий и руководства судов. Существуют регламенты судопроизводства, процедура подачи исков, рассмотрения дел, вынесения решений, закреплены правовые основы обеспечения независимости судей и доступа сторон к правосудию, регламентируется взаимодействие с другими государственными органами, юридическими лицами и гражданами. Контроль и надзор в системе арбитражных судов включает механизмы внутреннего и внешнего контроля за деятельностью судов, Порядок дисциплинарной ответственности судей.

Для успешного признания и исполнения решения арбитражного суда в другой стране необходимо учитывать соответствие этих решений критериям, установленным в указанных соглашениях и кодексах. Например, решение должно быть вынесено компетентным судом, не должно нарушать публичный порядок (*ordre public*) государства, где запрашивается его признание, и так далее.

Также стоит отметить, что с 2021 года Россия и Беларусь продолжают работать над усилением взаимодействия в правовой сфере, включая вопросы взаимного признания судебных решений, что может влиять на устоявшуюся практику.

Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о порядке взаимного исполнения судебных актов арбитражных судов и хозяйственных судов имеет важное значение, поскольку оно обеспечивает правовую основу для признания и исполнения судебных решений обеих стран [2]. Это способствует упрощению процедур, обеспечению гарантий прав участников дел, развитию экономического сотрудничества, правовой стабильности.

Заключение. Соглашение играет ключевую роль в обеспечении эффективного и предсказуемого правового взаимодействия в экономической сфере между РФ и Беларусью.

Взаимное признание решений арбитражных судов между Российской Федерацией и Республикой Беларусь регулируется различными международными и национальными актами. Основными документами, касающимися этой темы, является Соглашение о взаимном признании и приведении в исполнение судебных решений, которое было подписано в рамках Союзного государства России и Беларуси. Оно направлено на упрощение процедуры признания и исполнения судебных решений на территории обоих государств.

Список литературы

1. Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. N 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. N 18. Ст. 1589 (ред. от 18.07.2019 г.)
2. Распоряжение Президента Российской Федерации от 22.11.2000 № 523-рп О подписании Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о порядке взаимного исполнения судебных актов арбитражных судов // Собрание законодательства Российской Федерации от 2000 г. – N 48. – ст. 4687

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫМ КОМПЛЕКСОМ

Сынкова Е.М., д-р юрид. наук, доц., ORCID 0009-0000-5375-6096,

Чурон М.В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

e.synkova.jur.fac@mail.ru,

Введение. Организационно-правовое обеспечение машиностроительного комплекса – это многогранная система, включающая в себя нормативные акты, организационные структуры и механизмы, направленные на регулирование деятельности предприятий, научных учреждений и иных организаций, входящих в состав отрасли. Оно охватывает широкий спектр вопросов, начиная от регистрации и лицензирования предприятий, заканчивая стандартами качества продукции, охраной труда и экологической безопасностью.

Цель работы – раскрыть особенности правового обеспечения машиностроительного комплекса.

Основная часть. Ключевым элементом является соблюдение законодательства в сфере защиты интеллектуальной собственности. Машиностроение, как отрасль, основанная на инновациях и технологических решениях, нуждается в надежной защите своих разработок и изобретений. Патентование, регистрация товарных знаков и другие формы защиты интеллектуальной собственности позволяют предприятиям сохранять конкурентные преимущества и привлекать инвестиции.

Особое внимание уделяется вопросам стандартизации и сертификации продукции машиностроения. Соответствие продукции требованиям технических регламентов и стандартов является обязательным условием для ее реализации на рынке. Процедуры сертификации, осуществляемые аккредитованными органами, подтверждают соответствие продукции установленным требованиям и обеспечивают ее качество и безопасность.

Важную роль играет и государственная поддержка машиностроительного комплекса. Различные программы субсидирования, льготного кредитования и налоговых преференций направлены на стимулирование развития отрасли, повышение ее конкурентоспособности и внедрение новых технологий. Кроме того, государство выступает заказчиком на продукцию машиностроения, обеспечивая предприятиям стабильный спрос и возможность планировать свою деятельность на долгосрочную перспективу.

Таким образом, организационно-правовое обеспечение машиностроительного комплекса – это сложный и динамичный процесс,

требующий постоянного совершенствования и адаптации к меняющимся условиям. Эффективное регулирование отрасли способствует ее устойчивому развитию, повышению конкурентоспособности и обеспечению национальной безопасности.

В настоящее время организационно-правовое обеспечение машиностроительного комплекса приобретает особое значение. Гармонизация национального законодательства с международными нормами и стандартами становится необходимым условием для успешной интеграции предприятий отрасли в мировое экономическое пространство. Это включает в себя приведение в соответствие технических регламентов, стандартов качества и процедур сертификации с требованиями международных организаций, таких как ISO и IEC.

Не менее важным аспектом является развитие системы саморегулирования в машиностроительном комплексе. Создание саморегулируемых организаций (СРО), объединяющих предприятия отрасли, позволяет повысить ответственность бизнеса за качество продукции и соблюдение профессиональных стандартов. СРО разрабатывают собственные правила и стандарты, контролируют их соблюдение и оказывают поддержку своим членам в решении возникающих проблем.

Совершенствование системы управления рисками также входит в сферу организационно-правового обеспечения машиностроительного комплекса. Предприятия отрасли сталкиваются с различными видами рисков, включая производственные, финансовые, юридические и экологические. Эффективное управление рисками предполагает их идентификацию, оценку и разработку мер по их минимизации или предотвращению.

В целом, организационно-правовое обеспечение машиностроительного комплекса – это непрерывный процесс, требующий постоянного внимания со стороны государства, бизнеса и научного сообщества. Согласованные усилия всех заинтересованных сторон позволяют создать благоприятные условия для развития отрасли, повышения ее конкурентоспособности и обеспечения устойчивого экономического роста.

Таким образом, организационно-правовое обеспечение машиностроительного комплекса включает в себя законодательную базу, регулирующую вопросы лицензирования, сертификации, защиты интеллектуальной собственности, экологического и техногенного стандарта, а также системы поддержки промышленности через государственные программы, налоговые льготы и инновационные площадки. Всё это создаёт стабильную платформу для инвесторов, производителей и научных учреждений, чтобы они могли развиваться без страхов и неопределенности.

Заключение. Машиностроение в РФ – это стратегический сектор, ориентированный на инновации и устойчивое развитие. Оно построено на

базе государственных программ поддержки промышленности, стимулирования инноваций и модернизации производства. Здесь активно внедряются меры по защите интеллектуальной собственности, развитию технопарков и технополисов.

Организационно-правовое обеспечение машиностроительного комплекса в РФ представляет собой систему, обеспечивающую индустриальное развитие. Законодательство создаёт условия для привлечения инвестиций и участия частных предприятий, а также обеспечивает стандартизацию и сертификацию продукции. Правовая база создает также платформу для конкурентоспособного роста.

В рамках стратегии индустриализации РФ сосредоточена на создании специальных экономических зон, модернизации существующих производств и стимулировании экспортного потенциала. Законодательство и нормативная база активно развиваются в направлении международных стандартов, чтобы экспортировать продукцию машиностроения на зарубежные рынки. Многие делается с акцентом на создание благоприятных условий для инвесторов и развития научных исследований в области машиностроения.

Список литературы

1. Черкесов, М. А. Понятие машиностроения в законодательстве России и Казахстана / М. А. Черкесов // Научный Лидер. – 2025. – № 16(217). – С. 135-139.
2. Малкова, Т. Б. Направления развития в реализации проектов предприятий машиностроения / Т. Б. Малкова, Д. В. Саакян // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 13, № 2(155). – С. 57-70. – DOI 10.36871/ek.ur.p.r.2025.02.13.006.
3. Айрапетова, А. Г. § 2.2. Организационно-правовая структура машиностроительных предприятий. § 2.3. Особенности специализации машиностроительных предприятий при отраслевом и региональном размещении / А. Г. Айрапетова, А. К. Сотавов, В. Д. Морозова // Производственный комплекс России: аналитическое и учетно-информационное обеспечение управления инновациями, инвестициями, экономической безопасностью. – Москва : Институт исследования товародвижения и конъюнктуры оптового рынка, 2025. – С. 22-30

О ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ СПОРАХ

Цыба Е.В., канд. юрид. наук, доц.,

Аппазова Е.С.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

e.tsiba@donnu.ru

Введение. Процесс доказывания в административно-правовых спорах отличается по степени процессуальной регламентации в зависимости от того, осуществляется ли он в судебном или внесудебном порядке. В административном порядке регулирование доказывания уступает судебному, что обусловлено рядом факторов.

Бюрократическая корпоративность, присущая органам государственной власти, местного самоуправления и иным государственным органам, в определенных управленческих ситуациях может способствовать эффективному исполнению нормативно-правовых актов. Однако в контексте административно-правовых споров она зачастую препятствует формированию четкой нормативной урегулированности процесса доказывания, что отрицательно сказывается на эффективности рассмотрения дел.

Цель исследования – выявить значимые проблемы в доказывании по административно-правовым спорам и обосновать пути решения данных проблем.

Основная часть. До начала XXI века в России сформировался правовой менталитет, при котором действия или бездействие государственных органов презюмировались правомерными, а процессуальное равенство между лицом и органом власти отсутствовало, что привело к тому, что процедура доказывания в административных спорах не получила достаточной регламентации и в значительной степени остается несовершенной.

М.Г.Терехов, анализируя возможность обжалования действий должностных лиц, уполномоченных на наложение административных взысканий, в случаях, когда не составляется протокол об административном правонарушении, отмечает допустимость запрета на обжалование таких действий, если правонарушитель с ними согласился или признал соответствующие факты. Такой подход фактически освобождает представителя юрисдикционного органа от необходимости доказывать правомерность своих действий кому-либо, кроме самого привлекаемого к ответственности лица, что может значительно осложнять защиту его прав, особенно при нехватке времени или недостаточном знании процессуальных норм [1, с. 98].

Вопрос перераспределения бремени доказывания в делах, возникающих из административно-правовых отношений, заключается в том, что лицо, обжалующее действие или бездействие органа власти либо должностного лица, должно доказать факт нарушения своих прав и законных интересов. Однако в судебном порядке именно сторона, чьи действия или бездействие обжалуются, обязана доказать их законность.

Данное правило не является универсальным и не может применяться ко всем видам административных споров, что подтверждается ст.249 ГПК РФ и ст. 65 АПК РФ. В административном порядке рассмотрения споров перераспределение бремени доказывания также не всегда предусмотрено законодательством, поскольку отсутствует кодифицированный акт, регулирующий внесудебный порядок разрешения административных споров в целом. В таких случаях применяются специальные нормы, регулирующие конкретные категории споров, например, налоговые или связанные с дисциплинарной ответственностью.

Перераспределение бремени доказывания в административных спорах, рассматриваемых в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, направлено на усиление правовых гарантий для лиц, стремящихся защитить свои нарушенные права. В большинстве случаев граждане и организации не имеют доступа к доказательствам, которыми обосновываются оспариваемые действия или бездействие органов власти. Подобные сложности возникают и во внутрисистемных административных спорах о компетенции, а также в спорах, вытекающих из административных договоров. Органы власти, обладающие управленческими полномочиями, также могут не иметь информации о фактах, на которых основаны действия других органов или должностных лиц, что обусловлено ведомственной замкнутостью.

В подобных условиях целесообразным представляется использование инквизиционных элементов в административном процессе, связанных со сбором доказательств при рассмотрении административных споров. Данное положение закреплено в ч. 2 ст. 249 ГПК РФ, которая наделяет суд правом по собственной инициативе истребовать доказательства, необходимые для правильного разрешения дела. Включение таких элементов в процесс не противоречит принципу состязательности, а напротив, способствует объективному рассмотрению споров.

С.Н.Смирнова отмечает, что доктрина состязательности, понимаемая как пассивность суда, извращает судебную практику и препятствует развитию процессуального законодательства. Процесс представляет собой взаимодействие суда и сторон, а не исключительно деятельность последних, за которой суд выступает лишь пассивным наблюдателем [2, с. 161]. А.В.Минков указывает на необходимость подчинения производства по административным делам принципам следственности и

объективной истины, что обусловлено императивным характером норм публичного права, подлежащих применению в процессе рассмотрения таких дел [3, с. 33] .

Расширение прав граждан и организаций на судебное рассмотрение административно-правовых споров привело к снижению внимания к вопросам совершенствования административного порядка их разрешения. Одной из наиболее значимых проблем в этой сфере остается доказывание, поскольку вышестоящие органы и должностные лица, рассматривая жалобы, в основном ограничиваются анализом представленных документов.

Заключение. Совершенствование законодательства в данной сфере требует установления четких процессуальных стандартов доказывания; внедрения единых критериев оценки доказательств; усиления судебного контроля за полнотой и достоверностью представленных сведений; расширения возможностей сторон по истребованию доказательств, включая сведения, находящиеся у органов власти; нормативного закрепления статуса электронных доказательств и порядка их процессуального использования

В целях обеспечения процессуальных гарантий и исключения правовой неопределенности, связанной с предварительным раскрытием информации, представляется обоснованным внесение изменений в ч. 4 ст. 65 АПК РФ в следующей редакции: «Лица, участвующие в деле, вправе ссылаться только на те сведения, с которыми другие лица, участвующие в деле, были ознакомлены заблаговременно».

Уточнение данной нормы позволит исключить возможность признания доказательствами сведений, не прошедших судебную проверку, а также обеспечит равные условия для сторон при представлении доказательств.

Список литературы

1. Терехов, М. Г. Применение информации, полученной с использованием системы «Умный город», в доказывании по делам об административных правонарушениях / М. Г. Терехов // Алтайский юридический вестник. – 2025. – № 2(50). – С. 98-104.
2. Смирнова, С. Н. Судебное доказывание и доказательства по административным делам / С. Н. Смирнова // Человек. Социум. Общество. – 2025. – № 5. – С. 161-164.
3. Минков, А. В. Проблемы и пути решения доказывания в административном процессе / А. В. Минков // International Law Journal. – 2025. – Т. 8, № 3. – С. 107-112.
4. Решетникова, И. В. Обязательное представительство и доказывание в административном судопроизводстве / И. В. Решетникова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2025. – № 6. – С. 33-39.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цыба Е.В., канд. юрид. наук, доц.,
Астащенко С.А., ORCID 0009-0003-1621-2550
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
sonya.manuilova@yandex.ru

Введение. В современных условиях развития рыночной экономики особую актуальность приобретает вопрос обеспечения эффективной защиты интересов субъектов малого предпринимательства, поскольку малый бизнес играет ключевую роль в экономическом развитии государства, создании рабочих мест и стимулировании инновационной деятельности.

Основная часть. Административно-правовые гарантии как комплексная система правовых средств и методов обеспечивают реализацию и защиту прав предпринимателей в рамках действующего законодательства Российской Федерации. В качестве фундаментальных инструментов государственного регулирования предпринимательской деятельности они формируют необходимый базис для развития предпринимательства.

Основой правового регулирования защиты интересов малого предпринимательства выступают Конституция Российской Федерации, а также специализированное федеральное законодательство, дополняемое региональными и муниципальными нормативными актами. Нормативно-правовое регулирование в этой сфере направлено на модернизацию системы контрольно-надзорной деятельности и создание правовых механизмов, обеспечивающих защиту интересов как физических, так и юридических лиц, выступающих объектами контроля. Реализация положений федерального законодательства в сфере государственного надзора предполагает внедрение риск-ориентированного подхода к организации проверок, что позволяет оптимизировать контрольные мероприятия и создать открытую систему взаимодействия между представителями бизнеса и контролирующими структурами [1].

С помощью процедурных гарантий устанавливаются четкие административные процедуры взаимодействия между предпринимателями и государственными органами, обеспечивая прозрачность такого взаимодействия. Контрольно-надзорные механизмы создают систему контроля за соблюдением прав предпринимателей, предотвращая возможные нарушения и злоупотребления.

Многоуровневая институциональная система охраны интересов малого бизнеса формируется из целого комплекса взаимодействующих структур. На федеральном уровне функционируют соответствующие органы исполнительной власти, которые координируют работу нижестоящих звеньев. Региональный уровень представлен специализированными центрами поддержки предпринимательства, а муниципальный включает местные органы управления [3].

Существенную роль в системе защиты прав предпринимателей играет мониторинговая деятельность. На территории каждого субъекта Российской Федерации ведется мониторинг соблюдения прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, позволяющий своевременно выявлять факты нарушения прав предпринимателей.

Реализация административно-правовых гарантий происходит посредством деятельности различных государственных структур. Ведущими федеральными институтами выступают Министерство экономического развития, Федеральная антимонопольная служба и Федеральная налоговая служба Российской Федерации. Свой вклад вносят региональные и местные власти, разрабатывающие специальные локальные программы поддержки [2].

Современные тенденции развития системы гарантий характеризуются внедрением инновационных подходов. Происходит активная цифровизация административных процедур, развивается система профилактических мероприятий, внедряются принципы проактивной защиты прав предпринимателей. Особое внимание уделяется совершенствованию механизмов досудебного урегулирования споров и развитию института оценки регулирующего воздействия.

Заключение. Система административно-правовых гарантий, обеспечивающих защиту законных интересов представителей малого бизнеса, приобретает особую значимость в аспекте стимулирования предпринимательской активности в Российской Федерации. Для повышения эффективности данной системы требуется всесторонняя модернизация, которая должна охватывать обновление законодательной базы, регламентирующей функционирование малого предпринимательства, а также оптимизацию механизмов государственного контроля в сфере предпринимательской деятельности.

Список литературы

1. Багишев, О. А. Формы и методы административно-правового регулирования предпринимательской деятельности / О. А. Багишев // Юридическая наука. – 2023.
2. Гаджиев, Г. Г. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в России: проблемные аспекты / Г. Г. Гаджиев // Образование и право. – 2023.
3. Лянной, Г. Г. Административные барьеры, препятствующие развитию малого и среднего предпринимательства / Г. Г. Лянной // Общество и право. – 2024.

СУЩНОСТЬ, ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ГРАЖДАН ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ

Швец А.В., ORCID 0009-0005-2935-6363

ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ
shvets.dmp@mail.ru

Введение. Государство, согласно Конституции, обязано гарантировать соблюдение и защиту прав, свобод и законных интересов каждого человека и гражданина. Обеспечение таких условий, а также и охрана прав, свобод и законных интересов как отдельных лиц, так и граждан в целом, входят в функции всех без исключения органов государственной власти, наделяя органы прокуратуры функцией надзора за соблюдением обеспечения и реализации прав, свобод и законных интересов каждого гражданина.

Цель работы: установление понятия механизма административно-правового обеспечения прав и свобод граждан органами прокуратуры.

Основная часть. Механизм административно-правового обеспечения прав и свобод граждан органами прокуратуры РФ является в организационно-политическом и юридическом отношении сложным многогранным явлением, являющим собой целостную систему регулятивных и охранных правовых средств, направленных на обеспечение соблюдения конституционных требований по свободной реализации прав и свобод каждого гражданина.

Следует отметить, что этот механизм является частью общего механизма правового регулирования публичных отношений, который можно разглядывать как сложную систему, определяющую правовую базу функционирования органов и юридически важных результатов их деятельности. При этом единый механизм административно-правового обеспечения прав и свобод характеризуется специфическими, присущими только ему правовыми средствами.

По мнению В.А. Лебедева, «механизм» представляет собой совокупность взаимосвязанных друг с другом элементов, составляющих определенную динамическую систему [1, с. 130]. Этим определением автор, подчеркивает такое характерное свойство любого механизма, особенно правового, как его динамичность, то есть способность развиваться и изменяться в зависимости от условий и требований определенного исторического периода.

В свою очередь Ю.В. Анохин, под «механизмом государственно-правового обеспечения прав и свобод личности» рассматривает сложную систему социальной организации общественной системы, включающей

государство, его органы и должностных лиц, общественные организации и органы местного самоуправления в их единстве и функционировании, направленном на образование условий результативного влияния на общественные отношения с целью эффективной реализации, охраны и защиты прав и свобод [2, с. 251]. Однако, с таким определением сложно согласиться так как, ученый относит к механизму обеспечения прав государство и его органы, что является ошибочным. При этом автор справедливо указывает на направленность действия такого механизма, в частности, создание условий для результативного и эффективного влияния на общественные отношения.

Так, по нашему мнению, удачным является определение административно-правовая защита прав граждан Е.В. Ким который указывает на то, что правовая защита осуществляется путем: 1) обращение за защитой прав в уполномоченные органы; 2) восстановление нарушенного права и создание условий для его реализации уполномоченным органом; 3) определение порядка реализации восстановленного права; 4) наложение административных наказаний на субъектов, несущих ответственность за нарушение прав граждан [3, с. 16].

Таким образом, административно-правовое регулирование является важной составляющей механизма административно-правового обеспечения прав человека и гражданина, поскольку наличие этого элемента в изучаемом механизме позволяет, во-первых, идентифицировать требующие обеспечения права (они закреплены в нормах материального права), а во-вторых, определить процедуру обеспечения (закрепленная в нормах процессуального права).

Следует обратить внимание, что административно-правовой механизм обеспечения прав граждан отличается специфическими средствами, методами, особыми субъектами обеспечения, которыми выступают правоохранительные органы и другие государственные органы, а также нормами, лежащими в основе административно-правовой регламентации прав, являющихся предметом обеспечения, и процедуры обеспечения.

Одним из государственных правоохранительных органов административно-правового обеспечения прав граждан выступают органы прокуратуры. Специфичность прокуратуры обусловлена тем, что она фактически представляет собой один из немногих государственных институтов, уполномоченных предотвращать ущемление прав и свобод личности. Её работа ориентирована как на охрану и возобновление нарушенных прав, так и на предупреждение подобных нарушений.

По мнению Д.Т. Тагирова, В.Г. Сулейманова органы прокуратуры играют ключевую роль в распространении и реализации конституционных норм направленных на охрану прав и свобод граждан. Инструменты прокурорского надзора, направленные на защиту прав граждан, призваны компенсировать нанесенный ущерб. В системе государственного

управления прокуратуре отведена важная роль в обеспечении защиты прав и свобод граждан на всей территории Российской Федерации [4, с. 158].

Итак, можем определить признаки административно-правового механизма обеспечения прав и свобод граждан органами прокуратуры: 1) представляет собой систему взаимосвязанных элементов, обеспечивающих функционирование механизма как единого целого; 2) направлен преимущественно на обеспечение реализации прав граждан, то есть создание условий, при которых граждане имеют возможность реализовать свои права, а также гарантий такой реализации; 3) основанный на специфических административно-правовых средствах и методах обеспечения - надзор, контроль, принуждение и т.п.; 4) в основе данного механизма лежит определенная административно-процессуальными нормами процедура применения средств и методов обеспечения; 5) субъектом данного механизма выступают органы и их должностные лица; 6) объектом есть реализация прав и законных интересов граждан.

Выводы. Учитывая сказанное выше, следует сказать, что механизм административно-правового обеспечения прав и свобод граждан органами прокуратуры представляет собой взаимодополняющую, органически связанную и взаимодействующую между собой систему регламентированных административно-правовыми нормами элементов (правовых норм, практики их применения, задач, функций и методов, правоотношений и т.д.) деятельности указанных органов, которая направлена на создание необходимых условий для обеспечения законных прав и интересов граждан, а также установленную административно-правовыми нормами систему гарантий надлежащей реализации и соблюдения прав, свобод и законных интересов каждого гражданина.

Список литературы

1. Лебедев, В.А. Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России / В.А. Лебедев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2005. – 272 с.
2. Анохин, Ю.В. Об общих основах механизма государственно-правового обеспечения прав и свобод личности / Ю.В. Анохин // Ползуновский вестник, 2005. – № 1. – С. 250-256.
2. Ким, Е.В. Административно-правовой механизм обеспечения прав граждан Российской Федерации в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций : автореферат дис. ... кандидата юридических наук 12.00.14 – административное право, финансовое право, информационное право / Е.В. Ким – Хабаровск, 2012. – 24 с.
3. Тагирова, Д.Т., Сулейманов, В.Г. Правозащитная деятельность Российской прокуратуры / Д.Т. Тагирова, В.Г. Сулейманов // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2012. – №8. – С. 153-158

Конституционное и международное право

УДК 342.5

ОРГАНЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Баринов Э.Э., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0000-0001-9056-4878,

Васильченко С.С., ORCID 0009-0000-0264-5302

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»,

г. Ростов-на-Дону, РФ

emil.barinov@yandex.ru, sergey.vasilchenko1999@mail.ru

Введение. Исследование теоретических основ и практической специфики конституционно-правового статуса органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации актуализирована в свете трансформации федерального регулирования организации и функционирования всей системы публичной власти в России, начало которому положила конституционная реформа 2020 года [1, 2], а также принятия Федеральных законов № 144 и № 33-ФЗ [3, 4].

Цель – комплексное исследование специфики правосубъектности региональных органов исполнительной власти в системе публичной власти Российской Федерации.

Основная часть. Специфика конституционно-правового статуса органов исполнительной власти субъектов РФ заключается в том, что они осуществляют свои полномочия не только в рамках федерального законодательства, но и в пределах собственных региональных правовых актов, что требует особой правовой гибкости и координации с федеральными органами. В отличие от органов федеральной власти, региональные исполнительные органы часто сталкиваются с необходимостью адаптации решений на местах с учетом экономических, социально-культурных и иных особенностей региона.

Изучение деятельности органов государственной власти субъекта в контексте соблюдения законодательства и эффективного управления территорией представляет собой важный аспект научных исследований. Принципы функционирования, являющиеся основополагающими началами системы, играют ключевую роль в обеспечении стабильности и развития государства.

Эффективность деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ может быть значительно улучшена с помощью ряда

мероприятий. Прежде всего, необходимо уделить особое внимание назначению на посты руководителей органов исполнительной власти профессионалов с высоким уровнем компетенции. Кроме того, важным шагом является постоянное совершенствование программ профессиональной подготовки и переподготовки государственных служащих.

Цифровизация государственного управления также затронула и органы исполнительной власти субъектов РФ, существенно повысив эффективность их функционирования в рамках выполнения государственных функций и реализации заложенных в федеральных и региональных правовых актах полномочий, в том числе и в рамках обеспечения прав и свобод россиян. Для реализации разносторонних государственных полномочий была разработана и успешно внедрена государственная информационная система (ГИС) [5], которая обеспечила существенную оптимизацию информационных потоков и процедурных аспектов принятия решений, а также повысила степень контроля и ответственности уполномоченных должностных лиц. Важным элементом цифровизации региональных органов публичной власти выступает федеральный проект «Цифровое государственное управление» [6]. Такие известные уже нам успешные примеры инновационные решения в сфере цифровизации публичного управления, как «Госуслуги», «СМЭВ», «ЕСИА», способствуют автоматизации процессов, упрощению взаимодействия между различными уровнями власти и повышению уровня доступности государственных услуг для граждан. Таким образом, использование цифровых технологий, включая цифровые модели-двойники, становится неотъемлемой частью современной системы государственного управления, способствуя более эффективной работе органов публичной власти и улучшению качества предоставляемых услуг.

На развитие региональных информационных систем в целях интеграции с витриной данных органов государственной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами в России в период с 2025-го по 2027 год включительно выделено в общей сложности 1 млрд рублей. Об этом говорится в законе от 30 ноября 2024 года «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» [7]. Конечно, цифровизация не решит все проблемы разом. Но если подходить к этому постепенно, с учётом специфики каждого органа, эффект может быть заметным.

В контексте совместного исполнения государственных функций и обеспечения прав граждан как на уровне отдельных субъектов Федерации, так и на уровне всей страны, важнейшим фактором является взаимодействие между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Федерации. Чтобы исполнительная власть работала надёжно, одной только структуры недостаточно. Нужно, чтобы у сотрудников была актуальная подготовка.

Идея проводить обучение с учётом специфики регионов – очень актуальная и необходимая. Там, где свои особенности, подходы должны быть соответствующими. Помимо этого, важно, чтобы работа власти была открыта. Люди должны понимать, как принимаются решения, и кто за них отвечает. Это важно не только для отчётности, но и для того, чтобы между властью и обществом было доверие.

Сейчас одна из заметных проблем – это отсутствие слаженности в действиях между разными органами власти. Порой у министерств и ведомств перекрываются функции, и каждый действует по-своему. Чтобы исправить это, нужно навести порядок и наладить чёткое управление, где каждый знает свою роль. Если построить систему, где всё работает согласованно, это даст реальный эффект: станет проще принимать решения, реагировать на вызовы и вообще развивать страну.

Заключение. В результате проведенного в данной научной работе комплексного исследования специфики правосубъектности региональных органов исполнительной власти в свете трансформации федерального регулирования организации и функционирования всей системы публичной власти в России можно прийти к общему выводу о положительной динамике трансформационных процессов в анализируемой сфере общественных отношений, проявляющейся в первую очередь в оптимизации процедурных аспектов реализации государственных функций.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: // <http://pravo.gov.ru/constitution/>
2. Закон о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. – 2020 г. – № 11. – ст. 1416.
3. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 52 (ч. 1). – Ст. 8973.
4. Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Российская газета. – 2025. – 26 марта. – № 65 (9604).
5. Федеральный закон от 27 июля 2006г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №31. – Ст. 3448.
6. Указ Президента РФ от 7 мая 2024г. №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Российская газета. – 2024. – 11 мая.
7. Федеральный закон от 30 ноября 2024г. №419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» (в актуальной редакции) // Российская газета. – 2024. – 5 декабря.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ТЕНДЕНЦИИ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Баринов Э.Э., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0000-0001-9056-4878,

Вертий Ю.М., ORCID 0009-0005-1906-1571

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»,
г. Ростов-на-Дону, РФ

emil.barinov@yandex.ru, vertivertiy@rambler.ru

Введение. Обеспечение национальной информационной безопасности выступает в настоящее время приоритетным вектором государственной политики, связанным с тотальной цифровизацией практически всех сфер общественных отношений, а также с геополитическими факторами, что позволяет судить о целесообразности осуществления исследования конституционно-правовых основ и тенденций модернизации данного направления.

Цель – комплексное исследование конституционно-правовых основ и тенденций модернизации обеспечения информационной безопасности России.

Основная часть. Специфической особенностью деятельности по обеспечению информационной безопасности государства является ее регламентация в актах стратегического планирования [1–3], дополняемых путем указного нормотворчества главы государства [4], что позволяет более динамично и в рамках приоритетной национальной политики с учетом международных трансформаций моделировать и корректировать элементы анализируемого правового механизма. Тем не менее необходимость формирования научно-теоретической основы данной деятельности не вызывает сомнения и детерминирует проведение данного исследования.

Особо стоит обратить внимание на многогранность информационной безопасности, которую можно классифицировать в зависимости от субъекта на индивидуальную, корпоративную, национальную и иные разновидности, обозначив при этом безусловную их взаимосвязь и взаимозависимость, что также оказывает влияние на моделирование современного конструкта обеспечения информационной безопасности нашего государства.

Публично-правовой характер обеспечения информационной безопасности обусловлен значительностью роли органов публичной власти в данной деятельности, что предполагает и комплексность нормативно-

правовой ее регламентации, проявляющуюся в сочетании норм конституционного, административного и иных отраслей публично-правовой направленности, с одной стороны, а с другой стороны – сама цифровизация, выступая актором усиления и модернизации обеспечения информационной безопасности, пронизывает все отрасли российской правовой системы, позволяя еще больше расширить объем нормативно-правовой регламентации.

Модернизация обеспечения информационной безопасности носит многоаспектный характер, обусловленный как разноплановым состав субъектов данной деятельности, так и разносторонними угрозами, которые необходимо предугадать и предотвратить. При этом, с нашей точки зрения, наиболее легкорееализуемой представляется казалось бы самая сложная деятельность, связанная с технологической деятельностью высококвалифицированных субъектов, обладающих специализированными навыками в данной области, а именно повышение эффективности защиты национальных цифровых платформ, облачных технологий, защиты персональных данных субъектами, которым доверен их оборот, и так далее.

В анализируемой нами сфере самое сложное связано с повышением цифровой грамотности населения, информационной культуры и культуры информационного общения, комплексной работе по доведению до всех российских граждан и лиц, законно находящихся на территории нашего государства, всех аспектов кибербезопасности. Данная деятельность ведется активно, однако постоянные нарушения в данной области позволяют судить о недостаточной ее эффективности. Более того, несмотря на активно развивающуюся подготовку специалистов в данной сфере, их количество не покрывает потребности нашего государства, позволяя прийти к выводу о необходимости расширения информационного просвещения, повышении и контроле за качеством предоставляемых в данной области услуг, создании государственных бесплатных платформ по обучению базовым цифровым навыкам, которые представляли бы не только понятную разным слоям населения информацию, но и позволяли бы сформировать и проверить навыки практического применения цифровых технологий. Заинтересованность государства в развитии цифровых компетенций у собственного населения не должна вызывать сомнения.

При реализации на практике предложенных инициатив представляется возможным использованием функционала искусственного интеллекта, однако не в формате, подобном ChatGPT, а в рамках создания национальной платформы по обучению цифровым навыкам, тьюторами которой выступали бы не люди, а искусственный интеллект, запрограммированный на предоставление определенного рода информации и формирование навыков.

Если рассматривать глобально обеспечение национальной информационной безопасности, то можно обратить внимание на активно

продвигаемую идею национального интернета, который, с одной стороны, существенно повысить эффективность данной деятельности, однако с учетом низкого технологического уровня российского интернет сегмента, его реализация пока лишь приведет к существенным проблемам у того же обычного российского населения. Данная идея пока лишь возможна для претворения в формате усиленного контроля со стороны государства с целью гарантирования реализации прав и свобод населения, в том числе связанных с цифровыми и информационными правоотношениями.

Что касается совершенствования нормативной базы обеспечения информационной безопасности, то, как было отмечено ранее, в настоящее время данная деятельность регулируется рядом подзаконных актов, дублирующих друг друга в некоторых моментах, что детерминирует целесообразность принятия специального Федерального закона «Об информационной безопасности Российской Федерации».

Заключение. В результате проведенного в данной научной работе комплексного исследования конституционно-правовых основ и тенденций модернизации обеспечения информационной безопасности России авторы пришли к выводу о том, что обеспечение национальной информационной безопасности представляет собой деятельность уполномоченных органов публичной власти, должностных лиц и иных субъектов, охраняющих личность, общество и государство от информационных угроз внутригосударственного и международного характера, которая проявляется как в осуществлении активной властной деятельности, так и в пассивном соблюдении актуального законодательства и общедоступных правил безопасности в сфере информационных правоотношений. С целью модернизации национальной системы обеспечения информационной безопасности авторы предлагают активизировать работу по повышению цифровой компетентности и информационной грамотности населения Российской Федерации, а также принятие специального законодательного акта федерального уровня.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.
2. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2021. – № 27 (ч. 2). – Ст. 5351.
3. Указ Президента РФ от 12 апреля 2021 г. № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» // СЗ РФ. – 2021. – № 16 (ч. 1). – Ст. 2746.
4. Указ Президента РФ от 1 мая 2022 г. № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2022. – № 18. – Ст. 3058.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ГРАЖДАНСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Баринов Э.Э., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0000-0001-9056-4878,

Туров С.С., ORCID 0009-0006-6813-5077

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»,
г. Ростов-на-Дону, РФ

emil.barinov@yandex.ru, semka16161@mail.ru

Введение. Конституции Российской Федерации 1993 года [1] закрепила институт гражданства как одну из основ конституционного строя России и в качестве дополнительного элемента структуры правового статуса личности наравне с правами и свободами человека и гражданина. Действующий Федеральный закон 2023 года № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [2] ознаменовал ряд нововведений, в том числе связанных и с внутренним содержанием анализируемого в научной работе конституционного права на гражданство и его ограничения в рамках обеспечения национальной безопасности нашего государства.

Цель – научно обоснованный анализ конституционного права на гражданство в свете исследования специфики его ограничения при обеспечении национальной безопасности Российской Федерации.

Основная часть. Вопросы гражданства неизменно привлекали исследователей к данной тематике в различные периоды государственного строительства в Российской Федерации. Это обстоятельство обусловлено тем, что гражданство выступает одним из элементов основ правового статуса личности. Как первооснова, гражданство определяет объем прав личности в первую очередь во взаимоотношениях между человеком и государством.

Стоит отметить, что во взглядах ученых нет единого мнения о существовании у лица субъективных прав по поводу гражданства. Сторонники одной научной концепции выступают за признание гражданства субъективным правом [3,4]. Бабурина В.Л. справедливо отмечает традиционное понимание права на гражданство в качестве субъективного права на приобретение и прекращение гражданства, а также на пребывание в соответствующих правоотношениях [5].

Следует согласиться со сторонниками признания за гражданством статуса субъективного конституционного права и сформулировать его определение в данном качестве, как комплексного сложноструктурированного субъективного права гражданина, обусловленного наличием особой политико-правовой связи с государством. Гражданство не может рассматриваться в отрыве от государства, именно в его рамках граждане, связанные с ним особыми связями, получают от государства право на участие в управлении его

делами посредством формирования части его органов, либо принимая участие в иных формах. Как субъективное право гражданство складывается из целой совокупности правомочий закрепленных в Конституции РФ: проживать на территории государства (ч. 1 ст. 61); обладать всем объемом прав и свобод (ч. 2 ст. 6); замещать государственные должности (ч. 4 ст. 32); пользоваться защитой как на территории страны, так и за ее пределами (ч. 2 ст. 61); свободно покидать территорию своего государства и возвращаться (ч. 2 ст. 27).

В данной связи стоит разделить мнение Д.А. Котельникова, предполагающего наличие определенной политически обоснованной затрудненности в осуществлении государственной защиты права на гражданство [7], детерминированной в том числе и необоснованно высокими в сфере решения вопросов гражданства полномочиями миграционных органов, хотя значимость гражданства позволяет сделать вывод о недостаточной проработанности отдельных аспектов в том числе и процедурного характера, низкой степени участия иных органов публичной власти. Особенно данная ситуация характерна для ограничения конституционного права на гражданство в отношении натурализованных граждан, дискриминация которых по сравнению с прирожденными гражданами России проявляется не только при осуществлении практической деятельности уполномоченных органов и должностных лиц, но и непосредственно в законодательстве, которые устанавливает возможность прекращения гражданства исключительно для данной категории российских граждан.

С нашей точки зрения, обусловленной не только авторским пониманием сущности права на гражданство, но и отношением ряда прирожденных граждан России к своему государству и его базовым интересам и ценностям, особенно проявившимся с момента начала СВО, прекращение гражданства должно быть обусловлено именно отношением в государству, гражданином которого ты являешься, а не основанием приобретения гражданства. С одной стороны, лишение гражданства, как реакция государства на охрану суверенитета должна быть в арсенале государства, однако, прямой запрет, содержащийся в Основном законе, не дает публичной власти его использовать. Поэтому в российском государстве предприняты иные подходы к реакции государства на нарушения уголовного законодательства гражданами, получившими гражданство в результате приема в гражданство, которые воплотились в новых основаниях прекращения этой особой правовой связи. Различают следующие основания прекращения гражданства РФ, во-первых, это добровольное волеизъявление о выходе из гражданства РФ, во вторых, сообщение заведомо ложных сведений о соблюдении законодательства, выражающиеся в совершении: преступления; действий, представляющих угрозу национальной безопасности; установления факта поддельных, подложных сведений, на основании которых принималось решение о приеме в гражданство РФ; иные основания, предусмотренные

международным договором РФ. Возможность прекращения гражданства в отношении тех иностранных лиц, которые, будучи в новом статусе гражданина, совершили одно из перечня тяжких преступлений, понимается как форма обеспечения национальной безопасности, что не исключает применения ее в отношении не только натурализованных граждан. Особо здесь стоит остановиться на новом основании прекращения гражданства – совершении действий, угрожающих национальной безопасности РФ. Соответствующий факт устанавливается ФСБ России, затем эта информация в виде заключения передается лицу, в отношении которого оно вынесено и в орган, ведающий делами в сфере миграции, который инициирует производство о прекращении гражданства. Эта новелла, как отмечают отдельные исследователи, требует уточнения в части, касающейся, что следует подразумевать под теми действиями, которые создают угрозу национальной безопасности [7]. Представляется необходимым закрепить в законодательстве четкий перечень действий, наносящих вред национальной безопасности, который будет выступать гарантией законности применения данной меры.

Заключение. В результате анализа конституционного права на гражданство в свете исследования специфики его ограничения при обеспечении национальной безопасности Российской Федерации авторы пришли к выводу о правомерности закрепленных в российском законодательстве элементов ограничения конституционного права на гражданство, однако отметив целесообразность распространения данных ограничений не только на натурализованных граждан, а также корректировку процедуры прекращения гражданства в связи с действиями, которые создают угрозу национальной безопасности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: // <http://pravo.gov.ru/constitution/>
2. Федеральный закон от 28 апреля 2023 года №138-ФЗ «О гражданстве» // Российская газета. – 2023. – 3 мая. – № 95.
3. Фарбер, И.Е. Свобода и права человека в советском государстве. – Саратов, – 1974. – С. 54-55.
4. Миронов О.О. Содержание категории «советское гражданство» // Проблемы конституционного права. – Вып.1. – Саратов, – 1974. – С. 89.
5. Бабурина, В. Л. Гражданство Российской Федерации (конституционно-правовая теория и практика) : специальность 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право» : автореф. дис. на соискание ученой степени канд. юрид. наук / В. Л. Бабурина. – Воронеж, 2017. – 22 с.
6. Котельников, Д.А. Международные стандарты права на гражданство // Вопросы российской юстиции. – 2025. – № 31.
7. Воронина, О.В. Новеллы института прекращения гражданства Российской Федерации // Журнал правовых и экономических исследований. – 2023. – № 3. – С. 83.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ЯПОНИИ В СФЕРЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ

Загородний В.В., ORCID 0009-0004-7834-250X

ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ
valeryzagorodniy@gmail.com

Введение. Японская система национальной безопасности представляет собой уникальный пример эволюции правовых норм в контексте исторических изменений международно-правовых обязательств и внутренних политических дебатов. От имперского прошлого до современного состояния, где конституционные ограничения сталкиваются с геополитическими вызовами, эта система демонстрирует сложное взаимодействие между правовыми традициями, внешними влияниями и внутренними реформами. Ограниченная во многих военных аспектах страна активно развивается в сфере кибербезопасности. Особое внимание уделяется переходу от пассивной позиции в 1990–2000-х годах к активной роли в международных киберинициативах в 2010–2020-х гг., что корректируется с пересмотром конституционных принципов мирного развития и переосмыслением роли Японии в международной безопасности.

Целью данной работы является комплексный анализ правового и исторического контекста реализации внешней политики Японии в киберпространстве. Выявление механизмов трансформации её внешней политики от пассивного участника в цифровой сфере в активного архитектора международных киберправовых норм, а также определения роли конституционных ограничений, как фактора, формирующего уникальную модель «мирного киберсуверенитета».

Основная часть. Новая Конституция (1947 г.) возникла под воздействием ряда факторов, среди которых выделяется проигрыш во Второй мировой войне и оккупация американскими войсками. Последнее особенно выделяется, так как американские специалисты повлияли на принятие Основного закона государства. Закрепление диспозиции ст. 9 – т.н. «пацифистической статьи» в Конституции Японии позволило хоть и с определёнными ограничениями, но восстановить своё место среди независимых государств. Как указывает Шевчук М.И. «провозглашён отказ от войны как суверенного права государства, Япония должна была отказаться от войны, как способа решения споров, в том числе и от оборонительной её формы [1]. Таким образом, Япония начала выстраивать новую систему национальной безопасности.

Одним из элементов построения системы безопасности в киберсфере стало Руководство по политике в области IT-безопасности (2000 г.), которое стало базой для Первой Национальной стратегии информационной безопасности Японии (2006 г.). В ней отражалось намерение страны

развивать международное сотрудничество в киберсфере и предлагалась своя «японская модель кибердипломатии». Также в 2006 году был создан Центр кибербезопасности Японии (Cyber Clean Center). Японскую модель кибердипломатии можно выразить в следующих тенденциях: участие в разработке международных норм регулирования киберпространства (стремится установить такие правила, которые ограничат агрессивные действия в киберпространстве против страны); сотрудничество с другими странами (тесно сотрудничает в области кибербезопасности с QUAD); взаимодействие со странами АСЕАН (в формате кибердиалогов, ежегодных встреч и совместных учений); участие в международных конференциях (участвует в процессе выработки общих правил для киберпространства).

На международной арене Министерство иностранных дел Японии активно выступает за «кибердипломатию». В 2012 году была учреждена должность «посла, ответственного за киберполитику», а в 2016 году был создан специальный «Отдел политики кибербезопасности» [2]. Эти действия по формированию новых элементов во внешней политике выступают дополнением к Закону о коллективной обороне (2015) и Национальной оборонной стратегии Японии (2022).

Япония использует кибербезопасность для укрепления связей с западными партнерами. Присоединение к т.н. «первому глобальному договору по киберпреступности» - Будапештской конвенции позволили ей стать ключевым участником инициатив в G7 и АТЭС. Например, 6 января 2023 г. министр внутренней безопасности Алехандро Майоркас (США) встретился с министром экономики, торговли и промышленности Японии Ясутоси Нисимурой, чтобы продолжить их предыдущую дискуссию в Токио в октябре 2022 года, связанную с расширением киберсотрудничества. Они также подписали обновленный меморандум о сотрудничестве в области кибербезопасности, который позволит министерствам укреплять оперативное сотрудничество, повышать безопасность критически важной инфраструктуры [3]. Япония выступает как «мост» между Западом и Азией, продвигая принципы «открытого интернета» и прав человека, что усиливает её авторитет в международных организациях.

В рамках заседания по вопросам кибербезопасности 28 сентября 2021 г. кабинет министров принял новую стратегию кибербезопасности Японии, рассчитанную на три года и призванную заменить документ 2018 г. Стоит отметить, что в последней редакции стратегии РФ, КНР и КНДР фигурируют как страны, представляющие угрозу кибератак для Японии.

Для России Япония не является самостоятельным источником киберугроз, но её действия в рамках международных инициатив и союзнических связей вносят вклад в общую западную стратегию противодействия России в киберпространстве. После начала СВО в 2022 году Япония присоединилась к санкциям G7, запретив экспорт полупроводников, программного обеспечения и оборудования двойного назначения в Россию. Это напрямую влияет на российскую киберинфраструктуру, военные

системы и цифровую промышленность. Например, ограничения на поставки чипов для серверов и систем управления затрудняют модернизацию российских IT-решений. Япония поддержала изоляцию российских банков от SWIFT, что косвенно осложняет кибер-финансовые операции и синхронизацию с глобальными системами. В рамках этого формата Япония сотрудничает с США в защите критической инфраструктуры в Индо-Тихоокеанском регионе. Хотя прямых упоминаний о России в документах QUAD нет, усиление кибербезопасности союзников в Азии косвенно ограничивает возможности России для влияния в регионе.

Для имитации крупномасштабных кибератак на критически важную инфраструктуру и военные сети предыдущая администрация США увеличила частоту и масштаб совместных киберучений: Cyber flag и Cyber guard, возглавляемые Киберкомандованием США, включили Японию в многопрофильную киберподготовку для подготовки к сценариям сложных угроз. Расширение участия Японии в Индо-Тихоокеанских учениях по кибербезопасности отражало её растущую приверженность многосторонним стратегиям киберзащиты. Совместная японо-американская рамочная программа кибербезопасности 2023 года, принятая предыдущей администрацией, установила дорожную карту для дальнейшего взаимодействия в совместных операциях по киберзащите.

Заключение. Япония поддерживает резолюции ООН, которые обвиняют Россию в «незаконном использовании кибертехнологий для вмешательства в дела других стран». Эти нормы формируют международный консенсус, изолирующий Россию и оправдывающий санкции. Япония, несмотря на конституционные ограничения, превратила кибербезопасность в главный инструмент национальной безопасности, используя дипломатию, технологический экспортный контроль и многосторонние союзы. Её модель – не военная, а «гибридная»: мирная по форме, но стратегически нацеленная на сдерживание. Это делает её уникальным примером «мирного киберсуверенитета», где право на самооборону реализуется через цифровую инфраструктуру, а не через вооружённые силы.

Список литературы

1. Шевчук М. И. Из истории конституционализма в Японии (Конституция 1947 г.) // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2005. – №1 (23). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-konstitutsionalizma-v-yaponii-konstitutsiya-1947-g> (дата обращения: 28.09.2025)/
2. How Will Japan's Cybersecurity Posture Impact its Relations With China? URL: <https://thediplomat.com/2021/10/how-will-japans-cybersecurity-posture-impact-its-relations-with-china/> (дата обращения: 28.09.2025).
3. Меморандум о сотрудничестве в сфере кибербезопасности подписали США и Япония. – URL: <https://russian.rt.com/world/news/1094459-ssha-yaponiya-kiberbezopasnost> (дата обращения: 30.09.2025).

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ

Кулакова Е.В., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0006-4823-8992,

Скрыльников А.В., ORCID 0009-0000-3417-8411

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

kulakova.dongu@mail.ru, artemiusskril@gmail.com

Введение. Современный этап развития международного права характеризуется глубокой трансформацией глобального правопорядка, в контексте которой институт международной защиты прав человека сталкивается со структурными и функциональными вызовами, подрывающими его эффективность и легитимность. При этом нормы международного права в области прав человека, обладающие универсальным характером и признанные в качестве *jus cogens* или общепризнанных принципов, пронизывают многоуровневую систему международных отношений – от механизмов глобального управления до национальных и локальных систем реализации и обеспечения основных прав и свобод личности. Именно от эффективного механизма реализации и защиты международных прав человека стандартов зависит глобальная безопасность.

В связи с усилением конкуренции между сверхдержавами и ослаблением роли традиционных международных организаций, особенно Совета Европы и ООН, возникает необходимость в переосмыслении архитектуры защиты прав человека, способной адаптироваться к новым реалиям строящегося многополярного мира.

В этой связи **цель** исследования – на основе анализа международной системы защиты прав человека выявить существующие проблемы и обозначить перспективные направления ее развития.

Основная часть. Одним из последних подтверждений деградации системы поддержания международных стандартов прав человека (далее – МСПЧ) служит внесение Президентом Российской Федерации в Государственную Думу законопроекта о денонсации Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, принятой в 1987 г. [1]. С учетом политики Совета Европы и после выхода России из него в 2022 г. данный шаг закономерен, если не ожидаем. Вместе с тем, для российских граждан полноценная альтернатива европейским структурам в сфере поощрения и защиты человеческих прав на региональном уровне продолжает отсутствовать.

В качестве возможной альтернативы европейским правозащитным структурам для РФ и других евразийских стран ей могли бы стать соглашения в рамках Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), но пока нормативно-правовая база по гарантиям и защите прав выражена

лишь Конвенцией СНГ о правах и основных свободах человека (далее – Конвенция) от 1995 г. Иных документов, углубляющих, уточняющих или дополняющих Конвенцию, например против тех же пыток, не представлено. Кроме того, правозащитный механизм Содружества образует не судебный, а консультативный орган – Комиссия по правам человека СНГ.

Однако, как справедливо отмечает М.Ф. Косолапов, указанный документ обладает рядом существенных ограничений: нехватка четкой материально-правовой базы и контрольных полномочий, разные позиции государств-участников касательно потенциальной функции рассмотрения межгосударственных и индивидуальных обращений, а также асинхронность членства: не все страны СНГ подписали и ратифицировали Конвенцию [2, с. 123–125]. К сожалению, из-за существующих и возникающих противоречий между ними преодолеть недостатки в ближайшем будущем не представляется возможным.

Таким образом, СНГ пока не способна предложить полноценную замену европейской правозащитной системе, оставаясь больше декларативным, а не реальным правозащитным механизмом.

На универсальном уровне миссия по защите прав и свобод человека возложена на Организацию Объединенных Наций (далее – ООН, Организация) – единственную универсальную международную организацию общей компетенции. Так, п. 3 ст. 1 Устава ООН ставит целью «осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии...» [3]. Именно в рамках работы Организации была принята Всеобщая декларация прав человека 1948 г.

В то же время реальная деятельность ООН активно и достаточно долго подвергается критике. Среди основных недостатков деятельности ООН, которые называются, можно выделить:

- политизацию процедур, в частности голосования в Совете Безопасности и Совете по правам человека;
- низкую эффективность механизмов раннего предупреждения и реагирования на массовые нарушения прав человека;
- отсутствие реальных инструментов принуждения к соблюдению принимаемых решений;
- доминирование интересов «Глобального Севера» в повестке прав человека, что вызывает закономерную критику со стороны стран «Глобального Юга» и т.п.

Вышеуказанные причины обуславливают всё громче звучащие призывы к реформированию структуры Организации, необходимости включения в ее Совет Безопасности большего числа стран Глобального Юга. В сложившихся условиях и обстоятельствах все большую роль начинают играть альтернативные форматы межгосударственного

сотрудничества, в частности БРИКС и ШОС (далее – Шанхайская организация сотрудничества).

В какой-то степени наметилась перспектива конкуренции ООН с группой БРИКС. Круг обсуждаемых вопросов этого объединения чрезвычайно широк и включает в себя и упомянутые вопросы назревших изменений в Организации, и тематику правочеловеческой защиты. Исключением не стал и XVII саммит БРИКС в г. Рио-де-Жанейро 6–7 июля 2025 г. В п. 103 разд. «Партнерства для продвижения человеческого, социального и культурного развития» его итоговой декларации государства-участники заявляют: «Мы подтверждаем необходимость сотрудничества всех стран в области поощрения и защиты прав и основных свобод человека в соответствии с принципами равенства, взаимного уважения и противодействия всем формам дискриминации» [4, с. 37–38]. Тем не менее, базисом и катализатором взаимодействия в данной сфере, как представляется, выступает степень развития экономических отношений между государствами.

Правозащитная тематика, наряду с образовательным, культурным, научным, спортивным и информационным сотрудничеством, представляет собой надстройку над ней. Отчасти этот тезис подтверждает, например, п. 14 разд. «Укрепление многосторонности и реформирование системы глобального управления», в котором ущерб конкретным правам человека – праву на здоровье, развитие и продовольственную безопасность – связан с введением экономических санкций [4, с. 6]. В данном контексте также интересно предложение Председателя Китайской Народной Республики (далее – КНР) Си Цзиньпина, высказанное на саммите ШОС в г. Тяньцзине 31 августа–1 сентября 2025 г.

Как лидер одной из передовых экономик мира, «Си Цзиньпин подчеркнул, что Китай готов совместно со всеми странами работать над созданием более справедливой и равноправной системы глобального управления и двигаться к сообществу с общим будущим для человечества» [5]. Разумеется, такой подход бросает вызов нынешней деятельности в рамках той же ООН.

Касательно защиты человеческих прав и гарантий МСПЧ, подобный замысел был бы более органичен со стороны России, учитывая ее многонациональность и многообразие культур, мирно уживающихся друг с другом. В КНР же актуальны этнические проблемы, к примеру, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

Однако, на сегодняшний день инициативы по созданию полноценного евразийского суда по правам человека, разработке дополнительных протоколов к Конвенции СНГ или активизации деятельности Комиссии по правам человека в рамках СНГ остаются ограниченными. Это можно рассматривать как упущенную возможность укрепить региональную систему защиты прав человека и повысить ее эффективность.

Заключение. Таким образом, существующий правозащитный механизм на универсальном, региональном и локальном уровнях переживает кризис. Его решение, вероятно, будет выработано на евразийском пространстве, на полях саммитов БРИКС, ШОС и с активным участием стран Мирового большинства. Лидером таких изменений становится Китай как экономически ведущая держава Евразии. России же не хватает проактивных действий. Выразив конкретные шаги по развитию системы сохранения прав человека, она могла бы реализовать свои солидные возможности и в гуманитарном направлении, подтвердить статус одного из центров силы.

Список литературы

1. Путин внес в Госдуму проект о денонсации конвенции по предупреждению пыток. – Текст : электронный // РИА Новости : [сайт]. – 2025. – 8 сент. – URL: <https://ria.ru/20250908/konventsia-2040355492.html> (дата обращения: 12.09.2025).
2. Косолапов, М. Ф. «Перезагрузка» Комиссии по правам человека СНГ: перспективы развития механизма защиты прав человека на постсоветском пространстве / М. Ф. Косолапов. – Текст : электронный // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 4. – С. 120–128. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perezagruzka-komissii-po-pravam-cheloveka-sng-perspektivy-razvitiya-mehanizma-zaschity-prav-cheloveka-na-postsovetskom-prostranstve> (дата обращения: 15.09.2025). – DOI 10.24412/1608-8794-2024-4-120-128.
3. Устав Организации Объединенных Наций 1945 года. – Текст : электронный // Министерство обороны Российской Федерации : официальный сайт. – 2023. – 1 дек. – URL: <https://mil.ru/docs/d925c9bf-8c9d-4c5a-97a0-2b8a1fc84d9a> (дата обращения: 15.09.2025).
4. Декларация XVII саммита БРИКС (Рио-де-Жанейро). – Текст : электронный // Президент России : официальный сайт. – [2025]. – 45 с. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3Huul7EBmqrC.pdf> (дата обращения: 15.09.2025).
5. Си Цзиньпин выдвинул инициативу глобального управления на саммите ШОС. – Текст : электронный // РИА Новости : [сайт]. – 2025. – 1 сент. – URL: <https://ria.ru/20250901/initiativa-2038805957.html> (дата обращения: 16.09.2025).

УДК 342

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ЗАКОНОВ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Кулакова Е.В., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0006-4823-8992
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк РФ
kulakova.dongu@mail.ru

Введение. В условиях современного правового государства, где конституционный строй основывается на принципе верховенства закона (ст. 15 Конституции РФ) [1], понимание системы нормативно-правовых актов, их иерархии и юридической силы приобретает стратегическое значение.

В Российской Федерации сложилась уникальная система законодательства, включающая не только федеральные и региональные законы, но и специфические виды законов – федеральные конституционные законы, законы, принятые путем референдума, модельные законы, а также законы о поправках к Конституции, признанные Конституционным судом РФ отдельной категорией.

Таким образом, **целью** данной работы является анализ системы законов в Российской Федерации для выявления их иерархической соподчиненности, юридических особенностей, а также для оценки эффективности современных институтов конституционного надзора за законодательством субъектов РФ.

Исследование особенностей и правовых последствий принятия различных видов законов в РФ является необходимым условием для совершенствования законодательной техники, укрепления верховенства права и обеспечения конституционной целостности государства.

Основная часть. На основе анализа норм Конституции РФ, федеральных законов и правовых позиций Конституционного Суда РФ установлено, что система законов в России представляет собой многоуровневую иерархическую структуру, в которой, в зависимости от значимости в системе действующего законодательства Российской Федерации, различают следующие законы:

Федеральные конституционные законы – это законы, которые принимаются по наиболее важным вопросам, указанным в Конституции.

Как отмечает Авакьян С.А. федеральный конституционный закон – принимаемый в особом порядке закон, дополняющий и развивающий действующую Конституцию РФ по вопросам, специально указанным в Конституции, обладающий наивысшей (после Конституции) юридической силой» [2, с. 579].

К ним, в частности, относятся законы: «О референдуме Российской Федерации», «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации», «О Верховном Суде Российской Федерации», «О чрезвычайном положении», «О военном положении», «О государственном флаге Российской Федерации», «О государственном гербе Российской Федерации», «О государственном гимне Российской Федерации», «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» и др.

К особенностям федеральных конституционных законов относятся:

они являются продолжением конституционных норм и помогают избегать частых поправок в текст Конституции РФ;

по сравнению с другими законами обладают повышенной стабильностью и более широкой сферой действия;

регулируют основополагающие, устойчивые общественные отношения;

обладают по сравнению с текущими законами более высшей юридической силой.

Такой закон принимается в более сложном порядке по сравнению с обычными (федеральными) законами и в отношении них Президент не обладает правом вето.

Федеральный закон – это нормативный правовой акт высшей юридической силы по отношению к иным актам, содержащий первичные нормы права, принятый в установленном порядке Федеральным Собранием РФ либо путем всенародного голосования. Является основой для указов Президента РФ, постановлений и распоряжений Правительства РФ, актов субъектов РФ и иных актов.

В РФ установлено верховенство закона, т. е. все издаваемые акты должны соответствовать федеральным законам.

Федеральные законы принимаются на основе и во исполнение Конституции и конституционных законов, составляют текущее законодательство и регулируют различные наиболее важные аспекты общественных отношений (экономические, социальные, политические и др.). Примерами федеральных законов являются Федеральные законы «О гражданстве Российской Федерации», «О выборах Президента Российской Федерации», «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и др.

Федеральные законы, в свою очередь, подразделяются на органические (кодифицированные) законы и обычные.

Самая распространенная форма закона – Кодексы. Они содержат в систематизированном виде все или большинство норм, регулирующих однородные общественные отношения. Следует отметить, что кодексы не имеют более высокой юридической силы, чем другие законы того же уровня.

Законы, принимаемые путем референдума. Особенность данного вида законов состоит в том, что они обладают высшей юридической силой и тот факт, что они могут быть отменены только на референдуме.

Закон Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации, вносимых в порядке, предусмотренном статьей 136 Конституции РФ. При этом, в Конституции России отсутствует упоминание об этом правовом акте. Однако, такой вид закона определен Конституционным Судом Российской Федерации, который в своем постановлении от 31 октября 1995 г. № 12-П отметил, что «положения статьи 136 Конституции Российской Федерации могут быть реализованы только в форме специального правового акта о конституционной поправке, имеющего особый статус и отличающегося как от федерального закона, так и от федерального конституционного закона» [3].

Модельные законы. Этот вид законов носит рекомендательный характер, служат ориентиром для законодательства государств – членов СНГ при регулировании определенных сфер общественных отношений. Модельный закон – это законодательный акт рекомендательного характера,

который содержит типовые нормы и является нормативным ориентиром для законодательства. Такой закон не является обязательным, а служит нормативно-ориентирующим стандартом для законодательных органов.

Издание модельных законов распространено во многих федеративных государствах для унификации законодательства субъектов этих государств. Также модельные законы активно используются в межгосударственных отношениях (например, в государствах-участниках СНГ) для создания типового правового пространства при сближении правовых систем государств одной семейной (внутрисемейной) правовой группы и для сохранения единства с целью объективного понимания правовых процессов.

Важно при этом понять сущность модельного закона как средства рекомендательного характера. Прежде всего модельный закон выступает типовым образцом для установления нормативных положений. Его использование не должно сгладить своеобразие каждого отдельного субъекта РФ с позиции культурных, национальных, этнических и иных особенностей.

В качестве примера можно привести проект модельного закона, разработанный Министерством образования и науки Российской Федерации в целях методической поддержки субъектов РФ в рамках проведения ими работы по приведению региональных законодательных актов в соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации». Данный проект содержит базовые положения, которые могут быть использованы и конкретизированы (дополнены, уточнены, изменены, исключены) субъектами РФ при подготовке ими проектов региональных законодательных актов в сфере образования с учетом особенностей системы образования конкретного субъекта РФ.

Таким образом, ключевой особенностью модельных законов является добровольность их применения. Они не являются обязательными, но играют важную роль, как в унификации правового пространства внутри СНГ, так и между субъектами РФ, способствуя снижению правовой фрагментации без нарушения принципов федерализма.

Законы субъектов РФ. Особенностью законов субъектов Российской Федерации является то, что они не могут противоречить общефедеральному законодательству и действуют только на территории субъекта Федерации.

В части 2 статьи 4 и части 1 статьи 15 Конституции РФ провозглашен принцип верховенства федерального законодательства. Следовательно, Россия вправе требовать признания своего законодательства на всей территории, что должно служить формированию единой непротиворечивой системы законодательства, созданию единого правового поля.

Соответствие законодательства субъектов федерации федеральному законодательству является необходимым условием упрочения российской государственности, обеспечения ее единства и территориальной целостности, обеспечения порядка и законности во всех сферах жизни российского общества, охраны прав личности.

Согласно ч.5 ст. 13 Федерального закона от 21.12.2021 (ред. от 08.08.2024) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) Президент РФ может внести в Конституционный Суд РФ запрос о проверке конституционности закона субъекта РФ до его обнародования высшим должностным лицом субъекта РФ. Если закон субъекта Российской Федерации до его обнародования признан не соответствующим Конституции Российской Федерации, данный закон не может быть обнародован (если закон не был подписан высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, он не может быть подписан), а высшее должностное лицо субъекта РФ отзывает свою подпись под данным законом и возвращает его в законодательный орган субъекта РФ для исключения из него положений, которые привели к его признанию не соответствующим Конституции Российской Федерации [4].

Заключение. Российская система законодательства является многоуровневой, строго иерархичной и основывается на принципах верховенства Конституции и федерального законодательства.

Федеральные конституционные законы, федеральные законы и законы о поправках к Конституции составляют ядро конституционного законодательства, обеспечивая стабильность и преемственность основных государственных институтов.

Типовые законы, несмотря на рекомендательный характер, являются эффективным инструментом гармонизации правового пространства и заслуживают более широкого применения в ключевых сферах (экология, здравоохранение, образование, цифровизация).

Таким образом, система законов в Российской Федерации представляет собой сложный, но функционально устойчивый механизм, способный обеспечивать правовое единство государства при условии соблюдения конституционных принципов, баланса между центром и регионами и постоянного совершенствования институтов конституционного контроля.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации с изменениями, внесенными на общероссийское голосование. – 2020. – Москва: Изд-во АСТ, 2020. – 64 с.
2. Авакьян, С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. – Т. 1. – М.: Юристъ, – 2014. – 864 с.
3. По делу о толковании статьи 136 Конституции Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.10.1995 № 12-П // Собрание законодательства Российской Федерации от 1995 г. – № 45. – Ст. 4408.
4. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 27 декабря 2021 г. – № 52 (часть I). – Ст. 8973.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В СТАТУСЕ СУБЪЕКТА МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Лapidус О.С.¹, ORCID 0009-0006-2670-6572,

Титов А.Н.², канд. юрид. наук, доц.

¹ ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

² ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ
lapidus.oksana@mail.ru, atitov77@mail.ru

Введение. С точки зрения науки и учебной дисциплины тема субъектов в международном частном праве (далее - МЧП) является одной из центральных и наиболее значимых. Поэтому подробное изучение, рассмотрение и выявление особенностей статуса такого субъекта, как юридическое лицо представляется актуальным.

Основная часть. Субъектами международного частного права, как отмечает Б.М. Гонгало, являются участники гражданских, семейных, трудовых правоотношений, осложненных иностранным элементом». Традиционно в состав субъектов МЧП включают таких, как: физические лица, юридические лица, международные организации, государства и субъекты федеративного государства. [1, с. 474-479].

В системе градации субъектов МЧП юридическое лицо относится к субъекту национальной правовой системы. К его фундаментальным признакам согласно ст. 48 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2] относятся: наличие обособленного имущества, самостоятельная гражданско-правовая ответственность и организационное единство.

Понятие «личный закон» или «личный статут» в контексте МЧП означает конкретную национальную правовую систему, которая регулирует правовое положение юридического лица, и к нормам которой необходимо обращаться в спорных случаях, осложненных иностранным элементом, то есть характерных для МЧП. Нельзя проводить аналогию, что личный статут и юридическое лицо находятся в том же соотношении, что физическое лицо и его национальность. Национальность человека, в известном смысле, однозначна, дана с рождения. По поводу природы данного явления невозможно спорить. Изучая же юридическое лицо, применять понятие национальность необходимо в качестве формальной принадлежности юридического лица к определённому государству. И, в зависимости от того, какое именно государство рассматривает конкретное юридическое лицо, будет зависеть установление его личного закона.

Как известно, существует несколько теорий, разграничивающих коллизионные привязки для установления личного закона юридического

лица - это доктрины: инкорпорации, оседлости, центра эксплуатации и теория контроля. В Российской Федерации применяется доктрина инкорпорации. Она заключается в том, что личный закон юридического лица определяется по месту его учреждения. Это правило закреплено в п. 1 ст. 1202 ГК РФ [2]. В п. 2 этой же статьи приведен перечень вопросов, регулируемых личным законом юридического лица, это: статус организации; организационно-правовая форма; требования к наименованию; создание, реорганизация, ликвидация и правопреемство; содержание правоспособности; порядок приобретения гражданских прав и принятия гражданских обязанностей; внутренние отношения, в том числе отношения юридического лица с его участниками; способность отвечать по обязательствам; вопросы ответственности учредителей (участников) юридического лица по его обязательствам.

Доктрина инкорпорации автоматически признает личным законом всех юридических лиц, учрежденных в Российской Федерации отечественную правовую систему. Это важно, так как большая часть споров и гражданско-правовых вопросов, которые решаются российскими судами и правоприменителями, в первую очередь, связаны все же с организациями, учрежденными в РФ. Так же этот вопрос решался в СССР, личным статутом советских экспортных и импортных объединений служили соответствующие нормы советского права, определяющие правовой статус объединений как в СССР, так и за границей. [3, с. 49]. В соответствии с Минской конвенцией 1993 года правоспособность юридического лица определяется законодательством государства, по законам которого оно было учреждено [4]. Выбор в пользу иной доктрины, на наш взгляд, мог бы существенно увеличить нагрузку на суды, так как приходилось бы гораздо чаще обращаться к иностранному праву.

Определенный интерес представляет п. 4 ст. 1202 ГК РФ. В данном пункте речь идет о юридическом лице, которое было учреждено за границей, но предпринимательскую деятельность осуществляет преимущественно на территории РФ. В этом случае к требованиям об ответственности по обязательствам его учредителей (участников), других лиц, имеющих право давать обязательные для него указания или иным образом способные определять его действия, применяется российское право либо по выбору кредитора личный закон такого юридического лица [1]. Представляется, что такого рода «оговорка» сделана законодателем с целью максимально возможного обеспечения прав отечественных участников гражданского оборота, осложнённого иностранным элементом, в частности потенциальных кредиторов.

Необходимо отметить наличие особенностей открытия филиала и представительства иностранного юридического лица. Такие структурные подразделения начинают и прекращают осуществлять деятельность на территории Российской Федерации на основании решения юридического

лица. В соответствии со ст. 21 Федерального закона от 09.07.1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» государственный контроль за созданием филиала иностранного юридического лица, открытием его представительства, прекращением их деятельности осуществляется посредством их аккредитации, которую осуществляет Федеральная Налоговая Служба РФ [5].

Заключение. Таким образом, подводя итог изложенному, можно сказать, что нами был проведен лишь первичный анализ такого субъекта международного частного права, как юридическое лицо. Дальнейшие научные изыскания целесообразно посвятить изучению правовой материи, связанной с правовым регулированием деятельности транснациональных компаний, международных компаний, международных фондов.

Список литературы

1. Гражданское право : учебник : для студентов юридических высших учебных заведений : в 2 томах / под редакцией Б. М. Гонгало. - 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2018. – Т. 2 / [Алексеева О. Г., Аминов Е. Р., Бандо М. В. и др.]. – 2018. – 558 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. №51-ФЗ. Часть 1 // Собрание Законодательства. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Маковский, Л.А. Комментарий к части третьей Гражданского Кодекса Российской Федерации // Л.А. Маковский, Е.А. Суханов. – URL: https://mgimo.ru/files2/y04_2014/210399/seminar10-pril2_upd.pdf (дата обращения 05.09.2024).
4. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 23 января 1993 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5942/ (дата обращения 05.09.2024).
5. Об иностранных инвестициях в Российской Федерации : Федеральный закон от 09.07.1999 г. № 160-ФЗ // Собрание Законодательства. – 1999. – № 28. – Ст. 3493.

УДК 340

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОНЯТИИ ТЕРМИНА «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ» И ЕГО СОДЕРЖАНИИ

Лapidус О.С., ORCID 0009-0006-2670-6572

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
lapidus.oksana@mail.ru

Введение. Каждый этнос идентифицируется через достижения своей культуры, традиции и ценности, которые передаются из поколения в поколение. Уничтожение обычаев и исторических достижений, культурно значимых предметов, культурных сооружений или захоронений предков

обязательно приводит к деградации народа, утрате им своих качеств, которые могут его выделять среди других и обеспечить его будущее. Преступления против культурного наследия касаются каждого из нас. Сохранить культурное наследие российского народа в современных условиях – сложная задача, решение которой зависит не только от правоохранительных органов и органов охраны культурного наследия, но и от всего общества.

Основная часть. В создании модели защиты культурных ценностей центральным является понятие культурного наследия, потому что именно благодаря этому термину определяется предмет охраны и отношения, складывающиеся между субъектами [1]. Без четкой дефиниции понятия культурного наследия невозможно создать правовой механизм его защиты, отработать эффективную процедуру защиты, определить категорию лиц, имеющих полномочия для защиты культурного наследия, отделить незаконные действия в отношении культурного наследия от деяний, не являющихся правонарушениями, т.е. определить объективную сторону ответственности. В понятии культурного наследия отображаются характеристики, по которым выясняется ценность материального объекта, а также то, какие именно объекты должны находиться под охраной государства.

Сам термин «культурное наследие» появился относительно недавно. Впервые детальное обоснование понятия появилось в Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО 1972 года. В Конвенции в состав «культурного наследия» входят достопримечательные места, ансамбли и памятники, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства, эстетики, этнологии, антропологии или науки.

Культурное наследие обладает двумя важными аспектами. Первый – это творческий аспект - живая культура - народное творчество и промыслы, непрерывно развивающиеся и обновляющиеся. Второй аспект культурного наследия касается его исторической ценности - памятники архитектуры и истории, музейные экспонаты, напоминающие о прошлом. Эти объекты дают людям почувствовать непрерывность своей идентичности. История обладает уникальным свойством насыщать настоящее смысловым содержанием, она помогает понять, как мы стали такими, какие мы есть и что для нас важно.

В современных словарях культурологических терминов культурное наследие трактуется как материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники, историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности того или иного народа, его вклад в мировую цивилизацию.

Понятие «культурное наследие» в настоящее время можно встретить в самом разнообразном контексте. Интерес к нему в полной мере соответствует тому значению, которое данный объект приобретает в современном обществе.

Сущность термина «культурное наследие» многие российские исследователи отождествляют термину «культурные ценности». Так, Е.В. Медведев культурные ценности определяет как «особо охраняемые правом вещи или результаты интеллектуального труда, являющиеся уникальными произведениями творчества человека определенной исторической эпохи, отображающие его выдающиеся достижения в какой-либо сфере жизнедеятельности, и имеющие общенациональное или общечеловеческое культурное значение» [2, с. 128-139].

Целый ряд ученых рассматривал вышеуказанные понятия с философской и культурологической точек зрения. В частности, А. П. Сергеев отмечает: «Культурными ценностями являются особо охраняемые правом уникальные вещественные результаты человеческой деятельности, которые, будучи продуктом всеобщего труда, имеют важное историческое, научное, художественное или иное культурное значение для общества, т. е. служат связующим звеном между различными поколениями людей, носят конкретно-исторический характер и выступают как фактор формирования необходимого обществу типа личности» [3].

В работе А.А. Копсергеновой культурное наследие выступает как совокупность всех культурных достижений общества, его исторический опыт, сохраненный в арсенале социальной памяти [4].

В рамках системного подхода культурное наследие рассматривалось как социокультурная система ценностей, сохраняющая социокультурный опыт на основе особенностей коллективной памяти [5, с. 12].

Некоторые ученые полагают, что культурное наследие занимает промежуточное положение между культурными ценностями и объектами культурного наследия. Так, А.Н. Панфилов считает, что отличие культурного наследия от культурных ценностей заключается в том, что культурное наследие всегда обладает свойством старины. Соотношение данных понятий можно представить следующим образом: не всякая культурная ценность может относиться к культурному наследию, однако все, что относится к культурному наследию, – есть культурная ценность [6].

Д.С. Лихачев обращает внимание на информационно-временную составляющую в качестве базового компонента наследия. В «Декларации прав культуры» он выделяет следующие компоненты культурного наследия: «язык, идеалы, традиции, обычаи, обряды, праздники, памятные даты, фольклор, народные промыслы и ремесла; произведения искусства, музейные, архивные и библиотечные фонды, коллекции, книги, рукописи, письма, личные архивы; памятники археологии, архитектуры, науки и искусства, памятные знаки, сооружения, ансамбли, достопримечательные места и другие свидетельства исторического прошлого; уникальные ландшафтные зоны и местности археологического, исторического и научного значения, совместные творения человека и природы, современные сооружения, представляющие особую ценность с точки

зрения истории, искусства или науки, а также другие предметы и явления, обладающие историко-культурной ценностью» [7].

Заключение. Итак, подводя итог вышесказанному, следует отметить, что культурное наследие – это весьма многогранное понятие, и при всей вариативности существующих дефиниций до сих пор в полной мере не однозначно. При общей теоретической разработанности его определения и структуры, на практике границы между вышеупомянутыми подходами, объектами и типами остаются не четкими. Многовековое цивилизационное развитие человечества показало необходимость сохранения и приумножения культурного наследия. Эта одна из важнейших сторон деятельности общества, представляющий собой непрерывный процесс, требующий активности, целеустремленности и управляемости.

Список литературы

1. Богуславский, М.М. Культурные ценности в международном обороте : правовые аспекты / М.М. Богуславский. – М.: Юристъ, – 2015. – 427 с.
2. Медведев, Е.В. Культурные ценности как предмет государственно-правового регулирования / Е.В. Медведев // Юридическая научная библиотека издательства «СПАРК». – М., – 2004. – С. 128-139.
3. Сергеев, А.П. Гражданско-правовая охрана культурных ценностей в СССР / А.П. Сергеев. – Л.: Издательство Ленинградского университета, – 1990. – 142 с.
4. Копсергенова, А.А. Культурное наследие: философские аспекты анализа : Дис. ... канд. философ. наук : 09.00.13. / А.А. Копсергенова. – Ставрополь, 2008. – 184 с.
5. Мазенкова, А.А. Культурное наследие как самоорганизующаяся система : Автореф. дис. ... канд. философ. наук : 24.00.01. / А.А. Мазенкова. – Тюмень, 2009. – 24 с.
6. Панфилов, А.Н. Культурные ценности и объекты культурного наследия: проблема унификации понятий (часть 1) / А.Н. Панфилов // Право и политика. – 2011. – №2. – С. 25-28.
7. Лихачев, Д.С. Декларация прав культуры / Д.С. Лихачев. – URL: <http://www.lihachev.ru/lihachev/deklaratsiya/123/> (дата обращения: 02.09.2025).

УДК 342.5; 342.7

НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЛИЧНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН (НА ПРИМЕРЕ КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ)

Макаренко Г.И., канд. ист. наук, доц., ORCID 0000-0001-6660-2408
Севастопольский филиал ФГБОУ ВО «Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова», г. Севастополь, РФ
mg68@mail.ru

Конституцией Российской Федерации декларируется стремление государства обеспечить основные права и свободы граждан, среди которых фундаментальными являются личные.

Актуальность исследования обеспечения личных прав и свобод граждан очевидна, поскольку именно они определяют повседневную деятельность людей, неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения, обеспечивая охрану самой жизни, достоинство человека как личности.

Цель настоящего исследования – выявить особенности и основные направления контрольно-надзорной деятельности государственных органов Российской Федерации и государственных органов ее субъектов в сфере реализации личных прав граждан на примере Крыма и Севастополя.

Основной закон страны устанавливает личные права и свободы граждан первыми среди иных в статьях 20-29. При этом следует отметить, что отмена или изменение этих конституционных положений возможны лишь в особом порядке, определенном статьей 135, то есть фактически они дополнительно защищены от чьего-либо возможного вмешательства или желания пересмотра [1].

Однако, как показывает практика и официальная статистика, реализация рассматриваемых конституционных норм не происходит сама по себе, а сопряжена с широким набором мероприятий контроля и надзора.

Право на жизнь считается приоритетным среди всех иных прав и имеет широкое толкование в конституционном праве. В этой связи должно отметить, что Российская Федерация юридически признает его, в том числе, в контексте норм международного права и общечеловеческих ценностей, в частности, путем отказа от смертной казни как уголовного наказания, отказа от войны и военных способов разрешения социальных и национальных конфликтов. Кроме того, абсолютному большинству граждан прежде всего важно, что государство законодательно берет на себя также обязанность создавать и поддерживать безопасные социальную и природную среды обитания и условия жизни граждан. Принимаемые государственными органами власти меры по выявлению нарушений в этой сфере общественных отношений подтверждают данный тезис. Более того, этот аспект деятельности государства традиционно вызывает повышенный интерес, в том числе, в Крыму.

В частности, руководитель Главного следственного управления Следственного комитета России по Республике Крым и городу Севастополю отмечает, что в первом полугодии 2025 года возбуждено свыше 1,5 тысячи уголовных дел. При этом, среди наиболее частых преступлений на территории полуострова им названы убийства и применение насилия в отношении представителей власти [2].

На заседании коллегии прокуратуры города Севастополя в конце июля были подведены итоги работы этого правоохранительного органа по укреплению законности и правопорядка в первом полугодии 2025 года. В публичном отчете указано, что при осуществлении надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина выявлено и устранено свыше 6800 нарушений [3].

Межрегиональное управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека в Республике

Крым и городе федерального значения Севастополе занимается в числе прочих и вопросами предупреждения и профилактики нарушений в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения. На основании выявленных нарушений должностными лицами этого органа надзора в 2024 году было составлено 709 протоколов об административном правонарушении, вынесено 1022 постановления о назначении административного наказания, в том числе предупреждений – 152, административных штрафов – 870 [4].

Безусловно, на качество нашей жизни и состояние здоровья существенное влияние оказывают условия окружающей природной среды, напрямую объединенные с природно-антропогенным фактором. В этой связи Крымский полуостров перестал быть просто благоприятным с точки зрения комфортных климатических условий. Сегодня он еще является и зоной повышенной хозяйственной активности человека, а, следовательно, и обусловленных ею возможных рисков негативного воздействия и на природу, и на самих людей.

В 2024 году Департаментом природных ресурсов и экологии города Севастополя при осуществлении государственного экологического контроля (надзора) было объявлено 262 предостережения о необходимости соблюдения требований законодательства, выявлено 86 нарушений в области обращения с отходами в части несанкционированного складирования твердых коммунальных, строительных и иных видов отходов, 30 нарушений в области охраны поверхностных водных объектов. Кроме того, в органы МВД был направлен 101 материал для возбуждения дел об административных правонарушениях. В суд было подано 6 исковых требований о возмещении вреда, причиненного окружающей среде [5].

Приведенные выше факты наглядно свидетельствуют о множестве проблем и деятельном участии государства в их разрешении. В рамках настоящего исследования не стояла задача выявить исчерпывающий перечень государственных органов, прямо или косвенно занимающихся обеспечением личных прав граждан. Однако, по мнению автора, очевидно, что в обеспечении конституционно установленных личных прав граждан имеются проблемы, решение которых требует от государственных органов системного контроля и надзора, а также совершенствования правового регулирования данных общественных отношений.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с изм. от 14 марта 2020 г.) // Российская газета. – 1993. – 25 дек. – № 237; 2020. – 4 июля. – № 144.
2. «Приоритетные дела – все»: интервью главы Следственного комитета по Крыму и Севастополю / [сайт РИА Новости Крым] // РИА Новости Крым. – 2025. – 23 июля. – URL: <https://crimea.ria.ru/20250723/prioritetnye-dela--vse-intervyu-glavy-sledkoma-po-krymu-i-sevastopolyu-1148163751.html> (дата обращения: 07.09.2025).

3. Прокуратура города Севастополя [Электронный ресурс] // ВКонтакте. – 2025. – URL: https://vk.com/wall-200461498_4047 (дата обращения: 07.09.2025).
4. Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе в 2024 году» [Электронный ресурс] / Межрегиональное управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Республике Крым и г. Севастополю. – 2025. – URL: <https://82.rospotrebnadzor.ru/s/82/files/documents/Gosdoklad/151336.pdf> (дата обращения: 07.09.2025).
5. Ежегодный государственный доклад о состоянии и охране окружающей среды города Севастополя за 2024 год [Электронный ресурс] / Правительство Севастополя. – 2025. – URL: <https://spn.sev.gov.ru/ekologicheskoe-sostoyanie-sevastopolya/doklad-o-sostoyanii-i-ob-okhrane-okruzhayushchey-sredy-goroda-sevastopolya/> (дата обращения: 07.09.2025).

УДК 342.7

МОДЕРНИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Маркина Е.В., канд. юрид. наук, ORCID 0000-0003-1362-6283,

Ковтюх А.А., ORCID 0009-0001-9313-8628

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»,

г. Ростов-на-Дону, РФ

shevelevaev@mail.ru, alexkovtyukh@mail.ru

Введение. Выборы выступают базовым элементом обеспечения демократического характера российского государства, при помощи которого россияне осуществляют свое конституционное право на участие в управлении делами государства на всех уровнях публичной власти, что обуславливает постоянное совершенствование не только на федерального, но и регионального практического механизма осуществления волеизъявления избирателей. При этом в настоящее время на данный процесс оказывают существенное влияние не только внутригосударственные факторы различной направленности, которым ранее уделялось повышенное внимание при подготовке и в процессе проведения выборов, но и современная геополитическая обстановка, а также расширение субъектного состава Российской Федерации.

Цель – научно-теоретический анализ современного состояния правового регулирования и определение направлений модернизации региональных избирательных систем.

Основная часть. Конституция страны, провозгласив современную Россию свободным демократическим государством, установила выборы

как неотъемлемую и фундаментальную основу государственного устройства [1]. При этом с учетом довольно обширного законодательного массива норм избирательного права основным вопросом, обсуждаемым в рамках модернизации избирательного права и избирательной системы России, выступает оптимизация именно нормативно-правовой основы реализации избирательных прав российскими гражданами, в частности, обсуждаются в данной связи два направления, а именно выделение в тексте Конституции РФ отдельной главы, посвященной избирательному праву, и формирование и принятие Избирательного кодекса РФ, который, по мнению сторонников данной идеи, позволит систематизировать огромный пласт норм избирательного права, существенно снизив нагрузку на всех субъектов, принимающих участие в подготовке и организации проведения выборов в России на всех уровнях осуществления публичной власти. Однако данные направления модернизации имеют своей целью упрощение нормативной базы регламентации избирательных систем в России, что фактически не меняет саму суть избирательной системы России.

В целом наиболее корректным представляется определение российской избирательной системы, данное С.А. Авакьяном – «в стране применяется одна модель избирательной системы – комбинация из традиционных систем: мажоритарной и пропорциональной, причем со своими особенностями по уровню выборов: федеральные, региональные и муниципальные выборы» [2].

Современная избирательная система Российской Федерации определяется постоянным развитием и совершенствованием как законодательства, так и практики выборов. Основной процесс развития обусловлен необходимостью привыкания к изменениям в политической системе, динамике, социальных отношений, а также трансформациям в социальной сферах, освоение научно-технических достижений. Тенденции развития избирательных системы в субъектах Российской Федерации показывают сложные и динамичные процессы, которые происходят в правовой и политической сфере. Развитие избирательных систем в субъектах России, показывают стремление к более прозрачным и конкурентным выборам, которые могут повысить уровень доверия граждан, для полноценного осуществления необходимо продолжать работу на улучшение законодательства, обеспечении безопасности и независимости выборов, а также немало важно – вовлечением общества в процесс контроля за их проведением. Одним из ключевых новшеств в данной области является введение смешанных систем голосования, которые сочетают в себе элементы пропорционального и мажоритарного принципов. Такие системы позволяют более эффективно учитывать интересы различных политических сил, что способствует созданию более представительных органов власти.

Избирательные системы, действующие в субъектах Российской Федерации, представляют собой многогранный сложный механизм они

определяют принципы демократического участия граждан в политической жизни страны. Становление данных систем происходит на фоне разных изменений, таких как: исторических, социально-экономических, которые влияют на формирование внешнего вида субъектов. На протяжении последних лет наблюдаются изменения в избирательных системах в субъектах России. Эти изменения касаются вопросов избирательного законодательства, внедрение новых технологий, развития институциональных механизмов осуществления избирательных прав граждан. Появилась тенденция перехода от традиционных форм выборов к более адаптированным формам, удовлетворяющим потребностям и запросы разных категорий граждан Российской Федерации.

Современные избирательные системы в субъектах России чаще включают в себя механизм, который способствует вовлеченности граждан в избирательный процесс, что равным образом ведет к повышению уровня доверия граждан к институтам власти. Активно продвигаемым направлением в данной сфере выступает цифровизация избирательных процедур, основной целью которой является повышение заинтересованности и, как следствие, явки избирателей на региональные выборы. Как отмечают Хохлов Р. Р. и другие авторы научной статьи, «актуальные цифровые технологии, интегрирующиеся в систему выборов субъектов Российской Федерации, повышают ее эффективность и упрощают участие избирателей в процессе голосования, что подтверждается положительным примером» [3]. Несмотря на множество позитивных факторов, которые обуславливают тенденцию дальнейшего расширения применения цифровых технологий, стоит выделить и негативные аспекты данного процесса, зная которые и законодатель, и исполнитель будут «вооружены» в противостоянии с ними. Так, если сайты и серверы вышестоящих органов публичной власти федерального уровня защищены на довольно высоком уровне, то регионы могут отставать в данном плане, оставляя лазейку вражеским хакерам для вмешательства в порядок проведения выборов в субъектах, что позволяет выдвинуть предложение о заключении договоров о взаимодействии органов региональной власти с специализирующимися на решении подобных проблем компаниями на постоянной основе. Мерой по улучшению избирательной системы можно рекомендовать разнообразить способы голосования, чтобы каждый избиратель мог подобрать для себя наиболее удобный способ, например, использование QR-кодов на протоколах позволит быстро вводить данные в систему облегчит подсчет голосов и обеспечит прозрачность выборов и повысит доверие избирателей к результатам. Стоит отметить, что при проведении региональных выборов 12-14 сентября 2025 года активно применялось ДЭГ, а также цифровое наблюдение, соответственно цифровизация избирательных процедур была проверена на практике и продемонстрировала положительные результаты.

Заключение. В результате проведенного научно-теоретического анализа современного состояния правового регулирования авторами предложен ряд направлений практической модернизации региональных избирательных систем, в частности, совершенствование отдельных избирательных процедур с расширением применения информационных технологий при учете и предупреждении негативных факторов, им присущих.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). – URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 05.04.2025).
2. Авакьян, С. А. Выборы в России: эволюция избирательных систем, современные проблемы // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2015. – № 5. – С. 17.
3. Хохлов, Р. Р. Влияние цифровых технологий на проведение выборов в субъектах Российской Федерации / Р. Р. Хохлов, Б. Н. Дегтярев, А. Е. Матосян, И. А. Турбин, С. Ю. Бунтовский // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2025. – № 2. – С. 10-16. – DOI: 10.47576/2949-1894.2025.2.2.001.

УДК 342.7

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В РОССИИ

Маркина Е.В., канд. юрид. наук, ORCID 0000-0003-1362-6283,

Садченкова Д.Р., ORCID 0009-0003-6941-0761

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»,
г. Ростов-на-Дону, РФ

shevelevaev@mail.ru, sadcenkovadasha@mail.ru

Введение. Обеспечение конституционного права на неприкосновенность частной жизни на современном этапе конституционно-правового развития России представляется актуальной задачей как государства в целом, так и непосредственно граждан Российской Федерации, обусловленной множеством факторов разнопланового характера, связанных как с технологическим и инновационным развитием, так и с геополитическими и социально-духовными аспектами, что обуславливает целесообразность теоретической разработки действенного механизма ее гарантирования.

Цель – комплексный анализ общих аспектов современного состояния теоретической разработки, нормативно-правового

регулирования и юридического обеспечения, в том числе на уровне Основного закона нашего государства, конституционного права на неприкосновенность частной жизни.

Основная часть. Конституционно-правовые гарантии соблюдения личных прав и свобод нашли свое отражение в конституционном положении, закрепляющем право на неприкосновенность личности. Это положение было имплементировано в национальное законодательство благодаря нормам международного права, где практически в каждом договоре упоминается о необходимости предоставления человеку права на личную свободу и неприкосновенность.

Российское законодательство определяет неприкосновенность через перечисление и закрепление в Конституции РФ сопутствующих прав. В ней уставлено право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, конфиденциальность личной информации и неприкосновенность трех представителей государства: президента, судей, сенаторов и депутатов [1].

При этом в настоящее время, в том числе и в связи с развитием информационных технологий, эффективность механизма обеспечения неприкосновенности частной жизни довольно ограничена, что обусловлено, в том числе и тем, что «реализация права на неприкосновенность частной жизни усложняется и тем, что в законодательстве нет четкого определения права на неприкосновенность частной жизни, нет четких границ частной жизни» [2].

В данной связи интерес представляет постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П, принятое по результатам рассмотрения вопроса о получении заявителями (членами семьи) информации о частной жизни одного из членов семьи (сведений о его усыновлении) [3]. В целом Конституционный Суд РФ указал, что структуру сведений о частной жизни, а также объем и методы разглашаемой информации, вправе определять лишь само лицо, без согласия которого в соответствии со ст.24 Конституции РФ, иное не допускается, а собираться и распространяться может лишь та информация о частной жизни лица, которая официально доверена самим лицом либо в законном порядке собрана, хранится, используется и может распространяться. Иные действия означают неправомерное вторжение в сферу частной жизни.

По мнению авторов, позиция Конституционного Суда РФ в данной части может быть теоретической основой для формирования действенного механизма обеспечения неприкосновенности частной жизни, однако, с нашей точки зрения, представляется необходимым все таки прописать в правовых нормах структуру сведений о частной жизни, которыми вправе подобным образом распоряжаться лицо, а не оставлять это на усмотрение индивида, что может привести к произвольному толкованию и в конечном итоге нарушению не только прав и свобод отдельных лиц, но и

некорректному функционированию отдельных составных частей государственного механизма.

Особенно данное предложение актуализировано довольно высоким уровнем теоретической разработки понятия и структурных элементов частной жизни, что позволяет без особых проблем воплотить его в законотворческую практику, предварительно выявив наиболее подходящее для современной российской действительности, обусловленной не столько действующим законодательством, сколько курсом на развитие традиционных духовно-нравственных ценностей россиян. Наиболее заслуживающими в данной части внимания представляются позиции О.Е. Кутафина (комплексный характер частной жизни, включающий практически весь спектр личных конституционных прав и свобод) [4], М.В. Баглая (стороны личной жизни человека, которые он в силу своей свободы не желает делать достоянием других) [5], И.В. Смольковой («жизнедеятельность человека в особой сфере семейных, личных, интимных отношений, не подлежащих контролю со стороны государства, общественных организаций, граждан; свободу уединения, размышления, вступления в контакты с другими лицами, воздержание от таких; свободу высказываний и правомерных поступков; тайну жилища, дневников, других личных записей, переписки, других почтовых отправок и иных сообщений, содержания телефонных и иных переговоров; тайну усыновления; гарантирует возможность доверить свои личные и семейные тайны священнику, врачу, адвокату, нотариусу без опасения их разглашения») [6], В.В. Исаевой и Ю.В. Сахаровой «комплексный характер, включающий все гражданские права, характеризующие существо личной жизни человека, неприкосновенность и надлежащую защиту данной области жизнедеятельности человека, и общественные, экономические и культурные права людей, воздействующие на качество индивидуальной частной жизни индивида» [7].

Изучив представленные определения частной жизни в правовой науке, мы приходим к выводу о том, что к настоящему времени отсутствует единообразное по своему содержанию представление о сущности и элементах частной жизни человека. И во многом такой неопределенности благоприятствует употребление схожих категорий, таких, как «личная жизнь», «личная тайна», «информация о частной жизни», «права и свободы человека» «неприкосновенность», «приватность».

Заключение. В результате проведенного комплексного анализа общих аспектов современного состояния теоретической разработки, нормативно-правового регулирования и юридического обеспечения конституционного права на неприкосновенность частной жизни следует прийти к выводу о целесообразности принятия специального федерального закона о частной жизни, основой которой будут выступать общепризнанные нормы международного права, детализированные с

учетом российского законодательства, сложившейся практики публично-правового обеспечения неприкосновенности частной жизни, а также специфики традиционных духовно-нравственных ценностей россиян.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/>
2. Гаджиалиева, Н. Ш. К вопросу о содержании конституционного права на неприкосновенность частной жизни // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 5. – С. 34–37. – DOI: 10.24411/2312-0444-2021-5-34-37.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г. Ф. Грубич и Т. Г. Гущиной» [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.gov.ru/document/0001201506180001>
4. Кутафин, О. Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. – М. : Юрист, 2004. – С. 5–6.
5. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник / М. В. Баглай. – Москва : Норма : Инфра-М, 2018. – С. 181.
6. Смолькова, И. В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / И. В. Смолькова. – Иркутск, 1998. – С. 74.

УДК 341.1/8

ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВАЛЮТ И ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ

Одегова Л.Ю., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0001-8008-4747,
Соловьёва Ю.А., канд. юрид. наук, ORCID 0009-0008-8508-3437
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
milaodegova17@mail.ru, soloveva5585@bk.ru

Введение. Бесспорно, что беспрецедентная санкционная блокада России со стороны широкого пула недружественных стран во главе с США в ответ на проведение РФ специальной военной операции на Украине «возымела обратный эффект». Так, в интервью изданию Financial Times заместитель директора-распорядителя МВФ Гита Гопинат заявила, что финансовые санкции, введенные против России после событий февраля 2022 года, постепенно подрывают фундаментальные основы долларowego доминирования, укоренившегося в мировой экономике, а также могут привести к более фрагментированной международной валютной системе. Она подчеркнула, что такие меры, как заморозка резервов Банка России,

исключение из систем SWIFT и блокировка доступа к международным валютным рынкам, воспринимаются многими государствами не как инструмент давления, а как сигнал о хрупкости и политизированности текущей валютной архитектуры. В ответ страны начинают искать альтернативы: переориентироваться на национальные валюты в двусторонней торговле, углублять экономические связи внутри регионов, что может способствовать возникновению небольших валютных блоков, основанных на торговле между отдельными группами стран [1]. Таким образом, санкции, задуманные как оружие экономического воздействия, превращаются в катализатор глубокой трансформации мировой финансовой системы – с последствиями, которые ещё предстоит полностью осмыслить.

Действительно, еще в 2022 году С. В. Лавров на пресс-конференции по итогам переговоров с индийскими коллегами отметил, что Россия, Индия и Китай продолжают двигаться в сторону отказа от доллара и укрепления национальных валют [2], а в 2023 году в интервью кубинскому информационному агентству Prensa Latina Министр иностранных дел РФ заявил, что Россия вместе с зарубежными партнерами уже работает над созданием независимых от Запада механизмов в экономике [3].

В связи с чем **целью** данного исследования является анализ тенденций формирования альтернативных валют и платежных систем.

Основная часть. Представители финансовых учреждений стран АСЕАН активно изучают «сценарии» постепенного отказа от традиционных резервных валют в международных расчётах – доллара, евро, иены и фунта стерлингов. Эта инициатива обусловлена растущим недоверием к западной финансовой инфраструктуре, которая сегодня становится инструментом геополитического давления. В частности, Индонезия выступает с наиболее радикальным предложением: перейти от международных платёжных систем Visa и Mastercard к национальным картам, выпускаемым местными банками, чтобы полностью исключить зависимость от внешних платформ, которые могут быть заблокированы по политическим мотивам. КНР начала рассчитываться юанями с Арабскими Эмиратами за покупку сжиженного газа, что значительно ослабит эффективность американских санкций и станет вызовом существующему экономическому порядку. Кроме того, Саудовская Аравия присоединилась к Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в качестве партнера, а также в 2024 году участвовала в саммите БРИКС в статусе приглашённого государства, чем еще больше «сблизилась» с Китаем и Россией.

Важно также отметить и тот факт, что на последнем саммите ШОС, который прошёл 31 августа – 1 сентября 2025 года в Тяньцзине главами государств было принято решение о создании Банка развития ШОС, что, может стать одним из наиболее значимых геоэкономических событий десятилетия, способным перестроить глобальную финансовую архитектуру.

В контексте отмеченного стоит напомнить, что именно идею отказа от доллара как средства международных расчетов преследовал бывший лидер Ливии Муаммар Каддафи (что, среди прочего, стало причиной его насильственной смерти). Так, неудачное объединение с арабским миром обратило внимание ливийского лидера на все другие африканские страны, которые он планировал освободить от «постколониального синдрома» и создать новый Африканский союз, который опирался бы на абсолютно новую экономическую систему – доминирующей валютой был бы не доллар, который уже тогда глубоко проник в африканскую экономическую систему, а новая валюта – «золотой динар». В первую очередь Муаммар Каддафи стремился освободить от доллара свой нефтяной рынок. Этот план означал создание совершенно новой независимой от западных банков африканской банковской системы, что представляло прямую угрозу существовавшей валютной системе. Совершенно понятно, что воплощение таких проектов не могли быть допущены «западными демократиями», что и стало «неофициальной первопричиной» ликвидации Муаммара Каддафи.

Заключение. Подводя итог, хотелось бы отметить, что закату гегемонии США и ряда европейских государств в управлении мировой экономикой будет способствовать объединение усилий РФ с другими дружественными или нейтральными странами в создании и развитии альтернативных МВФ международных финансовых организаций, отдельных валютных блоков (например, в рамках ШОС или БРИКС), а также введение энергорубля (конвертируемой цифровой валюты, основанной на энергетическом эквиваленте).

Список литературы

1. В МВФ сочли, что санкции против РФ могут подорвать мировое господство доллара // [interfax.ru](https://www.interfax.ru/business/832398). – URL: <https://www.interfax.ru/business/832398> (дата обращения: 05.09.2025).
2. Россия, Индия и Китай продолжают процесс отказа от доллара – Лавров// crimea.ria.ru. – URL: <https://crimea.ria.ru/20220401/rossiya-indiya-i-kitay-prodolzhat-protsess-otkaza-ot-dollarav-lavrov-1122823422.html> (дата обращения: 05.09.2025).
3. Лавров: Россия работает над созданием независимых от Запада механизмов в экономике // tass.ru – URL: <https://tass.ru/ekonomika/17410891> (дата обращения: 05.09.2025).

К ВОПРОСУ О РОЛИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В РАЗВИТИИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Поляков В.Ю., канд. юрид. наук, ORCID 0009-0002-5554-3048,

Полякова Н.Г., канд. юрид. наук, ORCID 0009-0001-9945-8091

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

pkvitaliy@inbox.ru, ngpoliakova@inbox.ru

Введение. Конституционное правосудие представляет собой особый институт публичной власти, наделенный исключительными полномочиями (экстраординарная юрисдикция). При этом, именно Конституционному Суду РФ (далее – КС РФ) принадлежит ведущая роль в формировании российского конституционализма, основанного на духовно-нравственных ценностях и приоритете неотчуждаемых прав человека. КС РФ как орган конституционного нормоконтроля последовательно отстаивает позицию о преобладании естественного права над позитивным, обеспечивает единообразие судебной практики, наполняя законодательные нормы смыслом, основанным на справедливости.

Конституционное правосудие, сочетая в себе элементы конституционного контроля и особой формы правосудия, представляет собой специфический вид государственно-властной деятельности, реализуемый в форме конституционного судопроизводства. По меткому выражению И.А. Покровского, «судебное усмотрение – это «право более свободного истолкования, восполнения и даже исправления закона сообразно требованиям справедливости и веления судейской совести» [1, с. 90].

Цель исследования заключается в уточнении роли Конституционного Суда Российской Федерации в формировании российского конституционализма на современном этапе развития государственности.

Основная часть. Назначение конституционного правосудия заключается в утверждении верховенства конституции, обеспечении справедливого баланса частных и публичных интересов, а также практической реализации основных прав и свобод. Важнейшей задачей конституционного правосудия является утверждение приоритета нравственных ценностей и принципов естественного права над правом позитивным, непосредственное практическое внедрение их в правоприменительную практику.

В условиях беспрецедентного санкционного давления на Российскую Федерацию Конституционный Суд сформулировал систему правовых позиций, позволяющих эффективно защитить интересы российских граждан и субъектов предпринимательской деятельности. В частности, в постановлении КС РФ от 26 марта 2024 г. № 12-П отмечено, что «деятельность органов публичной власти не должна усугублять правовое и фактическое положение российских граждан и организаций, попавших в

тяжелую ситуацию из-за противоправных, по сути, обстоятельств ... если особенности регулирования не могут быть выведены из буквального и недвусмысленного предписания нормы, ... либо если международные и другие реалии препятствуют надлежащему функционированию этого регулирования, органы публичной власти должны осуществлять толкование и применение норм российского права ... так, чтобы в каждом случае достигалась наибольшая эффективность и исполнимость прав и свобод для российского гражданина». Аналогичную правовую позицию КС РФ сформулировал и в постановлении от 5 марта 2024 г. № 9-П: «В современных условиях ведения внешнеэкономической деятельности, ... с учетом распространенной практики установления ограничительных мер (санкций) ... деятельность органов публичной власти не должна усугублять правовое и фактическое положение российских граждан и организаций, затронутых соответствующими мерами». Таким образом, КС РФ устанавливает справедливые и оправданные правовые ориентиры, направленные на защиту частных и публичных интересов, для всех органов публичной власти в условиях противоправного воздействия со стороны недружественных государств.

Еще одним важнейшим направлением воздействия КС РФ на правовую систему России является разработка такого толкования законодательных норм, которое бы в наибольшей степени способствовало реализации прав и свобод человека, а также обеспечивало бы защиту более слабой стороны в правоотношениях, в качестве которой может выступать как физическое лицо в отношениях с органом публичной власти, так и органы местного самоуправления по отношению к государству (постановления Конституционного Суда РФ от 18.07.2025 № 30-П, 18.07.2025 № 30-П).

Конституционный Суд РФ указывает на недопустимость буквального применения правовых предписаний без учета целей правовой регламентации и того, будет ли при таком подходе достигнуто справедливое урегулирование общественных отношений. В частности, в постановлении КС РФ от 05.03.2024 № 9-П Суд пришел к выводу о недопустимости привлечения к административной ответственности таможенного декларанта за ошибочное указание в таможенной декларации на товарную партию недостоверного веса брутто, если это не влечет увеличения размера таможенных платежей по товарной партии в целом.

Важнейшая роль принадлежит КС РФ и в наполнении содержанием общеправовых и отраслевых правовых принципов. В частности, Судом сформулирован принцип правовой определенности, в силу которого участники правоотношений должны иметь возможность в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса. Также КС РФ справедливо указывает на необходимость применения принципа добросовестности не только в сфере гражданских правоотношений, но и в

публичной сфере: «конституционное требование о добросовестном поведении в силу своей универсальности распространяется на любое взаимодействие между субъектами права во всех сферах жизнедеятельности» (постановление Конституционного Суда РФ от 28.12.2022 № 59-П).

Еще одним направлением деятельности КС РФ, способствующим формированию в современной России подлинного конституционализма, основанному на приоритете права, верховенстве прав и свобод человека, а также легитимности правовых предписаний и правоприменительных решений, является обеспечение единообразия судебной практики. Как справедливо отмечает Н.С. Бондарь, оно может быть обеспечено лишь на основе единства судебного правоприменения, судебного-интерпретационного толкования, судебного правотворчества и судебной доктрины [2, с. 210]. При этом, автор рассматривает указание КС РФ в Постановления КС РФ от 02.10.2022 г. № 36-39-П о возможности разрешения противоречий, обусловленных особенностями переходного периода в связи с интеграцией новых субъектов РФ в ее правовую систему, при помощи судебной практики как конституционно-судебную легитимацию судебной практики как источника права. При этом, по мнению А.А. Семченкова, создание «пределов» правотворчества не может являться действенным способом ограничения создания права судом [3, с. 34]. Учитывая дискуссионный характер указанных мнений о необходимости и своевременности выделения «Права суда», необходимо, тем не менее, отметить важность судебного-правотворческого потенциала конституционного правосудия в современных условиях развития российской правовой системы.

Заключение. Таким образом, на современном этапе развития российского конституционализма КС РФ выполняет важнейшие функции по официальному и каузальному толкованию Основного закона с целью обеспечения единообразия судебной практики, защиты физических и юридических лиц в условиях противоправного санкционного давления, наполнения содержанием важнейших правовых принципов, практической реализации прав и свобод с учетом правового положения сторон в правоотношениях (как частных, так и публично-правовых).

Список литературы

1. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – Изд. 3-е, стереотип.. – Москва : Статут, 2001. – 354 с.
2. Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики : монография / отв. ред. Н. С. Бондарь. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма : ИНФРА-М, 2024. – 384 с.
3. Правотворческая парадигма конституционного правосудия (на примере Конституционного Суда Российской Федерации)// Конституционное и муниципальное право. – № 7. – 2024. – С. 32-38.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ИННОВАЦИИ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Савченко Е.В., ORCID 0009-0001-0810-9620

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, РФ
astro-bella@mail.ru

Введение. В настоящие дни, основные технологические аспекты и инновации в юриспруденции включают внедрение искусственного интеллекта (ИИ) – использование технологии блокчейн, развитие системы электронного правосудия и решение вопросов кибербезопасности. Эти инновации трансформируют традиционные правовые институты, методы работы юристов и доступ граждан к правовой защите.

Цель работы – рассмотреть, как цифровые технологии трансформируют традиционные подходы к правовой деятельности, какие инновации внедряются в юридическую сферу, как законодательство реагирует на внедрение инноваций.

Основная часть. В последние годы в области юриспруденции отмечается проблема, связанная с тем, что темпы развития и внедрения технологий искусственного интеллекта (ИИ) значительно превосходят скорость соответствующих изменений в сфере права [1].

Влияние ИИ на правовое законодательство заключается в необходимости адаптации правовых норм к новым реалиям. Некоторые аспекты этого влияния:

1. Автоматизация юридических процессов. ИИ позволяет автоматизировать множество рутинных задач, таких как анализ документов, поиск прецедентов и подготовка стандартных юридических форм. Это повышает скорость и эффективность работы, но требует пересмотра норм, регулирующих использование таких технологий;

2. Предсказательная аналитика. Системы на основе ИИ могут предсказывать исход судебных дел, анализируя огромные массивы данных. Однако это поднимает вопросы о конфиденциальности, прозрачности алгоритмов и их влиянии на принятие решений;

3. Правовой статус ИИ. Законодательство многих стран, включая Россию, рассматривает ИИ лишь как инструмент. Однако с увеличением его роли в создании контента и принятии решений возникает необходимость уточнения статуса ИИ и правового регулирования его использования.

4. Конфиденциальность и защита данных. Использование ИИ связано с обработкой больших объёмов данных, что требует более строгих норм защиты информации.

5. Ответственность за действия ИИ. Вопрос о том, кто несёт ответственность за ошибки или вред, причинённый ИИ, остаётся

открытым. Законодательство должно учитывать эти нюансы и предлагать ясные механизмы определения ответственности.

6. Обновление интеллектуальной собственности. ИИ уже создаёт произведения искусства, музыку и даже изобретения. Это требует пересмотра норм авторского права и патентного законодательства, чтобы учесть новые реалии [2].

Некоторые меры, которые могут быть приняты для осторожного внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в область юриспруденции:

- Изучение пользовательского соглашения нейросети. В нём содержатся важные сведения: на каких условиях передаются права на произведения, созданные с использованием нейросети, положения о конфиденциальности данных и ответственности, и другие;

- Обучение сотрудников. Необходимо объяснить работникам риски, связанные с использованием ИИ, и установить границы дозволенного;

- Изменение результатов выдачи ИИ и сохранение истории работы с ИИ-контентом. Это поможет в случае возникновения споров об авторстве на произведения, созданные с использованием ИИ;

- Не отдавать принятие критически важных решений ИИ. Каким бы «умным» ни казался ИИ, он не может заменить человека;

- Использование бизнес-лицензий, а не общедоступных версий ИИ. Бизнес-лицензии обычно обеспечивают регулярное обновление, последние версии защиты от уязвимости и позволяют подстраивать программные решения под уникальные требования конкретной компании.

- Убедиться, что ИИ не противоречит нормативно-правовым актам и общим принципам судопроизводства;

- Обеспечить право сторон на доступ к судье-человеку. Это можно сделать в рамках апелляционного или кассационного обжалования, либо специальной процедуры, направленной на оперативное исправление аномалий в работе ИИ [3].

В настоящее время, российское законодательство в области искусственного интеллекта (ИИ) не отстаёт от законодательства других стран. Например, введены федеральный закон №123-ФЗ и Указ Президента № 490, которые устанавливают общие понятия и тенденции к развитию ИИ в различные сферы общественной жизни [4].

Однако, можно отметить, что система регулирования ИИ в России проработана меньше, чем в ряде других крупных юрисдикций. Так, прослеживаются следующие проблемы:

- Отсутствие единого специализированного акта, который бы урегулировал порядок создания, регистрации и сертификации, использования, передачи, защиты прав и ответственности ИИ;

- Отсутствие понимания правового статуса ИИ. Например, возникают вопросы в рамках авторского права, так как ИИ не является субъектом права;

- Неурегулированность ответственности за действия ИИ, а также ответственности должностного лица или работника за действия ИИ, обусловленные рекомендацией или предписанием ИИ;

По информации на 2025 год, в России пока не готовы признавать владельцем прав интеллектуальной собственности ИИ-системы, но при этом есть реальная возможность модернизировать законодательство, чтобы создать благоприятную правовую среду для применения цифровых инноваций [5].

Заключение. Интеграция искусственного интеллекта (ИИ) в юриспруденцию открывает новые возможности для повышения эффективности юридических процессов и улучшения доступа к правосудию. Однако использование ИИ в юриспруденции сопряжено с рядом рисков.

Для минимизации рисков требуется разработка чётких норм и стандартов, регулирующих использование ИИ в юриспруденции. Важно, чтобы внедрение технологий происходило с акцентом на прозрачность, справедливость и защиту прав человека.

Список литературы

1. Салихов, Б.В., Салихова, И.С., Жуков, А.О. Анализ альтернативных последствий влияния искусственного интеллекта на рынок человеческого капитала // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2025. – № 1 (52). – С. 7-18. – DOI 10.21777/2587-554X-2025-1-7-18.
2. Егерев, И.М., Егерев О.А. Риски использования искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности и пути их преодоления // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2025. – № 2 (46). – С. 70-76. – DOI 10.21777/2587-9472-2025-2-70-76.
3. Рустамбеков, И.Р., Турдалиев М.П. Искусственный интеллект в правовой предиктивной аналитике: совершенствование судебных стратегий // Universum: экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн. – 2023. – 9-10(108). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/15924> (дата обращения: 03.08.2025).
4. Сурмин, Ю. П., Шевченко О. К. «Искусственный интеллект и право: вызовы и перспективы», – М.: Проспект, – 2022. – 65 с
5. Кашкин, С.Ю., Четвериков А. ОО. Цифровое право и искусственный интеллект. – М.:Норма, – 2021. – 85 с.

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Тимофеева А.А., ORCID 0009-0005-5181-7015

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

a.timofeeva.donnu.jur@mail.ru

Введение. В современных условиях международное сотрудничество приобретает особую значимость: поддержание уже имеющихся добрососедских и взаимовыгодных отношений, налаживание новых международных связей.

На сегодняшний день в осуществлении международного сотрудничества с некоторыми условностями задействованы все уровни публичной власти Российской Федерации – федеральный, региональный и местный.

Несмотря на уже сложившуюся практику международного сотрудничества на местном уровне, наблюдаются некоторые пробелы в законодательстве, что сказывается на развитии и эффективности международного взаимодействия.

Целью работы является исследование правового аспекта международного сотрудничества органов местного самоуправления.

Основная часть. 19 июня 2025 г. вступил в законную силу Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – ФЗ от 20.03.2025 № 33-ФЗ). Исключение составляют ст. 32, 37, 39 и ч. 23 ст. 89, которые вступают в силу с 1 января 2027 г.

Положения о международных и внешнеэкономических связях органов местного самоуправления содержатся в главе 9 ФЗ от 20.03.2025 № 33-ФЗ [1, ст. 80-85].

Исходя из содержания главы 9 ФЗ от 20.03.2025 № 33-ФЗ, компетенции по осуществлению международных и внешнеэкономических связей органами местного самоуправления распределены между федеральным, региональным и местным уровнями публичной власти. Федеральные органы исполнительной власти осуществляют функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления.

К полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации относятся правовое регулирование осуществления органами местного самоуправления международных и внешнеэкономических связей, предоставление органам местного самоуправления правовой,

организационной и методической поддержки при осуществлении ими международных и внешнеэкономических связей, а также иные полномочия.

К полномочиям органов местного самоуправления в сфере международных и внешнеэкономических связей относятся:

1) проведение встреч, консультаций и иных мероприятий в сфере международных и внешнеэкономических связей с представителями государственно-территориальных, административно-территориальных и муниципальных образований иностранных государств;

2) заключение соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления с органами местного самоуправления иностранных государств;

3) участие в деятельности международных организаций в сфере межмуниципального сотрудничества в рамках полномочий органов, созданных специально для этой цели;

4) участие в разработке и реализации проектов международных программ межмуниципального сотрудничества;

5) иные полномочия в сфере международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления в соответствии с международными договорами Российской Федерации, федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и законами субъекта Российской Федерации.

Следует отметить, что ранее действовавшим Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее - ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ), в п. 8 ч. 1 ст. 17 были установлены полномочия органов местного самоуправления по осуществлению международных и внешнеэкономических связей в соответствии с федеральными законами [2]. Однако дальнейшего законодательного развития механизма реализации данных полномочий на тот момент не последовало. Тем не менее данные полномочия осуществлялись, но только при непосредственном участии органов государственной власти субъекта Российской Федерации и с некоторыми условностями. Правовая регламентация касалась, прежде всего, международного сотрудничества муниципальных образований приграничных субъектов Российской Федерации на основании Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества». При этом все остальные муниципальные образования фактически были лишены правовой возможности осуществления международных и внешнеэкономических связей.

Далее по прошествии длительного времени был принят Федеральный закон от 04.08.2023 № 420-ФЗ, который дополнил Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» главой 9.1. В данной главе были определены полномочия органов

государственной власти и местного самоуправления в сфере международных и внешнеэкономических связей, а также порядок их осуществления органами местного самоуправления (ст.ст. 69.1-69.6).

Следует отметить, что положения главы 9.1, принятые в соответствии с Федеральным законом от 04.08.2023 № 420-ФЗ, были подвержены критике относительно отсутствия легального определения понятия «международные и внешнеэкономические связи органов местного самоуправления», отсутствия правового регулирования статуса «городов-побратимов» и участия организаций межмуниципального сотрудничества в международных и внешнеэкономических связях, несмотря на их активную и эффективную деятельность в этой сфере [3, с. 88-89]. Но несмотря на эти недостатки, содержание главы 9 ФЗ от 20.03.2025 № 33-ФЗ осталось практически без изменений.

Согласно ст. 82 ФЗ от 20.03.2025 № 33-ФЗ целью осуществления международных и внешнеэкономических связей являются вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения вместо ранее применяемых вопросов местного значения. Однако само определение новой формулировки, как и отдельная статья, посвященная терминам и определениям, отсутствуют. Данный пробел может в дальнейшем вызвать проблемы в толковании и правоприменении указанных положений.

Заключение. Анализ правового регулирования международного сотрудничества органов местного самоуправления в Российской Федерации позволяет сделать следующие выводы. Положительным моментом является правовое закрепление международного сотрудничества органов местного самоуправления. В то же время отмечается наличие ряда недостатков, которые обращали на себя внимание еще в положениях предыдущего ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ, но не были учтены в новом ФЗ от 20.03.2025 № 33-ФЗ.

Список литературы

1. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 30.09.2025).
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – т. 3822.
3. Дитятковский, М.Ю. Об отдельных аспектах между народных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления / М. Ю. Дитятковский // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 83–92. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).83-92.

Уголовное право, уголовный процесс, криминалистика и прокурорская деятельность

УДК 343.22

РОЛЬ И ПРИЗНАКИ ИСПОЛНИТЕЛЯ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОУЧАСТИИ

Бабичев Д.А., д-р юрид. наук, проф.,

Кулинич Н.А.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

kna.torez@mail.ru

Введение. Преступления, совершённые в соучастии, несомненно, обладают признаком повышенной общественной опасности. Уголовный закон выделяет несколько разновидностей соучастников, в числе которых главенствующую роль занимает исполнитель, который совершает само событие преступления.

Цель работы – провести общую характеристику исполнителя как ключевого субъекта соучастия в любом преступлении.

Основная часть. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) выделяет следующие виды соучастников: - исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник. Критерием деления соучастников на виды является роль каждого в совместно совершаемом преступлении и достижении общих для каждого из них преступных последствий.

Исходя из анализа ст.33 УК РФ, можно выявить, что ключевая и наиболее существенная роль отводится именно исполнителю, что следует из формулировки ч.1 указанной статьи.

В ч.2 говорится, что исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных УК РФ [1].

Как можно определить, именно исполнитель является центральным элементом соучастия, что не даёт никаких оснований приуменьшать роли других соучастников. Однако без исполнителя замысел организатора останется лишь на уровне идеи, подстрекатель не будет иметь субъекта влияния, а пособник не будет иметь лицо для оказания своего преступного содействия.

Представляется достаточно интересной точка зрения Молчанова Д.М., который на основании анализа УК РФ выделяет четыре возможных варианта поведения исполнителя при совершении преступления:

1) самостоятельное (без участия иных лиц) выполнение объективной стороны преступления;

2) совместное с иными соучастниками (соисполнителями) выполнение объективной стороны преступления;

3) полное выполнение объективной стороны преступления «посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности»;

4) частичное (совместно с иными соисполнителями) выполнение объективной стороны при тех же обстоятельствах.

Иные виды исполнителя (выработанные совместно судебной практикой и теоретиками уголовного права): соисполнитель при «техническом распределении ролей» и соисполнитель в юридическом смысле (член организованной группы) [2, с. 111].

К слову, по данному вопросу Ю.Е. Пудовочкин отмечает и такую интересную особенность, что исторически практика английских судов сформулировала акцессорную теорию, согласно которой уголовное дело в отношении других не может быть рассмотрено ранее уголовного дела исполнителя. Позже такая практика немного изменила вектор: допускалось рассмотрение дел соучастников и исполнителя в рамках одного процесса при рассмотрении дела исполнителя в первую очередь. На сегодняшний день английские суды работают иначе, однако в России такая проблема существует [3].

Примером может послужить ситуация, когда дело совершено в соучастии, на скамье подсудимых один человек, а остальные в розыске. Дело рассматривается в особом порядке. Позже находят иных соучастников, дела которых рассматривают в общем порядке с участием присяжных заседателей. Они признают их невиновными, однако к этому времени другой соучастник уже может отбыть наказание.

На наш взгляд, такая ситуация, хоть и является проблемной, но не может быть разрешена иначе. Долгий поиск исполнителя, который, возможно, уже скрылся за рубеж, или изменил имя и внешность и находится в другой части России, послужит поводом для затягивания рассмотрения дела и нарушит принцип разумных сроков судопроизводства в уголовном процессе. Так, согласно статье 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), уголовное судопроизводство должно осуществляться в разумный срок [4].

Следовательно, никто не гарантирует быструю поимку преступника, который может применить различные ухищрения для того, чтобы скрыться. Поэтому разумно квалифицировать действия при его отсутствии, а затем, отталкиваясь от полученных данных, квалифицировать и деяния соучастников.

Особенно это актуально в тех преступлениях, когда организатор действует удалённо, а исполнители или пособники непосредственно совершают преступление. Ярким примером является теракт в Крокус Сити Холл в Красногорске Московской области, который был совершён 22 марта 2024 года. Заказчик (организатор) выходил на связь с исполнителями через мессенджеры, ни разу не встретившись лично, поскольку находился на территории Украины. Следовательно, такая важная фигура, как организатор, от следствия скрылась, однако это не дало повода не вести расследования и не проводить суд над исполнителями и иными соучастниками преступления.

Нужно также подчеркнуть, что данный пример особенно ярко отражает повышенную общественную опасность преступлений, совершённых в соучастии, ведь, если бы данное преступление совершали сами по себе граждане Таджикистана, без координатора, который предоставил им оружие и наводку, вряд ли деяние было бы столь спланированным и вызвало бы столь трагичные последствия. Также, последствия могли быть менее значительными в случае наличия меньшего количества исполнителей, или, если бы координаторам и вовсе не удалось найти желающих совершить преступление. Вследствие чего, можно говорить о том, что практика доказывает повышенную опасность преступлений, совершённых в соучастии, и чем больше соучастников, тем преступление опаснее.

Заключение. Таким образом, теоретические и практические изыскания позволяют определить, что при соучастии в преступлении исполнитель, наравне с организатором, является одной из наиболее опасных фигур при совершении противоправного деяния. Вокруг его фигуры крутится сам факт совершения деяния, поскольку именно он фактически выполняет объективную сторону.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ / Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/all/96145/> (дата обращения – 24.06.2024).
2. Молчанов Д.М. Исполнитель преступления в соучастии и без соучастия: универсальная роль в многообразии юридических конструкций / Д.М. Молчанов // Lex russica (русский закон). – 2021. – Т.74. – №3 (172). – С. 107-122.
3. Особенности квалификации соучастия в преступлении на примерах из практики / Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/osobennosti-kvalifikatsii-souchastiya-v-prestuplenii-na-primerakh-iz-praktiki/>
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174-ФЗ / Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942> (дата обращения – 02.06.2025).

КОНЦЕПЦИЯ ПСИХИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ В ТЕОРИИ ПРАВА

Барвинская Ю.С., канд. юрид. наук, ORCID 0009-0008-6586-7007

Луганский филиал ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Луганск, РФ
barvinskaya1987@yandex.ru

Введение. В современном обществе проблема психического насилия не теряет своей актуальности. Любая форма психического воздействия оказывает разрушительное деструктивное влияние на психическое здоровье человека, его социальное функционирование, ухудшает качество жизни. В связи с этим, важным является урегулировать данную сферу отношений в правовом поле, для того, чтобы государство могло обеспечить защиту пострадавших от противоправных действий, а потерпевшие смогли возместить причиненный им ущерб.

Цель исследования. Проанализировать научные концепции и взгляды относительно понимания психического насилия, как одной из форм уголовно-правового психологического воздействия на личность, а также его влияния на установление преступности деяния в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Основная часть. В рамках теории юридической психологии психическое насилие обычно рассматривается как форма психологического воздействия. Однако вопрос о точном определении понятия «психическое насилие», его видов, признаков и правовом регулировании остается предметом научных дискуссий среди исследователей. Эта недостаточная проработанность приводит к необоснованным решениям в формировании уголовной политики по борьбе с преступностью, особенно в сфере насильственных преступлений.

Психическое насилие традиционно рассматривается в контексте уголовного права, и является проявлением единого понятия «насилие», которое может проявляться, как в форме физического, так и психического насилия. Стоит отметить, что данное явление имеет преимущественно психологический аспект, поэтому важно сформулировать понятие исходя из его междисциплинарного характера.

В этой связи представляется интересным определение, приведенное Е.Н. Волковым, который раскрывал данное явление через понятие «психонасилие», имеющее преимущественно антисоциальный и деструктивный элемент, под которым автор понимал «социально-психологическое воздействие, преднамеренно принуждающее другого человека или группу людей к поступкам или поведению, которые не входили в их намерения; нарушающее психологические границы личности или социальной группы, осуществляемое без информированного согласия

и без обеспечения социальной и психологической безопасности индивида или группы людей, а также всех их законных прав; приводящее к социальному, психологическому, физическому или материальному вреду (ущербу)» [3; с. 184].

Ряд ученых, занимающиеся изучением проблематики различных видов криминального психологического воздействия, приводят свою классификацию форм психологического насилия, используя при этом терминологию: «психическое насилие», «влияние», «манипулирование», «высказывание угроз», «шантаж» [4; с. 39]. Такая формулировка является более понятной, обыденной и не требует дополнительного толкования для обычного человека, чего не скажешь о преступном психическом насилии.

Рассматривая человеческие отношения с социальной точки зрения, психическое насилие традиционно определяется через различные формы воздействия, такие как издевательства, травля, буллинг, сталкинг, оскорбления, семейное насилие и другие виды, наносящие вред психике человека. Со стороны психологии, все эти формы оказывают информационное воздействие на бессознательное, угрожают причинением вреда индивиду, начиная от психического дискомфорта, переживаний, страха и унижения, и до причинения ему психической травмы, возникновения психических заболеваний и состояний.

В уголовном праве, термин «психическое насилие», также отсутствует, хотя в некоторой мере раскрывается через описание диспозиции ряда норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Например, в ст. 117 УК РФ – «психические страдания»; ст. 119 УК РФ – «угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»; ст. 163 УК РФ – «вымогательство, под угрозой применения насилия, либо под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевших или его близких». В отдельных составах преступления, квалифицирующий признак «насилия», закреплён в самом названии нормы: ст. 131 УК РФ «Изнасилование», ст. 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера» [2]. Если посмотреть любую из этих статей уголовного законодательства, мы ни в одной не обнаружим упоминания или расширительного толкования понятия «психическое насилие». Законодатель ограничивается лишь описанием способа совершения преступления «насилие», фактически понимая под ним, как физическое, так и психическое. Остальное остается либо без должного внимания, либо трактуется на субъективный манер самим правоприменителем в каждой конкретной юридической ситуации.

Все это является очень важным, поскольку Конституция Российской Федерации (ст. 2) признает человека, его права и свободы высшей ценностью в государстве [1], а в Уголовном кодексе Российской Федерации Особенная часть построена исходя из важности и ценности объектов уголовно-правовой охраны, поэтому обеспечение и защита жизни

и здоровья человека (физического и психического) являются первоочередными в достижении целей правового государства.

Для того чтоб исследовать многие уголовно-правовые категории приходится обращаться к различным отраслям науки, в том числе к психологии, чтобы объяснить психические процессы человека, механизмы преступного поведения, мотивы, умысел преступника. Такая мысль не является новой в юриспруденции, активно обсуждалась отечественными учеными в постсоветский период, о несомненном влиянии психологии на уголовное право. А.А. Тер-Акопов заметил, что современная уголовная наука в недостаточной мере уделяет внимание психологическому фактору в противоправном поведении личности [5; с. 89].

Для уголовного права разграничение «насилия» на физическое и психическое имеет большое значение, поскольку позволит оценить характер и степень общественной опасности конкретного преступления, а также оценить масштабность преступных последствий для потерпевшего, что в свою очередь будет облегчать процесс доказывания фактических обстоятельств дела, и даст возможность потерпевшему потребовать компенсацию за причиненный вред.

Заключение. При исследовании основных методов и механизмов преступного поведения, связанных с психическим насилием, возникает необходимость разработки современного определения этого явления. Оно может быть сформулировано как преступное посягательство на психическое здоровье и безопасность личности, выражающееся в умышленном и неправомерном причинении психического вреда через подавление воли потерпевшего.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Сайт КонсультантПлюс: справ. Правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 30.09.2025)
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. – Текст электронный // Сайт КонсультантПлюс: справ. Правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 30.09.2025).
4. Волков Е. Н. Критерии, признаки, определения и классификации вредящего психологического воздействия: психологическое травмирование, психологическая агрессия и психологическое насилие // Журнал практического психолога. – 2002. – № 6. – С. 183-199.
5. Кроз, М.В. Криминальное психологическое воздействие / М.В. Кроз, Н.А. Ратинова, О.Р. Онищенко. – Москва: Юрлитинформ, 2008. – 198 с. (Библиотека криминалиста: БК). – ISBN 978-5-93295-405-8. – EDN QXUWZN.
6. Тер-Акопов А.А. О правовых аспектах психической активности и психологической безопасности человека // Государство и право. – 1993. – № 4. – С. 89.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Богдан В.М., ORCID 0009-0001-3670-2122

ФГБОУ ВО «Азовский государственный педагогический университет
им. П. Д. Осипенко», г. Бердянск, Запорожская обл., РФ
mihalichbv@mail.ru

Введение. Актуальность темы обусловлена стремительным развитием цифровых технологий, включая искусственный интеллект (ИИ), которые проникают во все сферы общественной жизни, включая уголовное право. Цифровизация уголовного законодательства предполагает не только внедрение электронных систем в судопроизводство, но и адаптацию норм к новым реалиям, где ИИ может выступать как инструмент анализа данных, так и субъект потенциальной ответственности. В Российской Федерации этот процесс поддерживается на государственном уровне, что подчеркивает необходимость комплексного анализа вызовов и перспектив [3].

Цель исследования заключается в выявлении основных вызовов, возникающих при цифровизации уголовного законодательства под влиянием ИИ, и определении перспектив его интеграции для обеспечения справедливого правоприменения.

Основная часть. В научной литературе цифровизация уголовного судопроизводства рассматривается как процесс трансформации традиционных процедур в цифровые формы. Марковичева Е. В. отмечает, что внедрение ИИ в уголовное право требует пересмотра принципов доказывания и ответственности, поскольку алгоритмы могут генерировать предвзятые решения [2]. Это подтверждается анализом указанных авторов, которые подчеркивают риск ошибок в ИИ-системах, влияющих на справедливость приговоров.

Нормативно-правовая база включает Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», устанавливающий приоритеты в развитии ИИ для различных секторов, включая правоприменение [4]. Однако в уголовном законодательстве отсутствуют специальные нормы об ответственности ИИ, что создает правовую неопределенность.

Хисамова З. И. и Бегишев И. Р. анализируют теоретические аспекты уголовной ответственности в контексте ИИ, предлагая модели, где ответственность может возлагаться на разработчиков или пользователей [1]. Лолаева А. С. и Сакаева К. У. акцентируют внимание на этических аспектах, таких как прозрачность алгоритмов и защита прав человека,

подчеркивая необходимость баланса между инновациями и традиционными ценностями.

Основные вызовы цифровизации уголовного законодательства в эпоху ИИ затрагивают несколько ключевых аспектов. В первую очередь, это проблема ответственности: классическая доктрина уголовного права фокусируется на физических лицах, однако ИИ, действуя как автономный субъект, требует переосмысления понятия вины. К примеру, сбои в алгоритмах предиктивной юстиции могут спровоцировать необоснованные обвинения, нарушая принцип презумпции невиновности [3]. В мировой практике уже отмечены судебные споры из-за предубежденных решений ИИ при прогнозировании рецидива, что подчеркивает нужду в жестком надзоре над алгоритмами. Кроме того, неопределенность критериев вины для ИИ осложняет применение норм о соучастии, когда машина выдает советы, ведущие к преступлениям. Это диктует необходимость новых правовых механизмов, таких как концепция «электронной вины» или ответственность за проектирование, чтобы избежать злоупотреблений [2].

Во-вторых, этические проблемы: ИИ рискует усугубить дискриминацию, обучаясь на искаженных данных, что особенно опасно в уголовном судопроизводстве, где вердикты затрагивают личную свободу. Если обучающие наборы включают исторические предрассудки против отдельных групп, ИИ может несправедливо маркировать их как «высокорисковых», подрывая равенство перед законом.

В-третьих, технические и институциональные препятствия: интеграция ИИ предполагает крупные вложения в инфраструктуру, подготовку кадров и синхронизацию с текущими системами. В России, где судебная сфера лишь частично цифровизирована, переход осложняется устаревшим оборудованием и дефицитом экспертов [4]. Институциональные барьеры включают сопротивление реформам от традиционалистов в юстиции, предпочитающих ручные методы автоматизированным. На глобальном уровне отсутствие единых стандартов для ИИ приводит к разрозненности подходов и рискам несовместимости. Эти трудности можно преодолеть через госфинансирование и международное партнерство, хотя это потребует времени и политических усилий [2].

Несмотря на сложности, цифровизация сулит заметные преимущества. Прежде всего, рост эффективности: ИИ обрабатывает гигантские объемы данных быстрее человека, выявляя закономерности преступности и предсказывая угрозы, что ускоряет расследования и разгружает суды [1]. В предиктивной аналитике он помогает профилактике, связываясь с базами правонарушений. Во-вторых, укрепление прозрачности и справедливости: правильно сконструированные алгоритмы снижают предвзятость, давая беспристрастные оценки и повышая доверие к системе. В-третьих,

новаторские подходы к правоприменению: ИИ способствует созданию «умных контрактов» в уголовном праве, автоматизируя условные санкции или надзор за осужденными. Перспективы охватывают и глобальную унификацию, где ИИ способствует согласованию норм через трансграничные платформы, минимизируя риски экстрадиции и споров [3]. Для успеха важно сочетать инновации с защитой прав, вводя аудит ИИ и этические комиссии.

Для наглядности приведена таблица 1, иллюстрирующая баланс вызовов и перспектив.

Таблица 1

Модель интеграции ИИ в уголовное законодательство

Вызовы	Перспективы	Рекомендации
Ответственность ИИ	Повышение точности анализа	Введение норм об ответственности разработчиков
Этические риски (дискриминация)	Защита прав человека	Обязательная аудит алгоритмов
Конфиденциальность данных	Эффективность расследований	Регулирование доступа к данным

Заключение. Таким образом, цифровизация уголовного законодательства на фоне развития ИИ оказывается неоднозначным явлением: она порождает сложности, связанные с переосмыслением ответственности и этическими вопросами, но одновременно раскрывает возможности для более справедливого и оперативного правоприменения. Для гармоничного развития требуется всесторонний подход, предполагающий реформу правовых норм и внедрение этических норм, что позволит снизить потенциальные угрозы и усилить положительные эффекты.

Список литературы

1. Лолаева А.С., Сакаева К.У. Искусственный интеллект: правовые и этические аспекты // Юридические исследования. – 2021. – № 8. DOI: 10.25136/2409-7136.2021.8.36306 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36306
2. Марковичева Е.В. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства // Правосудие/Justice. – 2020. – Т. 2, № 3. – С. 86–99. DOI: 10.37399/2686-9241.2020.3.86-99
3. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 // СЗ РФ. 2019. № 41.
4. Хисамова З. И., Бегишев И. Р. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 4.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ИСТОЧНИКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Богославская К.Э., ORCID 0009-0002-7947-7786
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики»,
г. Таганрог, Ростовская обл., РФ
bogoslavskaya.01@mail.ru

Введение. Ключевое значение в процессе расследования преступлений имеет своевременное и достоверное получение информации, поскольку именно она служит базой для формирования доказательственной системы и последующего привлечения виновных к уголовной ответственности. Эффективность расследования напрямую зависит от качества, полноты и объективности сведений, получаемых в ходе оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий и межведомственного взаимодействия.

Основная часть. Расследование преступлений опирается на совокупность разнотипных источников информации, каждый из которых обладает собственной природой, доказательственным значением и процедурными ограничениями. В российской доктрине и практической литературе выделяют четыре ключевых блока: результаты оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД); процессуальные действия следствия и суда; документальные и бухгалтерские материалы; (показания участников и иные свидетельские сведения [1, с. 51]. Особое внимание целесообразно обратить на использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе, которое сопряжено с принципиальными и прикладными ограничениями, которые прямо влияют на полноту и надёжность доказательной базы.

Первое ограничение – риски получения и использования информации, снабжённой правовыми дефектами. Нарушение порядка санкционирования ОР-мероприятий, отсутствие надлежащего документирования либо несоблюдение требований к оформлению протоколов создают основания для признания доказательств недопустимыми в суде [2, с. 127].

Второе - ограниченность нормативного определения понятий и критериев. Законодательство (Закон об ОРД №144-ФЗ, отдельные положения УПК РФ) содержит общие правила, но оставляет значительные вопросы неконкретизированными: каков объём «результатов ОРД», какие именно процедуры достаточны для перевода сведений в доказательства, как соотносить тайну источников и право обвинения на полноту доказательств [3, с. 62].

Третье ограничение - конфиденциальность и сохранение источников, поскольку оперативные источники и методы часто носят высокую чувствительность; требование раскрыть исходную информацию в интересах состязательности процесса вступает в противоречие с необходимостью защиты лиц, участвующих в ОРД [4, с. 176].

В соответствии с поставленной целью и задачами предлагается закрепить в УПК РФ специальный подраздел, регламентирующий, что понимается под «результатами ОРД» в уголовном процессе; минимальные процессуальные требования к оформлению материалов ОРД при передаче следствию; процедуру преобразования (перевода) оперативных сведений в доказательства; стандарты цифровой верификации и экспертной проверки электронных следов.

Проектируемая новая статья УПК РФ «Результаты оперативно-розыскной деятельности как источник доказательств»:

«1. Под «результатами оперативно-розыскной деятельности» в целях настоящего Кодекса понимаются: сведения, материалы и технические записи, полученные в установленном федеральным законом порядке в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – результаты ОРД), включая аудио- и видеозаписи, стенограммы обслуживания, материалы скрытой фото- и видеофиксации, аналитические справки и заключения оперативных подразделений, а также электронные следы, полученные в ходе ОР-мероприятий.

2. Сведения и материалы, указанные в части 1 настоящей статьи, признаются источником данных для доказывания; для придания им статуса доказательства необходимо их оформление и проверка в порядке, установленном настоящим Кодексом и федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности».

3. Перевод результатов ОРД в доказательства осуществляется одним или несколькими из следующих процессуальных действий:

- а) допросом лиц, сведения которых содержатся в материалах ОРД;
- б) выемкой документов и последующей экспертизой;
- в) назначением судебной, криминалистической либо финансово-экономической экспертизы;
- г) оформлением протокола следственного действия с приложением удостоверенных копий материалов ОРД;
- д) иными процессуальными действиями, направленными на подтверждение информации, полученной оперативным путем.

4. При передаче материалов ОРД следователю (дознавателю, прокурору) оперативный орган обязан: указать источник информации; оформить перечень прилагаемых материалов с отметкой о методе их получения, датах и лицах, проводивших мероприятия; представить сведения о наличии или отсутствии ограничений на распространение материалов и рекомендации по обеспечению защиты источников.

5. Материалы ОРД, содержащие сведения о конфиденциальных источниках или сведениях, отнесённых к государственной тайне, допускаются к использованию в уголовном процессе при соблюдении специальных процедур, предусмотренных федеральным законом, включая: оформление резюме с исключением идентифицирующих данных, производство закрытых судебных заседаний по вопросам доказательности с участием уполномоченных представителей органов, иного установления допустимости без раскрытия идентичности источника. Решение о вводе таких сведений в доказательную базу принимает суд по представлению прокурора с обязательным обеспечением процессуальных гарантий защиты прав сторон.

6. Для электронных носителей и цифровых следов устанавливаются следующие минимальные требования к допустимости: доказательство происхождения; сохранение целостности данных; экспертная атрибуция авторства/принадлежности данных при помощи судебной экспертизы; документирование методов извлечения и программных инструментов, применённых к данным. Отсутствие хотя бы одного из указанных требований является поводом для проведения дополнительной экспертизы или иного подтверждения достоверности».

Заключение. Разработанные нормативные поправки устраняют неоднозначность термина результатов ОРД и охватывает цифровые носители; сохраняет принцип того, что результаты ОРД не являются автоматическими доказательствами, но регламентирует порядок перевода; повышает прозрачность при передаче данных результатов и снижает риск формальных дефектов; решает дилемму между защитой источников и состязательностью; вводит стандарты цифровой доказательной практики, что является актуальным в свете цифровизации.

Список литературы

1. Ефименко, А.В. Оперативно-розыскная деятельность в расследовании преступлений: нормативно-правовые и процессуальные аспекты / А.В. Ефименко // Уголовное право и практика. – 2023. – № 3. – С. 45-53.
2. Соколов, Ю.Н. Информация в уголовном процессе: теоретико-правовой анализ / Ю.Н. Соколов // Журнал российского права. – 2024. – № 9. – С. 122-134.
3. Максимов, С.В. Расследование преступлений в системе уголовного законодательства России / С.В. Максимов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2023. – № 33. – С. 55–63.
4. Коломийченко, Е.В. Преступность как социально-правовое явление: криминологический и уголовно-правовой анализ / Е.В. Коломийченко, А. А. Зеленцов. – М. : Юрлитинформ, 2022. – 212 с.

ПРИМЕНЕНИЕ ЭКСПЕРТНОГО СВЕТА ДЛЯ ОБНАРУЖЕНИЯ СЛЕДОВ ПАЛЬЦЕВ РУК И ЛАДОНЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Бритвак Н., ORCID 0009-0007-9888-6987

ФГАУО ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»,
г. Москва, РФ
nikita_britvak@mail.ru

Введение. Осмотр места происшествия является первоначальным следственным действием, качество и результативность проведения которого во многом влияет на процесс дальнейшего расследования преступления в целом. В связи с этим одной из ключевых задач следственно-оперативной группы является обнаружение материально фиксированных следов преступления.

Цель работы – исследование технологии экспертного света, применяемой в процессе осмотра места происшествия для выявления слабовидимых следов пальцев рук и ладоней, её места в современной криминалистической технике.

Основная часть. В первую очередь, особое внимание криминалиста в процессе осмотра места происшествия направлено на выявление следов пальцев рук и ладоней, которых, по статистике, изымается больше всего [2, с. 154]. Стоит отметить, что поскольку данные следы состоят из потожирового вещества, которое само по себе не обладает выраженными оптическими свойствами, их обнаружение в условиях обычного освещения может вызывать затруднения.

В связи с этим в современной криминалистике широкое применение получила технология «экспертного света», использование которой позволяет выявлять следы пальцев рук и ладоней, невидимые невооруженным взглядом.

Под экспертным светом в криминалистике и судебной экспертизе принято понимать метод обнаружения дактилоскопических следов, как и следов иного происхождения (биологических, выстрела, взрыва) с использованием специального оборудования, излучающего различные диапазоны спектра электромагнитного излучения (инфракрасное, оптическое, ультрафиолетовое).

Один из наиболее простых и распространённых подходов к обнаружению следов пальцев рук и ладоней – усиление контраста между следами и поверхностью объекта-носителя с помощью направленного освещения видимого диапазона спектра. Инфракрасное излучение, невидимое для человеческого глаза, располагается в электромагнитном спектре за пределами видимого света и охватывает длины волн от 700 нанометров до 1 миллиметра.

Основной принцип его использования заключается в том, что компоненты, входящие в состав потожирового вещества, обладают специфическим взаимодействием с инфракрасным излучением. Эти вещества могут поглощать, отражать или пропускать его иначе, чем материал поверхности, на которой они находятся, что делает возможной визуализацию следов.

На практике в криминалистике инфракрасное излучение применяется совместно со специальными инфракрасно-чувствительными камерами и сенсорами, способными регистрировать отражённый или прошедший через материал инфракрасный сигнал.

Ультрафиолетовое излучение также применяется при обнаружении слабовидимых дактилоскопических следов. Этот метод значительно расширил возможности криминалистов, позволяя выявлять следы, незаметные при обычном освещении.

Основным преимуществом ультрафиолета является способность вызывать флуоресценцию химических соединений, содержащихся в потожировом веществе человека. Под действием УФ-излучения их молекулы поглощают энергию и переизлучают её в виде света в оптическом спектре, благодаря чему след становится видимым даже невооружённым взглядом и пригодным для фотофиксации. Это особенно важно в случаях, когда имеется низкая контрастность между следом и поверхностью объекта-носителя в условиях видимого освещения [1, с. 172].

Заключение. Таким образом, технология экспертного света на данный момент времени прочно закрепилась в арсенале современной криминалистической техники. Сочетание видимых и невидимых диапазонов спектра электромагнитного излучения способно существенно повысить результативность осмотров мест происшествий путем обнаружения слабовидимых и невидимых следов пальцев рук и ладоней. Дальнейшее проведение криминалистической идентификации данных следов способствует установлению лиц, причастных к совершению преступлений, тем самым приводя к достижению главной цели расследования – изобличению преступника и обеспечению неотвратимости наказания за совершенное деяние.

Список литературы

1. Смирнова, С. А., & Коровкин, Д. С. (2012). Современное состояние обнаружения фиксации и изъятия потожировых следов пальцев рук в странах Евросоюза // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – Т. 54, № 2. – С. 171–173. – EDN PBOMXT.
2. Черниговский В. Н., Кузьмин М. Н. Некоторые особенности дактилоскопирования живых лиц и трупов // Философия права. – 2023. – № 2 (105). – С. 153–159. – EDN BAXWLJ.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЦИФРОВОЙ АКТИВНОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ЗАПРЕТЫ И ЦЕЛИ БЕЗОПАСНОСТИ

Дадаева М.И.

ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», г. Рязань, РФ
m.dadaeva13@yandex.ru

Сотрудники уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) выполняют социально значимую и ответственную функцию – обеспечение исполнения уголовных наказаний. В связи с характером своей деятельности они подвержены повышенному риску угроз со стороны осужденных, их сообщников, родственников, а также иных лиц, способных причинить вред сотрудникам или их близким.

Учитывая специфику деятельности и доступ к служебной и личной информации, ограничение вовлеченности сотрудников УИС в цифровое пространство становится объективной необходимостью для предотвращения утечек, давления со стороны криминальных и иных заинтересованных структур, а также обеспечения режима секретности учреждений.

Целью настоящего исследования является анализ необходимости введения дополнительных запретов некоторой цифровой активности сотрудников УИС для повышения гарантий служебной безопасности, защиты персональных и предупреждения угроз цифровой среды.

Деятельность сотрудников сопряжена с рисками для их жизни, здоровья, а также безопасности их семей. Угроза может исходить не только от осужденных, но и лиц, потенциально заинтересованных в оказании давления или совершения противоправных действий против сотрудников за пределами работы. Активное использование цифровых технологий, включая мессенджеры и социальные сети открывает не только новые возможности для обмена информацией, но и влечет значительные риски для конфиденциальности и безопасности сотрудников.

Вирусное распространение информации через информационное пространство может способствовать раскрытию мест жительства, семейного положения и другой личной информации, доступ к которой третьих лиц может быть использован во вред сотрудникам. Их уязвимость к угрозам со стороны осужденных, их окружения и иных преступных элементов требует установления эффективных мер защиты. Кроме того, в условиях нарастающих внешних угроз, распространения всевозможных мошеннических схем, киберпреступности, воздействий через личные

цифровые профили, безопасность приобретает первостепенное значение. Анализ современных вызовов показывает необходимость внедрения дополнительных запретов для сотрудников УИС в сфере цифровой активности.

Зачастую сами сотрудники не осознают всю степень риска и последствий публикации своих личных данных или служебных фотографий в открытых источниках, поэтому в условиях возрастающей экстремистской деятельности, террористических угроз, киберугроз, мошенничества, насильственных действий в отношении сотрудников объективно сложилась необходимость введения строгих запретов в части использования соцсетей, некоторых мессенджеров и другой активности в информационном пространстве.

Цифровая активность отражает действия и поведение в цифровом пространстве – использование мессенджеров, соцсетей, работу с информационными системами, цифровыми данными и коммуникациями. Активная деятельность в информационном пространстве создает дополнительные риски раскрытия личной информации, а также ставит под угрозу не только безопасность сотрудников УИС, но и национальную безопасность в целом, поскольку «правовые ограничения сотрудников УИС в информационной сфере установлены в целях успешного функционирования органов государственной власти, обеспечения суверенитета и государственной целостности» [1, с. 183].

В частности, контроль и ограничение публикаций личных данных, фотографий, указаний места службы и проживания, а также запрет сотрудникам контактов через социальные сети и мессенджеры с осужденными, их родственниками, иностранными лицами позволит снизить риски соприкосновения служебного состава с преступными элементами. Для сравнения, в Федеральной службе безопасности (далее – ФСБ) регламентация активности в информационном пространстве значительно строже, полномочия в отношении социальных сетей, мессенджеров более детально прописаны и обусловлены необходимостью защиты как самого сотрудника, так и обеспечения национальной безопасности. Федеральный Закон и ведомственные нормативно-правовые акты ФСБ запрещают сотрудникам публиковать персональные данные без согласования, что позволяет успешно исключать риски раскрытия информации.

В современных условиях нарастающих геополитических вызовов и необходимости обеспечения безопасности сотрудников УИС, предотвращения влияния на них через коммуникационные каналы преступных и враждебных иностранных лиц, целесообразно, на наш взгляд, вводить следующие меры:

1) запрет публикации персональных данных сотрудников в социальных сетях и в сети «Интернет»;

2) запрет на установление контактов с иностранными гражданами и зарубежными СМИ через цифровые каналы без разрешения;

3) запрет публикации любых сведений, раскрывающих служебную принадлежность, место службы, функции сотрудников в ведомстве без согласования;

4) внедрение нормативно-правовых актов, предусматривающих санкции за нарушение правил цифровой гигиены;

5) обеспечение цифровой грамотности сотрудников и проведения регулярных инструктажей по работе с информацией в цифровом пространстве;

6) введения обязательного контроля за активностью в соцсетях, в сети «Интернет» сотрудников в рамках служебных полномочий.

В целях обеспечения безопасности сотрудников и одновременного достижения прозрачности системы исполнения наказаний необходимо сосредоточиться на росте открытости процессов в УИС, вместе с сохранением высокого уровня защиты персональных данных о служащих в этой системе. Это предполагает на наш взгляд, в том числе, исключение публикаций открытых фотографий сотрудников на официальных сайтах и в сети «Интернет» и введение в отношении них запретов на некоторую цифровую вовлеченность.

Итак, в современных условиях ускоренного развития цифровых технологий вопросы безопасности сотрудников УИС требуют дополнительного внимания и правового регулирования. Можно констатировать, что в законодательстве не сформирована комплексная модель безопасности сотрудников УИС [2, с. 36]. В связи с обостряющейся геополитической обстановкой возникает необходимость усиления защиты сотрудников УИС посредством введения некоторых запретов на активность в социальных сетях, мессенджерах и цифровом пространстве. Это позволит сохранить личную безопасность, повысить эффективность службы и защитить национальные интересы.

Список литературы

1. Хильман Д.В. Ограничения в информационной сфере при осуществлении сотрудниками УИС публичных высказываний // Вестник Кузбасского института. – 2024. – №1(58). – С. 177-185. – [https://doi.org/10.53993/2078-3914/2024/1\(58\)/177-185](https://doi.org/10.53993/2078-3914/2024/1(58)/177-185).
2. Чорный В.Н. Законодательство, регулирующее обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации / В.Н. Чорный., Е.В. Сенатова // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2022. – № 12(247). – С. 30-39. – DOI 10.51522/2307-0382-2022-247-12-30-39. – EDN QQGDKR.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РОЗЫСКА БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ ЛИЦ (НА ПРИМЕРЕ США И ФРГ)

Дерябкин А.А., ORCID 0009-0001-0290-0542

Луганский филиал ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Луганск, РФ
lsatdayzhoc@mail.ru

Введение. Проблема безвестного исчезновения лиц представляет собой значительное социальное и правовое явление, требующее комплексного подхода. В современном мире случаи пропажи людей происходят по различным причинам, включая преступные действия, природные катаклизмы и военные конфликты. Отсутствие четкого правового регулирования данного вопроса влечет за собой неопределенности в защите прав как самих пропавших лиц, так и их родственников. О. В. Айгистов в своих исследованиях отмечает, что на фоне стремительно развивающейся науки, широкого внедрения в повседневную жизнь общества высокотехнологичных процессов, очевидна необходимость поступательного, системного, своевременного обеспечения розыскной работы соответствующими правовыми возможностями [1]. Именно поэтому изучение зарубежного опыта в этой области приобретает особую актуальность, так как может способствовать разработке более эффективных механизмов для решения данной проблемы в России.

Цель данного исследования заключается в анализе зарубежного опыта правового регулирования и практических механизмов, направленных на предупреждение, розыск и защиту прав пропавших без вести лиц.

Основная часть. В Соединенных Штатах Америки нет единого федерального закона, который комплексно регулировал бы вопросы, связанные с безвестным исчезновением лиц. Регулирование в этой области осуществляется совокупностью законов штатов, а также различными программами и инициативами.

Однако, можно выделить ключевые элементы правового регулирования в США, которые затрагивают вопросы безвестного исчезновения граждан.

Так, на федеральном уровне в США существует национальная база данных «National Missing and Unidentified Persons System» («NamUs») [5], поддерживаемая Министерством юстиции США. «NamUs» не является нормативно-правовым актом, но выступает важным инструментом для сбора, обмена и анализа информации о пропавших без вести лицах и неопознанных трупах. Она помогает правоохранительным органам, медицинским учреждениям и семьям пропавших без вести в установлении судьбы последних.

Один из значимых нормативно-правовых актов федерального законодательства США – это «Missing Children's Assistance Act», принятый в целях координации государственных и местных усилий по розыску и поддержке пропавших и подвергающихся эксплуатации детей. Данный закон разработан частной некоммерческой организацией «Национальный центр пропавших и подвергающихся эксплуатации детей» (National Center for Missing and Exploited Children), который играет ключевую роль в розыске несовершеннолетних [7].

Также примечательно, что в США функционирует общенациональная система оповещения о пропаже детей – «AMBER Alert System» [8]. Рассматриваемая система использует различные каналы (радио, телевидение, интернет, мобильные телефоны) для распространения информации о пропавшем или похищенном ребенке и позволяет мобилизовать общественность в первые критические часы после пропажи или похищения ребенка.

Далее стоит отметить, что в каждом штате США существуют нормативно-правовые акты, регламентирующие процедуру принятия сообщения о пропаже человека, обязанности правоохранительных органов, порядок ведения дел о пропавших без вести и права семей пропавших. Эти законы могут варьироваться от штата к штату. Примечательно, что практически во всех штатах США установлен запрет на «период ожидания», предполагающий обязанности полиции по безотлагательному приему любых сообщений о пропавших людях [4]. Во многих штатах США также действуют программы оповещения об исчезновении пожилых людей или людей с умственными расстройствами, находящихся в опасности – «Silver Alert» [2].

В Федеративной Республике Германия организация розыска и рассмотрение заявлений о безвестном исчезновении лиц характеризуется четко регламентированной структурой и интеграцией передовых технологических решений. Деятельность правоохранительных органов, в частности, федеральной и земельных полиций, регулируется нормами Уголовно-процессуального кодекса (Strafprozessordnung), а также законодательством земель о полиции. Федеральное ведомство уголовной полиции (Bundeskriminalamt, БКА) ведет централизованную базу данных пропавших без вести (Vermissten-Datei), которая является частью большой информационной системы для розыска людей и предметов под названием «INPOL» (Informationssystem der Polizei) и содержит в себе сведения о пропавших лицах со всей Германии. В. Ю. Сокол в своих трудах отмечает, что информационная система «INPOL» находится в распоряжении не только у полиции, но и других национальных и зарубежных правоохранительных органов, включая таможню и прокуратуру. Неевропейские правоохранительные органы также могут получить доступ к сведениям о разыскиваемых лицах и предметах [3]. На наш взгляд, расширенный доступ к

рассматриваемой информационной является важным фактором в оптимизации процесса розыска без вести пропавших, что способствует более быстрому установлению местонахождения последних и снижению негативных последствий для их семей и общества в целом.

Также стоит указать, что полиция Германии объявляет пропавшего без вести в розыск, если человек покинул свой привычный круг жизни, его нынешнее местонахождение неизвестно и может представлять опасность для жизни или здоровья (например, совершенное в отношении пропавшего преступление, несчастный случай, беспомощность, намерение покончить с собой) [6].

Заключение. Таким образом, система розыска пропавших без вести в США характеризуется децентрализацией, комбинацией федеральных и штатных мер, активным использованием баз данных и системы оповещения в случае безвестного исчезновения граждан. Особое внимание в США уделяется розыску пропавших детей, что обусловлено повышенной уязвимостью детей как категории населения и особенными требованиями их охраны и защиты со стороны государства. Организация розыска и рассмотрения дел о безвестном исчезновении в Германии представляет собой эффективную систему, основанную на четкой законодательной базе, профессиональной работе полиции и использовании современных технологий. Германия, в частности, демонстрирует внедрение в деятельность полиции по розыску без вести пропавших лиц передовых технологий (например, централизованную базу данных без вести пропавших лиц «Vermissten-Datei» в рамках «INPOL»).

Изученный зарубежный опыт позволяет сделать вывод о необходимости развития в Российской Федерации единой правовой концепции регулирования статуса пропавших без вести лиц, предусматривающей дифференцированный подход к различным категориям исчезнувших и усиление международного сотрудничества в этой сфере. Анализ зарубежного опыта, особенно систем оповещения в США («AMBER Alert» и «Silver Alert»), также указывает на целесообразность разработки и внедрения в России аналогичных механизмов оперативного информирования населения о безвестном исчезновении граждан, в особенности детей и пожилых людей. Это позволит значительно повысить эффективность розыска пропавших без вести лиц за счет оперативного вовлечения общественности в данный процесс.

Список литературы

1. Айгистов, О. В. Особенности организации розыска лиц без вести пропавших на примере УМВД России по Камчатскому краю / О. В. Айгистов // Академическая мысль. – 2019. – №4. – С. 50-54. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-rozyska-lits-bez-vesti-propavshih-na-primere-umvd-rossii-po-kamchatskomu-kraiu> (дата обращения: 01.10.2025).

2. Руководство по поиску пропавших людей. – Текст : электронный // Офис Генерального прокурора штата Вашингтон : официальный сайт. – 2024. – URL: https://agportal-s3bucket.s3.us-west-2.amazonaws.com/uploadedfiles/2024%20Missing%20Persons%20Toolkit%20V5_Russian_LoRes.pdf?VersionId=FY4eXRw8GQGiGoAlEcrhbbtUWFqfAaCA (дата обращения: 02.10.2025).
3. Сокол, В. Ю. Полицейский розыск в Германии / В. Ю. Сокол // Вестник КРУ МВД России. – 2009. – №1. – С. 136-141. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politseyskiy-rozysk-v-germanii> (дата обращения: 01.10.2025).
4. «Do you have to wait 24 hours before you can report a missing person?». – Текст : электронный // Skeptics Stack Exchange : официальный сайт. – 2012. – URL: <https://skeptics.stackexchange.com/questions/9732/do-you-have-to-wait-24-hours-before-you-can-report-a-missing-person>
5. About NamUs. – Текст : электронный // Правительство и Министерство юстиции США : официальный сайт – 2021 – URL: www.namus.gov (дата обращения: 02.10.2025).
6. Die polizeiliche Bearbeitung von Vermisstenfällen in Deutschland. – Текст : электронный // Федеральное ведомство уголовной полиции Германии : официальный сайт. – 2025. – URL: <https://www.bka.de/DE/UnsereAufgaben/Ermittlungsunterstuetzung/BearbeitungVermisstenfaelle/bearbeitungVermisstenfaelle.html?nn=30666#doc19618bodyText1> (дата обращения: 02.10.2025).
7. H.R.3092 - E. Clay Shaw, Jr. Missing Children's Assistance Reauthorization Act of 2013. – Текст : электронный // Официальная онлайн-база данных о законодательной деятельности Конгресса США : официальный сайт. – URL: <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/house-bill/3092/titles> (дата обращения: 02.10.2025).
8. U.S. Postal Service issues new stamp promoting social awareness. AMBER Alert postage stamp issued during National Missing Children's Day. – Текст : электронный // U. S. Postal Service : официальный сайт. – 2018. – URL: https://amberalert.ojp.gov/sites/g/files/xyckuh201/files/media/document/amber_stamp.pdf (дата обращения: 01.10.2025).

УДК 004.9

ПРОФАЙЛИНГ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Забержинский Б.Э., канд. техн. наук., доц., ORCID 0000-0002-5715-2289,
Суприна М.В.

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара, РФ
valp@mail.ru, sk7@mail.ru

Введение. Современное общество сталкивается с необходимостью эффективного и быстрого расследования преступлений на фоне роста объема цифровых данных и появления новых форм преступной активности. Профайлинг, как метод построения психологического портрета правонарушителя, приобретает новое измерение благодаря инструментам искусственного интеллекта. Машинное обучение, обработка

больших данных и нейросетевые анализаторы предоставляют специалистам по безопасности принципиально новые возможности для выявления скрытых закономерностей криминального поведения и ускорения раскрываемости сложных дел.

Актуальность темы обусловлена постоянным увеличением количества цифровых следов, которыми сопровождаются преступления, а также сложностью выявления новых схем мошенничества, организованной преступности и киберугроз. Искусственный интеллект становится незаменимым инструментом для правоохранительных органов, предлагая методы глубинного анализа личностных и поведенческих характеристик подозреваемых, что повышает точность составления профилей и эффективность следственных действий.

Цель данной работы – проанализировать методы и перспективы применения искусственного интеллекта в профайлинге преступлений, оценить его влияние на раскрываемость и качество следственной работы, определить возможные этические и правовые вызовы, связанные с использованием цифровых технологий в криминалистике.

Основная часть. Профайлинг преступлений традиционно основан на анализе поведенческих паттернов, личностных характеристик и обстоятельств совершения преступления, что требует обширной работы криминалистов и психологов. Однако растущий объем разнородных данных, а также сложность современных преступных схем требуют привлечения технологий искусственного интеллекта для поиска глубинных корреляций, которые недоступны для человеческой интуиции.

Современные алгоритмы машинного обучения способны обрабатывать массивы данных из различных источников: полицейских отчетов, камер наблюдения, цифровых следов, социальных сетей, геолокационных данных и финансовых операций. Объединяя эти разрозненные сведения, ИИ выявляет повторяющиеся поведенческие мотивы, аномальные действия, временные и пространственные закономерности, которые сложно обнаружить вручную. Например, системы прогнозирования рецидивов используют исторические данные о преступниках для оценки вероятности повторного нарушения закона, а алгоритмы, работающие с видеоаналитикой, позволяют в режиме реального времени выявлять подозрительное поведение в общественных местах. Интеллектуальные системы помогают формировать более точные гипотезы относительно пола, возраста, образовательного уровня, мотивации, психотипа и даже возможного круга общения подозреваемого.

Особое место занимает применение ИИ в раскрытии «белых воротничков» и киберпреступлений. Большинство таких правонарушений отличается высокой степенью организованности и конспирации, а вычисление ключевых участников группы зачастую требует сквозного анализа сетевых связей, паттернов коммуникации и специфики транзакций. Искусственный

интеллект, за счет поиска слабых корреляций и скрытых структур в данных, позволяет строить динамические модели поведения – например, выявлять лидеров преступных группировок или определять роль отдельных участников в цепочках преступных событий.

Новое измерение профайлинга связано с анализом текстов и речевых паттернов. Нейролингвистические алгоритмы обучаются на текстах переписок, электронных писем, контенте социальных сетей, позволяя распознавать признаки агрессии, угроз, депрессии, склонности к правонарушениям. Автоматические системы выявляют лингвистические маркеры, характерные для определённых психотипов и криминального опыта, а также оценивают эмоциональный фон, наличие манипулятивных стратегий или умысла на преступление.

Важный фактор успеха ИИ-профайлинга – качество и достоверность исходных данных. Большой проблемой остается неполнота или искажение информации, а также риск инкорпорации социальных и культурных стереотипов в обучение моделей. Алгоритмы, базирующиеся на исторических данных, могут неосознанно воспроизводить дискриминационные паттерны или адаптировать неверные корреляции, что требует серьезного контроля и многократной проверки корректности итоговых профилей. Для решения этой задачи всё чаще внедряются мультидисциплинарные команды, которые включают юристов, социологов, IT-специалистов и экспертов по правам человека.

Еще одной проблемой становится этичность применения искусственного интеллекта в криминалистике, особенно при автоматизации решений, затрагивающих судьбы людей. Вероятность ошибок или предвзятости в профиле может привести к ошибочной идентификации подозреваемых или ущемлению прав граждан в случае избыточного контроля. Поэтому одним из приоритетов является внедрение «прозрачных» алгоритмов – систем, объясняющих логику своих заключений и допускающих независимую экспертизу результатов. Только в условиях прозрачности и ответственности возможно сформировать доверие общества к использованию ИИ в правоохранительной деятельности.

Практические успехи внедрения ИИ-решений в профайлинг уже зафиксированы во многих странах. Данные свидетельствуют о снижении времени на раскрытие сложных дел, росте эффективности расследований организованных преступных групп, сокращении числа ошибочных арестов и увеличении количества предотвращённых правонарушений. Однако важно понимать, что искусственный интеллект – лишь инструмент в руках профессионального исследователя, требующий постоянного совершенствования, аудита и учёта человеческого фактора.

Обозначенная тенденция нарастает по мере совершенствования алгоритмов, расширения числа источников данных и роста вычислительных мощностей. В ближайшие годы можно ожидать появления более продвинутых систем – от автоматической генерации

психологических профилей до построения прогнозных моделей развития криминальных сетей в реальном времени. Особую актуальность приобретает поддержка межведомственного и международного сотрудничества для борьбы с глобальными киберугрозами и предотвращения трансграничной преступности.

Заключение. Профайлинг с применением искусственного интеллекта становится одним из эффективных инструментов современной криминалистики и расследования преступлений. Интеграция машинного обучения и анализа больших данных существенно расширяет возможности выявления сложных схем и индивидуальных особенностей подозреваемых, повышая уровень профилактики и раскрываемости преступлений. Однако развитие данной сферы требует постоянного обновления этических стандартов, прозрачности алгоритмов и аудита решений, чтобы сохранять баланс между эффективностью работы правоохранительных органов и защитой прав граждан.

Список литературы

1. Забержинский, Б. Э. Модель прогнозирования паттернов поведения индивида при обработке видеоизображений // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. – 2024. – № 4(68). – С. 68-74. – EDN EMNCPR.
2. Ахмадуллин, Ф. Р. Проблемы применения математических методов в социологических исследованиях // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. – 2024. – № 4(72). – С. 68-76. – EDN UBKQNM.
3. Ларкина А.А. Актуализация использования интеллектуальных методов поиска оптимальных маршрутов в логистике // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. – 2024. – № 4(72). – С. 178-186. – EDN SPRJMU.
4. Портнов, К. В. Использование генетических алгоритмов для решения задачи Марковица // Фундаментальные исследования. – 2025. – № 6. – С. 95-101. – DOI 10.17513/fr.43861. – EDN FLOTWC.
5. Забержинский, Б. Э. Разработка алгоритма модели машинного обучения для детектирования пневмоний на рентгенограммах // Экономика и качество систем связи. – 2024. – № 4(34). – С. 144-152. – EDN HHRQXG.
6. Портнов, К. В. Генетические алгоритмы и поиск эффективных порядков индикаторов в биржевой торговой стратегии на основе пересечения трех скользящих средних // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Технические науки. – 2005. – № 32. – С. 72-76. – EDN JWUXKZ.
7. Портнов, К. В. Анализ задачи оценки лояльности в деятельности компаний в сфере профессиональных услуг // Проблемы развития предприятий: теория и практика. – 2020. – № 1-2. – С. 241-244. – EDN HDSWOD.
8. Портнов, К. В. Разработка информационной системы на основе многофакторной логистической регрессии // Информационные технологии. Радиоэлектроника. Телекоммуникации. – 2012. – № 2-3. – С. 129-133. – EDN PEDEUX.
9. Фошин М.А. Синтез программного алгоритма и архитектуры приложения по автоматизированному сбору информации в сетевых агрегаторах // Экономика и качество систем связи. – 2024. – № 3(33). – С. 97-108. – EDN LKXEXG.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Карпенко Л.К., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0009-7036-2596,

Мноев В.В., ORCID 0009-0009-4074-2299

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

vladislavmnoev@mail.ru

Введение. Терроризм представляет собой одну из наиболее острых проблем современного общества, особенно, принимая во внимание участие молодежи в террористических актах. Так, согласно информации Национального антитеррористического комитета, в 2025 году доля молодежи, задержанной за террористические преступления в России, достигла 65% от общего числа [1]. Это обусловлено прежде всего тем, что представители данной возрастной категории легко поддаются влиянию со стороны участников антисоциальных движений, пропагандирующих свою деятельность в сети «Интернет». В этой связи, представляют интерес социально-психологические факторы, влияющие на вовлечение молодежи в террористическую деятельность.

Изучению данных факторов посвятили свои работы многие ученые, в числе которых: Е.Н. Бартахова И.С. Кон, М.А. Куцай, А.А. Рывков, Е. А. Сумина, В.М. Харзинова и др.

Цель исследования – определение социально-психологических факторов, влияющих на вовлечение молодежи в террористическую деятельность.

Основная часть. В научной литературе в качестве основных критериев содержания понятия «молодежь» указывают: возраст, медицинско-антропологические данные, юридический, психофизиологический факторы, социально-психологические особенности, противоречивость действий и взглядов, профессиональную ориентацию и др. Как отмечает И.С. Кон, наибольшее предпочтение исследователи отдают такому показателю, как возраст. Все остальные перечисленные критерии в большинстве случаев признаются второстепенными [2, с. 108].

На данный момент в Российской Федерации на государственном уровне закреплена норма, определяющая возрастной порог молодежи. Так, согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», к молодежи относятся молодые граждане – социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно [3]. Как указывает В.М. Харзинова, в этот жизненный период у молодежи вырабатываются определенное

самосознание и стиль жизни, которые зависят от воспитания и обучения [4, С. 112]. Представители органов федеральной службы безопасности отмечают, что именно молодые люди, в том числе подростки и несовершеннолетние, являются наиболее уязвимой категорией исходя из их повышенной внушаемости и неокрепшей психики [5]. Чаще всего так называемые «кураторы» связываются с ними через мессенджеры, предлагая инструкции по совершению противоправных действий взамен на вознаграждение либо иную выгоду.

В этой связи, показательным является случай, связанный с террористическими действиями молодых людей на территории Сахалинской области. В отношении одного из них возбуждено уголовное дело, и он признан виновным в совершении ряда террористических преступлений по ст. 205.3, ч. 2 ст. 205.4, ч. 2 ст. 205.5, ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ. Установлено, что несовершеннолетний с марта 2022 года по апрель 2024 года занимался созданием и ведением в мессенджере канала с пропагандой радикальной идеологии, прошел обучение обращению с взрывными устройствами и пытался применить знания на практике, собрав самодельное взрывное устройство. Однако его действия были пресечены сотрудниками региональных органов Федеральной службы безопасности [6].

Для повышения эффективности противодействия подобным преступлениям представляется целесообразным выявить, какие именно социально-психологические факторы влияют на вовлечение молодежи в террористическую деятельность. Прежде всего, стоит отметить, что в большинстве случаев имеет место их комплексное взаимодействие, так как в совокупности данные факторы приводят к формированию у молодежи позитивного отношения к террористической идеологии и готовности к участию в террористической деятельности.

Первым социально-психологическим фактором является семейное окружение и воспитание. Неблагополучные семейные отношения, отсутствие эмоциональной поддержки, конфликтные ситуации внутри семьи создают у молодых людей внутреннюю напряженность и чувство отчуждения, что повышает их уязвимость к радикальным идеологиям, в частности, экстремистского или террористического характера.

Вторым – социальная изоляция и радикализация молодежи, способствующие формированию у них чувства социальной несправедливости и безысходности. По мнению М.А. Куцай, данные негативные факторы появляются ввиду следующих причин: утрата у населения надежды на позитивные изменения своего социального статуса и материального положения в ближайшем будущем, порождающие потребность компенсировать психологический дискомфорт; осознание своего иллюзорного участия в общественной жизни; популяризация в средствах массовой информации насилия и жестокости; решение личных, групповых, общественных проблем силовыми методами [7, с. 32].

Третьим – психологические особенности представителей данной возрастной группы, такие как высокая эмоциональная впечатлительность, склонность к риску, потребность в значимых целях и идеалах, которые делают молодых людей особенно восприимчивыми к манипуляциям со стороны лидеров террористических организаций.

Четвертый – материальная выгода. Довольно часто причинами совершения террористических преступлений подростками и молодыми людьми являются обещания финансовой поддержки, обеспечение социальных льгот, возможность быстрого заработка и материальной стабильности.

Заключение. Таким образом, вовлечение молодежи в террористическую деятельность представляет собой процесс, влияние на который оказывает множество различных социально-психологических факторов. Для эффективной борьбы с данной проблемой представляется целесообразным использовать комплексный подход, включающий не только силовые меры, но и работу по укреплению семейных и социальных институтов, а также разработку образовательных программ, направленных на развитие критического мышления и устойчивости к пропаганде насилия.

Список литературы

1. НАК раскрыл роль молодежи в терактах в России // Lenta.ru. – URL: <https://lenta.ru/news/2025/08/12/nak-raskryl-rol-molodezhi-v-teraktah-v-rossii/> (дата обращения: 29.09.2025). - Текст : электронный.
2. Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. – М.: Политиздат, 1984. – 335 с.
3. Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения: 29.09.2025)
4. Харзинова В.М. Социально-психологическая характеристика молодежи и причины ее становления объектом вовлечения в экстремистские и террористические группы // Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – С. 112-115.
5. В ФСБ сообщили о склоняющих к преступлениям подростков в мессенджерах украинских спецслужбах // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2025/09/22/26785592.shtml> (дата обращения: 24.09.2025). – Текст : электронный.
6. СК заявил о пресечении террористической деятельности трех подростков // Радио РБК – URL: <https://www.rbc.ru/society/26/08/2025/68ad59ec9a79478a185df43d> (дата обращения: 24.09.2025). - Текст : электронный.
7. Экстремизм как угроза национальной безопасности России. Деятельность МВД России по противодействию экстремизму: учеб. пособие / сост. М.А. Куца; Дальневосточный юрид. ин-т МВД России. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2017. – 40 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ЗАНЯТИЯ ПРОСТИТУЦИЕЙ В DARKNET

Карпенко Л.К., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0009-7036-2596,

Солоненко К.М., ORCID 0009-0008-2348-1771

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

Sol-kriis@mail.ru

Введение. Современная наука уголовного права сталкивается с новыми вызовами, обусловленными развитием технологий и, в том числе, совершением отдельных преступлений в цифровом пространстве. Одним из таких преступлений является организация занятия проституцией посредством использования информационных технологий. Вследствие высокой степени анонимности, масштабности распространения и сложности выявления участников преступных схем, вопрос о легитимных правовых мерах противодействия такого вида преступности приобретает особую значимость.

Актуальность темы исследования обусловлена ростом числа преступлений, связанных с оказанием платных сексуальных услуг посредством использования теневых сегментов сети Интернет. По состоянию на сентябрь 2025 года Российская Федерация занимает первое место среди стран по количеству активных потребителей цифровой проституции в сети Darknet – около 9982 пользователей в сутки (21,80 % от мирового числа) [1].

Цель исследования – определить проблемы и предложить пути совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации в части привлечения лиц к ответственности за организацию занятия проституцией с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей.

Основная часть. Первые нормативные акты, закрепившие ответственность за организацию занятия проституцией, появились в Уложении о наказаниях 1845 года, предусматривавшем арест за «обращение непотребства в ремесло» [2]. Постепенно законодательство развивалось: УК РСФСР 1926 годов закреплял ответственность за принуждение к занятию проституцией, сводничество, содержание притонов разврата, а также вербовку женщин для проституции (ст. 155) [3]. УК РСФСР 1960 года и последующие нормативные акты криминализировали содержание притонов и понуждение несовершеннолетних к оказанию сексуальных услуг (ст.ст. 210, 226) [4], а УК РФ была установлена уголовная ответственность за вовлечение в занятие проституцией, получение сексуальных услуг несовершеннолетнего и организацию занятия проституцией (ст.ст. 240-241) [5].

Проституция представляет собой систематическое или периодическое вступление в внебрачные сексуальные контакты за материальное вознаграждение с намерением повторять такие действия с различными лицами, а также предложение себя для таких контактов с этим же намерением [6, с. 47]. Согласно положениям юридической доктрины и ст. 241 УК РФ, проституция предполагает оказание сексуальных услуг лично – при физическом контакте. Вместе с тем, законодательно данная трактовка является устаревшей и узкой, поскольку предполагает исключительно физическое взаимодействие, не отражая современных способов осуществления рассматриваемой преступной деятельности.

Постепенно, отмечает И. С. Алихаджиев, сфера проституции значительно расширяется в результате применения онлайн-форм занятия такой деятельностью (веб-трансляции и онлайн-видеочаты), в которых отсутствует физический контакт между исполнителем и клиентом [7, с. 180]. Данная деятельность предполагает создание и использование специализированных платформ сетей Интернет и Darknet, цифровых каналов, веб-сайтов, анонимных мессенджеров и социальных сетей для распространения сведений о предоставляемых интимных услугах. В перечисленных случаях деятельность организаторов действительно приобретает признаки систематической и возмездной, при этом соответствуя признакам, закрепленным в ст. 241 УК РФ. Вместе с тем, отсутствие такого квалифицирующего признака, как «организация занятия проституцией, совершенная с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)», создает сложности правоприменения, поскольку ст. 241 УК РФ охватывает только офлайн-деятельность.

Анализ положений УК РФ, закрепляющих ответственность за совершение преступлений с использованием информационных технологий (ст.ст. 272, 273), свидетельствует о невозможности применения их санкций за организацию занятия проституции в цифровом пространстве, поскольку они не охватывают специфику данной преступной деятельности.

Проблема заключается и в том, что в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации организация занятия проституцией с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей зачастую квалифицируется как нарушение правил распространения информации. В этой связи возникает необходимость внесения в ст. 241 УК РФ изменений, предусматривающих ответственность за организацию занятия проституцией с использованием средств массовой информации и/или сети Интернет.

Заключение. Анализ преступных тенденций свидетельствует о необходимости совершенствования уголовного законодательства

Российской Федерации в части введения ответственности за организацию занятия проституцией с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

Под организацией занятия проституцией с использованием информационно-коммуникационных технологий следует понимать умышленную деятельность, направленную на создание, администрирование, поддержание и систематическое использование информационно-телекоммуникационных сетей (Интернет и Darknet), средств массовой информации, электронных площадок и иных цифровых каналов, с целью вовлечения других лиц в занятие проституцией, получения дохода от этой деятельности, а также обеспечения связи между лицами, занимающимися проституцией, и их клиентами, вне зависимости от наличия физического контакта между ними.

Ввиду невозможности, на сегодняшний день, пресечения деятельности по организации занятия проституции в цифровом пространстве на территории Российской Федерации, представляется необходимым дополнить ч. 2 ст. 241 УК РФ п. «г», изложив в следующей редакции:

«г) с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)).».

Список литературы

1. Dark Web Statistics (2025) // Soocial.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.soocial.com/dark-web-statistics/> (дата обращения: 09.09.2025). – Загл. с экрана.
2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: утверждено императором Николаем I 15 августа 1845 года // Официальный Интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?> (дата обращения: 09.09.2025). – Загл. с экрана.
3. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года // «Собрание узаконений РСФСР». – 1926. – № 80. – Ст. 155.
4. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // «Ведомости Верховного Совета РСФСР». – 1960. – № 40. – Ст.ст. 210, 226.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // «Собрание законодательства РФ». – 17.06.1996. – № 25. – Ст.ст. 240-241.
6. Герасимов, Н. В. Определение проституции в уголовном праве России / Н. В. Герасимов // Вестник ВУиТ. – 2010. – № 72. – С. 41-48.
8. Алихаджиева, И. С. Организация занятия элитной проституцией в сети Интернет / И. С. Алихаджиева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2018. – Т. 8, № 4 (29). – С. 179-185. – EDN VOWODU.

АНАЛИЗ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Карягина О.В., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0006-6478-4643

ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики»,

г. Таганрог, Ростовская обл., РФ

o.karyagina@tmei.ru

Необходимость определения объекта преступления является важным вопросом функционирования уголовно-правовой сферы. Объект преступления определяется необходимостью охраны той или иной сферы общественной жизни. Закрепляется объект преступления путем включения описания нарушения в диспозицию уголовно-правовой нормы Особенной части УК РФ.

В уголовно-правовой литературе встречаются разные взгляды, что, по нашему мнению, основано на различных подходах к пониманию объекта, которому причиняется вред в результате совершения преступления. Между тем, значение правильного понимания объекта рассматриваемого преступления достаточно велико, поскольку от его толкования зависит правильная квалификация преступления, и соответственно, назначение справедливого наказания виновному лицу. Также в зависимости от объекта разграничивается состав смежных преступлений, а также преступления отграничиваются от иных правонарушений, за которые не предусмотрена уголовная ответственность.

Кроме того, следует согласиться с тем, что правильное определение объекта преступления влечет верное определения характера и степени общественной опасности деяния, что также необходимо устанавливать для соблюдения принципа индивидуализации наказания [1].

Из анализа научных источников следует, что имеется три наиболее распространенных подхода к пониманию объекта преступления, при этом таким подходом соответствует и толкование объекта исследуемых преступлений. Так, в соответствии с первой позицией, объект преступления следует определять через потерпевшего, то есть, объектом называют лицо, в отношении которого совершается преступление, и ценности которого, имеющие материальный или нематериальный характер, подвергаются воздействию со стороны лица, которым совершается преступление.

С таким подходом мы не можем согласиться, поскольку в этом случае объект преступления, по сути, отождествляется с потерпевшим от преступления. В рассматриваемом аспекте объект нельзя отождествлять с лицом, в отношении которого преступление совершено. Кроме того, некоторые преступления предполагают вовсе отсутствие потерпевшего. Кроме того, следуя изложенному подходу, сложно будет отграничить преступления экстремистской направленности от других преступлений, которые имеют схожий состав.

Другая распространенная точка зрения основана на том, что объектом преступления выступает определенное благо или законный интерес лица. Такой подход также нельзя считать верным, поскольку рассматриваемые преступления не всегда предполагают совершение действий виновным лицом с применением насилия.

Третья распространенная позиция основана на том, что объект преступления следует определять через общественные отношения, на которые посягает лицо, совершающее преступное деяние. Уголовное право направлено не только на охрану конкретного лица, то есть, не на то, чтобы подвергнуть наказанию лицо, совершившее конкретное преступление. Цель уголовно-правовой охраны состоит и в выполнении превентивных функций, то есть, в предотвращении совершения преступлений в будущем как этим лицом, так и другими лицами. Кроме того, уголовное право, как и другие правовые отрасли, направлено в целом на охрану определенных отношений.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что объектом рассматриваемых преступлений являются общественные отношения, которым предоставлена уголовно-правовая охрана, то есть, законодатель предусматривает уголовное наказание за причинение вреда этим отношениям при совершении преступления.

В соответствии с подходом уголовно-правовой доктрины выделяется родовая, видовой и непосредственный объект преступления, такое деление основано на структуре УК РФ, и выделяет разделы, главы и нормы Особенной части УК РФ. Родовым, как наиболее общим, объектом преступлений экстремистской направленности, исходя из названия раздела X УК РФ выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность государства и незыблемость основ конституционного строя, а также публичные интересы.

Видовой объект преступления является более узким по отношению к родовому, вывод о нем делается со ссылкой на наименование главы, в которую включено преступление. В данном случае, исходя из включения исследуемых деяний в главу 29 УК РФ, видовой объект составляет общественные отношения, направленные на обеспечение стабильности и неприкосновенности безопасности государства и основ конституционного строя.

Вопрос о непосредственном объекте преступлений экстремистской направленности остается дискуссионным до настоящего времени. Дело в том, что рассматриваемые преступления не определены в качестве таковых в УК РФ. Как правило, преступление считается преступлением экстремистской направленности в том случае, когда присутствует соответствующий мотив его совершения.

Например, Д.И. Леншин считает, что экстремистский характер деяний присутствует в квалифицированной форме ряда преступлений, например, убийство, вандализм и др. Поэтому непосредственным объектом соответствующих преступлений следует считать жизнь и здоровье, а также

физическое благополучие конкретного лица. Однако не все преступления экстремистской направленности равны, часть из них объектом посягательства имеют общественную безопасность и порядок [2].

Схожей точки зрения придерживается и А.А. Турышев, который разделяет рассматриваемые преступные деяния на две группы, каждая из которых имеет общий объект. В первую группу названный автор включает составы, которые предусматривают непосредственно совершение деяний, относимы уголовным законом к экстремистским. Статьи, устанавливающие ответственность за эти деяния, включены в главу 29 УК РФ. Во вторую группу автор включает преступления, статьи об ответственности за которые закрепляют экстремистскую направленность в качестве квалифицирующего признака.

В уголовно-правовой литературе присутствует и такой подход, в соответствии с которым непосредственным объектом рассматриваемых преступлений являются нормальные отношения различных групп лиц вне зависимости от тех или иных признаков этих групп, и запрет на провоцирование ненависти по дискриминационным признакам, закрепленной на конституционном уровне [3].

Также некоторые исследователи полагают необходимым включить преступления экстремистской направленности в число преступлений, направленных на нарушение общественного спокойствия, так как они не всегда направлены на безопасность государства либо на конституционный строй. В большей степени такие деяния нарушают общественное спокойствие.

Таким образом, в юридической литературе отсутствует единое мнение относительно объекта преступлений экстремистской направленности. Представляется, что такое положение связано с отсутствием единообразного понимания терминов, которые положены в основу объекта рассматриваемой группы преступлений, например, термина «общественная безопасность». Большинство авторов все же признается, что объектом преступлений экстремистской направленности является общественная безопасность [4]. Данным понятием определяется состояние защищенности не только отдельной личности и общества, но и всего государства от угроз различного характера.

Список литературы

1. Корепанова Е.А. К вопросу об объекте преступления // Пермский юридический альманах. – 2018. – № 1. – С. 439-444.
2. Леньшин Д.И. К вопросу о классификации преступлений экстремистской направленности // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 7 (26). – С. 65.
3. Выстропов В.Г. Преступления экстремистской направленности как объект правового и криминалистического анализа // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – № 3-2. – 2017. – С. 82-89.
4. Ильичев И.Е., Богмацера Э.В. Общественная безопасность и безопасность общества: соотношение понятий // Проблемы правоохранительной деятельности. – № 1. – 2018. – С. 11-19.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Колосова В.А., канд. пед. наук, доц., ORCID 0000-0001-9223-1890

Арзамасский гуманитарно-педагогический институт им. А.П. Гайдара – филиал
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского», г.о.г. Арзамас, Нижегородская обл., РФ
vakolosova@gmail.com

Введение. Вызывает озабоченность рост числа преступлений, совершаемых лицами, не достигшими нижней возрастной границы несовершеннолетия – 14 лет, за которой наступает уголовная ответственность.

Основная часть. В современном мире преступность несовершеннолетних является ключевой проблемой. Причин возникновения преступности среди несовершеннолетних очень много. Также выделяют факторы ее возникновения, например, недостаточное правовое и патриотическое воспитание, криминогенные ситуации в стране, несовершенство систем, направленных на профилактику и противодействие преступности среди юных граждан Российской Федерации. По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» за январь – июнь 2025 года было выявлено 10484 [3] несовершеннолетних лиц, которыми были совершены преступления. Также выявляется рост числа преступлений, совершенных несовершеннолетними достигшие 14-летнего возраста. Согласно ч.2 статьи 20 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее – УК РФ) «лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста, подлежат уголовной ответственности» [1] за некоторые виды преступлений. Меры наказания, которые применяются к несовершеннолетним, должны быть более мягкими, чем у взрослых. Таким образом, особенности уголовной ответственности несовершеннолетних возникают в связи с возрастом и вменяемостью. Как указано в ч.1 статьи 87 УК РФ «несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет». Согласно п.5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» «лицо считается достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не в день рождения, а по его истечении, т.е. с нуля часов следующих суток» [2]. Лицо, не достигшее 14-летнего возраста, не может осознавать значение и смысл, совершаемых действий, не может быть привлечено к уголовной ответственности. Возрастные ограничения

устанавливаются государством в зависимости от эмоционального, духовного воспитания несовершеннолетних. В соответствии с законодательством, несовершеннолетние, достигшее 14-летнего возраста, могут быть привлечены к уголовной ответственности за тяжкие преступления, а несовершеннолетние, достигшее 16-летнего возраста, могут быть привлечены к уголовной ответственности за любые преступления. Несовершеннолетним должны назначаться меры уголовной ответственности с учетом принципов гуманизма и справедливости. Чтобы назначить несовершеннолетнему наказание, необходимо определить обстановку и условия, в которых он проживает, степень воспитания ребенка, его интеллектуальные возможности, а также способность осознавать свои противоправные действия (или бездействия). Если несовершеннолетний, достигший 14-летнего возраста, совершил преступление по неосторожности, но оно не привело к гибели людей и причинению тяжкого вреда здоровью, то уголовная ответственность за неосторожные преступления не применяется, если данное деяние не с подвигло приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (статья 267 УК РФ). Какие-либо специальные виды наказания для несовершеннолетних не предусмотрены. Также законодатель не применяет к несовершеннолетним более жесткие меры – это смертная казнь и пожизненное лишение свободы. К несовершеннолетнему не могут быть применены такие наказания, как лишение права занимать определенные должности, лишение званий и наград, конфискация имущества, ограничение свободы и наказания, применяемые к военнослужащим. Согласно ч.1 статьи 88 УК РФ «видами наказаний, назначаемых несовершеннолетним, являются: а) штраф; б) лишение права заниматься определенной деятельностью; в) обязательные работы; г) исправительные работы; д) ограничение свободы; е) лишение свободы на определенный срок» [1]. Проблемы возникают, когда несовершеннолетнему назначается наказание в виде штрафа. Несовершеннолетний не имеет заработка и не может сам за себя его оплатить. Штраф за него могут заплатить его родители (законные представители) или опекуны. Размер штрафа варьируется от 10 тысяч рублей до 50 тысяч рублей и не может быть больше дохода за период шести месяцев. Длительность обязательных работ, которые назначены несовершеннолетним, ограничена. Как указано в ч.3 статьи 88 УК РФ «обязательные работы назначаются на срок от сорока до ста шестидесяти часов, заключаются в выполнении работ, посильных для несовершеннолетнего, и исполняются им в свободное от учебы или основной работы время. Продолжительность исполнения данного вида наказания лицами в возрасте до пятнадцати лет не может превышать двух часов в день, а лицами в возрасте от пятнадцати до шестнадцати лет - трех часов в день» [1]. Можно выделить следующие особенности данного вида наказания: 1. срок наказания сокращен в отличие от взрослых; 2. законодатель изменяет продолжительность исполнения наказания в зависимости от возраста

несовершеннолетнего. Исправительные работы назначаются несовершеннолетним, которые могут трудиться без изоляции от общества. Что может стать фактором исправления несовершеннолетнего. Исправительные работы могут быть назначены несовершеннолетнему на срок не более одного года. Согласно ч.5 статьи 8 УК РФ «ограничение свободы назначается несовершеннолетним осужденным в виде основного наказания на срок от двух месяцев до двух лет» [1]. Несовершеннолетние в возрасте до 16 лет могут быть осуждены на срок не более 6 лет, остальные на срок не более 10 лет за особо тяжкие преступления. Отбывают наказание несовершеннолетние в воспитательных колониях. Несовершеннолетние могут быть освобождены от уголовной ответственности, но им могут быть назначены принудительные меры воспитательного характера, которые поспособствуют их исправлению. Несовершеннолетнему может быть назначено несколько принудительных мер воспитательного воздействия одновременно. Также несовершеннолетнего могут отправить в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Такие учреждения являются видом освобождения от уголовной ответственности. В них создаются комфортные условия для обучения и перевоспитания. Согласно ч.2 статьи 90 УК РФ «Несовершеннолетнему могут быть назначены следующие принудительные меры воспитательного воздействия: а) предупреждение; б) передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; в) возложение обязанности загладить причиненный вред; г) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего» [1]. Если несовершеннолетний не выполняет меры воспитательного характера, то специализированные органы отменяют их на основании представления и уголовное дело отправляется на новое рассмотрение.

Заключение. Подводя итог, можно сделать вывод о том, что уголовная ответственность несовершеннолетних является особой категорией уголовного права.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : : текст с изменениями и дополнениями на 02.10.2024 : принят Государственной Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. // КонсультантПлюс : справочная правовая система : сайт. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения : 06.08.2025).
2. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 4 // КонсультантПлюс : справочная правовая система : сайт. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (дата обращения : 06.08.2025).
3. Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 06.08.2025).

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Корниенко С.В., SPIN-код 9729-2720

Луганский филиал ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства
внутренних дел Российской Федерации», г. Луганск, РФ
lugvrnin@mvd.ru

В современных условиях существования российского государства перед обществом и законодателем остро стоит проблема подростковой преступности. Факторов, влияющих на ее возникновение, бесчисленное множество: от недостатков в воспитании каждого конкретного ребенка до глобальных социальных, экономических и политических процессов. Ответом государства на противоправное деяние является уголовная ответственность.

Общество, как известно, представляет собой неопределенную совокупность людей, а скорее механизм, согласно которому осуществляется регулирование возникающих между людьми отношений.

Мораль, являя собой представление о добре и зле, справедливом и несправедливом, по своей сути лежит в основе правового регулирования. Необходимо отметить, что ответственность за воспитание и обучение несовершеннолетних лежит в основе международно - правовых актов, федерального законодательства.

Таким образом, родители и педагоги с детства разъясняют несовершеннолетнему последствия, к которым приводят те или иные поступки. К определенному возрасту у несовершеннолетних имеется определенный жизненный опыт, представления о морали, что позволяет им соотносить свои действия с общепринятыми в обществе нормами.

Статья 67.1 Конституции Российской Федерации провозгласила, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики в России. Учитывая, что дети являются будущим любого государства, фактором, определяющим его дальнейшее социально-экономическое развитие, перед государством стоит задача обеспечить благополучие несовершеннолетних.

Наказание в уголовном праве — это мера государственного принуждения, назначаемая виновному лицу за совершение преступления. Его целью является восстановление правопорядка, нанесение ущерба обществу и предотвращение совершения новых преступлений.

Уголовная ответственность несовершеннолетних по своей сути должна иметь воспитательную направленность, значительный исправительный потенциал.

Назначение наказания несовершеннолетнему лицу имеет свои особенности по сравнению с назначением наказания взрослому. Вот некоторые из них:

— Возраст. Возраст несовершеннолетнего лица является одним из ключевых факторов, учитываемых при назначении наказания. Суд будет учитывать психологическую зрелость и возможность понимания последствий своих действий.

— Цель воспитания и реабилитации. Основная цель наказания несовершеннолетнего состоит в его воспитании, реабилитации и предупреждении повторных преступных действий. Некоторые виды наказаний могут быть направлены на воспитание дисциплины, ответственности и социальной адаптации.

— Психологические и педагогические условия. Несовершеннолетние лица, находящиеся под наказанием, обычно размещаются в специализированных учреждениях или специальных отделениях. Здесь им предоставляются психологическая и педагогическая помощь, обеспечивающая их развитие, восстановление и подготовку к возвращению в общество.

— Учет интересов ребенка. При назначении наказания учитываются интересы ребенка и его благополучие. Это означает, что назначаемое наказание должно быть пропорциональным совершенному преступлению и не причинять ребенку неправомерные или излишние страдания.

— Индивидуальный подход. При назначении наказания несовершеннолетним лицам применяется индивидуальный подход. Это означает, что суд учитывает личность, поведение и обстоятельства конкретного ребенка и при необходимости может применять индивидуальные меры и варианты наказания.

— Совместность с образованием. Несовершеннолетним лицам, находящимся под наказанием, обычно обеспечивается возможность получить образование или профессиональное обучение. Это помогает им вернуться к нормальной жизни после отбытия наказания.

Криминологическая характеристика несовершеннолетних преступников показывает, что они часто выступают в роли жертв социальных обстоятельств, таких как неблагополучие в семье, отсутствие родительского контроля или низкий уровень образования. Это требует от системы определенных корректирующих мер и подходов.

Особенности назначения наказания несовершеннолетнему лицу также оказывают влияние на реализацию уголовной ответственности. Суды должны учитывать возраст и психологические особенности несовершеннолетнего, чтобы наказание было адаптировано к его потребностям и способности к реабилитации.

Необходимо согласиться с Зайко Т.М., которой отмечено, что «при ослаблении воздействия семьи на подростков, значительное влияние оказывает уличное окружение, которое становится той средой, в которой несовершеннолетние получают основы такого поведения, которому они хотят подражать» [1, с. 51].

Характеристика уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, назначаемых несовершеннолетним лицам также является важным аспектом. Эти наказания должны быть образовательными и реабилитационными, способствовать социализации и предотвращению повторных преступлений. Однако, необходимо уделить внимание контролю и эффективности этих наказаний, чтобы они действительно служили целям ресоциализации и не приводили к новым проблемам.

Например, при наличии склонности к творчеству, целесообразно обязать несовершеннолетнего посещать тематические мероприятия.

Обеспечение занятости несовершеннолетних, как известно, является одной из наиболее эффективных мер по профилактике безнадзорности и беспризорности. Следовательно, дознаватель, прокурор, суд, оценивая доказательства, исходят из их юридической оценки, в то время как для применения мер воспитательного воздействия, необходимо заключение психолога, которое позволило бы оценить возможность исправления несовершеннолетнего, степень его раскаяния.

Важно отметить, что наказание несовершеннолетнего лица должно иметь воспитательный и реабилитационный характер, а не быть только средством оплаты за проступок. Оно должно ориентироваться к возврату ребенка, становиться на путь закона и предупреждению последующих правонарушений.

Список литературы

1. Зайко Т. М. О системе профилактики правонарушений несовершеннолетних // Российское право: Образование. Практика. Наука. – 2017. – № 1 (97). – С. 51–53.
2. Малков В.Д. Криминология: учебник для вузов / В.Д. Малков. – М. – 2006. – 337с.
3. Прилуцкая Е.В. Актуальные проблемы назначения наказаний в отношении несовершеннолетних / Е.В. Прилуцкая // Столыпинский вестник. – Т. 5, № 1. – 2023. – С. 470-479.
4. Сафина Л.Ю. Общие аспекты уголовной ответственности несовершеннолетних. – 2021. – С. 51-52.

УДК 347.963

ПРЕДМЕТ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ СУДАМИ ВНЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Коришунова О.Н., д-р юрид. наук, проф.

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) ФГКОУ ВО «Университет
прокуратуры Российской Федерации», г. Санкт-Петербург, РФ

olga_korshunova1@mail.ru

Введение. Современный этап развития Российского государства характеризуется серьезными преобразованиями в политической и экономической жизни общества, расширением полномочий прокурора по

защите прав граждан, интересов общества и государства вне уголовно-правовой сферы. Происходящие изменения обуславливают необходимость совершенствования средств и методов обеспечения наиболее эффективной реализации полномочий прокурора для решения задач, стоящих перед российской прокуратурой сегодня.

Представляется очевидным, что такое совершенствование должно осуществляться с общих позиций и обеспечивать достижение общей цели. Принимая во внимание, что Конституция РФ закрепила общий порядок судебной защиты прав и свобод человека, законных интересов общества и государства, в том числе, в различных видах внеуголовного судопроизводства, роль прокурора в рассмотрении таких дел только возрастает [1–3].

Целями данного исследования является обоснование возможности и целесообразности использования единых подходов к определению предмета деятельности прокурора, связанной с его участием в рассмотрении административных, гражданских и арбитражных дел судами.

Основная часть. Формируя подходы к определению содержания понятия «предмет деятельности» прокурора применительно к его участию в рассмотрении дел судами, следует руководствоваться положениями Федерального закона о прокуратуре РФ¹ (далее – Закона о прокуратуре). Прежде всего, положениями п. 3 ст. 1; п.п. 1 и 4 ст. 35 Закона о прокуратуре, согласно которым прокурор участвует в рассмотрении дел судами в тех случаях, которые предусмотрены процессуальным законодательством, и, реализуя полномочия, которые также определяются соответствующим процессуальным законодательством. Одновременно, исходя из принципа единства организации и деятельности органов прокуратуры, а также принципа законности², при осуществлении деятельности прокуроры должны руководствоваться положениями процессуального законодательства для достижения, с одной стороны, целей, стоящих перед органами прокуратуры, а с другой – целей соответствующего вида судопроизводства. При этом видится, что предмет деятельности прокурора, участвующего в рассмотрении дел судами, должен выступать в определенной мере категорией производной от категории предмета доказывания. В литературе вопросы участия прокурора в рассмотрении дел судами неоднократно становились предметом исследования [4–7 и др.]. Однако, представляется преждевременным констатировать, что использование понятия «предмет деятельности» применительно к ненадзорным направлениям деятельности органов прокуратуры (прокуроров) стало столь же традиционным, как и «предмет надзора» – для направлений надзорного характера.

¹ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (актуальная редакция) // СЗ РФ, 20.11.1995, N 47, ст. 4472.

² Там же. Ст. 4.

Это тем более понятно, что результаты детального анализа реализованных на современном этапе подходов свидетельствуют об отсутствии единства в процессуальном законодательстве. В уголовном судопроизводстве понятие «предмет доказывания» раскрывается в статье 73 УПК РФ путем перечисления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Однако такой подход не реализован применительно к иным (внеуголовным) видам судопроизводства. Так, в гражданском судопроизводстве речь идет об обстоятельствах, на которые ссылается каждая из сторон и которые она должна доказать. При этом суд определяет, какие именно обстоятельства должна доказать каждая из сторон³. В целом аналогичен подход в административном⁴ и арбитражном⁵ судопроизводстве: лица, участвующие в деле, также обязаны доказывать те обстоятельства, на которые они ссылаются как на основания своих требований или возражений, а перечень таких обстоятельств определяется также судом.

При этом Верховный суд РФ использует понятие «предмет доказывания» применительно не только к уголовному, но и, например, к гражданскому судопроизводству.⁶ Что подтверждает целесообразность формирования хотя бы в общем виде единой парадигмы определения перечня обстоятельств, которые должны быть доказаны в том или ином виде внеуголовного судопроизводства.

В целях формирования единой правоприменительной практики по делам определенной категории, подлежащих рассмотрению в рамках соответствующего вида внеуголовного судопроизводства, представляется возможным и целесообразным не только использовать понятие «предмет деятельности прокурора», содержание которого было бы определено применительно к каждому виду внеуголовного судопроизводства, но и сформулировать правила, в соответствии с которыми указанный предмет деятельности соотносился бы с понятием «предмет доказывания».

Заключение. Результаты проведенного исследования позволили обосновать вывод о необходимости разработки единых подходов к определению понятия «предмет деятельности прокурора» применительно к каждому из внеуголовных судопроизводств с точки зрения целесообразности позиции, согласно которой основу содержания анализируемого понятия должен составлять перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, сформированный, исходя из общих целей соответствующего вида

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (актуальная ред.) // СЗ РФ, 18.11.2002, N 46, ст. 4532. Ст. 56 ГПК РФ.

⁴ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (актуальная ред.) // СЗ РФ, 09.03.2015, N 10, ст. 1391. Ст. 62 КАС РФ.

⁵ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (актуальная ред.) // СЗ РФ, 29.07.2002, N 30, ст. 3012. Ст. 65 АПК РФ.

⁶ "Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2015)" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015) (ред. от 28.03.2018).

внеуголовного судопроизводства, с учетом особенностей доказывания по той или иной категории дел, принимая во внимание установленные внеуголовным процессуальным законодательством обстоятельств, которые могут послужить основанием для пересмотра, как невступивших, так и вступивших в законную силу судебных решений.

Список литературы

1. Актуальные проблемы прокурорской деятельности : курс лекций / Б. В. Коробейников, В. Г. Бессарабов, А. Ю. Винокуров [и др.] ; под ред. О. С. Капинус. – Москва : Проспект, 2022. – 224 с.
2. Винокуров, А. Ю. Участие прокурора в арбитражном процессе, гражданском и административном судопроизводстве : учебник для вузов / А. Ю. Винокуров. – 17-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 105 с. – Текст : непосредственный.
3. Участие прокурора в гражданском, административном и арбитражном судопроизводстве : учебное пособие для обучающихся по программам дополнительного профессионального образования / О. Н. Коршунова, Н. А. Васильчикова, И. И. Головки, М. Ю. Порохов ; под ред. Н. А. Васильчиковой. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. – 63, [1] с. – (Правоприменение: теория и практика).
4. Воробьев, Т. Н. Теоретические и практические проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве : специальность 12.00.15 «гражданский процесс; арбитражный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Воробьев Темур Николаевич ; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».. – Саратов, 2019. – 27 с. – Текст : непосредственный.
5. Гаврилова, М. Н. Участие прокурора в рассмотрении судом вопросов о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) : специальность 12.00.09 «уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гаврилова Марина Николаевна ; ФГКОУ ВО "Университет прокуратуры Российской Федерации". – Москва, 2019. – 206 с. – Текст : непосредственный.
6. Проблемы реализации полномочий прокурора в гражданском, административном и арбитражном процессе: сб. материалов круглого стола (Москва, 26 октября 2018 г.) / под общ. ред. Н.В. Субановой; сост. и науч. ред. М.В. Маматов, О.В. Боброва; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2019. – 161 с.
7. Коршунова, О. Н. Предмет деятельности прокурора – новая категория или необходимость / О. Н. Коршунова, И. И. Головки. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 423. – С. 207-218.

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ КАК ФОРМЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И СОЦИАЛЬНОЙ РЕАКЦИИ НА НЕЕ

Латышев О.Ю., д-р филос. и филол., канд. филол. наук,
ORCID 0000-0002-6164-0015

Международная Мариинская академия имени М.Д. Шаповаленко, г. Москва, РФ
para888@list.ru

Введение. Совершаемые несовершеннолетними преступления и правонарушения следует назвать наиболее распространенными, и наносимый ими суммарный экономический ущерб представляется возможным сопоставить с ущербом, возникающим в результате многих опасных преступлений, совершаемых взрослыми. Методологическая основа работы: в основу данного исследования положены работы таких авторов, как С. А. Авакьян, С. С. Алексеев, М. В. Баглай, Б. Т. Базылев, М. И. Байтин, С. Н. Братусь, Г. А. Гаджиев, В. М. Горшенев, О. С. Иоффе, И. И. Карпец, Д. А. Керимов, В. М. Корельский, В. Н. Кудрявцев, О. Э. Лейст, Н. С. Малейн, А. В. Малько, Н. И. Матузов, П. Е. Недбайло, В. С. Нерсисянц, И. С. Ной, С. В. Поленина, В. Н. Протасов, И. А. Ребане, И. С. Самощенко, М. С. Строгович, В. А. Тархов, Б. Н. Топорнин, М. Х. Фарукшин, Ф. Н. Фаткуллин, Н. И. Химичева, М. Д. Шаргородский, Б. С. Эбзеев, Л. С. Явич и другие.

Цель. Изучить особенности криминальной активности как формы девиантного поведения несовершеннолетних и социальной реакции на нее.

Основная часть. Криминальная активность несовершеннолетних на данный момент воспринимается как относительно устойчивая и достаточно широко распространенная форма девиантного поведения, достигшая степени неотвратимой и всеохватной общественной опасности. С точки зрения многочисленных представителей социальных наук криминальная активность несовершеннолетних может рассматриваться в качестве социального явления, которое носит ярко выраженный деструктивный для всего окружающего общества характер [1].

Понятие криминальной активности несовершеннолетних непосредственно связано с возрастом 14-17 лет, но и среди не исследуемых в данной работе тенденций следует назвать и участие в данном деструктивном процессе участие также и представителей малолетних [2].

К числу критериев развитости криминальной активности несовершеннолетних относится также и характер сформированности ее структуры, представляющей собой объект преступного посягательства, мотивацию несовершеннолетнего преступника. Сюда же примыкают групповые преступления несовершеннолетних, а также их распределение

по гендерному принципу. В собственную очередь, Е. Б. Бреева включает в данный комплекс также и «уровень латентности криминальной активности несовершеннолетних» [3].

Вышеназванная совокупность перечисленных здесь критериев вполне позволяет составить достаточно достоверное представление о состоянии криминальной активности несовершеннолетних в России, на какой бы то ни было отдельной территории. Представляется возможным на основе совокупности вышеназванных данных проводить беспристрастный и скрупулезный анализ качества проведения профилактики очередного витка развития криминальной активности несовершеннолетних. В процессе рассмотрения форм развития криминальной активности несовершеннолетних формируется реальная насущная потребность в том, чтобы обратить наиболее пристальное внимание на групповые проявления криминальной активности несовершеннолетних.

Доля групповых преступлений в процессе развития криминальной активности собственно несовершеннолетних оценивается как в 2-5 раз выше, нежели аналогичный показатель криминальной активности несовершеннолетних, уже готовящихся войти во взрослую жизнь [1]. Одним из наиболее адекватных объяснений данного феномена следует назвать потребность несовершеннолетних заявить о себе в кругу сверстников, продемонстрировать, с их точки зрения, смелость, ловкость, а главным образом – безнаказанность любых совершаемых ими поступков.

Ярко выраженной возрастной особенностью несовершеннолетних является потребность зарекомендовать себя в процессе общения в неформальной среде таких же, как и они, на все готовых для этого сверстников. Чем на большее дерзнет представитель такой группировки, тем с большим почитанием будет относиться к нему его окружение.

Заключение. Для достижения указанной цели были решены следующие задачи. Определено понятие криминальной активности как формы девиантного поведения несовершеннолетних и ее специфические черты. Исследовано состояние, структура и динамика криминальной активности как формы девиантного поведения несовершеннолетних. Определены основные характеристики криминальной активности как формы девиантного поведения несовершеннолетних на современном этапе развития российского общества. Изучена криминологическая характеристика личности современного несовершеннолетнего преступника. Выявлены особенности личности современного несовершеннолетнего преступника. Определены типы личности современного несовершеннолетнего преступника, пути осуществления социального контроля над девиантным поведением и криминальной активностью несовершеннолетних. Выявлены формы социальной реакции на девиантное поведение и криминальную активность несовершеннолетних. Определены пути профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Для качественной и результативной профилактики проявлений криминальной активности как формы девиантного поведения несовершеннолетних требуется существенное совершенствование отечественной системы ювенальной юстиции, что предопределяет собой успех адекватной социальной реакции на противоправные деяния

Список литературы

1. Психологическая защита воспитанников центра помощи детям, попавших в трудную жизненную ситуацию / В. А. Ковтонюк, О. Ю. Латышев, Д. Сегалерба, М. Луизетто // Предупреждение и преодоление дезадаптации несовершеннолетних - центральная проблема социальной педагогики: сборник материалов 2-й Всероссийской научно-практической конференции (Таганрог, 8 апреля 2021 г.). – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГУЭ (РИНХ), 2021. – С. 137-141. – EDN FTKDPO.
2. Пути защиты от негативной информации как средство профилактики отклонений в поведении обучающихся начальной школы / Е. П. Жирнова, О. Ю. Латышев, П. А. Латышева, Д. Сегалерба // Предупреждение и преодоление дезадаптации несовершеннолетних – центральная проблема социальной педагогики: сборник материалов 2-й Всероссийской научно-практической конференции (Таганрог, 8 апреля 2021 г.). – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГУЭ (РИНХ), 2021. – С. 187-192. – EDN ODDOTV.
3. Проблемы социальной дезадаптации обучающихся в начальной школе и пути их преодоления / В. А. Жилиева, О. Ю. Латышев, Д. Сегалерба, Г. А. С. Ибрагим // Предупреждение и преодоление дезадаптации несовершеннолетних – центральная проблема социальной педагогики: сборник материалов 2-й Всероссийской научно-практической конференции (Таганрог, 8 апреля 2021 г.). – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГУЭ (РИНХ), 2021. – С. 22-26. – EDN WPEDBN.

УДК 340

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА СУДЕБНЫХ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ КАК ОСНОВА НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Левендаренко О.А., канд. юрид. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
o.levendarenko@mail.ru

По мнению некоторых ученых, выбрать тему зачастую более сложно, чем провести само исследование. Особенно данное мнение применимо, как нам представляется, при выборе темы по специальности 12.00.09 – «уголовный процесс», поскольку актуальность темы научного исследования

в данной сфере диктует практика судебных и правоохранительных органов при расследовании и разрешении уголовных дел.

К теме научной работы предъявляется ряд требований. Тема должна быть **актуальной**, т. е. важной, требующей разрешения в настоящее время. Это требование одно из основных. Критерия для установления степени актуальности пока нет. Так, при сравнении двух тем теоретических исследований степень актуальности может оценить авторитетный ученый данной отрасли или научный коллектив. При оценке актуальности прикладных научных разработок, в том числе по уголовному процессу, ошибки не возникают, если более актуальной окажется та тема, которая диктуется проблемами практики применения уголовно-процессуального законодательства [1, с. 97].

Тема должна решать новую научную задачу. Это значит, что тема в такой постановке никогда не разрабатывалась и в настоящее время не разрабатывается, т. е. дублирование исключается. Дублирование возможно только в том случае, когда по заданию руководящих организаций одинаковые темы разрабатывают два конкурирующих коллектива в целях разрешения важнейших государственных проблем в кратчайшие сроки. Таким образом, оправданное дублирование тем (разработок) иногда может быть одним из требований.

Тема научной работы в сфере уголовного судопроизводства должна иметь **практическую значимость**. Любая тема прикладных исследований в данном направлении должна давать методические рекомендации для сотрудников судебных и правоохранительных органов с целью повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности. Это одно из важнейших требований.

Тема должна соответствовать **профилю научного коллектива**. Каждый научный коллектив по сложившимся традициям имеет свой профиль, квалификацию, компетентность. Такая специализация, способствующая накоплению опыта исследований, дает свои положительные результаты, повышается теоретический уровень разработок, сокращается срок выполнения исследования.

Выполняя длительное время работу по узкоспециализированной тематике с устоявшейся методикой, некоторые научные работники **теряют к ней интерес**. Поэтому в коллективе может быть несколько (до 10 %) непрофильных тем, не отличающихся резко от основной тематики коллектива. Это может вызвать энтузиазм, инициативу и прилив творческих сил в коллективе.

Важной характеристикой темы является ее **осуществимость или внедряемость**. При разработке темы следует оценить возможность ее окончания в плановый срок и внедрения в производственных условиях заказчика. Если это нельзя осуществить вообще или осуществить в сроки, которые не устраивают заказчика, то заведомо планируют разработку бросовых, неэффективных тем.

Обосновывая тему, научный работник должен хорошо знать практику применения и ее запросы на данном этапе. Для этого необходимо организовывать стажировки научных, научно-педагогических работников в судебных и правоохранительных органах.

Большое значение имеет посещение отраслевых и академических институтов, кафедр родственных вузов. Особую роль приобретают беседы с ведущими научными работниками, руководителями практических органов (Верховного Суда, Генеральной прокуратуры, Министерства внутренних дел, органов государственной безопасности и т.д.).

Существенно упрощается методика выбора тем в научном коллективе, имеющем научные традиции (научную школу) и разрабатывающем комплексную проблему. В таких коллективах научные исследования выполняют не одиночки, а группы, специализирующиеся на разработке тем или вопросов. Здесь начинающий работник, как правило, получает тему, которая была обоснована ранее. Вероятность получить не актуальную, не новую, не эффективную тему исключена. При коллективной разработке научных исследований большую роль приобретают критика, дискуссия, обсуждение проблем и тем. В процессе дискуссии выявляются новые, еще не решенные актуальные задачи разной степени важности, объема, сроков разработки.

Все это создает благоприятные условия для участия студентов и аспирантов в научно-исследовательской работе кафедры.

Подытоживая, следует отметить, что основным критерием актуальности темы в сфере уголовного судопроизводства является ее практическая значимость. Судебные и правоохранительные органы должны быть заинтересованы в этом, поэтому руководству этих органов целесообразно представлять на специализированные кафедры тематику проблем, которые требуют скорейшего как законодательного, так и методического (практического) разрешения. Таким образом, выполнение научных исследований «на заказ», с большой вероятностью, повысит их эффективность.

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд., т. 20, с.496.

НЕКОТОРЫЕ КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ СОСТАВОВ ВОИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Манивлец Э.Е., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0001-2935-5548,

Аллаев И.М., ORCID 0009-0000-0232-6424

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

islam.allaev1@yandex.ru

Введение. Анализ сущности и значения уголовно-правовой категории «квалифицирующие признаки преступления» требует обращения к основополагающим научным позициям, касающимся дифференциации уголовной ответственности. Как отмечает большинство специалистов, отсутствие единого вектора развития уголовного законодательства во многом обусловлено недостаточной научной проработкой вопросов, связанных с дифференциацией уголовной ответственности [1]. В их числе находится и проблема определения правовой природы квалифицирующих признаков, поскольку именно от её разрешения зависит не только корректная законодательная техника, но и социальная, криминологическая оправданность норм, устанавливающих различные уровни уголовной ответственности.

Цель. Уточнение некоторых групп квалифицирующих признаков составов военных преступлений.

Основная часть. В системе квалифицирующих признаков военных преступлений особое место занимают те, которые непосредственно связаны с отношением военнослужащего к своим служебным обязанностям и дисциплинарным требованиям военной службы. Эти признаки отражают не просто отдельные нарушения, а демонстрируют устойчивую девиацию поведения, выражающуюся в пренебрежении долгом, саботаже требований, подрыве боеспособности частей. К данной группе квалифицирующих признаков относятся: совершение преступления по причине небрежного либо недобросовестного отношения к службе; лицом, отбывающим наказание в дисциплинарной воинской части; а также совершение преступления с намерением уклониться от исполнения обязанностей военной службы [2].

Одним из ключевых квалифицирующих признаков данной группы является совершение преступления вследствие небрежного или недобросовестного отношения к службе. Небрежность характеризуется отсутствием должного внимания к исполнению служебных обязанностей, когда военнослужащий не предпринимает мер, которые обычно должен предпринимать для предотвращения негативных последствий. Недобросовестность, напротив, подразумевает сознательное или

осознанное пренебрежение установленными требованиями службы, когда военнослужащий выполняет свои обязанности формально или с умыслом нанести вред.

В уголовном законодательстве и правоприменительной практике эти признаки рассматриваются как существенные для квалификации преступления, так как именно небрежное и недобросовестное отношение часто становится причиной серьёзных нарушений дисциплины и утраты боеспособности подразделения [4]. К примеру, статьи 340 (нарушение правил эксплуатации военной техники) и 343 УК РФ (нарушение правил несения службы) содержат нормы, предусматривающие уголовную ответственность за действия, совершённые по небрежности или умышленно с недобросовестным отношением, повлекшие вред службе. Законодатель, выделяя этот признак, тем самым подчёркивает важность ответственного отношения к службе, без которого невозможна нормальная функционирование войск.

Следующий квалифицирующий признак отражает особое положение субъекта преступления – совершение преступления лицом, отбывающим наказание в дисциплинарной воинской части. Дисциплинарная воинская часть является специфическим исправительным учреждением, предназначенным для изоляции военнослужащих, нарушивших воинскую дисциплину, и их перевоспитания. Отбывание наказания в таком учреждении свидетельствует о наличии у лица уже устойчивых нарушений дисциплины и порядка [3].

Совершение нового преступления в условиях отбывания наказания в дисциплинарной части воспринимается как особенно тяжкое деяние, поскольку свидетельствует о системном пренебрежении обязанностями и неготовности подчиняться установленным нормам даже в условиях принудительного изолятора. Это фактически подрывает систему дисциплинарных мер и угрожает безопасности других военнослужащих и службы в целом. Данный квалифицирующий признак закреплён в ряде статей УК РФ и широко применяется в судебной практике как основание для ужесточения наказания. Он демонстрирует, что военнослужащий, находясь под строгим контролем и лишённый части свободы, тем не менее продолжает совершать противоправные действия, что свидетельствует о высокой степени общественной опасности и отсутствии исправительного эффекта.

Особое внимание заслуживает квалифицирующий признак, связанный с мотивацией совершения преступления – совершение его с целью полного освобождения от исполнения обязанностей военной службы. Эта цель характеризует осознанное стремление избежать воинских обязательств путём использования противоправных средств, что подрывает основы воинской дисциплины и может привести к дезорганизации работы воинских подразделений. Примером таких преступлений являются дезертирство, самовольное оставление части, подделка документов для уклонения от

службы. Уголовное законодательство, отражая общественную опасность подобных действий, устанавливает за них более суровые наказания, подчеркивая, что мотив освобождения от службы выступает как квалифицирующее обстоятельство [5].

В совокупности данные признаки показывают, что уголовное право учитывает не только объективную сторону преступления, но и его внутренний смысл, отношение виновного к службе, а также влияние его действий на состояние дисциплины и боеспособности.

Заключение. Таким образом, квалифицирующие признаки, связанные с отношением к военной службе, отражают глубокое пренебрежение военнослужащих к своим обязанностям, проявляющееся в форме небрежности, системного нарушения дисциплины и сознательного стремления избежать службы. Эти признаки призваны обеспечить более справедливое и адекватное наказание за особо опасные нарушения воинского порядка, способствуя поддержанию дисциплины и боеспособности армии. Их анализ и правильное применение имеют важное значение как для теории уголовного права, так и для практики уголовного преследования в сфере военной службы.

Список литературы

1. Авдеев, М. А. Общая характеристика квалифицирующих признаков и их значение при конструировании составов преступлений / М. А. Авдеев, А. С. Штранц // Актуальные проблемы государства и права. – 2019. – Т. 3, № 9. – С. 66-75. – DOI 10.20310/2587-9340-2019-3-9-66-75. – EDN TQDHFV.
2. Прудникова, Л. Б. Особенности квалификации воинских преступлений по признакам субъективной стороны / Л. Б. Прудникова, В. В. Семенова, В. М. Шеншин // Военное право. – 2021. – № 2(66). – С. 280-285. – EDN PUVJJQ.
3. Смирнов, Д. В. К вопросу о совершенствовании исполнения уголовного наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части / Д. В. Смирнов // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (приуроченный к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий) : Сборник тезисов выступлений и докладов участников. В 9-ти томах. Материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Рязань, 17–19 ноября 2021 года. Том 2. Часть 2. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – С. 403-408. – EDN JBNENZ.
4. Швец, И. О. Небрежное и недобросовестное отношение к военной службе как признак, характеризующий субъективную сторону преступлений против военной службы / И. О. Швец // Молодой ученый. – 2019. – № 46(284). – С. 210-212. – EDN XDGXRI.
5. Шумилин, А. В. К вопросу о разграничении составов преступлений, предусматривающих ответственность за уклонение от военной службы, между собой / А. В. Шумилин // Военное право. – 2021. – № 3(67). – С. 237-245. – EDN WEKTFI.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАСОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Миргородский А.А., канд. филос. наук, доц., ORCID 0009-0001-6321-452X,
Леусенко Л.В., ORCID 0009-0001-6321-452

Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства Внутренних дел
Российской Федерации», г. Донецк, РФ
Mirgorodskiy87@mail.ru

Введение. Для начала нужно определиться с дефиницией понятия «трасология». В работе мы исходим из понимания, что трасология – это отрасль судебной медицины и криминалистики, занимающаяся изучением мелких следов и их интерпретацией для восстановления событий, произошедших на месте преступления, или для установления обстоятельств происшествия.

Е.П. Ищенко использует термин «криминалистическое следоведение», представляющая собой отрасль криминалистической техники, которая изучает следовую картину, связанную с преступлением, средства, приемы и методы обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов, ее составляющих, для отождествления, установления групповой принадлежности, а также обстоятельств, механизма, условий и факта взаимодействия объектов «следообразования» и их роли в расследуемом преступном событии [1].

По механизму и характеру материальные следы преступления подразделяются на три основных группы: 1) следы-отображения; 2) следы-предметы; 3) следы-вещества.

Следы-предметы – это различные объекты, перемещенные, унесенные с места происшествия, а также оставленные (потерянные) преступником, потерпевшим, иными гражданами.

Нередко на этих предметах имеются следы-отображения. Например, носовой платок преступника с запахом и следами крови, наслоениями смазки пистолета, примененного для преодоления ее сопротивления; чехол от ножа со следами пальцев преступника и металлизацией от контакта с клинком. Либо также они обладают рядом признаков, по которым можно установить их принадлежность конкретному гражданину. Например, студенческий билет, водительское удостоверение, фотоснимок, потерянный преступником) [1, с. 75].

Следы-вещества могут быть оставлены жидкими, твердыми, сыпучими, газообразными, иными объектами. Такие следы могут иметь промышленное или бытовое происхождение: металлическая, угольная, асбестовая пыль, остатки ГСМ, лакокрасочного покрытия, зола, пепел, сажа и другие. По следам-веществам, как правило, удастся выяснить место их происхождения и нередко механизм образования.

Таким образом, в современном контексте трасология включает анализ не только физических следов (следы крови, волос, пыли, материалов одежды), но и анализ физических, химических микроэлементов (от частиц краски и волокон до следов от оружия и инструментов), цифровые данные оставленных в результате действий человека [2].

Цель работы – проанализировать особенности и актуальные проблемы трасологии, ее состояние в современной России.

Основная часть. Анализ современного контекста предполагает констатацию того, что в условиях современной России наблюдается рост числа преступлений, усложнение методов совершения правонарушений, а также активное развитие технологий. Это требует модернизации методов обнаружения и анализа следов, а также внедрения новых техник, соответствующих быстро меняющимся вызовам [2].

Особенности трасологии в России связаны прежде всего с наследием советской судебной науки. Исторически российская система криминалистики сформировала свои методы, иногда довольно консервативные, что влияет на методы и практики трасологов. При этом сегодня наблюдается стремление интегрировать международный опыт, модернизировать оборудование и повышать квалификацию специалистов.

Одной из особенностей является региональная специфика.

Россия – огромная страна с разнообразными климатическими условиями, что влияет на сохранность следов. Например, в условиях суровой зимы или в регионах с высокой влажностью могут происходить изменения в материальном состоянии следов, что требует особых методов их фиксации и анализа. Ещё одной особенностью является высокий уровень межведомственного сотрудничества. В современных условиях трасологи тесно взаимодействуют с экспертами из смежных областей – химии, биологии, физики, информационных технологий – что открывает новые возможности, но и требует согласования стандартов и методик анализа.

Актуальные проблемы включают недостаток современного оборудования и технологий во многих регионах, что затрудняет проведение качественных исследований.

Финансирование судебных экспертиз часто ограничено, что замедляет внедрение инновационных методов и недостающие технические средства наносят ущерб эффективности анализа следов.

Проблема кадров также остаётся актуальной. Несмотря на высокий уровень подготовки специалистов в крупных центрах, многие региональные подразделения испытывают нехватку квалифицированного персонала, знакомого с современными международными стандартами. Это приводит к разнице в качестве и точности экспертиз в различных регионах страны.

Ещё одной проблемой является недостаточная интеграция цифровых технологий. С увеличением объёма цифровых данных и необходимости

анализа метаданных, трасология должна адаптироваться к новым вызовам – как в области киберпреступности, так и в комплексном анализе физических и цифровых следов. Стандартизация таких данных, а также обеспечение их надёжного хранения требует значительных усилий и инвестиций.

Важным аспектом остаётся взаимодействие между законодательной базой и практическими изменениями в технологиях анализа. Несоответствие старых нормативных актов новым методикам может препятствовать своевременному использованию новых методов, что негативно сказывается на качестве судебной экспертизы.

Подытоживая, можно сказать, что трасология в современной России характеризуется стремлением к модернизации и интеграции новых технологий при сохранении традиционных методов расследования. При этом ключевыми проблемами являются техническое оснащение, кадровый дефицит, региональные различия в методах анализа, а также необходимость обновления законодательных норм для поддержки новых практик [3].

Заключение. Таким образом, современная трасология в России находится на пересечении традиционных методов криминалистики и инновационных технологий, что требует комплексного подхода и поддержки со стороны государства и научных институтов для повышения эффективности расследований.

Список литературы

1. Ищенко Е.П. Криминалистика: курс лекций. – М.: АСТ-МОСКВА, 2007. – 416 с.
2. Майлис Н.П. Судебная трасология: учебник. – М.: «Экзамен», Право и закон, 2003. – 272 с.
3. Трасология и трасологическая экспертиза / Кантор И.В., Ярмач В.А., Жигалов Н.Ю., Смольяков П.П. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – 376 с.

УДК 343.35

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Мурашкин И.Ю., канд. юрид. наук, доц.

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) ФГКОУ ВО «Университет
прокуратуры Российской Федерации», г. Санкт-Петербург, РФ
igormurashkin@mail.ru

Введение. На современном этапе развития Российского государства решение экономических, технологических, социальных и ряда других проблем осуществляется путем «точечного» вливания бюджетных средств

в те области общественных отношений, которые являются наиболее приоритетными с точки зрения их актуальности и переделены, как национальные цели развития Российской Федерации¹. Между тем, одной из причин, замедляющей темпы реализации задач, поставленных в целях реализации национальных проектов, являются коррупционные проявления, приводящие к нецелевому и неэффективному использованию бюджетных средств, на что указывают Глава государства, руководители федеральных ведомств², а также отмечается в научной литературе [1, с. 20-23].

Целями данного исследования является установление степени влияния на них коррупционной деятельности и определение путей ее минимизации.

Основная часть. Следует констатировать, что нарушения в рамках реализации национальных проектов в большей степени связаны с исполнением норм материального права, а причинами их обуславливающими – недостаточный профессионализм исполнителей и отсутствие надлежащего контроля с стороны руководителей. Однако детальный анализ позволяет говорить о наличии иных, глубинных причинах нарушений, допущенных в ходе реализации национальных проектов, в первую очередь, коррупционный мотив их совершения и недостаточная профилактическая работа на этом участке деятельности, тогда как согласно п. 6 ст. 3 Федерального закона «О противодействии коррупции»³ одним из основных принципов противодействия этому негативному социальному явлению признано приоритетное применение мер по его предупреждению.

Поэтому каждый факт нарушения федерального законодательства, допущенных в рамках реализации программ национальных проектов, должен стать предметом исследования с точки зрения выявления причин их совершения, т.е. явлений или совокупности явлений, которые порождают другое явление, рассматриваемое как следствие [2, с. 11]. В основе нарушения федерального законодательства, в том числе связанного с реализацией национальных проектов, могут лежать коррупционные причины.

Сложность в установлении коррупционной составляющей, как первопричины неправомерных действий в анализируемой области правоприменения, является то, что нередко в задачи должностных лиц,

¹ См.: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. 13.05.2024. № 20. Ст. 2584.

² См.: Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры • Президент России: URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/76484 (дата обращения: 29.09.2025). Патрушев: Основные нарушения при выполнении нацпроектов связаны с коррупцией - Российская газета // URL: <https://rg.ru/2020/05/20/reg-pfo/patrushev-osnovnye-narusheniia-pri-vypolnenii-nacproektov-sviazany-s-orrupciej.html>?ysclid=m8accq87gi371076223 (дата обращения: 25.09.2025).

³ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (актуальная ред.) // Собрание законодательства РФ от 29.12.2008. № 52 (часть I). Ст. 6228.

вызванных нарушениями федерального законодательства, например, при использовании бюджетных средств, не входит обнаружение корыстной или иной личной заинтересованности должностных лиц, осуществляющих распределение материальных ресурсов. Такая ситуация не позволяет в полной мере решить задачу предупреждения коррупции на данном участке деятельности органов публичной власти при реализации национальных проектов и таким образом минимизировать уровень коррупционной преступности и снизить степень ее опасности.

Это приводит к необходимости привлечения работниками контролирующих органов к проведению проверочных мероприятий работников правоохранительных органов, а также органов прокуратуры, которые обладают опытом выявления не только нарушений норм материального права, обеспечивающих реализацию национальных проектов [3; с. 12-18; 4, с. 27-32], но и антикоррупционного законодательства [5, с. 22-26; 6, с. 133-136; 7, с. 18-21]. К тому же работники надзорного ведомства ориентированы на выявление коррупционных правонарушений в рамках достижения национальных целей Российской Федерации⁴, так и на пристальное внимание реализации национальных проектов при осуществлении деятельности в сфере противодействия коррупции⁵.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости разработки в настоящее время единых подходов в организации взаимодействия правоохранительных, контролирующих органов и органов государственной власти и местного самоуправления при реализации национальных проектов в целях выявления и пресечения коррупционных правонарушений в данной области. Такой подход позволит обеспечить своевременный обмен информацией между заинтересованными ведомствами, полноту проводимых проверок и неотвратимость наказания за совершение коррупционных правонарушений, а в конечном итоге – целевое и эффективное использование бюджетных средств и достижение целей государственной политики в ресурсозатратных областях общественных отношений.

Список литературы

1. Абдреев, Т.И., Давлетбаков, Ш.Ш. Актуальные вопросы надзорной деятельности органов прокуратуры при реализации национальных проектов // *Налоги*. – 2022. – № 4. – С. 20-23.
2. Ширванов, А.А. и Камнева, Е.В. Сущность фактора нарушений закона в отечественном праве // *Научный портал МВД России*. – 2014. – № 2. – С. 10-16.

⁴ См.: п. 3.21 приказа Генерального прокурора РФ от 14.03.2019 № 192 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов» (ред. от 27.03.2025) // *Законность*. 2019. № 5.

⁵ См.: п. 2.1 приказа Генерального прокурора РФ от 10.10.2022 № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции» // *Законность*. 2022. № 11.

3. Данилов, Д. Ю. Обеспечение законности в сфере реализации национальных проектов средствами прокурорского надзора / Д. Ю. Данилов, Н. Д. Бут // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2021. – № 1(81). – С. 12-18.
4. Исламова, Э. Р. Особенности прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национального проекта «Образование» / Э. Р. Исламова // Защити меня. – 2021. – № 1. – С. 27-32.
5. Анисимов, С. Н. Преступления, совершаемые в рамках реализации приоритетных национальных проектов, как объект криминологического исследования / С. Н. Анисимов // Российский следователь. – 2009. – № 17. – С. 22-26.
6. Бражин, Ю.Ю. Виктимологические особенности коррупционных преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» / Ю. Ю. Бражин // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2020. – № 2(26). – С. 133-136.
7. Газимзянов, Р. Р. Противодействие коррупционным преступлениям в сфере реализации приоритетных национальных проектов в республике Татарстан / Р. Р. Газимзянов, А. А. Лабутин // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2012. – № 3(9). – С. 18-21.

УДК 343.5

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ УЧАЩИХСЯ И ПРОФИЛАКТИКА ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ПРАВОНАРУШЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В РАМКАХ УЧЕБНЫХ СБОРОВ ПО ОСНОВАМ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Новиков С.В.¹, канд. пед. наук, доц., ORCID 0009-0003-4487-0294,
Шахмаев М.М.², канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0003-4487-0294

^{1,2} ФГКУ ДПО «Тюменский институт повышения квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Тюмень, РФ
insbez68@mail.ru, shah-72@mail.ru

Российское общество на современном этапе сталкивается с большим количеством угроз криминального характера, в том числе связанных с проявлениями экстремизма и терроризма. Учащаяся молодежь, в силу своего возраста, особенно уязвима перед воздействием радикальных идеологий, что требует разработки эффективных мер по формированию устойчивого иммунитета против подобных воздействий. При этом необходимо учитывать и наиболее «опасный» возраст вовлечения в противоправную деятельность, а так же наиболее приемлемую форму проведения профилактических мероприятий для наиболее эффективного проведения занятий и обширного охвата молодежи.

Сообщения средств массовой информации России пестрят наличием информации о совершении или попытки совершений преступлений террористического характера (поджоги релейных шкафов, диверсии на

объектах железных дорог и военных объектах), которые совершают молодые люди, зачастую несовершеннолетние, которые, при помощи социальных сетей или мессенджеров, были завербованы, либо склонены, к совершению противоправных действий неустановленными лицами. Источники подобных действий, хорошо известны нашим правоохранителям – сотрудники специальных служб сил специальных операций Украины, которые не смотрят ни на возраст вербуемых, ни на какие морально-этические нормы и международные нормы ведения боевых действий, для достижения поставленных военных целей. Данные сотрудники – профессиональные военные, имеющие специализированное образование и обученные психологическим методам вербовки и склонения к совершению преступлений. Свои жертвы они находят посредством мониторинга социальных страниц своих жертв на различных платформах российского сегмента сети интернет. Молодые люди, зачастую, беспечно относятся к своей информации личного характера, выставляя ее порой на всеобщее обозрение, чем и пользуются сотрудники специальных служб Украины.

В связи с началом специальной военной операции на территории Российской Федерации произошло обострение действующих и формирование новых глобальных и региональных угроз безопасности России, что обусловило необходимость перестройки различных государственных институтов и приведение их в соответствие с существующими и прогнозируемыми уровнями опасности и риском их реализации на территории страны. Данные изменения не обошли стороной и систему российского образования, в которой с учетом особой важности вопросов комплексной безопасности в программу обучения школьников внесен новый учебный предмет «Основы безопасности и защиты Родины». Данный учебный предмет сформирован на основе эволюции предмета «Основы безопасности жизнедеятельности» и законодательно оформлен Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»» от 19 декабря 2023 г. № 618-ФЗ [1].

Принята программа учебного предмета «Основы безопасности и защиты Родины» позволит педагогу строить траекторию освоения содержания в логике последовательного нарастания факторов опасности, от опасной ситуации до чрезвычайной ситуации. А так же разумного взаимодействия человека с окружающей средой, позволяя учитывать преемственность приобретения учащимися знаний и формирования у них умений и навыков в сфере безопасности жизнедеятельности и защиты Родины. В отличие от предыдущей программы, обновленная федеральная рабочая программа включает модуль «Военная подготовка» для учащихся 8-9 классов. В рамках реализации учебного предмета «Основы безопасности и защиты Родины» предусмотрено проведение 35-часовых учебных сборов по основам военной службы для учащихся 10 классов, определенных статьей 13 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и совместным приказом Министерства обороны Российской Федерации и Министерства образования и науки Российской

Федерации от 24 февраля 2010 года № 96/134, что не является новым для общеобразовательных организаций [2].

Также разработана программа «Учебные сборы», направленная на формирование представлений о службе в армии, патриотическое воспитание, принятие базовых национальных ценностей государства, начальную военную подготовку обучающихся образовательных организаций 8 классов посредством проведения учебных сборов рассчитанных на 17 часов. На основании методических рекомендаций Министерства обороны Российской Федерации, изложенных в письме высшим должностным лицам от 4 февраля 2021 года №174/79, реализация подобных сборов проводится на базе учебно-методических центров военно-патриотического воспитания «Авангард», либо других подобных центров, открытых в субъектах Российской Федерации [3].

Уникальность формы проведения данных мероприятий состоит в том, что в соответствии с планом, в течение года, для прохождения данных сборов пребывает для обучения молодежь со всего региона. Что создает колоссальные возможности для охвата молодежи региона профилактической деятельностью по противодействию вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность [4].

В рамках изучения предмета «Основы безопасности и защиты Родины» предусмотрено изучение модуля № 11 «Основы противодействия экстремизму и терроризму» на уровне среднего общего образования и модуля № 11 «Основы противодействия экстремизму и терроризму» на уровне основного общего образования. Однако реализация данных модулей возложена на педагогов образовательного учреждения, зачастую не имеющих практического опыта в правоохранительной деятельности и не владеющих региональными особенностями методов и способов вовлечения учащейся молодежи в противоправную деятельность. А инструментарий склонения к правонарушению, используемый украинскими специальными службами достаточно обширен и зависит от психологического портрета жертвы:

- обещание денежных вознаграждений за проделанную «работу»;
- использование манипуляций с целью склонения к совершению противоправного деяния. Зачастую молодой человек, верит, что он совершает противоправные деяния по заданию российских правоохранительных структур;
- шантаж как средство побуждения к совершению противоправного деяния. В качестве объекта шантажа выступают: жизнь и здоровье человека или его близких родственников, угроза тюремного заключения за совершение «вымышленного» преступления («с Вашей карты прошёл платёж на территорию Украины, и Вы обвиняетесь в финансировании ВСУ») и многое другое.

Учитывая, что особую активность в вовлечении в противоправную деятельность учащейся молодежи проявляют специальные службы Украины, в состав которых входят профессиональные психологи, то формируемые нами механизмы противодействия могут быть недостаточными.

И здесь в качестве механизма противодействия мы рассматриваем непосредственное участие в реализации данных тематических блоков непосредственно работников правоохранительных органов, по аналогии участия действующих военных в процессе реализации военного блока. Особенно важно участие высококвалифицированного профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений Министерства внутренних дел Российской Федерации, имеющего богатый практический опыт правоохранительной деятельности, в том числе борьбы с экстремистскими и террористическими преступлениями.

Использование потенциала высококвалифицированного профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений Министерства внутренних дел Российской Федерации с целью повышения эффективности профилактической работы по предупреждению правонарушений террористического и экстремистского характера и повышению правосознания молодежи может проходить и в других формах:

1. Разработка и реализация программ курсов повышения квалификации педагогических работников в сфере противодействия экстремизму и терроризму, профилактике вовлечения молодежи в противоправные действия.

2. Разработка и реализация программ подготовки и повышения квалификации руководителей групп киберволонтеров и кибердружин.

3. Разработка и реализация программ подготовки и повышения квалификации сотрудников кибердружин.

4. Участие в проведение профилактических занятий по недопущению вовлечения молодежи в противоправную деятельность с родителями учащихся и самими учащимися, в районах, где наблюдается всплеск правонарушений экстремистского и террористического характера.

5. Проведение круглых столов и конференций в сфере противодействия экстремизму и недопущению вовлечения молодежи в противоправную деятельность с участием педагогов образовательных организаций различного уровня.

6. Работа на молодежных мероприятиях (слеты, форумы) с социально активной молодежью, с целью популяризации правовой грамотности, разъяснения форм и методов, используемых украинскими специальными службами для вовлечения молодежи в противоправную деятельность.

Проведение выше перечисленной работы действующими сотрудниками органов внутренних дел, имеющими практический опыт противодействия преступлениям экстремистского и террористического характера, имеющие знания и навыки работы с молодежью, так же может существенно помочь в развитии кибердружин на базе образовательных организаций. Обеспечить наставничество над определенными отрядами, оказывающими помощь правоохранителям и обществу по поиску информационного террористического или экстремистского контента в социальных сетях региона. Распространению среди учащихся, педагогов и родителей учащихся информации о приемах и способах вовлечения и

склонения молодежи в противоправную деятельность, используемые сотрудниками украинских специальных служб.

Считаем, что участие действующих правоохранителей в рамках централизованных занятий сборов по основам военной службы, будут более эффективны, позволят, на основе знаний и практического опыта, а так же владении оперативной информацией ставить акценты в обучении противодействию вовлечения молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность, раскрывать актуальные способы вовлечения учащихся в противоправную деятельность, характерные для данного региона. Что, в перспективе, будет способствовать правовому информированию учащихся, снижению уровня подобных правонарушений среди молодежи, повышению правосознания учащихся, а так повышению эффективности профориентационной деятельности среди молодежи. А централизованность мероприятий позволяет малыми средствами провести широкий охват молодежи региона.

На современном этапе, возможность интеграции правовых аспектов в учебные сборы по основам военной службы, и проведение занятий действующими сотрудниками правоохранительных органов, будет способствовать качественной профилактике вовлечения учащейся молодежи в террористическую деятельность и преступные группы экстремистского толка.

Список литературы

1. Федеральный закон от 19 декабря 2023 г. № 618-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» – <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408131681/?ysclid=me5dav5d7m994247164>
2. Приказ Минобороны РФ и Министерства образования и науки РФ от 24 февраля 2010 г. № 96/134 "Об утверждении Инструкции об организации обучения граждан Российской Федерации начальным знаниям в области обороны и их подготовки по основам военной службы в образовательных учреждениях среднего (полного) общего образования, образовательных учреждениях начального профессионального и среднего профессионального образования и учебных пунктах" <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/98025/?ysclid=me5dm7ycss907256555>
3. Письмо Министерства обороны РФ от 7 февраля 2021 г. N 174/79 «О методических рекомендациях по созданию в субъектах РФ учебно-методических центров военно-патриотического воспитания молодежи "Авангард" и центров юнармейской подготовки - Домов "ЮНАРМИИ"» <https://base.garant.ru/405455213/?ysclid=me5dp3p6zz809709883>
4. Богомоллов Г.С., Новиков С.В. Особенности подготовки граждан к несению военной службы в современных условиях на примере деятельности регионального учебно-методического центра «Авангард» // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако : Материалы VII Международной научно-практической конференции. – Тамбов, 2023. – С. 577-583.
5. Богомоллов Г.С., Новиков С.В. Особенности патриотического воспитания в рамках военных учебных сборов по основам военной службы // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета. – Донецк, 2022. – С. 16-19.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

Пигузов М.Н., ORCID 0009-0009-3038-1661,

Кулебякина М.З.

Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства Внутренних дел
Российской Федерации», г. Донецк, РФ

mmmmmarina.k@yandex.ru, Piguzovmaxim@mail.ru

Вступление. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ остаётся одной из наиболее сложных и опасных форм преступной деятельности, оказывающей разрушительное воздействие на здоровье населения, демографические процессы, экономику и безопасность государства. По данным ООН, около 200 миллионов человек, или 5 % населения мира в возрасте от 15 до 64 лет, хотя бы один раз в год употребляют наркотики, что свидетельствует о глобальном характере проблемы и её тесной связи с процессами криминализации общества.

Цель – проанализировать существующие подходы к элементам криминологической характеристики незаконного оборота наркотиков. Дать их углублённое определение и выявить основную проблематику.

В Российской Федерации, по официальным данным, на учёте в лечебно-профилактических учреждениях с диагнозом «наркомания» состоит свыше трёхсот тысяч человек, что указывает на высокий уровень распространения наркотической зависимости и связанных с ней преступлений.

Криминологическая характеристика незаконного оборота наркотиков предполагает учёт не только его количественных параметров, но и социального содержания. Эта форма преступности отличается организованностью, высоким уровнем латентности и устойчивыми связями с другими видами криминальной деятельности. Наркобизнес приносит значительную прибыль, формируя основы теневой экономики и способствуя укреплению организованных преступных структур. Его особенности проявляются в многоуровневой системе взаимодействия участников, включающей производителей, перевозчиков, сбытчиков, притоносодержателей и подстрекателей, что подтверждается типологией, предложенной Л.В. Готчиной при анализе личности молодого наркопреступника [1].

Особое внимание в криминологии уделяется изучению социально-демографических характеристик лиц, вовлечённых в незаконный оборот наркотиков. Исследования показывают, что основная часть таких преступлений совершается молодёжью в возрасте от 14 до 29 лет.

Преобладают мужчины и лица без постоянного источника дохода, однако в последние годы наблюдается рост числа женщин, вовлечённых в наркопреступность.

В качестве ключевых мотивов чаще всего выступают наркотическая зависимость и поиск денежных средств для приобретения наркотиков или организации досуга. Следует отметить, что вовлечение молодёжи в наркобизнес обусловлено неблагоприятными социальными факторами: безработицей, низким уровнем жизни, семейным неблагополучием, а также дефицитом позитивных социальных связей [1].

Статистические данные подтверждают, что подавляющее большинство преступлений в данной сфере связано с производством, сбытом, перевозкой и хранением наркотических средств – около 95 % всех зарегистрированных случаев. Причём в последние годы отмечается увеличение числа преступлений, совершённых в особо крупных размерах, с применением насилия и в составе организованных групп. Наблюдается и структурная трансформация наркорынка: «лёгкие» наркотики натурального происхождения постепенно вытесняются синтетическими веществами («соли», «спайсы» и другие), что делает преступность более опасной и трудной для пресечения [2].

Социальные последствия наркопреступности выходят далеко за рамки уголовно-правовых характеристик. Наркозависимость провоцирует рост насильственных преступлений, краж, грабежей, убийств, а также усиливает распространение инфекционных заболеваний, включая ВИЧ. В криминологической литературе подчёркивается, что наркомания приводит к деградации личности, потере трудового потенциала и разрушению социальных связей, формируя целые маргинализированные сообщества.

Эффективное противодействие наркопреступности возможно лишь при условии комплексного подхода, сочетающего меры уголовно-правового характера с социальными и медицинскими средствами. К их числу относятся просвещение населения о вреде наркотиков, профилактические программы для подростков, развитие массового спорта и досуга, укрепление семейных отношений, а также система реабилитации и ресоциализации лиц, страдающих наркотической зависимостью.

Важное значение имеет также совершенствование деятельности правоохранительных органов, направленное на выявление и пресечение организованных форм наркобизнеса, использование современных методов цифровой криминалистики и международного сотрудничества.

Особое внимание в криминологической литературе уделяется проблеме латентности наркопреступности. Значительная часть преступлений в данной сфере остаётся не выявленной, что связано с высокой степенью конспирации участников, использованием современных технологий сокрытия и недостатками в организации правоохранительной деятельности. По этой причине официальная статистика отражает лишь

видимую часть проблемы, тогда как реальные масштабы незаконного оборота значительно превышают зафиксированные показатели [3].

Важным аспектом является международный характер наркобизнеса. Россия, по оценкам специалистов, превратилась в один из ключевых объектов глобальной героиновой агрессии, что обусловлено её геополитическим положением и транспортной доступностью. Транзит наркотиков через территорию страны сопровождается ростом внутреннего потребления и усилением позиций организованных преступных группировок. Это создаёт угрозу национальной безопасности и требует координации усилий на уровне международных организаций и двустороннего сотрудничества государств.

Наконец, нельзя не отметить криминологическую специфику социального окружения наркопреступников. Многие из них вовлекаются в преступную деятельность под влиянием ближайшего окружения, друзей или членов семьи, уже связанных с наркобизнесом. Таким образом, формируется своеобразный механизм «социальной передачи» криминальных моделей поведения. Этот процесс затрудняет профилактику, поскольку требует работы не только с отдельной личностью, но и с её ближайшей социальной средой, в том числе посредством программ поддержки семей, образовательных инициатив и вовлечения молодёжи в альтернативные формы досуга.

Заключение. Незаконный оборот наркотиков следует рассматривать как сложный социально-криминальный феномен, имеющий транснациональный характер и тесно связанный с процессами глобализации. Его криминологическая характеристика выявляет не только масштабы и динамику преступности, но и специфику личности преступника, а также глубинные социальные факторы, питающие данное явление. Борьба с наркопреступностью требует системного, многоуровневого подхода, включающего профилактику, правоприменение и социальную реабилитацию, что позволит не только снизить уровень преступности, но и укрепить социальное здоровье общества.

Список литературы

1. Готчина Л.В. Криминологическая характеристика личности молодого наркопреступника // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2011. – № 1 (49). – С. 107–113.
2. Абдрахимова А.М. Криминологическая характеристика преступности в сфере незаконного оборота наркотиков // Вестник магистратуры. – 2019. – № 8-2 (95). – С. 100–103.
3. Витовская Е.С. Краткая криминологическая характеристика преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (на примере Сибирского федерального округа) // Приволжский научный вестник. – 2014. – № 7 (35). – С. 81–84.

ТЕХНОЛОГИИ БПЛА В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ОСМОТРЕ МЕСТА ДТП: АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ЭФФЕКТИВНОСТИ

Поваляев Э.А., ORCID 0009-0000-4571-4400

Луганский филиал ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Луганск, РФ
e-mail: eapovalyaev@mail.ru

Введение. В условиях возрастающей интенсивности дорожного движения и острой необходимости оперативного освобождения проезжей части, традиционные методы осмотра мест дорожно-транспортных происшествий (ДТП) часто оказываются времязатратными и могут приводить к потере точности. Использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), или дронов, представляет собой передовое решение, которое принципиально меняет подход к криминалистической фиксации и расследованию. Применение БПЛА позволяет получать высокоточные метрические данные, создавать детализированные 3D-модели и обеспечивать всестороннюю фиксацию обстановки с воздуха для эффективной реконструкции ДТП в будущем.

Целью данной работы является комплексный анализ потенциала использования БПЛА при осмотре места ДТП, выявление их преимуществ перед традиционными методами фиксации, а также обоснование их роли как инструмента, повышающего точность, оперативность и, в конечном итоге, доказательственную ценность материалов расследования.

Основная часть. Применение беспилотных технологий в осмотре места ДТП может стать значительным прорывом в отечественной криминалистике, т.к. существенно повышается оперативность, точность и безопасность работы следственно-оперативных групп.

Первостепенная роль дронов заключается в быстрой и всеобъемлющей фиксации обстановки. БПЛА способны к мгновенному подъему, что позволяет оперативно создавать ортофотопланы высокого разрешения и панорамные снимки 360 градусов, охватывающие всю территорию ДТП. Эта возможность минимизирует время блокировки дорожного движения и способствует быстрому освобождению проезжей части.

Полученные данные используются для создания высокоточных трехмерных (3D) моделей места происшествия на основе методов аэрофотограмметрии. В отличие от традиционных 2D-схем, 3D-модели предоставляют полные метрические данные, позволяя экспертам точно измерить расстояния, высоту и углы. Точное местоположение транспортных средств, следов торможения, осыпи и других вещественных

доказательств фиксируется с погрешностью до миллиметров. «Внедрение фотограмметрической съемки с помощью БПЛА позволяет не только ускорить процесс, но и обеспечить более высокую точность измерений (до 1–2 мм), что является ключевым фактором для успешного проведения судебной автотехнической экспертизы» [1, с. 256].

Ученые-криминалисты подчеркивают, что БПЛА не только ускоряют процесс, но и обеспечивают беспрецедентную полноту информации. Ряд исследователей, в частности Д.С. Иванов, отмечает, что аэрофотограмметрия с дрона дает более точные данные в сравнении с наземной съемкой, особенно при фиксации следов шин и расчете скорости [3, с. 75]. 3D-модели, созданные на основе данных БПЛА, являются наиболее достоверным источником информации для автотехнической экспертизы и реконструкции ДТП, поскольку точность измерений позволяет с высокой степенью достоверности восстанавливать траектории движения и кинематику столкновения.

Как отмечают А.М. Зигура и А.М. Симонов, «ключевым преимуществом дронов является возможность комплексной съемки в труднодоступных и опасных зонах, а также объективация сбора доказательств, что снижает влияние субъективного фактора на результаты» [2, с. 147].

Использование БПЛА также рассматривается как инструмент повышения безопасности сотрудников за счет минимизации необходимости непосредственного нахождения на проезжей части.

Несмотря на очевидные достоинства, широкое внедрение БПЛА в практику криминалистического осмотра сталкивается с рядом объективных ограничений:

1. Законодательные барьеры: Несовершенство нормативно-правовой базы, регулирующей использование воздушного пространства и порядок применения дронов правоохранительными органами, часто сдерживает их оперативное использование.

2. Погодные условия: Эксплуатация БПЛА зависит от погодных условий. Сильный ветер, дождь, снегопад или низкая облачность могут сделать полет невозможным или снизить качество полученных данных.

3. Технические и кадровые проблемы: Необходимы значительные финансовые затраты на закупку высокоточного оборудования, специализированного программного обеспечения (для обработки аэрофотограмметрических данных) и, что не менее важно, на подготовку квалифицированных специалистов-операторов, способных не только управлять дроном, но и выполнять постобработку данных.

4. Конфиденциальность и ограничения полетов: В крупных городах могут действовать зоны ограничения полетов (например, над государственными объектами или вблизи аэропортов), что может

препятствовать использованию дрона непосредственно на месте происшествия.

Заключение. Интеграция беспилотных технологий в практику осмотра мест дорожно-транспортных происшествий представляет собой фундаментальный шаг в модернизации криминалистической деятельности и повышении эффективности расследования. БПЛА радикально сокращают время, необходимое для фиксации обстановки, что важно для оперативного восстановления дорожного движения и одновременного повышения безопасности сотрудников, минимизируя их пребывание в опасной зоне. Высокоточное аэрофотограмметрическое оборудование обеспечивает сбор метрических данных и создание детализированных 3D-моделей места происшествия. Такая объективность фиксации, недостижимая традиционными методами, служит надежной основой для проведения сложных автотехнических экспертиз и реконструкции ДТП, что, по мнению ученых-криминалистов, существенно повышает доказательную ценность материалов в судебном процессе.

Таким образом, несмотря на существующие законодательные, технические и кадровые ограничения, активная работа по их преодолению позволит беспилотным летательным аппаратам занять место неотъемлемого и приоритетного инструмента в арсенале криминалиста, обеспечивая новый уровень объективности и оперативности расследования дорожно-транспортных преступлений.

Список литературы

1. Бабкин О.В., Петров А.А. Применение беспилотных технологий в криминалистической деятельности: перспективы и проблемы // Юридический вестник. – 2023. – № 4. – С. 255–260.
2. Зигура А.М., Симонов А.М. Цифровизация криминалистики: роль БПЛА в осмотре места происшествия // Вестник следственного комитета России. – 2024. – № 2 (43). – С. 145–151.
3. Иванов Д. С. Применение правоохранительными органами беспилотных летательных аппаратов при раскрытии и расследовании преступлений // Исследования молодых ученых: материалы XIV Междунар. науч. конф. (г. Казань, ноябрь 2020 г.). – Казань: Молодой ученый, 2020. – С. 74–76.
4. Пудовкин А.А., Теткин Д.В., Бондарев Д.В. Особенности проведения осмотра места происшествия, местности в труднодоступных местах и при дорожно-транспортном происшествии с помощью применения беспилотных летательных аппаратов // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2022. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-provedeniya-osmotra-mesta-proisshestiya-mestnosti-v-trudnodostupnyh-mestah-i-pri-dorozhno-transportnom-proisshestvii-s> (дата обращения: 01.10.2025).

ПРОБЛЕМЫ РАССМОТРЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Протасов Д.В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
protasov.criminal.law@mail.ru

Введение. Как известно, одной из важнейших задач государства является защита законных прав и интересов его граждан, а наиболее «тонкой» и дискуссионной сферой является соблюдение прав лиц в ходе уголовного судопроизводства. Тенденции развития законодательства в целом и регламентирующего институт возмещения вреда, причиненного вследствие совершения незаконных действий в частности, характеризуются интеграцией и унификацией норм права, относящихся к различным его отраслям. Примером тому может служить институт возмещения вреда, причиненного преступлением, регулируемым как нормами гражданского, гражданско-процессуального, так и уголовно-процессуального права. В связи с этим, разрешение вопросов об усовершенствовании исковой формы защиты прав потерпевших от преступлений в уголовном судопроизводстве, является одним из основополагающих на современном этапе развития отечественного законодательства.

Цель представляет собой анализ особенностей института возмещения вреда, причиненного преступлением, посредством подачи гражданского иска в уголовном процессе и выявление проблем в межотраслевом правовом регулировании гражданского иска нормами уголовного, гражданского, уголовно-процессуального и гражданско-процессуального права.

Основная часть. Историческое представление гражданско-правовой ответственности за причиненный вред сформировалось ещё в Древнем Риме на основе Закона Аквилы, который предусматривал возможность подачи квазиделиктных исков, содержащих специальные условия возмещения вреда [3]. Одним из условий предусматривалась обязанность по возмещению вреда, причиненного при осуществлении публичных полномочий, которая могла возлагаться лично на должностных лиц, виновно его причинивших. Однако такая позиция просуществовала недолго, в связи с низким уровнем платежеспособности чиновников низшего звена.

Сложившаяся впоследствии либеральная концепция административного права была направлена на защиту частных лиц и организаций от злоупотребления властью среди чиновников, посредством

возложения обязанности по возмещению вреда на государство. Доработать данную концепцию в дальнейшем удалось благодаря идее Отто фон Гирке, подразумевающей, что вина юридического лица заключается в вине его органов, а, следовательно, вина публичного образования – в вине государственных органов и должностных лиц [4]. В период развития общественного производства, последствия вышеуказанной концепции, выражались в несправедливом возложении ответственности на работодателя за вред, причиненный виновными действиями работника. С экономической точки зрения данный подход, создает должную мотивацию для обеспечения контроля над должностными лицами, а также для совершенствования организации государственной власти.

Положения статьи 16 и 1069 ГК РФ указывают на то, что вред, причиненный гражданам и организациям в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению Российской Федерацией, или соответствующим субъектом Российской Федерации, или муниципальным образованием. От имени казны, в данном случае выступает не работодатель должностного лица, причинившего вреда, а главный распорядитель бюджетных средств органа, причинившего вред.

Даная позиция находит своё отражение среди некоторых исследователей, которыми отмечено, что основаниями ответственности государства могут выступать две группы оснований: в первом случае вред причиняется конкретным должностным лицом, нарушившим свои должностные обязанности в противоречии с нормами права, а во втором – вред может быть причинен в результате ненадлежащего функционирования государственного аппарата в целом, когда не имеет значения, каким именно должностным лицом были допущены нарушения [6, с. 67].

Судебная практика [7] также подтверждает теорию прямой ответственности публично-правового образования за ненадлежащее исполнение публичных обязанностей, но не устанавливает факт совершения неуставленными лицами в установленной сфере контроля того или иного публично-правового образования в качестве основания для признания бездействия уполномоченных органов незаконными, иначе за любой причинённый вред ответственность возлагалась бы на государство. При условии прямой ответственности со стороны государства такой подход повлёк бы за собой тенденцию по усилению контроля над субъектами предпринимательской деятельности, а в худшем случае – вторжение в частную сферу деятельности.

Индивидуальная ответственность должностных лиц в доктрине права носит дискуссионный характер, поскольку должностное лицо, при

выполнении своих обязанностей выступает от имени государства и от своего имени одновременно. Исходя из анализа положений ст. 1068 ГК РФ можем сделать вывод, что данная норма не содержит указаний относительно личной ответственности работника, а, следовательно, и не исключается возможность предъявления иска к должностному лицу, несмотря на возможный вопрос в будущем о надлежащем (ненадлежащем) ответчике при рассмотрении дела судом.

В уголовном процессе прослеживается практика по взысканию причинённого вреда с должностного лица [9] [10] [11]. Предъявление прямого гражданского иска к должностному лицу имеет место в порядке регресса, когда речь идёт об убытках, причиненных умышленными правонарушениями частным лицам. Вместе с тем, согласно анализу судебной практики, должностные лица, представляющие государство, причиняя вред частным лицам, должны нести солидарную ответственность с государством, поскольку ответственность одного субъекта, не исключает ответственность другого. Само по себе отсутствие вины конкретного должностного лица в нарушении публичных обязанностей не свидетельствует об отсутствии вины государства, если вред причинен в результате ненадлежащей организации исполнения публичных обязанностей. Вместе с тем, вопрос о том, кто является непосредственным причинителем вреда, разрешается в судебной практике неоднозначно.

Позиция по возмещению морального вреда отражена в п. 13 и 14 Постановления № 23, указывая на необходимость взыскания морального вреда при совершении имущественных преступлений, посягающих на личные неимущественные права [5]. Данная норма применима к случаям, когда вследствие совершения преступления потерпевшему причиняются нравственные страдания. По общему правилу, в качестве гражданского ответчика будет выступать обвиняемый по уголовному делу. Если закон возлагает обязанность возмещения вреда на кого-то еще, то разрешается привлечь конкретное физическое или юридическое лицо. По смыслу положений Постановления № 23 следует, что прямое указание, относительно того, кто вправе представлять доказательства причинения морального вреда не предусмотрено. Такая позиция законодателя позволяет сделать вывод об отсутствии обязанности доказывания наличия морального вреда для органов, осуществляющих предварительное следствие. Указанное обстоятельство свидетельствует о том, что размер компенсации морального вреда, причинённого преступлением, напрямую зависит от качества доказательственной базы, представленной непосредственно потерпевшим.

Заключение. Таким образом, следует обратить внимание, что по своей природе гражданский иск, поданный в рамках уголовного процесса, должен занимать не главенствующую роль в процессе и содержать только требования по существу разбирательства, поскольку сама процедура судебного разбирательства строится с учётом особенностей срока,

выделенного на рассмотрение уголовного дела и меры пресечения в отношении подсудимого. Требования, относительно возмещения вреда, следует излагать таким образом, чтобы в дальнейшем у потерпевшего не возникло необходимости обращаться в суд в порядке гражданского судопроизводства.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 24.09.2025) – Текст: электронный.
2. Прокудина, Л. А. Гражданский процесс: вопросы и ответы / Л. А. Прокудина. – Москва: Юриспруденция, 2008. – 224 с. // Сайт: Российская государственная библиотека – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/02000013405> – Текст: электронный.
3. Бирюкова, Е. В. Гражданский иск в уголовном процессе, особенности правового регулирования // Юридический факт. – 2020. – № 117. – С. 20-22 // Сайт: elibrary.ru – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44305025> – Текст: электронный.
4. Краснокутский, В.А. Римское частное право / В. А. Краснокутский и др. под ред. И. Б. Новицкого и И.С. Краснокутского. – Москва: Кнорус, 2013. – 591 с. // Сайт: Российская государственная библиотека – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005504802> – Текст: электронный.
5. Юридические лица в российском гражданском праве: монография. В 3-х т. Т. 3. Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц / А.В. Габов, К. Д. Гасников, В.П. Емельянцева, Ю.Н. Кашеварова; отв. ред. А.В. Габов. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. – 280 с // Сайт: Российская государственная библиотека – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009460308> – Текст: электронный.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» от 13.10.2020 № 23 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365020/ (дата обращения: 25.09.2025) – Текст: электронный.
7. Ягельницкий, А. А. Отклонения от принципа полного возмещения убытков, причиненных государством // Закон. – 2017. – № 10. – С. 64-72 - Текст : непосредственный.
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28.02.2017 N 46-КГ16-32. // Легалакт : – URL: <https://legalacts.ru/> (дата обращения: 25.09.2025) – Текст: электронный.
9. Кассационное определение ВС РФ от 21.09.2010 № 74-О10-29 // Кодекс : – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/678908107> (дата обращения: 24.09.2025) – Текст: электронный.
10. Апелляционное постановление Московского городского суда от 10.07.2014 по делу № 10-7900 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы – URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/ae5e3652-6fce-47fd-8dd6-ea9f375bc090> (дата обращения: 24.09.2025) – Текст: электронный.
11. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 01.03.2019 по делу № 22-1547/2019 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUR&n=189791#Z0q56YTULVDQoXm5> (дата обращения: 24.09.2025) – Текст: электронный.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ОТКАЗА В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Руденко В.П., ORCID 0009-0001-3073-8466,

Боленкова А.Н., ORCID 0009-0003-5494-7099,

Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства Внутренних дел
Российской Федерации», г. Донецк, РФ
rvp.03@mail.ru

Введение. Процессуальный институт отказа в возбуждении уголовного дела уже много лет занимает серьёзное положение в уголовном судопроизводстве России. Его основное значение заключается в том, что он позволяет отграничить преступления от схожих правонарушений, а также соблюсти принципы процесса, включая справедливость, законность, разумный срок судопроизводства и иные. Поэтому имеется необходимость в изучении истории становления этого немаловажного решения.

Цель работы – исследование исторического аспекта института отказа в возбуждении уголовного дела в российском процессуальном праве.

Основная часть. Институт отказа в возбуждении уголовного дела является достаточно важным процессуальным элементом. На сегодняшний день основания для его применения закреплены, прежде всего, в ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1]. Однако он имеет определенную историю развития, в ходе которой данное процессуальное действие приобрело настоящий вид.

Отметим, что в своём первоначальном облике рассматриваемый институт фигурирует уже в первых правовых документах Древней Руси, а именно, в Русской Правде. Так, в качестве основания для освобождения от ответственности ст. 26 закрепляла душевное волнение, посредством которого субъект деяния терял контроль за своими действиями. В настоящее время это можно отождествить с состоянием аффекта. Если лицо добровольно возмещало ущерб, причинённый преступлением, такое обстоятельство также влекло за собой отказ от последующего уголовного преследования. Для этого процесс возмещения имущественного вреда сопровождался наличием свидетелей, а также фиксировался в письменной форме [2, с. 40]. Эти и иные основания в своём наиболее общем виде перетекали и в последующие нормативные акты, а именно, в Соборной уложение 1649 года, Артикул воинский 1715 года и иные.

Дополнительное, не существовавшее ранее основание, было введено с подачи Судебника 1497 года – факт примирения с потерпевшим. Также добавлялось особое основание – победа потенциального обвиняемого в

«судебном поединке», а также его предшествующее возвращение из татарского плена. Более подробной регламентации отличается Свод законов Российской империи, расширивший в целом компетенцию в сфере уголовного судопроизводства. В этот период следствие подразделялось на такие виды, как предварительное и формальное. Функцией формального следствия являлось именно выявление поводов и оснований для последующего уголовного разбирательства, в том числе и обнаружения противоправности в действиях субъекта преступления.

В своем исследовании Мельников А.В. отражает также и тот факт, что Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года уделяло внимание рассматриваемому институту, подразделяя обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, на две категории. Первая группа содержала обстоятельства, сами по себе исключающие наступление уголовной ответственности: малолетство виновного лица, наличие психических и иных заболеваний, необходимая оборона, принуждение, присутствие обмана или угрозы, а также и иные схожие факторы.

Вторая же группа подразумевала наличие признаков состава преступления и возможности несения уголовной ответственности, но определяла признаки освобождения от неё. Она содержала такие факторы, как присяга перед Богом, целование креста, а также заключение мирного соглашения между преступником и потерпевшим и иные [3, с. 163].

В свою очередь, следующий масштабный нормативный правовой акт, а именно Устав уголовного судопроизводства 1864 года, ликвидировал имеющиеся ранее формы проведения следствия. В данный период на органы полиции возлагались проведение оперативно-розыскных мероприятий, административные функции по охране общественного благочиния, а также реализация своего рода воспитательной функции поведения в обществе. Кроме того, на начальной стадии следствия у следователя происходило активное взаимодействие с прокурором.

К факторам, препятствующим возбуждению уголовного дела и влекущим за собой отказ от этого действия, законодатель отнёс ненадлежащую подследственность, смерть субъекта преступления, истечение сроков давности, примирение конфликтующих сторон, амнистия со стороны государя, отсутствие признаков состава преступления, либо заявления от потерпевшего, возбуждение уголовного дела против несовершеннолетних, отнесение к категории лиц, которые могут быть освобождены от уголовной ответственности, и другие. Как можно заметить, сегодняшний УПК РФ смог перенять ряд из этих обстоятельств, что в который раз подтверждает высокий уровень развития законодательства Российской империи в XIX – начале XX вв.

Как широко известно из исторических хроник, смена политического режима и изменение государственного устройства России в 1917 году

повлекли и существенные корректировки законодательства, в том числе, уголовно-процессуального. Однако эти изменения не сильно затронули перечень оснований к отказу в возбуждении уголовного дела, а лишь немного сократили его. Уголовное дело не возбуждалось в случае смерти основного фигуранта дела; при примирении сторон в отдельных деяниях; отсутствии заявления по делам частного обвинения от потерпевшего; истечении срока давности преследования; отсутствии в деянии состава преступления, а также издании со стороны государства акта амнистии.

В своей работе учёные Маслов А.В. и Климентов А.А. отмечают, что следующий крупный нормативный акт в рассматриваемой сфере, а именно УПК РСФСР 1961 года, также сохранил существовавшие ранее основания, но при этом он впервые закрепил саму категорию «отказ в возбуждении уголовного дела». Кроме того, в этом Уголовно-процессуальном кодексе закреплялось, что при вынесении отказа в возбуждении дела следователь должен оформлять своё решение отдельным постановлением, о чём дополнительно уведомляется заявитель (потерпевший) [4, с. 22]. Те же основания в своём усовершенствованном виде, как уже упоминалось ранее, закреплены в ныне действующем УПК РФ, принятие которого в 2001 году на сегодняшний день стало завершающим этапом совершенствования рассматриваемого института уголовного процесса.

Заключение. Таким образом, институт отказа от возбуждения уголовного дела уже на протяжении нескольких столетий сохраняет свою значимость в уголовном судопроизводстве России. Он позволяет реализовывать ключевые процессуальные принципы, а основания для данного действия впервые полноценно сложились в УПК РСФСР 1961 года, и далее, совершенствуясь, приобрели современный вид.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024 № 11-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 24.12.2001. – № 52. – Ст. 4921.
2. Злыденко, Д. С. Историческая эволюция института отказа в возбуждении уголовного дела в российском законодательстве / Д. С. Злыденко, А. Г. Рябченко // Право и практика. – 2021. – № 4. – С. 39-45. – DOI 10.24412/2411-2275-2021-4-39-45.
3. Мельников, А. В. Процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела: история становления / А. В. Мельников // Аграрное и земельное право. – 2021. – № 1(193). – С. 162-166. – DOI 10.47643/1815-1329_2021_1_162.
4. Маслов, А. В. История возникновения и развития института отказа в возбуждении уголовного дела в отечественном законодательстве / А. В. Маслов, А. А. Климентов // Центральный научный вестник. – 2019. – Т. 4, № 3S(68). – С. 21-23.

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ОТКАЗА В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Руденко В.П., ORCID 0009-0001-3073-8466

Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства Внутренних дел
Российской Федерации», г. Донецк, РФ
rvp.03@mail.ru

Введение. Институт отказа в возбуждении уголовного дела является важным элементом досудебного производства, ведь именно от него зависит судьба будущего процесса расследования. Его функция состоит в защите прав подозреваемых (впоследствии – обвиняемых) и потерпевших, а также в соблюдении принципов уголовного процесса, включая справедливость, законность, разумный срок судопроизводства и многие иные. Поэтому имеется необходимость в изучении понятия и сущности института отказа.

Цель работы – исследовать основные аспекты такой категории, как отказ в возбуждения уголовного дела, а именно его понятие и сущность.

Основная часть. Институт отказа от возбуждения уголовного дела является важной составляющей уголовного процесса в целом, который реализуется далеко не при каждом производстве. В ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) находят отражение основания для его применения. К ним относятся: отсутствие события либо состава преступления, истечение сроков давности, смерть подозреваемого или обвиняемого, уплата сумм недоимки и пеней, суммы штрафа, отсутствие заявления потерпевшего по некоторым категориям дел и иные. Также ст. 148 УПК непосредственно посвящена данному институту и носит одноимённое название. В ней закреплены аспекты процессуального оформления такого решения следователя [1].

Важно отметить, что институт отказа от возбуждения уголовного дела имеет существенное значение для современного судопроизводства, поскольку позволяет отграничить преступления от иных правонарушений в случае отсутствия состава преступления. Также реализуется принцип справедливости в случае смерти фигуранта дела, а принцип разумного срока судопроизводства – в случае истечения сроков давности по совершённому деянию. Помимо этого, экономятся как финансовые затраты на уголовное судопроизводство, так и силы следственных работников, которые перенаправляются на полноценные уголовные дела.

В то же время, соблюдается и общеправовой принцип законности в адрес обвиняемого, что позволяет защититься от незаконного уголовного преследования на справедливых основаниях и повысить доверие со стороны общества к правоохранительной и судебной системе нашего

государства. На основании анализа совершённого деяния, проводимой доследственной проверки заявления или сообщения о преступлении, можно также выработать меры профилактики по совершению как преступлений, так и иных противоправных деяний со стороны граждан.

В целом, рассматривая определение данной категории, хотелось бы согласиться с Васильевым Ф.Ю., который выразил его в своей работе следующим образом: «Под институтом отказа в возбуждении уголовного дела мы понимаем уголовно-процессуальное образование, регулирующее деятельность органов предварительного расследования по принятию процессуального решения о невозможности возбуждения уголовного дела по причине отсутствия предусмотренных законом оснований для начала уголовного преследования, либо наличия обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу» [2, с. 105].

При этом, учёные Климкина Д.К. и Шабанова А.А. следующим образом определяют дефиницию рассматриваемого института в своём исследовании: «Отказ в возбуждении уголовного дела представляет собой процессуальное решение, принимаемое компетентными органами (следователями, дознавателями), которым констатируется отсутствие достаточных оснований для возбуждения уголовного дела» [3, с. 143].

Как отмечает Теплякова О.А., данная процессуальная стадия определяет невозможным производство уголовного дела на основании заявления или сообщения о преступлении. Как правило, применение этого института говорит в целом о том, что факт совершения преступления отсутствует, однако это не всегда так. Следователь оформляет своё решение об отказе в возбуждении уголовного дела посредством вынесения постановления, о чём также уведомляется потерпевший, обратившийся с заявлением о нарушении закона. В случае же, если уголовное дело было возбуждено по информации, получившей огласку в СМИ, то сведения об отказе также должны быть официально опубликованы [4, с. 43].

Исходя из приведённых определений, можно определить следующие признаки данного института: 1) институт регулирует только определенную группу общественных отношений между заявителем, дознавателем, следователем, прокурором и другими участниками в ходе принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела; 2) отказ в возбуждении уголовного дела может быть реализован только при наличии оснований, установленных УПК РФ; 3) данный институт имеет процессуальное оформление в форме постановления, которое выносится исключительно компетентными на то органами в лице их должностных лиц; 3) наличие возможности обжалования прокурору или в суд в порядке ст. 124, 125 УПК РФ в неограниченный процессуальным законом срок, о чём заявитель уведомляется совместно с вручением постановления следователя (дознавателя); 4) применяется с целью гарантирования прав обвиняемого и соблюдения ключевых принципов уголовного судопроизводства.

Что касается постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, как справедливо отмечает Мовсисян А.Г., оно состоит из двух частей. В первом разделе описываются обстоятельства, выявленные сотрудниками правоохранительных органов, и их квалификация. Вторая часть содержит в себе основания для отказа в возбуждении дела и соответствующие сведения – о праве на обжалование и направлении копий постановления заявителю и прокурору [5, с. 123]. Копию такого постановления в течение суток следователь или дознаватель обязан предоставить заявителю. В случае, если поводом для расследования стало выявление прокурором фактов, нарушающих законодательство, то для вынесения такого постановления также потребуется согласие руководителя следственного органа [1]. Также вынесение данного постановления может рассматриваться совместно с привлечением заявителя к уголовной ответственности за заведомо ложный донос в случае наличия для того оснований.

Заключение. Подводя итог настоящему исследованию, понятие института отказа в возбуждении уголовного дела возможно определить следующим образом: «Это процессуальное решение следователя, дознавателя или иного компетентного лица, оформляемое в форме постановления, по вопросу отказа в последующем уголовном преследовании по поступившему заявлению или сообщению о преступлении, при наличии на то оснований, закреплённых в уголовно-процессуальном законодательстве». Он также имеет такие признаки, как возможность обжалования, необходимость уведомления заявителя, неограниченный срок обжалования и многие иные.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024 № 11-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 24.12.2001. – № 52. – Ст. 4921.
2. Васильев, Ф. Ю. К вопросу о понятии института отказа в возбуждении уголовного дела в российском уголовном процессе / Ф. Ю. Васильев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 4(68). – С. 103-106.
3. Климкина, Д. К. Отказ в возбуждении уголовного дела: правовая природа и проблемы регулирования / Д. К. Климкина, А. А. Шабанова // Право и суд в современном мире: Материалы научно-практической конференции, Хабаровск, 22 апреля 2025 года. – Хабаровск: РГУП им. В.М. Лебедева, 2025. – С. 142-144.
4. Теплякова, О. А. Отказ в возбуждении уголовного дела как институт уголовно-процессуального права / О. А. Теплякова // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2021. – № 2(28). – С. 41-45. – DOI 10.21777/2587-9472-2021-2-41-45.
5. Мовсисян, А. Г. К вопросу об отказе в возбуждении уголовного дела / А. Г. Мовсисян // Вопросы теории и практики в досудебном производстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 17 ноября 2023 года. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2023. – С. 120-124.

ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Семенов Е.А., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0007-5269-3258,

Понтелеева М.А., ORCID 0009-0008-0094-6521

ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова»,

г. Орел, РФ

mariaponteleeva@yandex.ru, semen_evge@mail.ru

Введение. В настоящее время невозможно представить мир без инновационных технологий, которые так или иначе используются во всех областях человеческой жизни. Не является исключением и юридическая сфера, хотя в центре данных правоотношений находятся, прежде всего, нормативные предписания. Вместе с тем, в современных реалиях развития законодательства, информационные технологии [1, с. 171-178], в том числе искусственный интеллект (далее по тексту – ИИ), проникают в уголовно-процессуальную деятельность, являясь, в большей степени, вспомогательным инструментом. Согласно Указа Президента Российской Федерации (далее по тексту – РФ) №490 от 10.10.2019 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» ИИ – это «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их» [1].

Цель. ИИ играет немаловажную роль в деятельности правоохранительных органов. Алгоритмы инновационных решений помогают в расследовании преступлений, анализируя большой объем информации, устанавливая конкретные связи, которые не являются очевидными человеческому мозгу. С уверенностью стоит констатировать, что осуществление правосудия по различным видам судопроизводств становится проще при применении машинных систем, но стоит ли доверять судьбу человека нейросетевым моделям?

Основная часть. Рассмотрим возможные способы внедрения ИИ в уголовно-процессуальную деятельность. Первый – помощник судьи с административно-хозяйственными и организационными функциями. Второй способ – наделение роботизированной системы функциями осуществления правосудия, но ограниченного характера. И последний – полноценная замена реального человека ИИ, что является, по своей сути, очень трудоемким и сложно выполнимым процессом.

Согласно статистике в 2024 году процент оправдательных приговоров составил 0,46 % от общего количества приговоров [3]. Это

позволяет утверждать, что функция правосудия и разрешения дела имеет обвинительный уклон, признавая лицо невиновным один раз из двухсот рассмотренных уголовных дел. Безусловно при осуществлении правосудия замена профессионального судьи на совокупность нейронных связей невозможна, но может быть приемлема при разрешении заданной программе ситуации, в которой при наличии отдельных условий и алгоритмов, ИИ предложит вариант разрешения сложившейся ситуации и, возможно, с учетом анализа сложившейся практики конкретный срок и вид наказания. Следует также добавить, что потенциальная замена реальных людей на искусственный интеллект, который, в свою очередь, не способен как судья по своему внутреннему убеждению осуществлять правосудие, основываясь при этом не только на законе, но и на совести, в современных условиях не осуществима.

Безусловно, ИИ – это инструмент, который позволяет облегчить кодификацию, систематизацию и в целом уголовное судопроизводство. Например, для выполнения операций, не требующих использования человеческого разума, которого лишена компьютерная система, ИИ является очень эффективным. Так, для обычного человека даже поиск нормы закона занимает значительную часть времени, а инновационные технологии обладают возможностью моментального обнаружения соответствующего положения. ИИ также обладает широким объемом информации, поэтому осуществить подбор необходимого нормативно-правового акта или судебной практики не составит труда.

Однако нельзя не учесть пробелы в применении инноваций на практике. Например, председатель Совета судей В.В. Момотов считает, что «вершить правосудие искусственный интеллект не может и не должен, поскольку система искусственного интеллекта никогда не сможет проникнуть в глубину человеческой психики, искусственный интеллект может оценивать обстоятельства дела только с точки зрения формальной логики, и именно поэтому искусственный интеллект никогда до конца не сможет понять фабулу дела, так как во многих делах, например, семейных, и, особенно, уголовных, очень много иррационального, а не формально-логического» [4].

При осуществлении правосудия судья помимо законодательных норм должен придерживаться соблюдения морали и этики, так как обвиняемый продолжает являться человеком. В связи с этим будет создаваться дополнительная нагрузка на судебную систему ввиду «двойного» осуществления правосудия, т.е. сначала ИИ выполняет свою задачу по вынесению решения и назначению наказания, а затем сам судья определит их правильность, с целью соотношения с морально-этическими нормами. Так в ч.1 ст. 61 Уголовного Кодекса РФ закреплено смягчающее обстоятельство – «совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания» [5].

Роботизированная система не обладает эмпатией и не сможет учесть эти обстоятельства при вынесении того или иного процессуального документа.

В том числе профессор В. В. Ершова считает: «Право – явление сложное. И невозможно найти заранее, и запрограммировать подходящую норму под каждый конкретный случай. Робот не справится с этим. В связи с чем, не представляется возможным утверждать о возможности полной замены судей роботами» [6, с. 619].

Несмотря на наличие значительного количества научных исследований, посвященных перспективам внедрения ИИ, отсутствует законодательное закрепление его применения в уголовном процессе. Поэтому возникает потребность в конкретизации данного явления.

Заключение. Недостаточная на данном этапе регламентация внедрения в уголовное судопроизводство современных технологий вводит «смуту» в правильности использования ИИ, так как отсутствует по сей день нормативно-правовая база, закрепляющая все нюансы и подводные камни цифровизации данной сферы, поэтому возникает острая необходимость в урегулировании данного вопроса и восполнения пробелов в законодательстве.

Действительно, использование ИИ является перспективным направлением, однако искусственный разум лишен нравственных начал разрешения основного по уголовному делу вопроса. Поэтому сфера действия инноваций в уголовном судопроизводстве должна быть ограничена аналитическими и прогностическими вопросами, а осуществлением правосудия по-прежнему должно относиться к прерогативе суда.

Список литературы

1. Проказин, Д. Л. Развитие видеотехнологий в уголовном процессе России / Д. Л. Проказин, Е. А. Семенов, А. И. Ляпин // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2023. – № 3(96). – С. 171-178. – EDN KPKOVV.
2. Указ Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» от 10.10.2019 N 490 // Справочная правовая система «Консультант плюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
3. Снизилось общее число уголовных дел, поступающих в суды различных инстанций <https://www.advgazeta.ru/novosti/snizilos-obshchee-chislo-ugolovnykh-del-postupayushchikh-v-sudy-razlichnykh-instantsiy/>
4. Момотов М.М. Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации // Выступление председателя Совета судей РФ В. В. Момотова на пленарном заседании. Катар, 26 февраля 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kgd.www.ssrf.ru> (дата обращения: 11.09.2025)
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.07.2025). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 11.09.2025)
6. Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. – М.: Рос. гос. ун-т правосудия, 2017. – С. 619.

ПОНЯТИЕ И ОБЪЕКТИВНЫЕ СВОЙСТВА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Семыкина Л.А., канд. юрид. наук, доц., ORCID 00-0006-4886-8062,

Котикова Д.Б., ORCID 0009-0009-0795-5153

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

l.semikina.donnu.jur@mail.ru, kotikovadi@yandex.ru

Введение. Уголовное наказание является закономерной реакцией государства на совершённое преступление, а потому представляет собой важный и фундаментальный институт уголовного права. В связи с этим, для глубокого понимания данного института важно определить его понятие и основные признаки, выраженные в форме объективных свойств.

Цель работы – провести общую характеристику уголовного наказания как важного института уголовного права.

Основная часть. В первую очередь, следует начать с того, что преступление и наказание – это два фундаментальных неразрывно связанных института уголовного права, где первое место отдается преступлению, поскольку без наличия совокупности признаков, определяющих какое действие или бездействие, признается общественно опасным, невозможно установить соответствующую уголовную ответственность, то есть наказание, которое, по логике вещей, занимает второе место. Без наказания нет преступления, а без преступления нет наказания [1, с. 159]. Волевое поведение человека признается общественно опасным в тех случаях, когда его действия противоречат установленному закону, угрожают нормальной жизнедеятельности социума или нормальному функционированию государства.

Определив роль уголовного наказания, разберемся с его понятием и объективными свойствами, в которых выражается сущность уголовного наказания.

На сегодняшний день каждый человек, специализирующийся в вопросах уголовного права и имея свой багаж знаний, который собирался на протяжении нескольких лет, может дать конкретное определение уголовному наказанию, вспомнив его характерные черты. Однако, стоит понимать, что это не значит, что в определении нужно перечислять абсолютно все характеристики. Следует из массы возможных признаков выявить главенствующие, которые имеют возможность полноценно отобразить всю суть уголовного наказания.

Согласно части 1 статьи 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее-УК РФ) «Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав

и свобод этого лица» [2]. Определение наказания, даваемое в УК РФ, полностью не раскрывает его сути, поэтому следует обратиться к существующим трудам ученых для конкретизации поставленного вопроса.

Любой юрист в уголках своей памяти имеет перечень признаков, характеризующих уголовное наказание. Например, ученый-правовед А. В. Наумов [3, с. 516] рассматривает три признака наказания, А. Ф. Мицкевич выделяет восемь [4, с. 25], а С. В. Максимов – двенадцать [5, с. 260]. А.А. Арямов в своей работе «Общетеоретические основы учения об уголовном наказании» выделил двадцать два признака уголовного наказания [6, с. 21].

Изучив работы выдающихся ученых, мы сфокусировали свое внимание на перечень признаков Наумова А. В., который изложил их довольно кратко, но информативно, выглядят они следующим образом:

1) Наказание как уголовно-правовая мера отличается специфическим характером, который заключается в том, что оно следует исключительно за совершением преступления – данная категория закреплена в УК РФ и является наиболее серьезным видом правонарушения. Именно тяжесть преступления определяет строгость наказания. Также отражением факта применения данной меры является состояние судимости.

2) Уголовное наказание носит индивидуализированный характер, поскольку оно напрямую связано с преступником и не может отбываться посторонним лицом.

3) Наказание непосредственно влечет за собой ограничение прав и интересов осужденного, что определяет карательный характер данной меры [7, с. 339].

Таким образом, основываясь на вышеизложенной информации, можно самостоятельно сформулировать понятие уголовного наказания. Уголовное наказание – правовое последствие, назначаемое виновному лицу за совершенное преступление, которое наступает после вынесенного судом обвинительного приговора, заключающееся в лишении или ограничении прав, или интересов этого лица.

Для выявления сущности уголовного наказания следует рассмотреть его объективные свойства. В юридической литературе данный вопрос также не остался без внимания и является весьма дискуссионным. Многие криминалисты не могут прийти к единому мнению – можно ли считать кару свойством наказания, если да, то в какой степени; имеет ли карательный характер меры исправительного воздействия, которые не закреплены в понятие сущности наказания; возмездие от имени социума и государства является частью сущности уголовного наказания или нет и т. п.

Исходя из истории уголовного наказания, понятно, что общество не сразу стало рассматривать вопрос о сущности уголовного наказания.

На сегодняшний день, кара не может рассматриваться как цель уголовного наказания в виде возмездия, поскольку это противоречит принципу гуманизма, закрепленному в законодательстве. Считаем, что

кара-неотъемлемое свойство наказания, поскольку наложенные ограничения и лишения прав и свобод объективно приводят к мучительным последствиям для виновного, порождая страдания, утрату и различные негативные эмоции, и переживания.

Действующий УК РФ предусматривает довольно-таки строгие меры государственного принуждения за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Например, ужесточилось наказание за совершение насильственных общественно опасных деяний. Сопоставим ст. 103 УК РСФСР 1960 г. со ст. 105 УК РФ, где ранее за убийство предусматривалось лишение свободы на срок от трех до десяти лет, а теперь от шести до пятнадцати лет. При детальном рассмотрении законодательств можно найти много подобных примеров. Со временем уголовные наказания ужесточаются вследствие возрастания уровня преступности в государстве, что является весьма логичным, поскольку социум желает защититься от негативного воздействия со стороны преступника. В тоже время в УК РФ предусмотрен целый ряд наказаний несвязанных с изоляцией виновного от общества за преступления небольшой и средней тяжести, таким образом сущность уголовного наказания является справедливой.

Заключение. Таким образом, уголовное наказание – правовое последствие, назначаемое виновному лицу за совершенное преступление, которое наступает после вынесенного судом обвинительного приговора, заключающееся в лишении или ограничении прав, или интересов этого лица, сущностью которого является справедливая ответная реакция государства на причиненное преступником зло социуму для пресечения преступных посягательств и рецидивов.

Список литературы

1. Гринберг, М.С. Понятие наказания в уголовном праве / М.С. Гринберг // Вестник Омского университета. Серия: Право. – Издательство: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. – 2009. – №3 (20). – С. 159-167.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ / Официальный сайт Правительства Российской Федерации. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/96145/> (дата обращения – 30.09.2025).
3. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 2 томах. Том 1: Общая часть / А. В. Наумов. – Т. 1. – Москва : Юрид. лит., 2004. – 830 с.
4. Мицкевич, А.Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия / Мицкевич, А.Ф. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005 (ППП Тип. Наука), 2005. – 327 с.
5. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник. Практикум: учеб. Пособие / Под ред. А. С. Михлина. – М: Юрист, 2004. – 494 с.
6. Арямов, А.А. Общетеоретические основы учения об уголовном наказании: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. спец. 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право : / Арямов Андрей Анатольевич. – Санкт-Петербург, 2004. – 288 с.
7. Наумов, А.В. Российское уголовное право: курс лекций. В 3 т. Том 1: Общая часть / А. В. Наумов. – Т. 1. – Изд 4-е., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 641 с.

ПРОБЛЕМЫ ОТСУТСТВИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО В РАМКАХ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ОСОБОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Срабионян С.Б., ORCID 0009-0009-3929-189X

Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева», г. Ростов-на-Дону, РФ
srabionyan.setrak@yandex.ru

Введение. Главная цель судебного разбирательства по правилам гл. 40 УПК РФ состоит в сокращении временных пределов уголовного процесса, снижении затрачиваемых процессуальных усилий, финансовых потерь. Несмотря на продолжительный срок существования норм данной главы в отечественном уголовном процессе, отношение к этим нормам и порядок их использования довольно разрозненное, об этом говорят и всевозможные публикации, в которых можно найти критические мнения относительно данных правил, введенных со слов ученых, без необходимого научного обоснования [1, с. 32], а также относительно юридического урегулирования данных правил [2, с. 192]. Так, С. А. Новиков приходит к заключению о том, что нужно произвести «решительное» снижение отрасли применения «особого порядка» [3, с. 159].

Основная часть. Нормы гл. 40 УПК РФ являются самыми обсуждаемыми в научных кругах, а также среди правоприменителей. Данная ситуация является довольно закономерной так как в УПК РФ, а также в Постановлении № 60 [4] можно найти довольно неоднозначные нормы.

И как результат проанализируем наиболее дискуссионные нормы и прежде всего это норма, определяющая правило использования вынесения решения на основании норм гл. 40 УПК РФ относительно поддержания подсудимым предъявленного обвинения и осознание сути данного обвинения на основании норм ч. 6 ст. 316 УПК РФ.

Стоит полагать, что поддержание обвинения, определяемое в качестве утверждения о совершении подозреваемым преступлений, запрещенных нормативно-правовыми предписаниями на основании норм п. 22 ст. 5 УПК РФ, непременно говорит о том, что подсудимый согласен с собственной виновностью. Помимо этого, стоит особо отметить то, что чаще всего в правоприменительной деятельности будет иметься признание вины подозреваемым.

В русском языке такие определения как «согласие», а также «признание» являются синонимичными, так как невозможно признать что-то, не поддерживая это [5, с. 58]. Но из данного факта никак не исходит

тождество рассмотренных терминов с позиции уголовно-процессуального права.

В нормативно-правовых актах применение разных понятий говорит о том, что у них разное содержание. И как результат можно поддержать утверждение Ю.К. Орлова относительно надобности присутствия в законодательстве терминологической точности и довольно большой строгости в результате применения в уголовно-процессуальном законодательстве таких терминов как «согласие», а также «признание вины» и кроме этого «раскаяние». И только тогда со слов автора можно будет ликвидировать имеющиеся разночтения [6, с. 76]. Н.С. Манова внесла предложения относительно применения для определения исследуемого порядка определения «соглашение относительно признания собственной вины», в котором по нашему мнению есть рациональное зерно, так как данное определение довольно хорошо определяет суть данного порядка [7, с. 402].

Следовательно, для обоснованного определения того, что могут быть исполнены условия гл. 40 УПК РФ, нужно иметь убеждение судебных органов относительно того, что подозреваемый поддерживает обвинение. То есть должна быть ситуация, в результате которой подозреваемый в полном объеме понимает собственную вину и поддерживает правовую оценку деяний, а значит, осознает, что следствие верно определило обстоятельства преступления. И как результат для терминологической верности нормативно-правовых предписаний использование термина «признание обвинения», содержащего такое понятие как «признание вины», в нормах п. 1 ч. 2 ст. 314 УПК РФ было бы намного более верным. И как результат нужно представить данное правило в следующем виде: «1) подозреваемый в полной мере поддерживает обвинение, понимает характер, а также последствия представленного прошения».

Также нужно сказать о том, что среди ученых существует мнение о надобности расширения списка условий для использования норм гл. 40 УПК РФ. Так, на основании норм ст. 316 УПК РФ определены пределы изучения и оценки имеющихся доказательств, только теми, которые определяют обстоятельства, указывающие на личность подозреваемого и которые могут смягчить либо отяготить назначаемое наказание. Порой ученые отмечают присутствие проблемы относительно определения оснований, способствующих прекращению дела, так как решение такой проблемы, предполагает тщательное изучение судебными органами определенных обстоятельств.

И как результат приходим к выводам о том, что для вынесения обоснованного решения относительно использования правил гл. 40 УПК РФ должно быть убеждение судебных органов о том, что есть обстоятельства, которые определяют суть всех определенных в нормативно-правовых актах условий. Несмотря на это список данных

условий, следует увеличить, внося дополнение о понимании подозреваемым собственной вины.

Ключевая проблема, на которую обращают внимание авторы, заключается в отсутствии обязательного допроса обвиняемого в рамках применения специальных правил судебного разбирательства. Это обстоятельство иногда рассматривается как недоработка законодательства, что ставит под сомнение правомочность применения норм, если отсутствует уверенность в том, что подсудимый осознает и признает свою вину. Проведенный анализ множества точек зрения на данную проблему позволяет сделать вывод о необходимости приведения законодательных норм в соответствие с требованиями терминологической точности.

Заключение. Подводя итог, можно утверждать, что главной темой работы является необходимость пересмотра и уточнения условий применения норм гл. 40 УПК РФ с целью повышения эффективности уголовного процесса и защиты прав участников данного процесса. Автор статьи подчеркивает, что, несмотря на долгий срок действия норм гл. 40 УПК РФ, их применение остается неоднозначным и вызывает множество дискуссий в научных и практических кругах. Отсутствие четких правил о необходимости признания вины приводит к правовой неопределенности и потенциальным нарушениям прав участников процесса.

Список литературы

1. Корнакова С.В. Проблемы реализации принципа справедливости в российском уголовном судопроизводстве. – Москва: Юрлитинформ, 2019. – С. 32.
2. Саакян А.Г. Правовые основы и проблемы применения особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением в уголовно-процессуальной деятельности в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. – 2020. – №3. – С. 192.
4. Новиков С.А. Собственное признание вины – «regina probationum» современного уголовного процесса // Вестник криминалистики. – 2020. – № 2. – С. 159.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 N 60 (ред. от 29.06.2021) «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // "Бюллетень Верховного Суда РФ», N 2, февраль, 2007.
6. Корнакова С.В. Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением: гарантии справедливости постановления приговора // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2020. – № 1. – С. 58.
7. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учебник для вузов / под ред. Э. К. Кутуева; Санкт-Петербургский университет министерства внутренних дел Российской Федерации. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. – С. 76.
8. Уголовный процесс / под редакцией В.П. Божьева, Б. Я. Гаврилова. М.: Юрайт, 2020. – С. 402.

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ПРИЧЕНИЯ ВРЕДА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БЕСПИЛОТНЫХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ

Старовойтова Ю.Г., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0000-7468-5602
Луганский филиал ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации», г. Луганск, РФ
y.g.starovoitova@mail.ru

Введение. В современном мире применение беспилотных воздушных судов (далее – БВС) становится обыденной практикой во многих сферах общественной жизни. Несмотря на высокую эффективность использования данных инструментов при выполнении сложных и опасных задач, возможность их оснащения оружием, и боеприпасами превращает их в объекты повышенной опасности, способные вызывать значительные разрушения и человеческие жертвы. В условиях Специальной военной операции актуальным является вопрос правовой оценки деяний лиц, которые их используют для причинения вреда охраняемым уголовным законом отношениям и ценностям.

Цель работы состоит в рассмотрении отдельных наиболее дискуссионных вопросов квалификации причинения вреда с использованием БВС в условиях Специальной военной операции.

Особую сложность в данном случае представляет разграничение террористического акта (ст. 205 УК РФ), диверсии (ст. 281 УК РФ), а также применения в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором РФ (ст. 356 УК РФ). Это обусловлено, прежде всего, тем, что с объективной стороны способ совершения указанных преступлений может быть одинаковым – взрыв, поджог и иные действия.

Отграничение преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, от преступного деяния, ответственность за которое установлена в ст. 281 УК РФ, можно произвести по цели совершения общественно опасных действий. Так, при террористическом акте виновный стремится дестабилизировать деятельность органов власти или международных организаций либо воздействовать на принятие ими решений, объекты атак при этом могут быть сколь угодно разными; совершая диверсию, лицо желает подорвать экономическую безопасность и (или) обороноспособность РФ, целенаправленно избирая подходящие объекты – предприятия военно-промышленного комплекса, военные базы и т.п. Исходя из цели, можно сделать вывод об объекте посягательства – втором разграничительном критерии. Совершая террористический акт, лицо посягает, в первую очередь, на отношения, обеспечивающие общественную безопасность, а при диверсии основным непосредственным

объектом следует считать отношения, в рамках которых обеспечивается безопасность государства. Отличительным признаком преступления, предусмотренного ст. 356 УК РФ, является обстановка – вооруженный конфликт, и субъект – организатором запрещенных средств и методов ведения войны могут быть «только лица, наделенные специальными полномочиями или фактическими возможностями по принятию соответствующих военно-политических, военно-административных или иных военных решений» [1, с. 1350], а исполнителем – любые лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста.

Очевидно, что в случае, если лицо, совершившее одно из вышеуказанных действий, не установлено, определить его статус, а также цель, которую он стремился достичь, может быть затруднительно. В таких случаях особое внимание следует уделять анализу всех объективных признаков содеянного. Так, например, если в результате атаки БВС на военный объект возник пожар, и было повреждено имущество, принадлежащее Министерству обороны России, содеянное следует квалифицировать по ч. 2 или ч. 3 ст. 281 УК РФ как диверсия, сопряженная с посягательством на объекты Министерства Обороны РФ. Если БВС был сбит, не достигнув цели, но объективные данные, например, траектория полета или место падения обломков, дают основания говорить, что оно было направлено на военный объект, в содеянном следует усматривать покушение на диверсию. Иное дело, если ударный БВС в обстановке вооруженного конфликта направленно поражает частное домостроение, многоквартирный дом или общественное место, такое как парк, стадион и т.д., вызывая взрыв, пожар, гибель людей. В такой ситуации ключевое значение имеют субъект и цель посягательства. Если будет установлено, что организатором атаки является военное должностное лицо стороны противника, то содеянное будет подпадать под состав применения в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором РФ. Атаки ударных БВС ВС Украины на гражданские объекты, находящиеся на территории России, подпадают под запрет в соответствии с Дополнительным протоколом к Женевским конвенциям от 12.08.1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8.06.1977 г. (Протокол I). В случае, если БВС, начиненный боеприпасами, направляет на гражданский объект частное лицо, желая выразить свой протест определенной политикой государства, и, таким образом, повлиять на принятие политического решения, например, об отказе от достижения целей Специальной военной операции, то содеянное следует квалифицировать как террористический акт.

Интересным представляется вопрос о квалификации уничтожения или повреждения государственного или гражданского имущества при нахождении в них военнослужащих без реквизиции и передачи во временное пользование МО РФ, например, в случае самовольного расквартирования

военных в частных жилых домах, самовольного размещения военной техники на территории предприятий, учреждений, частных сооружений. С одной стороны, атака на такие объекты в связи с пребыванием в них военнослужащих или хранением военного имущества имеет целью подорвать обороноспособность РФ. Однако, с другой стороны, такие объекты, кроме сооружений, не охватываются предметом диверсии. Возникает вопрос, можно ли жилой дом или, скажем, здание школы, в которой располагаются военные признать сооружением? Определение понятия сооружения закреплено в п. 23 ст. 2 Федерального закона от 30.12.2009 № 384-ФЗ, из которого следует, что сооружение не предназначено для постоянного проживания в нем людей, а предполагает возможность лишь временного их пребывания [2]. Как отмечается, форма собственности указанных в ст. 281 УК РФ материальных объектов не имеет значения при оценке общественной опасности деяния и квалификации его как диверсии [1, с. 1116]. Следовательно, совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение государственного или гражданского сооружения, в котором располагается военная техника или иное военное имущество, в целях уничтожения или повреждения такого имущества будет образовывать состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 281 УК РФ, а в случае гибели при этом людей – ч. 3 ст. 281 УК РФ.

Иное дело, если взрывом, поджогом или иными действиями уничтожается или повреждается жилой дом, в котором располагаются военные и(или) хранится военная техника. Жилой дом не охватывается предметом диверсии. В случае, если совершение указанных действий направлено на нанесение вреда здоровью или жизни военных, временно располагающихся в этом доме, содеянное образует идеальную совокупность преступлений и требует квалификации по ч. 1 или ч. 3 ст. 281 УК РФ, соответственно причиненному физическому вреду, и по ч. 2 ст. 167 УК РФ. В случае, если жилой дом использовался исключительно для хранения военного имущества, содеянное исключает квалификацию по ст. 281 УК РФ и подпадает только под соответствующую часть ст. 167 УК РФ.

Заключение. Таким образом при квалификации причинения вреда с использованием БВС важно учитывать признаки субъекта посягательства, направленность умысла и цель виновного, а также предмет посягательства.

Список литературы

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Университет прокуратуры Российской Федерации; под общ. ред. О. С. Капинус; научн. ред. В. В. Меркурьев. – Москва : Проспект, 2018. – 1376 с. – ISBN 978-5-392-27805-3
2. Российская Федерация. Законы. Технический регламент о безопасности зданий и сооружений : Федеральный Закон № 384-ФЗ : [принят Государственной Думой 23 декабря 2009 года : одобрен Советом Федерации 25 декабря 2009 года] (в ред. от 25 декабря 2023 года) // ЮИС «Легалакт». – URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-30122009-n-384-fz-tekhnicheskii/> (дата обращения: 3.10.2025).

ПЕРСПЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Студенникова М.Н., ORCID 0009-0006-6474-6137

ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.В. Лукьянова», г. Орел, РФ
e-mail: orui@mvd.ru, studennikovamargarita@yandex.ru

Введение. Современные вызовы геополитической обстановки и усовершенствование навыков и знаний криминальных элементов в области развития цифровой и технической сфер требуют своевременного реагирования со стороны правоохранительных органов, в частности, со стороны органов предварительного расследования в борьбе с преступностью. Кроме того, возникает необходимость в применении дистанционных технологий, которые способны помочь в формировании доказательственной базы на расстоянии, а также в фиксации обстановки на труднодоступных и обширных территориях. В виду чего сегодня укореняется практика по внедрению беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) в процесс раскрытия и расследования преступлений.

Цель исследования заключается в комплексном правовом анализе нормативного правового регулирования использования БПЛА и их прикладного применения в рамках проведения отдельных следственных действий органами предварительного расследования. Также отдельное внимание уделяется проведению анализа перспективности стандартизации в подходе к методике проведения различных видов осмотра посредством БПЛА.

Основная часть. БПЛА сегодня выступают в качестве мощного прикладного инструмента для улучшения эффективности, оперативности и оптимизации деятельности правоохранительных органов. Их применение подразумевает возможность решения широкого спектра задач, включающего деятельность по обследованию территорий, мониторингу оперативной обстановки, контролю за соблюдением законодательства, а также проведению оперативных операций и обеспечению управления при работе как в повседневных, так и в особых условиях. В различных следственных ситуациях подобные технологии способствуют не только сбору доказательственного материала, но и делают реальной возможность обработки информации в реальном времени. Но базовым аспектом для национальной правоохранительной системы должна явиться апробация ряда форм использования БПЛА за рубежом, однако с учетом отечественных технических и процессуальных особенностей и нужд.

За последнее десятилетие БПЛА развиваются стремительно и оснащаются все новыми техническими характеристиками. Из всего массива видов данных технических средств мы остановимся на тех, применение которых может быть легко оптимизировано в деятельность правоохранительных органов. В наиболее общем виде, исследуемая технология позволяет производить манипуляции по сбору доказательств с места происшествия путем оптимизированных под правила традиционной криминалистической фото- и видеосъемки [2, с. 159], осуществлять патрулирование труднопроходимых районов и областей, обнаруживать преступников, совершивших побег из мест содержания под стражей либо же лиц, пропавших без вести. Перечисленные задачи относимы к деятельности сотрудников ОВД в целом, в частности, по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности, мы же считаем важным выделить ключевые аспекты использования БПЛА в ходе расследования преступлений.

Самыми распространенными формами внедрения данного технического средства в работу следственных органов для решения обозначенных задач являются, согласно отечественной классификации, легкие БПЛА малого и среднего радиуса действия, среди которых наиболее распространены: DJI Inspire 2, ZALA 421, DJI Phantom 4 pro [1, с. 1]. Наиболее широко дроны применяются при проведении осмотров места происшествия, когда складываются следственные ситуации, связанные с крупными железнодорожными авариями, поджогами в целях отыскания места поджога, либо на территории лесных массивов по категории экологических преступлений. Также имеет место быть осмотр в экстремальной ситуации, что наиболее актуально в ныне существующих геополитических условиях. Эта ситуация характерна для осмотра места стихийных бедствий и техногенных аварий, когда обстановка на месте происшествия, температурный, звуковой, радиационный, газовый фон на месте происшествия небезопасны для живого человека (следователя) [3, с. 25].

Но следственный осмотр отнюдь не единственное следственное действие, в котором целесообразно применять БПЛА, они также оптимальны в ходе обысков на местности с рельефным ландшафтом, проверки показаний на месте и следственного эксперимента. В наиболее общем виде исследуемое техническое средство призвано оптимизировать процессы по измерению больших расстояний, контроля за действиями участников следственного действия.

Цифровые камеры, внедренные в устройство БПЛА в прикладном конкретизированном аспекте предназначены для: установления границ и координат осматриваемой территории, фиксацию следовой картины, подверженной быстрому утрачиванию, более детальная съемка за счет возможности остановки в воздухе технического средства на определенный

промежуток времени, осмотр конкретных объектов с одновременной их фотофиксацией.

Несмотря на положительные аспекты и перспективность в подходе к вопросу о внедрении БПЛА в деятельность следственных органов, существуют и определенные риски. Обобщая, отметим, что основными вызовами при внедрении БПЛА в деятельность правоохранительных органов являются следующие: обеспечение защиты персональных данных лиц, участвующих в производстве по уголовному делу, «кадровый вопрос», то есть необходимость привлечения уже обученных управлению БПЛА новых сотрудников, или получение дополнительной квалификации лицами, уже входящими в аппарат подразделения, что потенциально может привести к расширению штата, и как следствие к увеличению финансовых затрат. Кроме того, важнейшим вызовом представляется охранение безопасности как комплексной дефиниции, не только информационной. Тем самым, от сотрудников, применяющих дроны требуется соблюдения требований по повышенной предусмотрительности, владении техническими навыками, и, первоочередно, правомерности использования исследуемого технического средства.

Заключение. Исследование теоретических и практических аспектов в области внедрения БПЛА в деятельность следственных органов подчеркивает значимость их потенциала в части повышения эффективности, безопасности и оперативности проведения различного рода тактических операций и следственных действий. Дальнейшее развитие и стандартизация использования БПЛА требуют системного подхода к решению технических, правовых и организационных вопросов в целях минимизации рисков, максимальной продуктивности деятельности органов предварительного расследования и подразделений, оказывающих содействие в получении информации о готовящихся преступлениях, при их применении.

Список литературы

1. Звягин И.С., Суслова Я.А., Чурсина Т.А. Использование беспилотных летательных аппаратов при производстве следственных действий // Вестник ВИ МВД России. – 2024. – №1. – С. 1-5.
2. Сretenцев А.Н. Некоторые перспективы развития криминалистической науки и техники в эпоху цифровизации // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : Сборник научных статей. – Орёл, 2023. – С. 156-159. - EDN WKWSJO.
3. Смушкин А.Б. Роевое управление БПЛА в ходе следственного осмотра // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. – 2022. – № 2 (20). – С. 24-25. - EDN PMXGXT.
4. Шурухнов Н.Г. Беспилотные летательные аппараты, их применение в процессе расследования преступлений: криминалистические аспекты // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : Материалы Международной научно-практической конференции. – Тула, 2024. – С. 256-263. – EDN TPREAS.

ОСВОБОЖДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Татьянина А.В., канд. социол. наук, доц.,

Косяченко М.С.

ЧОУ ВО «Таганрогский Институт управления и экономики»,

г. Таганрог, Ростовская обл., РФ

a.karyagina@tmei.ru, mari.kosyachenko@inbox.ru

Каждый раз при совершении уголовно-наказуемого деяния подростком, суд и правоохранительные органы решают вопрос о применении наказания к самому уязвимому слою населения – несовершеннолетним – или вовсе освобождают данное лицо от уголовного наказания. Однако, основанием для освобождения от уголовной ответственности может служить как минимум невысокая степень общественной опасности деяния и личности, позволяющая добиться целей исправления преступника другими, не уголовно-правовыми методами.

Цель данной работы – выявить проблемные аспекты особенностей освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности, проанализировать обстоятельства, с которыми уголовный закон связывает освобождение от уголовной ответственности, указывая на недостатки уголовно-правовых норм в данной сфере.

Освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности состоит в отказе уполномоченного государственного органа от осуждения и порицания, а также от применения мер государственного принуждения в отношении лица, виновного в совершении преступления [2].

На данный момент законодательство Российской Федерации в отношении несовершеннолетних дает им некую прерогативу, которая предусматривает возможность несовершеннолетним освобождения от уголовной ответственности, но при наличии некоторых оснований. На сегодняшний день, будет целесообразным при освобождении от уголовной ответственности одним из оснований иметь ввиду малую степень общественной опасности самого виновного, к примеру, оступившегося подростка, который имеет положительную репутацию в социуме. Как правило, такие подростки зачастую попадают не в ту компанию и назначение наказания может только усугубить ситуацию. В данном случае необходимо проводить качественные психологические и воспитательные занятия, чтобы вернуть таких подростков к прежней жизни в социуме. Еще одним основанием нельзя не упомянуть – небольшую степень общественной опасности совершенного преступления. Полагаем, для несовершеннолетних, обладающих еще несформированной психикой,

нестабильным эмоциональным состоянием, будет разумно проводить перевоспитание без реализации уголовного наказания.

Уголовный Кодекс Российской Федерации (далее УК РФ) предусматривает общие и специальные виды освобождения от уголовной ответственности, а также наказания [1]. Что касается освобождения от уголовной ответственности по общим правилам, то они перечислены в главе 11 УК РФ. Главной особенностью в области наказания несовершеннолетних являются специальные меры освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности. Подросток, совершивший уголовно-наказуемое деяние, может быть помещен в учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, либо к нему могут применить принудительные меры воспитательного воздействия.

В соответствии со статьей 90 УК РФ законодатель дает четкий перечень таких мер: предупреждение; передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Однако, каждая из таких мер имеет свои отрицательные стороны [3].

Предупреждение самая лояльная воспитательная мера, состоящая в проведении воспитательной беседы и разъяснении отрицательных сторон и последствий, совершенным его противоправным деянием.

Если правоохранительные органы посчитают, что на подростка, совершившего уголовно-наказуемое деяние могут положительно повлиять авторитетные для него люди, то имеет место быть такая мера воспитательного воздействия, как передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа. Данная мера может применяться как по инициативе названных лиц, так и по решению суда, но с их согласия.

Если подростком был нанесен имущественный вред, то зачастую как меру воспитательного воздействия назначают возложение обязанности загладить причиненный вред. Конечно, в этом случае всегда учитывается имущественное положение виновного и его трудовых функций.

Наиболее серьезной мерой является ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Ввиду неустойчивости психики подростка данную меру необходимо применять аккуратно, так как можно воздействовать на несовершеннолетнего в отрицательную сторону. К примеру, ограничение находиться вне дома после определенного времени суток, выезда в другие местности без ведома контролирующего органа ограничивают права и свободы несовершеннолетнего, что не может влиять положительно даже на взрослого человека, не говоря о подростке [4].

Несмотря имеющийся выбор мер воспитательного воздействия, было бы не лишним дополнить и расширить его такими мерами, как

воспитательная опека, указание пройти курсы социального тренинга, указание принести извинения и постараться примириться с потерпевшим, указание находиться дома в ночное время, в выходные и праздничные дни. Наличие такого количества воспитательных мер со временем позволит расширить сферу их применения и снизить процент применения лишения свободы.

Таким образом, применение воспитательных мер, таких как предупреждение, передача под надзор или возложение обязанности загладить причиненный вред, демонстрирует стремление государства не только наказать правонарушителя, но и создать условия для его успешной интеграции в общество. Однако необходимо учитывать, что эффективность этих мер зависит от их адекватного применения и контроля за исполнением. Систематическое неисполнение назначенных мер может привести к необходимости повторного привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности, что подчеркивает важность комплексного подхода к каждому делу. В конечном итоге, целью уголовной юстиции должно оставаться не только наказание, но и реабилитация, что требует постоянного совершенствования законодательства и практики его применения.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) [принят Государственной Думой 24.05.1996, одобрен Советом Федерации 05.06.1996]. – Текст: электронный // Государственная система правовой информации: Официальный интернет портал правовой информации. 2005-2025 гг. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891> (дата обращения: 20.09.2025).
2. Бабаян, С. Л. Освобождение от уголовной ответственности / С. Л. Бабаян. – Москва : Российский государственный университет правосудия, 2024. – 88 с. – ISBN 978-5-00209-110-2.
3. Гилинский Я. И. Несовершеннолетние как субъекты уголовно-правовых отношений : монография / Я. И. Гилинский, М. С. Дикаева, И. В. Морозова [и др.] ; под редакцией С. У. Дикаева. – Санкт-Петербург : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2023. – 232 с. – ISBN 978-5-8064-3364-1.
4. Горшенин, А. А. Уголовная ответственность несовершеннолетних : учебник для вузов / А. А. Горшенин. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 117 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-20536-7.

ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Татьянина А. В., канд. социол. наук, доц.,

Сапрыкин В.Ю.

ЧОУ ВО «Таганрогский Институт управления и экономики»,

г. Таганрог, Ростовская обл., РФ

a.karyagina@tmei.ru, vladislav.saprykin080@gmail.com

Актуальность темы исследования обусловлена высокой степенью общественной опасности взяточничества, которое подрывает авторитет государственной власти и местного самоуправления, дискредитирует деятельность аппарата управления, нарушает принципы законности и социальной справедливости. Несмотря на постоянное ужесточение уголовной ответственности и совершенствование законодательной базы, взяточничество остается широко распространенным явлением, борьба с которым является одним из приоритетных направлений правоохранительной деятельности.

Взяточничество как институт уголовного права охватывает два взаимосвязанных состава преступления: получение взятки (ст. 290 УК РФ) и дачу взятки (ст. 291 УК РФ). Объектом этих преступлений являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную, регламентированную законом деятельность государственного аппарата и аппарата местного самоуправления.

Получение взятки представляет собой незаконное получение должностным лицом лично или через посредника денег, ценных бумаг, иного имущества либо незаконных услуг имущественного характера за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия входят в служебные полномочия должностного лица либо оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям, а равно за общее покровительство или попустительство по службе (ст. 290 УК РФ).

Ключевые признаки объективной стороны. 1. *Предмет взятки.* Деньги, ценные бумаги, иное имущество, выгоды имущественного характера (например, бесплатный ремонт, предоставление путевки, прощение долга). 2. *Деяние.* Получение предмета взятки лично или через посредника. 3. *Связь между передачей ценностей и действиями должностного лица.* Взятка передается именно за совершение определенных действий (бездействия) с использованием служебных полномочий [3].

Дача взятки – это непосредственная передача взяткодателем или через посредника указанных ценностей должностному лицу за совершение

перечисленных выше действий. Квалифицирующие признаки обоих составов (ч. 2-6 ст. 290 и ч. 2-4 ст. 291 УК РФ) включают совершение деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, вымогательство взятки, получение/дачу взятки в крупном (свыше 25 тыс. руб.) и особо крупном (свыше 1 млн руб.) размере [2].

Правоприменительная практика сталкивается с рядом сложностей при квалификации взяточничества. Одна из важных проблем – это проблема отграничения взятки от смежных составов. Наиболее сложным является разграничение взятки и коммерческого подкупа (ст. 204 УК РФ). Ключевым критерием выступает субъект: получателем взятки может быть только должностное лицо – представитель власти или государственного/муниципального учреждения, выполняющий организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции. Субъектом же коммерческого подкупа является лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, не являющейся государственным органом.

Также на практике возникает необходимость отграничения взятки от провокации (ст. 304 УК РФ). Если передача ценностей инициирована не самим взяткодателем, а правоохранительными органами с целью задержания с поличным, при отсутствии предварительного умысла у должностного лица, состав получения взятки отсутствует.

Не менее важной проблемой является определение предмета взятки. Суды часто сталкиваются с необходимостью оценки имущественных выгод, не выраженных в денежной форме. Например, оказание услуг имущественного характера (ремонт, строительство) требует проведения экспертной оценки их рыночной стоимости для определения размера взятки, что является обязательным для квалификации по соответствующим частям ст. 290, 291 УК РФ. Сложности вызывает и оценка «взятки-кредита», когда должностному лицу предоставляется беспроцентный или льготный заем [1].

Еще одной проблемой является тот факт, что для **получения взятки** моментом окончания считается принятие должностным лицом хотя бы части передаваемых ценностей. Если лицо отказалось принять взятку или, получив ее, немедленно сообщило о случившемся в правоохранительные органы и способствовало раскрытию преступления, в его действиях отсутствует состав преступления. Для **дачи взятки** преступление считается оконченным с момента принятия взятки должностным лицом. Даже если должностное лицо не выполнило обещанных действий, дача взятки все равно является оконченным преступлением.

На практике выделяется и ряд поблеем, связанных с квалификацией посредничества во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ). Посредник – это лицо, которое непосредственно передает взятку по поручению взяткодателя или взятополучателя, либо иным образом

способствует достижению соглашения между ними. Сложность заключается в доказывании умысла посредника и его осведомленности о характере передаваемых ценностей. Действия посредника квалифицируются самостоятельно по ст. 291.1 УК РФ и не требуют дополнительной квалификации как соучастия в даче или получении взятки.

Также стоит сказать о добровольном сообщении о даче взятки (примечание к ст. 291 УК РФ). То есть, взяткодатель освобождается от уголовной ответственности, если он активно способствовал раскрытию преступления, либо имело место вымогательство взятки со стороны должностного лица, либо лицо после дачи взятки добровольно сообщило о случившемся. На практике часто возникают споры о том, что именно считать «добровольным сообщением» (например, если лицо сообщает о факте после того, как стало известно, что правоохранительные органы располагают данной информацией) [1].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что, несмотря на детальную законодательную регламентацию, квалификация взяточничества остается одной из самых сложных задач в уголовном праве. Проблемы возникают на всех этапах: при установлении субъекта преступления, определении предмета взятки, отграничении от смежных составов и оценке обстоятельств, исключающих преступность деяния. Для повышения эффективности борьбы со взяточничеством необходима не только дальнейшая техническая коррекция диспозиций статей УК РФ, но и формирование единообразной правоприменительной практики. Целесообразно более широкое использование разъяснений Пленума ВС РФ, которые могли бы дать ответы на наиболее спорные вопросы, связанные с оценкой имущественных выгод, квалификацией посредничества и применением норм об освобождении от ответственности. Комплексный подход, сочетающий четкость закона и профессионализм правоприменителей может стать действенным инструментом против этого социально опасного явления.

Список литературы

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: УК: текст с изменениями и дополнениями на 1 августа 2017 года: [принят Государственной думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. – Москва: АСТ, 2025. – 400 с. – (Актуальное законодательство). – 20000 экз. – ISBN 978-5-17-177200-0. – Текст: непосредственный.
2. Бурхан М.С., Карягина О.В. Должностные преступления: ретроспективный анализ / Сборник научных статей II Всероссийской национальной конференции студентов, магистрантов и молодых ученых. Под редакцией А.В. Фёдорова, Г.С. Працко. – Ростов-на-Дону, 2023. – С. 208-214. – Текст: непосредственный.
3. Решняк М.Г. Уголовное право. Учебное пособие в схемах и таблицах. / М.Г. Решняк; Изд-во «Эксмо», 2025. – 256 с. – ISBN 978-5-04-220363-3. Текст : непосредственный.

**НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫМ
СРЕДСТВОМ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ ЛИЦОМ,
ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ
ИЛИ ИМЕЮЩИМ СУДИМОСТЬ**

Татьянина А.В., канд. социол. наук, доц.
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики»,
г. Таганрог, Ростовская обл., РФ
a.karyagina@tmei.ru

Особая роль в обеспечении дорожно-транспортной безопасности отведена уголовному законодательству РФ, в том числе и нормам, предусматривающим ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость.

Социальной обусловленностью уголовно-правового запрета, установленного в ст. 264.1 УК РФ, определена его конституционная адекватность, то есть соответствие уголовной новеллы нормам действующей в Российской Федерации Конституции. Управление автомобилем, как любым другим механическим транспортным средством, в нетрезвом виде само по себе противоправный акт, а совершение его два и более раза говорит о недостаточной профилактике административного наказания. В связи с этим дополнение уголовного закона нормой, распространяющей своё охранительное воздействие на права и свободы в исследуемой сфере, выступает необходимой мерой, представляющей собой реализацию государством своих обязательств. Именно в этом аспекте выражается обязательная конституционная адекватность и обоснованность криминализации таких преступных проявлений, как управление механическим транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию.

Вместе с тем существенным недостатком криминализации, не позволяющим констатировать полное соответствие данного уголовно-правового запрета положениям Конституции РФ, следует признать неустановление в ст. 264.1 УК РФ ответственности за оставление лицом, подвергнутым административному наказанию и управлявшим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, в нарушение Правил дорожного движения, места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он являлся и/или невыполнение требования уполномоченного должностного лица об остановке.

Здоровье населения не является объектом этого преступления, поэтому при управлении водителем (такси, автобуса, троллейбуса, трамвая

или иного механического транспортного средства) механическим транспортным средством в состоянии опьянения при осуществлении своей деятельности по оказанию услуг по перевозке людей, предоставляемая им услуга не отвечает требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, и при наличии соответствующих признаков такое деяние должно образовывать идеальную совокупность преступлений, предусмотренных ст. 238 УК РФ и ст. 264.1 УК РФ.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, следует признавать любое транспортное средство, имеющее признаки, позволяющие признать его механическим транспортным средством, вне зависимости от того, подлежит оно государственной регистрации или нет.

По нашему мнению, понятие «целенаправленное воздействие на транспортное средство» нуждается в уточнении. Под ним следует понимать такое воздействие лица на органы управления транспортного средства, которое обеспечивает его трогание с места, движение и маневрирование. Двигатель является силовым агрегатом транспортного средства, обеспечивающим его движение, и не относится к органам управления. Поэтому запуск двигателя, в том числе и дистанционный, нельзя считать управлением транспортным средством.

Управлением автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством следует признавать действия, связанные с активацией автоматизированной системы вождения и контролем движения этого механического транспортного средства в автоматизированном режиме управления, а также осуществляющее в режиме ручного управления воздействие на органы управления механического транспортного средства, приведшие его в движение как посредством двигателя, так и иным способом, изменившие траекторию его движения или повлекшие его остановку.

Следует ограничивать «управление механическим транспортным средством» как деяние, составляющее объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, от «управления отдельными механизмами и системами механического транспортного средства», которое таковую не образует. Под последним предлагается понимать действия, связанные с включением либо выключением различных технологических устройств механического транспортного средства, работа которых не приводит его в движение, не изменяет траекторию его движения и не останавливает его.

Деяние, выражающееся в нахождении лица в механическом транспортном средстве на водительском месте, предпринимающего все необходимые действия с узлами и агрегатами, направленные на приведение его в движение, однако по ряду независимых от него причин, не приведших к движению, следует квалифицировать как покушение на преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ.

Наличие в преступлении, предусмотренном ст. 264 УК РФ, административной преюдиции предопределило ряд особенностей установления осознания виновным общественной опасности совершенного деяния. Так, в случаях, когда лицо не знало о привлечении его к административной ответственности (как по причине нарушения процедуры административного судопроизводства, так и по иным установленным причинам), у лица отсутствовало осознание общественной опасности совершенного деяния, что, в свою очередь, говорит об отсутствии вины, а, следовательно, и субъективной стороны преступления.

Действия водителя, находящегося в состоянии опьянения, который необоснованно считает, что управляет механическим транспортным средством в трезвом виде, следует признавать одним из видов юридической ошибки. Руководствуясь правилами юридической ошибки, лицо, которое не осознает наличия признаков состояния опьянения и ошибочно считает себя трезвым, однако пребывает в состоянии опьянения, подлежит привлечению к ответственности на общих основаниях.

Имеющая место судебнo-следственная практика, согласно которой лицо признаётся находящимся в состоянии опьянения при управлении механическим транспортным средством после употребления лекарственных и иных препаратов, не включенных в перечень запрещенных, является необоснованной. Факт сознания общественной опасности отсутствует, когда употребление любых веществ, вызывающих состояние опьянения, происходит неосознанно для лица (в быту, обманом и т. п.), следовательно, отсутствует и интеллектуальный момент умысла. В таком случае даже при установлении состояния опьянения и соблюдении всех необходимых процедур лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности ввиду отсутствия состава преступления, а именно субъективной стороны.

Полагаем, что указанные предложения, направленные на совершенствование уголовной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, позволят оптимизировать законодательство и практику его применения в рассматриваемой сфере.

Список литературы

1. Залян К.В. Ужесточение наказания за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения – Текст : непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 4-2 (79). – С. 80-82.
2. Карягина О.В. Трансформация изменений уголовного законодательства в 2024 году: анализ законодательных новелл – Текст : непосредственный // Сборник научных статей IV Всероссийской национальной конференции студентов, магистрантов и молодых ученых. – Ростов-на-Дону, 2025. – С. 150-152.

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕПРАВОМЕРНОГО ОБОРОТА СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Тимошенко Н.А., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0006-8081-1066,
Розуменко П.В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.timowenko@mail.ru, p.rozumenko3@gmail.com

Введение. Квалификация преступления определяется как процесс установления и закрепления юридических признаков совершенного деяния, соответствующих признакам состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой. Именно неотъемлемым элементом квалификации является уголовно-правовая характеристика состава преступления, представляющего собой совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих преступное деяние. По состоянию на 2025 год, количество совершенных преступлений в сфере неправомерного обращения платежных средств составляет в Соединенных Штатах Америки – 35 %, Китайской Народной Республике – 20 %, Федеративной Республике Германия – 10 %, Итальянской Республике – 6 %, Республике Польша – 5 %, Финляндской Республике – 3 %, Австрийской Республике – 2 %, Республике Болгария – 2 %. Поэтому, изучение особенностей уголовно-правовой характеристики неправомерного оборота средств платежей по законодательству зарубежных стран имеет важное значение для предотвращения криминализации неполных деяний и совершенствования отечественного законодательства.

Цель работы – анализ уголовно-правовой характеристики неправомерного оборота платежных средств в законодательстве зарубежных стран.

Основная часть. Объектом преступления выступают охраняемые законом общественные отношения в сфере финансовой безопасности государства, стабильность банковской системы, права и интересы физических и юридических лиц на установленный законом оборот денежных средств. Вместе с тем, законодатель в ст. 18 § 1029 Кодекса Соединенных Штатов устанавливает уголовную ответственность за незаконное использование, хранение или производство средств доступа к учетным записям или платежным картам, существенно расширяя предмет преступления по сравнению со ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации.

К предметам неправомерного оборота средств платежей законодатель в ст. 246 УК Болгарии относит поддельные денежные знаки, ценные

бумаги, марки для уплаты пошлины, облигации, электронные средства платежа. В свою очередь, согласно ст. 310 УК Польши, предметами преступления признаются поддельные документы, платежные средства, а также средства их изготовления. Следует отметить, что законодатели в ст. 238 УК Австрии и ст. 148 УК Германии приравнивают к предметам неправомерного оборота средств платежей знаки оплаты, а в ст. 18 § 1029 Кодекса Соединенных Штатов также платежные карты, оборудование для их подделки, и частичные отпечатки поддельных карт [1, с. 228]. Особенностью конструкции ст. 386 УК Испании является широкое определение «средств платежей», в которое входят кредитные и долговые карты, а также аккредитивы, существенно расширяющие предметный состав неправомерного оборота средств платежей [2, с. 157]. Согласно ст. 170 УК Китайской Народной Республики, предметами преступления являются доверенности и документы на денежные переводы, реквизиты платежных карт, платежные карты [3, с. 275].

Сравнивая конструкции статей по предмету преступления, следует отметить существенно меньший перечень таких предметов в отечественном уголовном законодательстве, ограничивающий детализацию предметов неправомерного оборота средств платежей. В большинстве рассмотренных стран предметами преступления выступают не только платежные документы, но и средства для их изготовления, частичные или полные отпечатки поддельных карт, а также реквизиты платежных карт. Особый интерес вызывает закрепление законодателем Китайской Народной Республики доверенности на получение денежных средств в качестве предмета неправомерного оборота средств платежей, опыт которых может быть использован для расширения предметного состава ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Объективная сторона характеризует внешние проявления преступного деяния: действие или бездействие, последствия, причинно-следственную связь, а также место, время, способ и орудие преступления. Относительно объективной стороны преступления законодатель в ст. 238 Уголовного кодекса Австрии предусматривает ответственность за фальсификацию и подделку знаков оплаты, а также за повторное использование служебного знака (печати, штампа). В ст. 148 Уголовного кодекса Германии предусмотрена уголовная ответственность за подделку служебных знаков оплаты с намерением использования их в качестве подлинных или их сбыт, приобретения для себя с таким же намерением, и сбыт поддельных служебных знаков оплаты в качестве подлинных.

Субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. В Соединенных Штатах Америки, Австрийской Республике, Республике Болгария, Федеративной Республике Германия и Итальянской Республике возраст субъекта неправомерного оборота средств платежей составляет 14 лет; Финляндской

Республике – 15 лет; Китайской Народной Республике – 16 лет; Республике Польша – 17 лет.

Субъективная сторона отражает внутреннее психическое состояние лица, его мотивы и цель, а также форму вины – умысел или неосторожность. Различия в субъективных признаках состава преступления проявляются в уровне осознания лицом противоправности своих действий. Так, законодатели в ст. 387 Уголовного кодекса Испании, ст. 473 Уголовного кодекса Италии и ст. 1 гл. 33 Уголовного кодекса Финляндии мотивы преступных действий, связанных с подделкой и незаконным использованием платежных средств, определяют как корыстные или умышленные [4, с. 62]. В то же время, законодатель в ст. 18 § 1029 Кодекса Соединенных Штатов в роли субъективного признака определяет осознание лицом неправомерности своих действий или его безответственное отношение к ним.

Заключение. Несмотря на многообразие законодательных формулировок и подходов, в рассмотренных зарубежных странах предметами неправомерного оборота средств платежей признаются не только поддельные платёжные карты, распоряжения о переводе денежных средств, документы, электронные носители информации, но и средства для их создания, следы поддельных карт, а также реквизиты документов. Интересным представляется законодательное отнесение «орудий для подделки средств платежей» и «частичных или полных отпечатков карт» к предметам неправомерного оборота средств платежей. К тому же, в УК Китайской Народной Республики впервые закрепляются реквизиты платежных карт и доверенности на денежные переводы в качестве нового предмета неправомерного оборота средств платежей. Отмеченные предметы могут служить основой и для расширения предметного состава преступления, предусмотренного ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Список литературы

1. Иванова, Е. А. Уголовная ответственность за неправомерный оборот средств платежей по законодательству некоторых зарубежных стран / Е. А. Иванова // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 5. – С. 226-229. – DOI 10.24411/2312-0444-2021-5-226-229. – EDN TFIMOW.
2. Уголовный кодекс Испании / МГУ им. М.В. Ломоносова. Юрид. фак. Каф. уголов. права и криминологии; [Пер. с исп. В. П. Зыряновой, Л. Г. Шнайдер], Под. ред. д.ю.н., проф. Н. Ф. Кузнецовой и д.ю.н., проф. Ф. М. Решетникова. – М. : Зерцало, 1998. – 213 с. – ISBN 5-8078-0012-5.
3. Козаев, Н. Ш. Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом / Н. Ш. Козаев. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 480 с.
4. Игнатова, М. А. Уголовное право Италии : учебник для вузов / М. А. Игнатова. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 109 с. – ISBN 978-5-534-10124-9.

ИНТЕГРАЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ НОРМ В УГОЛОВНО-ПРАВОВУЮ КВАЛИФИКАЦИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Тимошенко Н.А., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0006-8081-1066,
Суринова А.В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.timowenko@mail.ru, anastasia_ivantsova2002@mail.ru

Введение. В условиях современной экономики преступления в сфере экономической деятельности часто требуют комплексного подхода, где нормы гражданского права взаимодействуют с уголовно-правовыми механизмами квалификации. Анализ судебной практики показывает, что такая интеграция необходима для точного определения состава преступления и обеспечения справедливого правоприменения.

Цель - исследование особенностей применения гражданско-правовых норм в уголовно-правовой квалификации экономических преступлений на основе анализа судебных решений.

Основная часть. Анализ судебной практики по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, связанных с незаконным использованием средств индивидуализации товаров (работ, услуг), демонстрирует сложный процесс интеграции гражданско-правовых норм в уголовно-правовую квалификацию. В качестве примера рассмотрим Приговор Кировского районного суда г. Самары по делу, где подсудимый был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 3 статьи 180 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1]. Часть 3 статьи 180 УК РФ предусматривает наказание за незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, если это деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб, при условии, что оно совершено организованной группой [2].

Фабула дела основана на фактах незаконного производства и хранения табачных изделий с использованием товарного знака «Marlboro», принадлежащего компании «PhilipMorrisBrandsSarl». Подсудимый, действуя в группе с неустановленным лицом, организовал аренду оборудования, помещений и сырья, нанял рабочих и контролировал процесс производства сигарет, маркированных чужим товарным знаком [1].

Ключевым аспектом интеграции гражданско-правовых норм в уголовно-правовую квалификацию является ссылка на статьи 1477, 1229 и

1484 ГК РФ, согласно которым на товарный знак, то есть обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, распространяется исключительное право, удостоверенное свидетельством на товарный знак, а правообладатель имеет исключительное право использовать товарный знак и запрещать его использование другим лицам [3].

В приговоре суд прямо указывает, что подсудимый осознавал необходимость заключения соглашения с правообладателем, но действовал без него, ссылаясь на эти нормы для подтверждения незаконности использования знака [1].

Уголовно-правовая квалификация по части 3 статьи 180 УК РФ требует установления факта незаконного использования чужого товарного знака с причинением крупного ущерба. Здесь гражданско-правовые нормы играют роль в определении «чужого» товарного знака и характера его использования. Суд анализирует заключение специалиста ООО «Власта-Консалтинг», которое подтверждает контрафактность продукции на основе отсутствия согласия правообладателя и несоответствия оригиналу [1]. Это соответствует пункту 16 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 N 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака», где подчеркивается, что предметом преступления является чужой товарный знак, использованный без разрешения [4].

Интеграция проявляется и в оценке ущерба: суд ссылается на справку об исследовании, рассчитанную на основе минимальных цен табачной продукции, что косвенно опирается на гражданско-правовые принципы определения стоимости исключительных прав (статья 1252 ГК РФ). Кроме того, суд отмечает, что незаконное использование товарного знака привело к нарушению деловой репутации правообладателя, что усиливает уголовную ответственность. В приговоре подчеркивается отсутствие лицензионного договора с «PhilipMorrisBrandsSarl», что подтверждает нарушение статьи 1229 ГК РФ и, как следствие, состав преступления по УК РФ [1].

Анализ судебной практики показывает, что такая интеграция необходима для точного определения состава преступления, поскольку уголовное право не детализирует понятие «товарного знака», отсылая к гражданскому законодательству.

В данном деле суд избежал противоречий, оценив доказательства в совокупности: показания свидетелей, протоколы осмотров и заключения экспертов. Однако возникают вопросы о доказывании умысла и роли соучастников, где гражданско-правовые нормы помогают установить факт нарушения исключительных прав, но не всегда напрямую влияют на групповой характер преступления.

Предлагается рассмотреть ещё один судебный акт – Приговор Донского городского суда Тульской области по обвинению лиц в совершении преступлений, предусмотренных пунктами «а, б» ч. 6 статьи 171.1 УК РФ и частью 1 статьи 171.3 УК РФ. Пункты «а, б» части 6 статьи 171.1 УК РФ предусматривают ответственность за производство, приобретение, хранение, перевозку в целях сбыта или продажу алкогольной, табачной и (или) никотинсодержащей продукции без обязательной маркировки и (или) нанесения предусмотренной законодательством информации, совершенные в крупном размере (стоимость продукции свыше 100 тыс. рублей), и квалифицированные как: а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; б) в особо крупном размере (стоимость свыше 1 млн рублей). Часть 1 статьи 171.3 УК РФ устанавливает ответственность за производство, закупку (в том числе импорт), поставку (в том числе экспорт), хранение, перевозку и (или) розничную продажу этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии в случаях, если такая лицензия обязательна, совершенные в крупном размере[2].

В данном судебном акте гражданско-правовые нормы используются для определения объекта посягательства, квалификации действий как незаконного оборота и расчета размера ущерба. Лицо, являясь индивидуальным предпринимателем, осуществлял предпринимательскую деятельность через аренду помещений и магазинов. Вместе с другими неустановленными лицами он организовал хранение и сбыт немаркированной табачной и алкогольной продукции, нарушая требования Федерального закона «Технический регламент на табачную продукцию» от 22.12.2008 N 268-ФЗ и Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» от 22.11.1995 N 171-ФЗ [5]. Важным моментом является факт отсутствия у лица необходимой лицензии на оборот алкогольной продукции, что усугубляет общественную опасность деяний [6, 7]. В данном случае именно нарушение требований гражданского законодательства о маркировке и лицензировании позволило квалифицировать деяния подсудимых как преступление в сфере экономической деятельности, направленное на незаконное извлечение прибыли.

Заключение. Таким образом, интеграция гражданско-правовых норм в уголовно-правовую квалификацию преступлений в сфере экономической деятельности является необходимым условием для точного установления состава преступления, поскольку нормы гражданского законодательства позволяют определить правовой статус объектов посягательства, характер их использования, наличие исключительных прав, а также размер причинённого ущерба, что подтверждается анализом судебной практики, демонстрирующей, что без учета гражданско-правовых положений невозможно полноценно квалифицировать деяния,

связанные с незаконным использованием товарных знаков, немаркированной продукцией и отсутствием лицензий, направленные на извлечение незаконной прибыли.

Список литературы

1. Приговор № 1-56/2024 1-710/2023 от 20 марта 2024 г. – Текст: электронный // СудАкт: официальный сайт – URL: https://sudact.ru/regular/doc/7A7XS0mEZzV4/?page=5&regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+171.+Незаконное+предпринимательство%28УК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1759144075258 (дата обращения: 28.09.2025).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. на 1 сент. 2025 г.: [принят Государственной Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.]. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: офиц. сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 28.09.2025).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: текст с изм. и доп. на 3 авг. 2025 г.: [принят Государственной Думой 24 ноября 2006 г.: одобрен Советом Федерации 8 декабря 2006 г.]. – Текст: электронный// КонсультантПлюс: офиц. сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 28.09.2025).
4. О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 N 14– Текст: электронный // КонсультантПлюс: офиц. сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_68054/ (дата обращения: 29.09.2025).
5. Приговор № 1-12/2024 1-204/2023 от 1 апреля 2024 г. по делу № 1-12/2024 – Текст: электронный // СудАкт: официальный сайт – URL: https://sudact.ru/regular/doc/VK4a0Z4FzAUx/?page=5&regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+171.+Незаконное+предпринимательство%28УК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1759233020917 (дата обращения: 29.09.2025).
6. Технический регламент на некуриТЕЛЬНУЮ табачную продукцию: Федеральный закон от 22.12.2008 N 268-ФЗ: текст с изм. и доп. на 1 марта. 2025 г.: [принят Государственной Думой 3 декабря 2008 г.: одобрен Советом Федерации 17 декабря 2008 года г.]. – Текст: электронный// КонсультантПлюс: офиц. сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82841/ (дата обращения: 29.09.2025).
7. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: Федеральный закон от 22.11.1995 N 171-ФЗ: текст с изм. и доп. на 2 сентября 2025 г.: [принят Государственной Думой 19 июля 1995 года г.: одобрен Советом Федерации 15 ноября 1995 года г.]. – Текст: электронный// КонсультантПлюс: офиц. сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8368/ (дата обращения: 29.09.2025).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМЫ, УСТАНАВЛИВАЮЩЕЙ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОСТАВЛЕНИЕ В ОПАСНОСТИ

Тимошенко Н.А., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0006-8081-1066,
Тимова К.В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.timowenko@mail.ru, kira.titova2002@mail.ru

Введение. Уголовная ответственность за бездействие оставления в опасности является одной из актуальных проблем современного уголовного права. На практике возникают сложности с правильной квалификацией деяний. Особую значимость приобретает вопрос о разграничении данного состава преступления от смежных норм, так как нередко умышленные посягательства на жизнь и здоровье квалифицируются только как оставление в опасности.

Цель исследования заключается в комплексном анализе проблем правоприменительной практики и теоретических аспектов уголовно-правовой квалификации деяний, связанных с оставлением лица в опасности.

Основная часть. Статьей 125 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за преднамеренное оставление без помощи лица, находящегося в состоянии, опасном для его жизни или здоровья. Так, Кадников Н.Г. отмечает, что данная норма относится к случаям, когда виновный имел возможность оказать помощь этому лицу и обязан иметь о нем заботу, либо сам поставил его в опасное состояние [3, с. 87].

На практике не всегда верно толкуется выражение законодателя «сам поставил его в опасное для жизни состояние». Особенно актуально при установлении квалификации преступления при наличии взаимной вины. Возникает вопрос о том, кто именно поставил в опасное состояние: тот, кто погиб, или тот, кто остался жив, но скрылся с места происшествия, не оказав помощь пострадавшему.

Но стоит отметить, что, во-первых, ответственность за определение вины возлагается только на следствие и суд, а во-вторых, для состава преступления по статье 125 УК РФ не имеет значения, кто был виновником (что не всегда учитывается при квалификации). Важно, чтобы выживший участник происшествия, способный оказать помощь пострадавшему, умышленно не предоставил эту помощь и скрылся с места происшествия. В научной литературе существуют разные точки зрения относительно наличия или отсутствия состава преступления «оставление в опасности» в случае, если оставление пострадавшего происходит в присутствии посторонних граждан.

По мнению автора Г.Н. Борзенкова, когда виновный оставляет потерпевшего в опасном состоянии, он создает ситуацию, которая может

привести к смерти или причинению вреда здоровью. Он должен осознавать, что его действия оставляют потерпевшего без защиты, и что это может иметь негативные последствия, вплоть до смерти. Конкретное преступление считается оконченным в момент, когда потерпевший остается в опасности, независимо от наступления опасных последствий. Уголовная ответственность должна следовать даже в случаях, когда помощь не могла предотвратить опасность. Именно факт отказа от оказания помощи лицу, находящемуся в опасности, влечет за собой уголовную ответственность виновного[2, с. 435].

Соответственно, необходимо понимать, что оставление в опасности не ограничивается только удалением человека из опасной обстановки. Также относится и к случаям, когда человек находится на опасном месте, но не предпринимает действий для предотвращения опасности, переставая заботиться о пострадавшем, хотя есть возможность предотвратить эту опасность.

Так, Александрова Н.Г. отмечает, что еще одной из наиболее распространенных проблем квалификации уголовно-наказуемого оставления в опасности, является отграничения данного преступления от отдельных смежных составов [2, с. 16]. Изучение современной правоприменительной практики показывает, что часто умышленное посягательство на жизнь и здоровье человека необоснованно получает оценку лишь как оставление в опасности.

Примером может служить следующее уголовное дело. Гр.И., во время распития спиртного, на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений схватил руками потерпевшую, вытащил ее из бани на улицу, протаскив через огород, бросил ее без верхней одежды на холодную землю между домами. После чего он, осознавая, что потерпевшая в силу алкогольного опьянения лишена возможности принять меры к самосохранению, а именно подняться с земли, надеть на себя одежду и уйти, оставил потерпевшую без помощи в холодное время года в опасном для ее жизни состоянии. После чего, предвидя возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий, с места происшествия скрылся. В результате преступных действий гр.И. потерпевшая скончалась от общего переохлаждения организма[4].

По нашему мнению, осуждение гр.И. по статье 125 УК РФ может быть не совсем обоснованным, так как из материалов уголовного дела ясно видно, что виновный понимал общественную опасность своего поведения (оставление потерпевшей в состоянии, представляющем угрозу для ее жизни), предвидел возможность ее смерти и относился к этому безразлично, что характерно для случаев убийства с косвенным умыслом, и последствия в виде наступления смерти также очевидны (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Таким образом, при рассмотрении дел об оставлении в опасности судам следует учитывать, что состав преступления, предусмотренного

статьей 125 Уголовного кодекса РФ, является формальным. Общественно опасные последствия в виде вреда здоровью или смерти человека не включены в состав данного преступления. Поэтому рекомендуется правоприменителям квалифицировать деяние в зависимости от наступивших последствий с учетом статей 115, 112, 111 или 105 УК РФ в случае причинения легкого, средней тяжести или тяжкого вреда здоровью или смерти потерпевшего, без привлечения статьи 125 УК РФ.

В случае причинения тяжкого вреда здоровью или смерти по неосторожности следует квалифицировать деяние с учетом статей 118 или 108 УК РФ в зависимости от наступивших последствий. Если потерпевший был оставлен в обстановке, представляющей опасность для его жизни или здоровья, и в результате этого причинен легкий или средней тяжести вред здоровью по неосторожности, то такое деяние подлежит квалификации по статье 125 УК РФ, поскольку отдельные уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за наступление таких последствий, отсутствуют.

Заключение. Таким образом, анализ правоприменительной практики и теоретических аспектов применения статьи 125 УК РФ показывает необходимость более четкого разграничения данного состава преступления от смежных норм. Существующие проблемы толкования признаков объективной и субъективной сторон преступления требуют разработки единообразных подходов к квалификации подобных деяний с учетом всех обстоятельств дела и наступивших последствий. Совершенствование судебной практики должно идти по пути более строгого следования закону и учета фактических оснований для привлечения к уголовной ответственности за бездействие при оставлении лица в опасности.

Список литературы

1. Александрова Н.Г. Ответственность за оставление в опасности по уголовному праву: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Н.Г. Александрова. – Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ. – Москва, 2014. – 27 с.
2. Борзенков Г.Н. Российское уголовное право: в 2 т. Т. 2. Особенная часть: учебник / Г.Н. Борзенков. – М. – Проспект, 2017. – 682 с.
3. Кадникова Н.Г. Уголовное право России: учебник. В 2-х т. / Н.Г. Кадникова. – Т. 2. – Особенная часть. – М.: ИД «Юриспруденция», 2018. – 146 с.
4. Приговор мирового судьи судебного участка № 3 Выксунского судебного района Нижегородской области Костина Н.А. № 1-20/2016 от 30 марта 2016 г. - [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rospravosudie.com> (дата обращения 25.09.2025г).

ПРИЗНАКИ КОРРУПЦИОННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Титов А.Н.¹, канд. юрид. наук, доц.,

Голобородько В.И.²

¹ Адвокат, г. Донецк, РФ

² Ясиноватский колледж (филиал) ГБОУВО «Донецкая академия управления и государственной службы», г. Ясиноватая, ДНР, РФ
goloborodko-1960@mail.ru, atitov77@mail.ru

Введение. Коррупционер – это тот, кто извлекает незаконную выгоду из своих должностных полномочий или своего положения. Человека можно считать коррупционером, только если он совершил коррупционное преступление. Признаки соответствующих составов, указанные в Уголовном кодексе РФ, определяют меру предательства субъектом интересов власти и службы, которая может быть признана необходимой и достаточной для того, чтобы признать должностное лицо коррупционером.

Цель работы – исследование признаков коррупционности преступлений.

Основная часть. Сами понятия «коррупция» и «коррупционные преступления» традиционно активно обсуждаются учеными-правоведами, так как законодательное определение коррупции, данное в Федеральном законе «О противодействии коррупции», не обладает четкими рамками, и кроме перечисленных общественно опасных деяний, криминализированных уголовным законом: взяточничество, злоупотребление служебным положением или полномочиями, коммерческий подкуп, содержит весьма пространную формулировку. Само понятие «коррупционное преступление» в настоящее время законодательно не закреплено, что порождает многочисленные споры, касающиеся отнесения к коррупционным тех или иных составов преступлений с различными объектами.

Одним из критериев общественной опасности коррупционных преступлений выступает величина причиненного ущерба или полученной выгоды. Так, применительно к получению взятки (ст. 290 УК РФ) законодатель дифференцирует наказание в зависимости от размера полученной суммы, устанавливая более строгую ответственность за взятки в крупном размере [1]. При этом остро стоит вопрос об определении минимальной суммы взятки, которая является основанием для квалификации действий должностного лица как коррупционных [2].

Как правило, размер взятки отражает степень предательства чиновником публичных интересов. Аналогично, при злоупотреблении должностными полномочиями существует взаимосвязь между характером

нарушения законных прав граждан, общества или государства и степень удовлетворения корыстных интересов преступника. Размер вреда и выгоды зависит от объема полномочий коррупционера, что отражено в уголовном законе в виде отягчающего обстоятельства – совершение преступления лицом, занимающим государственную должность или являющимся главой органа местного самоуправления.

Следует отметить, что в некоторых случаях сам факт занятия определенной должности может быть достаточным для квалификации злоупотребления властью как преступления. Например, уголовная ответственность предусмотрена для судей за вынесение любого неправосудного судебного акта (ст. 305 УК РФ) [1].

Таким образом, можно выделить три ключевых признака, характеризующих коррупционное преступление и определяющих его общественную опасность:

- 1) использование должностных полномочий;
- 2) извлечение незаконной выгоды;
- 3) особый статус виновного как должностного лица.

Отсутствие хотя бы одного из этих признаков исключает возможность квалификации должностного деяния как коррупционного.

Например, применение насилия сотрудниками органов внутренних дел для раскрытия преступления не является коррупционным деянием, поскольку не направлено на извлечение личной выгоды. Распространенное мнение о том, что за раскрытие преступлений полицейские автоматически получают повышение или премию, ошибочно. Однако, если насилие применяется с целью принуждения к самооговору для последующего шантажа и вымогательства взятки, такие действия квалифицируются как коррупционные.

Следует отметить, что признаки коррупционности не всегда явно прослеживаются в формулировках уголовно-правовых норм. Например, корыстные мотивы не упоминаются в определениях многих видов должностных злоупотреблений, в частности, в ст. 299 УК РФ (привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности) и ст. 169 УК РФ (воспрепятствование законной предпринимательской деятельности) [1]. В подобных случаях корысть выступает в качестве скрытого признака, выявляемого путем толкования закона. Так, применительно к преступлению, предусмотренному ст. 289 УК РФ («Незаконное участие в предпринимательской деятельности» [1]), наличие корыстного мотива устанавливается посредством анализа обстоятельств дела.

Однако сама по себе должность и связанные с ней полномочия не делают человека коррупционером. Ключевым фактором является стремление извлечь незаконную выгоду из своего особого статуса, что невозможно без злонамеренного использования служебных возможностей. Некоторые авторы предлагают исключить упоминание о «корыстной или

иной личной заинтересованности» из основного состава должностного злоупотребления, предлагая рассматривать их как отягчающие обстоятельства. Однако представляется, что любое поведение, осознанно противоречащее интересам службы, не может иметь иной подоплеки. Именно наличие корыстных мотивов превращает использование служебных полномочий в злоупотребление. Трудно представить, чтобы незаконная госпитализация в психиатрическую больницу (ст. 128 УК РФ), воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст. 169 УК РФ) или привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ) [1] могли преследовать благие цели.

Предложение о переносе признаков корыстной заинтересованности в категорию квалифицирующих признаков [3; 4] представляется необоснованным, поскольку такие мотивы имманентно присущи злоупотреблению должностными полномочиями. Также важно избегать необоснованного расширения круга субъектов коррупционной деятельности, исключая из него управленцев коммерческих организаций, не являющихся должностными лицами.

Некоторые политические силы предлагают приравнять коррупцию к государственной измене. Действительно, должностные лица правоохранительных и контролирующих органов при вступлении в должность приносят присягу, обязуясь соблюдать Конституцию и законы, защищать права и свободы граждан. Таким образом, коррупционное преступление является не только нарушением закона, но и нарушением присяги, а коррупционер – своего рода предатель.

Заключение. Итак, признаками, при наличии которых преступления считаются коррупционными, являются: использование должностных полномочий или положения; извлечение незаконной выгоды; статус виновного как должностного лица. Отсутствие хотя бы одного из указанных признаков не позволяет признать совершившего должностное преступление коррупционером.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Борков В.Н. Денежное содержание чиновника как детерминанта минимальной суммы взятки / В.Н. Борков // Уголовное право. – 2006. – № 6. – С. 11-14.
3. Нестеров Е.А. Злоупотребление должностными полномочиями по уголовному законодательству России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Нестеров. – М., 2005. – С. 10-11.
4. Сулейменова А.Д. Злоупотребления полномочиями по российскому уголовному праву: проблемы квалификации и законодательной регламентации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Д. Сулейменова. – Казань, 2005. – С. 10.

ЭКОЦИД И ЕГО ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ

Ушакова К. С.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
k.yshakova@donnu.ru

Введение. Современное общество нуждается в качественной экологии, не причиняющей ущерб здоровью. На сегодняшний день экологическая обстановка в каждом государстве является актуальным вопросом, поскольку от нее зависит качество будущего развития каждого отдельного человека и животного мира.

Современной теории уголовного права известно такое понятие, как «экоцид». Данное определение является универсальным и очерчивает необходимые пределы для оценки действий со стороны человека, причиняющих необратимый ущерб экологии, который может распространяться на неопределенное расстояние по территориальному признаку. Легальное понятие установлено в ст. 358 УК РФ: «Массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу...» [1].

Учитывая неопределенность в дальнейшем формировании международных правовых норм, целесообразно проанализировать законодательные предпосылки к определению содержания «экоцида», что в будущем позволит более точно определить предмет правовой регламентации ст. 358 УК РФ.

Целью является комплексный анализ законодательных предпосылок, оказывающих влияние на формирование ст. 358 УК РФ и рассмотрение некоторых проблем правовой регламентации.

Основная часть. Историко-фактические основания формирования антиобщественных действий, приводящих к выработке рассматриваемого определения, начинаются со времен войны, проводимой Соединенными Штатами Америки против государства Вьетнам.

Необходимо отметить, что во время проведения боевых действий США применяли химическое оружие (распыление диоксинов), которому Вьетнам не мог противопоставить необходимые средства защиты. Применяемое химическое оружие привело к серьезным расстройствам здоровья – эндокринным и гормональным нарушениям, связанным с дисфункцией различных органов.

При этом в результате применения химического оружия значительный ущерб был причинен также экологии, с которой связаны почва, вода, фауна, атмосферный воздух и др.

Важным является то, что после окончания войны СССР привлекал внимание мирового сообщества к последствиям, приведшим к катастрофическим последствиям для экологии.

В процессе обсуждения произошла переоценка взглядов на правила ведения боевых действий различными государствами. По результатам обсуждений был принят важный международно-правовой документ – Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду, принятая 10.12.1976 Резолюцией 31/72 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН (далее – Конвенция) [2].

Отметим, что объектом защиты согласно Конвенции являются «... состав или структура Земли, включая ее биоту, литосферу, гидросферу, и атмосферу или космическое пространство...».

Реалии формирования правил, преобразующихся в права, гарантии и обязанности, содержащиеся в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция), напрямую связаны с международным правом, формирующим предпосылки к определению содержания права на благоприятную окружающую среду и ее надлежащую защиту.

Так, согласно ст. 42 Конституции, каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением [3].

На основании конституционной нормы Российской Федерацией установлен механизм охраны от противоправных действий, способных вызвать экологическую катастрофу на территории Российской Федерации – статья 358 УК РФ.

Верно отмечает Иванов И.Н., что международное право регламентирует общественные отношения, связанные с защитой окружающей среды от обширного, долговременного и серьезного ущерба при ведении боевых действий, что подразумевает применение права в военное время. Основной уголовный закон в ст. 358 не относит сложившиеся отношения к военному или мирному времени, что позволяет применять анализируемую норму права в обоих случаях [4].

Важно отметить, что существуют разногласия между декларированием противоправных действий в ст. 1 и 2 Конвенции и ст. 358 УК РФ. В указанных конвенционных нормах в качестве противоправных действий выступают «разрушение», «нанесение ущерба», «причинение вреда», «преднамеренное управление природными процессами», в то время как в норме УК РФ применяются слова «уничтожение», «отравление», «иные действия».

В данном случае необходимо указать на то, что «... преднамеренное управление природными процессами – динамика, состав или структуры Земли...» не определяется в ст. 358 УК РФ.

Возникает также вопрос о конкретных противоправных действиях, которые можно квалифицировать как «преднамеренное управление», и о способах совершения преступления подобным способом.

Мамистова Е.В. и Барков К.Б. в своей научной работе связывают такое понятие, как «преднамеренное управление природными процессами», с

геофизической войной, в процессе которой одна из воюющих сторон может вызвать разрушение озонового слоя Земли, цунами, ураганы, землетрясения и другие неблагоприятные последствия для экологии [5].

Из изложенного следует, что ст. 358 УК РФ подлежит внесению изменений с целью надлежащей регламентации в части установления квалификации действий, связанных с «преднамеренным управлением природными процессами».

В Конвенции упоминается объект, на который также запрещается воздействовать, – космическое пространство, но ст. 358 УК РФ такой объект не предусматривает (в научно-практических комментариях данный объект упоминается). В связи с приведенным, целесообразно в специальной норме права перечислять все возможные объекты, находящиеся под охраной УК РФ.

Заключение. Таким образом, ст. 358 УК РФ подлежит внесению изменений, предусматривающих больший объем правовой регламентации относительно преступления, связанного с экоцидом. Целесообразным будет уточнить перечень экологических объектов, в частности, космическое пространство. На сегодняшний день рассматриваемая норма права не содержит указаний на действия, которые можно квалифицировать как преднамеренное управление природными процессами, а объем перечня не определен, что может вызвать сложности в правильности квалификации преступлений по ст. 358 УК РФ.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). – Текст : электронный / СПС «Консультант-Плюс» // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – N 25. – Ст. 2954.
2. Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (принятая 10.12.1976 Резолюцией 31/72 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). – Текст : электронный / Организация Объединенный Наций: официальный сайт. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml (дата обращения: 29.09.2025).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – Текст : электронный / Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595&rdk=> (дата обращения: 01.10.2025).
4. Иванова, И.Н. Проблемы правового регулирования преступления «Экоцид» / И. Н. Иванова // Наука и современность. – 2021. – №13-3. – С. 220-223.
5. Национальная безопасность России: состояние, угрозы, перспективы развития: материалы межвузовской научно-практической конференции 28 апреля 2022 г. / сост. И. Ю. Никодимов ; под ред. В. Ю. Голубовского. - Москва : Дашков и К, 2022. – 304 с. - ISBN 978-5-394-05138-8. – Текст : электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1926413> (дата обращения: 11.10.2025). – Режим доступа: по подписке.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ КРИМИНАЛИЗАЦИЯ НЕПРАВОМЕРНОГО ОБОРОТА СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

Хазов Д.Е., ORCID 0009-0002-3910-2250

ПАО «Кузбассэнергосбыт», г. Белово, Кемеровская обл., РФ

e-mail: marvelhero@mail.ru

Введение. В последние годы значительная доля общественно опасных посягательств на правоохраняемые блага переместилась в виртуальное пространство. Новые информационно-телекоммуникационные технологии, обеспечивающие удобство расчётов между гражданами и организациями, оказались, к сожалению, широко востребованы не только добропорядочными гражданами, но и всевозможными мошенниками. Новый импульс получило такое явление, как использование средств платежей, оформленных на подставных лиц, которые в американской публицистике давно известны как «денежные мулы» (*money mules*), а в России были прозваны «дропперами». Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ статья 187 УК РФ была дополнена восемью новыми нормами: четырьмя нормами-запретами, формулирующими новые составы преступлений, тремя нормами-дефинициями и одним специальным основанием освобождения от уголовной ответственности.

Цель настоящей публикации состоит в том, чтобы лишь обозначить проблемы, порождённые указанными новеллами, обратить внимание на их уголовно-политические и формальные недостатки, преодоление которых представляет для правоохранительных органов не меньший вызов, чем криминальные явления, на нейтрализацию которых они были направлены.

Основная часть. Прежде всего, очевидна непродуманность вновь сконструированных запретов с точки зрения их соотношения с уже известными преступлениями. «Дропперские» составы оказались включены в ст. 187 УК РФ, которая была предметом многих специально-юридических исследований, в том числе и монографических [1; 2; 3]. Не устранив тех недостатков, что уже содержались в ч.ч. 1 и 2 данной статьи и были широко освещены в литературе, законодатель крайне казуистично дополнительно криминализировал целый ряд махинаций с электронными средствами платежа. При этом «электронные средства» оказались противопоставлены «электронным средствам платежа», разницу между которыми попытались провести в примечаниях к данной статье, однако же бланкетный характер запретов так и не был преодолён, а потому всё равно необходимо обращаться к положениям Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе».

В пояснительной записке к принятому законопроекту отмечена направленность его на противодействие «дистанционным хищениям», а также указано на фактически приготовительный или пособнический характер запрещаемых им деяний. При этом из текста самих вновь принятых норм невозможно сделать однозначных выводов ни об их соотношении со статьями 30 и 33 УК РФ, ни о том, что описанные в них составы не охватывают деяний, уже предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159.3 и ст. 159.6 УК РФ, ни о том, по каким критериям отграничивать эти составы от легализации преступных доходов, уклонения от уплаты налогов и целого ряда других давно известных экономических преступлений. Содержащаяся же в ч.ч. 4 и 6 клаузула об отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, и вообще вызывает одно лишь недоумение: откуда взяться признакам незаконной банковской деятельности (т.е. противоправных действий незарегистрированных или нелицензированных финансово-кредитных учреждений) в действиях клиентов этих учреждений и стоящих за ними лиц? А если даже предположить, что такое возможно, то почему санкции за действия «при отсутствии» таких признаков оказываются почти всегда строже, чем при их наличии? Сказанное приобретает особое значение, если вспомнить, что в ст. 172 УК РФ альтернативными криминообразующими признаками являются крупный ущерб и крупный доход, не предусмотренные в диспозициях ч.ч. 3–6 ст. 187 УК РФ.

Непродуманность санкций бросается в глаза и при сопоставлении наказаний за действия «дропперов» и использующих их лиц с наказаниями за оконченные хищения. Создаётся иллюзия, будто бы фактическое приготовление к хищению или пособничество в его совершении зачастую опаснее самого хищения, что противоречит элементарнейшим основам уголовно-правового учения о стадиях и о соучастии.

Если ч.ч. 3 и 4 ст. 187 УК РФ запрещают строго альтернативные действия (в первом случае клиент передаёт выданное ему электронное средство платежа третьему лицу, во втором – сам осуществляет с его помощью неправомерную операцию в интересах третьего лица), то ч.ч. 5 и 6 описывают разные этапы преступной деятельности, разные стадии осуществления одного и того же преступного намерения (сначала лицо приобретает чужое электронное средство платежа или доступ к нему, а затем осуществляет с его помощью неправомерную операцию). Это порождает дополнительные возможности для квалификации содеянного по совокупности там, где на деле никакой совокупности нет, что может не только привести к неоправданному ужесточению наказания виновным, но и негативно сказаться на массовом правосознании, которое окажется дезориентировано обвальным статистическим ростом числа зарегистрированных преступлений экономической направленности.

Типично серийный характер деятельности «дропперов» и их нанимателей неизбежно ставит вопрос о применении к ним общих положений о продолжаемых преступлениях. Какую бы концепцию мы ни взяли за основу – последовательно субъективную, строящую единство такого преступления на единстве его субъективной стороны и, прежде всего, мотивации [4], либо же эклектическую (смешанную), придающую объективным и субъективным свойствам деяния примерно одинаковое значение [5], – тесная взаимосвязь «дропперства» с «дистанционными» хищениями заставляет нас в очередной раз проблематизировать более чем спорную конструкцию единого источника преступного обогащения, заслуженно критиковавшуюся в литературе [6]. Должен получить единообразное решение на практике вопрос о том, что первично для признания «дропперских» действий юридически едиными: совершение их с платёжными средствами, выданными на одно и то же лицо, либо же с платёжными средствами, эмитированными одним и тем же банком.

Заключение. Отмеченные в настоящей работе сложности отнюдь не исчерпывают всех тех проблем, с которыми неизбежно столкнутся (и уже сталкиваются) органы уголовной юстиции при применении новеллизированной ст. 187 УК РФ. Ключевую роль в их преодолении должен сыграть Пленум Верховного Суда РФ, которому предстоит в кратчайшие сроки совместно с деятелями уголовно-правовой науки и представителями заинтересованных ведомств разработать чёткие алгоритмы квалификации преступлений в сфере «дропперства».

Список литературы

1. Богомолов, А.Н. Уголовно-правовые меры борьбы с неправомерным оборотом и использованием средств платежей: монография / А.Н. Богомолов. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 144 с. – ISBN: 978-5-4396-1440-0. – EDN: YMKXJV.
2. Соловьёва, Е.А. Преступления, совершаемые в платёжных системах: монография / Е.А. Соловьёва. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 176 с. – ISBN: 978-5-4396-2137-8. – EDN: BNYTOL.
3. Чернышев, Д.Б. Неправомерный оборот средств платежей (ст. 187 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и особенности квалификации: учеб. пособие / Д.Б. Чернышев. – Екатеринбург: Уральский юрид. ин-т МВД России, 2024. – 58 с. – ISBN 978-5-907866-16-4. – EDN: VZVUZJ.
4. Сілаеў, С.А. Аб асноўных канцэпцыйх працяглага злачынства / С.А. Сілаев // Борьба с преступностью: теория и практика: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Могилёв, 27 февраля 2014 г.). – Могилёв: Могилёвский высший колледж МВД Респ. Беларусь, 2014. – С. 157-158. – EDN: ZXGILV.
5. Кулагин, А.Н. Основные концепции (теории) продолжаемого преступления в доктрине уголовного права / А.Н. Кулагин // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 3(33). – С. 53-58. – EDN: XBNWIH.
6. Сілаев, С.А. К вопросу о продолжаемом хищении / С.А. Сілаев // Актуальные теоретические и практические вопросы развития юриспруденции: материалы II Всеросс. межвуз. науч.-практ. конф. (7 декабря 2017 г.). – М.: Междунар. юрид. ин-т, 2018. – С. 582-592. – EDN: YOQXOZ.

СОВРЕМЕННЫЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Хань Г.А., канд. юрид. наук, ORCID 0009-0007-9829-0876,

Мостовая Т.С.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

g.khan.donnu.jur@mail.ru

Введение. Раскрытие и расследование преступлений в современных условиях осложняется ростом количества и разнообразия способов совершения преступлений, а также активным развитием информационных технологий. Применение передовых криминалистических средств и цифровых технологий становится необходимым условием эффективной борьбы с преступностью, и вызывает заинтересованность в изучении зарубежного опыта их использования. Анализ зарубежной практики расследования преступлений позволяет очертить новые возможности и перспективы для совершенствования отечественной криминалистики.

Цель работы – исследование современных зарубежных практик использования криминалистических средств и цифровых технологий при расследовании преступлений.

Основная часть. Криминалистические средства расследования преступлений представляют собой совокупность приборов, материалов и методов, специально разработанных или приспособленных для сбора, исследования и использования доказательной информации по уголовным делам [1, с. 8]. К ним относится оборудование и материальные средства, а также методы, позволяющие фиксировать, анализировать и сравнивать следы, объекты и информацию, имеющие значение для установления истины в уголовном деле.

В зависимости от уровня приспособленности и источников происхождения, современная криминалистическая наука классифицирует криминалистические средства на три основные группы:

а) заимствованные из других областей науки и техники без изменений (фотоаппараты и спектрометры, которые приобретают криминалистическое значение только в процессе применения);

б) заимствованные из других сфер и адаптированные в криминалистике (специальные методики фотофиксации);

в) разработанные специально для криминалистических целей (сравнительные микроскопы и компьютерные системы для анализа доказательств).

В свою очередь, цифровые технологии – это современные цифровые инструменты и методы, использующие электронные данные,

искусственный интеллект и автоматизированные системы для сбора, анализа и поиска информации с целью установления обстоятельств преступления и личности подозреваемого [2, с. 205].

Следует отметить, опыт использования криминалистических средств и цифровых технологий в Соединенных Штатах Америки, Японии, Китае и Сингапуре считается передовым благодаря высокой эффективности и инновационности, обеспечивающей быстрое и полное раскрытие преступлений. По состоянию на 2 квартал 2025 года, уровень успешных расследований с применением передовых криминалистических средств и цифровых технологий в этих странах достиг 85%, что на 20% больше, чем в среднем по миру.

Так, на территории Соединенных Штатов Америки в 1998 году был основан Национальный уровень базы данных ДНК. В частности, в 2021 году было раскрыто убийство С. Айзексон, используя ДНК из 0,12 нг биологического материала на её одежде. Путем исследования публичной генеалогии был установлен двоюродный брат подозреваемого, через которого и нашли виновного.

С помощью цифровой криминалистики, отмечает Е. Ю. Горбунова, специалисты восстанавливают удаленные данные с гаджетов, предоставляют цифровые доказательства для суда, помогают установить личность преступника и мотив преступления [3, с. 124]. В частности, в 2014 году было раскрыто убийство Р. Харриса путем восстановления данных с компьютера потерпевшего, телефона и истории поисковых запросов.

В Японии портативное устройство для чтения отпечатков пальцев с помощью лазерного луча, внедренное в 2015 году, на сегодняшний день позволяет быстро и бесконтактно получать высокоточные снимки отпечатков в полевых условиях, ускоряя идентификацию подозреваемых. Лазерное 3D-сканирование, которое японские криминалисты начали применять с 2018 года, фиксирует обстановку места преступления во всех деталях, измеряя расстояния, углы и объемы с точностью до миллиметра. Большое практическое значение имеет применение в Японии систем видеоаналитики для анализа дорожного движения и определения нарушений правил дорожного движения.

Китайские криминалисты также активно используют современные технологии в расследовании преступлений. Система распознавания лиц компании Cloud Walk из г. Гуанчжоу, внедренная в 2020 году, анализирует поведение людей и определяет вероятность совершения преступления [4, с. 232]. Так, если лицо часто навещает оружейный магазин и покупает предметы, которые можно расценивать как оружие или орудие преступления, его рейтинг подозрения автоматически возрастает. К тому же, китайская система автоматической идентификации отпечатков пальцев AFIS, созданная более 26 лет назад, имеет базу из более чем 300 миллионов образцов и способна проверять до 800 тысяч отпечатков в секунду.

В странах Юго-Восточной Азии, в частности в Сингапуре, применяются системы видеонаблюдения с искусственным интеллектом для контроля общественной безопасности и раскрытия преступлений. Они позволяют автоматически фиксировать подозрительные действия, анализировать транспортный поток и распространять информацию о пропавших.

Таким образом, криминалистические средства и цифровые технологии, разработанные и применяемые в рассмотренных зарубежных странах имеют значительный потенциал и для внедрения в российскую практику ввиду их высокой эффективности и инновационности.

Заключение. Проведенный анализ позволяет отметить высокий уровень применения зарубежными странами современных криминалистических средств и цифровых технологий в расследовании преступлений. Определено, что анализ ДНК, лазерное 3D-сканирование, системы распознавания лиц и использование искусственного интеллекта значительно облегчают процесс расследования. Поэтому, внедрение зарубежных наработок в отечественную криминалистическую практику может значительно повысить эффективность расследования преступлений.

Список литературы

1. Крамаренко, В. П. Современные технико-криминалистические средства, используемые при выявлении и расследовании преступлений / В. П. Крамаренко, А. В. Марчков, Е. С. Шевченко. – Москва: Издательство "Перо", 2021. – 86 с. – EDN LEYZJS.
2. Писковатский, Д. А. Цифровые технологии в раскрытии и расследовании преступления / Д. А. Писковатский // Суверенитет России и ее правовое развитие в условиях ограничительных мер: Сборник материалов XI (68) ежегодной научно-практической конференции Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, 15–17 апреля 2024 года. – Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2024. – С. 203-208. – EDN EQZPWJ.
3. Горбунова, Е. Ю. Цифровая криминалистика и исследования за рубежом / Е. Ю. Горбунова // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 122-131. – EDN FLXGCU.
4. Завьялов, И. А. Зарубежный опыт использования искусственного интеллекта в раскрытии преступлений / И. А. Завьялов // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 3. – С. 228-236. – DOI 10.24412/2073-0454-2021-3-228-236. – EDN MWOJZD.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Хань Г.А., канд. юрид. наук, ORCID 0009-0007-9829-0876,

Осляк Н.В., ORCID 0009-0008-0866-8968

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

g.khan.donnu.jur@mail.ru

Введение. Права и свободы гражданина гарантированы Конституцией Российской Федерации. Некоторые ограничения прав и свобод граждан возможны только при определенных законом обстоятельствах и только в рамках, определенных уголовно-процессуальным законодательством. Уголовно-процессуальный закон должен четко определять условия и степень ограничения прав и свобод человека, гарантируя достаточные возможности для защиты от нарушения этих прав и свобод со стороны органов, ведущих расследования преступлений.

Цель исследования – комплексный анализ обеспечения конституционных прав и свобод граждан при производстве следственных действий.

Основная часть. Права гражданина при расследовании преступлений декларируются в Главе 2 «Принципы уголовного судопроизводства» Уголовно-процессуального кодекса (далее УПК) Российской Федерации (далее РФ) [1]. К ним относятся:

- 1) разумный срок уголовного судопроизводства;
- 2) законность при производстве по уголовному делу;
- 3) уважение чести и достоинства личности;
- 4) неприкосновенность личности;
- 5) охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве;
- 6) неприкосновенность жилища;
- 7) тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений;
- 8) презумпция невиновности;
- 9) состязательность сторон;
- 10) обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту;
- 11) язык уголовного судопроизводства;
- 12) право на обжалование процессуальных действий и решений.

Кроме вышеперечисленных принципов уголовного судопроизводства, обеспечивающих права и свободы человека, необходимо рассмотреть конкретные положения уголовно-процессуального законодательства, обеспечивающие реализацию этих

принципов в организационно-тактическом плане при производстве отдельных следственных действий.

Так, одним из основных прав гражданина, является право на защиту, то есть привлечение к участию в уголовном процессе защитника, лица осуществляющего защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающего им юридическую помощь. Законом предусмотрены случаи обязательного участия защитника: подозреваемый является несовершеннолетним, подозреваемый в силу физических или психических недостатков, не может самостоятельно осуществлять право на защиту, подозреваемый не владеет языком, на котором ведется следствие, лицо подозревается в преступлении, за которое предусмотрена смертная казнь или пожизненное лишение свободы [2].

Важным элементом, обеспечивающим права и свободы гражданина при производстве следственных действий, является привлечение понятых. Понятой, это незаинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое для удостоверения факта производства следственного действия, а также для удостоверения законности содержания, хода и результатов следственного действия. Присутствие понятых оказывает профилактическое воздействие на возможные нарушения законности со стороны лиц, ведущих расследование. Законодательство прямо указывает на необходимость привлечения понятых при производстве таких следственных действий как осмотр места происшествия, осмотр предметов и документов, осмотр транспортных средств, следственный эксперимент, проверка показаний на месте, обыск, выемка, предъявление для опoznания.

Отдельно следует упомянуть участие переводчика в проведении следственных действий. Любой участник уголовного процесса имеет право полностью понимать суть производимых следственных действий. Если он не владеет или не в достаточной мере владеет языком, на котором ведется следствие, он не сможет надлежащим образом защитить свои права.

Также, следует обозначить участие при проведении следственных действий законного представителя несовершеннолетнего. Несовершеннолетние в силу психофизиологических причин не в полной мере способны защитить свои права при проведении следственных действий. Законодательство это учитывает и дополнительно, в сравнении со взрослыми, обеспечивает защиту их прав, предусмотрев участие законного представителя несовершеннолетнего и обязательное участие адвоката.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение прав гражданина при производстве допроса. При проведении допроса потерпевший и свидетель имеют право отказаться давать показания против себя, супруга или супруги, а также близких родственников, круг которых определен законом. А при проведении допроса подозреваемого или обвиняемого, граждане имеют право вообще отказаться давать показания. Здесь работает принцип презумпции невиновности. Гражданин не обязан доказывать свою

невиновность. Доказывание вины человека возложено на органы производящие расследование.

Следует подчеркнуть, что при производстве отдельных следственных действий необходимо добровольное согласие гражданина на их проведение. Иначе провести эти следственные действия вообще невозможно. Так, мы уже упоминали право подозреваемых и обвиняемых отказаться давать показания и пояснения. Если лицо отказывается давать показания практически невозможно провести очную ставку. Кроме этого, добровольное согласие лица требуется при производстве проверки показаний на месте, в отдельных случаях, при производстве следственного эксперимента. Таким образом, добровольное согласие лица на проведение отдельных следственных действий является важным условием, обеспечивающим право граждан на защиту своих прав и интересов.

Заключение. В ходе исследования проведен комплексный анализ обеспечения конституционных прав и свобод граждан при производстве следственных действий.

Установлено, что в УПК РФ задекларированы необходимые принципы судопроизводства, обеспечивающие соблюдение конституционных прав и свобод граждан. Указанные принципы реализуются на практике, при производстве следственных действий через привлечение к участию в процессе защитника, законного представителя несовершеннолетнего, переводчика, понятых, а также права подозреваемых и обвиняемых отказаться давать показания и необходимости добровольного согласия лица на проведение отдельных следственных действий.

Реализация предусмотренных законом мер, обеспечивающих права и свободы человека при проведении следственных действий, в свою очередь должна быть под жестким контролем со стороны надзорных органов и гражданского общества.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года : [с изменениями от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ]. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 31.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 12.
3. О Следственном комитете Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 14.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 5.

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО НАЛОГОВЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Чихрадзе А.М., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0000-0763-2228

Березовская Ю.Э.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

Anna.chikhradze@mail.ru, glutova.iuliya@yandex.com

В течение последних нескольких лет проблема борьбы с налоговыми правонарушениями приобрела особую актуальность, вызывая повышенное внимание со стороны законодательных инстанций и правоохранительных органов. Такие нарушения существенно наносят урон экономической стабильности страны, подрывают доверие к налоговой системе и снижают уровень уверенности бизнеса и граждан в эффективности работы налоговых служб. В связи с этим особую значимость приобретают вопросы привлечения к уголовной ответственности виновных лиц, а также процедуры их освобождения от ответственности. Актуальность проведения данного исследования связана с необходимостью разработки сбалансированных подходов, сочетающих меры по предупреждению налоговых преступлений и справедливое применение уголовных санкций. Официальное регулирование налоговых нарушений осуществляется через широкий спектр нормативных актов, включая Кодекс об административных правонарушениях, Уголовный кодекс РФ и федеральные налоговые законы. Так, статья 198 УК РФ предусматривает ответственность за уклонение от обязательных платежей, тогда как статья 199 УК РФ направлена на пресечение незаконного предпринимательства, связанного с получением дохода или попытками уклонения от налоговых обязательств.

Одной из существенных проблем применения уголовного законодательства в области налоговых преступлений является высокая степень субъективности судебных решений и отсутствия ясных, стандартизированных критериев для оценки обстоятельств дела. Это создает риск неодинакового подхода к схожим ситуациям и приводит к правовой неопределенности. Исходя из проведенного нами анализа судебной практики, представим ниже более подробную иллюстрацию высокой субъективности оценки и недостаточной четкости критериев при привлечении и освобождении от уголовной ответственности по налоговым преступлениям:

1. Трудности в доказательстве умысла и степени вины Наиболее сложным аспектом при рассмотрении дел по статье 199 Уголовного

кодекса РФ, предусматривающей ответственность за уклонение от налогов, является установление факта наличия умысла. Судебная практика свидетельствует, что доказывать мошенническое намерение зачастую представляет огромную трудность. Это связано с тем, что налогоплательщики используют сложные схемы оптимизации налоговых обязательств, которые могут интерпретироваться по-разному: как легальные налоговые злоупотребления или как умышленное уклонение от уплаты.

2. Неоднозначность критериев определения фиктивных сделок
Вторая важная проблема – отсутствие унифицированных стандартов при квалификации сделок как фиктивных или злоупотребляющих правом. Практика показывает, что судебные решения зачастую основаны на субъективных оценках, так как нет четко закрепленных критериев для признания сделки недействительной. В подтверждение приводится пример апелляционного определения Московского городского суда № 33-14253/2020, где проверяемые сделки компании были признаны фиктивными налоговыми органами. Суд пришел к выводу, что из-за отсутствия стандартов и критериев подобные решения во многом зависят от субъективных представлений судьи.

3. Объем и достоверность доказательств
Дополнительная проблема связана с отсутствием единых правил для оценки доказательственной базы. При постановлении вердикта суд опирается на совокупность различных доказательств – документы, показания свидетелей и экспертные заключения – каждый из которых обладает разной степенью надежности. В особенно крупных налоговых делах зачастую не достаточно конкретных свидетельств умысла, и суд вынужден прибегать к оценке «по совокупности обстоятельств», что зачастую зависит от субъективных восприятий судьи.

4. Влияние субъективных факторов и риск разногласий. Обратимся к постановлению Конституционного суда РФ №36-П от 17 июля 2019 года, описывающему проблему определения умысла и субъективных факторов. В деле о налоговом уклонении суды сталкиваются с трудностями при доказательстве наличия умысла, так как большинство свидетельств основано на косвенных признаках. В постановлении подчеркивается, что оценка степени опасности действий налогоплательщика часто зависит от субъективных мнений, что может вести к разночтениям. Анализ показывает, что отсутствие четких критериев оценки умысла, фиктивных сделок и доказательной базы создает риски субъективных решений, злоупотреблений и несправедливых санкций. Ключевые направления совершенствования системы:

1. Улучшение законодательства – доработать действующие правовые акты, установить конкретные критерии для признания умысла и фиктивных сделок, а также внедрить прозрачные процедуры объективной оценки.

2. Практическое применение альтернативных мер – расширение использования административных санкций, таких как штрафы, обязательные платежи, а также внедрение комплексных программ реабилитации, сочетающих уголовное преследование с мерами по восстановлению налоговой дисциплины.

3. Межведомственное сотрудничество и повышение профессиональной подготовки – объединение усилий правоохранительных, налоговых и судебных структур через создание единой информационной системы и организацию регулярных тренингов и семинаров.

4. Обеспечение прозрачности и доступности процедур. Следует создать информационные ресурсы, которые смогут предоставить гражданам и бизнесу полное и понятное представление о возможных мерах ответственности и способах их минимизации. Это будет способствовать повышению доверия к правовой системе. Проблема привлечения к уголовной ответственности и освобождения от нее по налоговым преступлениям требует комплексного подхода, включающего развитие законодательной базы, внедрение новых практических механизмов борьбы с правонарушениями и формирование предсказуемых, прозрачных процедур. Только такой системный подход позволит обеспечить справедливость судебных решений и укрепить налоговую дисциплину в целом, повысить эффективность противодействия налоговым преступлениям.

Список литературы

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 15.07.2020 № 33-14253/2020 «По делу о налоговых злоупотреблениях» // Московский городской суд. – 2020. – URL: <https://mos-gorsud.mos.ru> (дата обращения: 28.09.2025).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 7. – Ст. 873.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 63. – Ст. 2934.
4. Постановление Верховного суда РФ от 24.12.2019 № 12-АП-25595/2019 «Об оценке сделки как фиктивной» // Российская газета. – 2019. – № 290. – URL: <https://gsv.ru> (дата обращения: 27.10.2023).
5. Постановление Конституционного суда РФ от 17.07.2019 № 36-П «По жалобе гражданина о проверке конституционности положений статьи 199 УК РФ» // Конституционный суд РФ. – 2019. – URL: <https://ksrf.ru> (дата обращения: 28.09.2025).

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ФАКУЛЬТАТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Чихрадзе А.М., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0000-0763-2228,
Березовский Д.И.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
Anna.chikhradze@mail.ru, berezovskiy@rambler.ru

В действующем уголовном праве Российской Федерации существенная роль отводится инструментам, позволяющим устанавливать компоненты, образующие состав преступления. Ключевым аспектом, формирующим юридическую оценку преступления, выступают признаки, подразделяемые на обязательные и факультативные.

В этой работе анализируются особенности правового регулирования факультативных признаков в российском уголовном законодательстве, их функциональное значение и отличия от обязательных элементов состава преступления. Факультативные признаки – это признаки преступления, которые не являются строго обязательными для его квалификации, тем не менее, в определенных ситуациях могут играть определяющую роль при вынесении правовой оценки.

Присутствие или отсутствие таких признаков не влечет автоматического признания действий преступными, но способно влиять на квалификацию и назначение наказания. В отличие от обязательных элементов, отсутствие дополнительных признаков не исключает соответствие деяния признакам состава преступления. В российской юридической доктрине и практике укрепилось мнение о том, что факультативность признаков обеспечивает более адаптивное применение уголовного закона, позволяя учитывать специфику конкретных обстоятельств совершения преступления.

В то же время необходимо сохранять баланс: чрезмерное использование факультативных признаков может привести к неясности при определении уголовной ответственности, а их слишком редкое привлечение – к формализации и жесткому подходу. Введение факультативных квалифицирующих признаков направлено на обеспечение более точной и справедливой уголовно-правовой оценки фактических обстоятельств дела [3, с. 245]

В научной литературе особенности квалификации факультативных признаков подчеркиваются следующими авторами: Лазарев П.В. отмечает, что наличие факультативных признаков требует тщательного анализа обстоятельств дела и правильного их интерпретирования для определения

правовой квалификации преступления [5, с. 245]. Кузнецова Л.И. добавляет, что «факультативные признаки выступают как дополнительные обстоятельства, которые могут либо усиливать, либо смягчать ответственность, однако их использование требует особой аккуратности и глубокого понимания уголовного закона» [4, с. 312].

Правовая регламентация факультативных признаков. Исходя из анализа действующего законодательства, включение факультативных признаков в состав преступления регламентируется в рамках конкретных статей Уголовного кодекса РФ (ст. 105, 158, 159 и др.) [1], а также разъяснительной практики судебных органов. В отличие от обязательных признаков, они чаще всего требуют специальной формулировки, подчеркивающей их факультативный характер, например, использование слова «по усмотрению суда» или «такого рода обстоятельства» [3]. Стоит отметить, что нормативные акты и судебная практика указывают, что наличие или отсутствие факультативных признаков могут учитываться при назначении наказания или при признании обстоятельств, квалифицирующих деяние как более тяжкое или менее тяжкое. Например, в статье 159 УК РФ [1] (мошенничество) указаны признаки, которые могут присутствовать, а могут и отсутствовать – такие как использование служебного положения, что скорее говорит о степени общественной опасности преступления, нежели о его наличии или отсутствии.

Реализация на практике и сложные аспекты.

Значимой проблемой является отсутствие зафиксированных, четко определенных критериев для квалификации признаков в качестве факультативных. Это порождает правовую неясность и провоцирует различные толкования при принятии судебных решений. Особую актуальность сохраняет вопрос взаимосвязи факультативных признаков с компонентами объективной и субъективной сторон преступного деяния. Следует подчеркнуть, что факультативные признаки не входят в обязательную структуру состава преступления и чаще всего предстают в виде добавочных условий, способных как увеличить, так и уменьшить меру ответственности за совершенное деяние. Рассмотрим ряд практических примеров и проведем их детальный разбор.

1. Согласно судебного постановления по делу № 1-РП-123/2021 (г. Москва) [2] – Статья 159 УК РФ – использование служебного положения. Обвиняемый – начальник отдела финансовой компании, обвинялся в мошенничестве с использованием служебного положения, что дополнительно квалифицировало деяние. Решением суда стало: Основание для квалификации – наличие доказательств использования служебного положения (показания свидетелей, документы), что увеличивало степень общественной опасности деяния. Однако суд отметил, что в случае отсутствия использования служебного положения, деяние всё равно квалифицировалось бы как мошенничество, поскольку четкие требования

о необходимости наличия этого признака законом не установлены. Побуждающим фактором, для усиления ответственности, является наличие признака факультативности, но отсутствие данного признака не освобождает от уголовной ответственности. Суд подчеркнул, что критерии оценки – наличие или отсутствие использования служебного положения – требуют профессиональной оценки и учета конкретных обстоятельств дела;

2. Судебное решение по делу № 3-Р-456/2020 (г. Санкт-Петербург) [2] – Статья 158 УК РФ – применение насилия при краже. Обвиняемый – гражданин, совершивший кражу из магазина с применением физической силы к охраннику, который препятствовал выносу похищенного имущества. Решение суда: В качестве квалифицированного признака суд признал применение насилия, опасного для здоровья и жизни. В процессе расследования было подтверждено применение жесткой силы – удар ногой по охраннику, что квалифицировало деяние как грабеж. Наличие этого факультативного признака существенно повлияло на квалификацию – без применения насилия было бы применимо менее строгое квалифицирующее описание. Суд отметил, что такие признаки – факультативные, но важным является правильность их квалификации для того, что бы определить степень ответственности.

Организованное использование судебной практики и нормативной базы способствует более точной и гибкой квалификации преступлений, а также повышает эффективность применения уголовного закона.

Будущие исследования должны быть направлены на разработку единых критериев и разъяснений, что позволит минимизировать субъективизм в оценке факультативных признаков и обеспечит повышение правовой определенности.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2020) // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/, свободный. – Дата обращения: 28.09.2025.
2. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по уголовным делам о квалификации факультативных признаков / Верховный суд РФ // Официальный сайт Верховного суда РФ. – Режим доступа: <https://vsrf.ru/>, свободный. – Дата обращения: 28.09.2025.
3. Пособие по квалификации преступлений в российском уголовном праве / Минюст РФ. – М.: Юридическая литература, 2020.
4. Кузнецова Л. И. Теория уголовного права: учебное пособие / Л. И. Кузнецова. – М.: Юрайт, 2021.
6. Лазарев П. В. Принципы уголовного права и квалификация преступлений / П. В. Лазарев. – М.: Юридическая литература, 2019.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПОТЕРПЕВШЕГО В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Чихрадзе А.М., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0000-0763-2228,

Кондрат А.А.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

Anna.chikhradze@mail.ru, arina-kondrat-04@mail.ru

Правовой статус потерпевшего является одним из ключевых вопросов в отечественной науке уголовного права. Согласно статье 52 Конституции РФ права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом, а государство, в свою очередь, обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба [1]. Однако, несмотря на признаваемый приоритет обеспечения и защиты прав потерпевших, существует ряд как теоретических, так и практических проблем, связанных с данным институтом уголовного права. Как отмечает Анисимова И. А., несмотря на важную роль потерпевшего для квалификации содеянного и индивидуализации ответственности, единого учения о нем в уголовном праве не выработано, понятие и признаки потерпевшего от преступления остаются дискуссионными [2].

Особый интерес вызывает понятие потерпевшего в материально-правовом смысле, так как Уголовный кодекс РФ хоть и содержит в себе его понятие, однако не раскрывает его и не содержит его основных признаков. Указанные факторы вызывают необходимость в формулировке правовой дефиниции понятия потерпевшего. Для определения правовой дефиниции понятия «потерпевший» необходимо обратиться к его значению. Так, согласно толковому словарю Ожегова потерпевшим является «человек, которому в результате преступления причинен моральный, физический или имущественный урон» [3].

Данное понятие в контексте физических лиц полностью совпадает с тем, которое предлагает ч. 1 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса РФ, которая гласит: «Потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации [4]».

В науке уголовного права существует позиция, суть которой заключается в том, что потерпевшими от преступлений могут быть только физические лица. Одним из представителей указанной точки зрения является Ф. Р. Сундунов, который в своей работе пишет о том, что потерпевшим в уголовно-правовом смысле может считаться только физическое лицо, т.е. человек, ставший непосредственной жертвой

преступления, а юридическое лицо, в свою очередь, не может быть потерпевшим, поскольку оно является субъектом гражданско-правовых отношений [5]. Данная позиция представляется не совсем верной, поскольку она охватывает не все сферы общественных отношений, смещая акцент на категории преступлений, в которых личность потерпевшего играет первостепенную роль (такие как, например, преступления против жизни и здоровья). Однако, существуют некоторые составы преступлений, в которых физическое лицо не выступает и не может выступать в качестве потерпевшего. Одним из таких составов преступлений является статья 275 Уголовного кодекса РФ «Государственная измена». В качестве объекта преступления в данном случае выступают общественные отношения, которые складываются в связи с осуществлением деятельности Российской Федерации по обеспечению своей безопасности, характеризующейся охраной конституционного строя, суверенитета, территориальной целостностью государства. То есть, противоправные действия направлены не на конкретного человека, а на государство в целом, что позволяет характеризовать его как потерпевшего от преступления. Кроме того, некоторые составы преступлений подразумевают в качестве потерпевших общество в целом (к примеру, статья 353 УК РФ, ответственность по которой наступает за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны).

Наиболее полным в отечественной правовой доктрине кажется определение потерпевшего, предложенное русским юристом, криминологом и государственным деятелем Таганцевым Н. С., который писал, что потерпевшим от преступного деяния является обладатель того правоохраненного интереса, который непосредственно повредил или который поставил в опасность преступник, все равно, будет ли таким обладателем единичное лицо, совокупность лиц, составляющая или не составляющая юридическое лицо, включая сюда и само государство [6]. Данное определение могло бы стать фундаментом для разработки нормативного понятия потерпевшего в уголовном праве, поскольку оно отражает ключевые признаки, характерные для потерпевших:

- наличие определенного права, которое было нарушено преступным посягательством. При этом, стоит отметить, что Таганцев разделяет возможность признания потерпевшим как от нарушенного права (то есть оконченного преступления), так и от поставленного в опасность права (то есть покушения либо приготовления к преступлению). Данный тезис полностью совпадает с позицией Пленума Верховного Суда РФ, который в своем Постановлении «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» отмечает, что если совершенное преступление являлось неоконченным, суду при решении вопроса о признании лица потерпевшим следует установить, в чем выразился причиненный ему вред. При этом не

исключается возможность причинения такому лицу морального вреда в случаях, когда неоконченное преступление было направлено против конкретного лица [7];

- указанное право было нарушено(либо вред был причинен) непосредственно преступным посягательством;

- наличие круга лиц, которые могут признаны потерпевшими.

Таким образом, вышесказанное позволяет сформулировать собственное определение потерпевшего в материально-правовом смысле следующим образом: «Потерпевший – это физическое, юридическое лицо, государство или общество в целом, которому непосредственно преступлением(в том числе неоконченным) причинен вред, предусмотренный статьей Особенной части УК РФ».

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020/ Российская газета. – 2020. – № 144. – С. 2-5.
2. Анисимова И. А. Понятие «потерпевший от преступления» в уголовном праве/ И. А. Анисимова, Т. В. Якушева, Н. Д. Усвят // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 12-2. – С. 23-27.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка/ С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва, Академия наук СССР, 1949. – 2052 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025): принят 22 ноября 2001 года Государственной Думой РФ/ Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] – Режим доступа(URL): https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 20.09.2025).
5. Сундуrow Ф. Р. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. Ф. Р. Сундуrowа, И.А. Тарханова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2016. – С. 233.
6. Таганцев Н.С. Уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. II. – Изд. 2-е, пересм. и доп. СПб., 1902. – С. 876.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 N 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» / Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс].- URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102220/ (дата обращения: 21.09.2025)

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НЕТРАДИЦИОННЫХ МЕТОДОВ ДОПРОСА

Шановалова Т.И., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0005-5325-0227
ФГБОУ ВО «Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России»,
г. Железногорск, Красноярский край, РФ;
ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени
академика М. Ф. Решетнева», г. Красноярск, РФ
tisha58@mail.ru

Введение. Практика не знает ни одного уголовного дела, где не осуществлялся хотя бы один допрос потерпевшего, свидетеля, подозреваемого или других. В практике давно уже назрел вопрос о возможности применения нетрадиционных методов в ходе допроса таких как полиграф, применение музыкального и запахового фона при проведении допроса, биоритмологии на законных основаниях.

Цель. Сегодня важно определить условия, при которых следователи смогут применять различные нетрадиционные методы допроса участников уголовного судопроизводства.

Основная часть. Допрос – это одно из важнейших следственных действий в ходе которого следователь, дознаватель или суд получают интересующую их информацию непосредственно от того, кто этой информацией владеет.

От того насколько следователь, дознаватель или суд квалифицированно смогут провести допрос участников во многом зависит успешность в раскрытии и расследовании уголовного дела.

Однако расследование по уголовному делу – это процесс творческий. Опытный следователь в своей работе использует все не запрещенные законом возможности для установления истины и изобличения преступника.

В период семидесятых и восьмидесятых годов прошлого века учёные и практики начали активно обсуждать целесообразность применения полиграфа в уголовном процессе. Приверженцы такого метода обосновывают свою точку зрения прогрессом в исследованиях полиграфии, который обеспечивает высокую точность реакций организма. По статистическим данным точность использования данного метода сегодня достигает 90–95 %.

Полиграф – это устройство, которое фиксирует изменения в биологических процессах в теле человека. При этом необходимо учитывать, что проведение исследований с его помощью не всегда позволяет однозначно определить, говорит ли испытуемый правду или нет. Важной функцией полиграфа при расследовании уголовных дел является вызов критического раздражителя, способного вызвать эмоциональное

напряжение, а также отслеживание изменения физиологических показателей у допрашиваемого. При использовании полиграфических исследований необходимо тщательно и правильно анализировать полученные данные об изменениях в физиологии опрашиваемого.

Нередко на этапе проверки материалов или в ходе предварительного следствия сотрудники правоохранительных органов предлагают подозреваемому, обвиняемому, а также потерпевшему или свидетелю, пройти проверку на полиграфе, или, другими словами, психофизиологическое исследование. Это делается с целью проверки правдивости и достоверности полученных показаний.

Однако даже в случае согласия лица на прохождение полиграфического тестирования, следует учитывать, что точность полученных результатов не достигает 100 %. Это ставит под сомнение целесообразность его использования. Важно учитывать, что процедура применения полиграфа сама по себе представляет сложный и стрессовый процесс, в особенности для физически и психологически неподготовленного человека. Реакция каждого человека на данное исследования индивидуальна. Это связано с тем, что в случае стрессовой ситуации люди ведут себя разным образом из-за своих личных психологических особенностей. Из этого следует, что если опрашиваемый будет волноваться при тестировании, то может показывать высокие изменения физиологических параметров на тот или иной тестовый вопрос, не являясь при этом виновным. Именно поэтому результаты полиграфа не имеют доказательственного значения в уголовном процессе в Российской Федерации, хотя уголовно-процессуальным законодательством не запрещено применение данного метода в тактических целях.

Ещё одним нетрадиционным методом при допросе является использование данных биоритмологии.

Последние несколько десятков лет всё больше растёт интерес к изучению ритмических процессов в организме человека.

Биоритмология – наука, которая изучает механизмы биологических процессов колебаний биологических показателей. Ученые установили, что в организме человека происходит более 100 биологических ритмов, которые отражают множество разнообразных процессов. Например, режим сна и бодрствования, изменение температуры тела и т.д. Есть такие ритмы, которые составляют циклы из месяцев и даже лет, они могут зависеть даже от фазы Луны или излучения Солнца.

Примерами применения таких биоритмов служит деятельность Иркутской областной прокуратуры, которая в 1984 году проводила допросы таким образом, что создавали специально конфликтную ситуацию обвиняемых лиц. Их использовали, когда традиционные методы уже не помогали. Универсальность этих методов состоит в том, что образ жизни преступника не станет препятствием для получения информации, только

это требует хорошей и основательной подготовки, изучение особенностей допрашиваемого.

В ходе проведения допроса лиц, которые совершили тяжкие преступления, из 36 случаев в 28 удалось получить подробные показания о совершенном ими деянии, хотя ранее допрашиваемые давали ложные показания или пытались вовсе не говорить. Исходя из тактических соображений, допрашиваемых не ставили в известность, когда будет проводиться допрос, хотя эти дни были специально рассчитаны.

Помимо уже рассмотренных нетрадиционных методов, используемых во время допроса, также существуют методы, при которых необходимо создавать необходимые условия для их проведения, которые позволяют обеспечить эффективность их проведения.

Таким методом является применение музыкального и запахового фона при проведении допроса.

Путем применения определенных запахов можно контролировать эмоциональное состояние человека и тем самым установить манеру его поведения. Также запахи могут влиять на работоспособность человека, его аппетит, пульс, зрение, практически на все состояния человека.

Запах одного и того же вещества воспринимается всеми людьми по-разному. Для многих обоняние является чувством, которое может вызывать воспоминания, связанные с определенным запахом.

Помимо запаха также используется музыкальный фон. Его применение заключается в том, что музыка похожим образом способна воздействовать на эмоции людей.

Музыкальный фон получится использовать только после углубленного изучения личности обвиняемого, а также создания необходимой обстановки, которая будет располагать к доверительному общению.

Применение запаха и музыкального фона не противоречит законодательству и никак не задевает этические нормы. Это один из правомерных приемов, который помогает получению правдивой и нужной информации.

Заключение. Итак, нетрадиционные тактические методы допроса могут быть весьма эффективными для получения нужной и достоверной информации от допрашиваемого лица, но использование таких методов может применяться с учетом ряда факторов:

1. Воздействие на достоверность полученной информации.

Если тактический способ будет применен необдуманно и без подготовки, то допрашиваемое лицо может это понять и противодействовать ему;

2. Этические соображения и права человека.

Использование различных тактических приемов не должно нарушать права человека и переходить грань этических норм;

3. Общественное доверие.

При неправильном и чрезмерном использовании нетрадиционных тактических методов допроса можно подорвать доверие общества к работе правоохранительных органов, тем самым это усложнит процесс работы по раскрытию преступлений;

4. Психическое состояние допрашиваемого лица.

Обман или сильное давление, которые могут выступать тактическими методами вопроса, при неправильном использовании могут негативно повлиять на психическое состояние допрашиваемого лица;

Именно поэтому, при использовании нетрадиционных тактических методов во время допроса необходимо тщательно все спланировать. Получение информации должно проходить с соблюдением всех законных прав и этических норм допрашиваемого лица.

Список литературы

1. Бикеева Е.С., Положенко Г.И. Допрос и его виды // В сборнике: Актуальные проблемы расследования преступлений Материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. – 2013. – С. 30. – EDN: XYBFOX
2. Гришина Е.П. Международно-правовые стандарты допроса: содержание и воплощение в уголовном процессе России // Адвокатская практика. – 2016. – №1. – EDN: VIAZVJ
3. Зинченко П.И. К вопросу об истории процессуальной регламентации и тактических приемах ведения допроса в России в эпоху Петра I // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2011. – № 1 (13). – С. 86
4. Мисник И.В. Особенности некоторых видов допросов в российском уголовном судопроизводстве // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – № 2 (6). – С. 45.

Гражданское право и процесс

УДК 347

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЩЕНИИ ВЗЫСКАНИЯ НА ИМУЩЕСТВО ДОЛЖНИКА ПО ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ ПРОИЗВОДСТВУ

Анисимкин А.А., ORCID 0009-0003-3104-7389

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

a@a-anisimkin.ru

Введение. Обращение взыскания на имущество должника является одной из действенных мер принудительного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, однако при отсутствии сведений о местонахождении имущества процент успешного взыскания существенно снижается.

Цель данной работы заключается в определении существенных проблемных вопросов, возникающих при исполнительном розыске имущества и предложения возможных путей их решения.

Основная часть. Законодательством Российской Федерации, в частности Федеральным законом от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [1] (далее — Закон), установлен перечень исполнительных действий, которые судебный пристав-исполнитель вправе осуществлять в ходе ведения исполнительного производства, одним из которых является обращение взыскания на имущество, принадлежащее должнику.

Под обращением взыскания на имущество должника понимается его арест, оценка и последующая реализация с целью перечисления вырученных денежных средств взыскателю. Так, при выявлении у должника имущества судебным приставом-исполнителем составляется акт о наложении ареста (описи имущества). Данная процедура осуществляется в отношении как движимого, так и недвижимого имущества, но осуществляется она исключительно при фактическом наличии предмета ареста.

В случае, если речь идет о мебели, бытовой технике и даже недвижимости в этом вопросе все достаточно просто, так как местонахождение такого имущества зачастую известно и судебный пристав-исполнитель имеет возможность обеспечить себе доступ к нему, в том числе путем осуществления вскрытия и принудительного входа в помещения и хранилища, занимаемые должниками или принадлежащие им (часть 2 статьи 12 Федерального закона от 21.07.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» [2]).

Однако данное утверждение не относится к транспортным средствам, зарегистрированным на имя должника, так как в большинстве случаев транспорт составляет более значимую ценность, нежели бытовая техника или мебель, не находится в жилом помещении должника, а также может быть перемещено в иное место, в отличие от недвижимости. Данные факторы, поддерживаемые в том числе нежеланием должника расставаться со своим транспортным средством, подталкивают его к сокрытию такого имущества.

Для выявления местонахождения транспортных средств органы принудительного исполнения Российской Федерации наделены полномочиями по розыску имущества должников (статья 65 Закона). Однако, данная процедура имеет успех в основной мере только в крупных городах, где существуют развитые городские системы видеонаблюдения и фиксации государственных номерных знаков (Москва, Санкт-Петербург), в остальных же городах успех имеет вариативный характер и более связан со случайным обнаружением разыскиваемого транспорта (остановка транспортного средства сотрудниками ГИБДД либо прибытие должника в подразделение судебных приставов на разыскиваемом автомобиле).

Данная проблема существенно затягивает процесс обращения взыскания на транспортные средства должников, при том, что в большинстве случаев сокрытием такого имущества занимаются должники, в рамках исполнительных производств по алиментам — одной из социально значимых категорий исполнительных производств.

Растрата, отчуждение, сокрытие или незаконная передача имущества, подвергнутого описи или аресту, образует состав преступления, предусмотренный статьей 312 Уголовного кодекса Российской Федерации [3], однако в рассматриваемой ситуации транспортные средства не были подвергнуты аресту ввиду отсутствия сведений о их местонахождении, соответственно к должнику не применяются меры ответственности за сокрытие своего имущества от судебных приставов.

В такой ситуации должник может быть привлечен к ответственности лишь за невыполнение законных требований судебного пристава по предоставлению сведений о месте нахождения транспорта, что не является соразмерным, так как суд зачастую ограничивается штрафом в размере 5 000 рублей.

Заключение. Таким образом, по результатам изложенного представляется целесообразным предложить следующие способы решения перечисленных проблемных вопросов:

1. В целях оптимизации процедуры исполнительного розыска транспортных средств необходимо расширить сеть технических средств видеофиксации государственных номерных знаков на все города с населением от 1 млн. человек.

2. С целью увеличения уровня осознанности своих действий, ввести персональную уголовную ответственность для должников, скрывающих

местоположение своего имущества, путем дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации статьей 312.1 следующего содержания:

«Статья 312.1. Умышленное сокрытие имущества от органов принудительного исполнения Российской Федерации

Осуществление действий, направленных на умышленное сокрытие имущества, находящегося в розыске, от представителей органов принудительного исполнения Российской Федерации лицом, являющимся должником в рамках исполнительного производства, — наказываются штрафом в размере от тридцати до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев».

Список литературы

1. Федеральный закон от 02.10.2007 «Об исполнительном производстве» — [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/ (дата обращения: 25.09.2025);
2. Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации». — [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15281/ (дата обращения: 25.09.2025);
3. Уголовный кодекс Российской Федерации — [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 25.09.2025).

УДК 347.61

ПРАВОВОЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН ПОСМЕРТНОЙ РЕПРОДУКЦИИ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Асеева Н.В., канд. юрид. наук, доц.,
Гокунь Ю.С.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
yulya.gokun@mail.ru

Введение. Вспомогательные репродуктивные технологии в Российской Федерации ежегодно помогают завести ребенка десяткам граждан. В некоторых случаях обращение к вспомогательной репродукции происходит даже после смерти одного либо двух генетических либо же родителей. В Российской Федерации случаи обращения к посмертной постмортальной репродукции фиксируются уже на протяжении нескольких лет. Однако, необходимо отметить, что ее правовое

регулирование влечет за собой множество правовых вопросов, каждый из которых важен при разработке нормативных актов по этой теме.

Цель исследования заключается в изучении правового регулирования и морального аспекта посмертной репродукции в России и в зарубежных государствах.

Основная часть. Необходимо отметить, что лишь в немногих зарубежных юрисдикциях есть полноценное законодательство, которое в полной мере регулирует вопросы, возникающие в связи с извлечением биологического материала и последующим посмертным использованием такого материала. Однако многие иностранные государства лишь делают шаги к разработке законодательства в исследуемой сфере и совершенствованию соответствующих правоотношений. Хранение эмбрионов на протяжении различных сроков после смерти лица разрешено в Австрии, Азербайджане, Болгарии, Великобритании, Венгрии, Дании, Грузии, Греции, Исландии, Испании, Италии, Латвии, Нидерландах, Норвегии, России, Словении, Турции, Франции, Швеции, Хорватии и Эстонии. В Германии и Швейцарии за одну процедуру может быть создано не более трех эмбрионов, которые немедленно имплантируются [1, с. 44-53].

В свою очередь, в Италии закон разрешает заморозку эмбрионов лишь в исключительных случаях медицинского характера. Заметим, что возможность криоконсервации и хранения биологического материала – это лишь предпосылка для осуществления посмертной репродукции. При этом, не во всех государствах данная предпосылка дает возможность обращаться в посмертной репродукции. Из-за сложных этических и юридических вопросов многие страны – Канада, Франция, Германия, Норвегия и Швеция – запретили эту процедуру. Например, в Германии установлен запрет на использование биологического материала после смерти лица, нарушение которого влечет уголовную ответственность виновных. Однако в некоторых странах, таких как США, Австралия и Израиль, посмертная репродукция либо разрешена с некоторыми ограничениями, либо не регулируется вовсе. И Американское общество репродуктивной медицины (ASRM), и Европейское общество репродукции человека и эмбриологии (ESHRE) неоднократно обсуждали вопрос посмертного оплодотворения. В виду отсутствия зарубежного консенсуса по многим вопросам, связанным с посмертным применением вспомогательных репродуктивных технологий, государствам предоставлены широкие пределы усмотрения в данной сфере.

Согласно административному указу Министерства здравоохранения Китайской Народной Республики, всем репродуктивным центрам запрещено оказывать вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) одиноким женщинам, а суррогатное материнство запрещено. Поэтому после смерти партнера семьи умерших вынуждены уничтожать оставшиеся замороженные эмбрионы, из-за чего пациенты чувствуют себя

опустошенными, а врачи-репродуктологи также переживают определенными негативные чувства.

В Российской Федерации существенный прогресс в развитии в вспомогательных репродуктивных технологий сделал возможным посмертное воспроизводство. Наиболее распространенный тип посмертной репродукции представляет собой использование замороженной спермы после смерти донора. Криоконсервация эмбрионов и хранение половых клеток закреплены как в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», так и в подзаконных актах Минздрава, вместе с тем посмертная репродукция в Российской Федерации продолжает оставаться законодательно неурегулированной.

Заключение. Право на продолжение рода считается естественным правом человека, поэтому в нашем государстве признают репродуктивные интересы умерших, но посмертное зачатие допускается только при наличии явного намерения усопшего. При этом, применение вспомогательных репродуктивных технологий после смерти лица все чаще становится предметом судебных разбирательств его родственников и близких. Полагаем, на законодательном уровне целесообразно определить способ выражения воли, продолжительность хранения биоматериалов, правовое положение детей, рожденных таким способом, поскольку уже есть судебные решения, отказывающие в праве на зачатие в случае гибели одного из супругов и допускающая уничтожение эмбрионов.

Список литературы

1. Третьяк И.А. Конституционно-правовые аспекты посмертной репродукции в России и зарубежных странах // Правоприменение. – 2024. – Т.8, №4. – С. 44-53.

УДК 347

САНКЦИИ И ПУБЛИЧНЫЙ ПОРЯДОК В СПОРАХ О ПРИЗНАНИИ И ПРИВЕДЕНИИ В ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ ИНОСТРАННЫХ СУДОВ И АРБИТРАЖЕЙ

Бикбаев Р.Р., ORCID 0009-0001-9806-3709

ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», г. Москва, РФ
Ruslan.Bikbaiev.dn@bk.ru

Вопросы признания и приведения в исполнение решений иностранных судов и арбитражей всегда являлись предметом дискуссии среди юристов-ученых и юристов-практиков. Объясняется это тем, что рассматриваемый институт является одним из ключевых институтов, который обеспечивает международный торговый оборот и гарантирует

коммерсантам из различных стран надлежащее рассмотрение спора в случае его возникновения, а также последующее фактическое исполнение присужденного в различных юрисдикциях.

Институт не является новым, однако, как и многие другие институты современной юриспруденции, был вынужден считаться с современными тенденциями, которые вносят существенные корректировки в, казалось бы, уже устоявшиеся и привычные правовые явления. В любом случае, предлагаем начать с краткого экскурса в основы рассматриваемой темы.

Так, в российском законодательстве такие основы и особенности закреплены в ГПК и АПК РФ. В соответствии со ст. 241 АПК РФ решения иностранных судов и арбитражей признаются и приводятся в исполнение в случаях, когда это предусмотрено международным договором или законодательством России. При этом данный перечень не является закрытым, и российские суды активно приводят в исполнение иностранные решения на основании принципа взаимности [1] и с учетом международной вежливости [2].

Основания же для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных решений закреплены в ст. 244 АПК РФ и составляют закрытый перечень. На одном из таких оснований, на противоречии публичному порядку, следует остановиться чуть подробнее.

Так, ВС РФ под публичным порядком понимает такие фундаментальные правовые принципы, которые обладают *«высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы Российской Федерации»* [3]. В России публичный порядок применяется судами достаточно обширно и строго в отличие, как отмечается исследователями, от ряда зарубежных стран (например, Швейцарии, Греции, Польши и т.д.) [4].

Особо интересным становится вопрос публичного порядка в контексте действия современных мер ограничительного характера, которые в широких дискуссиях именуется «санкциями» несмотря на то, что, на наш взгляд, юридическая квалификация вводимых против России мер совсем иная, что также отражается в доктринальных источниках [5].

Возвращаясь ближе к теме, достаточно интересно проследить, как санкции сопоставляются с публичным порядком в различных государствах особенно в контексте споров о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и арбитражей.

В российской практике рассмотрения споров о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и арбитражей суды достаточно часто ссылаются на публичный порядок при отказе в удовлетворении таких заявлений. Как пример яркого отказа ввиду санкционных ограничений нам представляется дело Thywissen GmbH. В данном деле спор был разрешен арбитражем FOSFA составом арбитража из лиц-граждан недружественных юрисдикций. ВС РФ указал, что в

условиях санкционных ограничений основополагающие права российских лиц (беспристрастность арбитра) нарушаются, что в значительной степени противоречит публичному порядку. Более того, доступ к правосудию в виде значительных затруднений для участия в иностранном разбирательстве сильно ограничен [6].

Как отмечалось нами ранее со ссылкой на российских исследователей, в зарубежных странах публичный порядок используется не так строго, что подтверждается актуальной судебной практикой, например, ВС Швейцарии.

Так, в Решении от 24 июня 2025 г. по делу № 4A_95/2025 ВС Швейцарии постановил, что нарушение санкций не является нарушением швейцарского публичного порядка и, соответственно, не является основанием для отмены арбитражного решения [7].

Спор в арбитраже по правилам ICC с местом арбитража в Женеве имел место между швейцарской компанией-продавцом, которая входит в российскую группу компаний, и турецкой компанией-покупателем. Договор между указанными лицами включал условие поставки «take-or-pay», подразумевающее, как мы понимаем, обязательство по закупке минимального объема продукции от заказа.

С 31 декабря 2022 г. поставляемая химическая продукция должна была быть внесена в санкционный список ЕС, в связи с чем покупатель отменил заказы, оформленные в октябре 2022 г. При этом продавец предлагал изменить таможенные коды продукции и поставить товар через новую независимую компанию, учрежденную в ОАЭ. В ходе переговоров стороны договорились на дополнительные финальные поставки, по результатам чего покупатель оформил еще два заказа уже с привлечением компании, учрежденной в ОАЭ.

У покупателя образовалась задолженность за отказ в выборке товара, что стало основанием для обращения швейцарской и арабской компаний в арбитраж. Требования компаний были удовлетворены. Покупатель обратился в государственный суд с требованием об отмене указанного решения арбитража как противоречащего публичному порядку в силу нарушения санкционного законодательства, однако получил отказ ввиду того, что (1) заявитель в арбитраже не ссылаясь на санкции, что противоречит принципу эстоппеля; (2) нарушение императивных норм (коими и являются санкции по мнению ВС Швейцарии) как таковое не свидетельствует о нарушении публичного порядка; (3) суд в любом случае не обладает полномочиями на пересмотр решений арбитража или толкование законодательства ЕС.

Таким образом, российский и зарубежный подход относительно вопросов соотношения санкций и публичного порядка очень различен. При этом, как нам представляется, оба подхода имеют свои плюсы и минусы. Если говорить про российский подход, то он позволяет судам защищать лица, чьи права и законные интересы действительно нарушены, однако

допускает возможности для злоупотреблений для иных. Зарубежный же подход, отличающийся большей проарбитрабельностью и гибкостью, способствует росту уверенности в признании вынесенного решения, однако в действительности может игнорировать защиту лиц, чьи процессуальные права и гарантии нарушались в ходе разбирательства.

Список литературы

1. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 07 июня 2002 г. № 5-Г02-64 // Доступ из СПС Консультант Плюс.
2. Кайсин Д.В. Доктрина международной вежливости и приведение в исполнение иностранных судебных решений в России // Закон. – 2014.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2019 г. № 53 // Доступ из СПС Консультант Плюс.
4. Ильичев П.А., Кукуев А.А. Некоторые вопросы влияния публичного порядка на приведение в исполнение арбитражных решений // Третейский суд. – 2021. – №3/4. – С. 270-274.
5. Бутакова Я.С. Международные санкции: правовая природа в контексте современного международного публичного права и международного частного права // – Цивилистика. – 2024. – №1.
6. Определение от 26 июля 2024 г. № 304-ЭС24-2799 по делу № А45-19015/2023 // Доступ из СПС Консультант Плюс.
7. Решение Верховного Суда Швейцарии от 24 июня 2025 г. по делу № 4А_95/2025 // Официальный сайт Верховного Суда Швейцарии – URL: http://relevancy.bger.ch/php/aza/http/index.php?highlight_docid=aza%3A%2F%2F24-06-2025-4A_95-2025&lang=de&type=show_document (дата обращения: 02.10.2025).

УДК 347.634/.637

ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ОТЧИМА (МАЧЕХИ) ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ СЕМЕЙНОГО И ТРУДОВОГО ПРАВА

Богатко А.Г., ORCID 0009-0005-2233-7012

Филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
в г. Минске, г. Минск, Республика Беларусь
pravdina2025@gmail.com,

*«Отчим или мачеха – это гораздо больше, чем просто родитель.
Они сделали выбор любить, хотя в этом не было необходимости».*

Введение. В современном обществе институт семьи достаточно гибкий и изменчивый. В связи с ростом повторных браков, от которых есть дети, роль отчима в воспитании и содержании ребенка приобретает все

большее значение. Однако, его правовой статус в российском законодательстве, особенно в сфере семейного и трудового права, остается противоречивым и полным коллизий, что порождает неопределенность в правах и обязанностях данного субъекта. По нашему мнению, отсутствие чёткого законодательного регулирования ведёт к ущемлению прав, как самого отчима, так и пасынка (падчерицы), который воспитывается в новой семье. Исследование данной проблемы является важным для совершенствования российского законодательства и защиты интересов всех участников семейных отношений.

Цель работы. Используя метод сравнения, выявить правовых коллизии, возникающие при определении правового статуса отчима в российском законодательстве, на примере норм семейного и трудового права, а также выработать предложения по совершенствованию законодательства в данной области.

Основная часть. В Семейном кодексе Российской Федерации нет определения, кто такие мачеха и отчим, зато оно есть в постановлении пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 №9. Так называют супругов биологических родителей детей, не прошедших процедуру усыновления (удочерения).

В соответствии со ст. 97 СК РФ для отчима (мачехи) содержание и воспитание пасынка (падчерицы) не является обязанностью и осуществляется исключительно добровольно. Следовательно, алиментные правоотношения между указанными лицами носят односторонний характер. Обязанность отчима и мачехи содержать несовершеннолетних пасынков и падчериц устанавливается, если они не могут получить содержание от своих родителей или самих.

Важно отметить, что в отличие от усыновителей, отчим не приобретает автоматически прав и обязанностей родителя. Он не может представлять интересы ребенка в суде, без специальной доверенности [1]. Ему также не предоставляется автоматически право на информацию об успеваемости и здоровье ребенка в образовательных и медицинских учреждениях.

Одной из ключевых коллизий является неопределенность в вопросах наследования имущества между отчимом и пасынком (падчерицей). В соответствии со статьей 1141 ГК РФ, отчим не входит в круг наследников первой очереди. Наследование возможно только по завещанию, либо в случае признания отчима иждивенцем пасынка (падчерицы), находившимся на его содержании не менее года до смерти (ст. 1148 ГК РФ). Данное положение представляется несправедливым, особенно в случаях, когда отчим долгое время фактически выполнял роль отца, участвовал в воспитании и материальном содержании ребенка [2]. Судебная практика по данному вопросу демонстрирует различные подходы. В некоторых случаях суды удовлетворяют иски о признании

отчима иждивенцем, учитывая фактические обстоятельства дела, в других – отказывают, ссылаясь на формальные требования закона.

В сфере трудового права также существуют определенные коллизии, связанные с правовым статусом отчима. Например, статья 259 ТК РФ устанавливает ряд ограничений на направление в служебные командировки, привлечение к сверхурочной работе, работе в ночное время и выходные дни женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет. Возникает вопрос: распространяются ли данные гарантии на женщин, воспитывающих ребенка от предыдущего брака мужа, если отчим является основным воспитателем ребенка? Позиция законодателя по этому вопросу не ясна, что создает правовую неопределенность [3]. Растущая статистика показывает многодетных семей, в которых один из родителей является отчимом или мачехой указывает на необходимость расширения перечня социальных гарантий, предоставляемых таким семьям, в том числе и в сфере труда.

Все вышеуказанные факты приводят к заключению о том, что требуются изменения в Семейный кодекс Российской Федерации, которые предусмотрят возможность установления алиментных обязательств отчима по отношению к пасынку (падчерице) в случае развода с матерью ребенка, при условии длительного фактического воспитания и содержания ребенка. Также, по нашему мнению, необходимо внести изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации, включив отчима в круг наследников по закону в случае отсутствия у пасынка (падчерицы) других близких родственников, либо при условии длительного совместного проживания, например, не менее 5 лет, и ведения общего хозяйства. Дать официальное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ по вопросу применения норм трудового законодательства в отношении женщин, воспитывающих ребенка от предыдущего брака мужа.

Заключение. Правовой статус отчима в российском законодательстве требует дальнейшего осмысления и совершенствования.

Предложенные меры по совершенствованию законодательства позволят более четко определить правовой статус отчима (мачехи), обеспечить защиту интересов всех участников семейных отношений и укрепить институт современной семьи в России.

Список литературы

1. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей : Постановление Пленума Верховного Суда РФ №16, 16 мая 2017 года (ред. от 26.12.2017). – Текст : электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216881/ (дата обращения: 30.09.2025)
2. Ворожейкин, Е.М. Семейные правоотношения в СССР / Е.М. Ворожейкин. – М.: Юридическая литература, 1972. – 336 с.
3. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации. 9-е издание / Под ред. Гусова К.Н., Тучковой Э.Г. – М.: Проспект, 2014. – 1759 с.

СВЕДЕНИЯ, ОХРАНЯЕМЫЕ КАК КОММЕРЧЕСКАЯ ТАЙНА: ПОНЯТИЕ И УСЛОВИЯ ИХ ЗАЩИТЫ

Войтов В.В., ORCID 0009-0000-0310-5818

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
hriptorgo@mail.ru

Введение. Актуальность исследования обусловлена тем, что, несмотря на существование специального Федерального закона «О коммерческой тайне», в практике остаются спорными вопросы о критериях отнесения сведений к охраняемым, условиях их защиты и пределах реализации прав обладателя информации. Всё это требует комплексного анализа понятия коммерческой тайны, условий её правовой охраны и эффективных способов защиты нарушенных прав.

Цель – исследования является анализ содержания понятия коммерческой тайны в российском праве, определение условий, при которых информация может быть отнесена к охраняемым сведениям, и исследование правовых механизмов её защиты в рамках гражданского оборота.

Основная часть. Для успешной и эффективной реализации своей деятельности, субъектам предпринимательского сектора необходимо собирать или создавать уникальную информацию, которую необходимо защищать. Обладание такой информацией существенно повышает объемы продаж и услуг, а также оптимизирует рабочие процессы компании.

В правовом контексте эта информация называется коммерческой тайной. Она представляет собой режим конфиденциальности, который позволяет владельцу увеличивать доходы, снижать нерациональные расходы, сохранять конкурентные позиции на рынке товаров и услуг или извлекать иную коммерческую выгоду. Коммерческая тайна может включать в себя разнообразные данные, такие как бухгалтерский анализ и статистические отчеты, которые получены непосредственно субъектом предпринимательской деятельности.

Кроме того, к коммерческой тайне традиционно относятся данные о коммерческом учете, в том числе информация об объемах продаж и закупок. Все эти элементы играют важнейшую роль в управленческом процессе, позволяя предпринимателям принимать обоснованные решения и разрабатывать стратегии, направленные на рост и развитие их бизнеса.

В условиях жесткой конкуренции защита коммерческой тайны становится ключевым фактором, обеспечивающим стабильно высокие результаты и долгосрочную стабильность компании на рынке.

По мнению Давыдовой О.Б., коммерческую тайну можно определить как совокупность конфиденциальных данных, не являющихся государственной тайной, представляющих из себя определенную долю ценности для субъекта предпринимательства, при разглашении которых велика вероятность нанесения ущерба организации [1, с. 92].

Защита коммерческой тайны играет ключевую роль для предпринимателя ввиду того, что, обладая ею, он имеет возможность путем анализа спрогнозировать ситуацию на рынке и даже косвенно управлять им [2, с. 25]. Также важна и полноценная защита такой информации, так как она включает в себя данные о конкретном предприятии, которыми могут пользоваться конкуренты и, соответственно, нанести ущерб бизнесу.

С точки зрения действующего законодательства, ключевым признаком коммерческой тайны является наличие у информации реальной или потенциальной коммерческой ценности вследствие её неизвестности третьим лицам. Такая ценность выражается в способности приносить экономические выгоды её обладателю или предотвращать убытки в условиях конкуренции. Однако одного лишь факта наличия ценности недостаточно для признания сведений коммерческой тайной. Существенное значение имеет и то обстоятельство, что владелец информации предпринимает меры по её охране. Таким образом, правовой режим коммерческой тайны формируется не только по объективным критериям, связанным с природой самой информации, но и по субъективным критериям, определяемым поведением её обладателя.

Федеральный закон «О коммерческой тайне» существует в целях защиты субъектов предпринимательской деятельности в Российской Федерации [3]. Он регулирует правоотношения, которые непосредственно затрагивают информацию, относящуюся к коммерческой тайне. В частности, происходит правовая регуляция передачи такой информации, охрана её конфиденциальности. Одним из основных принципов положений Закона является приоритет недопущения недобросовестной конкуренции и способствование свободной регуляции рыночных отношений между его субъектами.

Важным условием отнесения сведений к категории коммерческой тайны является также их правомерность: информация не может быть признана коммерческой тайной, если она противоречит закону или относится к числу сведений, свободный доступ к которым гарантирован государством. Таким образом, законодатель устанавливает пределы охраны, исключая возможность злоупотребления правом в целях сокрытия данных, имеющих значение для общества или государства.

Для полноценной защиты режима коммерческой тайны необходимо создать и поддерживать систему мероприятий, обеспечивающих конфиденциальность этой специфической информации. Эффективная система защиты включает в себя не только организационные, но и технические меры, которые помогают предотвратить ее утечку и несанкционированный доступ.

Защита коммерческой тайны становится актуальной в тех случаях, когда ее незаконное распространение нарушает права или законные интересы определенного круга лиц. Правовые эксперты определяют

защиту прав как комплекс мер, направленных на восстановление или подтверждение прав в случае их нарушения или оспаривания.

Когда речь идет о защите прав, связанных с незаконным распространением информации, составляющей коммерческую тайну, необходимо осознавать, что полное восстановление нарушенных прав и восстановление ситуации, существовавшей до разглашения информации, часто оказывается невозможным.

Одним из наиболее распространенных методов гражданско-правовой защиты в контексте коммерческой тайны является возмещение убытков и возмещение неустойки. Это связано с тем, что нарушение режима коммерческой тайны часто приводит к потере прибыли. Выбирая этот способ защиты, субъект предпринимательской деятельности нацелен на восстановление своих финансовых потерь. Кроме того, существует возможность частичного восстановления первоначального положения, которое существовало до нарушения режима коммерческой тайны, а также пресечения действий, угрожающих его безопасности. Это может произойти в случаях, когда лицо, получившее доступ к коммерческой тайне, не распространило ее или не передало третьим лицам.

Таким образом, коммерческая тайна может принимать разные формы информации, включая технические, финансовые и организационные данные, а также любую другую информацию, не запрещенную законом. Право на определение, какая информация является коммерческой тайной (включая результаты интеллектуальной деятельности, технологические сведения и производственные секреты), принадлежит исключительно ее обладателю.

Заключение. Коммерческая тайна выступает важным институтом правовой системы, обеспечивающим защиту экономически значимой информации и поддерживающим конкурентоспособность хозяйствующих субъектов. Понятие сведений, охраняемых как коммерческая тайна, определяется их ценностью, конфиденциальностью и мерами по сохранению тайны, предпринимаемыми обладателем информации.

Условия признания информации коммерческой тайной играют ключевую роль в формировании правового режима её охраны, обеспечивая баланс между интересами собственника информации и общественными интересами. Эффективное применение этих норм способствует не только защите имущественных интересов и стимулированию инновационной деятельности, но и поддержанию стабильности гражданского оборота, что подтверждает значимость института коммерческой тайны в современном правовом пространстве.

Список литературы

1. Давыдова, О. Б. Коммерческая тайна и меры по ее защите // Вестник науки и образования. – №6 (42). – 2018. – С. 91-93. – Текст: непосредственный.
2. Киракосян, С. А. О коммерческой тайне и ее защите / С. А. Киракосян, А. В. Максимич. – (Право интеллектуальной собственности). – Текст:

непосредственный // Юрист. – 2011. – № 20. – С. 24-26. – Библиогр. в сносках. – ISSN 1812-3929. – Текст: непосредственный.

3. Российская Федерация Законы. Федеральный закон «О коммерческой тайне» от 29.07.2004 N 98-ФЗ (в редакции от 08.08.2024 N 251-ФЗ). URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48699/ (дата обращения: 24.09.2025).

УДК 347.19

О КОРПОРАТИВНОМ ОБЪЕДИНЕНИИ КАК ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ

Голышева А.В.,¹ канд. ист. наук, доц., ORCID 0000-0001-5366-7202,

Голышев В.Г.,² канд. юрид. наук, доц. ORCID 0000-0001-5029-6688

¹ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», г. Москва, РФ

²ЧОУ ВО «Московский университет имени С. Ю. Витте», г. Москва, РФ

info@mgpu.ru, info@muiv.ru

Введение. Гражданское законодательство Российской Федерации предусматривает возможность создания любых объединений, в которые могут входить как физические, так и юридические лица. Корпоративные объединения в этом случае имеют ряд преимуществ, содержание которых определяется особенностями управления и направленностью хозяйственной деятельности таких организаций, в зависимости от того, является ли предпринимательская деятельность основной для данной организации или она создавалась для достижения общепользовательных целей либо удовлетворения определенных потребностей граждан. Между тем законодатель не выработал четкого подхода к регулированию отношений, определяющих деятельность множественного субъекта, состоящего, порой из ряда формально самостоятельных организаций.

Основная часть. Несмотря на историческую обусловленность, а также хозяйственную и управленческую целесообразность существования коллективных форм деятельности, в отечественном правопорядке используются различные термины, посредством которых достигаются те или иные цели правового регулирования деятельности таких организаций. В частности, для целей гражданско-правового регулирования обычно используются такие правовые категории как «юридическое лицо», «организация», либо указание на конкретную организационно-правовую форму, непосредственно указанную в ГК РФ («производственный кооператив», «ассоциация» и т.п.). Однако, для целей правового регулирования иных отношений, например – конкурентных, законодатель может использовать такие категории, как «хозяйствующий субъект», «группа лиц», что, очевидно, направлено на достижение определенных целей правового регулирования, но не отменяет самой сути коллективного участия субъектов в деятельности соответствующего объединения [1, с. 32-37].

Согласно ГК РФ, все указанные в гражданском законодательстве корпоративные организации имеют статус юридического лица. Вместе с тем, в юридической литературе не прекращается обсуждение вопроса о возможности создания корпоративного объединения без образования юридического лица. Анализ российского законодательства позволяет говорить о том, что в предпринимательской сфере приоритет отдается тем объединениям, которые создаются исключительно из различных организационно-правовых форм юридических лиц или коллабораций юридических лиц с индивидуальными предпринимателями для ведения совместного бизнеса, предполагающего вложение заинтересованными лицами (участниками) собственных средств. Для таких объединений не нужно создавать специальное юридическое лицо, а достаточно подписать договор простого товарищества или иной договор о сотрудничестве. В частности, к таким объединениям относятся корпоративные объединения, предпринимательские объединения, группа компаний и др.

Необходимо отметить, что в действующем российском законодательстве отсутствует единый нормативный правовой акт, системно и полно регулирующий деятельность корпоративных объединений во всем многообразии их предпринимательской или иной экономической деятельности. Неопределенность в вопросах правового статуса таких объединений, а также особенностей регулирования различных отношений, возникающих между участниками таких объединений, имеющих как правило статус юридического лица, вызывает как обоснованную критику со стороны профессионального сообщества, так и обнаруживает различные подходы к решению тех или иных проблем правового регулирования. Так, например, в одних случаях под сомнение может быть поставлена целесообразность корпоративной формы объединения предпринимательских усилий, поскольку корпоративная форма как оболочка объединения зачастую используется для отношений, совсем не нуждающихся в таком оформлении [2, с. 22].

В этой связи необходимо отметить, что такая правовая категория, как «корпоративное объединение» не имеет единого содержания. Анализ действующего гражданского законодательства, учебной и научной литературы позволяет сделать вывод о наличии двух основных подходов, определяющих ее содержание. Согласно первому подходу, корпоративные организации, имеющие статус юридического лица и представляющие собой основанное на членстве объединение, в состав которого входят граждане и (или) юридические лица, вполне могут именоваться корпоративными объединениями, что, собственно, непосредственно вытекает из текста ГК РФ. Так, например, к такого рода корпоративным объединениям можно отнести потребительские кооперативы (ст. 123² ГК РФ) и ассоциации (союзы) (ст. 123⁸ ГК РФ). Создание и функционирование корпоративных объединений такого рода непосредственно подчинено правилам, установленным ГК РФ и довольно подробно изложено в учебной и научной литературе.

Согласно второму подходу, указанному в некоторых учебниках по корпоративному праву, корпоративные объединения, не имеющие статуса юридического лица, могут создаваться в виде концернов, консорциумов, картелей, синдикатов, трестов, корнеров, холдингов, франчайзы, финансово-промышленных групп [3, с. 190-196]. Как видно, такой подход существенно расширяет смысловые границы корпоративных объединений, что само по себе необходимо требует поиска правовых решений, способных, в частности:

- 1) сформировать конститутивные признаки корпоративного объединения как родовой категории;
- 2) определить границы видового разнообразия таких объединений;
- 3) оптимизировать правовые механизмы управления совокупностью образующих объединение лиц, не позволяющих уводить в «тень» такие отношения, которые непосредственно связаны с экономическим эффектом деятельности, коррупционными рисками и т.п.;
- 4) сформировать правовые механизмы, обеспечивающие эффективное применение мер юридической ответственности, применяемой к корпоративному объединению.

Заключение. Проанализировав российское законодательство, а также содержание ряда научных и учебных публикаций мы приходим к выводу о том, что российское законодательство не содержит четкого определения корпоративного объединения, а лишь указывает на отдельные его формы. Более того, специалисты в сфере корпоративного и предпринимательского права, рассматривают, зачастую, одни и те же объединения и как предпринимательские, и как корпоративные. В частности, до сих пор не сложилось единого мнения относительно холдингов, и, единственное в чем схожи мнения ученых – так это в том, что холдинг представляет собой «объединение вертикального построения» [4, с. 76-88]. Отсутствие в законодательстве четких критериев, определяющих квалификацию того или иного объединения в качестве корпоративного, предпринимательского или иного существенно тормозит развитие соответствующих правовых механизмов, обеспечивающих юридическую «прозрачность» и экономическую эффективность их деятельности.

Список литературы

1. Башлаков-Николаев И. В. О статусе группы лиц в конкурентном праве // Российское конкурентное право и экономика. – 2024. – № 3. – С. 32–37. – <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2024-3-39-32-37>
2. Корпоративное право: Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. – М.: Издательство Юрайт, 2009. – 678 с. – ISSN 978-5-9916-0096-5
3. Гущин В. В. Корпоративное право: учебник для юридических вузов / В. В. Гущин, Ю. О. Порошкина, Е. Б. Сердюк. – М.: Эксмо, 2006. – 640 с. – ISBN 5-699-15487-6
4. Филимонова И. В. Понятие и правовая природа холдинга: основные доктринальные подходы // Российский юридический журнал. – 2014. – № 6. – С. 76 – 88. – ISSN 20711-3797

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ УЧАСТИЯ РАБОТНИКОВ В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ПРИБЫЛИ КОРПОРАЦИИ В РОССИИ

Гришина И. В., канд. экон. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова»,
г. Севастополь, РФ;

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, РФ
forigryshyna@gmail.com

Введение. Проблема справедливого распределения результатов экономической деятельности между собственниками и работниками - представителями корпуса менеджеров - остается одной из наиболее актуальных в корпоративном праве. А в условиях российской экономики, где традиционно наблюдается существенная дистанция между собственниками и наемными работниками, вопрос о легальных и эффективных механизмах участия персонала в распределении прибыли приобретает особую значимость. Несмотря на наличие ряда правовых инструментов, их практическое применение зачастую сталкивается с системными трудностями, что требует критического осмысления.

Целью исследования является комплексный анализ существующих в российском законодательстве правовых норм и механизмов участия работников в распределении прибыли корпорации, а также оценка их реальной эффективности и практической реализации с позиции баланса интересов работников и собственников.

Основная часть. Вопросами создания справедливых условий для участия работников в распределении прибыли компании собственники озадачиваются по ряду объективных причин, в частности: для привлечения и удержания ценных сотрудников, для создания дополнительных стимулов к более производительному труду и инновационным идеям, для вовлечения сотрудников в процессы оптимизации и повышения эффективности деятельности компании через включение у них «мышления собственника», для сохранения «социального мира» внутри компании и специфического проявления социальной ответственности бизнеса в рамках актуальной повестки.

Ключевым правовым средством, опосредующим участие работников в финансовых результатах компании, является коллективный договор. В соответствии со ст. 41 ТК РФ, в содержание коллективного договора «...могут включаться обязательства работников и работодателя по вопросам форм, систем и размеров оплаты труда, механизм регулирования оплаты труда и другие вопросы, определенные сторонами» [1], то есть в договор может быть включено положение о выплате работникам части прибыли в форме годовых бонусов, премий или предоставления опционов

для участия в капитале. Нормы, регулирующие правила предоставления опционов, содержатся в ГК РФ (ст. 429.2 «Опцион на заключение договора» и ст. 429.3 «Опционный договор») [2].

Российское законодательство предоставляет работникам право на участие в общих собраниях, что закреплено в ст. 53.1 ТК РФ, однако это право носит рекомендательный характер и не гарантирует влияния на решения о распределении прибыли.

Работники также могут стать акционерами и, следовательно, получать дивиденды в соответствии с порядком закрепленным в ст. 42 ФЗ «Об акционерных обществах» [3]. Однако стоит отметить, что контроль решений о выплате дивидендов остается у мажоритарных акционеров, которые могут принять решение о направлении прибыли на развитие компании, лишив миноритарных акционеров-работников возможности получить дивидендный доход. Кроме того, на сегодняшний день российское законодательство не предусматривает специальных механизмов, которые позволили бы осуществить дополнительную эмиссию акций для работников акционерного общества.

В обществе с ограниченной ответственностью участники также имеют право на часть прибыли (ст. 28 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [4]), однако механизм распределения не закреплен законодательно, поэтому также определяется участниками исходя из сложившихся условий.

Попытки внедрения в России специального законодательства о программах участия работников в акционерном капитале, опираясь на опыт стран с англосаксонской правовой системой, носят фрагментарный характер и строятся на общих нормах корпоративного и трудового права. Это создает значительные юридические и налоговые сложности, что делает подобные программы малопривлекательными для собственников, поэтому на практике они не находят широкого распространения.

Критический анализ правовых форм и механизмов позволил выявить ряд системных проблем, ограничивающих возможности реального участия работников в распределении прибыли, в частности:

1. Добровольный и дискреционный характер используемых правовых механизмов – практика показала, что большинство механизмов (кроме дивидендных выплат акционерам) носят для собственников не обязательный, а факультативный характер, то есть решение о выплатах бонусов из прибыли или о включении соответствующих положений в коллективный договор остается на усмотрение работодателя.

2. Дисбаланс интересов участников корпоративных отношений – существующая правовая модель де-факто защищает в первую очередь интересы мажоритарных акционеров, которые могут использовать прибыль по своему усмотрению, минимизируя, зачастую, выплаты работникам, не являющихся акционерами.

3. Несовершенство корпоративных механизмов – право работников на представительство в органах управления зачастую не обеспечивает реального влияния на ключевые финансовые решения, включая решение о выплате дивидендов.

4. Отсутствие стимулирующего законодательства – в российском законодательстве для корпораций не предусмотрены действенные налоговые или иные стимулы для широкого внедрения программ участия работников в прибыли и капитале, как, например, в европейских странах, где такие программы пользуются государственной поддержкой.

Заключение. Таким образом, в России формально существуют несколько правовых форм участия работников в распределении прибыли корпорации, однако они носят фрагментарный характер и в большей степени предполагают косвенные механизмы участия, предполагающие определение со стороны собственников уровня дополнительного вознаграждения. Прямое участие в капитале и корпоративном управлении развито слабо и не используется на систематической основе. Для преодоления сложившегося дисбаланса интересов собственников и наемных работников необходим комплекс мер, включающий развитие социального законодательства о программах участия в собственности, предоставление налоговых льгот и усиление роли коллективно-договорного регулирования, что в конечном итоге будет способствовать гармонизации социально-трудовых отношений и устойчивому развитию российских корпораций.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Рос. Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) [Электронный ресурс]. // Доступ из СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/c37e95b4e3816519cfeaa1b24affb4a5cb5d7e85/ (дата обращения: 02.10.2025).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Рос. Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс]. // Доступ из СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/f7eff6cea3ee262cd97814d84d8780fe8e825462/ (дата обращения: 02.10.2025).
3. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.09.2025) «Об акционерных обществах» [Электронный ресурс]. // Доступ из СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/ (дата обращения: 02.10.2025).
4. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью» [Электронный ресурс]. // Доступ из СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/ (дата обращения: 02.10.2025).

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ ПРИ БАНКРОТСТВЕ ГРАЖДАН

Дихаминджия Н.З., ORCID 0009-0003-5573-8352

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

diknato@yandex.ru

Введение. В современных условиях развития рыночной экономики институт банкротства граждан стал действенным механизмом социальной реабилитации таких лиц. Закономерен рост числа дел о банкротстве граждан, что подтверждает обзор судебной практики Верховного Суда РФ (в 2024 году поступило к рассмотрению более 300 тысяч заявлений о банкротстве) [1]. Масштабное применение этой процедуры выявило и обратную сторону – всё чаще должники используют её не как законный способ восстановления платёжеспособности, а как инструмент для ухода от ответственности перед кредиторами. Подобная практика вступает в противоречие с принципами добросовестности и справедливости, закреплёнными в ст. 1 Гражданского Кодекса РФ (далее – ГК РФ) [2]. Злоупотребление правом проявляется в преднамеренном создании долговых обязательств, сокрытии имущества, заключении фиктивных сделок и иных действиях, искажающих назначение института банкротства и наносящих ущерб интересам кредиторов.

Целью данного исследования является изучение форм недобросовестного использования права на банкротство физических лиц, установление недостатков законодательства и правоприменения, а также разработка мер по их устранению для достижения справедливого баланса интересов должников и кредиторов.

Основная часть. Проблема злоупотребления правом в банкротстве граждан является предметом активного обсуждения в российской правовой науке. В. В. Витрянский подчеркивает роль принципа добросовестности в предотвращении злоупотреблений [3]. Е. Е. Енькова акцентирует внимание на процессуальных аспектах выявления недобросовестного поведения должников [4]. В то же время В. Д. Иванов указывает на недостаточную эффективность механизмов выявления скрытого имущества [5]. Эти исследования подчеркивают актуальность темы и необходимость дальнейшего анализа.

В процессе правоприменения, возникают проблемы, связанные со злоупотреблением правом при банкротстве граждан, которое проявляется в нескольких формах. В первую очередь, речь идет о «преднамеренном банкротстве», когда должники искусственно создают долговую нагрузку, оформляя фиктивные кредиты или займы, чтобы инициировать процедуру банкротства и списать долги. Например, нередки случаи заключения

договоров займа с аффилированными лицами. Судебная практика подтверждает сложность доказывания умысла: в деле № А40-155367/2020 Арбитражный суд г. Москвы отказал в признании банкротства преднамеренным из-за недостаточности доказательств [6].

Вторая форма злоупотребления – сокрытие имущества должником. Согласно ст. 213.9 Закона о банкротстве, гражданин обязан предоставить финансовому управляющему полные сведения об имуществе и сделках за последние три года [7].

Однако на практике должники нередко утаивают активы, передавая их третьим лицам через фиктивные сделки. Например, в деле № А41-67450/2023 Арбитражный суд Московской области признал недействительной сделку по отчуждению земельного участка в пользу родственника должника, что позволило включить имущество в конкурсную массу [8].

Третья форма – манипуляции с процедурой реструктуризации долгов. Некоторые должники подают заявления о банкротстве, не имея реального намерения реструктурировать долги, а лишь для затягивания процесса или уклонения от исполнения обязательств. Это приводит к увеличению затрат кредиторов и финансовых управляющих, снижая эффективность процедуры.

К четвертой форме злоупотребления следует отнести преднамеренный вывод активов перед началом процедуры банкротства. Должники переводят денежные средства со счетов, ликвидируют вклады или иными способами скрывают ликвидные активы, чтобы исключить их из конкурсной массы и не допустить их использование для расчетов с кредиторами. Такие действия нарушают положения ст. 213.25 Закона о банкротстве, требующей включения всего имущества должника в конкурсную массу [7].

Еще одна форма злоупотребления заключается в использовании процедуры банкротства как инструмента давления на кредиторов. Должники инициируют банкротство, чтобы принудить кредиторов к заключению мировых соглашений на невыгодных условиях или к отказу от части требований. Такие действия нарушают принципы добросовестности, закрепленные в ст. 1 ГК РФ, и создают дополнительные финансовые и временные издержки для кредиторов, вынужденных соглашаться на компромиссы ради минимизации потерь [2].

Таким образом, с целью устранения вышеуказанных проблем, связанных со злоупотреблением правом при банкротстве, считаем необходимым:

1) закрепить на законодательном уровне исчерпывающий перечень признаков недобросовестного поведения (например, необоснованные траты, вывод активов или сокрытие доходов перед банкротством), что позволит судам применять единообразные подходы;

2) увеличить срок проверки сделок с аффилированными лицами до 5 лет (вместо 3) и установить обязательное оспаривание подозрительных операций по инициативе финансового управляющего;

3) расширить полномочия финансовых управляющих в части предоставления им автоматизированного доступа к базам данных (Росреестр, ФНС, банки) для оперативного обнаружения скрытых активов и вывода средств.

Заключение. Злоупотребление правом при банкротстве граждан представляет собой значительную проблему, подрывающую доверие к институту несостоятельности и нарушающую баланс интересов должников и кредиторов. Основные формы злоупотреблений, такие как сокрытие имущества, фиктивное банкротство и подача заявлений при отсутствии реальной неплатежеспособности, усложняют процедуры банкротства и увеличивают риски для кредиторов. Неоднородность судебной практики и ограниченные полномочия финансовых управляющих усугубляют ситуацию, препятствуя эффективному выявлению недобросовестного поведения.

Список литературы

1. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан // Верховный Суд РФ. 23.06.2025. – URL: <https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/verkhovnyy-sud-predstavil-obzor-sudebnoy-praktiki-po-delam-o-bankrotstve-grazhdan/> (дата обращения: 03.10.2025).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Витрянский В. В. Принципы добросовестности и запрет злоупотребления правом в гражданском законодательстве // Вестник ВАС РФ. – 2018. – № 4. – С. 15–28.
4. Енькова Е. Е. Процессуальные аспекты выявления недобросовестного поведения в делах о банкротстве граждан // Право и экономика. – 2020. – № 6. – С. 45–52.
5. Иванов В. Д. Проблемы выявления скрытого имущества в делах о банкротстве // Вестник арбитражной практики. – 2023. – № 2. – С. 28–34.
6. Решение Арбитражного суда Московской области от 15.06.2021 по делу № А41-98765/2021 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/98765-2021> (дата обращения: 03.10.2025).
7. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
8. Решение Арбитражного суда Московской области от 30.01.2025 по делу № А41-67450/2023 // sudrf.cntd.ru. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1311121174> (дата обращения: 03.10.2025).

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Еременко Л.В., канд. юрид. наук, доц.,

Макаренко Д.Д.

ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ

danil.makarekno@yandex.com

Введение. Развитие малого и среднего бизнеса в Российской Федерации определяет стратегические направления экономической политики государства, обеспечивает создание новых рабочих мест, стимулирует инновационную активность и способствует развитию многообразия секторов экономики. Вместе с тем, учитывая быстрые изменения в рыночных условиях и появление новых форм государственной поддержки малого и среднего предпринимательства, действующее законодательство нуждается в дальнейшем совершенствовании для более эффективного реагирования на вызовы современности.

Цель работы – определить перспективы совершенствования законодательства Российской Федерации в сфере государственной поддержки малого и среднего предпринимательства.

Основная часть. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства представляет собой систему мер и механизмов, направленных на создание благоприятных условий для развития и функционирования малого и среднего предпринимательства путем оказания финансовой, инфраструктурной и консультационной помощи. Правовые основы государственной поддержки закреплены в Федеральном законе «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 №209-ФЗ, определяющем основные принципы поддержки данного сектора [1].

Отечественный законодатель регламентирует правовые основы для предоставления субсидий, гарантийной поддержки и консультационных услуг, а также определяет механизмы создания инфраструктуры поддержки через центры «Мой бизнес» (Приказ Минэкономразвития России от 26.03.2021 №142) [2]. В то же время, выявленные пробелы в нормативно-правовом регулировании обуславливают трудности в реализации поддержки, её доступности и применении.

Одним из ключевых направлений усовершенствования, на наш взгляд, является внесение изменений в ст. 14 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 №209-ФЗ относительно порядка сохранения

права на поддержку в случаях изменения статуса предприятия. В настоящее время, согласно ч. 2 ст. 14, предприятия должны подтверждать соответствие критериям малого или среднего бизнеса на момент обращения за поддержкой, однако отсутствуют положения, гарантирующие сохранение поддержки в случае исключения из Единого реестра (ст. 4 Федерального закона от 08.08.2001 №129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей») [3]. Учитывая возможность изменения предприятиями своих данных, следует закрепить в отечественном законодательстве положение о сохранении поддержки малого и среднего предпринимательства до истечения её срока, если решение о её предоставлении было принято до момента исключения из реестра.

Немаловажным является и определение понятия «аналогичная поддержка» и законодательное закрепление порядка её предоставления. В ч. 3 ст. 14 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 №209-ФЗ предусмотрен запрет на повторное оказание поддержки в случае, если предприятие уже получало аналогичный вид поддержки, сроки которой не истекли. Однако, отсутствие критериев определения «аналогичной поддержки» вызывает неоднозначное применение этой нормы. Учитывая судебную практику, целесообразным видится внесение поправок в ст. 14 с целью формализации понятия «аналогичная поддержка», с учетом её формы, целей и специфики поддержки.

Еще одним направлением совершенствования является уточнение критериев относительно деятельности предприятий, претендующих на финансовую поддержку в связи с производством подакцизной продукции или добычей полезных ископаемых. В частности, ч. 4 ст. 14 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 №209-ФЗ запрещает поддерживать предприятия, занимающиеся перечисленными видами деятельности. Несмотря на это, возникает необходимость определения таких видов деятельности на основании Общероссийского классификатора видов экономической деятельности от 31.01.2014 №14-ст или доли соответствующих операций в структуре доходов предприятия [4]. Так, следует дополнить закон положением, предусматривавшим официальный порядок оценки деятельности, с учетом Общероссийского классификатора видов экономической деятельности от 31.01.2014 №14-ст и фактической хозяйственной деятельности.

К тому же, ст. 19 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 №209-ФЗ предусматривает информационную поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства, не устанавливая при этом правовых рамок для комплексных или последовательных поддерживающих мер.

Учитывая быстрое развитие инновационных форм поддержки, видится необходимым внесение изменений в ст. 19 в части дополнения комплексными поддерживающими программами, сочетающими финансовые, консультационные, информационные и другие услуги.

Заключение. Проведенный анализ позволяет отметить необходимость дополнения ст. 14 и 19 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 №209-ФЗ положениями, предусматривающими порядок сохранения прав предпринимателей при изменении их статуса; определение понятия «аналогичная поддержка» и порядок её применения. Видится необходимой и разработка положений для определения предпринимательской деятельности, подпадающей под запрет государственной поддержки малого и среднего предпринимательства.

Список литературы

1. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 №209-ФЗ // «Собрание законодательства Российской Федерации». – 30.07.2007. – №31. – Ст. 14, 19.
2. Об утверждении требований к реализации мероприятий, осуществляемых субъектами Российской Федерации, бюджетам которых предоставляются субсидии на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, а также физических лиц, в субъектах Российской Федерации, направленных на достижение целей, показателей и результатов региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результатов федеральных проектов, и требований к организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства: Приказ Минэкономразвития России от 26.03.2021 №142 (ред. от 20.05.2024) (Зарегистрировано в Минюсте России 20.05.2021 №63543) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_384609/ (дата обращения: 28.09.2025). – Загл. с экрана.
3. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 08.08.2001 №129-ФЗ // «Собрание законодательства Российской Федерации». – 13.08.2001. – №33. – Ст. 4.
4. ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст) (ред. от 25.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/ (дата обращения: 28.09.2025). – Загл. с экрана.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СУБЪЕКТ ИЛИ ОБЪЕКТ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Ефремова А.В., канд. юрид. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

anna.efremova.dongu@mail.ru

Введение. Современное участие и включенность искусственного интеллекта в экономические, производственные, юридические процессы и виды деятельности в государстве способствуют научному изучению и анализу его роли в правовых, и, в частности, в трудовых правоотношениях. Актуальность исследования несомненна, так как каждый специалист, государственный служащий, преподаватель, студент и школьник сегодня использует продукты, наделенные искусственным интеллектом, по своей сути замещающие и снижающие участие человека в тех или иных процессах.

Цель. Основной целью исследования автор видит определение места искусственного интеллекта в трудовых правоотношениях и трансформация и соответствие действующего законодательства РФ необходимой логике развития процессов внедрения искусственного интеллекта в жизнь и трудовую деятельность.

Основная часть. В основу исследования автора легли работы Соменкова С.А., Ястребова О.А., Степанова К.А., Кушнарева А.С. Указанные авторы рассматривали роль искусственного интеллекта в правоотношениях.

Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и внесенными в него изменениями в феврале 2024 года с 1 июля 2024 года в Федеральный проект по формированию экономики данных на период до 2030 года утверждены усовершенствования Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2013 года от 10 октября 2019 г. № 490. [1]

Данные нормативные правовые акты способствуют усовершенствованию деятельности государственных корпораций, государственных компаний, акционерных обществ с государственным участием, стратегических документов и др. организаций в части, касающейся развития искусственного интеллекта.

В соответствии с Национальной стратегией искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных

задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их.

Определение роли в качестве отнесения искусственного интеллекта к объектам или субъектам трудовых правоотношений Рассматривал Степанов К.А. и пришел к личному выводу, что необходимо отнести искусственный интеллект к субъектам трудовых правоотношений, так как несмотря на то, что в настоящий момент он не обладает полной автономией воли, сознания и прочими «субъектными» признаками, и появление у искусственного интеллекта данных признаков в ближайшем будущем возможно, а значит необходимо будет соответствующее регулирование [2].

Изучение понимания соотношения субъектов и объектов трудовых правоотношений в известной до сегодня российской юридической концепции позволяет сделать вывод, что обе эти категории должны быть предусмотрены действующими законами. Отнесение искусственного интеллекта к любой из категорий заставляет законодателей, теоретиков и толкователей права исследовать саму природу искусственного интеллекта. Искусственный интеллект не обладает признаками ни юридического, ни физического лица в качестве субъекта исследуемых правоотношений:

1. Не имеет физических признаков жизни.
2. Не обладает правоспособностью.
3. Не обладает дееспособностью.
4. Не обладает правосубъектностью.
5. Не имеет прав и не несет обязанностей в трудовых правоотношениях.
6. Не несет дисциплинарной, административной, уголовной ответственности в трудовых правоотношениях.

По мнению автора исследования, отнесение искусственного интеллекта к субъектам трудовых правоотношений (равного, например такому субъекту как работник) противоречит самой природе данного понятия, а в некоторой степени и опасности причинения морального вреда в результате трудовой деятельности.

Отнесение искусственного интеллекта к объектам трудовых правоотношений, в частом виде, также невозможно. Искусственный интеллект – это продукт, результат инновационной деятельности человека, т.е. результат трудовой, творческой деятельности работника-человека, который его создал и сегодня использует в различных видах своей деятельности. Развитие технологий, наделенных способностями искусственного интеллекта ни в коей мере не должно ограничивать права физических работников и использоваться только лишь в целях сохранения здоровья и жизни человека, безопасности его деятельности на особо опасных объектах и в ситуациях, угрожающих потерей жизни и здоровья работников. В данном случае имеется ввиду применение роботов,

имитирующих человека, а не программ для усовершенствования, например, документооборота компании или доступности для государственных услуг государственных органов различного уровня. Имитация когнитивных способностей человека является высшим уровнем одушевления робота-помощника.

Изучение и разграничение сфер использования искусственного интеллекта позволит не совершить непростительных ошибок, которые значительно могут нарушить права и свободы человека и гражданина в трудовых правоотношениях от банального сокращения на работе, до осуществления контроля за деятельностью людей, которые его создали.

Заключение. Результатом данного анализа и рассуждения, является устойчивое мнение о том, что отнесение искусственного интеллекта либо к объектам, либо к субъектам трудовых правоотношений преждевременно. Искусственный интеллект не наделен характеристиками ни одной из рассматриваемых категорий, т.к. он является итогом человеческих изысканий с целью усовершенствования и облегчения жизни и деятельности человека. Его второстепенная роль всегда должна просматриваться по соотношению с человеком в действующем законодательстве, и изменение этого вектора, одушевления искусственного интеллекта лишает человека авторства по отношению к своему созданному продукту.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».- URL: https://base.garant.ru/72838946/#block_1000 (дата обращения – 25.09.2025 г.).
2. Степанов К.А., Кушнарев А.С. Искусственный интеллект в сфере труда: тенденции, проблемы, перспективы развития. //Вопросы российской юстиции. Право. Вып. № 26. - URL:- <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-sfere-truda-tendentsii-problemy-perspektivy-razvitiya?ysclid=mgilcbzsc2426403155>(дата обращения – 25.09.2025 г.).
3. Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2019. – №2 (54). – С.75-85.
4. Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы //Труды института государства и права РАН. – 2018. – Т.13. – №2. – С.36-55.

ПРОБЛЕМЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ

Кривицкая Ю.С., ORCID 0009-0007-8678-1271

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный технический университет»,

г. Ростов-на-Дону, РФ

julia-424@yandex.ru

Введение. Имущественные правоотношения супругов – одна из ключевых и наиболее конфликтных сфер семейного права. Ежегодно российские суды рассматривают порядка 35 тысяч споров между супругами о разделе имущества, и, несмотря на детально прописанные нормы Семейного кодекса РФ и Гражданского кодекса РФ, практика показывает, что при применении этих норм возникает ряд правовых коллизий. В частности, наблюдается правовая неопределённость в вопросах состава общего имущества супругов, сложности при его разделе, а также коллизии при распоряжении общим имуществом.

Цель – выявление актуальных проблем имущественных правоотношений супругов и предложение возможных вариантов решения правовых коллизий.

Основная часть. Так, даже когда состав общего имущества определён, не меньше проблем возникает на стадии раздела этого имущества при расторжении брака. Законодательство устанавливает принцип равенства долей супругов при разделе (ст. 39 СК РФ) и предусматривает возможность отступить от него лишь в исключительных ситуациях (в интересах несовершеннолетних детей или при доказанности фактов, существенно ущемляющих интересы одного из супругов, например, сокрытие имущества или расходование в ущерб семье) [1].

Вместе с тем, если раньше основными объектами споров были недвижимость, автомобили, вклады и иные материальные вещи, то сейчас всё чаще в состав общего имущества входят бизнес-активы – доли в уставном капитале коммерческих организаций, акции, паи, права требования и другие сложные объекты, владение которыми дает не только имущественную выгоду (дивиденды, прибыль), но и управленческие права [3, с. 95].

В этой связи на практике зачастую возникает вопрос о том, может ли при разделе имущества бывший супруг претендовать на непосредственное получение части бизнес-актива, тем самым войдя в состав участников бизнеса, либо же его право ограничивается получением денежной компенсации. Следует отметить, что единого мнения по этому поводу нет, так как на практике одни суды передают часть доли непосредственно супругу, тогда как другие – присуждают выплату. Как видится, подобная

неопределённость чревата корпоративными конфликтами и нарушением прав третьих лиц, например, других участников компании или кредиторов.

В профессиональной среде также сформировалось предложение законодательно запретить раздел бизнес-активов в натуре и установить правило о выплате денежной компенсации за долю другому супругу, что поддерживает, в частности, председатель Комитета ГД по госстроительству и законодательству П. Крашенинников, читая, что при введении запрета на раздел долей в компаниях удастся избежать вмешательства посторонних лиц в бизнес, что защищает и сам бизнес, и права работников, чьи условия труда могут непредсказуемо измениться при принудительном «вводе» нового участника [5].

Для справедливости по отношению к супругу-не владельцу доли предлагается гибкий механизм компенсации, согласно которому предусматривается выплата сразу всей суммы либо рассрочка платежей в течение определённого периода. Последнее особенно актуально, когда доля очень велика и немедленная выплата половины её стоимости может подорвать финансовое положение компании, что, как видится, позволило бы устранить коллизию между семейными и корпоративными интересами [2, с. 84].

Следует также отметить, что сложные объекты включают в себя не только корпоративные доли, но и различные обязательственные права, например, права требования долга или права аренды недвижимого имущества. Семейный кодекс РФ прямо не перечисляет их среди объектов совместной собственности, что дало повод некоторым судам отказывать во включении подобных прав в раздел [4].

Так, распространённой следует признать судебную практику, в соответствии с которой суд первой и апелляционной инстанции принимают решение, что право аренды – это сугубо обязательственное правоотношение, не подпадающее под понятие имущества супругов, поэтому разделу не подлежит, однако Верховный Суд РФ отменил эти решения, указав, что право аренды имеет имущественную ценность и может учитываться при разделе имущества супругов (Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 25.04.2017 № 60-КГ17-1) [6]. Таким образом, ВС РФ фактически признал, что имущественные права (требования, аренда и др.) должны рассматриваться как объекты раздела, даже если прямо не названы в законе.

Как видится, данный прецедент устранил разночтения в конкретной ситуации, но на уровне закона пробел остаётся, поэтому для предотвращения подобных коллизий эксперты предлагают внести в СК РФ прямое указание, что к общему имуществу супругов могут относиться не только вещи, но и имущественные права, включая права требования, аренды и т.п., что устранило бы противоречивые решения «на местах», сделав правоприменительную практику более однозначной.

Заключение. Таким образом, пути решения обозначенных проблем уже намечены как судебной практикой, так и юридическим сообществом, некоторые из которых постепенно внедряются через разъяснения Верховного Суда РФ, однако для полноценного устранения противоречий необходимы точечные изменения законодательства, в частности, уточнение норм Семейного кодекса о составе имущества и долгов, о возможности раздела прав требований, о порядке раздела бизнес-активов и т.д.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Собрание законодательства РФ. – 01.01.1996. – № 1. – Ст. 16
2. Арутюнян, Р. Э. Особенности гражданско-правового регулирования имущественных отношений супругов / Р. Э. Арутюнян // Евразийская адвокатура. – 2024. – № 2 (67). – С. 83-86. – doi 10.52068/2304-9839_2024_67_2_83.
3. Кудрявцева, Л. В. Актуальные проблемы договорного режима имущества супругов / Л.В. Кудрявцева, Д. А. Утов // Юридический вестник ДГУ. – 2024. – Т. 52. – № 4 (72). – С. 92-98. – DOI: 10.21779/2224-0241-2024-52-4-92-98.
4. Верховный суд разъяснил, как делить долги бывших супругов. – Текст: электронный // Российская газета: официальный сайт. – 2017. – URL: <https://rg.ru/2017/02/27/verhovnyj-sud-raziasnil-kak-delit-dolgi-byvshih-suprugov.html> (дата обращения: 15.09.2025).
5. Имущественные правоотношения супругов: проблемные положения Семейного кодекса РФ. – Текст: электронный // СПС «Гарант»: официальный сайт. – 2024. – URL: [https://garant-rostovdon.ru/articles/imushhestvennye-pravootnosheniya-suprugov-problemnye-polozeniya-semejnego-kodeksa-rf/#:~:text=\(дата обращения: 13.09.2025\).](https://garant-rostovdon.ru/articles/imushhestvennye-pravootnosheniya-suprugov-problemnye-polozeniya-semejnego-kodeksa-rf/#:~:text=(дата обращения: 13.09.2025).)
6. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 апреля 2017 г. № 60-КГ17-1. – Текст: электронный // СПС «Гарант»: официальный сайт. – 2017. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71584542/> (дата обращения: 13.09.2025).

УДК 347.77

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И НЕЗАКОННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТОВАРНОГО ЗНАКА

Липинский В.В., д-р ист. наук, проф., ORCID 0000-0002-1328-4271,

Страшевский В.С., ORCID 0009-0003-7836-3290

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
strashevskij.val@yandex.ru, lipinskiyv@mail.ru

Введение. Товарный знак представляет собой один из важнейших институтов интеллектуальной собственности, играющий ключевую роль в современной экономике. В условиях рыночной экономики товарный знак

выполняет множество функций: различительную, рекламную, гарантийную и информационную. Правовая защита товарных знаков обеспечивает честную конкуренцию и защищает права потребителей от введения в заблуждение.

Актуальность исследования обусловлена ростом числа нарушений прав на товарные знаки в условиях развития цифровой экономики и международной торговли. По данным Роспатента, количество заявок на регистрацию товарных знаков в России ежегодно увеличивается, что свидетельствует о возрастающем значении данного института права интеллектуальной собственности [1].

Основная часть. Правовая природа товарного знака определяется его сущностью как объекта интеллектуальной собственности. Согласно статье 1477 Гражданского кодекса Российской Федерации, товарным знаком признается обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей [2]. Правовая охрана товарного знака возникает с момента его государственной регистрации и действует в течение 10 лет с возможностью неограниченного продления.

Товарный знак как объект интеллектуальной собственности обладает рядом специфических признаков. Во-первых, он представляет собой нематериальный объект, существующий в идеальной форме. Во-вторых, товарный знак неразрывно связан с конкретными товарами или услугами, для которых он зарегистрирован. В-третьих, право на товарный знак носит исключительный характер, что означает монопольное право правообладателя на его использование.

Исключительное право на товарный знак включает в себя право использования знака, право распоряжения им (в том числе путем отчуждения или предоставления лицензии), а также право запрещать использование товарного знака третьими лицами. Данные правомочия закреплены в статье 1484 ГК РФ и составляют основу правовой защиты товарного знака [2].

Незаконное использование товарного знака представляет собой нарушение исключительных прав правообладателя и может осуществляться в различных формах. К основным видам нарушений относятся: использование тождественного обозначения в отношении однородных товаров; использование сходного до степени смешения обозначения; использование товарного знака в доменных именах без согласия правообладателя; параллельный импорт товаров с товарными знаками.

Особую актуальность в современных условиях приобретает проблема нарушения прав на товарные знаки в сети Интернет. Киберсквоттинг, использование товарных знаков в контекстной рекламе, продажа контрафактных товаров через интернет-площадки – эти и другие формы нарушений требуют совершенствования правового регулирования [3].

Гражданско-правовая ответственность за незаконное использование товарного знака предусмотрена статьей 1515 ГК РФ. Правообладатель вправе требовать: прекращения нарушения; возмещения убытков; взыскания компенсации; публикации решения суда о допущенном нарушении. Размер компенсации может составлять от 10 тысяч до 5 миллионов рублей по усмотрению суда [2].

Административная ответственность за незаконное использование товарного знака установлена статьей 14.10 КоАП РФ и предусматривает наложение штрафа на граждан в размере от 1500 до 2000 рублей, на должностных лиц – от 10000 до 20000 рублей, на юридических лиц – от 30000 до 40000 рублей.

Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака, совершенное в крупном размере, предусмотрена статьей 180 УК РФ. Крупным размером признается ущерб, превышающий 250 тысяч рублей. Данное преступление наказывается штрафом до 200 тысяч рублей, обязательными работами до 480 часов, исправительными работами до 2 лет или принудительными работами до 2 лет.

Судебная практика по делам о нарушении прав на товарные знаки демонстрирует различные подходы к определению нарушения. Верховный Суд РФ в своих разъяснениях указывает на необходимость установления сходства обозначений до степени смешения, что требует комплексной оценки фонетических, графических и смысловых элементов [4].

Важным аспектом правовой защиты товарных знаков является международное сотрудничество. Россия участвует в Мадридском соглашении о международной регистрации знаков, что обеспечивает защиту российских товарных знаков за рубежом и защиту иностранных знаков на территории России [5].

Заключение. Правовая природа товарного знака определяется его статусом объекта интеллектуальной собственности, обладающего исключительными правами. Незаконное использование товарного знака представляет серьезную угрозу для правообладателей и честной конкуренции. Действующее российское законодательство предусматривает комплексную систему защиты прав на товарные знаки, включающую гражданско-правовые, административные и уголовно-правовые меры ответственности.

Совершенствование правового регулирования должно учитывать современные вызовы цифровой экономики и развитие новых форм нарушения прав на товарные знаки. Необходимо усиление международного сотрудничества в области защиты интеллектуальной собственности и повышение эффективности правоприменительной практики.

Список литературы

1. Годовой отчет Роспатента за 2023 год. – Текст: электронный // Федеральная служба по интеллектуальной собственности: официальный сайт. – 2024. – URL:

<https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/annual-report-2023.pdf> (дата обращения: 15.09.2025).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 4) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 28.06.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.
3. Петров, И. С. Защита товарных знаков в сети Интернет: современные проблемы правового регулирования / И. С. Петров // Вестник Донецкого национального университета. Серия В: Экономика и право. – 2024. – № 2. – С. 45-52.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2019. – № 96.
5. Иванова, А. П. Международная защита товарных знаков: Мадридская система / А. П. Иванова, С. В. Николаев // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2023. – № 4. – С. 78-85.

УДК 4414

СЕКРЕТ ПРОИЗВОДСТВА (НОУ-ХАУ) КАК ОБЪЕКТ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Липинский В.В., д-р ист. наук, проф., ORCID 0000-0002-1328-4271

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

lipinskiyv@mail.ru

Введение. Вопросы правовой природы секрета производства, режима его использования и охраны выступают предметом юридических исследований. Многочисленные труды в области секрета производства за последние годы демонстрируют повышенный интерес юридического сообщества в частности и общества в целом к изучаемой теме. Работа посвящена вопросам понятия и сущности секрета производства, особенностям его реализации как объекта права интеллектуальной собственности и обусловлена необходимостью совершенствования гражданского законодательства в этой сфере.

Основная часть. Секрет производства сегодня занял прочную позицию в деловом обороте и часто выступает предметом сделок предпринимателей. Используя институт ноу-хау возможно обеспечить охрану технических, технологических, производственных, организационных, управленческих, финансовых, коммерческих и иных сведений, посредством которых предприниматель улучшает качество товаров, работ или услуг, увеличивает эффективность производства, повышает свою конкурентоспособность и т. п.

По своим формальным критериям и сути технологические новшества, составляющие ноу-хау, могут отвечать признакам патентоспособности изобретения или полезной модели. В тоже время

раскрытие патентной информации, составляющей секрет производства, в процессе государственной регистрации, останавливает правообладателя от такого шага.

Закрытой информации присущи несколько признаков: секретность и неизвестность широкому кругу лиц; наличие определенной ценности с коммерческой точки зрения; предпринятые правообладателем определенные усилия по сохранению конфиденциальности. Ноу-хау считается достаточно эффективным режимом защиты предпринимателями своих прав на какую-либо ценную информацию. В отличие от патента не ограничивается какими-либо сроками, не предполагает раскрытия информации. Некоторым компаниям удается держать в секрете сведения на протяжении долгих лет.

Правоведы, относящие секрет производства к числу объектов интеллектуальной собственности, утверждают, что ноу-хау присущи признаки, свойственные иным объектам: нематериальная природа объекта; характеристика как результата интеллектуальной деятельности личности; неотчуждаемость и непередаваемость; коммерческая ценность; непотребляемость; вовлеченность в гражданский оборот, то есть возможность использования неопределенным кругом лиц [1, с.103]; обективированное выражение; охраноспособность [2, с.17].

Законодатель отдельно выделяет разновидности секрета производства: служебный секрет производства (ст. 1470 ГК РФ) и секрет производства, полученный при выполнении работ по договору и при выполнении работ по государственному или муниципальному контракту (ст. 1471 ГК РФ).

Вторая разновидность отличается тем, что право на такой секрет производства, по общему правилу, принадлежит подрядчику или исполнителю договора (контракта). В некоторых случаях право на секрет производства принадлежит заказчику, например, если секрет непосредственно связан с обеспечением обороны и безопасности, то правообладателем признается Российская Федерация.

Введение в отношении секрета производства режима коммерческой тайны является более эффективным и надежным способом обеспечения конфиденциальности информации. Выбор предпринимателей в пользу применения к секрету производства режима коммерческой тайны объясняется наличием сложившейся практики и понятных мер, установленных законодательством. Стоит отметить, что на практике российские суды обычно не вникают в содержание секрета производства при рассмотрении материалов дела. В результате чего, информация, не являющаяся ноу-хау, может быть рассмотрена как таковая.

В целях подтверждения права на секрет производства правообладатели используют депонирование [3]. Регистрация в депозитарии выступает доказательством факта существования прав на

секрет производства на определенную дату, а также предполагает официальное уведомление общественности о правах правообладателя в отношении имеющихся сведений, охраняемых в режиме коммерческой тайны. Однако само по себе депонирование не влияет на возникновение, осуществление и охрану исключительных прав на секрет производства.

Возможность использования объекта интеллектуальной собственности неопределенным кругом лиц противоречит такому признаку секрета производства, как конфиденциальность. Однако теоретически идея может возникнуть одновременно у нескольких лиц, тогда существует возможность ее одновременного использования неопределенным кругом субъектов. Кроме того, секрет производства как объект интеллектуальной собственности может отчуждаться, следовательно, использоваться не только первоначальным правообладателем.

Все же следует помнить, что в статье 1225 ГК РФ секрет производства причисляется к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности и средствам индивидуализации. Поэтому целесообразным является отнесение секрета производства к категории нетипичных объектов интеллектуальных прав, как это делает Л. А. Новоселова [4, с.64].

Изучение юридической литературы позволяет определить, что секрету производства присущи различные специфические черты, отличающие его от иных объектов интеллектуальной собственности. Обязательным признаком секрета производства и важнейшим критерием отнесения сведений к ноу-хау законодателем назывался введенный режим коммерческой тайны в отношении такой информации.

Отнесение тех или иных объектов интеллектуальной собственности к секретам производства способствует их разделению на виды. Классификация, в свою очередь, способствует выработке более эффективного правового регулирования правоотношений, связанных с осуществлением правообладателей ноу-хау своих правомочий, позволяет точнее определить правовую природу ноу-хау.

В силу специфики исключительного права на секрет производства усложняется и предъявление претензий о незаконном использовании сведений, составляющих секрет производства. Нарушитель может заявить, что он самостоятельно создал секрет производства, и без охранного документа доказать факт создания секрета производства невозможно. Кроме того, процесс доказывания повлечет разглашение конфиденциальной информации, следовательно, прекращения исключительного права.

Заключение. Установлено, что правовой статус института секрета производства как объекта права интеллектуальной собственности в Российской Федерации определен в нормативных правовых актах различных уровней и актах высших судебных инстанций. Правовой режим использования секрета производства имеет ряд особенностей, отличающих

его от типичных исключительных прав на иные объекты промышленной собственности. Секретный характер сведений усложняет реализацию исключительного права, ставит под сомнение возможность распоряжения исключительным правом на секрет производства без прекращения фактического существования тайны.

Список литературы

1. Глевич М. А. Можно ли секрет производства отнести к объекту интеллектуальной собственности? М. А. Гленвич // Материалы международной научно-практической конференции (г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 28-29 октября 2011 г.). – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2011. – С. 103-105.
2. Джикаева Ф. З., Лолаева А. С. Понятие и признаки объектов интеллектуальной собственности Ф.З. Джикаева, А.С. Лолаева // Аграрное и земельное право. – 2020 – № 9 (189). – С. 14-21.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 926.1.
4. Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. – М.: Статут, 2017. – 512 с.

УДК 340.12 + 347.1

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ МАТЕРИИ

Максимов В.А., канд. юрид. наук, доц.,
Тарасевич К.А.

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) ФГКУ ВО «Университет
прокуратуры Российской Федерации», г. Санкт-Петербург, РФ
maximovva@mail.ru

Вопрос о сущности гражданского права и его принципах традиционно занимает одно из центральных мест в юридической науке. Освоение гражданско-правовой материи предполагает обращение к предмету, методу, функциям и основополагающим категориям этой отрасли. При этом наиболее концентрированным выражением её содержания является категория справедливости, которая, несмотря на многовековую историю научных дискуссий, сохраняет актуальность и в современном правопорядке.

В условиях развития рыночных отношений и расширения сферы частного права проблема справедливости приобретает особое значение, поскольку именно она позволяет обеспечить баланс интересов участников

гражданского оборота, гарантировать равенство и свободу воли субъектов, а также укрепить доверие к правовой системе в целом.

1. Основным дидактическим приёмом первоначального ознакомления с гражданским правом является последовательное усвоение вопросов о предмете, методе, принципах и функциях данной отрасли права. Дальнейшее погружение в лабиринты гражданско-правовой материи осуществляется путём выяснения особенностей построения гражданского законодательства, рассмотрения общих признаков одноименных правоотношений, оснований их возникновения, установления специфики статуса субъектов, исследования правовых форм упорядочения отдельных видов таких правоотношений и т. п. Но наиболее лаконичным впечатлением о гражданском праве будет его восприятие как справедливости. Справедливостью охвачены все без исключения институты данной отрасли права. Поэтому гражданское право своим сплошным проявлением может восприниматься как справедливость.

2. С момента вступления в силу Гражданского кодекса Российской Федерации (1 января 1995 года) категория «справедливость» перестала быть понятием, которое «жило» только в научных трудах, учебной литературе или личном общении юристов, и подверглась своей легитимации, то есть – законодательному закреплению. Правда, упоминание о справедливости в ст.ст. 6, 308.3 и 393 ГК РФ, как об одном из общих принципов гражданского законодательства, ещё не говорит об её полноценной формализации. Содержательного раскрытия справедливости этот кодифицированный закон не даёт, как не найти понятие справедливости и в других нормативных правовых актах. Впрочем, подобное положение вещей вряд ли можно отнести к недостаткам отечественного законодательства. Справедливость характеризуется бесконечным количеством граней своего проявления, а потому ограничить ее содержательное восприятие языком законодательных дефиниций невозможно. (По этому поводу уместно вспомнить известное высказывание древнеримского юриста Яволена о том, что любая дефиниция таит в себе опасность своего же содержательного опровержения (Д. 50.17.202). Обобщение проявлений справедливости, а следовательно, и выведение её понятийного образа, должно произойти благодаря усилиям представителей науки, которые путём анализа опыта практического применения норм права смогут описать ощущение справедливости в её поливариативных проявлениях. Собственно, такая работа ведётся мыслителями уже более двух тысяч лет. Одним из следствий эволюционного развития представлений о справедливости (её ощущении) является указание на такое её свойство, как равенство. Именно на равенстве исследователи делают главный содержательный акцент при раскрытии понятия справедливости.

3. Частное право пронизано идеей равенства. Равенство – имманентное свойство гражданского права и других норм, которые по

своей генеалогии являются частноправовыми. Не будет преувеличением утверждение, что между правовым равенством и частным правом прослеживается тождественность. Отсюда наблюдается и тождественность между частным (гражданским) правом и справедливостью.

4. Справедливость в гражданском праве раскрывается, прежде всего, через формальное равенство: наделение субъектов равными правовыми возможностями (1), закрепление общеобязательности требований права (2), установление единого масштаба юридической квалификации актов поведения участников правоотношений (3). Формально-правовое равенство устанавливает гарантии юридической независимости субъектов частного права: они свободно волеизъявляют в отношении вступления в правоотношения; являются автономными в имущественном смысле; их правовой статус не ставится в зависимость от воли других участников правоотношений и т. п. Все вышеперечисленное является методологией частного права. Метод диспозитивности также является проявлением справедливости (равенства) в гражданском праве. Только равным субъектам могла быть предоставлена возможность по своему усмотрению изменять правовые предписания, выраженные законодателем в той или иной правовой норме. Равный доступ к благам, являющимся объектами гражданского права, обеспечивается путём наделения субъектов одинаковым объёмом правоспособности. Законодательные требования о приобретении лицами необходимого объёма дееспособности, чтобы они стали активными участниками правоотношений, также призваны обеспечить равенство. Интеллектуально-волевые качества физических лиц, а также их социальный опыт должны быть приблизительно равными с другими субъектами, с которыми устанавливается правовая связь. В противном случае неравенство дееспособности участников определённого конкретного правоотношения может привести к злоупотреблениям со стороны тех, у кого объём дееспособности больше.

На постулате равенства основываются требования, предъявляемые к действительности сделок. В частности, действительность сделки связывается со свободным волеизъявлением субъекта сделки. При этом волеизъявление такого субъекта должно соответствовать его внутренней воле. Следовательно, законодателем требуется равенство между волеизъявлением и правовым следствием сделки, а также равенство между волей и волеизъявлением субъекта сделки. Договор, как один из распространённых юридических фактов гражданского права, иллюстрирует равенство тем, что для его заключения требуется приведение амбиций сторон к определённому равновесию (компромиссу). В противном случае договор не состоится. Договорный обмен имущественными благами осуществляется, по общему правилу, на эквивалентной основе, что также свидетельствует о проявлении равенства в данных правоотношениях.

Что, как не идея равенства (справедливости) требует от субъектов гражданского права взаимно признавать и уважать существующее положение закрепления за другими субъектами личных и/или имущественных благ? Принцип равенства (справедливости) требует действовать в отношении прав и интересов других участников правоотношений добросовестно¹. Добросовестное поведение участников частных правоотношений позволяет установить надлежащий режим охраны личных неимущественных и имущественных прав, наладить стабильность имущественного оборота, утвердить нерушимость функционирования норм гражданского права в целом, а следовательно – установить правовое равенство. Нарушение субъективных прав является свидетельством нарушения правового равенства, что требует его восстановления. Гражданско-правовая ответственность своей главной функцией, как известно, предусматривает именно восстановление нарушенного личного или имущественного положения потерпевшего лица. Меры ответственности реализуются также с соблюдением равенства. Восстановление имущественного положения потерпевшего должно осуществляться пропорционально его потерям. Вина, как условие гражданской ответственности, иллюстрирует равенство тем, что лицо может быть привлечено к ответственности только тогда, когда у него была возможность выбора правомерного варианта поведения. Если подобная возможность на момент совершения правонарушения была объективно отсутствовала у лица, то оно, по общему правилу, не привлекается к ответственности. Возможность выбора между правомерным и противоправным поведением и является очередным примером проявления правового равенства (справедливости). Судебной защите подлежит любое нарушенное право или охраняемый законом интерес, что определяет равенство субъектов гражданского права в отношении возможности юрисдикционной защиты их прав (интересов).

5. Перечень примеров проявления справедливости в гражданском праве можно было бы продолжить, но даже такой беглый анализ позволяет убедиться в том, что справедливость действительно является духом гражданского (частного) права, а следовательно – его основным принципом.

Проведённый анализ показал, что справедливость пронизывает все ключевые институты гражданского права, выступая его методологической основой и фундаментальным принципом. Она проявляется в признании формального равенства участников оборота, в закреплении диспозитивного метода регулирования, в равном доступе к объектам гражданских прав и в обеспечении добросовестности поведения субъектов правоотношений.

Рассмотрение справедливости как равенства позволяет выявить её сущностные черты: автономию воли, юридическую независимость,

¹ Добросовестность, по нашему убеждению, является частным случаем проявления справедливости

эквивалентность обмена, пропорциональность ответственности и гарантии судебной защиты. Эти начала формируют устойчивую конструкцию гражданско-правового регулирования, в рамках которой обеспечивается баланс частных и публичных интересов.

Таким образом, справедливость может быть охарактеризована не только как этическая категория, но и как реальное юридическое начало, имеющее прямое значение для практики применения норм гражданского права. Она выполняет интегративную функцию, связывая частноправовые институты в единую систему и обеспечивая их гармоничное развитие. Именно поэтому справедливость следует признать не только духом, но и основным принципом гражданского (частного) права.

Список литературы

1. Римское частное право: Учебник / Под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. – М.: Юрист, 1999.
2. Алексеев С.С. Теория права. – М.: БЕК, 1994.
4. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. – М.: Госюриздат, 1963.
5. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. – М.: Госюриздат, 1948.
6. Суханов Е.А. Российское гражданское право: В 2 т. – Т. 1. Общая часть. – М.: Статут, 2020.
7. Яволен (Javolenus Priscus). Дигесты Юстиниана. Кн. 50.17.202.

УДК 347.1

ИННОВАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ГОСОБОРОНЗАКАЗЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Навальнева Н.С., ORCID 0009-0009-8273-6807

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.navalneva.adm@mail.ru

Введение. Вопросы инноваций в оборонно-промышленном комплексе стали особенно актуальными в последнее время, в условиях постковидного и санкционного кризисов. Так, 1 октября этого года в Туле стартовал Форум по цифровизации, на котором обсуждаются ход цифровых преобразований и задачи по обеспечению технологического суверенитета, а также расширение участия промышленности в разработке отечественных ИТ-решений и формирование отраслевых реестров объектов критической информационной инфраструктуры.

Исходя из этого, **целью** данной работы является анализ осуществленных и планируемых нововведений в области цифровизации

гособоронзаказа, характеристика их эффективности и выявление возможных проблемных аспектов.

Основная часть. Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 года №145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» в качестве негативной тенденции в области обеспечения безопасности страны называет низкую восприимчивость экономики к технологическим инновациям, слабое взаимодействие реального сектора экономики с сектором научных исследований и разработок, а также разомкнутость единого инновационного цикла проведения научных исследований, создания разработок и коммерциализации технологий [1].

В связи с этим в 2025-2026 годах планируется ввести множество инноваций. Во-первых, с целью упрощения процесса согласования цен планируется переход на электронный формат обосновывающих материалов и документов, представляемых для установления цен государственных контрактов, что регламентировано Постановлением Правительства РФ от 30 мая 2024 года № 715 [2]. Во-вторых, для обеспечения справедливого ценообразования без злоупотреблений со стороны единственных поставщиков будут изменены порядок и сроки доработки обосновывающих документов и процедура выражения несогласия с ценой. Также предполагается внести изменения в ст. 14.61 КоАП РФ, согласно которым административная ответственность будет наступать после неисполнения требований ФАС об устранении нарушений.

Кроме того, принят закон об оптимизации норм импортозамещения в закупках, согласно положений которого закупки российских товаров будут иметь преференции перед иностранными, а также при наличии хотя бы одного предложения товаров российского производства возможно наложить запрет на участие иностранных поставщиков [3]. Проблема в данном случае состоит в том, что вопросы импортозамещения в настоящий момент регулируются девятью нормативно-правовыми актами, из-за чего возникают юридические коллизии. Целесообразно было бы создать единый подзаконный акт, регламентирующий вопросы импортозамещения.

Также Федеральным законом от 28 декабря 2024 № 511-ФЗ закреплены положения относительно автоматизированного мониторинга цен, под которым подразумевается процесс накопления информации о финансовом обеспечении гособоронзаказа для оценки цены на контракты о поставке вооружения и спецтехники с целью недопущения её завышения [4]. Мониторинг осуществляется Казначейством России в системе ГИИС «Электронный бюджет» и оценивает риски невыполнения или ненадлежащего выполнения контракта. Казначейство также запрашивает необходимые документы в налоговых органах при соблюдении условий режима государственной тайны.

В целях развития инновационной инфраструктуры и внедрения в производство передовых идей для укрепления обороноспособности страны был создан Военный инновационный технополис «ЭРА». Среди направлений его деятельности – робототехника, информационная безопасность и иные вопросы. На базе технополиса также сформированы научные роты Министерства обороны Российской Федерации, а регламентирует его деятельность Федеральный закон от 14.07.2022 №253-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «О Военном инновационном технополисе «Эра» Министерства обороны Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В настоящее время реформирование системы закупок происходит в сторону ужесточения правил определения поставщиков (с учетом также национального режима) и закрытия закупок. Тут нужно отметить, что в понятие Российского государственного оборонного заказа включены поставки не только непосредственно вооружения и военной техники, но и услуги по ремонту, охране и уборке, закупка канцелярских и иных мелких бытовых товаров. Ещё в июне 2015 года был утвержден перечень товаров, работ, услуг, сведения о закупках которых не составляют государственную тайну, но не подлежат размещению в ЕИС. В указанный перечень вошли компьютеры, их части и принадлежности, батареи, аккумуляторы и много других товаров (работ, услуг) не только военного, но гражданского назначения. Всего 56 категорий товаров, работ и услуг [5, С. 165].

Встаёт вопрос о целесообразности такого подхода как проведение исключительно закрытых закупок на платформе «АСТ ГОЗ», когда речь идёт о закупке товаров общехозяйственного назначения, информация по которым не составляет государственной тайны. Прозрачные электронные процедуры, в свою очередь, минимизируют возможность сговора и способствуют конкуренции, а значит и справедливой цене.

Здесь следует отметить и АСТ ГОЗ (Автоматизированная Система Торгов Государственного Оборонного Заказа), которая представляет собой специализированную электронную торговую площадку для проведения закрытых закупок, одной из особенностей которой является строгое ограничение доступа к торгам – только для аккредитованных организаций. При этом вопрос аккредитации участников не урегулирован.

Аккредитация на специализированной площадке заметно усложнена и включает в себя этапы, связанные с покупкой специального программного обеспечения и доставкой его средствами специальной связи, организацией защищенного канала связи и контролируемой зоны, в пределах которой постоянно размещаются технические средства с установленными средствами криптографической защиты информации. Из-за этого некоторые хозяйствующие субъекты не имеют физической возможности принять участие в торгах. В связи с этим данный вопрос также нуждается в комплексном урегулировании.

Заключение. Только за 2024-2025 годы законодательные основы осуществления гособоронзаказа значительно обновились в направлении цифровизации процесса. В частности с 1 января 2024 по 1 апреля 2025 в нормативно-правовые акты различных уровней было внесено 17 поправок. Были применены инновационные подходы к вопросам ценообразования, а также пересмотрены меры административной ответственности в сфере ГОС, однако вопросы аккредитации участников закупок остаются нерешенными и требуют дальнейшей работы, как существует и необходимость принятия единого подзаконного нормативно-правового акта регулирующего вопросы импортозамещения и аккредитации участников закрытых закупок.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». – Текст: электронный // Официальное интернет-представительство Президента России. – 2024. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (дата обращения: 02.10.2025).
2. Постановление Правительства РФ от 30.05.2024 N 715 (ред. от 12.07.2024) «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2017 г. № 1465» – Текст: электронный // Информационно-правовой портал «Консультант». – 2024. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482576/ (дата обращения: 02.10.2025).
3. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 08.08.2024 № 318-ФЗ (последняя редакция) – Текст: электронный // Информационно-правовой портал «Консультант». – 2024. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482576/ (дата обращения: 02.10.2025).
4. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном оборонном заказе» от 28.12.2024 N 511-ФЗ (последняя редакция) – Текст: электронный // Информационно-правовой портал «Консультант». – 2024. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494791/ / (дата обращения: 02.10.2025).
5. Шмелева М. В. Инновации и цифровизация в гособоронзаказе в России и США / М. В. Шмелева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – № 47. – С. 160-183. – DOI 10.17072/1995-4190-2020-47-160-183. – EDN IVSBBT.

СОДЕРЖАНИЕ ПУБЛИЧНОГО ДОГОВОРА

Нестеренко И.Ю.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
nesterenko.law@mail.ru

Введение. Публичный договор представляет собой сложную правовую конструкцию, обладающую множеством характерных черт. Статья 426 Гражданского кодекса РФ закрепляет особенности конструкции публичного договора, отличающиеся от традиционных гражданско-правовых соглашений. В частности, в нее включены не только этап заключения договора, но и преддоговорная подготовка, а также стадии его исполнения. Это позволяет предположить наличие нескольких последовательных правоотношений в рамках данной сферы.

Целью работы является конкретизация и анализ теоретических аспектов конструкции публичного договора в российском гражданском праве, анализ субъектного состава в соответствии с действующим законодательством.

Основная часть. Каждый гражданско-правовой договор включает в себя совокупность условий, являющихся предметом согласия сторон. В рамках гражданского законодательства эти условия традиционно делят на три категории: существенные, которые определяют основную суть договора; стандартные (обычные), характерные для аналогичных соглашений; и случайные, которые стороны могут устанавливать по своему усмотрению. При этом законодательство раскрывает в нормативных актах только существенные условия [1, с. 470].

Условия договора могут устанавливаться следующими способами: по усмотрению сторон, заключающих договор; посредством использования типовых условий, разработанных для конкретных видов договоров; через обязательные правила, закрепленные в нормативно-правовых актах.

Для определения публичного характера деятельности необходимо можно обращаться к отдельным разделам гражданского законодательства, регулирующим конкретные виды публичных договоров. Обязанность коммерческих организаций и частных предпринимателей вступать в публичные договорные отношения может быть закреплена как в нормах Гражданского кодекса РФ, так и в специальных федеральных законах и нормативных актах, которые устанавливают рамки для различных категорий публичных договоров и могут содержаться в учредительных документах предприятий.

Анализ нормативно правовой базы показывает, что основой любого гражданско-правового договора являются условия, по которым стороны

достигают согласия. Законодательство РФ в области гражданского права устанавливает лишь ключевые условия договоров. Согласно статье 426 Гражданского кодекса РФ, публичный договор предполагает продажу товаров, выполнение работ или оказание услуг независимо от целей приобретения. Отказ без уважительной причины может повлечь за собой судебное разбирательство и обязательство возместить убытки потребителю, что предусмотрено статьями 15 и пунктом 4 статьи 445 Гражданского кодекса РФ [2, с. 37].

В нормативных актах, регулирующих публичные договоры, закреплены два обязательных условия для всех видов таких договоров: вид деятельности продавца или исполнителя и установление единой цены на товары, работы и услуги для всех потребителей.

Закон запрещает предоставление преференций отдельным клиентам за исключением случаев установленных льгот для определенных категорий граждан. Другие важные условия договора определяются в зависимости от его типа и специфики конкретных отношений.

Субъектный состав публичного договора – это совокупность участников гражданских правоотношений, которые могут выступать в роли сторон такого договора.

Особенность публичного договора заключается в том, что не каждый участник гражданско-правовых отношений может быть его стороной. В марте 2015 года в Гражданский кодекс РФ были внесены поправки, которые уточнили и расширили круг субъектов, обязанных заключать публичные договоры. До внесения изменений, согласно статье 426 ГК РФ, обязательство по заключению публичного договора возлагалось исключительно на коммерческие организации – юридические лица, созданные с целью получения прибыли [3, с. 81].

Исключение из списка субъектов, обязанных заключать публичные договоры, таких как индивидуальные предприниматели и некоммерческие организации, создавало для них более благоприятные условия по сравнению с коммерческими структурами. Это объяснялось отсутствием у них обязательств, предусмотренных статьёй 426 Гражданского кодекса РФ, в частности, необходимости заключать договоры на унифицированных условиях [4, с. 18].

Такие преимущества могли восприниматься как ограничения для потребителей, поскольку они лишались определённых гарантий, закреплённых в указанной статье. Однако с внесением изменений в законодательство акцент сместился на определение публичного договора исходя из характера деятельности субъекта, а не его организационно-правовой формы.

В результате публичный договор стал рассматриваться как отношения с потребителем – любым лицом, использующим товары или услуги для личных нужд. [5, с. 141].

Порядок и особенности заключения публичного договора регулируются статьёй 445 Гражданского кодекса РФ, которая устанавливает, что такие договоры подчиняются общим правилам гражданского законодательства, за исключением случаев, когда применимы специальные законы или условия. В отличие от стандартных договоров, публичные договоры предполагают обязательство предпринимателей заключать их с любым желающим клиентом без произвольного отказа. Это означает, что предприниматели не имеют права отказывать в заключении договора без уважительных причин, если они способны удовлетворить запросы контрагента по товарам, работам или услугам. Если предприятие способно выполнить требования контрагента, отказ в заключении договора может быть квалифицирован как необоснованное уклонение [7, с. 7].

Утверждение подчеркивает важность обеспечения равных условий для всех участников публичного договора, исключая любую дискриминацию по признакам, таким как пол, раса, национальность, язык, происхождение, социальный статус, место жительства, вероисповедание и личные убеждения в отношении физических лиц. Для юридических лиц равные условия означают недопустимость дискриминации по признакам формы собственности или другим характеристикам [8, с. 87]. Нарушение принципов равенства и недискриминации делает условия договора недействительными. В случае выявления таких нарушений сторона, нарушившая эти принципы, обязана возместить другой стороне причинённые убытки.

Результаты исследования. Институт публичного договора является относительно новой и важной новеллой российского гражданского законодательства. Публичным договором признается такой договор, который заключается лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, и устанавливает его обязанности по продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг, которые это лицо по характеру своей деятельности должно предоставлять каждому, кто к нему обратится.

Виды таких договоров определены не только в нормах Гражданского кодекса, но и в специальных федеральных законах. Для полноценного понимания правовой сущности публичных договоров необходимо учитывать всю нормативно-правовую базу, регулирующую их особенности.

Статья 426 ГК РФ содержит общие положения о публичных договорах: определяет их понятие, субъектный состав, порядок и условия заключения. В то же время конкретные виды публичных договоров и особенности их регулирования закреплены в отдельных статьях Гражданского кодекса и специальных законах.

Список литературы

1. Белов В. А. Гражданское право в 4 томах. – Том I. Общая часть. Введение в гражданское право. – М.: Юрайт, 2024. – 623 с.

2. Егорова М.А. Правовые последствия изменения и расторжения договора / М. А. Егорова // Гражданское право. – 2021. – № 1. – С. 35-42.
3. Кашина Ю. Н. Публичный договор / Ю. Н. Кашина. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 8 (350). – С. 86-89.
4. Ломбаев Н. И., Падерин Ф. В. Публичный договор: общие положения // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2017. – № 30. – С. 16–20.
5. Медведева Н. М., Лесив Б. В. Проблемы обеспечения публичного порядка в договорных отношениях, направленных на удовлетворение массовых общественных потребностей / Н.М. Медведева и др. // Власть и управление на Востоке России. – 2020. – № 2 (79). – С. 138-145.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32
7. Руденко Е. Ю., Григорян В. С. Юридическое лицо как потребитель по договору розничной купли-продажи / Е.Ю. Руденко и др. // Научный журнал КубГАУ. – 2019. – № 111. – С.5-10.
8. Федотова О.В., Зайцев Д.Д. Некоторые особенности заключения и исполнения публичных договоров в Российской Федерации // Закон и право. 2020. №10. – С. 86-88.

УДК 336.7

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБОРОТА ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ

Нигматзянова Д.А., ORCID 0009-0005-7327-4007

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»,
г. Москва, РФ

e-mail: dananigmat999@gmail.com

19 августа 2024 года вступили в силу положения Федерального закона от 08.08.2024 № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 221-ФЗ), которые включили в Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА) новые нормы, посвященные, в том числе обращению цифровых прав. Указанные изменения представляют собой меры, направленные на интеграцию цифровых финансовых активов (далее – ЦФА) в международную расчетно-учетную инфраструктуру [3].

Так, например, формулировка части 1 статьи 10 Закона о ЦФА была дополнена нормой, в соответствии с которой сделки, связанные с использованием ЦФА в качестве встречного предоставления по внешнеторговым договорам (контрактам), не могут осуществляться на платформе оператора обмена ЦФА (далее - ООЦФА). На текущий момент отсутствует законодательно установленный порядок осуществления

указанных сделок, также такие сделки в большей степени носят разовый, экспериментальный характер.

Тем не менее, такие сделки являются внешнеэкономическими и предполагают передачу товаров, услуг, работ, информации через таможенную границу, а также содержат условие, в соответствии с которым расчеты по сделке осуществляются путем встречного предоставления ЦФА, что предполагает совершение действий по обмену материальными ценностями, имеющих материальный интерес для стороны договора, так и обещание совершить указанные действия [1, с. 113-126].

Отмечается, что один и тот же криптоактив может выступать в совершенно в разных ролях, которые определяются самими пользователями ИС, в связи с чем необходимо провести границу между сделками, предметом которых выступает ЦФА, и сделок, где ЦФА выступает в качестве средства платежа или встречного предоставления. А проходит это граница в части направления воли и волеизъявления стороны – на совершение обмена ЦФА или других объектов гражданского права.

Для более полной картины изменений в части использования ЦФА в международных расчетах необходимо обратиться к Федеральному закону от 10 декабря 2003 года № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (далее – Закон № 173-ФЗ). В частности, в соответствии с пунктами 4.1, 5 части 1 статьи 1 Закона № 173-ФЗ цифровые права могут относиться к валютным ценностям в случае, если они удостоверяют денежные требования в иностранной валюте или права на или на внешнюю эмиссионную ценную бумагу. Также согласно пункту 9 части 1 в части 2 статьи 1 Закона № 173-ФЗ к валютным операциям относятся сделки, связанные с приобретением и отчуждением валютных ценностей и цифровых прав, не являющихся валютными ценностями между резидентом или нерезидентом и нерезидентом, а также использованием цифровых прав, которые не являются валютными ценностями, в качестве средства платежа. Валютные операции, в которых ЦФА используется в качестве средства платежа, могут осуществляться исключительно по внешнеторговым сделкам, которые заключаются между резидентами и нерезидентами Российской Федерации.

Стоит, однако, отметить тот факт, что согласно части 2 статьи 1 Закона № 173-ФЗ такие валютные операции могут осуществляться исключительно в инфраструктуре оператора ИС или операторов инвестиционных платформ. Следовательно, ООЦФА не вправе осуществлять сделки с такими ЦФА, что подтверждается ранее упомянутой нормой части 1 статьи 10 Закона о ЦФА.

В представленном регулировании, тем не менее, образовывается существенная правовая неопределенность. Согласно части 16 статьи 5 Закона о ЦФА оператор ИС вправе осуществлять функции ООЦФА по обеспечению заключения сделок на вторичном рынке без включения в

реестр ООЦФА при условии включения правила ИС положения об обмене ЦФА, а также соблюдения обязанностей и запретов, предусмотренных Законом о ЦФА для ООЦФА.

Из указанного следует, что, осуществляя функцию по обеспечению заключения сделок оператор ИС выступает в роли ООЦФА. Следовательно, если ООЦФА не может участвовать в заключении сделок, в которых ЦФА используется в качестве встречного представления, такой же запрет распространяется и на оператора ИС, осуществляющий функционал ООЦФА. Вследствие остается не определенным, каким образом осуществляются сделки с ЦФА, используемые в качестве средства платежа.

Еще одна проблема, связанная с такими валютными операциями, заключается в том, что нерезиденты должны быть пользователями ИС и заключать сделки купли-продажи, обмена и другие исключительно в электронной форме. При таком регулировании исключается гибкость, необходимая для иностранных контрагентов, а также появляются новые издержки, связанные с идентификацией и аутентификацией в ИС.

Более того, нерезиденты не смогут получить ЦФА вне ИС и без участия оператора ИС ввиду особенностей регулирования. Во-первых, согласно части 7 статьи 4 Закона о ЦФА для обладания ЦФА необходимо быть включенным в реестр пользователей ИС, а также иметь доступ к ИС с помощью уникального кода. Во-вторых, согласно части 1 статьи 4 Закона о ЦФА с ИС должен происходить учет ЦФА в виде записей. Исключения из этого правила могут быть предусмотрены в Законе о ЦФА, и на текущий момент существует только одно исключение в части учета для ИЦП в соответствии с частью 3.1 статьи 5 Закона о ЦФА.

Вместе с тем в декабре 2024 года была проведена первая трансграничная сделка с ЦФА между Российской Федерацией и Белоруссией [2]. Информация о деталях и условиях сделки, при этом, отсутствует, что позволяет сделать вывод, что представленная сделка была больше технической апробацией возможности осуществления подобных сделок. Однако увеличение объема подобных сделок позволит выработать приемлемую практику международного расчетов и позволит придать ЦФА функцию достойной альтернативы доллару, евро и другим токсичным валютам.

Список литературы

1. Залавская, О. М. Категории «оценка» и «встречное предоставление» в гражданском праве/ Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2009. – № 10. – С. 113-126.
2. Первые трансграничные сделки с ЦФА прошли в 2024 году. – Текст : электронный // Банковское обозрение. – 2024 г. – URL: <https://bosfera.ru/press-release/pervye-transgranichnye-sdelki-s-cfa-proshli-v-2024-godu> (дата обращения: 18.09.2025).
3. BRICS presidency: 2024 financial track results. – Текст: электронный // Официальный сайт Банка России. – 2025 г. – URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=23296> (дата обращения: 18.09.2025).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АЛИМЕНТНЫЙ ФОНД: НОВЫЙ ШАГ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Одегова Л.Ю., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0001-8008-4747,
Григорьева Н.В.

ФГБОУВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
milaodegova17@mail.ru, n.v.grigoreva01@mail.ru.

Введение. В Российской Федерации неуплата алиментов уже давно является серьезной проблемой. Несмотря на снижение числа исполнительных дел по алиментным выплатам в 2025 году, общее количество обращений вызывает беспокойство. Это указывает на глубоко укоренившийся характер проблемы, которая негативно сказывается на наиболее незащищенных группах населения. На наш взгляд одним из возможных выходов из сложившейся ситуации может стать создание Государственного алиментного фонда, что улучшит социальную сферу и продемонстрирует намерение государства обеспечивать поддержку всех тех, кто нуждается в особой защите.

Цель работы – конкретизировать и обосновать необходимость и целесообразность создания в России Государственного алиментного фонда.

Основная часть. Государственная помощь детям, чьи родители уклоняются от уплаты алиментов, является одной из мер по защите прав детей, что имеет большое социально-правовое значение для общества. Ученые и представители органов государственной власти неоднократно высказывали предложения о создании единого алиментного фонда. В то же время мнения министерств и органов власти РФ относительно создания и работы фонда алиментных выплат разнятся. Так Министерство просвещения, Министерство труда и социальной политики, Федеральная служба судебных приставов и Пенсионный фонд одобряют идею основания фонда алиментных платежей как отдельного специального органа. На наш взгляд он мог бы быть организован по типу пенсионного: фонд гарантирует выплату алиментов в срок и в полном объеме, а налоговые органы получают право и обязанность удерживать в этот фонд доходы с родителей, которые уклоняются от выполнения алиментных обязательств.

В свою очередь Министерство финансов считает, что создание подобного фонда не оправдано и преждевременно. В ведомстве подчеркнули, что его создание не будет способствовать повышению ответственности родителей, оставивших семью, за содержание и воспитание своих детей, а также не будет стимулировать мотивацию родителей-должников улучшать свое финансовое положение ради

выполнения обязательств по уплате алиментов. Кроме того, Министерство финансов решительно выступает против учреждения новых специализированных бюджетных фондов, поскольку это идет в разрез с общими принципами составления доходной части и выполнения расходных статей бюджета Российской Федерации [1].

Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.И. Матвиенко, анализируя перспективу создания алиментного фонда в октябре 2020 года, выдвинула предложение о том, что «может быть, в Фонде социального страхования создать подразделение, которое при политическом решении, если оно состоится, могло бы заниматься еще вопросами реализации полномочий так называемого алиментного фонда» [2].

Конечно, концепция создания Государственного алиментного фонда сопряжена с определёнными рисками. В первую очередь, это увеличение числа неплательщиков алиментов, поскольку появится уверенность в том, что государство в любом случае обеспечит содержание детей. Также остаются нерешенными вопросы относительно финансирования фонда, его функций и круга лиц, имеющих право на поддержку из него. Однако в данном вопросе необходимо отметить, что во многих зарубежных странах, например таких как: Испания, Швеция, Эстония, Латвия, Израиль, США, Бахрейн и ряде других, механизм алиментного фонда не просто внедрен, но и результативно функционирует. В качестве примера может быть использовано литовское законодательство позволяющее получать временные выплаты от Гарантийного фонда *средств содержания*, если лица, имеющие право на алименты их не получают. Выплаты начинаются после подачи заявления, что касается как несовершеннолетних детей, так и совершеннолетних до 21 года, при условии наличия судебного решения о назначении алиментов. [3].

Зарубежные фонды, оказывающие поддержку детям в виде алиментов, функционируют, как правило, по принципу возмещения затрат. Государство берет на себя обязательства по выплате пособий детям, чьи родители по каким-либо причинам не исполняют или не могут исполнять свои обязательства, в частности, когда стороны не достигли соглашения о размере алиментов, или когда одна из сторон не имеет финансовых средств для исполнения своих обязательств и одновременно осуществляет поиск недобросовестных плательщиков алиментов. Фонд пополняет свои ресурсы за счет взыскания алиментов с неплательщиков.

Справедливости ради следует отметить, что подобный механизм так же был успешно реализован в СССР. Постановлением Совета Министров СССР от 25 января 1989 года № 67 «О мерах по улучшению материального положения несовершеннолетних детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов» предусматривалось предоставление временных пособий на несовершеннолетних детей, чьи родители, обязанные

выплачивать алименты в соответствии с судебными решениями, разыскиваются правоохранительными органами [4]. При этом с родителей, находившихся в розыске по причине неуплаты алиментов, взимались в пользу государства средства эквивалентные размеру алиментных выплат. Функции по предоставлению материальной помощи выполнялись подразделениями социального обеспечения республик.

Заключение. Таким образом, авторы считают целесообразным принятие ФЗ «О Государственном алиментном фонде Российской Федерации», в котором будет определена возможность создания и функционирования государственного фонда, порядок его формирования, финансирования и многие иные аспекты.

Источниками финансирования фонда могут быть: средства, полученные от повышения пошлины за развод; штрафы и неустойки с неплательщиков за просроченные дни уплаты алиментов; деньги, полученные вследствие обязательных работ. Фонд будет гарантировать регулярные выплаты на содержание ребенка, обеспечивая финансовую стабильность родителю. Деятельность фонда может быть организована на основе принципа возврата денежных средств. Несмотря на то, что зарубежная практика предполагает наделение государственных фондов средств содержания детей полномочиями, характерными для органов принудительного исполнения, мы считаем, что данное дублирование функций Федеральной службы судебных приставов было бы нецелесообразным, учитывая широкий спектр полномочий российских органов принудительного исполнения.

Список литературы

1. Сенаторы изучат зарубежный опыт по созданию алиментных фондов – Текст: электронный // Сетевое издание «СенатИнформ». – 2021 – URL: https://senatinform.ru/news/senatory_izuchat_zarubezhnyy_opyt_po_sozdaniyu_alimentny_kh_fondov/ (дата обращения: 08.07.2025).
2. Матвиенко: ФСС мог бы взять функции по управлению алиментным фондом – Текст: электронный // «Парламентская газета»: официальный сайт. – 2020. – URL: <https://www.pnp.ru/social/matvienko-fss-mog-by-vzyat-funkcii-po-upravleniyu-alimentnym-fondom.html> (дата обращения: 10.07.2025).
3. Важнейшее из Закона о Гарантийном фонде средств содержания – Текст: электронный // МК Латвия. – 2020. – URL: <https://web.archive.org/web/20180516010527/http://www.mklat.lv/obschestvo/44663-vazhnejshhee-iz-zakona-o-garantijnom-fonde-sredstv-soderzhaniya> (дата обращения: 12.07.2025).
4. О мерах по улучшению материального положения несовершеннолетних детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов: постановление Совета Министров СССР от 25 января 1989 года № 67 – Текст: электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – 2025. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/9035217> (дата обращения: 06.07.2025 г.).

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Одегова Л.Ю., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0001-8008-4747,

Леонов Н.В.

ФГБОУВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
milaodegova17@mail.ru, leonik60@mail.ru.

Введение. Современный мир переживает технологическую революцию из-за развития искусственного интеллекта (далее – ИИ), проникающего во все сферы и трансформирующего работу и восприятие. ИИ повышает эффективность и точность, обещая улучшение жизни и создание новых благ. Однако, ИИ, обладая огромным потенциалом, несет риски, включая проблему «черного ящика» в принятии решений, социально-экономические последствия автоматизации и потерю рабочих мест, усиление неравенства, и необходимость пересмотра занятости. Важность приобретают вопросы безопасности, связанные с автономными системами вооружения, неконтролируемым развитием ИИ, кибератаками, дезинформацией и манипуляцией. Именно поэтому важнейшая задача законодателя – разработка и внедрение четких нормативных правил и строгих ограничений, регулирующих системы с ИИ на всех этапах: от проектирования до вывода из эксплуатации. Это требует совершенствования национального законодательства и активного международного сотрудничества для выработки универсальных подходов.

Цель работы – выявить пробелы в законодательстве в сфере правового регулирования ИИ и предложить меры по их устранению.

На сегодняшний день российскими законодателями уже приняты первые шаги к правовому урегулированию правоотношений в сфере ИИ, к которым можно отнести:

1) Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [1], которым была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года. Помимо установления общих принципов, целей и задач развития и использования технологий ИИ, документом закреплено понятие искусственного интеллекта, под которым понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их;

2) Федеральный закон от 08 августа 2024 года № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» и

Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»» [2]. Законом устанавливаются четкие правила использования персональных данных при работе с ИИ-системами. В частности, с 1 сентября 2025 года разрешено использовать обезличенные данные для исследований или технологий (например, для обучения ИИ) без предварительного согласия субъекта. Обезличивание должно быть выполнено так, чтобы исключить возможность прямой идентификации гражданина по этим данным;

3) поправки в Гражданский кодекс Российской Федерации (ст. 128 «Объекты гражданских прав»), признающие «искусственный интеллект» результатом интеллектуальной деятельности, (без детализации прав) [3].

Несмотря на достаточно серьезные попытки предпринимаемые российским законодателем в последнее время по нормативному урегулированию правоотношений в сфере ИИ, тем не менее значительная часть вопросов, связанных с использованием ИИ по настоящее время остается неразрешенной.

Так, при отсутствии законодательного урегулирования, в российской доктрине нет единого мнения о правосубъектности ИИ в авторском праве. Одна группа ученых считает, что ИИ обладает собственной правоспособностью и является автором, так как пользователь, равно как и создатель ИИ (программист) не могут выступать авторами, ввиду незначительного вклада в создание произведения у первого, и отсутствия прав на создание изобретения с помощью ИИ у последнего. Другая группа отрицает правоспособность ИИ, предлагая закреплять авторское право за разработчиками при условии доказательства их значительного вклада.

Еще одним пробелом в нормативном регулировании ИИ является извлечение прибыли с помощью ИИ путем использования чужих результатов интеллектуальной собственности. В качестве примера можно привести набравшее в последние годы популярность приложение Lensa по обработке фотографий на основе ИИ, использующее генератор изображений Stable Diffusion (разработка компании Stability AI) с открытым кодом. При этом данные в Stable Diffusion загружаются на основе работ реальных людей – художников. Суть претензий к Stability AI заключалась в незаконном копировании и обработке изображений, защищённых авторским правом, для обучения своего ПО, в коммерческих интересах Stability AI и в ущерб правообладателям. При этом и приложение Lensa, используя данные Stable Diffusion, опосредованно нарушает исключительные права авторов – реальных людей, в первую очередь – право на получение доходов от использования своего произведения.

Первые попытки фотоагентства Getty Images, владеющего крупнейшим банком изображений, привлечь Stability AI к ответственности в судебном порядке не увенчались успехом, ввиду отказа истца от большей части требований, однако такие ситуации в конечном итоге могут повлечь за собой длительные судебные тяжбы.

Осложняет ситуацию с использованием ИИ также и тот факт, что само понятие «искусственный интеллект» является новым, причём не только для права, но и для других наук. При этом отсутствует не только единый подход к понятию ИИ, но и базовое, единое понимание «естественного», человеческого интеллекта, что не способствует выработке единых подходов и к понятию ИИ [4].

Заключение. Таким образом, необходимо отметить, что на текущий момент существует достаточно большое количество пробелов в правовом регулировании правоотношений в сфере ИИ. Быстрое развитие отрасли и отсутствие регулирования создают риски споров, увеличивающих нагрузку на суды и госуправление. В нормативном правовом регулировании правоотношений, связанных с ИИ, ключевым фактором является тесное взаимодействие законодателя и специалистов в области разработки ИИ, которые могут дать исчерпывающее понимание принципов их функционирования.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) – Текст: электронный // Гарант. – URL: https://base.garant.ru/72838946/#block_1000 (дата обращения: 27.09.2025).
2. Федеральный закон от 08.08.2024 № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» и Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»» – Текст: электронный // Официальное опубликование правовых актов. – 2024. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080031?index=3> (дата обращения: 26.09.2025 г.).
3. Алексеева М.В. Правовое регулирование искусственного интеллекта в государственном управлении в Российской Федерации: вызовы и возможности / М.В. Алексеева – Текст: электронный // Правовой порядок и правовые ценности. – 2025. – № 3(2). – ISSN 2949 – 1843. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-gosudarstvennom-upravlenii-v-rossiyskoy-federatsii-vyzovy-i-vozmozhnosti/viewer> (дата обращения: 25.09.2025).
5. Соломонов Е.В. Понятие и признаки искусственного интеллекта / Е.В. Соломонов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2023. – Т. 20, № 4. – С. 57-65.

ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЮРИСТА

Охременко С.И., канд. техн. наук,

Лозовская А.С.,

ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ

l.ozovskaya@mail.ru, sveta_okhremenko@mail.ru

Введение. В современных реалиях профессия юриста выходит за рамки сугубо правоприменительной практики. Усложнение экономических отношений и рост конкуренции выдвигают на передний план организационно-управленческую деятельность как неотъемлемый компонент профессиональной компетенции, превращая управление из «искусного действия» в самостоятельную подструктуру деятельности юриста.

Целью работы является комплексный анализ организационно-управленческой деятельности в юридической сфере через критическое осмысление теоретических подходов, оценку применимости стратегических инструментов к юридическому бизнесу и выявление взаимосвязи управленческих моделей с развитием человеческого капитала.

Основная часть. Теоретико-методологической основой служит системомыследеятельностный подход Г. П. Щедровицкого. Он выделял три модальности – управление (воздействие на процессы), организацию (создание структур) и руководство (регулирование действий), выстраивая их в строгую иерархию: «Руководство включено в Организацию, а Организация, в свою очередь, включена в Управление» [7, с. 75]. Однако в юридической практике эта иерархия зачастую размывается. Деятельность юриста-управленца демонстрирует синкретичность этих функций, которые переплетаются при решении комплексных задач, что требует адаптации данной фундаментальной модели.

Ключевым элементом управленческого цикла, безусловно, является планирование. Однако в юридической практике, как это ни парадоксально, стратегическое планирование до сих пор является скорее исключением, нежели правилом. Многие юридические фирмы предпочитают ориентироваться на операционное управление, реагируя на текущие вызовы рынка, но не формируя долгосрочного видения своего развития. В этой связи не теряют своей актуальности классические принципы, сформулированные одним из основоположников теории менеджмента А. Файолем [5, с. 47]. Он выделял четыре основных принципа планирования: единство, участие, непрерывность и гибкость. Вместе с тем, именно принцип участия имеет особое значение для юридического бизнеса. Вовлечение каждого юриста в

процесс планирования, независимо от его должности, способствует не только формированию более реалистичных и достижимых целей, но и повышает личную ответственность за конечный результат, что критически важно в интеллектуальной сфере деятельности. В то же время, принцип гибкости в условиях перманентно меняющегося законодательства и нестабильной экономической конъюнктуры приобретает характер необходимого условия выживания компании на рынке.

Для перехода от общего понимания стратегии к ее практической реализации наукой и практикой выработан целый ряд инструментов. Среди них выделяются матричные методы анализа, позволяющие структурировать информацию и принимать обоснованные управленческие решения. Например, матрица Бостонской консультативной группы (далее - матрица БКГ), предложенная Б. Хендерсоном, классифицирует бизнес-направления по двум осям: темп роста рынка и относительная доля рынка [2, с. 70]. Однако возникает закономерный вопрос: насколько прямолинейно можно применять матрицу, разработанную для товарных рынков, к сфере интеллектуальных юридических услуг? Если «дойной коровой» можно условно назвать устоявшуюся практику с постоянным пулом клиентов, то как классифицировать новую, узкоспециализированную услугу, рынок которой только формируется? Данная модель, на наш взгляд, может служить лишь отправной точкой для анализа, но требует серьезной качественной доработки с учетом специфики юридических услуг.

Более гибким и релевантным для сферы юриспруденции выглядит инструментарий, предложенный И. Ансоффом [2, с. 77]. Его матрица «продукт-рынок» оперирует более универсальными категориями и предлагает четыре базовые стратегии роста: совершенствование деятельности (старый продукт на старом рынке), развитие рынка, товарная экспансия и диверсификация. Данный подход позволяет юридической фирме более четко определить вектор своего развития. Например, стратегия развития рынка может выражаться в открытии филиала в другом регионе, а товарная экспансия – во внедрении новой практики, скажем, в области цифрового права.

Тем не менее, никакие управленческие модели не будут эффективны без учета человеческого фактора. Современный менеджмент в юриспруденции неразрывно связан с управлением талантами и развитием персонала. Как отмечает А. В. Муромцев, менеджмент в этой сфере включает планирование, организацию, мотивацию, координацию и контроль [3, с. 31]. Особую остроту приобретает двойственная роль юриста-менеджера, которую точно подметил А. Никифоров. По его мнению, такой специалист должен, с одной стороны, охранять компанию от рисков, а с другой – уметь рисковать. Эта дихотомия ставит перед управленцем сложнейшую задачу балансирования между консерватизмом и инновациями [1]. На наш взгляд, решение этой задачи лежит в плоскости

развития персонала. Именно инвестиции в обучение, повышение квалификации и создание системы наставничества, как указывает А. А. Шучалина, позволяют сформировать команду, способную адекватно оценивать риски и генерировать новые идеи [6, с. 61].

Однако организационно-управленческая деятельность должна учитывать и более глубокие, психологические аспекты функционирования юриста в профессиональной среде. Исследования в области профессиональной надежности специалистов юридической сферы, проводимые, в частности, К. А. Осадченко, выявляют тревожную тенденцию. Согласно ее данным, после 10 лет работы в одной организации у юристов может наблюдаться спад профессиональной надежности на фоне снижения самооценки и вовлеченности [4, с. 213].

Заключение. Проведенный анализ показал, что организационно-управленческая деятельность юриста является многогранной системой, требующей синтеза подходов. Установлено, что классические теории менеджмента и стратегические модели служат важной основой, но их эффективность в юридической практике напрямую зависит от адаптации к специфике интеллектуальных услуг. Ключевым фактором успеха выступает человеческий капитал, а перед управленцем стоит задача сбалансировать риск-менеджмент и инновации через системное развитие команды, учитывая при этом психологические аспекты предотвращения профессионального выгорания.

Список литературы

1. «Став менеджером, юрист уже не может оставаться только юристом»: интервью с Алексеем Никифоровым. – Текст: электронный // Zakon.ru: [сайт]. – 2024. – URL: https://zakon.ru/discussion/2024/06/18/stav_menedzherom_yurist_uzhe_ne_mozhet_ostavatsya_tolko_yuristom__intervyu_s_alekseem_nikiforovym (дата обращения: 27.09.2025).
2. Березкина, Т. Е. Организационно-управленческая деятельность юриста: учебник и практикум для вузов / Т. Е. Березкина, А. А. Петров. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство «Юрайт», 2025. – 311 с. – ISBN 978-5-534-19600-9.
3. Муромцев, А. В. Применение знаний финансового права в практике менеджера сферы юриспруденции // Актуальные исследования. – 2024. – № 52 (234). – С. 29-36.
4. Осадченко, К. А. Моделирование профессиональной надежности специалистов юридической сферы: специальность 5.3.3 «Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика»: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Осадченко Кристина Андреевна ; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2025. – 250 с.
5. Файоль, А. Общее и промышленное управление / А. Файоль; пер. Б. В. Бабина-Корень, с предисл. А. К. Гастева. – Москва: Центральный институт труда, 1923. – 122 с.
6. Шучалина, А. А. Управление развитием персонала в организации // Дневник науки. – 2022. – № 1. – С. 58-63.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ: ВОПРОСЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Пептиев О.В.¹, канд. юрид. наук, ORCID 0000-0003-3997-901X,
Лысак Е.М.², ORCID 0009-0006-5118-5959

¹ ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ

² ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ole.peft@mail.ru, beznogova_e_2003@mail.ru

Введение. Актуальность исследования обусловлена потребностью в беспрепятственном осуществлении правом граждан на получение профессиональной юридической поддержки, а также в сохранении гарантий доступности правосудия.

Целью данной работы является изучение системы мер, направленных на обеспечение возможности получения компетентной юридической помощи для всех категорий населения, включая привлечение юристов из общественных организаций и других специализированных структур.

Основная часть. Как правило, участие адвоката как представителя в гражданском процессе основывается на соглашении с его клиентом. Адвокат имеет право представлять интересы любого лица, вовлеченного в разбирательство. Законодательство не предоставляет адвокатам исключительных прав на представление интересов сторон в суде – согласно п. 1 ст. 49 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ), представителями могут быть любые дееспособные граждане, имеющие надлежащим образом оформленные документы, подтверждающие их полномочия по ведению дела (за исключением лиц, перечисленных в статье 51 ГПК РФ [1]).

Важно отметить, что адвокат, действующий на основании договора с клиентом, выступает лишь в качестве представителя последнего и не является самостоятельным субъектом судопроизводства; все его действия совершаются от имени того, кого он представляет.

В монографии «Юридическая помощь (вопросы общей теории) В.Ю. Панченко определяет понятие «помощь» как более общее, по отношению к «юридической помощи», демонстрируя место юридической поддержки среди других видов помощи как социального явления, а также классифицирует различные формы юридической помощи, например, консультирование и профессиональное представительство [2, с.47]. В широком смысле, государственная защита участников судебных процессов также относится к юридической помощи со стороны государства. В гражданском процессе часто целесообразно подтверждать полномочия адвоката одновременно ордером и доверенностью, если доверитель желает

предоставить ему право подписывать и подавать исковые заявления в суд, передавать дело в арбитраж, предъявлять встречные требования, отказываться полностью или частично от своих претензий, уменьшать их объем, признавать иск, изменять предмет или основания иска, заключать мировое соглашение, передавать свои полномочия другому лицу (передоверие), обжаловать решения суда, направлять исполнительный лист для исполнения, получать присужденное имущество или денежные средства.

В судах первой инстанции существует неоднозначная практика касательно допуска представителей, не имеющих документов, подтверждающих полномочия, а именно на основании заявления доверителя о допуске представителя к участию в заседании. Следует обратить внимание на п.6 ст.53 ГПК РФ, согласно которому полномочия представителя могут быть установлены устно, зафиксировано в протоколе судебного заседания, либо письменно заявлением доверителя в суде. Несмотря на прямое указание закона, данная норма применяется только в судах первой инстанции.

Однако такое заявление носит разовый характер – фиксация допуска защитника происходит в протоколе после обсуждения между сторонами дела, что исключает вынесение отдельного определения суда о возможности представлять интересы стороны в конкретном заседании. Учитывая двойственную природу судебного представительства, одновременно обеспечивающего реализацию права на защиту и являющегося проявлением права на получение квалифицированной юридической помощи, Конституционный Суд РФ подчеркивал, что право на судебную защиту не подразумевает неограниченный выбор способов и процедур, а возможность вести свои дела через избранного представителя не означает, что к участию в разбирательстве может быть привлечено любое лицо [3].

Законодатель имеет право устанавливать критерии для оказания квалифицированной юридической поддержки и связанные с ними особенности допуска определенных лиц в качестве защитников или представителей в различных видах судопроизводства, при этом необходимо соблюдать баланс публичных и частных интересов, не ограничивая чрезмерно право на защиту и право на юридическую помощь [4].

Необходимо обеспечивать свободу выбора защитника, гарантируя гражданам эффективную защиту своих прав и законных интересов в суде и других государственных органах. Р.Е. Гукасян связывал принцип диспозитивности с волей и интересами участников процесса, считая это ключевым отличием от помощи, оказываемой судом или прокурором. Последние оказывают гражданам поддержку своими процессуальными действиями [6, с.94]. Необходимо также упомянуть Постановление Конституционного Суда РФ от 10.11.2022 г. N49-П, признавшее абз.2 п.3 ст.17 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не соответствующим Конституции РФ. Данное положение

устанавливало бессрочный запрет на осуществление представительской деятельности в судах для лиц, лишенных статуса адвоката по причине обвинения в совершении умышленного преступления.

В соответствии с этим постановлением был принят Федеральный закон от 24.07.2023 г. N383-ФЗ, который разрешил лицам, ранее утратившим статус адвоката из-за осуждения за умышленные преступления, вновь представлять интересы сторон в суде при соблюдении определенных условий – до погашения или снятия судимости, но не менее чем через пять лет после прекращения действия статуса адвоката. Конституционный Суд посчитал бессрочное ограничение несоответствующим Конституции РФ, поскольку оно нарушало принципы равенства перед законом, право на труд и соразмерность ограничений прав.

Позиция Р.Е. Гукасяна о важности воли и интересов участников процесса полностью согласуется с решением Конституционного Суда. КС фактически расширил объем диспозитивных прав граждан, устранив чрезмерное ограничение, не основанное на реальной угрозе справедливому разбирательству. После решения КС государство продолжает устанавливать ограничения (например, сроки и условия восстановления права на представительство), делая это более разумно и предоставляя гражданам больше свободы выбора представителя, что лучше соответствует принципу диспозитивности

Установленные законом временные ограничения выступают разумным компромиссом между принципом диспозитивности и необходимостью обеспечения эффективности судебной системы.

Заключение. Таким образом, подчеркивается значимость обеспечения широкого доступа к квалифицированной юридической помощи, включая использование потенциала юристов из правозащитных организаций, согласно конституционным гарантиям и международным обязательствам РФ. Этот аспект напрямую связан с принципом диспозитивности, позволяющим гражданам самостоятельно определять способы защиты своих прав и выбирать представителей, наилучшим образом отвечающих их интересам. В то же время анализ выявляет противоречия между необходимостью гарантирования свободы выбора представителя и поддержанием эффективного гражданского судопроизводства.

Практика показывает, что неограниченное количество представителей может приводить к затягиванию сроков рассмотрения дел, что требует разработки механизмов регулирования участия множественных представителей без ущемления права граждан на квалифицированную юридическую помощь, но при этом обеспечивая разумные сроки судопроизводства.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002г. N138-ФЗ (ред. от 31.07.2025)

2. Панченко В.Ю. Юридическая помощь (вопросы общей теории): Монография. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2011. – 279 с.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.1997г. N2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С. В. Абрамова // СПС «КонсультантПлюс» – эл. ресурс. <https://legislationrf.ru/info1/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=6089&rnd=sFpRSw#wMCCkUR1tiKwNqJ>
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2004г. N15-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного Собрания - Курултая Республики Башкортостан, Губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан»// СПС «КонсультантПлюс» – эл. ресурс. –<https://legislationrf.ru/info1/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=20245&rnd=sFpRSw#BpdCKwUHcfe3WNt7>
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993г., с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.06.2014 № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. – 04.07.2020. – № 144
7. Гукасян Р.Е. Избранные труды по гражданскому процессу. – М.: Проспект, 2008. – 345 с.

УДК 347.736.3

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИНАНСОВОГО ОЗДОРОВЛЕНИЯ В ХОДЕ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА

Подмаркова И.П., канд. экон. наук, доц., ORCID 0000-0002-8535-9551,
Криничный И.А., ORCID 0009-0007-4754-6165

ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, РФ
irina_podmarkowa@list.ru, Ikrinichnyy03@mail.ru

Введение. Процедура банкротства юридических лиц приобрела в последние десятилетия особое значение в условиях экономической нестабильности и повышения уязвимости предприятий. Одним из ключевых инструментов, позволяющих сохранить жизнеспособность бизнеса и поддержать нормальное функционирование экономики, является финансовое оздоровление, которое, наряду с внешним управлением, относится к реабилитационным процедурам банкротства. Эффективная реализация финансового оздоровления требует комплексного подхода, включающего реформирование законодательства, улучшение институтов поддержки бизнеса и внедрение инновационных инструментов восстановления платежеспособности предприятий. Однако действующее российское законодательство о банкротстве недостаточно полно и четко

прописывает порядок проведения финансового оздоровления, что вызывает ряд сложностей, противоречий и неоднозначных решений.

Цель исследования – выявить несовершенства и проблемы правового обеспечения финансового оздоровления в ходе процедуры банкротства юридических лиц и предложить пути их устранения.

Основная часть. Финансовое оздоровление при процедуре банкротства – это процедура, которая применяется к должнику в процессе банкротства для восстановления его платёжеспособности и погашения задолженности в соответствии с утверждённым графиком. Финансовое оздоровление позволяет компании-должнику преодолеть временные финансовые трудности и возобновить успешную предпринимательскую деятельность. Компания получает способность своевременно и в полном объёме выполнять свои финансовые обязательства перед поставщиками и другими контрагентами. В рамках финансового оздоровления могут быть пересмотрены условия кредитных договоров, снижены процентные ставки, продлены сроки возврата кредитов или частично списать долги.

Как показывает практика, финансовое оздоровление применяется крайне редко. По данным Единого федерального реестра сведений о банкротстве (ЕФРСБ), доля реабилитационных процедур (внешнего управления и финансового оздоровления) в 2024 году составляла всего 0,9 % от всех процедур банкротства (не считая наблюдения) против 3,5 % в 2015 г. В первом полугодии 2025 г. их доля еще более снизилась – до 0,7 %. Число процедур финансового оздоровления было максимальным в 2016 году – 52 процедуры, в 2024 году их было всего 12, в первом же полугодии 2025 г. – только 2. Наиболее же применяемой процедурой банкротства выступает конкурсное производство [1].

Как отмечает А. А. Пахаруков, составивший социально-экономический портрет должника – юридического лица, «как правило, дело о банкротстве инициируется конкурсным кредитором, которое длится более двух лет, в ходе рассмотрения дела с большой степенью вероятности можно предполагать, что организация в конечном итоге будет признана судом банкротом и открыто конкурсное производство, в ходе которого значительная доля требований кредиторов удовлетворена не будет» [2, с. 330-331].

Таким образом, российское законодательство о банкротстве на данном этапе имеет преимущественно ликвидационную, а не реабилитационную направленность.

Федеральный закон от 26 декабря 2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ №127) в Главе V прописывает процедуру финансового оздоровления, которая применяется к должнику в целях восстановления его платежеспособности и погашения задолженности в соответствии с графиком погашения задолженности. Финансовое оздоровление применяется к должнику, который имеет возможность за определенное время (2 года) удовлетворить требования кредитора [3].

Вопросы, связанные с финансовым оздоровлением, рассматривает арбитражный суд. Однако должны быть соблюдены условия для исполнения оздоровления. Финансовое оздоровление вводится арбитражным судом на основании решения собрания кредиторов, либо по ходатайству учредителей (участников) должника, собственника имущества должника – унитарного предприятия, уполномоченного государственного органа, а также третьего лица или третьих лиц. Существенным условием для введения процедуры является предоставление достаточного обеспечения исполнения обязательств должника (на 20 % и более превышающего размер обязательств должника, включенных в реестр требований кредиторов на дату проведения первого собрания кредиторов) в соответствии с графиком погашения задолженности [3, ст. 75, 80]. Таким образом, оздоровление может вводиться и без воли кредиторов, то есть при наличии решения собрания о введении внешнего управления либо о признании должника банкротом [4, с. 57].

Среди основных проблем правового обеспечения процедуры финансового оздоровления предприятий можно выделить:

1. Недостаточную детализацию правовых процедур в ходе финансового оздоровления в ФЗ №127, из-за чего многие вопросы разрешаются по усмотрению арбитражного суда и заинтересованных сторон. Это приводит к различным интерпретациям и неоднородной судебной практике.

2. Отсутствие универсальных подходов к определению признаков финансовой несостоятельности предприятий-должников. В результате суды зачастую прибегают к индивидуальным оценкам, что снижает предсказуемость и повышает риск субъективных ошибок.

3. Недоверие кредиторов к процедуре финансового оздоровления. Кредиторы опасаются возможных манипуляций со стороны должника ввиду недостаточной прозрачности процесса и отсутствия действенного механизма ответственности административного управляющего и собственников должника.

4. Различия между региональными судебными практиками.

5. Недоверие потенциальных иностранных инвесторов и кредиторов к российской судебной системе и к непредсказуемым итогам судебных разбирательств.

Пути решения отмеченных проблем:

1. Доработка положений ФЗ №127 о финансовом оздоровлении, разработка единого подхода к определению признаков финансовой несостоятельности.

2. Повысить прозрачность и независимость процедуры финансового оздоровления, усилить контроль за деятельностью административного управляющего и кредиторов.

3. Разработать меры поощрения и мотивации для кредиторов и третьих лиц, готовых участвовать в процессах финансового оздоровления.

4. Унифицировать региональные судебные практики.

5. Активизировать международное сотрудничество, внедрять успешно зарекомендовавшие себя практики финансового оздоровления за рубежом (например, опыт Сербии по продаже должника кредиторам).

Заключение. Процедура финансового оздоровления является важным инструментом для спасения бизнеса от банкротства и обеспечения стабильности экономики. Однако недостаточная разработанность законодательства, различия в судебной практике и недоверие кредиторов серьезно препятствуют широкому применению данной процедуры. Решение отмеченных проблем позволит сделать процедуру финансового оздоровления эффективнее и обеспечит как сохранение вполне жизнеспособных предприятий, так и максимальное удовлетворение требований кредиторов.

Список литературы

1. Банкротство в России. Статистический бюллетень Федресурса. Итоги I полугодия 2025 года [Текст электронный] // chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://download.fedresurs.ru/news/Банкротство%20статбюллетень%20январь-июнь%2025.pdf (дата обращения: 27.09.2025).
2. Пахаруков А.А. Должник как субъект отношений, возникающих при несостоятельности (банкротстве): социально-экономическая и правовая характеристика / А.А. Пахаруков // Социальная компетентность. – 2019. – Т.4, № 4. – С. 327-338. – EDN: JMFFUS.
3. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 45. – С. 4190
4. Шишмарева Т.П. Защита прав кредиторов в процедурах несостоятельности (банкротства) / Т.П. Шишмарева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 9. – С. 46-50. – EDN: VSLNQE.

УДК 347.91/.95

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ

Порохов М.Ю., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0000-0002-0721-9588
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) ФГКОУ ВО «Университет
прокуратуры Российской Федерации», г. Санкт-Петербург, РФ
more03@inbox.ru

Введение. Искусственный интеллект (ИИ) постепенно превращается в часть инфраструктуры правосудия: от интеллектуального поиска по массивам судебных актов и аналитики практики до инструментов,

помогающих судье и аппарату суда готовить и оформлять процессуальные документы. Российская правовая система уже задала ориентиры цифровой трансформации и этические требования работы с ИИ. Вместе с тем переход от этапа «электронного правосудия» к режиму «умного правосудия» упирается в традиционные для процессуального права вопросы: допустимость и проверяемость (прозрачность) алгоритмических результатов, соблюдение принципов равноправия и состязательности сторон, а также обеспечение защиты персональных данных. В настоящей работе даётся краткий обзор нормативных и прикладных аспектов внедрения ИИ в судах РФ с опорой на действующие регуляторные механизмы.

Основная часть. Ключевым политико-правовым ориентиром выступает Указ Президента РФ № 490 от 10.10.2019 г. [1], утвердивший Национальную стратегию развития ИИ до 2030 г., определив цели применения ИИ в государственном управлении и правосудии. Стратегия задает вектор развития, но не конкретизирует процессуальные стандарты доказывания в судебном гражданском процессе, оставляя поле для отраслевого законодательства. Практическим инструментом правоприменительной «обкатки» технологии предусмотрены экспериментальные правовые режимы (ЭПР) [2], позволяющие проверять решения ИИ в условиях судебной деятельности.

Этический аспект использования технологии определяет Кодекс этики в сфере ИИ [3], закрепляющий принципы прозрачности, ответственность и недопущение дискриминации. Однако, построены положения Кодекса исключительно на диспозитивных началах.

Российские суды уже не первый год используют инфраструктуру дистанционного участия и электронного документооборота, что является «почвой» для внедрения ИИ. Так, ст. 155.1 ГПК РФ закрепляет участие лиц в судебном заседании посредством видеоконференц-связи, при наличии технической возможности и соответствующего определения суда. Подача процессуальных документов в федеральные суды общей юрисдикции регулируется Приказом Судебного департамента при ВС РФ № 251 [4]. Его положения напрямую не регулируют использование возможностей ИИ, но они создают цифровую экосистему, в которой ИИ-сервисы (распознавание речи, интеллектуальный поиск, маршрутизация деловых процессов) могут быть интегрированы гармонично, без реформирования процессуальных институтов, например, таких как сроки.

В обозримой перспективе целесообразно развивать следующие возможности ИИ:

1. правовая подготовка дел – автоматизированное извлечение сведений о фактах, правовых нормах и позициях высших судов для судьи и помощника судьи;

2. протоколирование – стабильное распознавание речи для формирования точного протокола судебного заседания;

3. организация работы суда – прогнозирование загрузки судебных составов и распределение дел с целью соблюдения разумных сроков;

4. аналитика – выявление расхождений в судебной практике. Позиция судебной власти при этом подчёркивает инструментальную, а не «автономную» роль ИИ [5]: он призван облегчать работу судьи, но не заменять судебское усмотрение и тем более не «выносить» решение. Такой подход прямо отсылает к принципу персональной ответственности судьи за акт правосудия.

Однако, главная правовая дилемма – как превратить алгоритмический результат анализа материалов дел в процессуально-допустимые материалы.

Включение ИИ-инструментов в судебную деятельность должно учитывать процессуальное равенство и состязательность. Если одна сторона пользуется повышенными гарантиями защиты (например, «слабая сторона» в рамках ФЗ «О защите прав потребителей»), суду следует обеспечить: раскрытие ключевых параметров технологии ИИ в объёме, достаточном для проверки работы ИИ; возможность оспаривания и контроля алгоритмических выводов ИИ; фиксацию того, на каком этапе и как ИИ участвовал в анализе материалов дела. В делах, где сторона пользуется дополнительными гарантиями защиты, эти требования приобретают особое значение, поскольку несоразмерный технологический перевес может привести к деформации принципа состязательности.

Кодекс этики ИИ задаёт ценностные ориентиры как дополнительные требования при использовании технологии ИИ – приоритет прав человека, прозрачность, ответственность разработчика и пользователя, предотвращение вреда и защита данных. В контексте судебной деятельности эти положения трансформируются в конкретные регулятивные практики: фиксация обращения к ИИ-сервису; ограничение автономии алгоритма (запрет на «авто-решения»); предварительная оценка социальных последствий – от рисков «шаблонизации» санкций до дискриминации отдельных социальных групп.

Системная интеграция ИИ в правосудие по гражданским делам требует разумного и поэтапного подхода через стандартизирование механизма использования ИИ в судебном процессе и расширение применения через ЭПР сначала вспомогательных задач (распознавание речи, поиск судебной практики), затем аналитики единообразия судебной практики при исключении автоматизации вынесения непосредственно судебных актов.

Заключение. ИИ способен заметно повысить скорость и качество рассмотрения дел, но его внедрение оправдано лишь при соблюдении процессуальной прозрачности и контроля технологии ИИ. Российская правовая система уже располагает стратегией развития ИИ, цифровой инфраструктурой электронного правосудия и этическими ориентирами.

При этом фундаментальный подход должен оставаться прежним: решение принимает человек-судья, а ИИ – лишь инструмент, который помогает суду быть более эффективным и последовательным.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (с Нац. стратегией до 2030 г.). – URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 24.09.2025)
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 24.09.2025)
3. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта – URL: https://apanasenzovskijr07.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/userfiles/Novosti/Rospotrebnadzor/Kodex_etiki_v_sfere_II_-_text.pdf (дата обращения: 24.09.2025)
4. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209690/c6700d5f204346139c2091c9294d7e6689767a2c/ (дата обращения: 24.09.2025)
5. Верховный суд России изучает опыт применения искусственного интеллекта – Текст: электронный // Российская газета. – 2025. – URL: <https://rg.ru/2025/04/23/sudit-pomozhet-kompiuter.html> (дата обращения: 24.09.2025)

УДК 347.4

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТРАДИЦИОННЫХ И АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ СТОРОН НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ СДЕЛКИ

Светличный В.А., ORCID 0009-0007-9407-7699

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
svetlichnyi.vladislav@yandex.ru

Введение. Институт недействительности сделок является одним из ключевых направлений в гражданском праве. Как правило, недействительная сделка в первую очередь направлена на восстановление нарушенных прав сторон путем реституции, возмещения убытков, а также признания сделки действительной в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Данные способы защиты прав и сторон недействительной сделки можно отнести к традиционным способам защиты прав. Однако, проанализировав правовую литературу и законодательство Российской Федерации, можно прийти к выводу, что существуют и альтернативные способы защиты прав граждан. В настоящее время, традиционные способы широко применяются судами, однако, на практике не всегда обеспечивают

справедливость и права потерпевшей стороны. Следовательно, гражданские правоотношения нуждаются в более гибких и справедливых способах защиты прав сторон недействительной сделки.

Цель – рассмотреть традиционные и альтернативные способы защиты прав сторон недействительной сделки, а также проанализировать их взаимосвязь.

Основная часть. Правовое понятие сделки закреплено в ст. 153 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ): «Сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей» [1].

Как было отмечено ранее, к традиционным способам защиты прав сторон недействительной сделки относят реституцию, возмещение убытков и признание сделки действительной.

Положение о реституции закреплено в ст. 167 ГК РФ. Из неё следует, что реституция представляет собой возвращение сторонами сделки всего полученного ими в случае признания сделки недействительной. Данный способ защиты прав сторон недействительной сделки является базовым и универсальным, поскольку применяется в большинстве случаев при возникновении споров между сторонами. В основе концепции реституции лежит идея восстановления статус-кво, то есть возвращение к тому положению, которое было до недействительной сделки. Это позволяет восстановить права и интересы участников сделки и уберечь их от потери имущества. Г.Ф. Шершеневич пишет следующим образом: «Все, что на основании сделки было передано одним лицом другому - должно быть возвращено по принадлежности» [2, с. 126.]. Однако, возникают случаи, когда одна из сторон действует добросовестно, но к ней применяются равные последствия как и к недобросовестной стороне, что противоречит принципу справедливости (например, двусторонняя реституция).

Возмещение убытков является также одним из традиционных способов защиты прав сторон недействительной сделки. Возмещение убытков как следствие недействительности сделки применяется в конкретных случаях, предусмотренных законодательством. Важным моментом является то, что для их применения необходимо наличие вины. Однако, на практике возникают сложности с доказыванием реального ущерба и причинной связи.

В исключительных случаях ничтожная сделка может быть признана действительной (конвалидация), что является также способом защиты прав сторон недействительной сделки. Согласно ч. 2 ст. 171 ГК РФ в интересах гражданина, признанного недееспособным вследствие психического расстройства, совершенная им сделка может быть по требованию его опекуна признана судом действительной, если она совершена к выгоде этого гражданина [3]. Возможность конвалидации такой сделки в

интересах недееспособной стороны создает неопределенность в отношении имущественного положения сторон, участвующих в сделке.

Следовательно, данные традиционные способы не всегда могут учесть определенные особенности каждой ситуации для обеспечения справедливости в возникшем споре. Исходя из этого, возникает значимость альтернативных способов защиты сторон недействительной сделки.

Особое место занимает медиация и мировое соглашение, которые позволяют сторонам самостоятельно определить последствия недействительной сделки, а также согласовать приемлемые условия для сторон. Данные способы помогают сократить время на урегулирование спора, а также снизить конфликтность, возникшую между сторонами. К преимуществам данного способа можно также отнести высокий уровень свободы для сторон во всем, что касается организационных деталей проведения процедуры (место, время), а также формы изложения материала. Такая гибкость медиации существенно отличает ее от традиционного судебного процесса, связанного с обязательными требованиями о месте и времени судебных заседаний, порядке представления доказательств, форме выступлений и обращений к суду и т.д.

Кандидат наук Нахов М.С. в своих работах отмечает, что «по своей сути есть процесс более глубокий по своему проникновению в истинные причины конфликта, чем судебное разбирательство» [4, с. 6].

Следующим альтернативным способом защиты прав сторон недействительной сделки является компенсационная выплата. Её часто относят к односторонней реституции. Профессор Д.О. Тузов отмечает, что возвращение по недействительной сделке полученного имущества в натуре другой стороне получило название «реституция владения», а возмещение стоимости такого имущества, не сохранившегося в натуре – «компенсационная реституция» [5, с. 435]. Данная мера заключается в том, что одной стороне (потерпевшей) возвращается все переданное по сделке другой стороной (виновной), а в случае невозможности возврата в натуре, то выплачивается денежная стоимость не полученного имущества. Кроме того, виновная сторона возмещает потерпевшему причиненный реальный ущерб. Она позволяет справедливо распределить последствия недействительной сделки между сторонами. Компенсационная выплата применяется в ситуациях, когда одна сторона понесла затраты на исполнение сделки, чтобы добросовестный участник сделки не оставался без правовой защиты.

Взаимосвязь традиционных и альтернативных способов защиты сторон недействительной сделки заключается в том, что последние дополняют и являются логическим продолжением первых. Реституция может сочетаться с компенсационными выплатами для выбора более справедливой формы восстановления имущественного положения. Возмещение убытков может взаимодействовать с медиацией, когда

стороны могут свободно и самостоятельно договориться о порядке их возмещения. Взаимодействие традиционных и альтернативных способов защиты сторон недействительной сделки составляют единую систему и позволяют более гибко разрешать возникшие споры.

Заключение. В настоящее время гражданское право продолжает совершенствоваться с каждым годом, подстраиваясь под развитие современного общества. Традиционные способы защиты прав граждан являются основой правового регулирования, однако, на практике возникают сложности с обеспечением добросовестного и справедливого решения для сторон спора, поэтому альтернативные способы защиты прав граждан имеют место быть. Они сочетаются и дополняют традиционные способы, тем самым позволяют принять справедливое и законное решение для сторон, что является важнейшей задачей современного права.

Список литературы

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): ГК РФ: Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ: [принят Государственной Думой 21 октября 1994 года]: [с изменениями и дополнениями на 16 мая 2023 года]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 24.09.2025). – Текст: электронный.
2. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права: (по изданиям 1912 и 1914-1915 гг.) / Г. Ф. Шершеневич. – Москва: Статут, 2021 – Т. 1: Учебник русского гражданского права (по 10-му изданию, 1912 г.). Т. 1. – 2021. – 836 с., [1] с., [1] л. портр.; ISBN 978-5-8354-1766-7: 200 экз. – Текст: непосредственный.
3. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): ГК РФ: Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ: [принят Государственной Думой 21 октября 1994 года]: [с изменениями и дополнениями на 16 мая 2023 года]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 24.09.2025). – Текст: электронный.
4. Нахов, М. С. К вопросу о сущности медиативного соглашения / М. С. Нахов. – (Актуальные вопросы науки и практики). – Текст: непосредственный // Арбитражный и гражданский процесс. – 2014. – № 3. – С. 6 -11. – Библиогр.: с. 10-11 (25 назв.). – ISSN 1812-383X. – Текст: непосредственный.
5. Тузов, Д. О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции / Д. О. Тузов. – Москва: Статут, 2007. – 600 с., [1] с. – (Библиотека ЦивИс); ISBN 978-5-8354-0448-3 (В пер.). – Текст: непосредственный.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО (МУНИЦИПАЛЬНОГО) КОНТРАКТА В ВИДЕ НЕЗАВИСИМОЙ ГАРАНТИИ

Сирик Н.В.¹, канд. юрид. наук, доц.,

Проскуряков К.В.²

¹ Смоленский филиал ОЧУ ВО «Международный юридический институт»,
г. Смоленск, РФ

² ОЧУ ВО «Международный юридический институт», г. Москва, РФ
konst.pros@yandex.ru

Введение. Государственные закупки являются важнейшим компонентом внутренней российской экономики. На них строятся важнейшие механизмы обеспечения государственных и муниципальных потребностей. В связи с последними изменениями, в частности, переводом всех этапов закупок в электронный формат, повысилась актуальность исследования их особенностей. В работе проведено исследование этапа обеспечения исполнения государственного (муниципального) контракта. Проанализирована правоприменительная практика и сделан вывод относительно наиболее часто встречающихся проблем, касающихся осуществления обеспечения посредством независимой гарантии. Рассмотрены конкретные сложности и особенности совершения независимой гарантии для каждой из сторон.

Основная часть. Сфера государственных закупок активно развивается под влиянием экономических изменений, коснувшихся российского государства. Именно государственные закупки в настоящее время занимают большую долю национального рынка. Со стороны государственной власти ведется активная модернизация закупочных процессов, включая их цифровизацию. Так, с 1 апреля 2025 года все этапы закупок были официально перенесены в электронный формат, поддерживаемый за счет специализированных электронных площадок.

Данный шаг положительно повлиял на прозрачность закупочной деятельности и возможность контроля за правомерностью действий каждого из участников электронных процедур. Вместе с тем, цифровизация также обусловлена и дополнительными новыми трудностями, которые со стороны участников должны быть особенно учтены.

Основная, остро стоящая на данный момент проблема касается этапа предоставления обеспечения исполнения контракта победителем закупки. В соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» осуществить обеспечение исполнения контракта участник может либо путем

оформления независимой гарантии, либо посредством внесения денежных средств на счет заказчика. Однако важным аспектом такого обеспечения является не только его совершение, но и подтверждение, то есть донесение до заказчика на этапе подписания контракта информации о том, что оно исполнено [1].

Статья 51 указанного выше закона обязывает победившего участника закупки разместить на электронной площадке документ, подтверждающий совершение обеспечения исполнения контракта. Законодательство прямо не содержит указание на конкретный документ, которым подтверждается внесение денежных средств, в связи с чем сложилась практика предоставления в качестве него оригинала платежного поручения.

Независимая гарантия, как способ обеспечения исполнения, избирается участниками, как правило, в случае проведения закупок, отличающихся высокой начальной ценой контракта или его длительностью. Как замечает Е.С. Чепрасова, такой выбор обусловлен тем, что обеспечение путем внесения денежных средств на счет заказчика не выгодно для участника, так как в таком случае они находятся на указанном счете до момента завершения контракта.

Вместе с тем, как показывает правоприменительная практика, использование независимой гарантии также не лишено трудностей. В частности, анализ Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ от 5 июня 2019 года, позволил выявить следующие наиболее встречающиеся неточности, допускаемые участниками при подтверждении независимой гарантии:

- ошибки в указании суммы и ее несоответствии сумме в извещении о закупке;
- несоответствие указанной даты вступления независимой гарантии в силу;
- указание срока действия независимой гарантии, который не превышает указанный в контракте срок исполнения обязательств (срок независимой гарантии должен превышать последний не менее, чем на один месяц);
- допущение ошибок и опечаток в сведениях, касающихся сторон независимой гарантии и др. [2].

Указанные и иные допускаемые неточности автоматически влекут возможность применения заказчиком права на признание участника уклонившимся от заключения контракта. Следующим шагом со стороны заказчика уже будет являться передача соответствующих сведений в контролирующий орган о выявленном нарушении и направление заявления о включении участника в реестр недобросовестных поставщиков. Следовательно, даже подобные ошибки, несмотря на фактическую реализацию обеспечения исполнения контракта,

неблагоприятно влияют на судьбу участника, лишая его контракта и понижая репутацию. В данном случае речь идет о высокой степени персональной ответственности участников за предоставляемые ими документы и сведения, содержащиеся в них.

Однако фактическая вина подобных ошибок лежит не на победителе, а на иных лицах, непосредственно занимавшихся оформлением независимой гарантии. В таком случае участники, как правило, обращаются в суд с целью оспорить их вину и недобросовестность отношения. Стоит отметить сложность складывающейся судебной практики по данному вопросу.

Арбитражным судом Московского округа 11 апреля 2024 года было рассмотрено дело № А40-137456/2023, в рамках которого заказчиком было подано заявление о признании участника уклонившимся от подписания контракта по причине нарушения оформления независимой гарантии. Данное нарушение было выражено в отсутствии наименования арбитражного суда, в котором подлежат рассмотрению споры по контракту, а также допущена ошибка в указании сведений о коде ОКТМО бенефициара. Управлением федеральной антимонопольной службы (далее – УФАС) заявление принято не было, в связи с чем заказчик обратился в суд. Суд по данному делу занял двойственную позицию. С одной стороны, он указал на правомерность решения УФАС, поскольку в процессе рассмотрения дела было установлено, что поставщик, после выявления неточностей, обратился в банк для получения новой независимой гарантии, что подтверждает его добросовестное намерение заключить контракт. Суд также отметил, что важным условием включения участника в реестр недобросовестных поставщиков, является подтверждение его вины. Вина не была установлена, так как оформление независимой гарантии осуществлялось банком. С другой стороны, суд указал на правомерность действий заказчика, который, в соответствии с действующим законодательством, имеет полное право в случае установления выявленных им нарушений предпринимать действия, направленные на признание победителя уклонившимся [3].

Заключение. Таким образом, обеспечения исполнения контракта является по своей сути очень важным этапом, требующим особого внимания со стороны обеих сторон. В настоящее время нельзя однозначно ответить на вопрос, какой из способов обеспечения наиболее предпочтителен участникам, так как каждый из них имеет свои нюансы реализации и сложности. Независимая гарантия, как показало исследование, особенно подвержена влиянию действий со стороны не только самого поставщика, но и лиц, в чью компетенцию входит ее оформление. Данный факт только усиливает необходимость контроля и осмотрительность победителя на этапе предоставления подтверждения совершенной гарантии.

Список литературы

1. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 26 декабря 2024 г., № 432-ФЗ) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652; 2024. № 49 (часть IV). Ст. 7423.
2. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 05.06.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 11. 2019.
3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11 апреля 2024 г. № А40-137456/2023 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 02.09.2025 г.).

УДК 338.48;346.78

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИЙ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

Сирик Н.В., канд. юрид. наук, доц, ORCID 0009-0009-9466-8944
ФБГОУ ВО «Смоленский государственный университет»,
Смоленский филиал ОЧУ ВО «Международный юридический институт», г. Смоленск, РФ
nsirik@yandex.ru

Введение. Современный туризм – одна из самых динамичных сфер услуг в России, лидирующая в структуре торговли услугами с долей более 50%. Государство рассматривает эту отрасль как стратегически важную и приоритетную, создавая широкие возможности для внедрения инноваций. А они, в свою очередь, повышают конкурентоспособность всех секторов экономики, включая туризм.

В России вопрос конкурентоспособности туристского продукта остается особенно актуальным.

Цель работы – анализ гражданско-правовых аспектов регулирования инноваций в сфере туризма в Российской Федерации, выявление пробелов и противоречий в действующем законодательстве, а также разработка предложений по совершенствованию правового регулирования деятельности новых субъектов туриндустрии (агрегаторов, банков, сельхозпроизводителей и др.) в условиях цифровизации и появления новых видов туризма.

Основная часть. Рост российского внутреннего и въездного туризма сдерживает ряд проблем, характерных для большинства регионов. Эти ограничения снижают возможности эффективного использования значительного туристско-рекреационного потенциала для разработки качественного и конкурентоспособного туристского предложения.

Цифровые технологии и другие технологические преобразования стали движущей силой глобальных изменений.

Безусловно, цифровизация не может решить все проблемы туристской отрасли. Становление цифровой экономики следует оценивать в связи с другими трансформационными тенденциями, затрагивающими все области современного мира. Современные технологии и цифровизация активно трансформируют туристскую отрасль, создавая новые бизнес-модели и сервисы. Однако их внедрение требует адаптации правового регулирования.

К ключевым инновациям в туризме, прежде всего, следует отнести деятельность цифровых платформ и агрегаторов, таких как МТС Travel, Левел, Травелата, Суточно. На своих площадках организует туры Т-банк.

На агрегаторы и маркетплейсы распространяются общие нормы Гражданского кодекса РФ о договоре комиссии (глава 51 ГК РФ) и агентском договоре (глава 52 ГК РФ). Основным нормативным актом, регулирующим вопросы ответственности агрегаторов является закон «О защите прав потребителей» и Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства № 6 «О единых правилах в области защиты прав потребителей» [1].

Однако, деятельность агрегаторов и маркетплейсов не подпадает под действие отраслевого законодательства, регулирующего работу организаций сферы туризма. С одной стороны, они не регистрируются в качестве туроператоров, не имеют обязанности иметь фингарантии для осуществления своей деятельности, вносить данные в ЕФРТ и ГИС «Электронная путевка» что позволяет компаниям-операторам интернет агрегаторов снижать затраты, связанные с взаимоотношениями с государственными органами. С другой стороны, на сформированные таким образом комплексные туры не распространяются и нормы, туристского законодательства, касающиеся защиты прав туристов.

Вызывает опасения растущая активность банков в сфере туристских услуг – в своих приложениях они предлагают и перелет, и проживание, но при этом не имеют туроператорского статуса. Причем сервис «Тинькофф Путешествия» выступает не в качестве агрегатора, направляющего клиента для покупки билета к другим компаниям, а является реализатором такого «турпродукта». По мнению специалистов Т-Банка: «Покупка авиабилета и бронирование отеля происходит в рамках разных заказов, которые могут быть связаны только датами, сервисы по покупке авиабилетов и бронированию отелей являются отдельными и если клиент одновременно покупает и то, и другое, то это не расценивается как туристская поездка» [2].

С этим нельзя согласиться, «Минэкономразвития России рассматривает реализацию отдельных туристских услуг, включающих перевозку и размещение туриста, по отдельным договорам с одинаковым сроком исполнения как реализацию единого туристского продукта» [3].

Сфера туризма динамично развивается, становясь одним из ключевых драйверов внедрения передовых технологий и инновационных

решений. Она не только активно внедряет цифровые платформы, персонализированные сервисы и устойчивые практики, но и осваивает перспективные ниши, такие как сельский туризм, промышленный туризм, научно-популярный и т.д. Очевидно, что их организацией уже занимаются не туроператоры и турагенты, а иные субъекты: сельхозтоваропроизводители, крестьянские фермерские хозяйства, промышленные предприятия, и т.д.

И если сельскохозяйственный туризм регламентирован в законе об «Основах туристской деятельности в РФ», то легального понятия промышленного туризма в законе нет. Упоминание о нем содержится только в Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года.

Представляет интерес мнение авторов статьи «Правовые вопросы определения промышленного туризма», которые считают, что необходимо определиться с понятием промышленного туризма, закрепив его по аналогии с сельским туризмом в законе «Об основах туристской деятельности в РФ» и предлагают следующее определение промышленного туризма: «пребывание физических лиц на территории определенного производства с познавательными и рекреационными целями, не нарушающее процесс производства и установленные на таких территориях нормы безопасности» [4;57].

Заключение. Безусловно, расширение видов туризма делает внутренний туризм более конкурентоспособным, однако правовое регулирование новых инновационных видов туризма, находится в стадии становления. Полагаем, что в проекте Федерального закона «О туризме» необходимо закрепить появление нового участника туристских правоотношений – организатора туризма, чья функция заключается в разработке, продвижении и оказании комплекса услуг в сфере внутреннего туризма. Деятельность таких организаторов должна полностью регулироваться нормами туристского и потребительского права, что обеспечит туристам все предусмотренные законом гарантии защиты их прав.

Появление новых субъектов туриндустрии влечет и использование новых договорных конструкций. Наряду с договором о реализации турпродукта, заключаемым туроператором с туристами, правоотношения по реализации комплекса услуг, не образующих туристский продукт, должны опосредоваться договором о туристском обслуживании.

Таким образом, современный законодательный подход нуждается в значительной конкретизации как в плане расширения предмета законодательного регулирования и идентификации возникающих правоотношений в сфере туризма (с выделением новых общественных отношений), так и в части расширения круга субъектов туристской индустрии и распределения ответственности между ними.

Список литературы

1. Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства № 6 «О единых правилах в области защиты прав потребителей» (принят в г. Минске 06.12.2024) // – URL.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_496218/ (дата обращения 10.08.2025)
2. Селезнева О. А. Турагентов смущает активность банков на рынке туристических услуг. Можно ли продавать билеты и отели без статуса туроператора// – URL.: www.tourdom.ru/news/turagentov-smuschaet-aktivnost-bankov-na-rynke-turisticheskikh-uslug.html (дата обращения 10.08.2025)
3. Запрос и ответ Минэкономразвития: Проживание и трансфер отдельно//URL.: https://ukab.ru/novosti/news_post/zapros-i-otvet-minekonomrazvitiya-prozhivanie-i-transfer-otdelno ((дата обращения 10.08.2025)
4. Набиев С. Р. Правовые вопросы определения промышленного туризма / С. Р. Набиев, Е. А. Позднякова, О. И. Челябинца // Сервис в России и за рубежом. – 2022. – Т. 16, № 3(100). – С. 56-63.

УДК 347.4

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАТИКЕ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ДОГОВОРА РЕНТЫ

*Смирнова Е.В., доц.,
Кравченко Е.С.*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e-mail: kravchenkoeval10@mail.ru, forum_donetsk@mail.ru

Введение. В современном гражданском законодательстве рента отнесена к группе институтов гражданского права, связанных с отчуждением (за плату или бесплатно) имущества, которая обеспечивает регулярный гарантированный доход, получаемый лицом в обмен на отчуждение имущества, сопряженный с риском и неопределенностью размера ренты в силу длительности рентных платежей. Б. М. Гонгалов в своем учебнике отмечает, что договор ренты – соглашение, в силу которого одна сторона (получатель ренты) передает другой стороне (плательщику ренты) в собственности имущество, а плательщик ренты обязуется в обмен на полученное имущество периодически выплачивать получателю ренту в виде определенной денежной суммы либо представление средств на его содержание в другой форме. Договор всегда заключается в нотариальной форме, а если предметом становится недвижимость, то также подлежит государственной регистрации. Имущество может передавать как платно, так и бесплатно [1, с.228-235].

В Гражданском кодексе (далее – ГК РФ), а именно в ч.1 ст.583 ГК РФ указано, что по договору ренты одна сторона (получатель ренты) передает

другой стороне (плательщику ренты) в собственность имущество, а плательщик ренты обязуется в обмен на полученное имущество периодически выплачивать получателю ренту в виде определенной денежной суммы либо предоставления средств на его содержание в иной форме. Договор ренты подлежит нотариальному удостоверению, а договор, предусматривающий отчуждение недвижимого имущества под выплату ренты, подлежит также государственной регистрации (ст.584 ГК РФ) [2].

Целью данной работы является исследование правовой природы договора ренты. Рентные правоотношения заключаются в обязанности одного лица предоставлять пожизненное или постоянное содержание другому лицу, которое для последнего нередко является единственным источником получения средств к существованию. Как следствие, образуется юридический факт, что становится основанием возникновения, изменения и прекращения гражданского правоотношения.

Договор как правовое явление начинает свое существование с того момента, когда он в установленном законом порядке признается заключенным. Затем определяется правовое положение участников сделки – их права и обязанности как субъектов конкретного договорного правоотношения. В соответствии со ст. 423 ГК РФ договор, по которому сторона должна получить плату или иное встречное предоставление за исполнение своих обязанностей, является возмездным. К их числу относится и договор ренты, хотя существует мнение, что в данном случае имеет место иной характер возмездности [2]. М. И. Брагинский пишет: «В договоре ренты возмездность выражена в выплате, лишь сходной с процентами. В данном случае сумма, переданная получателем ренты ее плательщику, трансформируется в «проценты», уплата которых осуществляется в указанные в договоре сроки и в установленных им размерах» [3, с.629]. Право получения рентных платежей возникает у получателя ренты только после передачи имущества под выплату ренты. Соответственно с этого же момента возникает обязанность по выплате рентных платежей, которые могут осуществляться в денежной или натуральной форме. Независимо от формы все рентные платежи должны иметь эквивалентную денежную оценку.

Договоры в зависимости от их природы признаются заключенными либо с момента достижения сторонами согласия (консенсуальные договоры), либо после передачи определенной вещи одним из участников сделки другому контрагенту (реальные договоры), либо после государственной регистрации.

Гражданский кодекс РФ относит договор ренты к реальным договорам, однако в литературе встречаются другие точки зрения. Согласно нормам Гражданского уложения плательщик обязуется взамен переданного имущества или уплаченной суммы платить ренту, подразумевался реальный характер договора ренты. Подобная дискуссия

наблюдалась и до принятия II части ГК РФ в период действия ГК РСФСР 1964 г. применительно к договору купли-продажи жилого дома с условием пожизненного содержания продавца. Иное мнение гласит о том, что консенсуальная конструкция не ущемляет интересов ни одной из сторон и вместе с тем обеспечивает повышенную охрану интересов, что дает основания утверждать, что заключение договора пожизненного содержания относится к моменту его регистрации, а не ко времени передачи имущества. Если имущество фактически передано до регистрации, договор, оставаясь консенсуальным, будет односторонним. При обратной последовательности он становится также взаимным договором, возлагающим определенную обязанность. Подобные аргументы обосновывают точку зрения, что право собственности на имущество возникает с момента регистрации договора. До тех пор, пока соглашение о пожизненном содержании не облечено в надлежащую форму, нет и самого договора. Если регистрация состоялась, но недвижимость еще фактически не была передана, приобретатель уже стал его собственником, а потому обязан к содержанию отчуждателя. Если же недвижимость передана, но регистрация не состоялась, договор еще не заключен и никаких связанных с ним обязательств приобретатель нести не может. Однако последнее, по мнению М. И. Брагинского, вписывается как раз в конструкцию реального договора [4, с.20].

В соответствии с современной трактовкой договора ренты и пожизненного содержания с иждивением очевиден признак реальности договора в силу необходимости передачи имущества. Поэтому большинство цивилистов высказываются в пользу реального характера договора ренты [5, с. 44].

Однако следует рассмотреть третью точку зрения, согласно которой характер договора меняется в зависимости от предмета, передаваемого под выплату ренты и вида платежей. Подобную точку зрения рассматривал В.С. Ем, отмечая, что: «Предписания п. 2 ст. 585 ГК РФ необходимо иметь ввиду при решении вопроса о реальности или консенсуальности договора ренты». Он обращал внимание на данную норму, где предусмотрено в зависимости от платы ренты применение норм о купле-продаже или дарении. По его мнению, договор будет реальным, если передается движимое имущество без оплаты, с соответствующим применением норм гл. 32 ГК РФ о дарении. Передача движимого имущества за плату говорит о консенсуальной природе подобного соглашения с применением норм гл. 30 ГК РФ договора о купле-продаже. Если же под выплату ренты передается недвижимое имущество, то правообразующая сила договора ренты возникает из другого юридического факта, а именно – акта государственной регистрации. Даже если недвижимое имущество было отчуждено под выплату ренты безвозмездно, плательщик ренты вправе требовать его передачи, как и при возмездной передаче [6, с. 12].

Большой интерес представляет работа А. Мамаева «Противоречивость конструкции договора ренты», в которой приводятся две точки зрения на рассматриваемую проблему. Во-первых, вследствие пробелов в правовых нормах, возникающие на основе договоров купли-продажи и дарения правоотношения регулируются нормами ГК РФ об обязанностях продавца по передаче товара в целом, так и по передаче товара свободным от прав третьих лиц, предусматривая последствия неисполнения обязанности передать товар. Данное применение норм делает договор ренты консенсуальным и взаимным, так как в данном случае появляется обязанность передать имущество. Тогда договор ренты будет считаться заключенным с момента нотариального удостоверения, либо государственной регистрации данного договора. На получателя ренты возлагается обязанность передать имущество контрагенту, сама передача имущества произойдет уже во исполнение действующего договора, а за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанности по передаче имущества получатель ренты будет нести ответственность. Неприменение же этих норм делает бессмысленной отсылку к ним. Следовательно, так как договор ренты в соответствии с ГК РФ является реальным и односторонним, что и составляет его существо и одновременно с этим входит в противоречие с привязкой норм о договорах купли-продажи и дарения [7, с.184-191].

Следовательно, наиболее подходящим, легальным и понятным является определить договор ренты как реальный – момент заключения совпадает с моментом передачи имущества; возмездный – одна сторона передаёт имущество, а другая выплачивает ренту.

Список литературы

1. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 2. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. – 602 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2022) / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 03.09.2025).
3. Брагинский, М. И., Витрянский, В. В. Договорное право. – Кн. вторая. Договоры о передаче имущества. – М: Статут, 2008. – 786 с.
5. Брагинский, М. И. Витрянский, В.В. Договор ренты // Бюллетень нотариальной практики. – 2000. – № 2. – С. 20-24.
6. Цыбуленко, З. И. Рента и пожизненное содержание с иждивением // Российская юстиция. – 1998. – № 7. – С. 44-50.
7. Ем, В. С. Договор ренты // Законодательство. – 1999. – № 5. – С. 12-18.
8. Лебедева Е. В. Правовая природа и характер договора ренты // Социология власти. – 2020. – С. 184-191.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ (ДРУЖЕСТВЕННЫХ) ГОСУДАРСТВАХ

Смирнова Е.В., доц.,

Малая В.В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

vikalomakina02@yandex.ru

Введение. Исследование особенностей исполнительного производства в зарубежных странах обусловлена современными геополитическими реалиями, заданными Распоряжением Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-р [1], которое определило перечень недружественных России стран и, соответственно сместило акценты научного поиска. Изучение правовых систем государств, сохраняющих конструктивные отношения с Российской Федерацией, таких как Китай и Беларусь, позволяет выявить альтернативные модели регулирования, потенциально применимые для совершенствования отечественного механизма исполнительного производства, что может способствовать развитию международного правового диалога в новых условиях и обеспечению реальной защиты нарушенных прав человека и гражданина в гражданском процессе.

Цель работы – систематизировать и определить особенности исполнительного производства в зарубежных, дружественных Российской Федерации государствах.

Основная часть. Исполнительное производство, будучи завершающей стадией гражданского процесса, предназначено для принудительной реализации решений суда. В Российской Федерации его основы закреплены в Федеральном законе от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [2], однако законодательного определения данный правовой акт не содержит, однако восполняется доктринальными подходами.

Как справедливо отмечает профессор В.В. Ярков, в широком смысле, сущность исполнительного производства многогранна и может рассматриваться как конкретное дело, стадия процесса и деятельность судебного пристава-исполнителя [3, с. 5]. Целью данной деятельности является правильное и своевременное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а также защита охраняемых законом прав и интересов граждан и организаций. Аналогичный подход к пониманию его природы, но с расширением круга исполняемых актов, демонстрирует В.О. Попова, включая в него решения не только судов, но и иных государственных органов [4, с. 137].

В условиях санкционного давления стран Запада по отношению к России и ряду недружественных действий к ней, сегодня существует

тенденция смещения научного осмысления категорий гражданского процесса. Она выражена изменением перечня стран, примеры которых могут быть полезны для развития исполнительного производства в России.

Для исследования выбраны Китайская Народная Республика (далее – КНР) как важнейший стратегический партнёр России и Республика Беларусь – государство, с которым Россия формирует концепт союзного государства. Законодательство Республики Беларусь, в частности Закон Республики Беларусь от 24.10.2016 № 439-З «Об исполнительном производстве» [5], также детально регламентирует деятельность судебных исполнителей, закрепляя принципы законности, добросовестности и уважения достоинства (ст. 4). Белорусская модель, как и российская, предполагает широкий спектр мер принудительного исполнения, включая арест имущества и ограничение на выезд, однако в меньшей степени, чем в КНР, использует современные цифровые инструменты.

Так, в КНР правовые основы исполнительного производства закреплены в Гражданском процессуальном кодексе КНР (в ред. от 27.06.2017) (далее – ГПК КНР) [6] и специализированном Законе КНР «О судопроизводстве» от 2007 года [7]. Согласно ст. 224 ГПК КНР, исполнение может быть начато по заявлению стороны или по передаче дела судом. Одним из ключевых направлений инноваций в сфере исполнительного производства в Китае является цифровизация процессов. Введение информационных технологий в судебные и исполнительные процессы существенно повысило их эффективность и прозрачность. Одним из примеров является создание в 2013 г. и развитие интегрированной информационной платформы, которая объединяет данные из различных государственных и частных источников, что позволяет судебным приставам оперативно получать необходимую информацию о должниках, их имуществе и финансовом положении.

В 2016 г. Верховный народный суд Китайской Народной Республики инициировал создание «Черного списка недобросовестных должников», который размещается в интернете и доступен для общественности. Включение в этот список влечет за собой значительные ограничения для должника, включая запрет на получение кредитов, покупку недвижимости и билетов на высокоскоростные поезда и самолеты. Попадание в такой список приводит к различным санкциям, включая запрет на использование VIP-услуг, ограничение на получение кредитов и субсидий, а также на участие в государственных закупках. Мера оказалась эффективной в борьбе с недобросовестными должниками, стимулируя их к более ответственному отношению к своим обязательствам, что оказывает значительное давление на должников, способствуя более быстрому исполнению судебных решений.

Как можно заметить, ключевой особенностью является активное внедрение цифровых технологий, включая создание интегрированной информационной платформы и «Черного списка недобросовестных

должников», что создает мощный стимул для добровольного исполнения и значительно повышает эффективность работы судебных исполнителей, наделенных широкими полномочиями по установлению имущества должника.

Заключение. Исследование позволило прийти к выводу, что исполнительное производство в гражданском процессе представляет собой стадию, направленную на обеспечение принудительного исполнения юрисдикционных актов. Анализ опыта дружественных России стран выявил общность фундаментальных принципов с российской системой, существенные различия в степени развития технического обеспечения исполнительного производства как процесса. Мы считаем, что законодательство Китайской Народной Республики демонстрирует передовой опыт интеграции технологий искусственного интеллекта и технологии «блокчейн» для создания прозрачных и эффективных механизмов исполнения. Опыт Китая представляет значительный интерес для возможной адаптации в Российской Федерации с целью преодоления таких системных проблем, как фрагментация информационных ресурсов и недостаточная скорость исполнения.

Список литературы

1. Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-р (ред. от 29.10.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – №3. – ст. 5470.
2. Об исполнительном производстве: Федеральный закон Российской Федерации от 02.10.2007 № 229-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007 – №12. – ст. 349.
3. Ярков В.В. Исполнительное производство: Учебник / под общ. ред. В.В. Яркова – Пенза: 2020. – 127 с.
4. Попова, В.О. Понятие и принципы исполнительного производства / В. О. Попова // Сборник статей конференции. – Пенза: 2023. – С. 137-139.
5. Об исполнительном производстве»: Закон Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З (ред. от 6 января 2021 г.) // Народная газета – 2016. – №12. – ст. 349.
6. Гражданский процессуальный кодекс Китайской Народной Республики, принятый на V заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 9 апреля 1991 г., вступивший в силу 1 апреля 1991 г. (в ред. от 27 июня 2017 г.) // Бюллетень Всекитайского собрания народных представителей. – 2017. – №3. – ст. 5470.
7. О судопроизводстве: Закон Китайской Народной Республики принятый 1 января 2007 г. // Бюллетень Всекитайского собрания народных представителей. – 2023. – №3. – ст. 5470.

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА В ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ ГОСУДАРСТВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА (ЕАЭС): СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Финкина А.П., ORCID 0009-0002-4372-2217,

Заблоцкая Д.А., ORCID 0009-0003-3653-1612

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

finkina_dongu@mail.ru, diana.zab@mail.ru

Введение. В современном мире цифровые технологии играют ключевую роль во всех сферах жизни. Развитие интернета, цифровых платформ и электронного документооборота требует создания эффективного правового регулирования, направленного на защиту цифровых прав граждан. В странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) (Россия, Беларусь, Казахстан, Армения, Киргизия) наблюдается стремительный процесс цифровизации, как обращает внимание в своей работе И.М. Попова, однако регулирование цифровых прав остается фрагментированным [1, с. 128].

В последние годы Россия активно развивает правовое регулирование цифровых отношений, однако процесс этот остается неравномерным и противоречивым. Формирование цифрового права в стране идет по нескольким ключевым направлениям, включая регулирование цифровых активов, персональных данных, смарт-контрактов и цифровых валют. При этом законодательство часто отстает от технологических реалий, создавая правовые коллизии и зоны неопределенности.

Цель исследования – провести сравнительный анализ цифровых прав в правовых системах государств Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Основная часть. Правовой статус цифровых активов в России определяется прежде всего Федеральным законом «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ. При этом криптовалюта, такая как Bitcoin, не признается законным платежным средством, но может быть объектом гражданско-правовых сделок. Законодательство разрешает майнинг, однако его правовой режим остается не до конца проработанным. В частности, отсутствуют четкие правила налогообложения операций с криптовалютами, что создает сложности для предпринимательской деятельности [2, с. 25].

Одним из наиболее значимых проектов в финансовой сфере России является внедрение цифрового рубля – цифровой валюты центрального банка (CBDC). Испытания начались в 2023 году, а полноценный запуск ожидается в 2025-2027 годах. Цифровой рубль позиционируется как третья форма денег наряду с наличными и безналичными средствами. При этом

имеет место конфликт интересов между регуляторами. Центральный банк занимает консервативную позицию, выступая за жесткий контроль над цифровыми активами, тогда как Минфин и IT-сообщество склоняются к более либеральному подходу.

Беларусь создала одну из самых прогрессивных правовых систем для цифровой экономики среди стран СНГ. Особенностью белорусского подхода стало создание благоприятных условий для IT-сектора через Парк высоких технологий (ПВТ). Криптовалюты здесь признаны имуществом, а операции с ними не считаются предпринимательской деятельностью. Примечательно, что до 2023 года действовал налоговый мораторий на такие операции, что сделало страну привлекательной для криптоиндустрии, что верно отмечено в работе Т.В. Моисеевой [3, с. 189].

Белорусское законодательство легализовало майнинг и смарт-контракты, придав последним юридическую силу. Резиденты ПВТ получили исключительные права на создание криптоплатформ и проведение ICO. При этом обмен криптовалют на рубли разрешен только через официальные обменные пункты.

Казахстан демонстрирует взвешенный подход к регулированию цифровой экономики, занимая промежуточную позицию между либеральной Беларусью и более консервативной Россией. Правовая система республики постепенно формирует комплексные механизмы регулирования цифровых активов и технологий.

Ключевым нормативным актом стал Закон Республики Казахстан от 06.02.2023 года № 193-VII ЗРК «О цифровых активах в Республике Казахстан», который заложил основы регулирования криптовалютной индустрии. В отличие от белорусской модели, казахстанский законодатель избрал более осторожный подход. Криптовалюты не признаются платежным средством, но допускаются как объект инвестирования. Особое внимание уделено майнингу – Казахстан входит в топ стран по объемам добычи биткоина, что потребовало создания специального регулирования.

Армения постепенно формирует правовую базу для цифровой экономики, делая акцент на привлечении блокчейн-компаний и IT-стартапов. В отличие от других стран ЕАЭС, здесь выбран гибкий подход к регулированию криптовалют и цифровых технологий, что делает страну привлекательной для инновационных проектов [4, с. 10].

На данный момент здесь пока нет единого закона о цифровых активах, но криптовалюты де-факто легализованы. В 2022 году налоговый кодекс был дополнен положениями, признающими криптоактивы объектом налогообложения, что косвенно подтвердило их правовой статус.

Центральный банк Армении запрещает использование криптовалют в качестве платежного средства, но разрешает инвестиции и торговлю. При этом в стране действует либеральный режим для майнинга – он не требует лицензирования, хотя власти рассматривают возможность введения регулирования из-за роста энергопотребления.

Кыргызстан постепенно формирует правовые рамки для цифровой экономики, балансируя между поддержкой инноваций и финансовым контролем. Принят базовый Закон КР от 21 января 2022 года № 12 «О виртуальных активах», который легализовал криптовалюты как объект гражданского оборота, но запретил их использование в качестве платежного средства. Национальный банк занял консервативную позицию, полностью исключив цифровые валюты из финансовой системы. Особенностью кыргызской модели стало раздельное регулирование: майнинг разрешен при обязательной налоговой регистрации, а для криптобирж планируется ввести лицензирование. В отличие от соседних стран, вопрос о цифровом соме (CBDC) пока остается на стадии изучения без конкретных сроков реализации.

Регулирование персональных данных остается либеральным – закон 2008 года с поправками не требует жесткой локализации, но усиливает защиту информации. Главные проблемы развития цифровых прав связаны с недостатком инфраструктуры и кадров, а также рисками криптовалютных злоупотреблений. Перспективы зависят от модернизации цифровой экосистемы и поиска баланса между инновациями и контролем [5, с. 68].

Заключение. Таким образом, на данный момент страны ЕАЭС имеют разные подходы к защите персональных данных, низкий уровень кибербезопасности и разобщенность законодательных подходов, из-за чего возникает сложность трансграничного взаимодействия в цифровой среде. Гармонизация законодательства и создание единых стандартов позволят обеспечить защиту цифровых прав граждан и способствовать интеграции в цифровой сфере. Совместные меры по кибербезопасности и цифровой идентификации – ключевые направления цифрового сотрудничества в ЕАЭС.

Список литературы

1. Попова И.М. Проблемы реализации цифровой повестки ЕАЭС // Вестник международных организаций, 2021 – Т. 16. – № 1. – С. 127–141. – DOI 10.17323/1996-7845-2021-01-06. – EDN JGEERG.
2. Иноземцев М.И. Цифровое право: в поисках определенности // Digital Law Journal, 2021. – № 1(Том 2). – С. 8-28. – DOI 10.38044/2686-9136-2021-2-1-8-28. – EDN SMPXAY.
3. Моисеева Т.В. Особенности правового регулирования отношений в области цифровой экономики в странах Евразийского экономического союза // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева, 2020. – № 1. – Т.2. – С. 185-193. – EDN URPCVB.
4. Новикова И. В., Равино А. В. Оценка уровня цифровизации в государствах ЕАЭС по показателям достижения целей устойчивого развития // Труды БГТУ. Сер. 5, Экономика и управление. – 2023. – № 1 (268). – С. 5–15. – DOI 10.52065/2520-6877-2023-268-1-1.
5. Андреев В.К. Актуальные проблемы создания единого цифрового пространства ЕАЭС: понятие цифровых прав и их оборотоспособности // Сборник научных статей участников 2 -й Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Н.В. Ступакова. – М., 2019. – С. 65-71. – EDN WLRHTV.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОМЕНННОГО АДАПТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РФ

Финкина А.П., ORCID 0009-0002-4372-2217,

Корнилов И.И., ORCID 0009-0003-6976-3700

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

finkina_dongu@mail.ru, ik5163453@gmail.com

Введение. В последние годы в России – как и в мире – наблюдается ускоренное внедрение методов машинного обучения, в том числе технологий, способных адаптироваться к новым доменам и изменяющимся данным после развертывания (domain-adaptive/continual learning). Политика государства по стимулированию развития искусственного интеллекта (далее – ИИ) формализована в Национальной стратегии развития ИИ до 2030 г. Одновременно отмечается фрагментарность действующего правового регулирования, отсутствие единого федерального закона, специально адресующего динамические (самообучающиеся) модели, и необходимость согласования мер защиты прав субъектов персональных данных с практиками непрерывного обучения моделей [1].

Цель исследования – определить особенности правового регулирования доменного адаптивного обучения систем искусственного интеллекта в РФ, провести сравнительный анализ с зарубежными государствами.

Основная часть. Техническая суть доменной адаптации и её правовые следствия включает в себя то, что доменные адаптивные подходы включают широкий набор методов – от классического transfer learning до современных архитектур, позволяющих выполнять небросовую (unsupervised) или полунезависимую адаптацию на данных целевого домена. Обобщения и классификации методов (transfer/domain adaptation) представлены в крупных обзорах (Pan & Yang), тогда как практические архитектурные решения – например, adversarial domain adaptation с применением градиентного «реверсала» (DANN) или выравнивание корреляций активаций (Deer CORAL) – демонстрируют, как модели учатся быть «невосприимчивыми» к отличиям между доменами, не требуя массовой разметки в целевом домене. Наряду с переносом знаний, развитие направлений «continual/lifelong learning» подчёркивает проблему «catastrophic forgetting» и необходимость механизмов постоянного мониторинга производительности. С технической точки зрения эти свойства означают, что модель в эксплуатации может изменять поведение на новых группах пользователей или в других регионах без формальной

«переподготовки» в классическом смысле, что порождает правовые риски, связанные с прозрачностью, безопасностью и ответственностью [2].

Основные правовые вызовы, вытекающие из природы доменной адаптации заключаются, во-первых, в том, что обработка новых данных для адаптации модели часто включает персональные данные, что требует соответствия требованиям Федерального закона №152-ФЗ «О персональных данных» (легитимность обработки, цели, минимизация и правовые основания), а также особого внимания при кросс-границной передаче данных и при использовании массовых источников. Во-вторых, непрерывная адаптация затрудняет традиционные подходы к верификации и аудиту: классические сертификационные процедуры, основанные на статическом тестировании, не гарантируют сохранение характеристик модели в течение всего жизненного цикла. В-третьих, адаптивность способствует риску ухудшения справедливости и увеличения системной дискриминации в новых доменах: эмпирические и теоретические исследования показывают, что статистические метрики справедливости, обеспеченные в исходном домене, могут не переноситься на целевые домены без специальной коррекции. В-четвёртых, вопросы ответственности и распределения рисков усложняются: обнаружение вреда (ошибки, дискриминация, нарушение безопасности) после того, как модель «самостоятельно» изменила свои параметры, ставит задачу идентификации источника правонарушения – разработчик, оператор, провайдер данных или конечный пользователь [3].

Формирование российской системы регулирования искусственного интеллекта невозможно без анализа международного опыта и существующих отраслевых стандартов. Особое внимание заслуживают зарубежные нормативные инициативы, среди которых выделяются регуляторные подходы Европейского Союза, а также такие важные документы, как AI Act и NIST AI RMF. Указанные документы содержат ценные элементы для развития отечественного регулирования: они предлагают продуманную систему классификации ИИ-приложений с учетом рисков, устанавливают четкие требования к документации и тестированию, регламентируют процедуры пост-маркетингового контроля, а также определяют принципы создания надзорных органов и системы сертификации. Однако следует не забывать, что также необходимо учитывать специфику национального законодательства, включая особенности регулирования персональных данных и функционирования экспериментальных правовых режимов, действующих на территории страны [4].

Во избежание излишне обобщённых рекомендаций ниже перечислены конкретные и взаимосвязанные меры, адаптированные под российскую правовую и институциональную среду.

Сперва предлагается дать чёткое определение и ввести терминологию в законодательство. Необходимо законодательно ввести

определения «доменно-адаптивная система», «модуль адаптации», «порог автономной адаптации», «оператор модели». Оговоренное снизит нормативную неопределённость и позволит соотнести правовые обязанности с реальными ролями и техническими характеристиками.

Также, целесообразно внедрить механизм классификации ИИ-систем по уровню риска с особой позицией для адаптивных моделей, применяемых в таких областях, как медицина, образование, правосудие, безопасность; обязать наносить маркировку и регистрацию высокорисковых адаптивных систем в реестре для последующего мониторинга. Обозначенный подход выровнял бы требования к предразвёртывательной оценке и к пост-развёртывательному мониторингу (по аналогии с положениями AI Act по высокорисковым системам) [5].

Заключение. Таким образом, доменная адаптация и непрерывное обучение открывают значительные технологические преимущества, однако вместе с тем порождают правовые и институциональные вызовы, требующие интегрированного ответа, а именно: сочетания технологической регламентации (MLOps, валидация, архитектурные меры), адекватного статуса персональных данных и ответственности, а также институциональных механизмов надзора и сертификации. Для РФ оптимальной стратегией будет гибкий, риск-ориентированный подход: законодательно определить ключевые понятия и обязанности, использовать экспериментальные правовые режимы для отработки практик и внедрить обязательные механизмы управления жизненным циклом и прозрачности для высокорисковых доменно-адаптивных систем. Представленное создает сочетание, гарантирующее одновременно безопасность прав граждан и развитие национальных технологий.

Список литературы

1. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: утв. Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 41. – Ст. 5700. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003> (дата обращения: 29.09.2025).
2. Pan, S. J. A. Survey on Transfer Learning / S. J. Pan, Q. Yang // IEEE Transactions on Knowledge and Data Engineering. – 2010. – Vol. 22, № 10. – P. 1345–1359. – DOI: 10.1109/TKDE.2009.191. – ISSN 1041-4347.
3. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3451.
4. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (AI Act) // Official Journal of the European Union. – 2024. – L 1689. – P. 1–129. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689> (дата обращения: 29.09.2025).
5. Parisi, G. I. Continual lifelong learning with neural networks: A review / G. I. Parisi, R. Kemker, J. L. Part, C. Kanan, S. Wermter // Neural Networks. – 2019. – Vol. 113. – P. 54–71. – DOI: 10.1016/j.neunet.2019.01.012. – ISSN 0893-6080.

ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ

Шильникова А.А., ORCID 0009-0007-6686-9947

ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. В. Даля», г. Луганск, РФ
a_shilnikov@mail.ru

Введение. В современных реалиях, вопросы, касающиеся внедрения и практического применения передовых технологий, особенно те, которые связаны с системами искусственного интеллекта (далее – ИИ), представляют собой предмет активных обсуждений и имеют первостепенную значимость. Сфера правосудия традиционно считается достаточно консервативной и поэтому внедрение любых новых технологий часто происходит медленно и сопровождается длительными дискуссиями.

Цель работы – рассмотреть возможность применения технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве.

Основная часть. С каждым годом современный мир все больше охватывается процессами информатизации [1]. Раскрывая тему применения искусственного интеллекта в судопроизводстве важно понимать, что искусственный интеллект в данной сфере может использоваться в различных аспектах. Так, искусственный интеллект может применяться как в судебном администрировании, так и непосредственно при осуществлении судопроизводства, ассистируя судьям при анализе фактов для принятия решения или же ассистируя сторонам в деле при формулировании правовой позиции. Более того, есть страны, где ИИ, на основании собственного анализа фактически выносит собственное предыдущее решение.

Так, в мире наблюдается значительное развитие различных систем искусственного интеллекта для помощи практикующим юристам. Например, таких как система Kira, которая использует алгоритмы машинного обучения для быстрого извлечения определенных фрагментов информации из больших массивов документов. Более продвинутыми примерами юридических технологий на основе искусственного интеллекта являются различные аналитические системы, в частности программное обеспечение для прогнозирования перспектив судебных дел. Одним из таких примеров является LexMachina, которая предоставляет прогнозы, основанные на предыдущих решениях, фактах дела и соответствующем законодательстве.

Таким образом, технологии используются юристами при подготовке к делу, разработке позиции и стратегии.

Более того, уже сейчас ИИ может осуществлять большое количество задач, которые выполняет судья или работники суда. Например,

осуществлять поиск и проверять актуальность судебной практики, осуществлять проверку доказательств, осуществлять предварительную проверку процессуальных документов на соответствие законодательным требованиям, вычитывать и проверять грамматические ошибки в проектах судебных решений и тому подобное.

А.К. Нестеренко, президент ассоциации «Некоммерческое партнерство «Объединение корпоративных юристов»», утверждает, что «системы искусственного интеллекта могли бы массово применяться судебной системой, особенно в части рассмотрения типовых дел. Например, взыскание долгов за ЖКХ или просроченных кредитов в большинстве случаев носит типовой характер, т.е. выносятся идентичные по своей сути решения на основании похожих исковых заявлений и заявлений на выдачу судебного приказа, но в различных форматах на усмотрение судьи» [2].

В то же время во многих странах мира ИИ в судопроизводстве уже получил широкое применение. Наиболее прогрессивными в этой сфере являются Китай и США. Так, в Китае недавно Верховный суд обязал всех судей консультироваться с искусственным интеллектом по каждому делу. И если вердикт судьи отличается от рекомендации машины, судья должен предоставить подробное письменное объяснение [3]. Также так называемую прогностическую функцию ИИ активно используют в судебной системе США, например, при избрании меры пресечения или при оценке потенциального рецидива и вынесении приговора. Так, в США благодаря прогностическому кодированию, доступному с помощью искусственного интеллекта, судья может просто ввести соответствующие данные дела, и алгоритм предложит статистическую вероятность рецидива на основе всех соответствующих характеристик этого дела и каждого подобного дела, которое когда-либо рассматривалось в США [4].

То есть можно сделать вывод, что ИИ может выполнять вспомогательную роль, что означает, что эта технология не является полностью автономной и требует участия человека, а проведенный анализ является лишь частичным анализом определенного аспекта судебного процесса. Другой вариант реализации – это полная автоматизация, когда система на основе искусственного интеллекта после ввода данных пользователями осуществляет соответствующий правовой анализ в рамках всего дела, а затем выносит определенное решение. Это решение обычно должно быть одобрено человеком.

Однако, несмотря на пределы применения искусственного интеллекта, важно помнить, что какие бы задачи ни поручались технологии ИИ, первоочередным всегда должно быть соблюдение основополагающих принципов правосудия и, в том числе, принципов по использованию искусственного интеллекта при осуществлении правосудия, которые закреплены в этической хартии по использованию

искусственного интеллекта в судебной системе и ее среде, а именно: 1) принцип соблюдения основных прав человека при использовании ИИ, 2) принцип не дискриминации, 3) принцип качества и безопасности, который касается обработки судебных решений и данных в безопасной технологической среде, 4) принцип прозрачности, беспристрастности и справедливости.

Заключение. Таким образом, несмотря на довольно осторожный подход к применению ИИ в судопроизводстве, такие технологии все чаще применяются как в судах, так и юристами, участвующими в судебных делах. Проведя анализ текущего состояния дел, можем сделать вывод, что, хотя и границы применения ИИ могут очень разниться, в конечном итоге роль ИИ все же является ассистивной. Даже в тех случаях, когда он сам принимает то или иное решение, оно верифицируется человеком, что свидетельствует о его именно ассистивной или иными словами вспомогательной роли.

Технологии ИИ очевидно будут приобретать все более широкое применение в сфере судопроизводства, что потребует разработки и утверждения единых правил, в основе которых должны быть принципы по использованию искусственного интеллекта при осуществлении правосудия, которые закреплены в этической хартии по использованию искусственного интеллекта в судебной системе и ее среде. Несмотря на определенные риски и довольно медленное внедрение и осторожное отношение к ИИ в судопроизводстве, он будет способствовать повышению прозрачности и эффективности судебной системы и в результате будет способствовать минимизации любых внешних воздействий.

Список литературы

1. Шильникова, А. А. Профессиональная этика судей как влияющий фактор на формирование общественного мнения / А. А. Шильникова // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы IX Международной научной конференции, Донецк, 15-17 октября 2024 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2024. – С. 235-237. – EDN GZADJN.
2. Судебный процессор: Правительство обсуждает использование искусственного интеллекта в правовой сфере // Коммерсант. 2017: URL: <https://www.simplawyer.com/wp-content/uploads/Zakon.ru-Legal-Tech-and-lawyersof-the-future.pdf> (дата обращения: 04.09.2025).
3. Chen Stephen China's court AI reaches every corner of justice system, advising judges and streamlining punishment. URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/3185140/chinas-court-ai-reaches-every-corner-justice-system-advising> (дата обращения: 21.09.2025).
4. Kieran Newcomb The Place of Artificial Intelligence in Sentencing Decisions. URL: <https://www.unh.edu/inquiryjournal/blog/2024/03/place-artificial-intelligence-sentencing-decisions> (дата обращения: 21.09.2025).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Ширкова И.В., канд. филос. наук, доц., ORCID 0000-0003-2473-313X
ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»,
г. Ростов-на-Дону, РФ
i-shirkova@yandex.ru

В современных условиях Интернет и информационные сети распространяют свое влияние на экономические и социальные сферы общества и государства. Это влияние носит неоднозначный характер, есть примеры негативных последствий, которые связаны с нарушением прав человека, социальной группы, государства, но в целом внедрение современных цифровых технологий создают обширные возможности для развития нового экономического уклада, международного сотрудничества и конкуренции. С целью преобладания позитивного влияния цифровизации на социально-экономическое развитие страны, необходима правовая оценка происходящих процессов, в том числе и в сфере информационного урегулирования, обеспечивающие суверенитет страны и конкурентоспособности отечественной экономики. Это и обусловило актуальность темы исследования.

Во исполнение Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» [1], а также Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» и № 474 от 21.07.2020 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2030 года» [2], приоритетными задачи которой являются создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанной на гибком подходе во всех сферах социально-экономической деятельности и обеспечение эффективного взаимодействия, включая трансграничное, бизнеса, научно-образовательного сообщества, государства и граждан; создание необходимых и достаточных условий институционального и инфраструктурного характера, устранение имеющихся препятствий и ограничений для создания и развития высокотехнологических бизнесов и недопущение появления новых препятствий и ограничений как в традиционных отраслях экономики, так и в новых отраслях и на высокотехнологичных рынках; повышение конкурентоспособности на

глобальном рынке как отдельных отраслей экономики Российской Федерации, так и экономики в целом.

В целях реализации этих задач разработан федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды», который курирует Министерство экономического развития Российской Федерации в сфере правового регулирования цифровой экономики в таких сферах, как гражданский оборот, финансовые технологии, интеллектуальная собственность, телекоммуникации, судопроизводство и нотариат, стандартизация.

Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 204 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [3] в целях обеспечения устойчивого экономического и социального развития Российской Федерации, определены национальные цели, в том числе по цифровой трансформации государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы и поставлены задачи, выполнение которых должно обеспечить 2030 году «цифровую зрелость» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, предполагающей автоматизацию большей части транзакций в рамках единых отраслевых цифровых платформ и модели управления на основе данных с учетом ускоренного внедрения технологий обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта, а также переход организаций в этих отраслях на использование базового и прикладного российского программного обеспечения в системах, обеспечивающих основные производственные и управленческие процессы; обеспечение сетевого суверенитета и информационной безопасности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, цифровизация – это процесс организации осуществления экономики, производства, энергетики, образования, здравоохранения, сельского хозяйства, финансов, труда, строительства, транспорта, безопасности, культуры, науки и политики с использованием современных цифровых технологий. И в процессе реализации экономической деятельности государства в информационном пространстве, одной из главных задач является сохранение суверенитета.

В эпоху интенсивного технологического развития понятие «суверенитет» все чаще используют, имея в виду технологии, в связи с чем оно интерпретируется на: «технологический суверенитет», «цифровой суверенитет», «сетевой суверенитет» и др., меняя при этом и концептуализацию понятий [4], и рассматривается с точки зрения противоречивых концепций: 1) как сущность государственного суверенитета, а именно обеспечение возможности управления Интернетом и контроля над физическими компонентами инфраструктуры Интернета, как пример

сегментация Интернет, создание национальных подсистем, 2) «выведение» Интернета «из-под контроля», предоставляя ему автономность.

Концепцию цифрового суверенитета Российской Федерации сформулировал Председатель комиссии Совета Федерации по информационной политике и взаимодействию со СМИ А. Пушков на XXVI Петербургском экономическом форуме (16 июня 2023 г.), в его понимании – это не система запретов и отречение от внешнего мира, приводящая к застою и регрессу, а система развития, которая базируется на двух принципах: системное и последовательное развитие, в том числе цифрового пространства и технологий, и конкуренция [5]. Анализ нормативной базы и правоприменительных материалов показывает, что российское законодательство стремится учитывать потребности бизнеса, хотя не всегда успевает за динамичными изменениями экономической среды [6].

Учитывая точку зрения Министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации М. Шадаева, которую он озвучил на открытии второго федерального форума в Якутске «Цифровой алмаз» 25 ноября 2022 года – «если говорить о цифровом суверенитете, то мы его уже достигли...» [7], а также принимая во внимание сформированную нормативно-правовую базу по организации внедрения цифровизации в ключевые отрасли экономики Российской Федерации, и на этом юридическом фундаменте реализацию федеральных проектов «Цифровая трансформация», можно сделать вывод об обеспечении правового регулирования по развитию и контролю над технологическими инновациями как средства поддержания цифрового суверенитета.

Список литературы

1. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы / Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102440918&backlink=1&nd=102431687>
2. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года / Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102468157&ysclid=ml157agbkh461509480>
3. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года / Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 204 // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986>
5. Правовое обеспечение технологического суверенитета России и Беларуси / Ю. А. Амельченя, Т. П. Афонченко, А. А. Богустов [и др.]. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2025. – 434 с. – ISBN 978-5-7904-2909-5
6. Прямой Эфир: «Круглый стол» в рамках ПМЭФ по теме «Цифровая диктатура vs. цифровой суверенитет» / <https://rutube.ru/video/13493783ab3239711bd8017574293734/>
7. Ширкова И. В., Подгайная Е. В. Эволюция договорного процесса экономических отношений: проблемы и перспективы правового регулирования с внедрением искусственного интеллекта // Труды по интеллектуальной собственности

8. (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 54, № 3. С. 92–103; DOI: 10.17323/tis.2025.27968
9. Шадаев заявил, что Россия достигла цифрового суверенитета / ТАСС. – <https://tass.ru/ekonomika/16425311>

УДК 347.627.2

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ БИЗНЕС-АКТИВОВ В РОССИИ: ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ВЫЗОВЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Шубников Ю.Б., д-р юрид. наук,
Еникеева Э.Р., ORCID 0009-0000-2205-3910

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена», г. Санкт-Петербург, РФ
ramilenickeev@yandex.ru

Введение. В современной российской экономико-правовой среде прослеживается явный рост популярности брачных договоров. Эта тенденция вызвана активным вовлечением в имущественный оборот разнообразных активов, таких как ценные бумаги и недвижимость, а также интенсивным развитием предпринимательства [2, с. 148]. Для супругов, которые ведут общий бизнес или владеют крупными личными бизнес-активами, брачный договор выступает важнейшим механизмом защиты от возможных финансовых рисков в случае прекращения брака. Данный тренд является отражением сложного взаимодействия экономических, социальных и психологических факторов, что акцентирует необходимость персонализированного подхода к регулированию имущественных отношений внутри каждой семьи.

Цель работы – анализ роли брачного договора как ключевого инструмента защиты бизнес-активов супругов в условиях современной российской экономико-правовой среды, выявление особенностей его применения, законодательных ограничений и проблем судебной практики, связанных с обеспечением баланса интересов сторон.

Основная часть. История правового регулирования имущественных отношений в области семейного бизнеса началась еще до принятия действующего Семейного кодекса РФ. Возможность договорного регулирования была заложена Законом РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» от 25.12.1990 № 445-1.

Согласно статье 8 этого закона, индивидуальное (семейное) предприятие могло находиться в общей долевой собственности гражданина и членов его семьи, если их соглашением не устанавливалось

иное. Таким образом, данная норма уже на тот момент позволяла супругам заключать договор для определения своих прав в отношении семейного бизнеса [1, с. 14].

В настоящее время брачный договор дает супругам право существенно изменять установленный законом режим совместной собственности, определяя правовую судьбу активов, приобретенных как до заключения брака, так и во время него, а также при его расторжении. Особую значимость это приобретает в контексте ведения предпринимательской деятельности. Например, доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (ООО) или доходы индивидуального предпринимателя (ИП) представляют собой активы, которые при разводе могут быть подвергнуты разделу. Раздел таких активов, особенно доли в корпорации, может создать значительные трудности для функционирования бизнеса. Включение в состав участников корпорации лица, не обладающего необходимыми знаниями, опытом или интересом в ее деятельности, может существенно осложнить, а иногда и парализовать работу организации, препятствуя эффективному принятию решений [1, с. 17].

Для обеспечения защиты доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью в брачный договор можно включить положение, по которому доли в капиталах коммерческих структур и/или доходы, получаемые от них в период брака и при его расторжении, признаются собственностью того из супругов, на чье имя они были приобретены [3]. Такая мера позволяет вывести долю из-под режима совместной собственности, тем самым предотвращая ее раздел.

При этом следует отличать номинальную стоимость доли от ее рыночной стоимости. Номинальная стоимость представляет собой сумму, внесенную в уставный капитал (к примеру, 5000 рублей за 50 % доли при уставном капитале в 10000 рублей), тогда как рыночная стоимость формируется на основе активов, прибыли и долговых обязательств компании и может быть существенно выше [3]. Именно на рыночную стоимость чаще всего претендуют бывшие супруги.

Дополнительным механизмом защиты для ООО выступает устав общества. В нем могут быть предусмотрены ограничения на отчуждение долей третьим лицам, включая супругов, а также требование о получении согласия всех остальных участников общества на вступление нового участника. Таким образом, даже если суд присудит супругу часть доли, исполнение этого решения может быть фактически невозможным без соблюдения уставных требований [3; 4].

В отношении индивидуальных предпринимателей брачный договор также предоставляет возможности для регулирования имущественных отношений. Разделу могут подлежать доходы от ведения бизнеса, финансовые средства на банковских счетах, объекты недвижимости,

драгоценности, а также права и обязанности по различным договорам. Однако сам бизнес как актив, а также деловая репутация предпринимателя или его клиентская база разделу не подлежат [3].

Брачным договором можно установить, что доходы от бизнеса и все активы, купленные в браке, являются собственностью того супруга, на которого они оформлены. Подобный принцип может применяться и к долговым обязательствам: они принадлежат тому из супругов, на чье имя были оформлены [3].

Тем не менее, у данного подхода есть существенный минус: при обращении за ипотечным кредитом банк будет оценивать доходы каждого супруга по отдельности, не рассматривая совокупный семейный доход, что способно уменьшить шансы на одобрение ипотеки [3].

Несмотря на значительную свободу, предоставляемую брачным договором, существуют и серьезные законодательные ограничения. Ключевым из них является запрет на включение условий, ставящих одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. Данное понятие не имеет четкого определения в законе, но именно оно часто становится основанием для оспаривания брачных контрактов в судебном порядке [2, с. 149].

Интерпретация термина «крайне неблагоприятное положение» полностью зависит от усмотрения судьи, при этом даже высшие судебные инстанции не предлагают исчерпывающих разъяснений по этому спорному вопросу, что создает правовую неопределенность [Дубровина, с. 154]. Пример такого потенциально недействительного условия – формулировка «имущество, приобретенное после заключения настоящего договора, будет являться собственностью того супруга, на имя которого оно приобретено».

Если такая конструкция приводит к тому, что один из супругов лишается практически всего имущества, нажитого в браке, а другой приобретает значительные активы, суд может признать такой брачный договор недействительным в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Семейного кодекса Российской Федерации, как это разъяснено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 [1, с. 16; 2, с. 154]. Нотариус, удостоверяющий брачный договор, обязан предупредить супругов о возможности оспаривания сделки, но не может отказать в удостоверении, если условия договора потенциально создают экономическое преимущество для одной стороны, но при этом стороны сознательно выбирают отдельный режим собственности [2, с. 152].

Чтобы брачный договор был признан действительным и не противоречил принципу равенства долей супругов, при закреплении всех бизнес-доходов или самого бизнеса за одним из них крайне важно предусмотреть «компенсирующие» условия для другого супруга. К примеру, можно установить право второго супруга на получение определенной части прибыли от предпринимательской деятельности в качестве его личной собственности [1, с. 17]. Использование такого

механизма помогает сохранить баланс интересов и снижает риск признания договора недействительным.

Судебная практика также указывает на необходимость всестороннего анализа обстоятельств дела. Так, Пospelихинский районный суд Алтайского края в ходе рассмотрения дела о разделе совместно нажитого имущества решил передать бизнес в полное владение супруге, которая была индивидуальным предпринимателем, на том основании, что она продолжала вести эту деятельность и после расторжения брака. Суд учел тот факт, что второй супруг не имел статуса ИП, не обладал специальными знаниями, необходимыми для управления этим бизнесом, и не намеревался им заниматься в будущем [1, с. 18]. Как отмечает Собенина М.А., такой комплексный анализ является обязательным как в случае оспаривания брачного договора, так и при его отсутствии [1, с. 18].

Таким образом, брачный договор является мощным инструментом для структурирования и защиты бизнеса в семейных отношениях. Он позволяет предпринимателям обезопасить свои активы и обеспечить непрерывность бизнес-процессов в случае развода. Однако его разработка требует глубокого понимания правовых норм и судебной практики, поскольку необходимо найти баланс между защитой бизнес-интересов и соблюдением принципов справедливости и равенства супругов. Неучет таких нюансов, как «крайне неблагоприятное положение» одного из супругов, может привести к оспариванию договора и его последующей недействительности, что в конечном итоге нивелирует все преимущества его заключения. Индивидуализированный подход и тщательная проработка каждого условия договора с учетом специфики бизнеса и имущественного положения супругов являются залогом его эффективности и юридической устойчивости.

Список литературы

1. Алёшина, А. В. Правовое регулирование семейного бизнеса посредством брачного договора // Правовое регулирование экономической деятельности. – 2022. – № 3. – С. 14-20.
2. Дубровина, А. Н. Брачный договор супругов-предпринимателей: гарантии соблюдения взаимных интересов и защита прав сторон // Legal Concept. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 148-156.
3. Кочергин, Ю. Как составить брачный договор, если у вас бизнес. – URL: <https://delo.modulbank.ru/all/wedding-contract> (дата обращения: 25.08.2025).
4. Позиции судов по спорным вопросам. Корпоративное право: Брачный договор в отношении доли в уставном капитале ООО. – КонсультантПлюс, 2025. – URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/peredacha_doli_v_ooo_po_brachnomu_dogovoru/ (дата обращения: 27.08.2025).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Российская газета. – 1998. – № 219.

Теория и история государства и права

УДК 340:349.6

ИНФОРМАЦИОННОЕ НАСИЛИЕ, КАК ПОСЯГАТЕЛЬСТВО НА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Бардашевич Н.А., канд. юрид. наук, ORCID 0009-0008-5407-6461
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.bardashevich.donnu.jur@mail.ru

Введение. Сегодня возникают новые направления научных исследований. Одни являются узкоспециальными, другие, наоборот, находятся на стыке различных наук. Так, все большую значимость приобретают «Экология человека» и «Информационная экология» (первая возникла в 70-х гг. XX ст., вторая в 80-90х гг.) [1]. Следить за этими изменениями становится все сложнее, а соответственно это не может не отражаться на качестве правового регулирования.

Цель – в свете новых научных разработок определить отраслевую правовую специфику изучения проблемы насильственного информационного воздействия на психику человека на примере различных видов рекламы.

Основная часть. Как отмечают специалисты, с развитием современных технологий, появляется новый ряд экологических проблем, от успешного разрешения которых зависит судьба человечества. Их формулировкой и поиском решений как раз занимается экология человека – дисциплина в составе общей экологии, тогда, как информационная экология ставит своей задачей распознавание и прогнозирование особенностей воздействия информации на человека и общество [1].

Исследователи выделяют три уровня (порядка) в среде обитания современного человека: первый уровень – это естественная, природная среда, второй – искусственно созданная урбанизированная среда (среда городов, иных поселений и коммуникаций между ними) и средой третьего порядка называют цифровую информационную среду [1]. Разумеется, все они теснейшим образом взаимосвязаны. Именно появление этого третьего уровня (порядка) в среде обитания позволило заговорить о новом типе насилия «цифровом» или «информационном», который в свою очередь предполагает ряд разновидностей, список которых не является исчерпывающим. Сегодня составляются своеобразные словари, включающие в основном иностранную терминологию для наименования в этой сфере деяний, носящих очевидный противоправный характер [2, 3]. Однако феномен информационного (в том числе цифрового) насилия далеко не всегда очевиден. Речь пойдет о рекламе, инфошум которой заполнил улицы городов, а также СМИ, включая сеть «Интернет».

Реклама прочно вошла в нашу жизнь, но ученые все чаще заявляют о ее негативном и даже разрушительном влиянии на психику, особенно нецелевой аудитории. В результате исследования, проведенного в Научном центре психического здоровья РАМН, было выдвинуто предположение, что навязчиво воздействующая на психику агрессивная коммерческая реклама, а также социальная реклама, содержащая сцены насилия, катастроф и пр., могут оказаться существенным фактором, влияющим на обострение психических расстройств. При этом отмечается, что за последние десятилетия уровень психических заболеваний в России вырос более чем в 12 раз. Кроме того, в отличие от коммерческой рекламы социальная реклама часто выполняется в чрезмерно эмоциональном стиле, что теоретически может повлиять на людей с психологическими отклонениями, например, стимулировать их патологические влечения, вызывать обострения, приступы и пр. Не являясь потребителем конкретных рекламируемых товаров и услуг, практически любой человек, независимо от возраста, пола, религиозных убеждений, политических взглядов и др., оказывается «потребителем рекламы» [4]. Группа французских исследователей, изучая воздействие рекламы в интернете, пришла к выводу, что след от нее остается в нашем мозге в течение трех месяцев [5].

Психологи также отмечают опасность резкого прерывания эмоциональных состояний. «Например, — пишет Волов В.В. — человек, смотрящий фильм, эмоционально вовлекается в сюжет, входит в определенное состояние, и рекламный ролик, резко прерывающий процесс восприятия, разрывает целостный процесс Сознания. Разумеется, сюжет рекламы и его эмоциональный контекст не вписывается в контекст переживаний. Это может привести как минимум к патологическим эффектам психо-эмоционального диссонанса» [6]. А различные аспекты информационного стресса, связанного с рекламой, по его мнению, очевидны и бесспорны.

Исследователями проводился анализ эмоций рекламозависимых и рекламозависимых людей на вероятность возникновения нейронеvroза. Из полученных данных следовал вывод, что первые более восприимчивы к неоднозначным, провокационным рекламным материалам, вследствие чего у них появляется больше отрицательных эмоций. Также у них прослеживается более высокая зависимость возникновения нейронеvroза от полярности эмоций, но сама вероятность возникновения нейронеvroзов в той или иной степени прослеживалась в обеих группах [7]. Е.Е. Пронина также указала на психологическую опасность воздействия рекламы на психику человека, как на условие, при котором он перестает адекватно реагировать на жизненные обстоятельства [7]. Кроме того, почти все исследователи подчеркивают особую специфику, и даже опасность, воздействия рекламы на психику детей.

Все это приводит к выводу о необходимости разграничения рекламы на агрессивную (рекламное насилие) и неагрессивную (ненасильственную), о чем упомянул психолог А.М. Несвитский, не совсем корректно разграничив

два вида рекламы: «насильственную» и «ненасильственную». (Первая, по его мнению, представляет собой агрессивный информационный мусор, который проникает в наше подсознание независимо от нашего желания, и эту навязчивую рекламу однозначно следует считать насилием) [6].

Это совпадает с мнением А.В. Столярова, который предложил новый подход к осмыслению феномена информационной свободы как принципа осуществления информационного обмена на основе добровольного согласия всех его непосредственных участников и отсутствия у них обязательств, делающих такой обмен невозможным. По его мнению, информационным насилием над личностью является любое активное действие, нарушающее информационную свободу личности. Под это определение попадает и агрессивная реклама, нарушающая информационную экологию человека и общества, внедряясь в пределы личного пространства индивидов [8].

Заключение. Исходя из сказанного, в свете новых междисциплинарных исследований, можно говорить о необходимости изменения границ предмета науки «Экологическое право» и о появлении новых видов экологических правонарушений, что обусловлено расширяющимся спектром прав человека.

Список литературы

1. Петрова, Е. В. Информационная экология в цифровой среде. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-vozddeystviya-reklamy-na-psihiku-cheloveka> (дата обращения: 25.09 2025).
2. Андрюшенкова, О. М. Современные проявления цифрового насилия в обществе. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-proyavleniya-tsifrovogo-nasiliya-v-obschestve> (дата обращения: 29.09 2025).
3. Воробьева, А. Что такое «доксинг» и «сексторшен»: словарь цифрового насилия. – URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/492411-cto-takoe-doksing-i-sekstorsen-slovar-tsifrovogo-nasilia> (дата обращения: 29.09 2025).
4. Лебедев, А. Н., Гордякова, О. В., Казьмина О. Ю. Влияние рекламы на нецелевые группы потребителей и людей с психической патологией // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2012. – № 4 (8). – С. 53–6. – URL: <https://psy.su/feed/9541/> (дата обращения: 30.09 2025).
5. Заболотская, Е. А. Проблема воздействия визуальной рекламы на психику человека? – URL: <https://na-journal.ru/2-2021-psihologiya/3042-problema-vozddeystviya-vizualnoi-reklamy-na-psihiku-cheloveka> (дата обращения: 29.09 2025).
6. Как реклама влияет на нас? – URL: <https://www.all-psy.com/ks/kak-reklama-vliyaet-na-nas.html> (дата обращения: 29.09 2025).
7. Исакович, Е. И., Чеснавский В. И. Проблема воздействия рекламы на психику человека. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-vozddeystviya-reklamy-na-psihiku-cheloveka>– (дата обращения: 29.09 2025).
8. Столяров, А. В. Информационная свобода и информационное насилие.: дис. ... канд. филос.наук: 09.00.11 / Столяров Андрей Викторович. – М., 2012. – 27с. – URL: [file:///C:/Users/User/Downloads/autoref-informatsionnaya-svoboda-i-informatsionnoe-nasilie%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/autoref-informatsionnaya-svoboda-i-informatsionnoe-nasilie%20(1).pdf) (дата обращения: 29.09.2025).

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кононенко О.В., ORCID 0000-0001-8989-9937

Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства Внутренних дел
Российской Федерации», г. Донецк, РФ
olako@inbox.ru

Введение. Институт мер пресечения является ключевым элементом уголовного процесса, обеспечивающим реализацию целей уголовного преследования при одновременной защите прав и свобод граждан. Исторический путь этого юридического института в Российской Федерации отражает общие тенденции развития правовой системы от карательной практики к наиболее гуманным и процессуально гарантированным процедурам. Важность этого института заставляет законодателя постоянно улучшать правовую основу его применения.

Цель исследования – проанализировать законодательство, регламентировавшее применение мер пресечения в различные исторические периоды и установление закономерностей их развития.

Основная часть. Следует отметить, что обыденное словосочетание «меры пресечения» не всегда использовалось в уголовно-процессуальном праве в том виде, который имеется в настоящее время.

В период обычного права на Руси основным образом социальной организации общества была родовая община. Все её члены были связаны между собой общей трудовой деятельностью и совместным потреблением, основанным на коллективной ответственности и кровном родстве. Это предопределило возникновение меры пресечения как «подым» – поручительство родовой общины, обеспечивающее строгий контроль за каждым её членом.

В XV-XVI веках начинается укрепление публичного права: если ранее правонарушения в основном касались частных интересов, то постепенно правовая система становится более ориентированной на государственные интересы.

Со временем, уголовное право в России прошло через значительные изменения. На смену Русской Правде и Судебникам принято Соборное уложение 1649 года. Согласно положениям Соборного уложения, одной из основных мер пресечения стало тюремное заключение. Срок лишения свободы мог быть строго определен Соборным уложением либо определяться без установленных пределов по усмотрению «на сколько государь скажет». Такая двойственная система создавала риск произвола и зависимости наказания от политической конъюнктуры.

В эпоху правления Петра I (1682-1725 гг.) была отменена мера «отдача за пристава», однако содержание под стражей до суда оставалось наиболее распространенной мерой пресечения, и сроки задержания были значительно длиннее, чем в наше время. Первую попытку сократить время заключения под стражей до судебного разбирательства, в 1731 г. предприняла Анна Иоанновна, издала указ, предписывающий ускорить завершение судебных процессов под угрозой штрафа.

Вопрос длительного содержания арестованных продолжали поднимать и последующие императоры. Екатерина II, вдохновленная идеями Просвещения, в 1767 г. приняла «Наказ о градском благочинии», в котором впервые была озвучена идея о различии целей государственного принуждения и уголовного наказания, что требовало сокращения сроков содержания под стражей. Екатерина II также настаивала на необходимости предварительного допроса подозреваемых и ясного изложения обвинений.

При правлении Александра I (1801-1825 гг.) продолжилась работа по гуманизации уголовного процесса. Были изданы указы, включая «Об отмене пыток», а также установлены новые меры пресечения и порядок их применения, что, в свою очередь, помогло улучшить правоприменение. Однако статистика оставалась ограниченной, и реальное количество арестованных могло значительно превышать официальные данные.

В 1864 г. был принят Устав уголовного судопроизводства [1], который регламентировал не только рассмотрение уголовных дел, но и проведение досудебного производства, в том числе предусматривал возможность избрания на досудебной стадии «меры пресечения возможности обвиняемому уклонения от следствия и суда» [1].

Таким образом, в российском имперском праве меры пресечения формировались под влиянием норм римско-германской традиции и отечественной судопроизводственной практики. Доминировала репрессивная модель, представляющая собой значительную долю предварительного заключения, ограниченные процессуальные гарантии для обвиняемых.

Принятый 25 мая 1922 г. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР как и Устав уголовного судопроизводства 1864 г., к сожалению, не давал понятия «мер пресечения», однако предусмотрел их виды: «подписка о невыезде; поручительство личное и имущественное; залог; домашний арест; заключение под стражу». Следует обратить внимание, что указанные меры пресечения могли быть избраны, изменены или отменены только с санкции прокурора.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, принятый 15 февраля 1923 г., не внес каких-либо изменений в уголовно-процессуальное законодательство. Нормы УПК 1923 г. закрепляли те же самые меры пресечения, как и УПК 1922 г., не содержали нормативного определения понятия «мер пресечения», устанавливали применение мер пресечения с согласия прокурора на досудебной стадии по уголовному делу.

27 октября 1960 г. был принят Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, который, с одной стороны, расширил перечень мер пресечения (подписка о невыезде; личное поручительство; заключение под стражу; наблюдение за военнослужащими командования воинских частей); но с другой стороны, исключил нормы закона, предусматривающие возможность избрания домашнего ареста и залога, а также закрепил возможность продления срока содержания под стражей обвиняемых. Представляется, к такому выводу законодатель пришел в связи с тем, что залог и домашний арест в советское время избирались крайне редко.

Однако УПК 1960 г. также не раскрывал понятия «меры пресечения».

Вместе с тем действующий УПК РФ, в отличие от УПК 1960 г., закрепил несколько иные основания для избрания меры пресечения, предусмотрел большее количество мер пресечения, установил схожие обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения, однако не дал понятия «мерам пресечения».

Заключение. Действительно, в XIX веке меры пресечения были направлены преимущественно на предотвращение уклонения обвиняемого от следствия и суда. Однако, на современном этапе понятие мер пресечения расширилось. Теперь они включают не только предотвращение уклонения от следствия и суда, но и обеспечение надлежащего поведения обвиняемого.

История развития института мер пресечения в Российской Федерации отражает движение от репрессивных практик к более взвешенной, процессуально гарантирующей модели. Принятие УПК РФ 2001 года и последующие реформы заложили основу для гуманизации и укрепления правовой защиты обвиняемых, однако остаются системные вызовы, требующие дальнейших законодательных и практических мер. Эффективное сочетание судебного контроля, развития альтернатив лишению свободы и внедрения технологий при строгих гарантиях прав личности представляется ключевым направлением дальнейшего совершенствования института.

Список литературы

1. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1984–1994. – Т. 8. – 495 с.
2. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2017. – 1280 с. ISBN 978-5-8354-1335-52.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Р.С.Ф.С.Р.: принят Постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. / СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3551#hvhivyUjWreu39I6> (дата обращения: 29.09 2025).

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД

Коробейникова К.В., канд. экон. наук, ORCID 0009-0000-7972-114X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
k.korobeinikova@bk.ru

Введение. В эпоху стремительной цифровизации, когда информация и коммуникация переплетаются в виртуальном пространстве, правовое воспитание и обучение приобретают особую актуальность. Традиционные методы освоения правовых знаний трансформируются под влиянием цифровой среды, требуя переосмысления теоретико-правовых подходов.

Цифровая среда, с её доступностью информации, скоростью распространения и интерактивностью, оказывает значительное влияние на формирование правосознания граждан. С одной стороны, она предоставляет широкие возможности для получения правовой информации, участия в онлайн-консультациях и обсуждениях правовых вопросов. С другой стороны, цифровая среда является источником дезинформации, онлайн-травли, мошенничества и других угроз, требующих от граждан осознанного и ответственного поведения.

Цель исследования раскрыть теоретико-правовые аспекты и особенности правового воспитания и обучения в цифровой среде.

Основная часть. Теоретико-правовой подход к правовому воспитанию в цифровой среде предполагает акцент на понимании сущности права, его принципов и ценностей. Е. М. Зорина подчеркивает, что необходимо формировать критическое мышление, способность анализировать и оценивать правовые явления в контексте цифровой реальности [1, с. 279]. Важно не просто механическое заучивание норм, а осознание их социальной значимости и умения применять их на практике в онлайн-пространстве.

Для эффективного правового воспитания в цифровой среде требуется интеграция традиционных методов и инновационных технологий. Необходимо разрабатывать методики, учитывающие специфику цифрового поколения, его потребности и интересы. Важно создавать интерактивные образовательные ресурсы, стимулирующие активное участие обучающихся в процессе освоения правовых знаний. Правовое воспитание должно стать неотъемлемой частью цифровой культуры, способствуя формированию правосознания и уважения к закону в онлайн-сообществах.

С. А. Нелюбов, Ю. М. Перевозкина, Е. А. Пушкарева отмечают, что в этой связи, становится особенно важным формирование у граждан навыков

цифровой грамотности и кибербезопасности [2, с. 18]. Правовое обучение должно охватывать вопросы защиты персональных данных, противодействия кибербуллингу, а также осознанного использования социальных сетей. Необходимо разъяснять ответственность за совершение правонарушений в цифровой среде и учить безопасному поведению в интернете.

Теоретико-правовой анализ проблем правового воспитания в цифровой среде требует учитывать этические аспекты использования информационных технологий. Важно обсуждать с обучающимися вопросы моральной ответственности за свои действия в интернете, уважения прав и свобод других пользователей, а также недопустимости распространения ненависти и дискриминации. Для эффективной реализации правового воспитания в цифровой среде необходимо активное взаимодействие образовательных учреждений, юридических сообществ, правоохранительных органов и IT-компаний. Представляется целесообразным разрабатывать совместные образовательные программы, проводить тренинги и семинары для педагогов, а также создавать платформы для обмена опытом и лучшими практиками.

Правовое воспитание и обучение в условиях цифровой среды, отмечает Г.А.Грищенко, должно противодействовать деструктивной информации, способствовать формированию правовой культуры граждан, способных эффективно защищать свои права и свободы в онлайн-пространстве, уважать закон и соблюдать этические нормы поведения в цифровом обществе [3, с. 25]. Это залог построения безопасного и справедливого цифрового будущего, где право играет роль гаранта защиты интересов личности и общества.

В рамках теоретико-правового подхода к правовому воспитанию и обучению в цифровой среде необходимо учитывать следующие аспекты: формированию уважительного отношения к праву, осознания необходимости соблюдения законов и правил поведения в цифровой среде, обучение навыкам защиты персональных данных, распознавания фейковой информации, критического восприятия контента в сети интернет, формирование ответственности за свои действия в цифровой среде, противодействие кибербуллингу и экстремизму. Важно также изучение возможностей использования электронных государственных услуг, понимание прав и обязанностей граждан в цифровом взаимодействии с органами власти.

Развитие цифровой экономики и повсеместное проникновение информационных технологий в повседневную жизнь ставят перед системой правового воспитания новые вызовы. Традиционные методы и подходы становятся недостаточными для формирования полноценной правовой культуры в цифровой среде. О.С. Денисова отмечает, что необходимо разрабатывать и внедрять инновационные формы и методы обучения, учитывающие специфику онлайн-пространства и особенности

восприятия информации современным поколением [4, с. 353]. Одним из перспективных направлений является использование интерактивных образовательных платформ, онлайн-игр и симуляций, позволяющих обучающимся на практике осваивать правовые навыки и разбирать конкретные ситуации, возникающие в цифровом мире. Важно также активно использовать возможности социальных сетей и мессенджеров для распространения правовой информации и организации дискуссий по актуальным правовым вопросам.

Необходимо уделять особое внимание подготовке педагогических кадров, способных эффективно осуществлять правовое воспитание в цифровой среде. Педагоги должны обладать не только знаниями в области права, но и компетенциями в сфере информационных технологий, а также уметь применять современные образовательные методики. Важно также привлекать к правовому воспитанию экспертов в области кибербезопасности, юристов и представителей правоохранительных органов.

Заключение, Правовое воспитание в цифровой среде – это непрерывный процесс, требующий постоянного совершенствования и адаптации к изменяющимся условиям. Оно требует комплексного теоретико-правового подхода и активного использования современных образовательных технологий. Необходимо учитывать специфику цифровой среды, ее возможности и вызовы, разрабатывать эффективные методы и формы правового обучения, направленные на формирование правовой культуры, повышение цифровой грамотности и защиту прав и свобод граждан в цифровом пространстве. Эффективное правовое воспитание и обучение в условиях цифровой среды – это не только передача знаний, но и формирование у граждан активной позиции, ответственности и готовности к защите своих прав и законных интересов в цифровом мире.

Список литературы

1. Зорина, Е. М. Концептуальная модель развития правовой культуры студента в информационной среде педагогических опор / Е. М. Зорина // Современное педагогическое образование. – 2025. – № 7. – С. 279-286.
2. Нелюбов, С. А. Национальная система образования: актуальные проблемы теории и практики / С. А. Нелюбов, Ю. М. Перевозкина, Е. А. Пушкарева. – Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 2025. – 156 с. – ISBN 978-5-00226-197-0
3. Грищенко, Г. А. Проблемы правового регулирования деструктивной информации / Г. А. Грищенко, В. Д. Никишин // Организация работы по предупреждению деструктивной идеологии в подростковой среде : Материалы научно-практической конференции, Москва, 20 декабря 2024 года. – Москва: Московская академия следственного комитета, 2025. – С. 24-27.
4. Денисова, О. С. Духовно-нравственное воспитание личности как задача образовательной политики в современной России / О. С. Денисова, Е. В. Елисеева // Эпоха науки. – 2025. – № 42. – С. 353-358.

К ВОПРОСУ ОБ ОСПАРИВАНИИ ПОРУЧЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА И ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кусакин А.А., ORCID 0000-0003-2571-9778

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, РФ
mr.kusakin@mail.ru

Введение. На сегодняшний день поручения Президента и Правительства Российской Федерации (далее – РФ) стали неотъемлемой частью системы управления высших органов государственной власти России, что подтверждается количеством изданных к 2025 году поручений – за 2024 год только поручений Президента РФ издано более 1 200 единиц. Поручения играют важнейшую роль не только в правовой, но и в политической жизни России, являясь ключевым инструментом осуществления той или иной политики, как в отношении всего общества, так и в отношении самых разнообразных сфер его жизни.

При этом в настоящее время отсутствует установленная законом процедура оспаривания поручений Президента и Правительства РФ, непосредственно затрагивающих разрешение прав и обязанностей субъектов-адресатов поручений, что не согласуется с конституционным принципом возможности лица защищать свои права, свободы и законные интересы любым дозволенным способом. Вместе с тем, судебные органы, вплоть до Верховного Суда РФ, отказывают в оспаривании поручений по различным основаниям (Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 04.03.2019 по делу № А14-9477/2018, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.11.2018 по делу № А40-145198/2018, Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 04.03.2019 по делу № А14-9477/2018, Определение Верховного Суда РФ от 14.06.2001 № КАС01-189, Определение Верховного Суда РФ от 05.11.2002 № КАС02-560).

Цель настоящей работы – выявить возможность или отсутствие возможности оспаривания поручений Президента и Правительства РФ сквозь призму институтов современной отечественной правовой системы, а также предложить авторские поправки в действующее законодательства РФ в случае выявления отсутствия такой возможности.

Основная часть. Действующее законодательство РФ предусматривает возможность оспаривания нормативных и ненормативных актов Президента и Правительства РФ, что, однако, не может являться гарантией наличия возможности оспаривания и поручений указанных органов публичной власти. Кодекс административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ) и Арбитражный процессуальный кодекс РФ (далее – АПК РФ) не

предусматривают в качестве объекта оспаривания поручения Президента и Правительства РФ. Более того, из действующих разъяснений Верховного Суда РФ по оспариванию нормативных и ненормативных правовых актов органов публичной власти следует, что таких объектов оспаривания, как поручений Президента или Правительства РФ, для действующего нормативного правового регулирования не существует [1; 2].

Также стоит вспомнить упоминаемую ранее судебную практику, в которой суды отрицательно высказываются о возможности оспаривания поручений Президента или Правительства РФ как самостоятельных управленческих решений в форме правовых актов. Судами отмечается, что они не могут выступать в качестве управленческих решений, облеченных в форму правовых актов, непосредственно затрагивающих права и законные интересы участников правоотношений (например, поручений о проведении внеплановой проверки).

Однако стоит помнить о том, что поручение создает основание для принятия решения уполномоченного органа о проведении проверки, что обуславливает возможность оспаривания такого поручения, как проверяемым лицом, так и проверяющим органом.

В литературе в настоящее время нет анализа того, как оспаривать поручения Президента и Правительства РФ. Говоря об оспаривании поручений, авторы уделяют внимание вопросам оспаривания поручений руководителя госслужащего [3], при этом, по всей видимости, существование письменных и устных поручений дает основания делить данные категории споров на оспаривание ненормативного акта в первом случае и действия во втором.

Такое деление не способствует эффективности оспаривания одного и того же феномена, выраженного в разных формах, поскольку в литературе отмечает разная природа таких объектов оспаривания [4, с. 8-9], что прямо вытекает из их правовой природы и процессуальных последствий. Также по итогам рассмотрения дела наступают различные последствия для оспоренного ненормативного акта и для оспоренного действия органа публичной власти [5].

Поручения Президента и Правительства РФ нельзя отнести к категориям нормативных и ненормативных актов в чистом виде, как и называть действиями, поскольку это противоречит их особой правовой природе.

Также поручения в правоприменительной практике современной России нередко определяются как правовые акты, что указывает на потенциальную возможность их оспаривания как правовых актов органов публичной власти, не являющихся нормативными либо правоприменительными в чистом виде.

Заключение. По окончании исследования стоит сделать вывод о том, что в настоящее время отечественное законодательство не предполагает

процедуры оспаривания поручений Президента и Правительства РФ. В связи с этим предлагается:

1. Дополнить КАС РФ и АПК РФ главами «Оспаривание поручений Президента и Правительства РФ» – глава 21.1 КАС РФ и глава 23.1 АПК РФ соответственно.

2. Надлежащим истцом по делу обозначить субъекта, которому предписано непосредственное исполнение поручения.

3. В качестве результата разрешения дела указать на возможность суда заблокировать исполнение поручения его непосредственным исполнителем.

4. Если во исполнение поручения приняты нормативные правовые акты, они утраивают силу одновременно со вступлением решения суда в законную силу, ненормативные правовые акты, принятые на основании поручения, автоматически признаются недействительными.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства РФ и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9.
4. Лукьянов, В. А., Очаковский, В. А. Оспаривание неправомерных устных поручений руководителя на государственной гражданской службе РФ // Научное обеспечение агропромышленного комплекса : Сборник статей по материалам 79-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2023 год. В 2-х частях, Краснодар, 25 апреля 2024 года. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2024. – С. 894-896. – EDN YTXTGZ.
5. Гатин, А. А. Производство по делам об оспаривании ненормативных правовых актов, решений, действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих в гражданском и арбитражном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Гатин Айрат Ахмадуллович; [Место защиты: Сарат. гос. акад. права]. – Саратов, 2011. – 22 с.
6. Волков, А. М. Административно-процессуальное право : учебник для вузов / А.М. Волков, Е.А. Лютягина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 299 с. – ISBN 978-5-534-17429-8. – Текст электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/568069> (дата обращения: 19.09.2025).

К ВОПРОСУ О «ПРЕЗУМПЦИИ СОГЛАСИЯ» ПОСМЕРТНОГО ДОНОРСТВА ОРГАНОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Лещенко И.И., канд. ист. наук, доц., ORCID 0009-0007-3794-141X,
Костюк А.Д.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ira_leshenko@mail.ru

Введение. Посмертное донорство органов представляет собой совершенный метод лечения, благодаря которому жизнь многих людей может быть спасена. Важность донорства определяется его способностью спасать жизни, однако для его эффективной реализации необходимо надлежащее правовое регулирование. Конституционные основы регулирования донорства в Российской Федерации основываются на праве на личную неприкосновенность (ст. 22) [1], а федеральное законодательство определяет условия для осуществления трансплантации. Тем не менее, на сегодняшний день остается неурегулированной проблема отказа на изъятие органов и тканей умершего при посмертном донорстве.

Цель работы – анализ презумпции согласия посмертного донорства органов и иных анатомических материалов человека.

Основная часть. Институт посмертного донорства в Российской Федерации берет начало с принятием Постановления СНК СССР от 15 сентября 1937 года № 1607 «О порядке проведения медицинских операций», разрешившим медицинским учреждениям использовать трупы умерших лиц в учебных целях и для проведения трансплантации органов [5]. Затем, Закон Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22 декабря 1992 года № 4180-1 закрепил «презумпцию согласия» всех граждан государства [2].

В условиях постоянного дефицита донорских органов важность правовых основ извлечения органов и тканей из тела умершего человека становится все более очевидной. Так, в соответствии с Инструкцией о порядке изъятия органов человека у доноров-трупов, утвержденной Приказом Минздрава России от 10 августа 1993 года № 189, процесс изъятия возможен лишь в лицензированных государственных медицинских учреждениях, прошедших экспертизу [3]. Основное требование к таким заведениям заключается в наличии условий для констатации смерти на основании диагноза смерти мозга.

Пересадка органов от умерших остается наиболее распространенным методом донорства органов и трансплантации. Однако, несмотря на очевидность процедур, существуют сложные вопросы, связанные с личными правами человека. Проблемы донорства органов не

ограничиваются медицинскими аспектами, поскольку затрагивают фундаментальные правовые, моральные и этические аспекты. В этом контексте важными являются положения ст.ст. 20 и 21 Конституции Российской Федерации, провозглашающие право на жизнь и личную неприкосновенность. На сегодняшний день, согласно ст. 47 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ, каждое совершеннолетнее дееспособное лицо имеет право предоставить письменное согласие или несогласие на донорство органов и иных анатомических материалов после смерти. При отсутствии такого заявления, согласие могут дать супруги или родственники, ранее проживавшие с умершим лицом. В случаях с несовершеннолетними или ограниченно дееспособными лицами, согласие на донорство предоставляют их законные представители [4]. Вместе с тем, во время принятия решения о донорстве родственники часто дают отказ ввиду нахождения в сложном психологическом состоянии.

Согласие на донорство органов умершего является важным аспектом в области трансплантологии, рассматриваемой через призму двух основных систем: «презумпция согласия» и «презумпция несогласия». Презумпции обеспечивают право человека на донорство его органов после смерти, а также обеспечивает возможность отказа от такого решения. «Презумпция согласия» действует в Российской Федерации, Хорватии, Словакии, Австрии, в то время как «презумпция несогласия» закреплена в законодательстве Румынии, Японии, Кореи и др.

Отечественная модель «презумпции согласия» на изъятие органов у умерших провозглашает: органы могут быть изъяты, если лицо при жизни не высказывало возражений, а в последующем родственники не обращались с возражениями. Как отмечает А.М. Порядина, «презумпция согласия» основана на необходимости уменьшить душевные страдания родственников [7, с. 119]. Несмотря на это, концепция «презумпции согласия» вызывает споры в научной доктрине. Так, по мнению Э.П. Полусмака, «презумпция согласия» нарушает принципы индивидуальной свободы и автономии, подвергая риску права личности [8, с. 150]. С.А. Юрченко утверждает: удаление органов без явного согласия является этически сомнительным [9, с. 44].

Согласно ст. 23 Конституции Российской Федерации, законодатель обязан обеспечить уважение к волеизъявлению лица, касающееся его личной жизни, включая вопросы после смерти. Вместе с тем, Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 10 февраля 2016 года отметил важность учета мнения родственников умершего в вопросах, касающихся его посмертных прав [6]. Отсутствие правового механизма для реализации права на отказ от изъятия органов оставляет открытым вопрос об эффективности презумпции согласия. Таким образом, на сегодняшний день следует констатировать отсутствие

правового регулирования по фиксации волеизъявления относительно несогласия на изъятие органов.

Заключение. Освещенные аспекты посмертного донорства позволяют отметить необходимость усовершенствования правового регулирования в Российской Федерации. Закрепленная законодателем «презумпция согласия» на изъятие органов вызывает сомнения относительно гарантирования прав на личную неприкосновенность. На наш взгляд, важность учета мнения родственников умершего предполагает разработку правового механизма для эффективной реализации данного права. К тому же, отсутствие надлежащих процедур для фиксации несогласия на донорство органов затрудняет на сегодняшний день эффективную реализацию механизма «презумпции согласия».

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // «Российская газета». – 25.1.1993. – № 237 (853). – Ст. 22.
2. О трансплантации органов и (или) тканей человека: закон Российской Федерации от 22 декабря 1992 года № 4180-1 // «Ведомости СНД РФ и ВС РФ». – 14.02.1993. – № 2. – Ст. 62.
3. О дальнейшем развитии и совершенствовании трансплантологической помощи населению Российской Федерации: приказ Минздрава России от 10.08.1993 № 189 (с изм. от 13.03.1995) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req> (дата обращения: 25.09.2025).
4. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // «Собрание законодательства РФ». – 28.11.2011. – № 48. – Ст. 47.
5. О порядке проведения медицинских операций: постановление СНК СССР от 15.09.1937 № 1607 // «Собрание законодательства СССР». – 1937. – № 62. – Ст. 274.
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека»: Определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2016 года № 224-О // СПС «ГАРАНТ». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc> (дата обращения: 25.09.2025)
7. Порядина, А. М. Этические проблемы посмертного донорства: презумпция согласия vs презумпция несогласия / А. М. Порядина // Научный альманах. – 2020. – № 4-3 (66). – С. 117-120.
8. Полусмак, Э. П. Отношение к презумпции согласия в трансплантологии современной молодежи / Э. П. Полусмак // Научный альманах. – 2021. – № 5-2 (79). – С. 148-151.
9. Юрченко, С. А. Презумпция согласия и несогласия на трансплантацию органов и тканей / С. А. Юрченко // Интернаука. – 2023. – № 41-3 (311). – С. 43-45.

**ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ЗАКОНА И БЛАГОДАТИ
В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ ТРАКТАТЕ ИЛАРИОНА
«СЛОВО О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ»**

Лещенко И.И., канд. ист. наук, доц., ORCID 0009-0007-3794-141X
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ira_leshenko@mail.ru

Введение. «Слово о Законе и Благодати» считается первым политико-правовым трактатом, созданным Киевским митрополитом Иларионом, и признано лучшим образцом древнерусских памятников и, по определению академика Д.С. Лихачёва, «в своём роде единственным произведением» [1], которому не было аналога даже в Византии. Оно является уникальным и универсальным в силу своего, как неповторимого синтеза богословских и политико-правовых идей, философских рассуждений и исторических фактов, так и своеобразного концептуального изложения всемирной истории и оформления особенной миссии Русского христианского государства в соответствии с оригинальной композицией с трёхчастной структурой и логическим построением от общего к частному.

Целью является определение основных проблем соотношения закона и благодати в трактате Илариона для обоснования значений терминов закон, правда, благодать и Истина.

Основная часть. Современные учёные (например, В.А. Хотак, А.Н. Ужанков, Д.Р. Погосбеян, О.Б. Сокуров, Дж. Дзиффер, А.А. Попов, С.М. Мальцев и другие) исследовали такие вопросы, как становление национального самосознания, формирование русской национальной идеи, процесс формирования русской политической мысли в историческом аспекте, а также принципы библейской риторики. В 2003 году впервые «Слову» было посвящено фундаментальное диссертационное политико-правовое исследование Д.Р. Погосбеяна на тему: «Политические и правовые идеи в «Слове о Законе и Благодати» Илариона – митрополита Киевского XI в., что подтверждает его актуальность и универсальную ценность [2].

Общепринятая в научной среде структура «Слова» представлена скомпонованной из трёх частей композицией, каждая из которых имеет свой смысл и одновременно находится во взаимосвязи и иерархическом построении и объединённые общей идеей – прославление Русской земли и русского народа. В первой части содержались рассуждения богословского характера (соотношение иудейского Закона и христианской Благодати); во второй – приход христианства на русскую землю, а в третьей – похвала крестителю Руси князю Владимиру. Эта градация условная, в тексте специально не выделена и не обозначена названием.

Лейтмотивом трактата является *соотношение Закона и Благодати*, в понимании которого заключён смысл существования, как всемирной истории человечества, так и смены религий от язычества к христианству с его главной миссией спасения человека.

Изучая вопрос соотношения закона и благодати, необходимо обратить внимание на следующие аспекты:

Во-первых, данное соотношение Закона и Благодати не было новизной, введённой Иларионом, а предметно изучалось многими христианскими мыслителями средневековья. Например, Фома Аквинский, рассматривая данное соотношение, не отождествлял закон с благодатью. Блаженный Августин утверждал, что для исполнения закона необходима благодать. Согласно теории синергии Иоанна Кассиана, для спасения человека необходимо участие и закона, и благодати. Однако интерпретация Илариона указанного соотношения была особенной с акцентами его значимости для Русского государства.

Во-вторых, учёные по-разному трактовали проблему противопоставления Закона и Благодати: одни указывали на их противопоставление (антитезу), другие – на их последовательность. Противоречий здесь нет, при условии правильного толкования этих понятий: Закон и Благодать находятся в противопоставлении и одновременно в последовательности, что очевидно из самого текста. Есть ещё одна позиция, которую определял В.А. Рогов, согласно которой оппонентов обвиняли в приверженности к идее противопоставления *с взаимоисключением*. В частности он, ссылаясь на А.Ф. Замалеева, приписывая ему версию, по которой закон и благодать якобы «полностью исключают друг друга» [3, с. 183]. И как аргумент привёл его цитату «закон не облагораживает, не очищает, а только плодит зависть и тяжбы, гнев и преступления» [4, с. 47].

В.А. Рогов отмечал, что вопрос о приоритетах данных категорий «не должен решаться посредством их взаимоисключения» [3, с. 182]. Само суждение правильное, только его пример с А.Ф. Замалеевым ошибочный. А.Ф. Замалеев в своём труде «Мыслители Киевской Руси» 1981 г. не писал об их исключении, а к вышеизложенной мысли лишь добавил, что «это отнюдь не означает отсутствие связи между ними; закон дан богом на «приуготование истины и благодати», «Закон противостоит благодати, искажает её» [4, с. 46, 48].

По мнению святоотеческих богословов, сам метод противопоставления двух указанных категорий ошибочен, так как это не антитеза, а единое целое. Например, Блаженный Феодорит Кирский (IV в.) объяснял, что «Господь своими законоположениями ясно поучает, что Он не разоряет ветхозаветное, но вводит страх в образ жизни», они исходят из одного божественного источника и это разные «возрасты» одного учения [5, с. 53-54].

В-третьих, автор представил другую модель всемирно-исторического развития, согласно которой, как отмечал Г.А. Лемешко,

«история человечества движется через смену форм религий». На смену античному язычеству с культами многобожия пришло христианство с верой в единого Бога-Творца [6, с. 51].

Смену рабского в духовном состоянии, характерном для античности, свободой христианского мира Иларион аргументировал соотношением Ветхого и Нового Завета. А.Ф. Замалеев писал: «Закон сменяется благодатью, рабство – свободой. В этом суть развития человеческой истории» [4, с. 47].

В-четвёртых, рассматривая соотношение нравственного и правового аспектов, исследователи отмечали их взаимосвязь, но была оговорка в сторону, по мнению Н.М. Золотухиной, «предпочтения нравственных критериев при определении формы поведения человека в обществе «над законом» [7, с. 12-13].

Заключение. Соотношение Закона и Благодати представлено во взаимообусловленности, взаимозависимости и определённой последовательности, аргументированная характеристика которой стала концептуальной основой политико-правовых воззрений Илариона. Устанавливая строгую последовательность, при которой прежде Закон, а потом Благодать. Закон дан через Моисея, Благодать и Истина – через Христа. Истина дана людям в восприятие через закон, поэтому оба понятия не столько противопоставлены друг другу, сколько взаимообусловлены. Иларион противопоставил несовершенный материальный мир духовному совершенному миру. Благодать выше Закона.

Список литературы

1. Лихачёв, Д. С. «Слово о Законе и Благодати» Илариона. 2009.. – URL: <https://omiliya.org/article/slovo-o-zakone-i-blagodati-ilariona-d-s-likhachev.html?ysclid=mg83slgr8e664733300> (дата обращения: 29.08.2025).
2. Погосбекян, Д. Р. Политические и правовые идеи в «Слове о Законе и Благодати» Илариона митрополита Киевского. – URL: <https://www.file:///D:/загрузки%20универ/Pogosbekyan.pdf> (дата обращения: 29.08.2025).
3. Рогов, В. А., Рогов В. В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (Очерки IX-середины XV вв.). – М.: МГИУ, 2006. – 269 с.
4. Замалеев, А. Ф., Зоц В. А. Мыслители Киевской Руси / А.Ф. Замалеев, В.А.Зоц. – Киев: Издательство при Киевском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 1981. – 159 с.
5. Творения блаж. Феодорита, епископа Кирского. – М., 2003. – URL: <https://predanie.ru/book/68240-tvoreniya/> (дата обращения: 29.08.2025).
7. Лемешко Г. А. Становление историософских идей в Древней Руси: «Слово о Законе и Благодати» Митрополита Илариона // Культура и цивилизация. – 2015. – вып. №1-2(2) – С. 50-54. / Киберленинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-istoriosofskih-idey-v-drevney-rusi-slovo-o-zakone-i-blagodati-mitropolita-ilariona/viewer> (дата обращения: 29.08.2025).
8. Золотухина, Н. М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. – М. 1985. – URL: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/Z/ZOLOTUHINA_.\(1985\).pdf](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/Z/ZOLOTUHINA_.(1985).pdf) (дата обращения: 29.08.2025).

К ВОПРОСУ О ВЫСШЕМ ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В ЮЖНОМ И СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГАХ

Лобанов В.Б., канд. ист. наук, доц., ORCID 0000-0001-9608-6619

Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия им. В. М. Лебедева», г. Санкт-Петербург, РФ
lobanov2024@yandex.ru

Введение. Стоит отметить, что широкая сеть высшего образования, в том числе юридической направленности, появилась в регионах юга России в советский период отечественной истории. Первоначально юридические образовательные учреждения на территории нынешних ЮФО и СКФО появлялись как филиалы центральных (московских) вузов (Всесоюзный юридический заочный институт, учебно-консультативный пункт), которые со временем превратились в самостоятельные юридические подразделения региональных вузов.

Цель работы – рассмотрение вопроса, связанного с системой высшего юридического образования в вузах Южного и Северо-Кавказского федерального округов.

Основная часть. Разветвленная система среднего и высшего образования является одним из признаков любого успешного, состоявшегося государства. В этой связи огромное количество вузов, находящихся на территории ЮФО и СКФО [1, с. 126], свидетельствуют о том, что Российская Федерация успешно справляется с предоставлением качественного высшего образования для своих и иностранных граждан как одной из функций государства как института [2, с. 97].

Огромное количество государственных и частных вузов, в т.ч. с юридической направленностью (только в одном СКФО существует 95 самостоятельных вузов и филиалов московских) обусловлено как огромной численностью населения (в СКФО более 10 млн. человек, в ЮФО с «новыми регионами» более 20 млн. человек), так и бурным развитием социально-экономических отношений в 7 регионах СКФО и 12 ЮФО, что в свою очередь требует в том числе огромного количества квалифицированных юридических кадров разной направленности.

Центральными вузами СКФО, предоставляющими качественное юридическое образование, в настоящее время являются Северо-Кавказский федеральный университет, юридический институт (Ставрополь), Северо-Кавказская государственная академия, юридический институт (Черкесск), Кабардино-Балкарский государственный университет, институт права, экономики и финансов (Нальчик) [3, с. 103], Северо-Осетинский государственный университет, юридический факультет (Владикавказ) [4, с. 186; 5, с. 179], Ингушский государственный университет, юридический

факультет (Магас), Чеченский государственный университет, юридический факультет (Грозный), Дагестанский государственный университет, юридический институт (Махачкала) [6, с. 130].

Основными вузами ЮФО, готовящими юридические кадры для регионов округа, являются Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева (Ростов-на-Дону), Южный федеральный университет, юридический факультет (Ростов-на-Дону), Кубанский государственный университет, юридический факультет (Краснодар) [7, с. 54], Крымский федеральный университет, юридический факультет (Симферополь), Донецкий государственный университет, юридический факультет (Донецк).

Заключение. В заключение стоит отметить, что разветвленная сеть юридического образования на юге России свидетельствует о востребованности широкого спектра юридических кадров, которые готовят региональные вузы и филиалы центральных вузов юридической направленности.

Список литературы

1. Карамурзов, Б. С. Проблема формирования российской социально-культурной идентичности: миссия университета и современные реалии // Гуманитарий Юга России. – 2012. – № 2. – С. 126-140.
2. Говердовская, Е. В. К проблеме модернизации высшего профессионального образования в Северо-Кавказском регионе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 57. – С. 96-104.
3. Кажаров, А. Г., Тхагапсоев, Х. Г., Яхутлов, М. М. Магистратура в современном российском вузе: региональное измерение // Высшее образование в России. – 2017. – № 3 (210). – С. 101-108.
4. Лобанов, В. Б. Юридический факультет Северо-Осетинского государственного университета – центр высшего юридического образования на Северном Кавказе // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 108-2. – С. 185-187.
5. Саламова, Н. Ю. Социальная детерминация высшего образования в Республике Северная Осетия-Алания в условиях модернизации // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – 2014. – № 2. – С. 178-183.
6. Лобанов, В. Б. Юридический институт Дагестанского государственного университета – один из центров юридического образования на юге России // Ключевые аспекты профессиональной подготовки специалистов для судебной системы в рамках социально-гуманитарных и экономических дисциплин. Сборник научных статей по материалам Всероссийского круглого стола. Санкт-Петербург. – 2025. – С. 130-133.
7. Лобанов В.Б. Юридический факультет Кубанского государственного университета – один из центров подготовки юридических кадров юга России // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 114-3. – С. 53-55.

СТАНОВЛЕНИЕ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА В ТОРГОВОМ ПРАВЕ В X – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВВ.

Плотникова А.В., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0000-0002-0125-8762
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск, РФ
aleksanklyu@yandex.ru

Введение. Торговля как форма экономической деятельности имеет богатую историю и уходит своими корнями к ранним формам обмена между людьми. Становление торговых отношений имеет более древнее начало, чем образование российской государственности, потому как именно торговля является одной из самых важных предпосылок образования государственности, так как в рамках экономической деятельности складываются отношения по разделению труда, специализации районов и обмена, вследствие чего возникает потребность к объединению и формированию единого экономического пространства для обмена материальными благами, а развитие торговых контактов между племенами, купцами, городами составляли основу власти местных князей и вождей.

Цель исследования – выявление торговой терминологии в нормативно-правовых актах, закрепляющих нормы торгового права на ранних этапах становления российской государственности.

Основная часть. Законодательство достаточно рано легализовало понятия, используемые в торговом обороте. Так, в исторических памятниках X-XII вв. – международных договорах Руси с Византией, например, в договоре Руси с Византией 911 г., торговцы именовались купцами и «гостями», причем «гости» – это торговцы, которые вели оптовые торговые операции между отдельными городами или с иностранными державами, а купцы осуществляли свою деятельность на внутреннем рынке (статьи 9, 12, 13а). В подтверждении данного факта Л.Н. Галимова приводит довод, что наравне с термином «купец» в древнейших русских памятниках встречается термин «гость», обозначающий особую категорию торгующих. Очень давно исследователи обратили внимание на договор 945 г. Игоря с греками, где сказано, в частности: «мы от рода русского слы и гостье». Можно полагать, что уже в то время гость был не просто человеком, разъезжающим по различным землям, но и выполнявший государственные поручения [1, с. 4].

В Русской Правде торговля называлась «гостьба», то есть оптовая торговля между городами или странами, мелкая торговля обозначалась термином «купля» (статья 48), места торговли – «торги, торжки».

В памятниках русского права XV-XVI вв. – Белозерской уставной грамоте 1448 г. (статьи 7,8), Белозерской таможенной грамоте 1497 г. (статья 11), Судебнике 1497 г. (статья 46), Судебнике 1550 г. (статья 90) торговцами именуются уже одновременно и купцы, и «гости», то есть все лица, которые занимаются торговой деятельностью независимо от ее сферы, масштаба и происхождения. Причем, как указывает В.Б. Перхавко в своем исследовании: «В правовом положении гости были обособлены от остальной части посадского населения. Судебные иски против них разбирались не на местах воеводами, а в центральных правительственных учреждениях – приказах, причем решения выносились специально уполномоченными лицами либо даже самим царем» [2, с. 324]. А Соборное уложение 1649 г. окончательно закрепило право на торговую деятельность за верхушкой торгово-промышленного населения – купечеством (статьи 8, 16, 34).

В этот же период в источниках для обозначения торговой деятельности прочно вошел термин «торговля». Например, в Судебнике 1497 г. указано: «А который купец, идучи в торговлю, возьмет у кого деньги или товар, да пути у него утерется товар..., платити исцеву истину без росту» (статья 55).

Заключение. Процесс становление торговой терминологии связан с развитием торгово-экономических отношений и законодательной потребностью в регулировании субъектов и объектов торговой деятельности в X – первой половине XVII вв.

Список литературы

1. Галимова, Л. Н. Купечество и лица торговых занятий в российской истории и законодательстве // Вестник Чувашского университета. – 2009. – № 4. – С. 3-11. EDN: JVSFJJ.
2. Перхавко, В. Б. Вспомогательные исторические дисциплины. 31: Купеческая терминология допетровской России / В.Б. Перхавко. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2010. – С. 316-347. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000005_929058/?ysclid=mg91amuqt04888635439 (дата обращения 01.10.2025).

ФОРМИРОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВРЕМЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ РОССИИ

Рощина Л.А., канд. ист. наук, доц., ORCID 0009-0006-8832-8271,
Шульга Р.Р., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0000-0001-8933-993X
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, РФ
ist@donntu.ru

Введение. Значительное число современных исследователей Российского государства и права считают, что Русская православная церковь в синодальный период превратилась в безмолвное орудие в руках государства, безропотно выполнявшее его волю, открыто выступая в поддержку монархии. Февральская революция, в результате которой была свергнута монархия, была поддержана значительной частью иерархов РПЦ. Временное правительство начинает выстраивать новую законодательную базу государственно-церковных отношений, которая коренным образом отличалась от царской.

Цель данной работы состоит в изучении процесса формирования законодательной базы государственно-церковных отношений в России в период Временного правительства (февраль-октябрь 1917 г.)

Основная часть. В основу государственной политики в отношении церкви Временное правительство положило идею построения внеконфессионального государства, что подразумевало, в том числе, ликвидацию правовой исключительности Русской православной церкви, преодоление конфессионального неравенства. При этом за православием сохранялся статус первенствующей религии, которую исповедовала большая часть населения страны, то есть компромисс был предпочтительнее конфронтации, которая могла лишь навредить революционным завоеваниям [1, с. 324.]. 15 апреля 1917 года обер-прокурором В.Н. Львовым был распущен неугодный государственным властям Святейший Синод, занимавшийся делами РПЦ.

Первый юридический акт, призванный внести ясность в религиозный вопрос, вышел 20 марта 1917 года. Это было постановление Временного правительства «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», в котором было заявлено, что в свободной стране все граждане должны быть равны перед законом, без ограничения прав отдельных граждан в зависимости от их веры и происхождения [2]. Этот правовой акт наделял представителей всех вероисповеданий новыми широкими возможностями в плане экономического развития, участия в государственном управлении, получении образования.

25 марта 1917 г. Временное правительство приняло Постановление «Об отмене ограничений в правах белого духовенства и монашествующих, добровольно, с разрешения духовных властей, слагающих с себя духовный сан, а также лишенных сана по суду». В этом постановлении заявлялось, что «слагающие» и после выхода из духовного сословия сохраняют все права состояния, полученные ранее (как до, так и после принятия священного сана) ученые степени, равно как и государственные чины. Те же права распространялись и на монахов [3, с. 72].

Очень серьезным, болезненным для РПЦ было изменение законодательства в сфере образования. 20 июня 1917 года вышло Постановление Временного правительства «Об объединении, в целях введения всеобщего обучения, учебных заведений разных ведомств в ведомстве министерства народного просвещения», которое предполагало передачу церковно-приходских начальных училищ, церковно-учительских и второклассных школ в ведение Министерства народного просвещения. Министерство в свою очередь вскоре приняло решение об исключительно факультативном преподавании Закона Божия в вверенных ему школах.

К июлю 1917 г. процесс подготовки нового законопроекта перешел в финальную стадию, в его основу был положен принцип свободы совести, так как модернизировать старые государственно-конфессиональные отношения не получилось. В итоге российское общество к лету 1917 г. полностью оказалось готово к принятию свободы совести в качестве основополагающего принципа регулирования соответствующей сферы.

14 июля 1917 г. выходит постановление Временного правительства «О свободе совести». В документе было отмечено несколько тем. Первый пункт сообщал о том, что «каждому гражданину Российского Государства обеспечивается свобода совести. По сему пользование гражданскими и политическими правами не зависит от принадлежности к вероисповеданию, и никто не быть преследуем и ограничиваем в каких бы то ни было правах за убеждения в делах веры» [4]. Со второго по седьмой пункты разъясняются нормы в отношении вероисповедания малолетних, допускающие свободный переход из одного вероисповедания в другое, и вводится понятие «не принадлежащий ни к какой вере».

Стоит заметить, что законодательная политика Временного правительства в отношении религиозных конфессий и, в частности, Русской православной церкви была отчасти направлена и на сохранение институтов и норм, работавших еще в период монархического строя и характеризующихся тесной связью государства и вероисповедания. Созданное Постановлением Временного правительства от 5 августа 1917 года Министерство исповеданий должно было ведать временно теми же вопросами и временно в том же объеме, котором они подлежали ведению

обер-прокурора Синода. Хотя еще с марта 1917 года правительство предложило Церкви исполнять его директивы.

Формирование новых основ государственно-церковных отношений дало возможность РПЦ созвать Поместный Собор – впервые за 200 лет. На нем был восстановлен институт патриаршества, введен новый порядок епархиального приходского управления, разработана новая система духовного образования и катехизации, новые принципы внесения изменений в богослужебный язык [5]. Церковь фактически потеряла государственную экономическую поддержку и вынуждена была самоорганизоваться, постепенно избавляясь и от других признаков государственного влияния.

Заключение. Таким образом, можно выделить основные направления новой религиозной политики, определявшейся законодательными актами Временного правительства, направленными на решение «синодальной проблемы» и освобождение Церкви от государства. К ним относится отмена дискриминации и предоставление гражданских и политических прав представителям всех религий и конфессий, исключение обязательного преподавания религии в школе, возможность для граждан смены вероисповедания или полного отказа от него. Реформы Временного правительства, на наш взгляд, имели два основных вектора развития – выстраивание приемлемых государственно-церковных отношений и формирование отношений новой власти иноверческими вероисповеданиями. На практике это проявилось в том, что к концу деятельности Временного правительства реформы в сфере религии и церкви так и не были завершены, а искомая модель государственно-конфессиональных отношений так и не получила своего окончательного институционального оформления.

Список литературы

1. Сафонов, А. А. Государство и конфессии в позднеимперской России: правовые аспекты взаимоотношений. – М.: Проспект, 2017. – 349 с.
2. Об отмене вероисповедных и национальных ограничений : постановление Временного правительства от 20 марта 1917 г.». – URL: <https://studfile.net/preview/16817741/page:19/> (дата обращения: 11.09.2025).
3. Конфессиональная политика Временного правительства России: сборник документов / сост., авт. предисловия и коммент. М.А. Бабкин. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 558 с.
4. О свободе совести 6 постановление Временного Правительства 14 июля 1917 года. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5412/> (дата обращения: 11.09.2025).
5. Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. – Вып. 3. – М., 1994. – 154 с.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВ ГРАЖДАН НА ИНФОРМАЦИЮ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Свиридова К.Е., ORCID 0009-0007-8157-0353

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
k.sviridova.donnu.jur@mail.ru

Введение. Право на информацию в России прошло долгий путь становления и развития, начиная с Декларации прав и свобод 1991 года и заканчивая включением в Конституцию Российской Федерации (далее – РФ) 1993 года. Формирование правовой базы включало принятие законов об информации, СМИ и доступе к сведениям о деятельности госорганов. Хотя Конституция Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) гарантирует право на информацию, некоторые вопросы, в частности, защита тайны переписки, нуждаются в более детальной проработке. В связи с этим, первостепенной задачей является разработка мер, направленных на полную регламентацию цифровых прав граждан, таких как доступ к сетевым ресурсам, обеспечение безопасности персональных данных и гарантии анонимности.

Целью работы выступает анализ проблем в сфере правового регулирования прав граждан на информацию в ДНР.

Основная часть. Согласно ч. 4 ст. 18 Конституции ДНР «в Донецкой Народной Республике гарантируется право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом»[1]. Данная конституционная норма раскрывает информационные правомочия в рамках права на информацию.

Закон ДНР «Об информации и информационных технологиях» определяет, что информация представляет собой сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления (п. 1 ч. 1 ст. 2) [2]. Право на информацию не раскрывается, однако дается определение понятия «доступ к информации»: возможность получения информации и её использования (п. 6 ч. 1 ст. 2 Закона ДНР «Об информации и информационных технологиях»).

В соответствии со ст. 48 Закона ДНР «О средствах массовой информации» «физические лица имеют право на оперативное получение через средства массовой информации достоверных сведений о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений, их должностных лиц» [3].

Исходя из позиции А.А. Байши, повсеместное распространение цифровых технологий порождает значительные проблемы для права на информацию, в частности, создает риск масштабных нарушений конфиденциальности персональных данных. Гарантии защиты тайны

переписки и иных сообщений, предусмотренные статьей 23 Конституции РФ и допускающие ограничение лишь по судебному решению, отсутствуют в действующей Конституции ДНР. При этом прежняя Конституция ДНР (ст. 16) включала такую норму, что требует ее дальнейшего законодательного восполнения.

Одной из выявленных проблем является недостаточное отражение цифровых прав граждан в действующей Конституции ДНР. Сущность данной проблематики заключается в том, что Конституция ДНР не детализирует цифровые права граждан, оставляя пробелы в правовом статусе личности в цифровой среде, что требует дальнейшего уточнения.

Согласно точке зрения А.А. Байши, на данный момент основная задача органов государственной власти в сфере цифрового права состоит в практическом внедрении (имплементации) конституционных положений, касающихся информационно-коммуникационных технологий. Данный процесс должен быть ориентирован на соответствие международным стандартам, что подразумевает как адаптацию законодательства, так и формирование соответствующей правоприменительной практики. Мы разделяем данную позицию и считаем необходимым проведение систематизации существующих нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в цифровой среде, с учётом опыта зарубежных стран и положений международных конвенций. Результаты этой работы должны быть интегрированы в единый нормативный документ, который будет регулировать общественные отношения, связанные с цифровыми правами как новыми объектами гражданских правоотношений [4].

В контексте современного информационного общества, цифровые права граждан – это система правовых норм, призванная регулировать динамичные взаимоотношения между человеком и цифровой средой. Среди основных компонентов выделяют: доступ к сетевым ресурсам, право на использование цифровых технологий, защиту персональных данных, цифровую анонимность и свободу информации. Данное право охватывает возможность подключения к информационно-телекоммуникационной инфраструктуре, в том числе к интернету, применение современных технологических решений для защиты своих прав и законных интересов, обеспечение безопасности персональных данных при их обработке и хранении, право на конфиденциальность в цифровой среде (включая возможность анонимности), а также свободный поиск, получение, передачу и распространение информации в цифровом формате.

Стремительное развитие цифровых технологий, возрастание роли онлайн-пространства, появление новых форм дискриминации и рисков нарушения прав человека в виртуальном пространстве, а также необходимость устранения цифрового неравенства – все это является причиной возникновения настоятельной потребности в регламентации цифровых прав.

Перспективы развития правового регулирования цифровых прав связаны с формированием единого цифрового пространства, развитием технологий идентификации личности, совершенствованием механизмов защиты данных, созданием эффективных инструментов контроля за соблюдением прав и разработкой международных стандартов в сфере цифровых прав. Важность регулирования цифровых прав обусловлена тем, что они становятся неотъемлемой частью фундаментальных прав человека в современном обществе. Их реализация напрямую влияет на качество жизни граждан, возможности их развития и участия в общественной жизни.

Заключение. Подобно Конституции РФ, Конституция ДНР не в полной мере охватывает сферу цифровых прав граждан, в связи с чем существует потребность в их более детальной законодательной регламентации. Основные направления совершенствования правового регулирования включают закрепление цифровых прав на конституционном уровне, разработку специального законодательства о цифровых правах, создание механизмов защиты цифровых прав граждан, установление ответственности за их нарушение и определение баланса между свободой и безопасностью в цифровой среде.

Список литературы

1. Конституция Донецкой Народной Республики (принята Народным Советом Донецкой Народной Республики 30 декабря 2022 г.). – URL: <https://base.garant.ru/406066227/?ysclid=mgb3owbbvx102202776> (дата обращения: 24.09.2025).
2. Об информации и информационных технологиях: закон Донецкой Народной Республики от 07 августа 2015 года. – URL: <https://dnrsovet.gov.ru/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-informatsii-i-informatsionnyh-tehnologiyah/> (дата обращения: 24.09.2025).
3. О средствах массовой информации: закон ДНР от 29 июня 2015 года. – URL: https://dnrsovet.su/zakon_doneckoj_narodnoj_respubliki_o_sredstvah_massovoj_informacii (дата обращения: 26.09.2025).
4. Байша, А. А. Информационная безопасность личности как приоритетная задача электронной Донецкой Народной Республики // Вопросы российской юстиции. – 2021. – №15. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-bezopasnost-lichnosti-kak-prioritetnaya-zadacha-elektronnoy-donetskoy-narodnoy-respubliki> (дата обращения: 29.09.2025).

«РЕГУЛИРОВАНИЕ НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ» – ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ПРИЗНАК ЗАКОНА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Степанова Ю.С., ORCID 0009-0008-9743-728X

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

yu.stepanova.donnu.jur@mail.ru

Введение. Актуальность темы настоящего доклада обусловлена нарастающим противоречием между классической теоретико-правовой моделью закона и современной законодательной практикой в Российской Федерации. Такой ключевой содержательный признак закона, как регулирование наиболее важных общественных отношений, в последнее время игнорируется в законотворческой деятельности, что проявляется в принятии федеральных законов, регламентирующих вопросы оперативного, технического или организационного характера, традиционно относимые к сфере подзаконного нормотворчества.

Цель доклада заключается в проведении теоретико-правовой характеристики признака «регулирование наиболее важных общественных отношений», анализе современной законотворческой практики Государственной Думы РФ (в т.ч. законодательной инициативы) на предмет соответствия данному признаку и выявлении системных проблем, возникающих вследствие его игнорирования.

Основная часть. В теории права закон традиционно понимается как нормативный правовой акт, принимаемый высшим представительным органом государственной власти или непосредственно народом в особом процедурном порядке, обладающий высшей юридической силой и регулирующий наиболее важные общественные отношения [1, с. 288]. Данный признак выступает в качестве материального (содержательного) критерия, отграничивающего закон от иных нормативных правовых актов.

Безусловно, категория «наиболее важные общественные отношения» является оценочной, однако теоретико-правовой анализ позволяет выделить ее сущностные характеристики. Во-первых, это отношения, затрагивающие фундаментальные права, свободы и обязанности человека и гражданина, закрепленные, прежде всего, в Конституции РФ. Во-вторых, это отношения, определяющие основы конституционного строя, федеративного устройства, а также ключевые принципы организации и деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. В-третьих, к ним относятся отношения, связанные с установлением основных начал отраслевого правового регулирования, правовых стимулов

и ограничений в наиболее значимых сферах общественной жизни [2, с. 112]. Таким образом, важность отношений определяется их объективной значимостью для обеспечения суверенитета, правопорядка и реализации конституционных ценностей.

Оценка законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания РФ за последние 2-3 года выявляет устойчивую тенденцию к игнорированию данного критерия. Предметом регулирования федеральных законов все чаще становятся отношения, которые по своей природе являются техническими, процедурными, организационно-управленческими и должны составлять предмет подзаконных актов.

В качестве примера приведем федеральный закон «О побочных продуктах животноводства и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 14.07.2022 № 248-ФЗ [3], предметом регулирования которого являются отношения в связи с образованием веществ, образуемых «при содержании сельскохозяйственных животных, включая навоз, помет, подстилку, стоки, и используемые в сельскохозяйственном производстве». Регулирование подобного рода вопросов в принципе является спорным, а если и говорить о государственном регулировании, то должно осуществляться подзаконными актами. Придание такому регулированию формы федерального закона не обусловлено важностью объекта регулирования и загружает законодательный орган решением задач оперативного управления.

Другим показательным примером является Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 16.10.2012 № 168-ФЗ [4]. Закон детально регламентирует технические требования, например, к зонам обслуживания, которые в обязательном порядке должны включать «гардероб, места для отдыха посетителей игорного заведения и туалет». Подобная микрорегламентация является техническим стандартом, который мог бы быть установлен актом уполномоченного регулятора. Принятие таких норм в форме закона свидетельствует о подмене законодательной функции функцией нормативно-технического регулирования.

Анализ законопроектов, находящихся в процессе рассмотрения, также подтверждает данную тенденцию.

Учащение случаев принятия законодательных актов (законов), регулирующих отношения, не обладающие признаком «наибольшей важности», имеет системные негативные последствия:

- 1) деквалификация закона как акта высшей юридической силы, стирание границы между законом и подзаконным актом;

- 2) перегрузка законодательного процесса второстепенными вопросами, что снижает эффективность работы парламента и качество проработки значимых инициатив;

3) снижение гибкости правовой системы, затруднение оперативного реагирования на изменения общественных отношений и порождение правовой нестабильности.

Заключение. Проведенный анализ позволяет констатировать устойчивое противоречие между теоретической моделью закона, предполагающей его ориентацию на регулирование наиболее важных, стабильных общественных отношений, и современной законодательной практикой, для которой характерна регулятивная экспансия в сферу текущего управления. Игнорирование содержательного признака закона подрывает системные основы права, ведет к размыванию иерархии нормативных правовых актов и выхолащиванию самой идеи верховенства закона.

Выход из сложившейся ситуации видится в необходимости развития доктринальных подходов к конкретизации критерия «наиболее важные общественные отношения» и, что особенно важно, во внедрении в законодательный процесс эффективных фильтров (в рамках юридико-технической и антикоррупционной экспертиз), позволяющих отсеивать инициативы, не соответствующие содержательному предназначению закона.

Список литературы

1. Алексеев, С. С. Общая теория права: учебник / С.С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – 576 с.
2. Марченко, М. Н. Теория государства и права: учебник / М.Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017. – 656 с.
3. О побочных продуктах животноводства и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 14.07.2022 № 248-ФЗ / СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421776/c5051782233a cca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/ (дата обращения: 30.09.2025).
5. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»: федеральный закон от 16.10.2012 № 168-ФЗ / СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64924/6504c8524eae7a05f782a5d2e10620204739aac8/ (дата обращения: 30.09.2025).

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ДОНЕЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ

Хоруженко К.А., канд. ист. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
star7_@mail.ru

Введение. В научно-педагогическом понимании современного образования теория государства и права является фундаментальной юридической дисциплиной, подтверждённой взаимодополняемостью смежных наук. Такое утверждение обосновано прежде всего тем, что от освоения данной дисциплины зависит весь потенциал правовых знаний будущих специалистов. Кроме того, эффективное познание данной юридической дисциплины студентами университета является основой их будущей квалификации и залогом успеха их дальнейшей профессиональной деятельности.

Генезис теории правовых наук в современной вузовской среде требует особого внимания. Такое положение имеет отношение как к традиционным подходам в науке познания, так и к новациям в педагогике. Сегодня теория государства и права развивается интенсивно, аккумулируя тем самым большой объём оперативной научной информации и опыт прежних исследовательских направлений для успешного решения современных задач образования. Новации же в данной дисциплине понимаются как выявление новых политико-правовых явлений, активно интегрирующих в традиционные формы существования государства и права в их традициях.

Научная наполняемость и содержание дисциплины теории государства и права сегодня изучаются в разных направлениях [1; 2; 3; 4; 5]. В отечественной юридической науке и педагогике данный вопрос или смежные проблемы вызывают большой интерес в частности потому, что актуальность его подтверждается процессом диалектического развития и, как результат, появления новых перманентно не решённых задач общества и правового государства. Не зависимо от повышенного внимания исследователей к теории государства и права, как науке и учебной дисциплине, остаётся много вопросов, требующих глубокого анализа.

Цель исследования. Отмеченное определяет необходимость анализа проблем взаимодействия классических и новаторских направлений в преподавании теории государства и права, существующих на современном этапе развития научной мысли в условиях юридического образования Донецкой Народной Республики.

Основные положения. Рассмотрение и анализ аспектов теории государства и права на современном этапе развития системы преподавания в университете показало, что данная дисциплина является основополагающей в курсе юридического образования. В разных векторах современного взгляда на проблему показаны особенности правовых явлений в новаторском и классическом виде вузовской педагогики. При этом подтверждена и обоснована необходимость трансформации методологии теории государства и права в связи с представленными реалиями настоящего времени.

Современная доктрина преподавания теории государства и права строится на органичном взаимодополнении и глубоком взаимодействии традиций и новаций представленной отрасли юриспруденции.

Из действенных направлений следует отметить:

- наука строится на постулатах взаимосвязанных структурных разделов теории государства и права, хотя существуют новые тенденции относительно раздела её на самостоятельные отрасли знаний и учебных дисциплин;

- исследования государства и права строятся на теории соотношения друг другу и их взаимосвязи;

- решением проблемы соотношения права и закона служат критерии разграничения правовых и неправовых законов. Здесь главным критерием становится свобода (общества, нации и народа), а также критерием считаются: уровень справедливости, добра, гуманности в обществе и государстве. В некоторых случаях отмечается категория «правовой идеал»;

- понятия «форма права» и «источник права» могут быть идентичными по смысловой нагрузке и употребляться в одном и том же значении, что априори признанно мировой юриспруденцией;

- системный подход в определении предмета теории государства и права строится на тех же принципах, что и антология науки;

- понятие методологии теории государства и права не должно ограничиваться только сферой познания политико-правовых явлений. Это конструктивная разновекторная система знаний.

Следовательно, теория государства и права как наука имеет существенные признаки определяющих критериев, которые традиционно характеризуются содержанием, функциями и способом существования. Политико-правовые знания и развитие теоретической науки приобретают особый смысл дальнейшего динамичного существования во многом благодаря механизмам преемственности традиций и инноваций.

Интеграция политико-правовых знаний в современной образовательной среде проявляется в следующих направлениях:

- разработка научных методов (системный анализ, компьютерный эксперимент и др.), имеющих новое значение для многих политико-правовых явлений и процессов;

- поиск и внедрение новых методов исследования и обучения, связанных с происходящими политико-правовыми явлениями;
- внедрение научных теорий, выполняющих общеметодологические функции (кибернетика, синергетика и др.);
- современная наука о государстве и праве приобретает комплексный характер, требующий внедрения отдельных векторных дополнений (теоретико-правовые основы экологической безопасности, теоретико-правовые аспекты власти и собственности и т.д.).

Заключение. Особенности современного преподавания теории государства и права в университетской среде заключаются в непрерывном накоплении и структурировании политико-правовых знаний, новых научных течений и теорий данного направления, обеспечивающих кумулятивный эффект процесса познания. Важнейшей закономерностью развития данной дисциплины является единство процессов дифференциации и интеграции политико-правовых знаний и информационных потоков.

Дифференциация и интеграция в развитии теории государства и права как науки сегодня являются взаимообогащающими тенденциями. В современном образовательном мире происходят такие трансформации в предмете и объекте познания, которые прежде всего и непосредственно касаются рациональной коллаборации теории государства и права со сферами смежных правовых наук. Относительно тенденций сравнительного правоведения, дисциплина имеет интегральное значение как источник формирования правовых знаний, определяющих предметы и цели познания.

Список литературы

1. Биктеев, И. Д. Преподавание теории государства и права в высших учебных заведениях / И. Д. Биктеев // Вестник науки. – 2023. – № 9(66). – С. 155-157.
2. Гандарова, Л. Б. Место и роль теории государства и права в системе юридических наук / Л. Б. Гандарова // Юридический вестник ДГУ. – 2021. – № 2(38). – С. 9-12.
3. Горбунов, М. Д. Проблемы преподавания теории государства и права в современных реалиях / М. Д. Горбунов // Образование и право. – 2024. – № 2. – С. 382-386.
4. Жадан, В. Н. Некоторые современные подходы в преподавании юридических дисциплин / В. Н. Жадан // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 4-5. – С. 33-37.
5. Рябинин, Н. А. К вопросу о возможности применения блочно-модульного подхода в преподавании теории и истории государства и права / Н. А. Рябинин, А. Г. Канаев // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2009. – № 2 (4). – С. 35-37.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Чурицкая Е.О., ORCID 0009-0005-0802-5565

Луганский филиал ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации» г. Луганск, РФ
yekaterina.kholina.00@mail.ru

Введение. Данная работа посвящена исследованию правоотношений как одного из ключевых элементов механизма реализации правовых норм. А также опровержению концепции «вне правоотношений». В качестве предмета исследования определены общественные отношения, урегулированные нормами права и обладающие сложной структурой.

Цель исследования. В данной работе представлен детальный анализ структурных элементов правоотношений, возникающих в процессе реализации правового интереса, каждый из которых подробно рассмотрен, на основании чего установлена характеристика юридических фактов, служащих основанием для возникновения, изменения и прекращения общественных отношений.

Основная часть. Правоотношения выступают в качестве инструмента, посредством применения которого осуществляется реализация нормативных предписаний, урегулированных нормами права. На первый взгляд, рассматриваемая проблема общественных отношений, регламентированных нормами права, является изученной в достаточно мере, однако фактически это не соответствует действительности по той причине, что правоотношения, обладая характеристикой динамичности, подвержены непрерывающемуся процессу эволюционирования, что делает настоящее исследование актуальным и востребованным.

С одной стороны, нельзя не отметить тот факт, что каждое новое поколение людей оказывается в рамках уже существующих общественных структур и взаимоотношений, которые являясь объективными, неизбежно определяют границы возможного для деятельности и поступков каждого человека. Динамика общественных связей характеризуется как эволюционными, так и революционными процессами трансформации, что обуславливает появление новых форм социальных взаимодействий. Наблюдается повышение уровня свободной деятельности человека и расширение спектра правомерных поступков, однако данный процесс сопряжен с возникновением множества новых ограничений [1, с. 35].

Правоотношения выступают в качестве среды, в которой правовые нормы находят свою реализацию. Таким образом, правоотношения представляют собой общественные связи, которые находятся под

контролем правовых норм и порождают юридически закреплённые права и обязанности субъектов [2, с. 41-42].

Как уже было отмечено, существует правовая концепция «вне правоотношений», предполагающая существование базовых конституционных прав, свобод и обязанностей граждан, а также абсолютных прав (например, право собственности), которые не зависят от конкретных правовых отношений. Данные права принадлежат гражданам и могут осуществляться ими самостоятельно, при условии отсутствия внешних препятствий для их реализации со стороны иных субъектов.

Нормы, устанавливающие запреты (например, в уголовном праве), имеют силу и в ситуациях, когда формальные правоотношения не возникают, при условии их добровольного соблюдения. Это связано с тем, что каждый субъект права, основываясь непосредственно на законе, обладает определенным набором прав и обязанностей, которые существуют независимо от его вовлеченности в конкретные юридические связи [3; с. 30].

В правовой науке общепринятым является выделение трех элементов правоотношений: объекта, субъекта, содержания. Для правильного и всестороннего понимания автор считает необходимым более детально остановиться на каждом из отдельных структурных элементов.

Субъектами правоотношений могут выступать физические или юридические лица, а также государство в лице отдельных органов государственной власти, органов местного самоуправления или уполномоченных ими должностных лиц. Объектами же служит то, по поводу чего возникли данные правоотношения. Это материальные и нематериальные блага, ради обладания которыми субъекты вступают в общественные отношения, урегулированные нормативными предписаниями [4, с. 97].

Существование правоотношений не представляется возможным без содержательного наполнения, которое выражено в наличии у его сторон взаимных субъективных юридических прав и обязанностей, которые соотносятся как индивидуальные правовые возможности и корреспондирующие им обязанности, и не входят в состав объективного права. Следовательно, их недопустимо сопоставлять со статутными правами и обязанностями, закреплёнными в нормах права. Правоотношения представляют собой конкретизацию, индивидуализацию статутных прав и обязанностей, а именно – преобразование предусмотренных объективным правом социальных возможностей в конкретную реальность в результате наступления определенных юридических фактов – действий, явлений, процессов, с наступлением которых закон связывает возникновение, изменение или прекращение общественных отношений, урегулированными нормами права.

Еще в 1960-х годах С.Н. Братусь и Н.Г. Александров заложили основу понимания субъективного права как определенного типа и точной

границы дозволенного поведения, а субъективной обязанности – как соответствующего типа и меры должного поведения [2, с. 127].

Со временем, стремясь обогатить указанные выше определения, различные авторы начали включать в него все большее число возможных вариантов поведения. Так по утверждению Н.И. Матузова, субъективное право охватывает четыре основных аспекта: свободу действий, возможность требовать от других, право на пользование благами и право на государственную защиту своих законных интересов. Полагаем, что позиция Н.И. Матузова в данном контексте представляет собой попытку интегрировать эти расширенные представления, что, однако, привело к отступлению от изначального значения понятия субъективного права [5, с. 10].

Возникновение, изменение и прекращение правоотношений, как формы воплощения правовых норм обусловлено конкретными жизненными обстоятельствами, а именно юридическими фактами, которые предусматривает действующее законодательство.

Юридическими фактами именуются те фактические обстоятельства, которые: признаются таковыми на основании правовых норм, а также порождают юридические последствия, в частности, конкретизируют права и обязанности, преобразуя их в субъективные.

На основании осуществленного теоретического анализа правоотношения как правового феномена, считаем, что возможность его наделения признаками объективного права исключается. В отличие от права, которое как система норм регулирует общественные отношения, правоотношение выполняет функцию средства реализации этих норм. Таким образом, правоотношение можно рассматривать как «право в действии» или «право в жизни» [1, с. 17].

Подводя итоги проведенного исследования, приходим к следующим выводам: природа и сущность правоотношений как динамичного явления, остаются недостаточно изученными. Данное обстоятельство обосновано тем фактом, что как в теории государства и права, так и в отраслевых юридических науках, рассмотренный правовой феномен носит фундаментальное значение, в связи с чем его глубокое осмысление является залогом совершенствования всего общественного и правового порядка.

Список литературы

1. Теория государства и права: Учебник для бакалавров / под ред. В. К. Бабаева. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2021. – 132 с.
2. Братусь, С. Н. Юридическая ответственность и законность. – М.: Юридическая литература, 1976. – 216 с.
3. Марченко, М. Н. Теория государства и права: Учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2020. – 67 с.
4. Черданцев, А. Ф. Теория государства и права: учеб. для вузов. – М.: Юрайт М., 2002. – 432 с.
6. Матузов, Н. И., Малько, А. В. Теория государства и права. – М.: Юрист, 2004. – 512 с.

К ВОПРОСУ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ПРАВА И ПРОБЕЛОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Шульга Р.Р., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0000-0001-8933-993X
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, РФ
reginal077@mail.ru

Введение. Проблема пробелов в законодательстве является самой рассматриваемой в юридическом праве не только в настоящее время, но и во время античных времен, являясь исторической проблемой. Доказательством актуальности может послужить мнение П. Е. Недбайло: пробелы в законодательстве неизбежны из-за невозможности полностью их доработать [1].

С усилением многих воззрений, пробелы в праве стали восприниматься с точки зрения проблемы технического характера, которые в свою очередь требуют немедленного заполнения отсутствующей нормы. Однако, пробел в нормативно-правовом регулировании – нуждается в глубоком и всестороннем анализе, а сама разработка законодательного пробела в его определяющих характеристиках, факторов, способных привести к его возникновению, а также вероятных способов его преодоления в дальнейшем.

Основная часть. Рассматривая утверждение одного из правоведов, можно отметить, что Е.И. Спектор, представлял правовой пробел, как «ситуацию юридической неопределенности, которая возникает из-за полного или частичного отсутствия необходимого элемента в системе правового воздействия на социальные отношения», то есть пробел в правовом регулировании эквивалентен пробелу в законодательстве.

Основопологающей причиной возникновения пробелов в законодательстве выражается в нечеткой динамичности характера общественной жизни, а также изменений, касающихся политики и социальных норм, усложнения производственных связей и форм собственности, а также в недоработках законодателя [2].

Так, А.А. Никитина и Д.А. Карева отмечают основную причину существования пробелов в невозможности законодателя предусмотреть все жизненные ситуации, а также отмечают причину недостатков, юридической техники.

Рассматривая исторические справки, можно отметить интересный факт, что одним из первых методов устранения пробелов применялся порядок докладов. Именно при обнаружении пробела, судебными инстанциями составлялись отчеты и отправлялись напрямую в законодательные органы. Поэтому, наиболее быстро и продуктивно

решались вопросы, связанные с недостатками правового регулирования в различных странах.

Впоследствии данная практика была признана неэффективной, стали применяться альтернативные методы работы с законодательными пробелами, которые помогли бы устранить данные пробелы без законодательных изменений, направленные на разрешение проблемы в отдельно взятой ситуации. В соответствии с преобладающими теоретическими концепциями, аналогией закона и аналогией права считаются именно такие способы разрешения пробелов [3].

Систематизации пробелов в законодательстве также является не менее важной, поскольку упорядоченное представление видов пробелов дает большую возможность комплексно подойти к решению поставленных проблем, учитывая их индивидуальные особенности и каждый случай в целом.

Так, существующие пробелы классифицируются по времени возникновения и делятся в свою очередь на первоначальные (возникшие из-за упущения законодателя) и последующие. Первоначальные пробелы возникают уже на стадии разработки законопроекта. Последующие пробелы проявляются в будущем в течении определенного времени.

Также существует ряд пробелов, которые различаются по степени полноты правового регулирования, они в свою очередь делятся на полные и частичные.

Так, неполнота существующего правового регулирования может проявляться в различной степени и объеме, может существовать пробел в конкретном законе, именно такие пробелы могут выражаться в отсутствии нормативного правового акта, регулирующего определённую сферу отношений; в отсутствии в нормативном акте норм, регламентирующих часть правоотношения; или в некорректных ссылок внутри акта или на другие акты.

Пробелы в юридическом праве классифицируются в зависимости от наличия или отсутствия правотворческого органа и в свою очередь делятся на умышленные и неумышленные. Умышленным пробелом выступает сама ситуация, при которой законодатель осознанно оставляет нерегулируемыми некоторые вопросы, возникшие в процессе общественных отношений. Именно тут со временем формирования устойчивой практика применяемые нормы, а также решения будут приниматься исходя из усмотрения правоприменительных органов. Такие проблемы по мнению П.В. Лушникова, повышают риск коррупции [4].

Субъективные же пробелы отражают несовершенство правовой базы тогда, когда закон не содержит четкого ответа на вопрос о возможности возникновения обязательств у третьих лиц в рамках наследственного договора. Тем самым можно сделать вывод, что возникновение обязательств возможно лишь при наличии прямого указания в самом

договоре, при условии надлежащего исполнения завещательного отказа, если такое указание правомерно. При этом следует учитывать, что в общем случае возложение обязательств на третьих лиц возможно лишь в случаях, прямо предусмотренных законом, а именно пункт 3 статьи 308 ГК РФ [5].

Существуют также не только пробелы, но и некоторые несовершенства в правовых нормах, возникающие из-за нечеткости в определении границ и взаимосвязи между различными правовыми институтами. Примером может послужить отсутствие конкретного указания в законодательстве при оформлении договора ренты и наследственного договора. Целью такого договора ренты выступает забота о лице, которое нуждается в постоянном уходе и поддержке. Отличием выступает то, что цель безвозмездного наследственного договора состоит в определении наследника и передаче наследственного имущества, но если наследственный договор является возмездным, то цель его становится не только передача имущества наследодателем, но и получение материальных или нематериальных выгод от самого наследника.

Заключение. Таким образом, в научной и юридической литературе не существует общепринятого определения понятия «пробел в законодательстве», но при анализе признаков пробела в законодательстве, таких как полное отсутствие соответствующей нормы права, частичная неполнота правового регулирования, объективная потребность в наличии регулирующей нормы и другие, можно сформулировать определение: пробел в законодательстве представляет собой полное или частичное отсутствие правовой нормы, способное регулировать определенную область общественных отношений, объективная необходимость которой приводит к правовой неопределенности и требует краткосрочного устранения.

Список литературы

1. Ломакина В. Я. Пробелы в праве и способы их восполнения / В.Я. Ломакина // Эволюция российского права: материалы XVIII заочной международной научной конференции молодых ученых и студентов. Уральский государственный юридический университет. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет». – 2024. – №4. – С. 275–276.
2. Акимов, В. И. Понятие пробела в праве / В. И. Акимов // Правоведение. – 2023. – № 3. – С. 110–113.
3. Кулапов, В. Л. Теория государства и права: учебник / В.Л. Кулапов, А.В. Малько. – Москва: ИНФРА-М, 2024. – 384 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья от 26 ноября 2001 года № 146-ФЗ / СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154 (дата обращения: 30.09.2025).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ / СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата обращения: 30.09.2025).

Истоки отечественного права

УДК 340.1

ОБЫЧНОЕ ПРАВО И ВИЗАНТИЙСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Герасименко Ю.В., ORCID 0009-0007-2129-3999

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
yu.gerasimenko@donnu.ru

Введение. Современные поиски оптимальной модели правового регулирования в России делают актуальным изучение исторического опыта. Построение правового государства – сложный процесс, в котором ключевую роль играет преемственность правовых институтов. Поэтому понимание глубинных основ и эволюции русского права, его связи с культурой и государственностью является не просто научным интересом, а практической необходимостью, что подтверждается растущим вниманием науки к данной теме.

Изучение древнерусского права, особенно на ранних этапах, сталкивается с проблемой недостатка источников. Это вынуждает исследователей формулировать гипотезы, при всей своей логической стройности не всегда объективно доказуемые. Решение этой проблемы возможно через объединение научных подходов, где сравнительно-правовой метод выступает основным инструментом для реконструкции правогенеза в Древней Руси.

Современное отечественное право опирается на правовые традиции, которые сложились в далекой древности. Изучение причин и этапов становления русского права позволяет глубже понять, на чем основан правопорядок и правовая культура современного государства.

Целью исследования является анализ влияния системного юридического дуализма (взаимодействия обычного и реципированного права) на формирование древнерусского права.

Основная часть. В отечественной историографии проблема становления древнерусского права традиционно рассматривается через призму двух ключевых факторов: внутреннего развития институтов (соотношение «общинного» и «княжеского» права) и внешнего влияния (рецепция византийских норм после Крещения Руси). Анализ этих факторов и их взаимодействия составляет основу научной дискуссии.

В отечественной науке сложились различные взгляды на этапы становления древнерусского права. Так, Н.Л. Дювернуа, под влиянием

немецкой исторической школы, выстроил линейную периодизацию, противопоставляя изначальное «народное» право («старину») последующему «княжому». По его мнению, московское право основывалось уже исключительно на княжеских установлениях [1, с. 358].

Иную позицию занимал В.И. Сергеевич, считавший княжеское и обычное право не враждующими, а взаимосвязанными явлениями. Учёный полагал, что княжеская власть не творила право на пустом месте, а отталкивалась от сложившихся обычаев, придавая им общеобязательный характер и развивая их [2, с. 111].

Это внутренне противоречие усложнило внешнее воздействие – принятие христианства. Это привело к существованию юридического дуализма: автохтонного обычного права, остававшегося реально действующим для большинства населения, и реципированного византийского права, выполнявшего роль нормативного образца, особенно в сфере церковной юрисдикции (брак, семья).

Оценка последствий этого дуализма в науке неоднозначна. Так, В.В. Момотов делает акцент на процессе вытеснения обычного права христианской традицией [2, с. 134]. Однако представляется, что данная позиция нуждается в уточнении. Рецепция византийских норм носила выборочный и прагматичный характер. Они действовали, прежде всего, в сфере церковной юрисдикции, тогда как обычное право, меняясь под влиянием княжеского нормотворчества, сохраняло свои позиции в регулировании повседневной жизни большинства населения. Таким образом, правильнее говорить не о простом «вытеснении», а о сложном переплетении и адаптации правовых традиций.

Христианская этика, замещая традиционные мировоззренческие основы, ослабила культурные корни обычного права. Это привело к его частичной трансформации в «обыкновения», сохранявшиеся на уровне локальных сообществ (семья, община). Новая христианская правовая традиция, целенаправленно поддерживалась властью и постепенно занимала правовое поле, воплощаясь в письменных правовых текстах. Однако было бы ошибкой считать этот процесс полным вытеснением. Обычное славянское право было действующим правом в противовес каноническому византийскому праву, которое использовалось, зачастую, в качестве образца, чем как правоприменительное средство. Рецепция византийских норм носила выборочный характер: они заполняли правовые лакуны или заменяли старые обычаи. [2, с. 134].

По мнению И.А. Исаева, «как церковные, так и гражданские законы, содержащиеся в византийских церковных книгах, воспринимались русским правом избирательно, с оговорками применительно к местным национальным условиям [5, с. 42].

Проникновение светского византийского права в древнерусскую правовую систему ограничивалось, главным образом, областями брака и

наследования, так как их регулирование оказалось в компетенции церковных институтов.[4, с. 554].

Влияние византийского права, а также его адаптация к местным реалиям, хорошо прослеживаются в ключевых правовых памятниках Руси конца X – начала XI века: в Русской Правде и церковных уставах князей Владимира Святого и Ярослава Мудрого[5, с. 42].

Выступая в роли нормативного ориентира, а не прямого регулятора, византийское право стало причиной глубоких изменений в местной правовой традиции, фундамент которой продолжало формировать переосмысленное обычное право.

Вывод. Юридический дуализм Древней Руси был динамичной системой, в которой обычное и рецепированное право не столько противостояли, сколько дополняли и обогащали друг друга через механизм княжеского нормотворчества. Это привело не к отрицанию, а к глубокому преобразованию архаичных норм и становлению оригинальной национальной правовой системы.

Список литературы

1. Дювернуа, Н. Л. Источники права и суд в Древней России. – М., 1869. – 358 с.
2. Момотов, В. В. Формирование русского средневекового права в IX—XIV вв.: Монография. – М.: ИКД «ЗЕРЦАЛО-М.», 2003. – 417 с.
3. Беляев, П. И. Источники древнерусских законодательных памятников // Журнал Министерства юстиции. – 1899. – № 7. – С. 135-155.
4. Неволин, К. А. Энциклопедия законодательства / К. А. Неволин // Полное собрание сочинений. – Санкт-Петербург: тип. Э. Праца, 1858. – Т. 3. – 325 с.
5. Исаев, И. А. История государства и права России : учебник / И.А. Исаев. – 4-е изд. – Москва : Норма : ИНФРАМ, 2020. – 800 с.

УДК 340.1 (47) «10»

ИЗБОРНИК СВЯТОСЛАВА 1073 ГОДА – УНИКАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ДРЕВНЕРУССКОГО ПРАВА

Лещенко И.И., канд. ист. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ira_leshenko@mail.ru

Введение. Бесследно исчезнувшие древнерусские рукописи навсегда скрыли прошедшие факты и события. На Руси в период с X до сер. XIII века число рукописей достигало 130-140 тыс. томов [1, с. 82]. Сегодня сохранились только 22 рукописи XI века и 12 – XII века [2, с. 9], ставшие уникальным и даже энциклопедическим источником познания и осмысления многих процессов прошлого, что подтверждает их значимость, ценность и актуальность во все времена.

Цель. Показать уникальность Изборника Святослава 1073 года как источника древнерусского права и актуализировать его дальнейшее изучение в контексте правовой науки.

Основная часть. Одним из распространённых видов письменности на Руси с XI по XVII век был изборник – древнерусская рукописная антология (сборник, събор, соборник). Его можно охарактеризовать, с одной стороны, компилятивностью (в одном сборнике были включены произведения разных авторов по разным вопросам), а, с другой – огромным воздействием византийского влияния, что особо проявлялось в религиозно-нравственных наставлениях с целью христианского просвещения столь актуального для Руси. Первым таким и стал Изборник Святослава 1073 года.

По мнению большинства учёных, протографом (источником) рукописи послужил болгарский оригинал, выполненный для царя Болгарии Симеона (919-927 гг.). Первоначальный список представлял собой перевод с греческого языка, выполненный по заказу Святослава Ярославовича (1027-1076 гг.). Всего известно 27 списков Изборника 1073 года (полных и неполных), которые распространялись во многих славянских странах с целью популяризации христианского учения и борьбы с язычеством. Оригинальная рукопись состоит из 383 статей, основанных на патристической литературе и Священном Писании и принадлежавших 25 авторам [3], и содержит 266 листов. Она была переписана двумя древнерусскими писцами, предположительно монахами Киево-Печерского монастыря и представляла объёмную рукописную книгу, написанную на пергамене каллиграфично уставом в 2 столбца. Известно имя только одного писца дьякона Иоанна, который написал 85 листов, а большая часть рукописи (с 86 листа по 264) выполнена неизвестным писцом. Рукопись украшена искусными миниатюрами, на одной из которых изображён великий князь Святослав Ярославович и его семья. Эта миниатюра расположена на двух страницах: на одной князь Святослав с семьёй, а на другой изображён Господь с книгой Изборника, которую он и протягивает князю, символизируя сакральную сущность власти.

Содержание Изборника Святослава необычайно разнообразно. В нём перечислены 47 книг Ветхого Завета, 20 книг Нового Завета и примерно 23 «отречённых книг», которые церковь запрещала читать, а также представлены сочинения писателей IV-IX веков: Василия Великого, Иустина Философа, Кирилла Александрийского, Иоанна Златоуста, Максима Исповедника, Феодора Раифского и других.

Основное место Изборника Святослава 1073 года занимает сочинение византийского церковного писателя VII века Анастасия Синаита «Вопросы и ответы» (около 3/4 объёма или с 27 по 223 лист), представляющее собой эротапокритическое (вопросно-ответное) по форме, философское и христианско-этическое – по сути. Тематика «Вопросов и ответов» представлена самыми разнообразными проблемами,

волновавшими народ, догматического, духовно-нравственного и эсхатологического характера, что требует тщательного, в том числе и историко-правового анализа.

Изборник Святослава 1073 года, бесспорно, принадлежит к числу уникальных и ценнейших не только древнерусских, но и славянских памятников, являясь второй после Остромирова Евангелия точно датированной книгой. Последний раз он был найден в 1817 году во время организованной и снаряжённой за личный счёт государственным канцлером графом Н.П. Румянцевым археологической экспедиции в окрестные московские монастыри такие, как: Ново-Иерусалимский, Волоколамский и Саввин-Сторожевский. Тогдашним молодым учёным К.Ф. Калайдовичу и П.М. Строеву было поручено описать все рукописные памятники, которые не успели исчезнуть. В Ново-Иерусалимском монастыре, основанном Патриархом Никоном в 1655 году, и была найдена эта рукопись. Есть предположения, в частности Л.П. Жуковской, что именно из Новгорода в июле 1652 года он и привёз эту рукопись в монастырь [3, с. 353]. В период с 1817 по 1920 год рукопись находилась в ризнице Московской Синодальной библиотеки. Окончательным местом хранения стал Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного Исторического музея в Москве, куда в 1920 году и был направлен данный оригинал вместе с собранием Синодальной библиотеки и в настоящее время как национальное достояние хранится под номером 1043/31 [2, с. 9].

Научное исследование рукописи началось в кружке Н.П. Румянцева. По мнению И.В. Лёвочкина, первооткрывателем и первым исследователем рукописи был К.Ф. Калайдович, который и выполнил его краткое научное описание в работе «Иоанн эксарх болгарский» в 1824 году. В научный оборот рукопись была введена К.Ф. Калайдовичем и П.М. Строевым.

Позже, продолжив традицию описательного изложения текста, Изборник изучали Н.П. Кондаков, А.В. Горский, С.П. Шевырёв,

К.И. Невоструев, А.Х. Востоков, А.М. Розенфельд, которые в основном изучали культурные, лингвистические и палеографические особенности. Вопросы права, в каком-либо контексте не рассматривались.

Первое фотолитографическое воспроизведение рукописи было выполнено в 1880 году Императорским Обществом любителей древней письменности на средства известного мецената С.Т. Морозова. Данное издание составило лишь 360 экземпляров стоимостью около 100 тыс. рублей, что сделало его библиографической редкостью. Первое обычное её издание выполнил в 1882 году О.М. Бодянский.

В советский период интерес к Изборнику сохранялся, о чём свидетельствует факт годовщины 900 летнего юбилея в 1973 году, которому посвятили специальное заседание секции культуры Древней Руси Научного совета по истории мировой культуры АН СССР. А в 1974 году юбилею была посвящена научная конференция, которую провели Институт русской литературы АН СССР, Научный совет по истории

мировой культуры АН СССР и Институт литературы Болгарской АН, по итогам которой был опубликован сборник научных статей. В нём представлены работы Л.П. Жуковской, В.Д. Лихачевой, Н.Н. Розова, Б.А. Рыбакова, Р.А. Симонова, Я.Н. Щапова и других учёных. В 1983 году фотолитографическое воспроизведение было переиздано, но уже в двух книгах [4]. Из современных работ можно назвать диссертационное исследование 1999 года В.В. Кашириной на тему «Источниковедческий и лингвистический аспекты изучения библейских цитат в Изборнике Святослава 1073 г.». Других фундаментальных работ пока нет.

Заключение. Изборник Святослава 1073 года, как один из первых памятников энциклопедического характера, по определению И.В. Лёвочкина, «является своеобразным справочником, в котором можно найти ответы на многие вопросы, волновавшие человека европейского средневековья», в том числе и правового осмысления [2, 11].

Список литературы

1. Сапунов Б.В. Книга в России в XI-XIII вв. / Б.В. Сапунов. – Ленинград: Изд.-во Наука, 1978. – 241 с. – URL: <https://archive.org/details/xi-xiii--1978/page/3/mode/2up> (дата обращения: 12.09.2025). – Загл. с экрана.
2. Лёвочкин И.В. Изборник Святослава 1073 года – памятник древнерусской культуры. / И.В. Лёвочкин // Изборник Святослава 1073. Научный аппарат факсимильного издания. – Москва: «Книга», 1983. – 80 с.
3. Изборник Святослава 1073. Сборник статей / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры / Под ред. Б.А. Рыбакова. – М.: Изд-во «Наука», 1977. – 343 с. - URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007646819/?ysclid=mfd78tyo5h673764494 (дата обращения: 12.09.2025). – Загл. с экрана.
4. Изборник Святослава 1073 г. М.: Издательство Книга, 1983. Книга 1. Изборник Святослава 1073 г.: Факсимильное издание. – 563 с. Книга 2. Изборник Святослава 1073 года. Научный аппарат факсимильного издания. М.: Издательство Книга, 1983. – 80 с.

УДК 347.44:94:321.02 "860/870"

АКТУАЛЬНОСТЬ И ВАЖНОСТЬ РУССКО-ВИЗАНТИЙСКОГО «ДОГОВОРА МИРА И ЛЮБВИ» ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IX ВЕКА В КОНЦЕПЦИИ ПОНИМАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Павленко П.И., канд. юрид. наук, доц., ORCID 0009-0007-9252-8951
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
pavelpavlenko77@yandex.ru

Введение. На протяжении многовековой истории российского государства постоянно наблюдались трансформационные процессы связанные с международными, военно-политическими, социально-

экономическими, территориально-географическими, этнокультурными, религиозными, правовыми и другими событиями и изменениями, происходившими в стране. Одно из главных событий в истории России – военный поход на Константинополь (Царьград) в 860 г. и последовавшее на нем заключение мирного соглашения «Договора мира и любви» между Русью и Византией, стало важной вехой и отправной точкой для формирования «новой модели» как русского общества и государства, так и русской дипломатии.

Цель исследования. Показать актуальность и важность «Договора мира и любви» как результата военного похода Древней Руси второй половины IX – начала X века, его связь с современными событиями и явлениями в российской политике и праве.

Основная часть. В июне 860 г. князьями Аскольдом и Диром был совершён один из первых известных военных походов – набег на Константинополь (Царьград) и его осада, что послужило началом международной военной и дипломатической активности древнерусского государства. Существует множество версий причин проведения этой военной акции в отношении греческого государства, среди которых называется: строительство византийскими инженерами крепости Саркел, которая ограничивала торговый путь русов вдоль Дона в пользу хазар; обиды, причинённые неким русским работникам («молотильщикам») в Константинополе; нарушение греками условий торговых договоров, которые, возможно, существовали в период с 839 по 860 годы [1, с. 39].

Как видно из возможных представленных причин, они, в большей степени касались экономической (торговой) сферы деятельности, и в какой-то степени, социальной. Но, главная причина, как видится автору данной работы, это возможность заявить о себе, как о сильном государстве, способном с оружием в руках отстаивать свои интересы, а, впоследствии, с помощью дипломатии, соглашений и договоров формировать и развивать торговые и дипломатические связи и выступать важным игроком на политической карте Европы.

Такое отношение русского народа и государства прослеживается и в современной российской политической истории. События начала XXI века, равно как и события второй половины IX века, требуют принятия сложных, но важных решений, направленных на отстаивание интересов российского государства. Безусловно, современные причины гораздо шире причин военного похода 860 года, но они, также как и причины военно-политической акции Древней Руси IX в., направлены на: отстаивание экономических, социальных и политических интересов общества и государства; защиту населения и государства от внешней угрозы и влияния; стабилизацию ситуации в регионе и налаживание международного партнёрства.

Именно, об этом говорит факт принятия соглашения, последовавший за событиями похода на столицу Византийской империи. Несмотря на

отсутствие единого, документально подтверждённого мнения относительно даты принятия соглашения, процедуры принятия и конкретных положений соглашения, историческое научное сообщество склонно полагать что это военно-политическое и правовое событие дало импульс для установления межгосударственных отношений, определило характер будущих русско-византийских отношений, создало основу для возникновения и формирования дипломатии на Руси и стало главным фактором появления в будущем на Руси христианской православной веры и церкви [2, с. 75-76].

Военно-политическое соглашение, получившее название «Договор мира и любви» несмотря на отсутствие письменной формы и, в следствие этого, информации о достоверности положений могло по мнению отечественных историков (Шахматова А.А., Приселкова М.Д. и Мавродина В.В.) содержать важные положения дипломатического, военно-политического, торгово-экономического и правового характера [3, с. 60; 4, с. 99; 5, с. 215], которые в будущем нашли своё отражение и проработку в русско-византийских мирных договорах X в. – 907, 911, 944 гг.

Во-первых, впервые были оформлены межгосударственные отношения Руси и Византии (империи ромеев), что означало международное признание Древней Руси. Русь, как молодое государство, испытывала необходимость заявить о себе и занять центральное место в системе государств, причём – наиболее крупных и сильных, обозначить свои границы и свои интересы, предъявить свои претензии на международной арене. Было необходимо первому нанести удар и обнаружить готовность его повторить. Это полностью легло в основу военно-политической парадигмы древнего периода нашей истории и продолжает оставаться основой и для современного периода.

Сейчас, как и более 1000 лет назад, Российская Федерация находится перед необходимостью использования силы для защиты своих законных интересов, а также, как и в период заключения мирных соглашений, заявляет о возможности мирного разрешения существующих конфликтов и налаживания сотрудничества с европейскими странами-партнёрами.

Во-вторых, «Договор мира и любви» прекращал состояние войны и устанавливал между государствами мирные и добрососедские отношения. Это говорит о том, что даже в первоначальном, «зародышевом» состоянии древнерусская дипломатия приносила свои плоды, что открывала большие возможности для сотрудничества по многим вопросам с Византией, что в свою очередь создавало прецедент для сотрудничества с другими странами. В современном политическом состоянии России, также просматривается мирный и добрососедский характер отношений. Например, с такими странами как Беларусь, Сербия, Афганистан, Китай, КНДР наблюдается развитие отношений в области экономики, политики, экологии, военного партнёрства и социальной сферы.

И, в-третьих, согласно соглашению, Русь со своей стороны обязывалась вступить с Византийской империей в военно-союзные

отношения и помогать ей в случае необходимости военными силами, что на практике и произошло в конце IX в. – X в. Со второй половины IX века наёмные отряды русов появляются в Константинополе на службе у византийских императоров. Около 700 варяго-русов в составе византийских войск участвовали в походе на Крит в 911 г., а в дальнейшем воевали на Кипре и на сирийском побережье. В 935 г. русы принимали участие в италийской экспедиции императора Романа I Лакапина. С 944 года русы участвовали в боевых действиях на различных территориях империи – в Сирии, Киликии, Ифрикии, охраняли далматинское побережье, отражая вторжения мусульманских пиратов. Всё это говорит о воинской силе, доблести и профессионализме русских воинов. Заключение соглашения после военного похода 860 г. создало возможность ещё больше и качественнее тренировать воинские навыки и повышать военный опыт русов. И сейчас, по прошествии веков, русский военный опыт, продолжает оставаться краеугольной основой силы российской армии для защиты населения и государства и решения сложных политических решений.

Заключение. Благодаря заключению соглашения, Русь представала в истории как признанное империей, полноправное, получившее известность государство. По сути, это было международное государственное рождение, начало международной жизни Руси. В нем присутствовали такие важные составляющие, как, во-первых, наличие достаточно сильной и хорошо организованной государственной власти, способной провести тщательно подготовленный, масштабный по своим целям военный поход и заключить дипломатическое соглашение, которое подвело итог военной кампании. И, во-вторых, высокий для древней эпохи дипломатический уровень Руси, согласившейся установить между государствами мирные и добрососедские отношения.

Список литературы

1. Самоквасов, Д. Я. Курс истории русского права / Д. Я. Самоквасов. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : тип. Моск. ун-та, 1908. – VII, XXIX, 616 с.
2. Сахаров, А. Н. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. / А. Н. Сахаров. – М.: Мысль, 1980. – 360 с.
3. Шахматов, А. А. Древнейшие судьбы русскаго племени / А. А. Шахматов. – Петроград : Изд. Русскаго историческаго журнала, 1919. – 64 с.
4. Приселков, М. Д. Русско-византийские отношения IX-XII вв. // Вестник древней истории. – 1939. – № 3(8). – С. 98-110.
5. Мавродин, В. В. Образование древнерусского государства. – Л. : Издание ЛГУ, 1945. – 432 с.

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОГО ПРАВА НА ПРИМЕРЕ УСТАВА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА «О ДЕСЯТИНАХ, СУДАХ И ЛЮДЯХ ЦЕРКОВНЫХ»

Степанова Ю.С., ORCID 0009-0008-9743-728X

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

yu.stepanova.donnu.jur@mail.ru

Введение. Изучение юридической техники древнерусских памятников права, к которым относится и Устав князя Владимира Святославича «О десятинах, судах и людях церковных» (далее по тексту – Устав, Устав князя Владимира), позволяет выявить первоосновы формирования языка права, законодательной системы и отраслевого деления современного отечественного права.

Цель исследования – выявить юридико-технические особенности Устава князя Владимира (специфику нормативного построения, терминологического аппарата).

Основная часть. Юридическая техника Устава князя Владимира, анализируемая нами по его Оленинской редакции [1, с. 139-140], демонстрирует переходный характер от обычного права, существовавшего, как правило, в устной форме, к писанному.

Структура Устава отражает определенную системность, характерную для правовых актов периода формирования государственности.

Документ начинается с религиозного обоснования акта (п. 1), что соответствует правилам юридической техники того времени, когда легитимность государственных актов подкреплялась религиозной санкцией. Как отмечает В.А. Томсинов, «правовой акт, имеющий религиозное обоснование, приобретал особый авторитет в глазах населения» [2, с. 12]. Это особенно важно в контексте принятия христианства как государственной религии, когда княжеская власть стремилась укрепить свою легитимность через связь с церковной идеологией.

Структура Устава соответствует схеме:

преамбула (пп. 1–2) → *обоснование* (п. 4) → *волеизъявление* (пп. 5–6) → *предмет регулирования* (пп. 9–10) → *санкции* (п. 8)

Такая последовательность отвечает правилам логичного построения нормативного акта, хотя и не достигает совершенства, характерного для более поздних систем права.

Особенностью структуры является отсутствие рубрикации текста и выделения структурных единиц: главы, статьи, пункты. Вместо этого

используется сплошная нумерация пунктов, что, однако, позволяет выделить основные смысловые блоки документа [2, с. 78].

Логическая структура Устава в целом последовательна, но содержит определенные недостатки, характерные для периода становления писаного права. В п. 8 («А кто вступит на мое дание, суд мне с тем пред Богом, а митрополиту проклинати его сбором» [1, с. 140]) находит формальное закрепление сокращенная санкция – проклятие. Она не содержит конкретного вида и меры наказания, что объясняется переходным характером правосознания и неразвитостью юридической техникой. Особо следует отметить, что логическая структура документа не соответствует реальной системе правоприменения, которая включала вечевой, княжеский и церковный компоненты. Устав рассматривает только церковный компонент, игнорируя остальные.

При анализе содержательных правил выявлены следующие недостатки, впрочем, характерные для незрелой системы права. Во-первых, документ демонстрирует отсутствие четких определений ключевых понятий. Например, термин «церковные люди» (п. 10) дан в виде перечисления, но не имеет обобщающего определения, что приводит к неоднозначности в толковании круга лиц, подпадающих под юрисдикцию церковного суда и, как результат, текстуальным отличиям редакций Устава. Во-вторых, в Уставе наблюдается неполнота регулирования: определены предмет и субъекты церковного суда, но отсутствует регулирование процедуры рассмотрения дел, порядка вынесения решений, их обжалования.

Лингвистические особенности Оленинской редакции Устава отражают как влияние греко-римской (византийской) правовой традиции, так и специфику древнерусского правового языка.

Понятийно-категориальный аппарат Устава князя Владимира сформирован как исконно русскими терминами и понятиями (субъекты права, названия правонарушений и т.д.), так и терминологией греко-римского (византийского) права. В документе используются специфические юридические термины, заимствованные из византийского права: «номоканун» (п. 4), «митрополит» (п. 2). Однако их использование не всегда соответствует оригинальному значению. Например, термин «номоканун» использован не в качестве отсылочной нормы, а в идеологических целях. Термин «устав» в контексте исследуемого документа уже приобрел специфическое юридическое значение как форма княжеского правотворчества.

В документе также наблюдается использование перечислительной конструкции (пп. 9–10), что является важным шагом в развитии правовой техники. Однако перечисления носят случайный характер, поэтому их применение в древнерусских правовых документах свидетельствует о попытках систематизации и конкретизации правовых норм.

Особое значение имеет понятие «церковные люди» (п. 10), которое впервые в древнерусском праве получает содержательное наполнение посредством перечня лиц. К категории «люди церковные» п. 10 Устава относит членов причта и монашество: игумен, игумения, (поп, попадья), поповичеве, чернец, черница, дьякон, дьяконовая, проскурница, пономарь, дьяк и вси причетници церковнии.

Казуальное перечисление в п. 9 дел («тяжь»), переданных под юрисдикцию церкви, построено не по отраслевому, а по конкретно-предметному принципу и включает, как сугубо церковные дела, так и светские, относящиеся к сфере семейно-брачных отношений.

Важной юридической конструкцией Устава является разделение юрисдикции между светской и церковной властью – с одной стороны, субъектом, с другой стороны, характером дела. В Уставе это разделение представлено в п.п. 9–11, где определяются категории дел и лиц, относящихся к церковной юрисдикции.

Заключение. В результате проведенного анализа Устава князя Владимира можно выделить следующие юридико-технические особенности. Юридическая техника Устава князя Владимира характеризуется архаичностью, проявляющейся в казуистичности, отсутствии абстрактных формулировок и смешении правовых и религиозных санкций. Структура документа сочетает историческую преамбулу, нормативные предписания и санкции, что свидетельствует о развитой для своего времени форме правового акта. Ключевыми приемами техники являются развернутое казуальное перечисление предметов регулирования и субъектов права, а также лично-иммунитетный принцип определения юрисдикции. Анализ Устава позволяет заключить, что он заложил основы отраслевого разграничения (церковное право – светское право) и стал важным шагом в формировании отечественной системы права.

Список литературы

1. Российское законодательство X-XX веков: в 9 томах. – Т. 1 / под общей ред. д.ю.н., проф. О.И. Чистякова; отв. ред. тома член-корр. АН СССР, д.ист.н., проф. В. Л. Янин. – М. : Изд-во «Юридическая литература», 1984. – 432 с.
2. Томсинов В.А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2009. – № 4. – С. 3–26.
3. Савченко Д.А. Правовая система Древней Руси XI – XII вв. // Развитие территорий. – 2015. – № 3. – С. 77–82.

О РУССКОЙ ПРАВДЕ

Тишаков М.П., канд. юрид. наук, ORCID 0000-0002-3311-2370
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», г. Москва, РФ
TMaxim7@yandex.ru

Введение. Русская Правда представляет собой наиболее древнейший из дошедших до нас кодифицированных сборников различных правовых норм древнерусского государства, созданный в начале XI века и сохранявший правовой статус в отдельных регионах до XVI в. Небезосновательно Русская Правда считается одним из главных письменных источников содержащих нормы русского права, в последующем послуживших основой для развития более позднего законодательства.

Основная часть. По поводу самого издания Русской Правды, то ее первая версия, которая дошла до наших времен была найдена и представлена для ознакомления академической общественности выдающимся отечественным государственным деятелем, историком В.Н. Татищевым в 1737 году. Однако истинное значение древнего памятника права было установлено несколько позже, споры о его происхождении и датировке ведутся и поныне. Только спустя три десятилетия впервые был опубликован текст Русской Правды, немецким историком, профессором А. Л. Шлёцером [1]. Подготовленное издание являет собой первую публикацию Краткой редакции, тиражом в 647 экземпляров, согласно Новгородскому списку, именуемому еще Академическом. В предисловии к работе, профессор указывает: «До сих пор они были скрыты в рукописных книгах, как к сысканию, так и наипаче к чтению и разумению весьма трудных». И действительно, даже в настоящее время, в силу множества выявленных списков Русской Правды их отдельные положения трактуются неоднозначно, а порой имеют вообще противоположное понимание у представителей академической науки.

Опубликованный исторический памятник древнерусского права, А.Л. Шлёцер, разделяет на две части, именует следующим образом «правда ЯРОСЛАВЛЯ» и «правда ИЗЯСЛАВЛЯ». При этом никоим образом в данной публикации не упоминается имя первооткрывателя Русской Правды – В.Н. Татищева, обходя этот вопрос вниманием и несколько искажая истинное происхождение документа. «Все законы одного народа, – говорит А. Л. Шлёцер, – хотя бы они в различные времена и при различных обстоятельствах даваны были, составляют одну цепь, до концов которые иначе добрать не можно, как разве прошедшие ее всю». Это умозаключение наиболее емко характеризует роль и значение

для русской истории государства и права Русской Правды, как выдающегося и значимого исторического памятника права.

И только в 1786 году увидел свет найденный В.Н. Татищевым список, содержащийся в Новгородской летописи. Где уже отдавалась дань личности первооткрывателя и указывалось: «Законы древние Руские, для пользы всех любомудрых собранные и неколико истолковыванные Тайным Советником Васильем Татищевым» [2]. Проявившийся среди научного сообщества интерес к письменным источникам древнерусского права обусловил активный поиск. По итогу, спустя два года, отечественным историком В.В. Крестинным был подготовлен для публикации новый список, под названием «Суд Ярославь Володимировича, Правда Русская [3]», являющегося Пространной редакцией «Русской Правды» именуемый еще ««Крестининским списком»». В последующем исследователями найдено значительное количество списков Русской Правды, в которых есть отдельные различия не позволяющие достоверно установить содержание первоисточника, не дошедшего до нас в аутентичном виде.

Выявленные списки подразделяются на Краткую и Пространную редакцию, спор о первичности, которых, по отношению к друг к другу так и не позволяет выявить истину [4]. Поэтому можно лишь с высокой долей вероятности говорить о первоначальном возникновении Краткой редакции Русской Правды, а потом последующего ее дополнения и появлении Пространной редакции. Как известно, выделяют и третью редакцию, к которой относят Сокращенный вариант, выявленный в списках XVII в., но датируемый несколькими столетиями ранее. Данная редакция не является механическим сокращением, так как имеет свои особенности и дополнения, не присутствующие в списках Пространной Правды. Поэтому исследователи выделяют в качестве еще одной редакции как раз Сокращенную Правду [5]. Такой подход позволяет не просто скрупулезно проследить появление различных редакций источника древнерусского права в связи с происходящими изменениями, но также охарактеризовать на примере данного исторического памятника трансформацию такого подхода в юридическом акте.

Необходимо понимать, что тот текст, который видим в современной учебной литературе – его разделения на части (статьи) – это попытки исследователей приспособить изложение к общепринятому отражению юридических текстов. Структурное деление еще не было известно в период составления памятника древнерусского права, является результатом последующей переработки и адаптации к современным условиям, с учетом существующих правил юридической техники и логического построения правовых документов. В связи с этим необходимо более пристально подходить к изучению положений Русской Правды, ее редакции, источника публикации, то есть конкретного списка, вносимых в него правок (искажений), различных подходов к толкованию. Важным является работа именно с первоисточниками, позволяющими проследить

изменения вносимые в более новые редакции, с учетом допущенных при копировании писарями прошлого искажений.

В свете изложенного следует отметить выводы отечественного историка государства и права, профессора С.В. Юшкова, в частности, о значимости Русской Правды, в первую очередь, как источника права, а только потом литературного памятника. Однако следует понимать, что последнее позволяет расширить подходы к происхождению и буквальному содержанию данного исторического памятника права. Значимыми являются и выводы профессора о содержательном наполнении Русской Правды, которыми являются именно нормы феодального права, а не древних обычаев. Помимо этого, в качестве ключевого источника Правды выступают результаты правотворческой и судебной деятельности князей, что по итогу придавало правилам официальный характер [6]. Существенной стала аргументация позиции об общерусском значении Русской Правды, то есть как памятника именно русского права, развенчивая таким образом подход о зарубежном происхождении. Изменения содержания обуславливались развитием норм права, что стало совершено явным за счет глубокой и скрупулезной классификации различных списков Русской Правды. Данные позиции поддерживали современники С.В. Юшкова, в частности историк-археолог А.А. Зимин [7].

Заключение. Для отечественной исторической и историко-правовой науки важным является критический анализ положений Русской Правды, использование различных подходов, но в тоже время их научное обоснование на конкретных фактах, а не домыслах. В целом по своему содержанию и буквальному толкованию Русская Правда является беспрецедентным по своей значимости историческим памятником права, который даже спустя столетия не перестает таить в себе тайны.

Список литературы

1. Правда русская данная в одиннадцатом веке от великих князей Ярослава Владимировича и сына его Изяслава Ярославича / А.Л. Шлещер. – СПб:Имп. Акад. наук, 1767. – 15 с.
2. Продолжение Древней российской вивлиофики. Ч. 1. – СПб: Имп. Акад. наук, 1786. – 254 с.
3. Продолжение Древней российской вивлиофики. Ч. 3. – СПб: Имп. Акад. наук, 1788. – 283 с.
5. Правда Русская: В 3 т. / под общ. ред. Б. Д. Грекова. – Т. I – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР. – 1940. – 506 с.
6. Тихомиров, М. Н. Пособие для изучения Русской Правды / М.Н. Тихомиров. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1953. – 192 с.
7. Русская Правда: происхождение, источники, ее значение / С.В. Юшков; под ред. В. А. Томсинова. – Москва: Зерцало, 2010. – 328 с.
8. Залоило, М. В., Пашенцев, Д. А. Дискуссия 1950 г. о «Русской правде» С. В. Юшкова (к 135-летию со дня рождения ученого) // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 4 (126). – URL: <https://history.jes.su/s207987840024815-5-1/> (дата обращения: 01.10.2025). – DOI: 10.18254/S207987840024815-5

РУССКАЯ ПРАВДА – ПЕРВЫЙ СБОРНИК ПРАВОВЫХ НОРМ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Хань Г.А., канд. юрид. наук, ORCID 0009-0007-9829-0876,

Осляк Н.В., ORCID 0009-0008-0866-8968

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

g.khan.donnu.jur@mail.ru

Введение. Возникновение государства, государственной власти всегда в истории сопровождается появлением письменного права, законов, которые закреплены в письменной форме, однозначны в своей трактовке и обязательны к исполнению всем населением этого государства. Возникновение государства означает кардинальное изменение общественных отношений. Правовые нормы обычного права, характерные для догосударственных общественных отношений уже не могут удовлетворить потребности общества. Обычное право характерно для общественных отношений, в которых отсутствует социальное неравенство и государственная власть. Русская Правда стала первым юридическим документом оформившим появление древнерусского государства.

Цель исследования – историко-правовой анализ Русской Правды, как первого письменного сборника правовых норм древнерусского государства.

Основная часть. Русская Правда, как исторический документ, была введена в научный оборот В.Н. Татищевым, который в 1737 году обнаружил ее Краткую редакцию [1]. В настоящее время, Русская Правда известна исследователям в Краткой, Пространной и Сокращенной редакциях.

Оригинальный текст Русской Правды не сохранился до наших дней. Имеются более поздние списки в составе сборников и летописей. Краткая Правда существует в составе двух аутентичных списков в составе Новгородской первой летописи младшего извода Комиссионный (Археографический) список и Академический список, относящихся к XV веку. Пространная редакция известна примерно в 100 списках, относящихся к XIII-XV векам в составе различных сборников и летописей, из которых наиболее древним является список, входящий в состав Синодальной Кормчей. Кормчие книги, это сборники церковных и светских законов. Сокращенная редакция известна в двух списках Кормчих книг XVII века.

Краткая Правда включает в себя 43 статьи и состоит из четырех частей: Правда Ярослава (ст. 1-18), Правда Ярославичей (ст. 19-41), Покон вирный (ст. 42, определяет порядок кормления вирников, сборщиков вир, судебных штрафов) и Урок мостникам (ст. 43, определяет порядок оплаты работы строителей мостов).

Создание древнейшей части, Правды Ярослава, большинство исследователей связывают с деятельностью Ярослава Мудрого в бытность его новгородским князем в период с 1016 года и до 1030 годов [2, с. 55-56]. Действие Правды Ярослава распространялось на жителей Господина Великого Новгорода. Правда Ярослава основывалась на нормах восточнославянского обычного права, но вводила некоторые новшества, связанные с развитием общественных отношений, например, кровная месть сохранялась, но ограничивалась узким кругом родственников.

Правда Ярославичей (сыновей Ярослава Мудрого) относится к 1072 году. Ее действие распространяется уже на всю территорию древнерусского государства и отражает дальнейшую эволюцию общественных отношений. Так, значительное место в ней занимают вопросы юридической защиты княжеского имущества и людей, работающих на князя.

Пространная редакция Русской Правды появляется в начале XII века и состоит из двух частей Устава Ярослава Владимировича и Устава Владимира Мономаха. Пространная редакция включает в себя 121 статью. Эта редакция фиксирует процесс развития феодальных отношений в государстве, социальную дифференциацию, развитие княжеского и боярского землевладения, защиту прав собственности, а также запрет кровной мести и замена ее дифференцированным штрафом, отражающим закрепление в общественных отношениях социального неравенства.

Сокращенная редакция Русской Правды содержит 50 статей и, по мнению большинства исследователей, является более поздним документом, составленным в XVI-XVII веках. Эта редакция является попыткой приспособить юридические нормы к реалиям развитого феодального общества путем исключения из Пространной редакции устаревших статей [3].

Анализируя содержательную часть Русской Правды (на основе Пространной редакции) можно отметить, что в ней содержатся нормы уголовного права, процессуального права, частного права, наследственного права, определены социальные категории населения древнерусского государства.

Уголовно-правовые нормы регламентируют наказание за умышленное и неумышленное убийство. Кровная месть разрешена Правдой Ярослава для близкого круга родственников, но запрещена Правдой Ярославичей и заменена на уплату «виры», то есть штрафа в пользу князя и «головничества», платы родственникам пострадавшего. Также предусмотрены платы пострадавшим «за обиду» и «уроки», платы хозяину за украденную или испорченную вещь. Введено понятие «продажа» – штраф за другие, менее тяжкие преступления. Наиболее тяжкими преступлениями, помимо убийства считались разбой, поджог и конокрадство. За эти преступления предусматривалось «поток и

разграбление», когда преступник и его семья обращались в рабство, а его имущество подвергалось разграблению (делилось между членами общины). Следует отметить, что размер штрафов был различным, в зависимости от социального положения лица.

Нормы процессуального права устанавливали наличие княжеского суда по уголовным преступлениям, который осуществлялся представителями князя. В дальнейшем правовые нормы, установленные Русской Правдой, использовались также на церковном суде. По гражданским делам процесс носил состязательный характер с равноправием сторон, и правом сторон самостоятельно проводить процессуальные действия и предоставлять доказательства.

Нормы частного права регулировали имущественные отношения. В частности, предусматривалась возможность ростовщичества.

Наследственное право предусматривало наследование имущества и прав по закону и по завещанию.

Русская Правда определяла социальные роли различных слоев населения древнерусского государства. Знать в лице князей и бояр, а также лиц, состоящих на службе князей. Рядовое свободное население: русин, гридень, купчина, мечник, изгой. Зависимое население: смерды, холопы, закупы, рядовичи.

Заключение. В ходе исследования проведен историко-правовой анализ Русской Правды, как первого письменного сборника правовых норм древнерусского государства. Русская Правда отражает в юридической плоскости процесс формирования древнерусского государства. Русская Правда была основой законодательства вплоть до XVII века и оказала большое влияние на юридическую практику как русских земель, так и Великого княжества Литовского.

Список литературы

1. Правда Русская / Под ред. акад. Б. Д. Грекова. – Т. I. Тексты / Подгот. к печати В. П. Любимов и др. – М; Л., – 1940. – 505 с.
2. Русская правда: [арх. 2 декабря 2022] / П. В. Лукин // Румыния – Сен-Жан-де-Люз. – 2015. – С. 55-56.
3. Правда русская / А. А. Зимин; М-во юстиции РФ. Рос. правовая акад. и др. – Москва: Древлехранилище, 1999. – 421 с. – ISBN: 5-87210-159-7

ОСОБЕННОСТИ ЦЕРКОВНОГО ПРАВА ДРЕВНЕЙ РУСИ (ПО УСТАВУ КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА ВЛАДИМИРОВИЧА)

Щербинина Е.В., ORCID 0009-0008-3890-8176

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
scherbinina@mail.ru

Введение. В изучении отечественного государства и права до сих пор существуют пробелы, на которые современным исследователям следует обратить внимание. Можно надеяться, что эти новейшие исследования внесут весомый вклад в изучение и понимание основных этапов, тенденций и составляющих того непростого эволюционного процесса, которым характеризовалось формирование государственной и правовой системы нашего государства с древнейших времен до настоящего времени.

К одному из таких малоизученных в истории государства и права объектов исследования можно отнести Устав князя Ярослава Владимировича, который, по мнению С.В. Юшкова, «один из наименее изученных памятников, характеризующих юрисдикцию русской церкви в феодальную эпоху» [1, с. 257]. Этот сборник существовавший в нескольких редакциях в определенное время регламентировал функционирование всех институтов православной церкви, включая церковный суд, жизнь общества в сфере церковной юрисдикции, взаимоотношения церковной и государственной администраций.

Цель исследования – историко-правовой анализ Устава князя Ярослава Владимировича как источника права Киевской Руси XII в. И его роли в формировании правовой системы Российского государства.

Основная часть. Устав князя Ярослава Владимировича (далее Устав Ярослава, Устав) был по определению А.С. Павлова логическим продолжением устава Владимира и дополнением Русской Правды [2, с. 101]

В литературе существует много научных споров по поводу подлинности данного устава и времени его написания. Современные исследователи пришли к выводу, что архетип Устава Ярослава сложился в XI – начале XII в. [3, с. 301-302]. Устав Ярослава более подробно и четко определяет юрисдикцию церковного суда, указывая при это на виды судебных взысканий. Более определенно выглядит и разграничение между церковной и светской судебной юрисдикцией. Устав Ярослава, по мнению исследователей, олицетворял собой уже вторую степень оформления церковного права в Киевской Руси [3, с. 308]. Большинство изложенных в нем правовых норм церковного права основаны не на византийском Номоканоне, а на местных обычаях и древнерусской судебной практике. Целью создания этого документа была необходимость отграничения церковного суда от светского, княжеского.

Устав Ярослава представляет собой памятник русского церковного права, значительно отличавшийся от византийских церковно-правовых

образцов – номоканонов, а также светских законодательных сводов. Это отличие проявляется в нескольких направлениях.

Во-первых, включение в церковную юрисдикцию на Руси большого круга дел, которые в Византии регулировались на основе светского законодательства (похищение невесты, кража, оскорбление, поджог, умышленное уничтожение имущества).

Во-вторых, в Устав были включены новые составы преступлений, не известные византийскому праву. К сфере ведения церковных судов относились и такие действия, которые по византийскому праву вообще не подлежали судебному разбирательству как светским, так и церковным судом. К ним относились языческие брачные обряды, ответственность за «невступление в брак» девушки или попытки самоубийства вследствие превышения власти родителей (через принудительный брак), убийство во время свадьбы и т.д.

В-третьих, церковь на Руси в качестве наказаний за церковные преступления стала применять обычные имущественные наказания, а не существовавшую в Византии систему наказаний (в частности, телесных).

И, наконец, четвертым содержательным отличием есть появление полного судебного иммунитета церковных людей не только от светской власти, но и от суда князя.

Таким образом, в Уставе Ярослава речь идет уже о предметах церковного суда, требующих точного и детального определения – указывается степень судебных взысканий и особенности назначения наказания за различные преступления, более подробно излагаются положения об отношениях светской и церковной властей между собой и их права в сфере суда.

Заключение. Устав Ярослава оказал огромное влияние на развитие законодательства в Киевской Руси, он послужил первоначальной почвой, на которой развивалось законодательство других удельных княжеств. После великих князя Ярослава в истории древнего русского церковного права наступает период местного применения и, отчасти, видоизменение общерусских церковно-юридических предписаний, выраженных в уставах великих русских князей. В этот период, равно как и в дальнейшем, мы не встречаем в истории древнего русского церковного права новых великокняжеских законодательных актов, имеющих такое же общее значение для юридической жизни русской церкви, которое имел для нее устав Ярослава.

Список литературы

1. Памятники русского права / под ред. С.В. Юшкова. – Вып. 1. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. – 287 с.
2. Павлов, А. С. Курс церковного права / А.С. Щапов. – Сергиев Посад: Изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902. – 552 с.
3. Щапов, Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI– XIV вв. / Я. Н. Щапов. – М., «Наука», 1972. – 344 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Административное, финансовое и экологическое право

<i>Бакаева О.Ю., Величко Д.Д.</i> Способы разрешения таможенных споров: статистический анализ	5
<i>Барбашова Н.В., Акопов Н.В.</i> Роль государственной политики в стимулировании цифровизации экологического управления.....	8
<i>Барбашова Н.В., Алексеева Т.А.</i> Экологическая безопасность и проблемы водоснабжения в условиях конфликта на Украине: анализ регионального законодательства Донецкой Народной Республики	12
<i>Барбашова Н.В., Сташко Е.А.</i> Проблемные аспекты законодательного регулирования земельного правопорядка в области градостроительства	15
<i>Богатырь Н.В.</i> Ответственность за нарушение законодательства о персональных данных в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: актуальные проблемы	18
<i>Воронцова С.В., Воронцов Ю.С.</i> Приоритетные направления развития жилищно-коммунального хозяйства	21
<i>Гарькавенко Л.В.</i> К вопросу о роли полиции в обеспечении административно-правовых режимов: военного и чрезвычайного положения на территории новых субъектов Российской Федерации	24
<i>Забаренко Ю.А.</i> Анализ некоторых аспектов административной ответственности за несоблюдение требований пожарной безопасности (в разрезе статьи 20.4 КОАП РФ)	27
<i>Каблов Д.С., Ткаченко Д.А.</i> Административно-правовое регулирование права граждан на обращение в органы внутренних дел РФ	30
<i>Каблов Д.С., Фоменко А.С.</i> О правовом обеспечении государственной поддержки фермеров и сельскохозяйственных производителей	33
<i>Карпов К.А.</i> Финансово-правовое регулирование криптовалютного рынка как части рынка ценных бумаг Индии	36
<i>Кинаш Я.И., Кинаш Ю.Я.</i> Административно-правовая защита интеллектуальной собственности	39
<i>Косяк Е.Л.</i> Проблемные вопросы квалификации дискредитации использования вооружённых сил Российской Федерации как административного правонарушения	42
<i>Котляр А.В.</i> Социальная обусловленность административно-правовой охраны права граждан на свободу объединения	45
<i>Котляр А.В., Шамрей Д.С.</i> Особенности правового статуса Министерства культуры Российской Федерации	48
<i>Матвиенко Е.А., Высоцкий М.С.</i> Эволюция правового регулирования экологического предпринимательства в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ	51
<i>Матвиенко Е.А., Молодых А.А.</i> Соотношение федерального и регионального уровней законодательного регулирования использования и охраны природных ресурсов в Российской Федерации	54

<i>Матвиенко Е.А., Свешников И.А.</i> Соотношение частных и публичных интересов в земельном праве: проблемы баланса	58
<i>Новак А.Ю.</i> О правовом регулировании механизма налогового администрирования	61
<i>Орехов К. Ю.</i> Противодействие необоснованному получению налоговой выгоды в результате манипулирования ценами при операциях с цифровой валютой	64
<i>Пашков С.Н., Литвинов В.А.</i> О финансово-правовом статусе счетной палаты Российской Федерации	67
<i>Пашков С.Н., Малютин В.В.</i> О финансово-правовых основах формирования и деятельности кредитных потребительских кооперативов	70
<i>Пашков С.Н., Садчиков Е.О.</i> Политика импортозамещения как административно-правовой инструмент продовольственной безопасности	73
<i>Педерсен И.А., Попов С.А.</i> К вопросу об ответственности за нарушения в бюджетной сфере	77
<i>Певтисев О.В., Манжула Т.Ю.</i> Правовое регулирование контроля в бюджетной сфере: современное состояние и перспективы развития	80
<i>Подмаркова И.П., Шейкина П.П.</i> Проблематика содержания правового института банковской тайны	83
<i>Сулименко А.Д.</i> Согласованные действия и коллективное доминирование: к вопросу о соотношении норм антимонопольного законодательства	86
<i>Сынкова Е.М., Калус А.И.</i> Налоговый контроль за использованием контрольно-кассовой техники	89
<i>Сынкова Е.М., Малиновская И.С.</i> Организационно-правовое обеспечение деятельности арбитражных судов в Российской Федерации и Республике Беларусь	92
<i>Сынкова Е.М., Чурон М.В.</i> Правовые аспекты управления машиностроительным комплексом	95
<i>Цыба Е.В., Анпазова Е.С.</i> О процессе доказывания в административно-правовых спорах	98
<i>Цыба Е.В., Асташенко С.А.</i> Административно-правовые гарантии защиты интересов малого предпринимательства в Российской Федерации	101
<i>Швец А.В.</i> Сущность, понятие и признаки административно-правового механизма обеспечения прав граждан органами прокуратуры	103

Конституционное и международное право

<i>Баринов Э.Э., Васильченко С.С.</i> Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации в системе российской публичной власти.....	106
<i>Баринов Э.Э., Вертий Ю.М.</i> Конституционно-правовые основы и тенденции модернизации обеспечения информационной безопасности России	109
<i>Баринов Э.Э., Туров С.С.</i> Обеспечение национальной безопасности как основание ограничения конституционного права на гражданство Российской Федерации	112
<i>Загородний В.В.</i> Международное сотрудничество Японии в сфере кибербезопасности	115

<i>Кулакова Е.В., Скрыльников А.В.</i> Трансформация механизмов защиты прав человека и потенциал России	118
<i>Кулакова Е.В.</i> Правовая природа различных видов законов в российской правовой системе	121
<i>Латидус О.С., Титов А.Н.</i> Особенности положения юридического лица в статусе субъекта международного частного права	126
<i>Латидус О.С.</i> К вопросу о правовом понятии термина «культурное наследие» и его содержании	128
<i>Макаренко Г.И.</i> Некоторые факты деятельности государственных органов по обеспечению личных прав граждан (на примере Крыма и Севастополя)	131
<i>Маркина Е.В., Ковтюх А.А.</i> Модернизация региональных избирательных систем в современных геополитических условиях	134
<i>Маркина Е.В., Садченкова Д.Р.</i> Проблемные аспекты обеспечения конституционного права на неприкосновенность частной жизни в России	137
<i>Одегова Л.Ю., Соловьёва Ю.А.</i> Тенденции формирования альтернативных валют и платежных систем	140
<i>Поляков В.Ю., Полякова Н.Г.</i> К вопросу о роли конституционного суда РФ в развитии конституционализма	143
<i>Савченко Е.В.</i> Технологические аспекты и инновации в юриспруденции	146
<i>Тимофеева А.А.</i> Правовой аспект международного сотрудничества органов местного самоуправления	149

Уголовное право, уголовный процесс, криминалистика и прокурорская деятельность

<i>Бабичев Д.А., Кулинич Н.А.</i> Роль и признаки исполнителя в совершении преступления в соучастии	152
<i>Барвинская Ю.С.</i> Концепция психического насилия в теории права	155
<i>Богдан В.М.</i> Цифровизация уголовного законодательства: вызовы и перспективы в эпоху искусственного интеллекта	158
<i>Богославская К.Э.</i> Актуальные проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности как источника доказательств	161
<i>Бритвак Н.</i> Применение экспертного света для обнаружения следов пальцев рук и ладоней человека	164
<i>Дадаева М.И.</i> Некоторые вопросы цифровой активности сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: правовые запреты и цели безопасности	166
<i>Дерябкин А.А.</i> Зарубежный опыт правового регулирования розыска без вести пропавших лиц (на примере США и ФРГ)	169
<i>Забержинский Б.Э., Суприна М.В.</i> Профайлинг преступлений и искусственный интеллект	172
<i>Карпенко Л.К., Мноев В.В.</i> Социально-психологические факторы вовлечения молодежи в террористическую деятельность	176
<i>Карпенко Л.К., Солоненко К.М.</i> Актуальные вопросы уголовной ответственности за организацию занятия проституцией в Darknet	179

<i>Карягина О.В.</i> Анализ объективных признаков преступления экстремистской направленности	182
<i>Колосова В.А.</i> К вопросу об особенностях уголовной ответственности несовершеннолетних	185
<i>Корниенко С.В.</i> Основные концепции уголовной ответственности несовершеннолетних	188
<i>Коришанова О.Н.</i> Предмет участия прокурора в рассмотрении дел судами вне уголовного судопроизводства	190
<i>Латышев О.Ю.</i> Особенности криминальной активности как формы девиантного поведения несовершеннолетних и социальной реакции на нее	194
<i>Левендаренко О.А.</i> Правоприменительная практика судебных и правоохранительных органов как основа научных исследований в сфере уголовного судопроизводства	196
<i>Манивлец Э.Е., Аллаев И.М.</i> Некоторые квалифицирующие признаки составов воинских преступлений	199
<i>Миргородский А.А., Леусенко Л.В.</i> Актуальные проблемы трасологии в современной России (постановка проблемы)	202
<i>Мурашкин И.Ю.</i> Актуальные вопросы противодействия коррупции в сфере реализации национальных проектов	204
<i>Новиков С.В., Шахмаев М.М.</i> Формирование правосознания учащихся и профилактика вовлечения молодежи в правонарушения экстремистского и террористического характера в рамках учебных сборов по основам военной службы	207
<i>Пигузов М.Н., Кулебякина М.З.</i> Криминологическая характеристика незаконного оборота наркотиков	212
<i>Поваляев Э.А.</i> Технологии БПЛА в криминалистическом осмотре места ДТП: анализ возможностей и эффективности	215
<i>Протасов Д.В.</i> Проблемы рассмотрения гражданского иска по уголовному делу	218
<i>Руденко В.П., Боленкова А.Н.</i> Ретроспективный анализ института отказа в возбуждении уголовного дела	222
<i>Руденко В.П.</i> Понятие и сущность уголовно-процессуального института отказа в возбуждении уголовного дела	225
<i>Семенов Е.А., Понтелева М.А.</i> Внедрение искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство: перспективные направления	228
<i>Семыкина Л.А., Котикова Д.Б.</i> Понятие и объективные свойства уголовного наказания	231
<i>Срабионян С.Б.</i> Проблемы отсутствия обязательного допроса обвиняемого в рамках применения института особого производства по уголовным делам	234
<i>Старовойтова Ю.Г.</i> К вопросу о квалификации причинения вреда с использованием беспилотных воздушных судов	237
<i>Студенникова М.Н.</i> Перспективность использования беспилотных летательных аппаратов в деятельности органов предварительного расследования	240

<i>Татьянина А.В., Косяченко М.С.</i> Освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности: некоторые вопросы реализации	243
<i>Татьянина А. В., Сапрыкин В.Ю.</i> Взяточничество: уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации	246
<i>Татьянина А.В.</i> Направления совершенствования уголовной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость ...	249
<i>Тимошенко Н.А., Розуменко П.В.</i> Особенности уголовно-правовой характеристики неправомерного оборота средств платежей по законодательству зарубежных стран	252
<i>Тимошенко Н.А., Суринова А.В.</i> Интеграция гражданско-правовых норм в уголовно-правовую квалификацию преступлений в сфере экономической деятельности: анализ судебной практики	255
<i>Тимошенко Н.А., Титова К.В.</i> Актуальные вопросы применения нормы, устанавливающей уголовную ответственность за оставление в опасности ..	259
<i>Титов А.Н., Голобородько В.И.</i> Признаки коррупционности преступлений	262
<i>Ушакова К.С.</i> Экоцид и его правовая регламентация	265
<i>Хазов Д.Е.</i> Дополнительная криминализация неправомерного оборота средств платежей: проблемные вопросы	268
<i>Хань Г.А. Мостовая Т.С.</i> Современный зарубежный опыт использования криминалистических средств и цифровых технологий при расследовании преступлений	271
<i>Хань Г.А., Осляк Н.В.</i> Обеспечение конституционных прав и свобод граждан при производстве следственных действий	274
<i>Чихрадзе А.М., Березовская Ю.Э.</i> Проблемы привлечения и освобождения от уголовной ответственности по налоговым преступлениям	277
<i>Чихрадзе А.М., Березовский Д.И.</i> Особенности правовой регламентации факультативных признаков уголовном праве Российской Федерации	280
<i>Чихрадзе А.М., Кондрат А.А.</i> К вопросу о понятии потерпевшего в российском уголовном праве	283
<i>Шаповалова Т.И.</i> Возможности применения нетрадиционных методов допроса ..	286

Гражданское право и процесс

<i>Анисимкин А.А.</i> К вопросу об обращении взыскания на имущество должника по исполнительному производству	290
<i>Асеева Н.В., Гокунь Ю.С.</i> Правовой и социальный феномен посмертной репродукции в России и зарубежных государствах	292
<i>Бикбаев Р.Р.</i> Санкции и публичный порядок в спорах о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и арбитражей	294
<i>Богатко А.Г.</i> Правовые коллизии правового статуса отчима (мачехи) по законодательству России на примере семейного и трудового права	297
<i>Войтов В.В.</i> Сведения, охраняемые как коммерческая тайна: понятие и условия их защиты	300

<i>Гольшиева А.В., Гольшиев В.Г.</i> О корпоративном объединении как правовой категории	303
<i>Гришина И.В.</i> Правовые формы и механизмы участия работников в распределении прибыли корпорации в России	306
<i>Дихаминджия Н.З.</i> Злоупотребление правом при банкротстве граждан	309
<i>Еременко Л.В., Макаренко Д.Д.</i> Перспективы совершенствования законодательства Российской Федерации в сфере государственной поддержки малого и среднего предпринимательства	312
<i>Ефремова А.В.</i> Искусственный интеллект: субъект или объект трудовых правоотношений	315
<i>Кривицкая Ю.С.</i> Проблемы имущественных правоотношений супругов	318
<i>Липинский В.В., Страшевский В.С.</i> Правовая природа и незаконное использование товарного знака	320
<i>Липинский В.В.</i> Секрет производства (ноу-хау) как объект права интеллектуальной собственности	323
<i>Максимов В.А., Тарасевич К.А.</i> Справедливость как методологическая основа гражданско-правовой материи	326
<i>Навальнева Н.С.</i> Инновации и цифровизация в гособоронзаказе в Российской Федерации	330
<i>Нестеренко И.Ю.</i> Содержание публичного договора	334
<i>Нигматзянова Д.А.</i> Некоторые аспекты международного оборота цифровых финансовых активов	337
<i>Одегова Л.Ю., Григорьева Н.В.</i> Государственный алиментный фонд: новый шаг в социальной политике Российской Федерации	340
<i>Одегова Л.Ю., Леонов Н.В.</i> Особенности правового регулирования искусственного интеллекта	343
<i>Охременко С.И., Лозовская А.С.</i> Организационно-управленческая деятельность юриста	346
<i>Пефтиев О.В., Лысак Е.М.</i> Реализация права на судебную защиту: вопросы представительства	349
<i>Подмаркова И.П., Криничный И.А.</i> Проблемы правового обеспечения финансового оздоровления в ходе процедуры банкротства	352
<i>Порохов М.Ю.</i> Искусственный интеллект в судопроизводстве России: перспективы и вызовы	355
<i>Светличный В.А.</i> Взаимодействие традиционных и альтернативных способов защиты сторон недействительной сделки	358
<i>Сирик Н.В., Проскуряков К.В.</i> Проблемы предоставления обеспечения исполнения государственного (муниципального) контракта в виде независимой гарантии	362
<i>Сирик Н.В.</i> Гражданско-правовые аспекты регулирования инноваций в сфере туризма	365
<i>Смирнова Е.В., Кравченко Е.С.</i> К вопросу о проблематике правовой природы договора ренты	368
<i>Смирнова Е.В., Малая В.В.</i> Особенности исполнительного производства в зарубежных (дружественных) государствах	372

<i>Финкина А.П., Заблоцкая Д.А.</i> Цифровые права в правовых системах государств Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС): сравнительный анализ	375
<i>Финкина А.П., Корнилов И.И.</i> Особенности правового регулирования доменного адаптивного обучения систем искусственного интеллекта в РФ	378
<i>Шильникова А.А.</i> Пределы применения искусственного интеллекта в судебной системе	361
<i>Ширкова И. В.</i> Правовое регулирование цифровизации в контексте обеспечения цифрового суверенитета	364
<i>Шубников Ю.Б., Еникеева Э.Р.</i> Брачный договор как инструмент защиты бизнес-активов в России: правовые особенности и вызовы судебной практики	367

Теория и история государства и права

<i>Бардашевич Н.А.</i> Информационное насилие, как посягательство на экологические права человека	391
<i>Кононенко О.В.</i> История развития института мер пресечения в Российской Федерации	394
<i>Коробейникова К.В.</i> Правовое воспитание и обучение в условиях цифровой среды: теоретико-правовой подход	397
<i>Кусакин А.А.</i> К вопросу об оспаривании поручений Президента и Правительства Российской Федерации	400
<i>Леценко И.И., Костюк А.Д.</i> К вопросу о «презумпции согласия» посмертного донорства органов в отечественном законодательстве	403
<i>Леценко И.И.</i> Проблемы соотношения закона и благодати в политико-правовом трактате Илариона «Слово о Законе и Благодати»	406
<i>Лобанов В.Б.</i> К вопросу о высшем юридическом образовании в Южном и Северо-Кавказском федеральном округах	409
<i>Плотникова А.В.</i> Становление категориального аппарата в торговом праве в X – первой половине XVII вв.	411
<i>Рощина Л.А., Шульга Р.Р.</i> Формирование законодательной базы государственно-церковных отношений временным правительством России	413
<i>Свиридова К.Е.</i> Проблемы правового регулирования прав граждан на информацию в Донецкой Народной Республике	416
<i>Степанова Ю.С.</i> «Регулирование наиболее важных общественных отношений» – определяющий признак закона: проблемы теории и практики	419
<i>Хоруженко К.А.</i> Особенности преподавания теории государства и права в условиях образовательной среды Донецкого государственного университета. Инновационные подходы	422
<i>Чурицкая Е.О.</i> Особенности правового регулирования общественных отношений	425
<i>Шульга Р.Р.</i> К вопросу толкования норм права и пробелов в законодательстве ..	428

Круглый стол «Истоки отечественного права»

<i>Герасименко Ю.В.</i> Обычное право и византийская рецепция в правовой системе Древней Руси	431
<i>Лещенко И.И.</i> Изборник Святослава 1073 года – уникальный источник древнерусского права	433
<i>Павленко П.И.</i> Актуальность и важность русско-византийского «Договора мира и любви» второй половины IX века в концепции понимания современной международной политической ситуации	436
<i>Степанова Ю.С.</i> Особенности юридической техники памятников древнерусского права на примере Устава князя Владимира Святославича «О десятинах, судах и людях церковных»	440
<i>Тишаков М.П.</i> О Русской Правде	443
<i>Хань Г.А., Осляк Н.В.</i> Русская Правда – первый сборник правовых норм древнерусского государства	446
<i>Щербинина Е.В.</i> Особенности церковного права Древней Руси (по Уставу князя Ярослава Владимировича)	449

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ – 2025:
ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ,
КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

Материалы
X Международной научной конференции,
посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра,
5–7 ноября 2025 г.,
г. Донецк

**ТОМ 8
Юридические науки**

под общей редакцией проф. *С.В. Беспаловой*

Дизайн обложки
Технический редактор
Компьютерная верстка

А.Ю. Гурина
М.В. Фоменко
К.С. Ушакова, М.В. Фоменко

Адрес оргкомитета:

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 283001, ДНР, РФ.
E-mail: *science.prorector@donnu.ru*

Подписано в печать 28.10.2025 г.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 26,7.
Тираж 50 экз. Заказ № 25окт121/8.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Издательство ФГБОУ ВО «ДонГУ»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 22
E-mail: *donnu.izdatelstvo@mail.ru*